

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
≡ ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) ≡

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

*МАТЕРИАЛЫ
И
ИССЛЕДОВАНИЯ*

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
≡ МОСКВА · 1957 · ЛЕНИНГРАД ≡

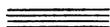
Редколлегия:

А. М. Астахова, В. Г. Базанов,

М. О. Скрипиль (ответственный редактор)

Н. В. Новиков (секретарь редколлегии)

СТАТЬИ
И
ИССЛЕДОВАНИЯ

САТИРА И ЮМОР В РУССКОМ БЫЛИННОМ ЭПОСЕ¹

1

Все жанры народного поэтического творчества в самых различных формах включают в себя сатиру. В отдельных случаях она создает основную целенаправленность произведения (особенно сатирические формы фольклора — сатирические сказки, песни, пословицы и т. п.), а иногда включается в него в виде различных элементов (комически окрашенные эпизоды, сатирические образы, иронические и юмористические замечания и т. д.).

Можно заранее предполагать, что характер сатиры (ее содержание, методы) будет различен в разных жанрах народной поэзии — в эпосе и в исторических песнях, в волшебной сказке и в бытовой, в песне и в пословице и т. д. Внутри жанра сатирические приемы видоизменяются в зависимости от того, на что сатира направлена, от идейно-художественного замысла определенной группы произведений или отдельного произведения.

Вместе с тем, при всех отличиях и оттенках народной сатиры в разных жанрах и отдельных произведениях, обнаруживаются некоторые общие ха-

¹ В статье приняты следующие сокращения:

- Аст. — Былины Севера, т. I, запись, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой, М.—Л., 1938; т. II, подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой, М.—Л., 1951.
- Гильф. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., тт. I—III. Изд. 4-е, М.—Л., 1949—1951.
- Григ. — А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. I. М., 1904; т. III, М., 1910; т. II, Прага, 1939.
- К. Д. — Древние русские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Подготовка текста, статья и комментарии С. К. Шамбинаго. М., 1938.
- Кир. — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I—X, М., 1860—1874.
- Марк. — А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901.
- Милл. — В. Ф. Миллер. Былины новой и недавней записи из разных местностей России. М., 1908.
- Онч. — Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904.
- Пар.—Сойм. — Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Предисловие и редакция А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941.
- Рыбн. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, тт. I—III. Изд. 2-е, М., 1909—1910.
- Сок.—Чич. — Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичеова. Изд. Гос. литературного музея, М., 1948.
- Тих.—Милл. — Н. С. Тихонов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи. М., 1894.

(Римскими цифрами везде обозначен том или выпуск, арабскими — страница).

рактрные особенности народной сатиры, поскольку в течение многих столетий в особых условиях устного бытования народной поэзии складывался ее художественный метод в целом. Конечно, способы сатирического изображения развивались вместе с развитием всего фольклора, претерпевая известные изменения. Но какие-то общие принципы народной сатиры отстаивались.

Для изучения этих общих художественных принципов в их развитии следует выяснить своеобразие сатирического изображения внутри отдельных жанров. Формирование ряда жанров народно-поэтического творчества происходило в определенную историческую эпоху, и жанровые особенности были связаны с характером художественного мышления народа на данном историческом этапе; это создало некоторые существенные различия между родственными жанрами (например, между былинной и исторической песней, между сказкой волшебной и бытовой и т. д.). Поэтому, изучая характер народной сатиры в отдельных жанрах, мы в то же время прослеживаем и известные этапы ее развития.

С этой стороны сатира в народном поэтическом творчестве еще мало изучена; вернее, это изучение только началось (несколько работ по сатирической сказке, отдельные наблюдения в области других жанров).

Задачей настоящей статьи является изучение характера народной сатиры в пределах одного из важнейших видов народной поэзии, получившего очень определенную жанровую специфику, — русского былинного эпоса.

Русские былины — жанр героической поэзии, складывавшийся в длительном творческом процессе в течение нескольких веков. Основное ядро русского былинного эпоса формировалось в периоды раннего феодализма и феодальной раздробленности, в эпоху продолжительной и напряженной борьбы русского народа за свою независимость с кочевыми народами Азии и воинственными западными соседями. Эта борьба отразилась в широких художественных обобщениях, в картинах столкновений русских богатырей с врагами родной земли и трудового народа: с разноименными предводителями татарских полчищ — с Калином, Батыгой, Скурлой, Кудреванкой, Идолищем и т. д., с чудовищами-насильниками — Змеем, Тугарином Змеевичем, Соловьем-разбойником. В образах героев-богатырей воплощены народные идеалы подлинной доблести, обобщены лучшие качества русского народа, проявленные им в борьбе с иноземными захватчиками. Основная направленность былины — воспеть, возвеличить русского богатыря, народного героя, воплощающего силу, мощь народа, показать все великие его возможности, а также вызвать ненависть, отвращение и презрение к врагу и тем самым укрепить волю народа к борьбе и победе. Одним из средств достижения этой цели явилась в былинах сатира. Она, таким образом, органически связана с основной целеустремленностью воинских былин.

С обострением классовых противоречий в былины входят мотивы социального протеста: богатырям как представителям народа начинают противопоставляться в былинах князь и его окружение — «князья-бояры». Их уничтожение перед лицом богатыря и возвеличение последнего достигаются опять-таки при помощи сатирического изображения.

По двум указанным линиям, главным образом, и развивается сатира в былинах. С одной стороны, она обличает и высмеивает врагов родины, с другой — направлена на раскрытие ничтожества князя и его придворных.

2

Изображая столкновения русского народа с иноземными захватчиками, былина неизменно рисует победу над ними русских богатырей. В этом сказались осознание народом своей силы и основанный на этом великий оптимизм народа. Но, воспевая народных героев-богатырей и их победы, былина не скрывает и не затушевывает всей тяжести этой борьбы. Наоборот, она различными средствами стремится подчеркнуть, дать почувствовать эту тяжесть, требующую огромного напряжения всех сил. Одним из главных средств такого изображения борьбы является гипербола. На поэтической гиперболе, например, построены эпические картины нашествий, рисующие страшную силу врага, огромную численность его рати. Гиперболически изображается длительность битвы. Богатыри бьются «день до вечера», «а со вечера бились до белу свету», «Не пиваючи бились, не едаючи», «шесть дней и шесть ночей» и т. д. Так же длительно протекает и схватка один на один русского богатыря с врагом-чужеземцем: «Да водились богатыри трои суточки», «бились-дрались девять суточек», «водились добры молодцы полтора года» и т. п. О грандиозности борьбы дает представление и описание поля битвы: кровь убитых врагов доходит до брюха лошадей.

Тем же целям — изобразить борьбу исключительно трудной и напряженной и тем самым еще более прославить героизм русских богатырей, защитников родины, их мужество, отвагу и силу — служат и гиперболические образы предводителей вражеской рати и отдельных ее представителей. Враг рисуется огромных, чудовищных размеров. Конь под ним «как сильня гора», сам он на коне «будто сenna копна». От поступи его коня колеблется земля, волнуется море, выливается вода из рек и озер. «Ископытъ», т. е. ком земли, вылетевший из-под копыта, — «с полпечй». От колебания земли и страшного крика вражеского богатыря конь под русским богатырем падает на колени. Вот, например, выдержанный в традиционных чертах страшный образ врага из быliny об Алеше Поповиче и Тугарине Змеевиче:

В вышину ли он, Тугарин, трех сажень,
Промеж плечей косая сажень,
Промежу глаз калена стрела;
Конь под ним, как лютой зверь,
Из хайлища пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоит.

(К. Д., 124).

Чудовищной величиной и силой наделяются и послы татарских предводителей. Когда посол царя Кудреванки, отдав ярлык князю Владимиру, выходит на улицу, —

Он как подпадывал своим плечом правым,
Как под ту под гриню княженевскую,
Задрожала гриня княженевская.

(Опч., 138).

От удара запираемой послом двери перекашиваются княжеские палаты и ломаются в них околени (Марк., 47).

Рядом с таким образом врага русский богатырь кажется вначале более слабым. В плане основного художественного замысла героических былин такое контрастное изображение служит цели еще большего возвеличения русского богатыря, подвиг которого приобретает грандиозный характер.

Этот прием гиперболической обрисовки врага для создания образа непреодолимой, казалось бы, силы и для предварительного умаления значительности героя свойствен героическому эпосу вообще и встречается в героической поэзии и других народов. Классическое воплощение он получил еще в древнееврейском героическом сказании о Давиде и Голиафе. В традицию русского героического эпоса он вошел, очевидно, еще в начальный период развития эпоса, когда герою с его человеческими свойствами противопоставлялся враг-чудище.

Свидетельством о наличии данного художественного приема в раннем феодальном эпосе является известный рассказ Первоначальной летописи под годом 992 о единоборстве русского с печенежином под Переяславлем. О выступлении борцов обеих противных сторон летопись повествует так:

«Выпустиша печенези муж свой, бе бо превелик зело и страшен; и выступи муж Володимерь, и узре и Печенезин и посмеяся, бе бо середний телом».²

Но творцам народного героического эпоса важно было не только показать трудность и тяжесть борьбы, но и вызвать к врагу ненависть и отвращение.

В своей статье «О безответственных людях и о детской книге наших дней» А. М. Горький назвал смех «убийственным оружием» искусства. Он писал о том, что ненависть к врагу должна воспитываться «на органическом отражении к врагу, как существу низшего типа, а не на возбуждении страха перед силою его цинизма, его жестокости».³ А. М. Горький говорил о роли смеха в художественном творчестве применительно к произведениям, раскрывающим антагонистические противоречия, о воспитании с помощью смеха классовой ненависти. Но его определение роли смеха имеет и более широкий смысл.

В былинах мы как раз и наблюдаем стремление показать врага не только страшным, но и отвратительным, осмеять его как существо низшего порядка, разоблачить его кажущееся преимущество перед русским богатырем. Поэтому изображение врага получает в большинстве случаев гротескные черты.

Если приведенный выше образ Тугарина только страшен, то во многих других былинах внешний чудовищный облик врага наделен чертами, делающими его отвратительно безобразным и в своем безобразии смешным:

Как есть у нас погано есть Идóлищо
В долину две сажени печатных,
А в ширину сажень была печатная,
А головищо что ведь люто лохалищо,
А глазища что пивные чашища,
А нос-от на роже он с локоть был.

(Гильф., I, 429).

Или:

В долину Одолище пяти сажень,
Промежду плечми у Одолища коса сажень,
Головища его как пивной котел,
Глаза у него как чаши питейные,
Носище как палка дровокóльная.

(Кир., IV, 23).

² Полное собрание русских летописей, издаваемое Постоянной историко-археографической комиссией Академии наук СССР, т. I, Лаврентьевская летопись, вып. 1, изд. 2-е. Л., 1926, стр. 123.

³ М. Горький, О литературе, М., 1953, стр. 404.

Этот гротескный портрет врага прочно входит в традицию. Он становится «общим местом» в былинах на определенные сюжеты: в многочисленных вариантах былины «Илья Муромец и Идолище», в целом ряде других былин — «Камское побоище», где враг появляется тоже с наименованием «Идолище», «Иван Годинович», «Сватовство царя Вахрамея», былины о Михайле Даниловиче и др. Традиционным гротескным обликом наделяются и второстепенные эпизодические персонажи из стана врага — например, «бабища Мамаишна» (Кир., I, 64), послы предводителей вражеской рати, татарские борцы в былине о Василии Казимирове и др.

В этом изображении врага обращает на себя внимание конкретность сравнений, взятых из бытового обихода и потому создающих особо выразительный, яркий зрительный образ.

При общей своей устойчивости гротескный портрет врага имеет в каждой местности свои варианты, а талантливые сказители расцвечивают его в духе местной традиции новыми деталями. Вот как, например, рисует М. Д. Кривополенова Идолище:

Наехало проклятоё чудишшо,
 Да сам ведь как он семи аршин,
 Голова у его да как пивной котел,
 А ножишша как-быть лыжишша
 Да ручишша да как-быть граблишша.
 (Григ., I, 344).

Талантливая печорская исполнительница былин Ф. Е. Чуркина дает такое изображение посла царя Скурлы в былине о Василии Игнатеве:

Выбирал он татарина, какой больше всех,
 Выбирал он татарина, какой толще всех,
 Да и выбрал такого да превеликого,
 Да и туша-то его да всё коса сажень,
 Головище у его сильней пивной котел,
 Да ушища у его как царски блюдища,
 А ручища его как сильны граблища,
 А ножища у его как сильны кичижища.⁴
 (Опч., 28).

Иногда чудовищность врага тут же развенчивается ироническими замечаниями богатыря. Так, например, в былине о Калине-царе из сборника Кириши Данилова приехавший в Киев Илья Муромец, застав в княжеских палатах посла татарина (изображенного в традиционном плане), с усмешкой обращается к князю Владимиру:

Что у тебя за болван пришел?
 Что за дурак неотесаной?
 (К. Д., 166).

Это презрительное замечание в сочетании с гротескными чертами посла («Голова на татарине с пивной котел, которой котел сорока ведер») создает сатирический его образ.

Но обычно развенчание дается позже. Гротескный образ врага развертывается изображением чудовищной его прожорливости и дополняется его бахвальством.

⁴ Кичига — плоская, с загибом на конце палка для молотбы хлеба и околачивания льна; определение «сильный» употреблено в смысле «огромный».

Ишке то Идолишко великоё
 По целой ковриге на нож тычет,
 На нож тычет да за щеку бросат;
 По целому лебедю на нож тычет,
 Он на нож тычет да за другу бросат.

(Григ., I, 282).

Как и внешний портрет врага, гротескное изображение его прожорливости приобрело устойчивость. Оно стало типическим местом в былинах об Илье Муромце и Идолище и об Алеше Поповиче и Тугарине, встречается и в некоторых других былинах. Но в разных местах и в исполнении различных сказителей оно варьируется в деталях. Иногда дается зрительное изображение еды Идолища или Тугарина в присутствии героя-богатыря, как в приведенном выше примере. Изображение это полно ярких деталей, создающих выразительный образ отвратительного обжорства:

Принесли нонче Угаришу попить-поисть,
 Принесли сперва коврижку дару божьего,
 Он на нож ей воткнул — совсем целком пихнул,
 [С] щоки на щоку коврижку переметывал,
 Уж енной щокой-де корочку вываливал.

Принесли ище Угаришу поганому,
 Принесли ему лебедочку не кушену,
 И не кушену лебедочку, не рушену,
 Он на нож ей воткнул, совсем целком пихнул,
 [С] щоки на щоку лебедку переметыват,
 Уж енной щокой косьё ище вываливат.

(Ояч., 96, см. также 335).

Для усиления впечатления изображение обжорства врага дается обычно в двух или трех следующих один за другим эпизодах: проглатывание огромной ковриги хлеба, пожирание лебедя (или другого какого-либо мясного блюда), выпивание зараз котла или бочки пива. В некоторых случаях утраивается один из эпизодов: Идолищу последовательно приносят мясные туши — баранину, телятину, «гусёвинку», — и каждый раз повторяется одна и та же картина: «Он на вилки ткнул да зараз сглонул» (Григ., I, 495).

Обжорство врага вызывает иронические замечания богатыря, развенчивающие образ, который, казалось бы, должен был внушить страх:

А у моего сударя батюшка
 Была собачища старая,
 Насилу по подстолью таскалася,
 И косью та собака подавилася.
 Взял ее за хвост, под гору махнул,
 От меня Тугарину то же будет!

Гой еси, ласковой осударь, Владимир-князь!
 Что у тебе за болван сидит,
 Что за дурак неотесаной?
 Нечестно за столом сидит,
 Нечестно хлеба с солью ест,
 По целой ковриге за щеку мечет
 И целу лебедушку вдруг проглотил!
 У моего сударя батюшка,
 Федора, попа ростовского,
 Была коровища старая,
 Насилу по двору таскалася,
 Забилася на поварню к поварам,

Выпила чан браги пресныя,
От того она лопнула;
Взял за хвост, под гору махнул,
От меня Тугарину то же будет!

(К. Д., 128—129).

В некоторых вариантах изображению еды Идолища в палатах князя Владимира предпосылается рассказ о его чудовищной прожорливости в словах встретившегося Илье Муромцу калики:

Да и то ли поганое Издолище
Он по целому котлу выти⁵ пива пьёт,
Да по целому быку выти мяса жрёт,
Да по целой ковриге он в рот суёт.

(Сок.—Чич., 821).

Повторение образа в сцене на пиру у князя Владимира делает его еще более впечатляющим.

Иногда чудовищная прожорливость врага показана другим способом: она раскрывается в словах его самого как признак его якобы «богатырства», как свидетельство его преимущества перед русскими богатырями. Идолище спрашивает пришедшего калику, не подозревая, что перед ним сам Илья Муромец: «Как велик у вас богатырь Илья Муромец?.. По многу ли Илья ваш хлеба ест, По многу ли Илья ваш пива пьет?» Услышав в ответ слова калики: «Толь велик Илья, как и я... По столько ест Илья, как и я. По столько пьет Илья, как и я» (Рыбн., I, 34), — Идолище начинает издеваться над русским богатырем и бахвалиться своими физическими преимуществами:

Да чорт-то ведь во Киеви-то есть, не богатырь был!
А был бы-то ведь зде да богатырь тот,
Как я бы тут его на долонь-ту клал,
Другой рукой опять бы сверху прижал,
А тут бы еще да ведь блин-то стал,
Дунул бы его во чисто поле!

.....
Как я-то ведь да к выти хлеба ем
А ведь по три-то печи печоных,
Пью-то я еще зелена вина
А по три-то ведра я ведь мерных,
Как штей-то я хлебаю — по яловицы⁶ есте рускии.

(Гильф., I, 433).

Бахвальство врага и вызывает указанные выше иронические выпады богатыря, направленные на разоблачение этого бахвальства и на раскрытие низкой природы врага. Сказители с особенно большим увлечением разрабатывают насмешливые реплики героя, некоторые из разработок очень искусны и остры. Такова, например, издевка Ильи Муромца в одной из записей 1840-х годов:

Встарь было у князя у Владимира
Было коровище обжористо:
Не могло коровище наедатися,
Не могло коровище напиватися;
Вышло коровище во чисто поле,

⁵ Т. е. за один раз.

⁶ Т. е. по корчаге (см. Рыбн., II, 99).

Напало коровище на дробинище,⁷
 Еще тут коровищу разбрвало,
 Еще тут коровищу растреснуло,
 Еще тут коровище окопылилось.⁸
 И тебя, поганого, разорвет!»

(Кир., IV, 29).

За ироническими выпадами богатыря следует физическая расправа его с Идолищем или Тугарином. Эта завершающая все повествование сцена включает еще некоторые детали, выразительно дополняющие сатирический образ врага. Последний бросает в богатыря нож, который или пролетает мимо, или подхвачен товарищем богатыря (обычно в былинах об Алеше Поповиче и Тугарине). Иногда бросок ножом имеет неожиданные последствия: нож выбивает дверь, которою ранит и зашибает на смерть многих татар, и оставшиеся в живых проклинают своего же вожака: «Буде трою проклят, наш татарин ты!» (Гильф., I, 434). В былинах об Илье Муромце и Идолище вслед за эпизодом бросания ножа изображается, как богатырь каличьей клюкой или «шляпой земли греческой» убивает врага, часто рассекая его «на полы». Выразительна в сатирическом плане такая деталь, имеющаяся в варианте известного пудожского сказителя Никифора Прохорова и унаследованная его учениками: от удара клюкой по голове «поганный да захамкал есть» (Гильф., I, 434). И. Т. Фофанов прибавляет к этому ироническое замечание Ильи Муромца: «Ай же ты, поганое Удолище, От одного удару ты как хамкать стал!» (Пар—Сойм., 200).⁹ В одном из кенозерских вариантов Ильи Муромец, увернувшись от брошенного в него ножа, снимает с головы шлем и убивает Идолище, говоря: «Да ой же ты, поганой Издолищю, Ты гляди-ко на меня: Каков Илья, таков и я» (Сок.—Чич., 822). Иногда Илья Муромец обращается к князю Владимиру или к царю Константину Боголюбому (в вариантах той версии, где столкновение происходит не в Киеве, а в Царьграде) со словами, полными презрения к поверженному врагу: «Убери ты поганое тулово» (там же), «Увози Одолища поганого в чисто поле, Серым волкам на съеденьице, Черным вбронам на пограянье» (Кир., IV, 35—36).

Все эти и другие подобные детали еще более заостряют сатирическое изображение врага.

Указанный гротескный образ врага представляет большую творческую удачу создателей русского былинного эпоса, подлинно высокое мастерство. В былинах об Илье Муромце и Идолище и Алеше Поповиче и Тугарине этот образ проходит через все произведение во всех своих звеньях. Сначала дается внешний чудовищный облик, внушающий страх и отвращение, отчасти вызывающий смех. Затем еще более усиливает отвращение и вызывает смех грубая жадность врага по отношению к пище. Сцена обжорства вместе с тем аллегорична: в ней раскрывается истинная сущность врага — его ненасытная алчность, которая делает его опасным. Остроумная насмешка богатыря снимает, однако, показательные признаки силы и мощи врага, которыми тот кичится, и разоблачает его пустое бахвальство. В развязке враг окончательно развенчан, к нему можно испытывать лишь презрение.

Рядом с ним еще более выделяется подлинно героический облик русского богатыря, его физическая мощь, отвага, его моральное величие.

⁷ Т. е. гуща, оставшаяся после слития пивного сусла.

⁸ Т. е. издохло.

⁹ См. еще ту же деталь: Сок.—Чич., 90.

Устойчивость сатирического образа врага на протяжении веков (даже в разрушенных вариантах он неизменно сохраняется),¹⁰ органичность его в былине позволяют предполагать его исконность, присутствие его в героическом эпосе об иноземных нашествиях с самого начала формирования эпоса.

Мы встречаем этот образ уже в самых ранних записях былин и в их рукописных пересказах. Так, например, в списке начала XVII века «Сказания о киевских богатырях», возникшего на основе былин об Идолище и о Тугарине Змеевиче, находим следующее изображение царьградского богатыря Идола Скоропеевича:

«... а ростом добре не по обычаю, меж очима у него стрела ладится, меж плечми у него большая сажень, они у него, как чаши, а голова у него, как пивной котел, посмотреть на него — утрашиться» (Милл., 281).

В отрывке былины об Алеше Поповиче и Тугарине из рукописи второй половины XVII века сохранилась следующая сцена на пиру: Тугарину князь Владимир подносит чару «в полпята ведра». Алеша Попович подает такую же чару слуге Торопу и говорит, чтобы он сам пил и потчевал князей, бояр и богатырей: «Не будь ты обжирчив в Тугарина Змеевича: у нас была у батюшка моего Федора, попа соборного, корова обжержива — шотчи на поварню да барды опилась...» (Тих.—Милл., 60).¹¹

Сатирическое изображение врага достигается и комическими картинками испуга и бегства, обрисовкой трусости в контрасте с первоначально показанными самоуверенностью, чванливостью, заносчивостью, бахвальством. Калин-царь, Батыга или какой-либо другой предводитель «неверной ордырати» изображены в начале былины в упоении своей силой, они уверены в своем превосходстве над русским народом, присылают князю Владимиру свои угрожающие и издевательские грамоты, в конце же повествования они рисуются жалкими трусами, спасающимися позорным бегством:

Ай бежит-то Батыга, запинается,
Запинается Батыга, заклаинается:
— Не дай боже, не дай бог да не дай дитям моим,
Не дай дитям моим да моим внучатам
А во Киеви бывать да ведь Киева видать!

(Гильф., I, 554).

«Заклаинаются» враги и в целом ряде других былин. Так, в былине о Калине-царе из сборника Кирши Данилова рассказывается, что после гибели Калина «достальные татара на побег бегут»,

Сами они заклаинаются:
— Не дай бог нам бывать ко Киеву,
Не дай бог нам видать русских людей!

(К. Д., 169).

Образ бегущего и «заклаинающегося» врага — один из устойчивых традиционных образов героического эпоса.

Враг в начале былины рисуется всегда похваляющимся своими предстоящими победами. Батый Батыевич в одном из вариантов сборника Киреевского бахвалится:

— Сильных богатырей под меч склоню,
Князя со княгинею в полон возьму,

¹⁰ См., например: Григ., I, 194.

¹¹ См. также рукописные пересказы XVIII века былин об Илье Муромце и Идолище, например: Тих.—Милл., 23—24.

Божьи церкви на дым спущу,
 Чудны иконы по пла́вь реки,
 Добрых мо́лодцев поло́ню станицами,
 Красных девушек пленницами,
 Добрых коней табу́нами.

(Кир., IV, 41).

А в заключении былины показан крах этих притязаний в следующей иронической концовке:

Убирался Батый-царь с большими убытками,
 С большими убытками, с малыми прибытками,
 С малыми прибытками, со страмотою вечною,
 На мелких судах, на па́возках.

(Кир., IV, 46).

В былинах много ярко комических сцен, рисующих перепуг врагов.

В былине об Иване Годиновиче, записанной от одного из лучших сказителей Беломорья 2-й половины XIX века, Гаврилы Крюкова, дана такая картина: Иван Годинович, за которого король ляховинский отказывается выдать замуж свою дочь, «начал по столам сабелькой помахи-вать», —

Завизжали¹² тут татаровя поганые,
 А король-от под столы-ти всё пихается,
 Соболиной черной шубой закрывается,
 Серым котиком всё пихается,
 Ище сам говорит да таковы речи:
 — Ты не бей-ко, Иван, народу понапрасному,
 Хуть оставь ты мне на семена.

(Марк., 417).

В былине «Дунай», когда Добрыня и Алеша Попович начинают избивать татар, лихоминский король, только что чванливо обозвавший князя Владимира «котельной пригáриной», прячется «по подстоликам», «куньей шубочкой. . . всё прикрываетце» (Марк., 81), от страха «по застолью бе-гает» (Рыбн., I, 74) и т. п.

Исключительно яркий и острый комический образ перепуга и бегства врага создан в былине о Добрыне и Маринке из сборника Кирши Данилова. Любозвник Маринки Змей Горынич угрожает Добрыне, когда тот вышиб двери в сени терема Маринки. Но стоило только Добрыне взмахнуть саблей и пригрозить Змею изрубить его «в мелкие части пирожные», как Змей постыдно струсил:

А и тут Змей Горынич хвост поджал
 Да и вон побежал,
 Взяла его страсть, так зачал с . . . ,
 Околышки метал, по три пуда с . . . ,
 Бегучи он, Змей, заклинается:
 «Не дай бог бывать ко Марине в дом,
 Есть у нее не один я друг,
 Есть лучше меня и повежливее».

(К. Д., 47).

Сатирическую окраску отдельным эпизодам изображенной в былинах борьбы русских богатырей с врагами-чужеземцами придают отдельные иронические и саркастические замечания богатырей в момент расправы с врагом, а также авторская ирония.

¹² Вариант: «заревели».

Широко, например, распространено традиционное изображение того, как богатырь побивает вражескую рать схваченным за ноги или за волосы татаринном. При этом богатырь обычно приговаривает:

А как жѣловат татарин, всё не по́рвитце,
Косьлив татарин, всё не сломитце!

(Марк., 396).

Исполать тебе, татаринушка!
Крепок ты и гибок, не по́рвешься,
Не по́рвешься и не изломишься;
Какова палица боёвая —
И то изгибается и ломаётся!

(Кир., III, 41; см. еще: Овч., 68, 75 и др.).

Один из вариантов былины о Калине-царе с Ермаком в качестве героя кончается так: Ермак хватает царя Калина «за желты кудри» и говорит:

— А й как вот тебе, безбожный Калин-царь,
Вот тебе улушки распаханы,
Со тых божьих церквей чудны кресты сняты ведь,
А й как вот во церквах сделаны стойлы лошадиныи,
Вот те умыты да ведь полаты белокаменны.

(Гильф., I, 638).

Т. е. повторяются иронически все требования и угрозы, которые Калин-царь излагал в своей грамоте к князю Владимиру.

Вслед за этими словами Ермак ударяет Калина о землю:

А й как тут у царя как у Калина
А й на ём да кожа лопнула.

(Там же).

Иронически звучит следующее сравнение, когда Добрыня расправляется со Змеем, избивая его плеткой:

Укротил Змею аки скотинину,
А й аки скотинину да крестьянскую.

(Гильф., I, 548).

Полны сарказма слова героя былины о наезде литовцев, жестоко расправившегося с двумя братьями-ливиками, разорившими его родную землю. Выколос глаза одному и отрубив ноги другому, он сажает безногого на слепого и говорит:

— Вы подьте-тко нунь к старому да к дядюшке,
К тому же королю да политовскому,
А подьте-тко вы к дядюшке да хвастайте:
Разорили мы нуньчу каменну Москву,

Первое-то село Ярославское,
Другое-то село Переславское,
Третье село Косы-Улицы, —
Подьте-тко вы к дядюшке да хвастайте!

(Гильф., I, 234).

В некоторых вариантах еще прибавляется:

Вы ведь подьте-тко к дяде да с выслугой.

(Овч., 175).

3

В былинных текстах, записанных в XVIII—XX веках, имеется ряд сцен, ставших традиционными, в которых в сатирическом свете показаны князь и бояре. В этих сценах нашли свое выражение классовые настроения трудового народа. Сатирическое изображение князя и бояр органически сливается с героическим содержанием былинного эпоса: снижая и высмеивая образы представителей правящих кругов, оно еще более выделяет могучий образ богатыря, представителя народа, защитника его жизненных интересов. Органическая связь обеих линий в эпосе — героической и сатирической — одна из замечательных особенностей русских былин, проявление высокого художественного мастерства.

Сатирическую окраску образы князя Владимира и его придворной дружины — «князей-бояр» — приобретают уже в начальном эпизоде былины о татарском нашествии. В минуты надвинувшейся опасности, настигшей большой беды, требующих особого напряжения всех сил, всегда, как известно, обнаруживаются истинные качества людей. Былины искусно используют это обстоятельство. Они рисуют растерянность, полную беспомощность князя. Получив «ярылки» с угрозами, «Владимир-князь запечалился, Гляючи в ерылки, заплакал, свет» (К. Д., 164), «С ясных очушок он ронит слезы весть горяючи, Шелковым платком князь утирается» (Гильф., II, 21), «Во слёзах он не может слова молвити» (Григ., II, 241). Если князю указывают на то, что единственный оставшийся в Киеве богатырь Василий Игнатьев, «упившись зелена вина», спит в кабаке, он спешит туда, будит богатыря, собственноручно, по требованию Васьки-пьяницы «опохмелить его», подносит чару с вином и униженно просит о помощи. Именно так в большинстве случаев разработан эпизод появления Васьки-пьяницы в качестве защитника Киева в северо-восточной традиции (Пинега, Кулой, Мезень, Печора, Беломорье). При этом в былины включаются комические детали, еще более усиливающие сатирическое изображение. «Побежал нын Владимир да на царев кабак», — говорится в одной былине. Когда он «добрался» до Василия, тот, оказалось, спит «да как порог шумит» (Онч., 29, 30; Григ., III, 80). Князь подает чару вина Василию «обема рукми», а Василий пьет и приговаривает: «Не оммылось у Васи ретиво сердцѹ, Не звеселилась у Васи буйна головушка», — и князю второй и третий раз приходится подавать чару (Онч., 74).¹³ В одной из былин особенно комически изображена спешка князя:

Ишша тут князь Владимир да не послушался,
А нахватил он весть кунью шубочку собольюю,
Обувал же калоши да на босу ногу,
А побежал по кружалу да вусудареву.
(Григ., III, 80).

В таком же и еще более униженном виде изображен князь Владимир в тех былинах, в которых рассказывается, что бедственное положение в Киеве — отсутствие богатырей — произошло по вине самого же князя: он несправедливо заточил в погреб своего лучшего богатыря, Илью Муромца, а другие богатыри, оскорбленные этим поступком, уехали из Киева. Когда же князь Владимир узнает, что Илья Муромец жив, он бежит к погребу, отмыкает замки, слезно умоляет вывести из беды. Ему приходится выслушивать резкие слова Ильи Муромца, говорящего, что он идет служить «за землю российскую да и за стольные Киев-град, «за вдов, за сирот, за бедных людей», за княгиню Апраксию, которая его кормила-

¹³ См. также: Григ., I, 315—316; Марк., 410—412.

поила в погребѣ, а для «собаки-то князя Владимира» он и не вышел бы из погреба (Гильф., III, 357).

Замечательно разработан в сатирическом плане этот традиционный эпизод в былине «Татарское нашествие» мезенского сказителя Максима Антонова. Князь падает на колени перед Ильей Муромцем и «низко ему поклоняетце», прося: «Пособи-тко мне думу-думати» — «отдать иль ни отдать да стольне Киев-град». Но Илья Муромец «очей низвёл» (т. е. не взвел). Князь обращается к княгине Апраксии: пусть она уже попросит у Ильи Муромца «милости». Илья по просьбе княгини выходит из погреба и идет по Киеву. Князь бежит за ним, забегает вперед, низко кланяется и просит помочь. Эпизод этот повторяется до трех раз, и каждый раз говорится, что князь «ищо того ниже поклоняетце», но Илья не обращает на него никакого внимания («Идет-то старый, очей низвёл»). Лишь на третий раз богатырь бросает князю укор: «Ты уж думу думай не со мною, а с боярами, Со боярами да с толстобрюхими», но затем все же дает совет и сам собирает богатырей для отпора врагу (Аст., 175—177).¹⁴

Во всех этих сценах использован художественный прием контраста: даны образы величавого и могучего богатыря, спокойного, уверенного, исполненного чувства достоинства, и совершенно потерявшегося, жалкого, слабого князя. Несоответствие беспомощности и растерянности князя в грозный для государства час с высоким положением князя — главы государства — и обуславливает комическое восприятие этого образа.

Жалким и слабым изображен князь Владимир и в целом ряде других былин. Он беспрекословно терпит все бесчинства, творимые в Киеве Тугарином или Идолищем. Иногда показано, что князь сослан Идолищем на поварню и враг заставляет князя обслуживать его.

Ай живет у мя поганое Идолишко
Во моих-то во полатах белокаменных;
Я варю-ту на ево всё живу поваром,
Подношу-ту и тотарину всё кушанье.

(Марк., 218).

В былинах о Соловье-разбойнике постоянно комически изображается слабость князя Владимира и княгини Апраксии, их испуг при свисте Соловья. Чтобы предохранить князя и княгиню от губительной силы свиста, Илья Муромец берет их «под пазуху... дёржит-то их в охачки» (Марк., 351), князь Владимир от перепугу падает со стула — «А три часу он князь да без души лежал» (Гильф., I, 522).

А Владимир стольне-киевской,
Он стоит да на ногах шатается,
Куньей шубонькой да укрывается,
Соболья шапочка уж по земле валяется,
А княгинюшку да Апраксию
Чуть живу снесли да во высок терём.

(Пар. — Сойм., 97).

Сниженный, в комическом плане представленный в былинах о Соловье-разбойнике образ князя Владимира дополняется еще презрительными сло-

¹⁴ В печорских былинах аналогичный иронический ответ дают князю встретившиеся ему по дороге в кабак «подсушины», т. е. голи кабацкие, — см., например: Онч., 72.

вами самого Соловья, отказывающегося исполнить приказ князя засвистеть:

— Я не твой хлеб и кушаю,
Не тебя, князя-вора, и слушаю.
(Кир., I, 83).

Слабость и трусость князя и княгини обрисованы и в былинах об Иване Гостином сыне. Так, в варианте сборника Кирши Данилова дается следующая комическая сцена: когда конек Ивана разгоняет триста княжеских жеребцов, —

А князи-то и бояра испужалися,
Все тут люди купецкие,
Окарачь они по двору напозáлися;
А Владимир-князь со княгинею печален стал,
По подполью напозáлися,
Кричит сам в окошечко косящатое:
— Гой еси ты, Иван Гостиной сын!
Уведи ты уродья со двора долой,
Просты поруки крепкие, записи все изодранные!
(К. Д., 43).

Следует отметить, что образ княгини Апраксии в былинном эпосе противоречив. В некоторых былинах она очерчена положительно: она поддерживает жизнь Ильи Муромца в заточении, ее Илья Муромец отделяет от князя и объединяет со всеми теми, за которых он идет сражаться (Гильф., III, 357). В других былинах она изображена в таких же комических ситуациях, как и князь Владимир. Как «не для-ради князя Владимира, так и «не для-ради княгини Апраксии» зовет Илья богатырей отстаивать Киев, а «для бедных вдов и малых детей» (Кир., IV, 44). Наконец, есть былины, в которых дан сатирический образ сластолюбивой женщины, не только забывающей свое женское достоинство, но и нарушающей свой долг русского человека: она с бесстыдством принимает ухаживания Тугарина на глазах князя Владимира и всех присутствующих; заглядевшись на «мил живот, на молода Тугарина Змеевича», обрезает себе руку; бранит Алешу Поповича за то, что он разлучил ее «с другом милым», и Алеша справедливо обзывает ее «сукою-то волочайкою». Распутной изображена Апраксия и в былинах новеллистического характера о сорока каликах.

Наряду с трусостью и беспомощностью князя Владимира, делающих из него часто весьма жалкую фигуру, показаны его недомыслие, неумение разобратись в сколько-нибудь запутанных обстоятельствах. Его легко одурачивает умная и ловкая жена Ставра, хотя об обмане и предупреждает Владимира его племянница или дочь. В конце былины обычно они или сама жена Ставра стыдят князя:

— Одва ты не наделал смеху на всей Руси,
Одва ты не отдал дивчину за женщину!
(Гильф., II, 265).

В былинах часто изображаются разные неблагоприятные поступки князя Владимира. Он активно поддерживает сватовство Алеши Поповича к жене Добрыни Никитича в отсутствие последнего, прибегая порой к прямому насилию, — угрожает Настасье Микуличне, что он ее возьмет к себе в батрачки или вышлет из Киева, если она будет упорствовать (былины о Добрыне и Алеше). В некоторых вариантах былины об Иване Гостином

сыне рассказывается, что князь прибегает к разным уловкам, чтобы не платить Ивану проигранного заклада. За богатые подарки он прощает Чуриле его самоуправство на землях киевлян (былины о молодости Чурилы), идет, наконец, даже на убийство своего верного слуги, чтобы овладеть его женою (былины о Даниле Ловчанине). Все это вызывает в былинах осуждение, которое часто сопровождается острой насмешкой.

Так, в былинах о Добрыне и Алеше разоблачение недостойного поведения князя дается в сатирических укорах Добрыни:

А дивую я солнышку Владимиру
С молодой княгиной со Апраксией:
Солнышко Владимир тот тут сватом был,
А княгиня Апраксия свахою,
Они у живого мужа жену просватали!
(Кир., II, 39).

Я не дивую женскому глупому розуму, —
Точно у жонки волос долог да ум короток, —
Я дивую вашему царскому розуму,
Что от живаго мужа вы берете за дрюгого.
(Гильф., I, 327).

В одном из вариантов Добрыня бросает даже саркастический намек на моральную нечистоплотность самого князя Владимира:

Не дивуюсь я князю Владимиру, —
Что и сам творит, другому велит,
От живого мужа хоче жену отнять.
(Рыбн., I, 276).¹⁵

Эпизод обычно завершается изображением посрамленного князя:

Тут солнышку Владимиру к стыду пришло,
Он повесил свою буйну голову,
Утопил ясны́ очи во сыру́ землю.
(Гильф., II, 483; см. там же, I, 153 и др.).

Очень искусно построен сатирический образ князя Владимира в одном из печорских вариантов былины об Иване Гостином сыне. Когда Иван выигрывает заклад и просит князя отдать ему «деньги выезны, ище выезны мне денежки, нонь выгонны, ты уж сто рублей мне дай ноньце со тысяцей», князю, как говорит былина, «ту-ле нонь за беду стало, за великую досаду показалосе»: И он «накидывает» на Ивана «службу тяжелую». Эпизод повторяется до трех раз. И каждый раз подчеркивается, как не хочется князю Владимиру расставаться с деньгами: «Ище князю-ту опеть тут за беду стало. . .» Но на третий раз, утраченный конем Ивана, князь принужден-таки выдать деньги:

Э тогда да ноньце князю делать нечего,
Отдават ему сто рублей со тысяцей.
(Онч., 113).

Разрешение конфликта между князем и богатырем получает комическую окраску именно потому, что в предшествующем повествовании показано, как всячески пытается князь Владимир увильнуть от выполнения обязательства, как жалко ему проигранных денег.

¹⁵ В примечании к данной былине говорится: «По объяснению певца, у Владимира было двенадцать жен, иные от живых мужей».

Одновременно с князем обличению и высмеиванию подвергаются в былинах и ближайшие его советники и помощники, с которыми он «думу думает» — «князья-бояре». Как и в обрисовке князя Владимира, основным приемом сатирического изображения бояр является показ поведения, не соответствующего занимаемому высокому положению, иначе говоря — разоблачение мнимого достоинства. Бояре, помощники князя в государственных делах, во всех случаях, когда к ним обращается князь за советом, помощью или с каким-либо важным ответственным поручением, только прячутся один за другого.

Как большой-от князь хоронится за среднёго,
А как средней-от хоронится за мёншого,
Как от меньшого, от большого ответу нет.

(Марк., 372—373).

Сатирический характер этой сцены основан на контрасте между тем предполагаемым важным советом, которого вправе ожидать князь, между ожидаемым им выражением готовности выполнить поручение и постыдным «прятанием». Сцена эта стала распространенным «общим местом», применяемым к боярам и придворным богатырям в былинах на разные сюжеты.

Поведением бояр руководит в данном случае прежде всего трусость. Проявления ее показаны и при разных других случаях — в картинах перепуга бояр от свиста Соловья-разбойника, от скачки и рева коня Ивана Гостиного сына, от вспышки гнева оскорбленного богатыря, и т. п. Если слабость князя рисуется в этих случаях подчас в смягченных, юмористических тонах («куньей шубонькой укрывается», «шатается», Илья берет его «под пазушки» и т. п.), то в отношении бояр былина всегда применяет более резкие сатирические краски, показывает «князей-бояр» в самом постыдном состоянии, часто прибегая к гротеску. С перепугу они всегда ползают на карачках («заходили окаракаю»), падают замертво, спасаются бегством, прячутся:

А князи и бояра испужалися,
На карачках по двору напоза́лися.

(К. Д., 246. — «Илья Муромец и Соловей-разбойник»).

Вси господа испужалися,
Вси по каменным полатам разбежалися.

(Кир., III, 3. — «Иван Гостинный сын»).

И тут вси князи, вси б́ояра
С этого пиру да забросалися,
И все-то по домам они разбежалися.

(Гильф., I, 327. — «Добрыня и Алеша»).

По крылечушку в терем ползком ползут.

(Пар.—Сойм., 97).

Все эти и аналогичные сцены получают сатирическую окраску в связи с тем, что перед ними показано чванство бояр, их высокомерие и бахвальство. Так, в былинах об Илье Муромце и Соловье-разбойнике картина испуга внутренне связана с эпизодом недоверия и высокомерного отношения к приехавшему богатырю-крестьянину. Сообщение Ильи Муромца о поражении им Соловья-разбойника вызывает брань, яростные насмешки:

Тут-то закричали князи, бóяра:

— Уж ты гой еси, мужичонко приехал, задленьшина
ты, деревеньшина.
(Марк., 351).

В заключительной сцене при свисте Соловья один Илья Муромец стоит неколебимо, охраняя князя и княгиню, бояре же «испопадали да вси весть замертво». В этой сцене — апофеоз «деревенщины», социальное противопоставление. И былина заканчивает эпизод словами: «А как тут бояришка поверили, забоелися» (Марк., 352). Сцена перепуга показывает чванливых бояр, так же как и князя, в настоящем свете.

Но бояре представлены в эпосе не только трусливыми и ничтожными. Былины обличают их в интриганстве, клеветничестве, рисуют их предателями и изменниками. Они изображены как постоянные антагонисты богатыря. Бояре клеветают, наговаривают князю на богатыря (былины о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром), готовы предать его в руки врага (былины о Василии Игнатьеве). При вызове Алешей Поповичем Тугарина на единоборство князя и бояре «все за Тугарина поруки держат» (К. Д., 129). В былинах имеется ряд сатирических эпитетов бояр: «кособрюхие», «толстобрюхие», «царски подговорщики», «воры-ти бояра как подмолвщики», «брюшинники». Про них говорится, что они всегда готовы «соврать-солгать, прибавити, рострой сделать» (Аст., I, 469).

По наущению бояр обычно и действует князь Владимир против богатыря: сажит Илью Муромца и Сухмана в погреб, выдает Василия Игнатьева Батыге. Когда князь Владимир просит у Ильи Муромца прощения в том, что он его засадил в погреб, богатырь говорит:

— Не своим-то ты умом да дело сдумал делати:
Насказали-то тебе бояра кособрюхие.

(Марк., 42).

В таких былинах и князь Владимир подвергается более едкому высмеиванию, сатирическое его изображение принимает гротескные черты. Когда оскорбленный князем богатырь начинает громить княжеские палаты, князь Владимир хватает шубу соболиную и залезает под печку. «Но не спáсенье под печкой под кирпичнойей» — иронически замечает былина (Аст., II, 133). Комична фигура князя, который от страха «за пещьку задвинулся, собольей шубкой закинулся» (Кир., I, 86). В былине о Василии Игнатьеве при победоносном возвращении богатыря в Киев князь Владимир, чувствуя свою вину перед богатырем, которого он выдал врагу, залезает под стол и оттуда молит Василия:

— Ох ты ой еси, Васенька Игнатьевич!
Бери ты города с пригородками,
Бери ты села со деревнями,
Оставь только меня нынче живого.

(Онч., 69; см. также 31).

Создание сатирических образов князя Владимира и бояр, будучи связано с ростом антагонистических противоречий и классового сознания, очевидно, не принадлежит к начальному периоду формирования героического эпоса в Киевской Руси. Это явление несколько более позднего времени. Можно предполагать, что кое-что в изображении князя и его окружения в сатирическом плане уже наметилось в эпоху борьбы с татарами.

Н. А. Добролюбов, объясняя циклизацию былин, говорил о том, что побудило народ обратиться во времена татарского ига к разработке старинных преданий и сгруппировать разбросанные сказания «около лица одного Владимира». «При нашествии народа неведомого ожидания всех обратились, разумеется, к князьям: они, которые так часто водили свой народ на битву с своими, должны были теперь защищать родную землю от чужих. Но оказалось, что князья истощили свои силы в удельных междоусобиях и вовсе не умели оказать энергического противодействия страшным неприятелям». ¹⁶ Тогда-то, по словам Добролюбова, обманутый в своих ожиданиях народ, сравнивая «нынешние события с преданиями о временах давно минувших», «запел про славных могучих богатырей, окружавших князя Владимира». ¹⁷

Настроения, связанные с обманутыми надеждами, которые народ возлагал на князей, естественно, сказались в обрисовке князя Владимира и бояр. К эпохе борьбы с татарами, вероятно, относится начало разработки темы слабости и беспомощности князя, а также трусости его и бояр. Но особенно интенсивная разработка социальной сатиры в эпосе принадлежит уже XVI и главным образом XVII веку в связи с усилением социального протеста и народными восстаниями против феодально-крепостнического гнета. Можно предполагать, что в XVII веке определились многие основные сатирические образы и эпизоды, носящие сатирический характер.

Вместе с тем сатирические образы былин развились на основе некоторых традиционных мотивов, возникших очень рано и принадлежавших первоначальному редакциям как органическая часть сюжета. Так, несомненно, в былинах об Илье Муромце и Соловье-разбойнике всегда в эпизоде показа Соловья были изображены последствия его свиста. В некоторых былинах ранней записи сохранилась эта сцена без элементов социальной сатиры, просто указаны последствия, например:

Князи и бояра
И сильные, могучие богатыри
С ног попадали,
Круты крыши, со хором окаталися.

(Кир., IV, 6).

Подобные картины, очевидно, и были в ранних вариантах, а позднее они были уже использованы для насмешек над князем и боярами.

Изучение социальной сатиры в эпосе показывает, что наиболее яркие сатирические сцены и самая острая сатирическая обрисовка встречаются у сказителей советской эпохи. Выше были приведены некоторые примеры из записей 1920—1930-х годов. Оценивая прошлое с позиций советского человека, современные сказители очень восприимчивы ко всем социальным мотивам в классическом фольклорном наследии. При воссоздании усвоенного они вносят некоторые новые оттенки и детали, усиливающие остроту изображаемого, оставаясь в то же время в пределах традиции. Иногда они сопровождают повествование пояснительными ремарками, подчеркивающими и заостряющими социальный смысл передаваемого эпизода.

Показательным примером может служить былина о Чуриле Пленковиче современной сказительницы А. М. Пашковой (Пар.—Сойм., № 1, записана былина в 1939 году). Уже с первых же стихов ощущается сатириче-

¹⁶ Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений в трех томах, т. I, М., 1950, стр. 291.

¹⁷ Там же.

ская направленность былины: начав повествование с традиционного описания пира в княжеских палатах, А. М. Пашкова после второго стиха прерывает повествование ироническим замечанием: «А этот Владимир только пиры разводил». Далее она рассказывает о появлении жалобщиков на самоуправство Чуриловой дружины. Эпизод — традиционный, но А. М. Пашкова, во-первых, усиливает изображение насилий, творимых людьми Чурилы, во-вторых — подчеркивает классовый состав самих жалобщиков:

Все мужички идут да деревенские,
А киевские мужики да все посадские,
.....
Кафтанишки на них да оборвались,
А лаптишки на них да истоптались.

Затем следует сатирический выпад в адрес князей-бояр: князь Владимир спрашивает «князей-бояр да всех подручников», кто такой Чурилы, который «во наших краях да безобразничает».

Тут князья, бояре переглянулись,
Про Чурилу сказать не осмеляются.

(Пар.—Сойм., 66—67).

В известных кенозерских вариантах и в тексте сборника Кириши Данилова¹⁸ этот эпизод отсутствует. Наоборот, в двух из них сами князья-бояре являются в числе пострадавших и сообщают князю, кто такой Чурилы и где он живет. В сцене первой встречи князя Владимира с Чурилой несколько усилено Пашковой традиционное изображение испуга князя: увидав из окна отряд Чурилы, князь Владимир, приняв его за татар, хочет бежать в Киев (Пар.—Сойм., 71). Все эти детали усиливают сатирическую окраску эпизода подкупа Чурилой князя Владимира, при этом Чурилы одаривает не только князя, но и бояр (в большинстве более ранних вариантов, за исключением одного, он одаривает только Владимира). Князь, получив в подарок дорогую шубу соболиную, говорит Чуриле:

— А спасибо тебе, удалый добрый молодец,
На чесных твоих да на подарочках,
Я тебе в долгу да не остануся.
Было много на Чурилушку просителей,
А теперь больше у Чурилы благодетелей,
Все князья, бояре призаступятся,
А дам тебе да я правдивый суд,
Что ты сделал, тебе бог простит.

Иронически звучит в этой речи после всего, что было изображено, слово правдивый суд (в записях XVIII—XIX веков этой иронии нет). Еще больше сатирической остроты эпизоду придает ремарка сказительницы: «Рассудил... Вот подлецы-то были, за шубу-то и суд» (Пар.—Сойм., 73). Интересна еще одна из деталей дальнейшего рассказа: Чурилы, обогнав князя Владимира, приезжает в Киев и «без допросу», «без доклада» идет в палаты. Его останавливают слуги. Но спешит князь Владимир и «своим слугам распоряжается: „Вы берите гостя под руки, Вы ведите гостя в горницы, Отведите комнаты особые“» (там же, 73—74). Таким образом, вся былина сатирически заострена против наглого богача Чурилы и готовых покровительствовать ему за взятку князя Владимира и бояр.

¹⁸ Гильф., III, №№ 223, 229, 251; К. Д., № 18.

Интересно, что сказительница данную черту князя Владимира — то, что он падок до «подарочков», — проводит и через некоторые другие былины. Очень искусно, например, она включает ее в былинку о Соловье-разбойнике: по приказу Ильи Муромца дети Соловья привозят в Киев телеги, нагруженные золотом и серебром. Князь Владимир в радости начинает хлопотать вокруг богатыря, говорит слугам, чтобы они брали гостя «под руки», вели в горницу, кормили «досыта», поили «допьяна» (Пар.—Сойм., 97—98).

Сатирическое изображение князя, кроме былин, в которых действует князь Владимир, имеется еще в известной былинке о Вольге и Микуле. Построенная на противопоставлении богатыря-пахаря и князя, былина шаг за шагом раскрывает преимущество Микулы как представителя трудового крестьянства перед князем Вольгой. Некоторые из этих эпизодов включают сатирические элементы. Комичны усилия дружинников и самого Вольги, когда они «сошку за обжи вертят» и тем самым еще глубже зарывают ее в землю, вместо того чтобы сильным рывком выдернуть ее из земли, как это делает Микула. Комична и фигура Вольги, тщетно пытающегося на споем богатырском коне догнать Микулу на его соловой кобылке и машущего своим шлемом, чтобы остановить Микулу.

А у ратая кобылка она рысью идет,
А Вольгин-то конь да поскáкивает;
А у ратая кобылка грудью пошла,
Так Вольгин-тот конь остается.
Стал Вольгá покрýкивати,
Стал колпаком Вольгá помáхивати,
Говорил Вольга таковы слова:
— Стой-ко, постой, да ора́таюшко!
(Гильф., II, 8).

И опять у современного сказителя находим интересные детали, усиливающие эти сатирические элементы. В былинке А. М. Пашковой, когда Вольга, узнав, что в города, куда он направляется для сбора дани, опасно ехать — живут там «мужички всё разбойники», — просит Микулу ехать с ним, богатырь его укоряет:

— Не срамись, удалой добрый молодец,
У тебя есть дружинушка хоробрая,
А немало-немного — три десяточка.
(Пар.—Сойм., 129).

Смеется Микула и над дружиной, не смогшей поднять от земли его сошки:

А стар мошник,¹⁹ верно, наварны щи,
А молоды черятки, да черви в них.

И сказительница добавила: «Приконфузил маленько» (Пар.—Сойм., 130).

Когда же за сошку берется сам Вольга, от натуги его «резвы ноженьки да подломилися, Очи ясные его да помутилися, А упал Вольга да на сыру землю». Тогда брал его Микула «за желты кудри, А садил его да на добра коня» (там же, 130—131).

¹⁹ Мошник — глухарь.

4

Обличение и высмеивание врагов родины, иноземных захватчиков и насильников, с одной стороны, представителей социальных верхов, князей и бояр, — с другой, составляет основное содержание былинной сатиры. Но элементы сатиры и юмора имеются и в изображении некоторых богатырей, в описании отдельных комических ситуаций, в иронических замечаниях героя-богатыря по поводу происходящего и т. п. Во всем этом сказалась зоркость народа, умеющего уловить и обобщить смешное и отрицательное в изображаемой действительности, а также его неиссякаемый юмор как одно из выражений оптимизма. Блестки юмора рассыпаны по многим былинам.

Прежде всего обращает на себя внимание меткая и остроумная сатирическая характеристика сословий, данная через образы отдельных богатырей как представителей этих сословий. Наиболее яркие зарисовки в этом плане находим в известной архангельской былине о заставе богатырской из сборника Киреевского (Кир., I, 46—52).²⁰ Напомним содержание начального эпизода былины.

Мимо заставы, во время отсутствия почти всех богатырей, оберегающих подступы к Киеву, удалось проскочить иноземному богатырю-врагу. Это обнаруживает по огромной «ископыги» возвращающийся на заставу Добрыня. Собравшиеся богатыри думают «думу крепкую»: «кому ехать за нахвальщиком?» Но одного за другим из называемых собравшимися отводит атаман заставы Илья Муромец, указывая те черты, которые могут стать причиной поражения. Выбирают сперва Ваську Долгополого. Илья Муромец возражает:

— Не ладно, ребятушки, полбжили:
У Васьки полы долгие:
По земле ходит Васька — заплетается,
На бою — на драке заплетется,
Погинёт Васька понапрасному.

В комическом образе Васьки, заплетающегося в долгих полах, нетрудно узнать представителя приказных древней Руси — дьяков и подьячих. Слова Ильи Муромца получают определенный смысл: у Васьки нет воинского умения, сноровки, хватки; ему нельзя доверить преследование врага.

Возражает Илья Муромец и против посылки за нахвальщиком Гришки Боярского:

— Не ладно, ребятушки, удумали:
Гришка рода боярского:
Боярские роды хвастливые,
На бою-драке призахвастанется,
Погинёт Гришка понапрасному.

Эта характеристика «боярских родов» перекликается с традиционным изображением в эпосе «князей-бояр».

Сатира на «поповские роды» дана в отводе Ильей Муромцем Алеши Поповича:

Алешенька рода поповского:
Поповские глаза завидушие,
Поповские руки загребушие,
Увидит Алеша на нахвальщике
Много злата, серебра, —
Злату Алеша позавидует,
Погинёт Алеша понапрасному.

²⁰ Почти тождественный вариант см.: Кир., IV, 6—12.

Здесь — то же ставшее традиционным в фольклоре изображение основной черты «духовного сословия», которое имеется и в других народно-поэтических жанрах — в сатирических антипоповских сказках, пословицах и поговорках, антиклерикальных песнях, частушках.

Социальная характеристика богатырей встречается и в других записях былин о заставе с некоторыми вариациями. Так, Алеша Попович оказывается «захлышшевой», т. е. забубенный, отчаянно, до неразумия смелый (Кир., I, 53), «непокорный» и «самозадорный» (Григ., I, 41), «гордлив-спесив» (Кир., IV, 13) — последнее, очевидно, по смешению с Гришкой Боярским. В беломорском варианте, записанном от А. М. Крюковой, введен еще новый персонаж на заставе — Ванька, «генеральской сын». Ему тоже нельзя, оказывается, доверить ответственное поручение, так как он «енеральского роду пришел, нежного» (Марк., 54).²¹

Отдельные иронические выпады против сословий, принадлежащих к угнетателям трудового народа, находим и в других былинах. Так, в одной из былин о бое Василия Буслаева с Новгородом, когда старище Макарище (т. е. старец, монах, вместо обычного — Пилигримища) требует от Василия послушания, говоря: «Я грамоты тебя учил, на добрые дела наставлял», — богатырь возражает: «А когда ты грамоту учил, да с меня деньги брал» (Григ., I, 168). В былине о Потыке, записанной на Печоре Н. Е. Ончуковым, имеются следующие сатирические характеристики предлагаемых князем Владимиром невест из разных сословий:

Не надо мне девки боярския, —
 Боярския девки злы-омманчивы;
 Не надо мне девки поповския,
 Не надо мне девки купеческой, —
 Поповския девки пропирогуются,
 Купеческия девки проторгуются.

(Онч., 240).

Из центральных героев богатырского эпоса в сатирическом и юмористическом плане чаще всего изображены Алеша Попович и Чурила Пленкович.

В литературе о былинах давно уже отмечено в образе Алеши Поповича совмещение с героическими чертами ряда отрицательных свойств. Алеша — член славной богатырской триады, постоянный участник богатырских дел, герой-победитель, уничтожающий страшного врага родины Тугарина Змеевича. Его главное свойство, постоянно подчеркиваемое былинами, — смелость. Вместе с тем в моральном отношении он далеко не безупречен: он не бескорыстен, как Илья Муромец, — наоборот, он зарится на золото и серебро, богатые и нарядные одежды; он «бабий прелестник и насмешник», способен на необдуманные поступки, склонен к обману. Былины часто ставят Алешу Поповича в комические и унижительные положения, являющиеся следствием его поведения.

Впервые эта особенность образа Алеши Поповича была отмечена Л. Майковым, указавшим, что Алешу былины противопоставляют Илье и Добрыне, «как воплощение нескольких свойств порочных». При этом некоторые из отрицательных черт Алеши представлены как особенности его личного характера («бранчив, задорен и груб», его плутоватость, неблаго-

²¹ От матери переняла этот образ и Марфа Крюкова, см.: Былины М. С. Крюковой, изд. Гос. литературного музея, т. I. М., 1939, № 14.

видное отношение к женщинам), черты же корыстности даются как отличительные особенности того сословия, к которому принадлежит Алеша. Вообще, по мнению Л. Майкова, именно родовое прозвище Алеши определило его былинную характеристику.²²

Эта мысль была впоследствии развита В. Ф. Миллером, который на основе тщательного изучения всего известного к началу XX века материала наметил эволюцию образа Алеши Поповича в сторону его снижения, основанную на ироническом отношении народа к попам.²³ Между прочим, В. Ф. Миллер отметил неравномерность данного процесса в разных былинных районах: более благосклонное отношение к Алеше Поповичу архангельских сказителей по сравнению с олонечкими, бóльшую сохранность в Сибири древнейшего образа Алеши Поповича как героя, оберегателя Русской земли.

Концепция развития образа Алеши Поповича, данная В. Ф. Миллером, укрепилась в литературе о былинах. Она вошла во все учебные курсы, вводные статьи к антологиям, в комментарии. В последнее время, однако, эта концепция подверглась ревизии. Установившуюся трактовку образа Алеши Поповича стремится опровергнуть В. Я. Пропп в своей книге «Русский героический эпос».²⁴ Он утверждает, что образ Алеши Поповича в эпосе вполне положительный, лишь с «некоторыми недостатками, свойственными молодости, как легкомыслие и смелость до безрассудства». Проследим за аргументацией В. Я. Проппа, которой он пытается снять указанные выше отрицательные черты образа.

1) В былинах, действительно, имеется насмешка над поповским происхождением Алеши Поповича, но она наличествует лишь в былине о единоборстве Ильи Муромца с сыном, где, по замыслу былины, в бой может и должен вступить только Илья, а потому другие или отводятся «с различными нелестными шуточными прибаутками», или терпят неудачу. 2) Обман, к которому прибегает в бою с Тугарином Алеша Попович, вполне допустим, как военная хитрость, приводящая к уничтожению противника. 3) Неблаговидное поведение Алеши Поповича в песне о сорока каликах ничего не доказывает, так как эта песня — не былина, а относится к духовным стихам, в которых «герои, совершающие воинские подвиги, унижаются за счет героев, совершающих подвиги аскетизма. . . В них светские герои подвергаются нарочитому унижению».²⁵ 4) Соблазнителем женщин Алеша не является. Его вина в былине о неудачной женитьбе на жене Добрыни далеко не так велика, как об этом говорят: он домогается руки Настасьи, когда истек законный срок, установленный Добрыней, и он считает себя вправе домогаться согласия Настасьи на брак с ним. Его вина лишь в том, что он «пускается на хитрость, чтобы отвоевать жену», и народ «не вменяет это ему в смертный грех, но все же заставляет. . . чувствительно поплатиться. . . и попасть в неловкое и позорное положение».²⁶ В былине об Алеше Поповиче и сестре Петровичей-Збродовичей Алеша «не насмешник над девушкой, а ее спаситель». Его выступление на пиру с рассказом о своей связи с сестрой Петровичей определено его стремлением вырвать девушку «из плена, на который ее обрекли братья, и взять

²² Л. Майков. О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863, стр. 126—127.

²³ Всеволод Миллер. Очерки русской народной словесности, т. II. М., 1910, стр. 153—162.

²⁴ Проф. В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Изд. Ленинградского университета, 1955. (В дальнейшем — В. Я. Пропп).

²⁵ В. Я. Пропп, стр. 203.

²⁶ Там же, стр. 270.

ее за себя, не спрашивая их согласия, так как согласие никогда не будет дано».²⁷

Рассмотрим эти аргументы, направленные на «реабилитацию» Алеши Поповича.

Конечно, последовательный отвод богатырей Ильей Муромцем в былине о заставе, так же как и безрезультатное возвращение Добрыни, находится в тесной связи с художественным замыслом былины. Но о том, что указание на жадность Алеши Поповича не только «нелестная шуточная прибаутка», присущая одному сюжету, а ставшая традиционной особенностью обрисовки Алеши Поповича, свидетельствует и ряд деталей из других былин. Так, в прионежской группе былин о Дюке отмеченная социальная черта Алеши Поповича служит мотивом для отвода Алеши от посылки на опись Дюкова имущества:

Его глазищечка поповские,
 Поповские глазищечки завидливы,
 А ему оттоль с Индеи да не выехать!

(Гильф., II, 517).²⁸

В мезенских вариантах этот мотив вносится в былины о Добрыне и Алеше. В одном из них Добрыня запрещает жене выходить замуж за Алешу, так как он «роду все поповского» (Григ., III, 192). Здесь нет еще указания на родовой недостаток Алеши Поповича. Былина вспоминает и другой, старейший мотив запрета: «А да Олешенька Попович да мне крестовой брат». Но другой вариант развертывает мотив в плане указанной социальной характеристики:

А Олеша не роду да хрестиянского,
 А Олеша-та роду да всё поповского,
 Ише руки у Олеша да заграбущие,
 А глаза у Олеша да завидущие,
 А окстит тут Олеша да златом-серебром.

(Григ., III, 323).

Но не только богатыри характеризуют Алешу Поповича с такой стороны. В былинах показано, как отмеченная черта проявляется в поступках Алеши. В былине об Алеше Поповиче и Тугарине из сборника Кириши Данилова Алеша Попович попадает в трагикомическое положение как раз из-за своих «завидущих» глаз. Убив Тугарина, Алеша снимает с него «платье цвѣтное на сто тысячей и все платье на себя надевал» (К. Д., 125).²⁹ Товарищ Алеши Еким Иванович и калика принимают его за Тугарина и бегут от него. Алеша мчитя за ними. Тогда Еким выдергивает палицу и бросает «назад себе» и «угодил в груди белые Алеши Поповича», «и упал он на сыру землю». Только крест на груди Алеши спасает богатыря от расправы с ним Екима: последний по кресту узнает его. «И стали его оба трясти и качать, — говорит былина, — И потом подали ему питья заморского; От того он здрав стал». Но этим не заканчивается эпизод с платьем Тугарина. Поменявшись снова платьями с каликой, Алеша не забывает платье Тугарина Змеевича положить к себе в «чебодан» (там же, 126). В варианте той же былины одного заонежского сказителя 1920-х годов Алеша, убив врага, снимает «с шатра и с коня всё ценное, много золота, много серебра» (Аст., II, 144).

²⁷ В. Я. Пропп, стр. 409.

²⁸ См. еще: Гильф., II, 136, 578; I, 206.

²⁹ См. тот же эпизод в беломорской традиции: Марк., 237.

Так в героическую былинку об Алеше Поповиче, где он в целом представлен как доблестный герой, освобождающий Киев от насильника, вносится элемент сатиры.

Военная хитрость в бою с врагом, превосходящим его силой, разумеется, не может быть поставлена в укор Алеше Поповичу, как и военная хитрость, к которой прибегает другой богатырь — Василий Игнатьевич, когда он обманом выводит из стана Батыги его «рать-силу», чтобы в поле, на широком просторе перебить ее всю. Все эти эпизоды к гротескному облику врага прибавляют еще его недомыслие, глупость. Здесь В. Я. Пропп совершенно прав в своих возражениях. Но как раз на этой черте досоветские ученые мало или совсем не останавливались, говоря об отрицательных чертах в образе Алеши Поповича. Пожалуй, один Н. Дашкевич резко подчеркнул военную хитрость Алеши как выражение отрицательных его свойств: «В битве с противником Алеша не соблюдает должной чести». ³⁰ Н. Дашкевич несомненно заблуждался, говоря так.

Не так легко зачеркнуть сатирическое изображение Алеши Поповича в песне о сорока каликах. Пусть даже она по своей идейной направленности близка к духовным стихам, хотя вопрос о жанре этой песни может быть предметом спора. Но почему участие в интриге, задуманной Апраксией, приписывается именно Алеше Поповичу? Почему именно он изображен грубым и бестактным? Почему «нарочитому унижению» не подвергся в этой песне другой «светский герой» — Добрыня? Наоборот, в этой песне он и Алеша резко противопоставляются. ³¹ Все это объясняется только тем, что Алеша, как и Добрыня, вводится в песню о каликах с уже устоявшейся, ставшей традиционной характеристикой. Те же черты встречаются и в былинах в записях разного времени и при разных эпизодах. Так, в одном из старинных «сказаний» об Илье Муромце и Соловья-разбойнике, отмеченном близостью к устной традиции (из рукописи собрания И. Е. Забелина, второй половины XVIII века), Алеша Попович допрашивает Илью Муромца, кто он и откуда приехал, «нечестию», и Илья его бранит «пересмешищем», а Добрыня Никитич спрашивает о том же «очесливо», и Илья Муромец тогда отвечает ему (Тих.—Милл., 16—17). Кроме того, ни в одном духовном стихе герои, совершающие воинские подвиги, не унижаются. Их, этих героев, или вовсе нет, или они прославляются, как Егорий в стихе «Егорий и Елисафия», как Федор Тирон, Дмитрий Солунский, Александр Невский. ³²

Также никаким образом нельзя снять неблагоприятное поведение Алеши Поповича по отношению к женщинам. Эпитеты «бабий просмешичник» или «пересмешичник», «женский насмешник», «девочий насмешничек», «девичий перелестник» сопутствуют Алеше Поповичу в многочисленных вариантах былин о неудачной его женитбе не менее, чем действительно очень устойчивая и, очевидно, первоначальная мотивировка запрета выходить замуж за Алешу тем, что он «крестовый», «названный» брат. И не только эти эпитеты встречаются в олонечких былинах, где, по верным наблюдениям В. Ф. Миллера, сатирические элементы в изображении Алеши По-

³⁰ Н. Дашкевич. К вопросу о происхождении русских былин. Киев, 1883, стр. 237.

³¹ Другой смысл имеет эпизод аналогичной расправы с богатырем врага-чужеземца в быльи на заставе: цель его — показать грубость и физическую силу врага, с которым может справиться только Илья Муромец. Поэтому в мезенской традиции эпизод применен и к Добрыне Никитичу.

³² П. Бессонов. Калики переходные, вып. 1. М., 1861, стр. 504—524; вып. 3, М., 1861, стр. 525—558, 586—597, 669.

лады, переводится В. Я. Проппом в план героического творчества: Алеша представлен в ореоле героя, вступающего в борьбу с братьями — «извергами», притеснителями девушки-страдалицы. Его выступление на пиру, в котором он во всеуслышание заявляет, что он «довольно видал Настасью Збродовичну, а бывали и такие часы, что у ней на грудях леживал», рассматривается как начало сознательной борьбы в защиту девушки, тогда как здесь характерное для сложившегося к тому времени образа Алеши Поповича крайнее легкомыслие, необдуманность поступков, «зарывчатость». Лично задетый хвастовством братьев (как же! никто из богатырей не видел девушки!), он выступает с позорящим девушку заявлением, не подумав, на что он ее обрекает, к тому же даже указывает братьям способ проверить правильность своих слов. Конечно, Алеша здесь — не «злостный наветчик женской чести», как говорил А. Н. Веселовский. Когда он видит результаты своего поступка, ему становится жаль девушки: «тут де Олешеньке за беду стало, за великую досаду показалосе», — говорит былина (Онч., 25). И он спешит поправить дело — предлагает жениться или увозит девушку с места казни. Этот конец большинства вариантов (некоторые все же кончатся гибелью сестры Петровиной) вполне соответствует народному восприятию образа Алеши Поповича. Обрисовка же Алеши Поповича как сознательного эмансипатора женщин на фоне бытовой обстановки и общественных представлений XVI—XVII веков представляется искусственной, в ней многое примышлено, модернизировано.

И совсем напрасно. Образ Алеши Поповича в былинах вовсе не нуждается в лакировке, в «реабилитации». Прав П. Д. Ухов в своей статье о былинах в учебном пособии «Русское народное поэтическое творчество», когда он говорит, что эти черты (т. е. ряд отрицательных черт, указанных выше: жадность и другие) «не превратили Алешу в безусловно отрицательный образ».³⁴ Он далеко не безупречен, подобно тому как безупречен Илья Муромец и в основном Добрыня, но он любит свою родину, ненавидит врагов и самоотверженно борется с ними. И это в нем — главное. Народ любит Алешу Поповича как своего защитника, но показывает и его недостатки, высмеивает его слабости. Ошибка прежних исследователей заключается не в том, что они выделяли в образе Алеши Поповича отрицательные черты, а в том, что они видели в былинном эпосе два противоречащих друг другу образа, тогда как следует говорить о совмещении в одном образе и положительного и отрицательного начала. Отрицательное не заслоняет роли Алеши Поповича как богатыря-героя. Поэтому его изображение часто дано не в сатирическом плане, а скорее юмористическом. Случаи более резкого сатирического изображения Алеши Поповича, отмеченные выше, встречаются значительно реже.

В былинах много комических сцен, героем которых оказывается Алеша, и они полны юмора. На некоторых мы останавливались попутно. Одна из самых комических сцен дана в заключительной части былины о неудачной женитьбе. Добрыня расправляется с Алешей Поповичем:

Ухватил Алешку за желты́ кудри,
Выдернет Алешку чрез дубовый стол,
Бросил Алешку о кирпичен мост,
Повыдернет шальгу подорожную,
Учал шальжищем ухаживать:³⁵

³⁴ Русское народное творчество. Пособие для вузов. Под общей редакцией профессора П. Г. Богатырева. М., 1954, стр. 276.

³⁵ Шальжище — ручка шальги, т. е. плети; ухаживать — вместо охаживать.

Что хлопанье и что оханье, не слышно видь.
 Всяк-то, братцы, на веку женится,
 А не дай бог женитьбы той Алешиной:
 Только-то Алешенька женат бывал,
 Женат бывал, с женой сыпал.

(Рыбн., I, 171).

Сцена эта и ироническое заключение о «женитьбе» Алеши неизменно присутствуют во всех вариантах, отличаясь лишь отдельными выразительными деталями:

Взял же он Алешеньку охаживать,
 А не слышно было в бухканье да охканья!
 Хоть и всякой-то на свете женится,
 Да не всякому женитьба удавается.

(Гильф., I, 153).

Как нахлыстал Добрынюшка его тут дóлюби,
 А дóлюби Добрыня его дóсыти,
 Как со стыду, со страму со великого
 А тут этот Олешенька Попович-он
 Уехал он безвестно, не знают где.

(Гильф., I, 449).

Иногда ирония по поводу «удачной» женитьбы Алеши Поповича дается не от исполнителя, а вкладывается в уста Добрыни, или присутствующих на пиру, или даже самого Алеши Поповича. В одном из печорских вариантов Добрыня берет свою жену за руку и обращается к Алеше с ироническим поздравлением: «Проздравляю тебя, Олеша, с молодой женой!» (Онч., 393).³⁶ В другом, беломорском, варианте иронизируют участники пира:

Во глаза-ти вси Олешеньки насмеялисе:
 — Ты здорово женился — тебе нé с кем спать.

(Марк., 556).

Иногда изображается, что Алеша Попович сам после того, как Добрыня, поколотив его, «спустил... со белых рук», говорит, садясь «покрай лавочки»:

— Всякий-то чорт на веку-то женится,
 Не всякому женитьба удавается.

И исполнитель добавляет:

Только и Олешенька женат бывал.

(Гильф., I, 350).

Или:

Сидит Олеша за столом да задумалсе,
 И говорит Олеша таковы слова:
 — Быдто Олеша и жонат бывал!
 Быдто Олеша и с жоной живал.

(Кир., II, 14).

Современный сказитель И. Т. Фофанов замечательно раскрывает весь комизм сцены расправы краткой ремаркой:

А брал ён смелого Олёшку да Поповича,
 Брал его да за желты кудри,
 Тащил как с-за стола-то княженецкого
 (Жениха-го!).

(Пар.—Сойм., 225).

³⁶ См. также: Григ., I, 29.

Эта ремарка заставляет слушателей представить картину пышного свадебного пира, торжественную фигуру жениха, которого вдруг потащили за волосы и подвергли унижительному наказанию.

Из героев богатырского эпоса в сатирическом свете обычно представлен Чурила Пленкович. Выше было указано, что былина, изображая первое появление Чурилы перед князем Владимиром, уже относится к нему с осуждением, порицает его за самоуправство. В других былинах он изображен как «щап», т. е. щеголь, как «бабий угодничек» и хвастун. В пинежской былине о первой поездке Ильи Муромца именно Чуриле приписывается издевка над приехавшим к князю Владимиру богатырем-крестьянином. Он говорит князю:

— Этот мужик — досельшина,
Этот мужик — деревенщина,
Над тобой насмешается.

(Григ., I, 162).

Но достаточно было одного грозного взгляда Соловья-разбойника («Взглянул Соловей не по-хорошему»), чтобы Чурила «пустохвальщицо» (с таким постоянным эпитетом Чурила фигурирует в данной былине) «на корачки пал». Здесь, как и в ряде других былин, Чурила изображен как придворный богатырь и потому подвергается насмешке наряду с боярами.

Наиболее сатиричен образ Чурилы в былинах о Дюке. Он «наскакивает» или «находит» на Дюка (т. е. прицепляется ко всем его словам и поступкам), бранит его «мужиком да деревенщиной», обвиняет его в бахвальстве, в том, что он якобы «пустым» хвастает, вызывает Дюка на состязание, кто кого перещеголяет в богатом платье, в быстроте и ловкости коней, — и неизменно бывает посрамлен. Комична сцена, изображающая, как Дюк вытаскивает Чурилу «за желты кудри» из Днепра, в который Чурила «приобрюшился» со своим конем, и сажает его «на крутой берег».³⁷ Сатирическое изображение Чурилы в этой сцене усилено иронической отповедью Дюка:

— Ай же, Чурилушка Пленкович!
Не твое-то дело есть охвастати,
Да не твое дело бить о велик заклад,
А твое дело столько ходить тебе по Киеву,
По Киеву ходить тебе за бабами.

(Рыбн., I, 109).

Или, когда князь Владимир начинает упрашивать Дюка не рубить Чуриле «буйной головы» (как это следовало по условию заклада, предложенному самим же Чурилой) и оставить «нам Чурилу хоть для памяти», Дюк презрительно замечает:

— А ты ей, Чурилушко Пленкович!
Пусть ты князем ты Владимиром упрощенный,
Пусть ты киевскими бабами уплаканый!
Не изди с нами со бурлаками,
А сиди во гради во Киеви,
Ты во Киеви во граде между бабами!

(Рыбн., I, 199).

Чурила и в былинах о Дюке рисуется как придворный богатырь, входящий в ближайшее окружение князя Владимира. Недаром при закладе, как показывает иногда былина, за Чурилу «поручаются бояры толстобрюхие», «князья и бояры» (Онч., 127—128). Поражение Чурилы является

³⁷ См., например: Рыбн., I, 109, 199; Гильф., I, 213, II, 578 и многие другие варианты из разных мест.

одновременно посрамлением князя Владимира. Иногда это даже особо подчеркнуто: «Тут Владимиру к стыду пришло» (например: Гильф., II, 516).

В. Я. Пропп тоже видит сатирический элемент в былине о Дюке, но он всю былину вообще рассматривает как сатиру, и именно как сатиру на московское боярство XVI—XVII веков. При этом объектом сатиры является, по его мнению, в первую очередь Дюк: в нем обличается и высмеивается чванство, хвастовство богатством, высокомерное отношение к «киевской простоте». Само изображение имения Дюка, его богатства, рисующее, как говорит В. Я. Пропп, следуя за М. Халанским и С. К. Шамбинаго, боярскую Москву XVI—XVII веков, дано будто бы сатирически: «былина не просто изображает боярский быт, а изображает его сатирически, смотрит на него глазами народа, т. е. всего крестьянства».³⁸ В состязании двух «щاپов» — Дюка и Чурилы — карикатурно изображена их одежда, дана злая сатира на мужские моды XVII века.

В былинах о Дюке, действительно, много юмора в отдельных эпизодах. Вызывает улыбку поведение Дюка в церкви или на улице, когда он «на сапожки поглядывает, на шубку посматривает» (Рыбн., II, 195). Очевиден юмор в описании «сапожков» Дюка и Чурилы с такими высокими каблуками, что «под пятау... воробеюшки летят, перепархивают», и с такими загнутыми носками, что «хоть яйцом покати» (Рыбн., II, 321). Однако сатиру и юмор мы встречаем преимущественно в обрисовке противной Дюку стороны — Чурилы, князя Владимира, его посланцев, которым поручено описать имение Дюка. Комически, например, изображаются все случаи заблуждений посланцев, когда они горящие на солнце крыши принимают за пжар, охвативший весь город, или коровницу, портомойницу, калачницу, кухарку и т. п. принимают за Дюкову матушку. Сам же Дюк обрисован с явным сочувствием.

В. Я. Пропп, последовательно раскрывая содержание былины, стремится доказать, что Дюк — не герой песни, а объект сатиры. Дюк в былинах — боярский сын, а «при той классовой борьбе, которая составляет фон и часто — содержание былинной поэзии, боярский сын не мог бы стать героем песни».³⁹ При встрече с чудовищами (три заставы по дороге в Киев) он никогда не вступает с ними в бой, а «спасается бегством, быстротой своего превосходного и дорогого коня».⁴⁰ В тех вариантах былины, в которых изображена встреча Дюка с Ильей Муромцем, Дюк ведет себя не погеройски, старается якобы лестью или хитростью избежать боя с разгневанным Ильей Муромцем. В последних двух случаях, однако, не учитывается, что былина о Дюке не героическая и военные подвиги отсутствуют вполне закономерно. В противном случае жанровая специфика былины была бы иной. Столкновения с Ильей Муромцем и не должно быть, так как Дюк едет в Киев не в враждебными намерениями, а увлеченный рассказами о том, что «Киев-град в чести, в добри». Все же Дюк, хотя и не совершает военных подвигов, наделен богатырскими чертами. Когда Чурила «о полу-реки... в воду вверзился», Дюк спешит его выручить:

Скоро-наскоро скочил через Пучай-реку,
Еще того скорее поворот держал —
О полу-реки да он припадывал,
Он Чурилу за желты кудри захватывал,
Повытащил Чурилу с конем с воды.
(Гильф., II, 516).

³⁸ В. Я. Пропп, стр. 474.

³⁹ В. Я. Пропп, стр. 461—462.

⁴⁰ Там же, стр. 465.

Недаром и в своих укорах Чуриле после его поражения Дюк говорит: «Да й не надо ти смеяться вкруг богатырей» (Гильф., II, 136).

Что же касается боярского происхождения Дюка, то в былинах далеко не всегда отношение к герою связано с его происхождением. Так, Добрыня бывает и сыном богатого гостя торгового, и сыном князя, а образ его всегда положителен. Алеша Попович, как мы видели, хотя и наделен некоторыми чертами, свойственными «поповским родам», не становится персонажем отрицательным, подлежащим только обличению и высмеиванию. Ставр — боярин, но он победитель в споре с князем. Как выше указано, «боярским родам» приписывается хвастливость. Склонностью к хвастовству наделяется и Дюк. Этим и определяется известное наставление матери Дюка не хвастать в Киеве «своим большим именем». Однако, если бы Дюк был объектом сатиры, он был бы обязательно разоблачен как пустой бахвал, а этого нет. Он выходит из всех состязаний с Чурилой победителем. Оценка имени Дюка тоже доказывает, что Дюк хвастал «не пустым». Дюк отчетливо противопоставлен князю Владимиру и близкому к князю Чуриле, у него друзья — всегдашние антагонисты князя: Илья Муромец и даже иногда «голи».

В своем истолковании былины как сатиры В. Я. Пропп опирается, между прочим, на Белинского, говоря, что Белинский понял иронический и сатирический смысл былины: «Для него эта былина — „одна из примечательнейших“ в особенности по „тону простодушной иронии“»,⁴¹ он говорил, что «эта простодушная ирония есть один из основных элементов русского духа».⁴² Но смысл слов Белинского иной, чем тот, который придает им В. Я. Пропп. Привожу слова Белинского полностью: «Эта сказка одна из примечательнейших, особенно по этому тону простодушной иронии, с какою описывается бедность вооружения и вообще живота, бывшего с Дюком, по этой лукавой скромности, с какою Дюк объясняет князю причину, почему он ест у калачиков только верхнюю корочку. Эта простодушная ирония есть один из основных элементов русского духа: русский человек любит похвастаться, но никогда прямо, а всегда обиняком. . .»⁴³ Здесь, таким образом, ирония (может быть, правильнее сказать: юмор) в самом способе показа богатства, но не ироническое изображение самого богатства. Это близко к тому, что мы имеем в сцене нападения разбойников на Илью Муромца, когда тот говорит, что «у старого взять нечего и старого бить не за що», только есть у него шуба в пятьсот рублей, золотой казны с собой только взято на «чару похмельную», всего-навсего пятьсот рублей, а коня он не отдаст за целую тысячу.

В былине о Дюке не сатирически изображено богатство, а с восхищением, и прав Ю. М. Соколов, который первый высказал мысль (в последнее время она повторена Д. С. Лихачевым и мною),⁴⁴ что в образах и картинах былины выражалась общая мечта трудового народа о богатой и счастливой жизни.⁴⁵

Сатирические черты образа Чурилы как «щapa» и «бабьего угодничка»⁴⁶ отличаются устойчивостью. Былины о смерти Чурилы обычно

⁴¹ В. Я. Пропп, стр. 461.

⁴² Там же.

⁴³ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. V, изд. Академии наук СССР, М., 1954, стр. 389. — Курсив Белинского.

⁴⁴ Русское народное поэтическое творчество, т. I, М.—Л., 1953, стр. 236; т. II, книга 1-я М.—Л., 1955, стр. 169.

⁴⁵ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. Учпедгиз, М., 1938, стр. 250—251.

⁴⁶ Былинные эпитеты Чурилы, см., например: Марк., 109.

начинаются описанием его щегольской одежды, причем обязательно присутствует комически воспринимаемая деталь, отмеченная выше, в изображении «сапожков» щапа. Уже первое появление Чурилы перед князем Владимиром, когда перед ним несут подсолнечник (т. е. зонтик), «чтоб не запекло солнце бела его лица» (К. Д., 111), комически окрашено. Комизм этого изображения определен его неожиданностью после того, как только что Чурила был представлен в виде предводителя буйной дружины, несоответствием одного другому. Юмористично брошенное как бы мимоходом в той же былине замечание о том, что Чурила, посланный зазывать на пир, зайдя в дом старого Бермяты Васильевича, к его молодой жене, «тут он позамешкался» (К. Д., 112).

Все указанные сатирические черты в образах отдельных богатырей дошли в живой устной традиции и до нашего времени. С исключительным мастерством использует, например, в сатирическом плане образы Васьки Долгополого, Алеши Поповича и Чурилы Пленковича и некоторые традиционные ситуации былин А. М. Пашкова в ярко комических сценах своей былины о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром (Пар.—Сойм., № 2).

Оскорбленный князем Илья Муромец, которого не позвали на пир, открывает свой пир для городской бедноты против самого терема князя. Испуганный Владимир посылает одного за другим богатырей. Первый посланец, Васька Долгополый, пользуется случаем, чтобы хорошенько угоститься вином. После первой поднесенной ему чары Васька, как описывает былина, «раскуражился», «К Илье Муромцу да он подлащился», чтобы тот поднес ему еще. В результате Васька перепился, так что Илье пришлось дать распоряжение голям взять Ваську «за белы руки» да «под пазухи» и проводить до княжеского двора, «чтобы киевляне над Васькой не смеялись».

Тута голюшки кабацкие
Подхватили Ваську под руки,
Провели Василя да по Киеву
Ко тому двору ли княженецкому,
Отпустили Ваську и в обрат пошли.
А то Васька ль да Долгополый есь,
За длинны полы запинается,
По княженецкому двору да он валяется,
Не может он пойти в палаты белокаменны.

Вторым «зазывальщиком» оказывается Алеша Попович. Он высокомерно и презрительно отзывается о друзьях Ильи Муромца — голях кабацких, «нищете бедняцкой» и за это побит Илей. Былина рисует комическую фигуру «проученного» Алеши.

Присогнулся Олеша, поскорбился,
Будто пьяный напился на честном пиру,
Как приходит он ко князю ко Владимиру,
Говорит ему да таковы слова:
«Угостил меня Илья да наиспáшечку,
До двора до княженецкого едва допутался».

В этой сцене А. М. Пашкова следует традиции, известной нам по записям XIX века, рисовать комические унижительные положения, в которые попадает Алеша Попович вследствие своей бестактности.

Третий зазывальщик — Чурила. Описываются его сборы, соответственно его натуре щеголя:

Тут Чурилушко скорым скорёшенько
Одевается да снаряжается,

Одевал рубашечки-манишечки,
Надушился он да напомадился,
В дороженьку да он отправился.

Но он так и не дошел до Ильи Муромца:

Как идет Чурило он по Киеву,
Завернул в переулочок Марининский,
Со девицами да призабавился,
С попадьицами да призабавился,
Позабыл про князя про Владимира.
А Владимир-князь да стольно-киевский
По палаты ходит, поджимается,
Он Илью с Чурилой дожидается.

И князю приходится обратиться к неизменному исполнителю всех щепотливых поручений — Добрыне Никитичу. Сатирически заостряя свою былинку против князя Владимира, А. М. Пашкова, уже вопреки традиции, оставляет Добрыню пировать вместе с Ильей Муромцем. Оба они «ко князю идти да не торопятся» (Пар.—Сойм., 85—87).

Помимо определенных устойчивых сатирически или же юмористически окрашенных образов и комически разрешаемых конфликтов, в былинах имеются отдельные комические сцены, яркие зарисовки различных смешных сторон быта, высмеивание отдельных отрицательных явлений.⁴⁷

Такова, например, в ряде вариантов былины о Хотене сцена ссоры и драки двух «честных», «славных» вдов, когда одна из них, чванная мать девушки, которую сватает за своего сына другая, выплескивает последней «в ясны очи» мед или вино, заливая ей шубу соболиную⁴⁸ или колотит ее:

Втапоры Авдотья, Чесова жена, на то осердилася,
Била ее по щеке, таскала по полу кирпичету
И при всем народе, при беседе, вдову опозорила,
И весь народ тому смеялся.

(К. Д., 104).

Комизм сцены обусловлен здесь несоответствием поведения с занимаемым общественным положением.

В былинах о Чуриле встречается юмористическое изображение того впечатления, которое красавец и шеголь Чурила производит на женщин:

Где девушки глядят — заборы трещат,
Где молодухи глядят, — лишь оконенки звенят,
Где стары глядят, — манаты на сее дерут.⁴⁹

(Кир., IV, 87).⁵⁰

По былинам разбросаны отдельные юмористические замечания. Одни из них являются традиционными частями некоторых «общих мест». Таково обычное противопоставление в сцене похвалы на пиру «умного» и «глупого» хвастовства:

Уж как умной-то хвастат старой матеюю,
Кабы глупой-от хвастат молодой жонной.

(Овч., 22).

⁴⁷ Проблема юмора как одной из характерных черт былинного (равно как и сказочного) стиля нуждается в специальном изучении. Здесь мы намечаем лишь некоторые конкретные проявления юмора.

⁴⁸ См., например: Гильф., II, 118; Грив., I, 612, и др.

⁴⁹ Стары — старицы, монахини; манаты — мантии.

⁵⁰ См. еще: Гильф., III, 180; Пар.—Сойм., 76.

Другие юмористические замечания принадлежат отдельным исполнителям. Например, в былине «Состязание молодца конями с князем Владимиром и бой его с чудищем поганим» из сборника Григорьева (т. I) пинежская сказительница Н. В. Лисицына, рассказав, как молодец вымывает у калики своего коня, полученного им от князя, добавила:

Они сели оба и поехали;
Уехали и топеря ездят. нас переёздят.
(Григ., I, 402).

Юмором наделены и богатыри. Ряд случаев, когда юмористические или саркастические замечания самого богатыря-героя завершают ту или иную традиционную комическую сцену, кладут последний сатирический штрих, — указывался выше: поздравление Добрыней Алеши Поповича с «удачной» женитьбой, ироническое обращение Дюка к Чуриле после его поражения, насмешки Ильи Муромца и Алеши над прозорливостью Идолища и Тугарина и др. В особенности наделен юмором и остроумием Илья Муромец, эти черты — неотъемлемая принадлежность его образа; зло ироничен его ответ врагу, когда тот пытается сманить богатыря к себе на службу, обещая ему все блага:

— Кабы была у меня в руках тепере сабля вострая,
Послужил бы я тебе всё по твоей шей,
По твоей-то бы шей по тотьарьскою.
(Марк., 51).

Другой характер носит ирония Ильи Муромца в былинах о столкновении его с разбойниками, когда он не убивает их, а лишь дает им урок. Изображение этого столкновения дается в юмористическом тоне. Илья Муромец сперва дразнит разбойников рассказом о своих богатствах («Уж вам бить старого не за що, Уж вам взять у старого нечего, Ой ище есть у миня, есть кунья шуба. . .» и т.д., — Григ., I, 484—485),⁵¹ а затем пугает их, стреляя в дуб и расщепляя его.⁵² Иногда он еще иронизирует над разбойниками, павшими ниц от его выстрела:

— Полноте лежать во сырой земле,
Полноте спать-высыпаться:
По дороге много пошшли конных и пеших,
У себя вы много доброго упустили!
(Кир., I, 27).

Илья Муромец смеется над богатырями, попавшими по своему легковерию в ловушку, расставленную коварной соблазнительницей проезжих молодцев. Выведя их из погреба, куда они попали с подложной кровати, он говорит:

— Всякой-то на свети женится,
А не всякому женитьба удавается.
(Пар.—Сойм., 91).

Юмористически окрашены размышления Ильи Муромца на распутье у трех дорог. В одну из них ехать — «женату быть». В смешном свете представляется Илье его возможная женитьба:

— Да на што мне-ка старому жонату быть?
Мне-ка младая взеть, так то корысть чужа;
Мне-ка старая взеть, да замены нет,

⁵¹ Эта издевка Ильи Муромца присутствует неизменно во всех вариантах, независимо от характера развязки.

⁵² См., например: Кир., I, 15—16.

Да замены нет от ей да на печи сидеть,
Да на печи сидеть да кашой кормить.

(Григ., I, 86).⁵³

Сатира, как мы видели, органически вошла в былину, стала средством выражения основной идеи героического эпоса. Ведущие линии сатиры — осмеяние врагов русской земли и развенчание представителей социальных верхов: князя и бояра.

Характерной для былины формой сатирического изображения является гротеск. Его назначение при обрисовке врага — показать истинную цену тем видимым преимуществам, которыми враг гордится и которые состоят в одной грубой физической силе. С помощью гротеска раскрывается низменность натуры врага и вызывается к нему отвращение и презрение. Гротеску в былине постоянно сопутствует прием контраста: врагу противопоставлен богатырь, наделенный, кроме физической силы, мужеством и отвагой, решимостью и находчивостью, самоотверженной любовью к родине.

Гротескно изображены в былинах и те унижительные положения, в которые попадают князь и бояре. Острота сатирического изображения князя и бояра обусловлена несоответствием их поступков тому, что следовало от них ожидать в силу их ответственного положения и значения в государстве. Своим недостойным поведением они сами себя разоблачают. И опять, как и в первом случае, прием контраста, противопоставление князю и боярам богатыря способствует яркости сатирической обрисовки.

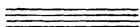
Одним из характерных приемов былинной сатиры является пользование в виде концовок, завершающих эпизоды, направленные на обличение и осмеяние, саркастическими или ироническими замечаниями от автора или от лица самих героев-богатырей.

Социальная сатира в эпосе выражена также обобщенными характеристиками отдельных сословий, данными через образы богатырей, которым приписывается принадлежность к тому или другому сословию.

Приемы сатирического и юмористического изображения былина использует и при создании художественного образа некоторых богатырей (Алеша Попович, Чурила). Обличаются и высмеиваются их недостатки и слабости. Оттенки в их сатирическом освещении различны в зависимости от общего их положения в эпосе. Чурила, представленный обычно как придворный богатырь, как герой новелл, не совершающий никаких воинских подвигов, подвергается более едким насмешкам, чем Алеша Попович, хотя последний и наделяется многими отрицательными свойствами. Но в глазах народа, несмотря на эти черты, он остается богатырем-воином, защитником родной земли.

В былинном эпосе не только создан ряд ярких комических сцен, но рассыпаны по былинам меткие, остроумные оценки изображаемого, отдельные сатирические и юмористические замечания. Своих героев-богатырей народ также наделял юмором, остроумием, иронией, и в особенности самого любимого своего богатыря, воплотившего лучшие национальные качества, — Илью Муромца.

Изучение сатиры в русском былинном эпосе показывает богатство и высокое мастерство художественных средств сатирического и юмористического изображения.

⁵³ Так обычно во всех былинах о трех или о двух поездках Ильи Муромца.

Н. В. НОВИКОВ

САТИРА В РУССКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ ЗАПИСИ XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА¹

Сатира в русской волшебной сказке записи XIX—начала XX века — тема, совершенно не разработанная в нашей науке.

В кругу представителей дореволюционной академической науки волшебные сказки нередко рассматривались как произведения, бесконечно далекие от текущей действительности, сохранившиеся в устной передаче вследствие неподвижности и застоя народной жизни, консервативности мировоззрения широких крестьянских масс.

В корне противоположного взгляда на народную сказку придерживались Пушкин, Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Салтыков-Щедрин и другие прогрессивные деятели русской культуры. Они относились к ней как к явлению, в котором прежде всего выразилась поэтически одаренная душа нашего народа, его гибкий, пылливый и острый ум, талант, неиссякаемая жизненная энергия, трудолюбие и героизм; как к такому

¹ В статье приняты следующие условные сокращения:

- Аз. — М. К. Азадовский. Сказки Верхнеленского края. (Записи 1915 г.). Иркутск, 1925.
- Андр. — Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929 (указывается номер сюжета).
- Аф. — А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки. Под редакцией М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова, т. 1, М.—Л., «Академия», 1936; т. 2, Гослитиздат, 1938.
- Жив. ст. — Живая старина, XXI, 1912, вып. 1—4 (указывается страница).
- Зел., Вятск. — Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губернии. Пгр., 1915.
- Зел., Пермск. — Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии. Пгр., 1914.
- Ив. — Н. А. Ивановичий. Материалы по этнографии Вологодской губернии. М., 1890.
- Красн. — Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела РГО по этнографии, т. I, вып. 1, Красноярск, 1902; вып. 2, Томск, 1906.
- Онч. — Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908.
- Сад. — Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884.
- Смирн. — А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества, вып. 1—2. Пгр., 1917.
- Сок. — Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.
- Худ. — И. А. Худяков. Великорусские сказки, вып. 1—3. М., 1860—1861—1862.
- Чуд. — Е. А. Чудинский. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. М., 1864.
- Эрл. — А. А. Эрленвейн. Народные сказки, собранные сельскими учителями. М., 1863.

Курсивом везде обозначен том или выпуск, прямым шрифтом — порядковый номер сказки в сборнике.

явлению, которое живет и развивается, жадно впитывая в себя черты исторической действительности, видоизменяется в связи с изменением жизни и быта народа, его эстетических вкусов и идеалов.

Поэтому не случайно революционно-демократическая фольклористика в лице Добролюбова настоятельно требовала от собирателей не только тщательности записей, но и конкретных наблюдений над условиями бытования фольклора, в частности сказок, наблюдения над их, как говорил Добролюбов, «жизненным началом», крайне необходимым для познания подлинного народного мировоззрения.

«Всякий из людей, записывающих и собирающих произведения народной поэзии, — говорил он, — сделал бы вещь очень полезную, если бы не стал ограничиваться простым записыванием текста сказки или песни, а передал бы и всю обстановку как чисто внешнюю, так и более внутреннюю, нравственную, при которой ему удалось услышать эту песню или сказку».²

Взгляды революционных демократов на поэтическое творчество народа в дальнейшем развил и углубил М. Горький. Его многочисленные высказывания о фольклоре, в основе которых лежит марксистско-ленинское материалистическое понимание истории, являются прочной теоретической базой для всей школы советских фольклористов.

Общеизвестно, какое исключительное внимание Горький уделял русской народной сказке, в том числе волшебной, постоянно подчеркивая ее огромное воспитательное, познавательное и эстетическое значение.

Следуя указаниям Горького, советские сказковеды провели значительную работу по сбору и публикации сказочного материала, а также по его научному обобщению. Однако ряд важнейших проблем ими еще не только не решен, но и не поставлен.

К одной из таких нерешенных проблем относится и проблема сатиры в русской волшебной сказке записи XIX—начала XX века.

1

Исследователи, изучающие традиционное народно-поэтическое творчество дооктябрьской эпохи, постоянно сталкиваются со многими специфическими трудностями, с которыми никак нельзя не считаться и при разработке настоящей темы.

Сказочные тексты, находящиеся в распоряжении исследователей, записаны сравнительно недавно. Известно, что начало научной публикации сказок у нас было положено А. Н. Афанасьевым в середине 50-х годов прошлого века. Поэтому естественно, что судить о бытовании и характере русских сказок в более отдаленное время мы можем лишь очень приблизительно и с большими оговорками. Исторический путь развития сказочного жанра остается до сих пор одним из неосвещенных вопросов в науке.

Дореволюционные собиратели, стремясь к «живой» записи и строгой паспортизации текста, почти не оставили своих наблюдений над бытованием сказки в «естественных» условиях. Вследствие этого нам трудно сейчас судить, например, о том, как сам рассказчик или аудитория реагировали на ту или иную ситуацию в сказке, воспринимали события, поступки и действия сказочных персонажей. Отсутствие подобных наблю-

² Н. Добролюбов, Полное собрание сочинений в 6 томах, т. I. 1934, стр. 433.

дений особенно чувствительно при разрешении таких тем, как наша.

Собиратели — по цензурным ли условиям или по собственным идейным убеждениям (не следует забывать, что в рядах собирателей нередко подвизались люди из господствующих классов) — подчас исключали из текста наиболее острые в социально-политическом отношении места.

На публикацию сказок сильное влияние оказывала и методология собирателей. Попытки реконструировать волшебную сказку, представить ее, так сказать, в «первобытном виде», «очищенной» от всего «случайного», «чуждого» и «наносного», приводили некоторых собирателей к сознательному вмешательству в фольклорный текст и изъятию из него многих драгоценных жизненных деталей.

Наконец, сами сказочники не всегда решались (зачастую опять-таки по цензурным соображениям) рассказывать со всей полнотой и откровенностью свои сказки заезжему «барину» — собирателю.

О том, с какой осмотрительностью и осторожностью сказочники сообщали подчас свои материалы посторонним лицам, свидетельствуют многие собиратели, в том числе Н. Е. Ончуков, Д. К. Зеленин, братья Б. М. и Ю. М. Соколовы и другие.

Однако несмотря на все эти неблагоприятные условия русские волшебные сказки в публикации XIX—начала XX века отразили многие типические стороны действительности, в высшей степени интересные как для характеристики социально-политических воззрений и устремлений трудовых масс народа (по преимуществу крестьянства), так и для установления широких наблюдений над жизнью самого сказочного жанра. Это-то чрезвычайно важное обстоятельство и дает, как нам кажется, право выделить вопрос о сатире в волшебных сказках дореволюционной записи в тему вполне самостоятельную.

Одной из важнейших особенностей содержания волшебной сказки вообще является то, что в ней чудесное, фантастическое теснейшим образом переплетается с обыденным, житейским, реальным.

Рядом с распространенным зачином «в некотором царстве, в некотором государстве», условно обозначающим место действия волшебной сказки, встречаются конкретные названия краев, городов, местечек (например, Урал, Петербург); описывается ландшафт, в котором явственно выступают черты родной русской природы, знакомой и близкой сердцу сказочника и его слушателей. В мир традиционных сказочных образов, предметов и явлений (Бабы-яги, Кашея Бессмертного, Змея Горыныча, Жар-птицы, Сивки-Бурки, Конька-Горбунка, меча-кладенца, волшебного кольца, чудесной дубинки и т. д.) вторгается подлинная историческая жизнь народа со всеми ее радостями и печалью, заботами и тревожениями, классовыми противоречиями и борьбой.

«Во всякой сказке, — указывал В. И. Ленин, — есть элементы действительности».³

Вместе с отражением жизни на определенном этапе общественного развития в сказку закономерно входит сатира.

Принято думать, что отклонение от серьезной манеры рассказывания классических волшебных сказок допустимо лишь в зачинах и концовках. «Потешный» элемент зачинов и концовок, по мнению исследователей, должен в первом случае приободрить слушателя и настроить его к активному восприятию всего эпического повествования, во втором — спустить его из

³ В. И. Ленин, Сочинения. т. 27, стр. 79

заоблачных волшебных-фантастических высот, где он мысленно пребывал вместе со сказочником, на землю, в обыденный житейский мир.

Доля правды в этих суждениях, безусловно, есть, но только доля, ибо, как правило, постоянное внимание слушателей к повествованию сказочник поддерживает не только зачином, не только чудесно расцвеченным рисунком фантастики, вымыслом, но и вкраплением в самый рассказ комических и сатирических сцен и ситуаций.

Постоянный контакт волшебной сказки с жизнью требует внесения известных коррективов и в укоренившееся одностороннее определение назначения концовок.

Безусловно, наличие сатиры, юмора и вообще смешного и комического в волшебной сказке во многом зависит от склада характера самого сказочника, от состава и настроения аудитории, но и здесь решающее значение для возникновения и развития этих компонентов все же остается за общенародной поэтической традицией.

По мере ослабления веры народа в чудесное и фантастическое сказка как «складка», как художественное произведение все более и более обрастает бытовыми деталями; ярче, заостренней и целеустремленной становится ее сатира. Многие волшебные сказки, подобно другим произведениям народного творчества, превращаются в действенное идейное оружие борьбы трудовых масс против своих внешних и внутренних поработителей, борьбы с различного рода отрицательными явлениями в быту и жизни народа.

Конечно, нельзя преувеличивать сатирический элемент в волшебных сказках, не считаясь со спецификой их содержания и художественной формы, но нельзя и недооценивать, игнорировать его, как это сплошь и рядом допускается в фольклористике.

В фольклористической литературе существует мнение, что проникновение в волшебную сказку жизненного материала (в том числе, конечно, и сатирического) разрушает ее изнутри и неизбежно ведет к утрате ею традиционной обрядности, эпического строя.

Однако известные нам сказочные тексты не подтверждают этого. Сохранение или утрата тех или иных типических черт волшебной сказки в огромной степени зависит от того, кто ее исполняет. Как правило, в устах искусного рассказчика сказка продолжает жить во всем богатстве и своеобразии своей художественной формы.

Вообще нужно сказать, что редко можно встретить волшебные сказки, которые не заключали бы в себе в той или иной мере сатирический элемент, усиливающий их социальное звучание и тем самым возбуждающий к ним повышенный интерес у слушателей.

Как всякое художественное творчество, сатира волшебных сказок развивается по специфическим законам искусства.

Осмеяния и осуждения отрицательного в жизни сатиры волшебных сказок, подобно другим жанрам народного творчества, достигает путем максимальной концентрации определенных физических и нравственных качеств (хитрости, глупости, коварства и пр.) в отдельных персонажах; перенесения героев в обстановку, резко контрастирующую с той, в которой они обычно находятся; исполнения ими ролей и поручений, «не свойственных» их высокому положению, званию, чину и пр. Все эти художественные приемы народной сатиры можно легко обнаружить в тех конкретных сказочных материалах, которые мы приводим в качестве иллюстраций в ходе дальнейшего изложения статьи.

Но в отличие, например, от сказок-новелл, в построении сатирических сцен и образов волшебная сказка использует фантастическое, чудесное

(драгун-дубинки, гусли-самогуды и т. п.). Следует, однако, помнить, что между сатирой волшебных сказок и сатирой сказок-новелл существует определенная и в ряде случаев прослеживаемая взаимосвязь и взаимовлияние. Так, излюбленный мотив новеллистических сказок о глупых генералах искусно вплетается в ткань фантастического сюжета и становится органической частью сказочного повествования (см. стр. 52, 56). Но наблюдается и обратный процесс, когда отдельные образы или мотивы волшебных сказок творчески используются в сказках-новеллах или начинают оформляться в самостоятельные произведения новеллистического или анекдотического характера.

В сборнике Афанасьева в подстрочных примечаниях приведены два варианта к волшебной сказке «Бухтан Бухтанович» (Аф., 1, 163), построенные всецело на разработке мотива, встречающегося обычно в сказках типа «Два брата и 40 разбойников (Али-Баба)» (Андр., 676): обман царя (и других) с помощью взятого у него четверика (полмеры, меры) будто бы для измерения денег.

В варианте первом действующим лицом является Ванька Голой, который живет вместе со своей матерью в «большой бедности: изба на бок свалилась; окно худым сарафанишком затыкалось; ни сеней, ни двора — кругом чисто!» С помощью засунутых за обручи пустого четверика «пятакков да гривенничков» он ловко проводит богатого мужика и женится на его дочери. Таким же образом добывается руки дочери богатого купца и герой второго варианта сказки-новеллы.

В самостоятельное произведение, обличающее неверность купеческой жены, оформляется и эпизод волшебной сказки «Диво дивное, чудо чудное»⁴ о чудесном гусе, который не захотел идти жариться на сковородку (Андр., 571).

В сатирическом изображении фантастических существ (Змея Горыныча и пр.) и в применении некоторых художественных приемов (например, гиперболизации) волшебная сказка также находится во взаимосвязи с былинной традицией.

Приведем два примера.

1. Никто не отзывается на царский клич — найти похищенную царицу (здесь сказка пользуется формулой, близкой к былинной: «старый за малого хоронится, а от малого ответа нет»). Только Иван Затрубник, поваренок царской кухни, «мальчик невеличек», который «завсегда сидел... на печке да в золе валялся», начал поварам сказывать: «Кто царицу унес — я не ведаю, а розыскать ее да назад привести — дело плёвое! хоть сейчас готов!» Набольший повар рассердился: «Экой дурак расхвастался!» — схватил чумичку и ударил его по лбу. С того горя закричал-заревел Иван Затрубник громким голосом; от его крика детского с царских теремов крыша свалилася. Царь всполошился: «Кто, — говорит, — крышу повалил?» (Аф., 1, 130, вар.)⁵

⁴ П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Труды Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, кн. V, вып. 2, М., 1878, стр. 226.

⁵ Ср. в «Онежских былинах, записанных А. Ф. Гильфердингом» (изд. Академии наук СССР, т. II, изд. 4-е, 1950, стр. 17):

Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал разбойник по-звериному,
Маковки на теремах покривились,
А окóленки во теремах рассыпались
От него от повисту соловьяго.

(«Илья и Соловей»).

2. Путешествуя от Девыцы Лютой Змеицы к ее дедушке Кривому Богатырю, герой Иван Туртыгин (Сад., 2) застаёт его за обедом: перед ним жареный бык и чан воды стоит. Необычайная прожорливость Кривого Богатыря вызывает невольную насмешку Ивана, и он, несмотря на опасность, произносит: «Девыца тебе Лютая Змеица кланяется. Была, говорит, у нашего батюшки обжорлива корова: по стогу сена съедала, по чану воды выпивала». Кривой Богатырь сердится: «Ты еще, Иван Туртыгин, молодёхонек надо мной стариком смеяться». А у Ивана ответ готов: «Прости, дедушка Кривой Богатырь, я пошутил».⁶

2

Для постановки и решения вопроса о сатире в русских волшебных сказках важное значение имеет высказывание Н. Г. Чернышевского о сатире и комическом в литературе и искусстве. Н. Г. Чернышевский утверждал, что «безобразное становится комическим только тогда, когда усиливается казаться прекрасным», «оно возбуждает смех наш своими глупыми приключениями, своими неудачными поступками».⁷

Сатира в русских волшебных сказках в основном направлена на обличение пороков и недостатков эксплуататорских классов общества, причём критика этих пороков и недостатков ведётся с идеологических позиций широких масс трудового народа и в целом носит наступательно-прогрессивный характер. Сказка осуждает и зло высмеивает внешних насильников и внутренних поработителей трудящихся.

С первого взгляда может показаться, что от насмешек народ не уберёт и своих положительных героев, что он потешается и трунит над ними.

Взять к примеру хотя бы Незнайку, одного из популярных героев сказочного эпоса (Андр., 532). Причудливый наряд, несуразные речи и поступки его вызывают насмешки и презрение со стороны окружающих его лиц. Во дворце он появляется наряженным в бычью шкуру, с бычьим пузырем на голове вместо шапки. На вопросы короля (царя) — «Кто он?», «Откуда?» и т. п. — даёт односложный ответ: «Не знаю» или наделяет себя смешным прозвищем: «Плешь Плешивница». Король сердится, плюёт с досады и, принимая Незнайку за дурака, отправляет его в сад: «пусть-де наместо чучела птиц с яблонь пугает!» Ходит Незнайка по саду, ворон пугает. Попадаются навстречу ему королевские гости, спрашивают: «Это что за чудище?» Король объясняет: «Это Незнайка, живет у меня вместо пугала — от яблонь птиц отгоняет» (Аф., 2, 295; ср.: Худ., 1, 4).

Герой сказки, Незнайка, то непочтительно относится к царским особам — перед царевной никогда «шапки не ломает», заявляя царю в оправдание, что-де «голова нечиста» (Аф., 2, 295, вар.); то — на удивление и возмущение придворных садовников — царские сады опустошает («старые

⁶ Ср. в «Песнях, собранных П. Н. Рыбниковым» (М., 1861, ч. 1, № 15, стр. 87):

Говорит ему Идолище поганое:
— Экой ваш богатырь Илья:
— Я вот по семи ведр пива пью,
— По семи пуд хлеба кушаю. —
Говорил ему Илья таковы слова:
— У нашего Ильи Муромца батюшка был крестьянин,
— У его была корова едучая:
Она много пила-ела и лопнула.
Это идолищу не слюбилося.
(«Илья Муромец и поганое Идолище»).

⁷ Н. Г. Чернышевский. Возвышенное и комическое. Полное собрание сочинений, т. II, М., Гослитиздат, 1949, стр. 185—186.

деревья с корня вырывал да за тын метал»); то перед военной опасностью, переодевшись в «старое деревенское платье», с батажком в руке «всем людям на посмех» «от страха» из дворца убегает (Аф., 2, 296), а с ратного подвига возвращается весь обвешанный галками и воронами (Худ., 2, 50).

Русская волшебная сказка имеет целую галерею образов, схожих с Незнайкой: тут и Иван Дурак (Иван Затрубник), на котором «платьишко... худое», «весь в саже, волосы дыбом» (Аф., 2, 179), тут и глупый Емеля (Омеля), и Свиной Чехол, и Чернушка (Дунька-Дурка), и многие другие.

Но в каком бы «смешном» и «невыгодном» свете ни выставлялись положительные герои сказки, какими бы «отрицательными» чертами они ни наделялись, — все это лишь видимость, внешняя, так сказать, показная их сторона. В сущности же своей они всегда прекрасны и идеальны.

Замечательное искусство сказки, на наш взгляд, в том и состоит, что она, раскрывая перед слушателями лучшие качества героя, проявляемые им в борьбе, в столкновениях, в острых конфликтах, тщательно скрывает и маскирует их до поры до времени от окружающих его лиц.

Если, например, для окружающих Незайка просто-напросто дурак, трус и лежебока, то для слушателей сказки это подлинный герой, которого чудесный конь за доброту, прямоту и честность наделяет богатырской силой, мужеством, умом и красотой.

Это он, Незайка, за одну ночь «выравнивает» царские сады, рассаживает «цветы-деревья» («которого дерева двадцать человек не поднимут, то он единой рукою подхватывает!»), за ночь выращивает арбузы, отгадывает мудреные царские загадки. Это он под видом заезжего молодца троекратно вступает в смертный бой с сильным неприятельским войском и побеждая его, спасает страну от разорения и порабощения.

Симпатия и любовь слушателей всецело на стороне героя — с самого начала и до конца сказки. И потому они смеются и потешаются не над его причудливой одеждой, речью и поведением. Объектом их обличительного смеха являются все те, кто противостоит герою, кто, презрительно и высоко относясь к нему, всячески его третирует и оскорбляет, но кто из-за своей ограниченности не в состоянии разглядеть его настоящего лица и кого так умно и ловко он проводит. К таковым относятся два «разумных» и «храбрых» царских зятя, их жены, сам царь, который, задав пир по случаю победы над врагом, говорит с укоризной своей младшей дочери, жене Незайки: «Приведи и ты своего, хоть бы посмеялись над ним» (Худ., 1, 4).

В образе положительного героя слушатели сказки не видят ничего сатирического, ничего такого, что можно было бы разоблачить и над чем можно было бы вдоволь посмеяться, ибо прекрасное, как бы ни силилось казаться безобразным, не может быть таковым и потому не порождает ни осуждения, ни смеха.

3

На пути к достижению конечной цели положительные герои волшебных сказок встречаются с различными фантастическими существами-чудовищами, олицетворяющими собой или силы природы, или социальные силы общества. К таковым, например, относятся многоголовый Змей (Змей Горыныч, Усыня-змея и пр.), Идолице, Баба-яга, Кащей Бессмертный, Мороз-трескун, Обьедало, Опивало, богатыри Усыня, Горыня, Дубыня, Вернигора, Вырвидуб и многие другие. Одни из этих существ — добрые, по-

могающие герою преодолевать многочисленные трудности, другие — злые и коварные, всячески старающиеся погубить, «известить» его.

Внешние черты этих существ нередко представляются в сказках в гиперболическом виде. Например, Усыня-змей о двенадцати головах изображается так: «сам с ноготок, борода с локоток, усы по земле тащатся, крылья на версту лежат» (Худ., 2, 42). Не менее причудливо рисуется портрет Бабы-яги, костяной ноги, которая в избушке «на курьих лапках, на веретенных пятках» лежит «голова к стенке, ноги в потолок уперла; зубы держит на полке» (Худ., 2, 53), или: «лежит старуха, из угла в угол; одним ухом одета, а другое в головах» (Худ., 1, 18). Выразительно передается внешность сестер-ягишен (Худ., 1, 5): первая сестра — «из угла в угол перевертывается: одной рукой пол стирает, а носом трубу закрывает»; вторая сестра — «из угла в угол перемetyвается, одной грудью печь заматает, а другой трубу закрывает»; третья сестра — «железный у ней нос, в потолок врос; лежит отдувается». Об Усыне-богатыре говорится как о необыкновенном человеке, который реку шириной в три версты «спёр... ртом, рыбу ловит усом, на языке варит да кушает» (Аф., 1, 141). Другой чудесный спутник героя, дья из одной ноздри, не только приводит в движение ветряную мельницу, стоявшую от него за тысячу верст, но и препятствует царским парусным судам догнать героя: «Тут тот, что дул на мельницу за тысячу верст, взял одну ноздрю направил на царскую погоню, а другую на свои парусы, да как подул... Царскую погоню назад отбросило, а они тотчас приплыли к другому берегу» (Худ., 1, 33).

Пристально вглядываясь в эти и другие гиперболические образы сказок, созданные богатой народной фантазией, нетрудно заметить, как в них сквозь оболочку древнейших представлений доклассового первобытного общества явно проступает (пусть подчас в слабой, зачаточной и неразвитой форме) сатирико-комический элемент и черты гротеска, относящиеся несомненно к более позднему историческому этапу развития человечества.

Прослеживая эволюцию воззрений человека на окружающий мир, Ф. Энгельс писал: «Фантастические образы, в которых сначала отражались только таинственные силы природы, теперь приобретают общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил».⁸ Именно такая эволюция происходит с рядом фантастических образов русского сказочного эпоса (например, Змеем, Змеем Горынычем, Идолищем и пр.), которые, приобретая «общественные атрибуты», нередко становятся выразителями типических черт иноземного врага-насилыника.

Враг-насилыник — в образе ли многоголового змея или другого какого-либо фантастического чудовища — прежде всего страшен и могуч. С ревом и свистом «на разные голоса» он подступает к границам чужого государства, требует «с народа поборы немалые: с каждого двора по красной девке» (Аф., 1, 148) или ежедневно «по десятку людей» (Ив., 6) и угрожает — в случае неисполнения своих ненасытных желаний — огненным дыханием своим спалить, сжечь, истребить все «живое и мертвое», «прокатить головней по всему городу» (Жив. ст., 11). Наделенное огромной физической силой, чудовище вступает в единоборство с положительным героем сказки. И если из этого единоборства герой в конце концов все же выходит победителем, то здесь сказывается не только физическое, но и несравнимое умственное и нравственное его превосходство перед противником.

Прием резкой контрастности образов позволяет сказочникам оттенить в герое все лучшее, возвышающее его в глазах слушателей, в чудовище —

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 322.

все отрицательное, мерзкое, достойное осуждения и сатирического осмеяния. Враг в народной сказке силен, страшен и коварен; в то же время он смешон и карикатурен: «...летит Змей о двенадцати головах и двенадцати хоботах, ногами топает, глазами хлопает, зубами скрехчет», — так рисует его сказочник Абрам Новопольцев (Сад., 1); в другой сказке того же сказочника (Сад., 4) Змей, в соответствии с народной традицией, выглядит чудовищем с огромной и «дурной башкой» — «в синем море разбушевались сильные волны, и поднялся лютый Змей, и башка его трехведерный котел».

В речах и поступках врага-чудовища с особой силой выражены такие порочные его качества, как зазнайство, высокомерие, безудержное хвастовство. «Летит Змей, — рассказывается в одной из сказок (Худ., 2, 46), — конь под Змеем спотыкается, сокол стрепехается, собака лает. „Что, говорит, собачье твое мясо, спотыкаешься? Что ты, вороньи твои перья, стрепехаешься? Что ты, пес, лаешь? Со мной на свете нет ни здорника, ни спорника. Есть только один спорник Иван Кошкин, и того я, говорит, в мелкие части расшибу!“» Развязно-кичливая и самонадеянная речь Змея, пересыпанная угрозами в адрес героя, облекается и в следующую форму: «Я тебя (т. е. героя, — Н. Н.) на одну ладонь посажу, другой прихлопну, мокренько будет» (Худ., 2, 43) и др.

Исполненный решимости до конца драться с «нахвалящиком», уверенный в превосходстве своих сил, герой на все угрозы и вероломство противника отвечает с достоинством, решительно, дерзко, с саркастической насмешкой. «Ты зачем здесь, блоха рубашная?» — бесцеремонно обращается Змей к герою и получает от него ответ: «А ты зачем, гнида головная?» (Аф., 2, 176). В завязавшейся словесной перепалке Змей обычно угрожает съесть героя, на что последний отвечает: «Попытай, попытай, Змей проклятый! Всего не съешь, подавишься»; или: «Врешь, Змей проклятый, с головы клетист... всего не съешь, подавишься» (Худ., 2, 43).

В сказке «Хрустальная гора» (Аф., 1, 162) прожорливые змеи о трех, шести и двенадцати головах требуют от пастуха (переолетого Ивана-царевича) для поедания соответственно трех, шести и двенадцати коров. Иван-царевич каждый раз на грозные требования змей с иронией осведомляется: «Не жирно ли будет?» — и при этом в язвительно-шутливым тоне добавляет: «Я сам в сутки ем по одной уточке; а ты трех (шести, двенадцати, — Н. Н.) коров захотел!»

В целом ряде сказок противники чудесным образом делают для себя боевое поле (ток): «Дунули (Иван Сучич и Змей, — Н. Н.) в голенище, сделали токовище на девять верст разбегу и стали биться» (Красн., 1, 34). Бывает, что поле (ток медный, чугунный, железный) для поединка готовит по первому требованию героя один Змей: «Врешь, Иуда, поганые твои губы! — заявляет Иван Кошкин — Давай поле!» Иногда ток изготавляет Змей после обмена следующими любезностями между противниками:

Змей: «Дунь, Ивашка, своим духом, повали лесу на версту (в последующем — на две и на три версты, — Н. Н.), чтоб было нам с тобой где разойтись!».

Ивашко: «Дунь ты, проклятый Змей, проклятыми своими челюстями, повали лесу на версту» (Сад., 1).

Сама схватка героя с врагом-чудовищем изобилует острыми моментами, захватывающими драматическими сценами и ситуациями. Нелегко дается народному герою победа над врагом. В смертельной схватке ему приходится демонстрировать не только физическую силу и мужество, но и свой живой ум, хитрость, сноровку, изворотливость. Именно последние качества героя выгодно отличают его от глуповатого и несколько неповоротливого

противника, что дает возможность ряду сказочников эпизод поединка передать с некоторым комическим оттенком. Так, в «Иване-Кобылине сыне» (Худ., 2, 45) в разгар битвы со Змеем о двенадцати головах герой кричит: «Змей проклятый! оглянись назад; твое царство горит!» Обман удается: Змей оглядывается, а тем временем Иван-Кобылин сын срубает у него все двенадцать голов. Ловко проводит Змея и Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница (Сад., 1), который под разными вымышленными предложениями добивается у него разрешения на передышку во время боя. Все три предыдущие герои используют для того, чтобы сигнализировать своим братьям об опасности. Комически изображен Змей в решающий момент боя. Проснулись братья — добрые молодцы и пошли «лютого Змея трепать, только стал головой мотать. Не поспет глазами мигать, как его стали головы летать».

Другой популярнейший образ русской волшебной сказки — Баба-яга. Баба-яга — крайне противоречивый образ: она выступает то в роли доброй советчицы, помощницы и покровительницы героя или героини, то, наоборот, их коварной и злой противницей. Преследуя свою жертву, она готова преодолеть любые преграды, встречающиеся на пути, — переплыть широкую и глубокую реку, перегрызть большими и острыми зубами дремучий лес и высокие горы, вылизать языком отверстие в железной двери, и т. п. Но, будучи как добрым, так и злым существом, Баба-яга во внешнем облике своем неизменна: она до крайности безобразна и страшна. Причудливо фантастические и уродливые черты хотя и переводят нередко ее образ в план комический, однако сатирическое направление он получает только при определенных условиях, и потому сатирическое изображение Бабы-яги встречается далеко не во всех сказках.

Ярче всего сатирическая обрисовка Бабы-яги выступает в сказках, где она олицетворяет собой социальные силы — беспощадного эксплуататора и угнетателя слабых и незащищенных. В таких сказках к ней отправляют с различными поручениями или просто «в услужение» злые мачехи нелюбимых падчериц, преследуя единственную цель — окончательно сжить их со света. Своих пленников Баба-яга держит в страхе и подчинении, нагружая их непосильно тяжелой работой и угрожая за ее невыполнение смертью. «Поживи ты наперед да поработай у меня», — говорит она Василисе Прекрасной, — тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем» (Аф., 1, 104). Баба-яга, растянувшись в горнице, прежде всего требует накормить себя. Василиса «начала таскать из печки да подавать яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять; из погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съела, все выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины». Потом Баба-яга наказала ей вычистить двор, подмести избу, состряпать обед, приготовить белые да очистить четверть пшеницы от «чернушки» (ягеля). Когда на следующий день все это было исполнено, Баба-яга дает Василисе новое, еще более сложное задание: «Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли, по зернышку; вишь кто-то по злобе земли в него намешал!»

Труднейшие задания Бабы-яги выполняют героини и других сказок: они ткут (Аф., 1, 103; Сад., 16), прядут, ведут все хозяйство (Аф., 1, 102), топят баню, носят воду (Худ., 1, 14), и т. п.

Представление о чудовищной скарденности Бабы-яги и о невыносимых условиях жизни у нее можно составить по ответам, которые даются ее возмущившимися «домочадцами». Так, кот Еремей на приказание Бабы-яги «продрать» ее засмоленные глаза заявляет: «Мурлы, мурлы! я у тебя

сколько жил, от тебя корки горелой не видал...» (Худ., 2, 53). Точно такие же или близкие к этому ответы дают животные и предметы (кот, собака, рога, дверь, колодец и т. п.) и в ряде других сказок (например «Сноха» — Худ., 2, 59; «Иван Агич и Василиса Васильевна» — Сад., 16). Возможно, что именно это представление о Бабе-яге как богатой,⁹ спесивой и деспотической старухе-эксплуататорше и приводит к усилению сатирических и комических элементов в художественной трактовке ее образа.

Колоритным сатирическим образом русской волшебной сказки является чорт. Чорт сказочного эпоса силен и по-своему хитер, но его сила и хитрость не могут идти ни в какое сравнение с умом и ловкостью положительного героя (обычно бедняка-крестьянина, солдата), качества которого превращают грозного представителя народной демонологии в глазах слушателей в смешное и глупое существо.

Изображение обманутого человеком чорта (или чертей) является излюбленным мотивом русских, так называемых солдатских сказок. Путем обмана чорта в состязании с ним или просто обмана героиней всегда выходит победителем, получая от своего необычного противника в виде выкупа баснословную сумму денег или становясь счастливым обладателем его чудесных предметов.

4

Рядом с фантастическими существами, представленными подчас в сатирическом свете, в сказке живут и действуют отрицательные персонажи, выхваченные непосредственно из самой жизни и придающие сказке ярко выраженную социально-политическую остроту и сатирическую окраску.

Среди этих сатирических образов на первое место мы должны поставить образ царя, к которому народ, по словам М. Горького, проявил «насмешливое, отрицательное отношение».¹⁰ Надо помнить, что под обстрел народной сатиры попадал не просто царь, а плохой царь. Его-то сказка и бичевала, выставляя на всеобщее осмеяние. Крестьянство, как известно, долгое время находилось в плену «царистских» настроений и мечтало о «хорошем», «добром», «своем» царе. Эти настроения и мечты прекрасно передали волшебные сказки, в которых герой из народа, преодолев многочисленные препятствия, в конце концов добивается руки царской дочери, заступает на царство и устанавливает в стране мир и справедливый порядок.

Царистские настроения крестьянства проявились и в том, что не во всех сказках (даже на один и тот же сюжет) царь рисуется как отрицательный, сатирический персонаж. В этом нельзя не видеть отражения противоречивости и ограниченности крестьянской идеологии, с одной стороны, и влияния неблагоприятных условий бытования сказки в дореволюционное время, — с другой.

Нельзя забывать и еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, а именно — традиционную устойчивость образа идеального царя, который сохраняется в сказке в силу специфики ее жанра, подчас наперекор мировоззрению сказочника и слушателей. И ведь не случайно сказочница

⁹ «Осталась Василиса одна, — рассказывает в сказке «Василиса Прекрасная», — осмотрела дом бабы-яги, подивилась изобилию во всем, остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться» (Аф., 1, 104).

¹⁰ М. Горький. История русской литературы. 1939, стр. 98—99.

А. А. Слепая уже в наше время на просьбу собирательницы рассказать сказку заявила: «Ну это, ты милая моя, опять про чаря. Как хошь! Хошь пиши, а нет — не надо. Теперь чари не в почет пошли, а только так я в старину слыхала».¹¹

Таким образом, насмешливое, отрицательное отношение народа к царю сложилось не сразу и проявилось не во всех сказках. Изменение и переосмысление первоначального идеализированного образа царя в сказочном эпосе шло под влиянием роста классового сознания и развития революционной борьбы трудовых масс, особенно обострившейся в XIX—начале XX века.

Существует большое количество сказок с участием царя, представляющих наибольший интерес для нашей темы. К их числу принадлежат и сказки на сюжет о красавице-жене: «Пойди туда, не знаю куда», «Гусли-самогуды», «Поручение на тот свет» (Андр., 465). Эти сказки вошли почти во все крупнейшие русские сказочные сборники дореволюционной поры, что с несомненностью свидетельствует об их широком бытовании в народе. Несмотря на разницу в разработке отдельных эпизодов и сцен, общим и типичным для сказок на данный сюжет является недвусмысленное осуждение и высмеивание царя. Сказка снимает с царя ореол святости, «неприкосновенности», подчеркнуто снижает и развенчивает его образ. Она изображает царя завистливым, несправедливым, ограниченным и жестоким.

«Обзарившись» на «невиданную красоту» жены солдата, он изыскивает все средства, чтобы погубить его.¹² Заключительный эпизод сказки рисует полное торжество правого дела: коварный и завистливый царь, вынужденный в конце концов признать никчемность затеянной им борьбы с героем-солдатом, наказывается. «Ну, — спрашивает царь (солдата, вернувшегося с выполнения третьей задачи, — Н. Н.), — принес? — Принес, — говорит солдат и отворил сундуцёк и повернул дубинку. Выскозили богатыри, спрашивают солдата: бить ли, губить ли, живком ли копать в землю? — Не бить, не губить, — говорит солдат, — а только возьмите царя и главно сенатора и роздвиньте на шесть цестей. — Роздвинули. И на этой самой гозбе весь синод подписал: быть цярём солдату-сфлетору, а жене ёво цярцей».

Как эти, так и все остальные сказки на тему о красавице-жене связаны с выполнением героем трудных задач и поручений, которые обычно даются ему царем, реже королем, барином или каким-либо другим лицом.¹³

В качестве героя выступают стрелец-молодец, сиротинка, солдат, купеческий сын, дурак, Егор-несчастный и т. д. Столкновение, конфликт между героем и царем является главным и определяющим моментом сказок типа «Красавица-жена». В них герой в конце концов или самолично учиняет расправу над царем или прибегает к помощи фантастических существ и

¹¹ И. В. Карнаухова. Сказки и предания Северного края. «Academia», 1934, стр. 10.

¹² М. А. Колосов. Заметка о языке и народной поэзии в области северо-великорусского наречия. Сб. ОРЯС Академии наук, т. XVII, № 3, СПб., 1877, стр. 197—201 (сказка «Солдат и его жена царь-птица»).

¹³ Возможно, что наличие в отдельных вариантах сказки других персонажей, подменяющих царя, а также некоторое смягчение и затушевывание отрицательных черт в его характере частично объясняется сознательным стремлением собирателей или самих сказочников избежать возможных цензурных недоразумений и гонений (см., например: Зел., Пермск. 361; Е. Р. Романов. Белорусский сборник, т. I, вып. III. Витебск, 1887, стр. XI—XII).

чудесных предметов.¹⁴ У Зеленина (Вятск., 32) герой приводит к царю Чудо-юдо, которое «глаза не любит человеческие»: «Царь входит смотреть. Как увидело Чудо-юдо царские глаза, тут его (т. е. царя, — Н. Н.) и разорвало». В сборнике Афанасьева (2, 216, вар.) вместо Чудо-юда выступает Волк-самоглот: «Дурак взял гусли, идет дорогою, а за ним волк-самоглот, словно собака, бежит. Приходит к царю, а у царя князья и бояре собраны. Посмотрел царь на гусли-самогуды и говорит: „Штука славная, да что толку в ней! Мне жена его всего в свете дороже. Рассудите, князья и бояре! что теперь делать?“ Князья и бояре присудили отрубить дураку голову. Царь взялся было за меч, а Волк-самоглот разинул пасть — и проглотил его самого».

Явная издевка и глумление над царем и его приближенными происходит в заключительной сцене сказки «Солдатик, Марья-царевна и Нехороший» (Смирн., 1, 36). Здесь фантастическое существо Нехороший-Филипко вместе с героем-солдатом является в комнату, где сидят царь и генералы. «Солдат сказал: „Филипко, сдерни с них головы“. Филипко сдернул. Солдат велел надеть. Филипко надел. Царь и генералы заругались, за что они сняли головы. Солдат сказал Филипку: „сними с них головы и брось за окошко и пойдем“, и пошли домой».

В сказке «Купленная девушка» (Смирн., 1, 4) сказочник нарочито медленно развертывает заключительный эпизод, стремясь тем самым увеличить драматическую напряженность развязки. Возвращается герой в царские «белокаменные палаты» за чудо-дивом. Хитрый царь встречает его ласково, величает братцем названным, крестовым, просит показать добытое диво. В конце концов герой удовлетворяет любопытство царя, достает ширинку и четвертым взмахом вызывает войско, которому и «сметы нет». Царь пугается, умоляет: «„Названный крестовый брат! Закрой ширинку бога ради!“ — „Нет, брателко, не закрою! Моё войско иди и голову руби, кто на меня зло думат“. Войско пришло и первую голову смахнуло царю, а кто на его зло думал, тех начали рубить и крестить...»

В сказке «Мудрая жена» (Аф., 2, 216, вар. 1) герой расправляется с царем при помощи гуслей-самогудов: «Добывши гусли-самогуды, дурак приходит к царю; гусли начинают играть, а царь плясать пошел. Уж он плясал-плясал, пот с него градом льет, ноги приустиали, руки примахались; рад бы остановиться, да не может... И до тех пор играли гусли-самогуды, и до тех пор плясал царь, пока совсем не умер...»

В другой сказке «Слуга Егерь» (Онч., 151) расправу над царем и знатью учиняет дубинка: «Дал волю им (т. е. царю и сенаторам, — Н. Н.) Егерь повеселиться, а потом приказал дубинке: „Ну-ка, дубинка, гони гостей домой.“ Начала дубинка гостей хлестать, и гости разбежались».

Как видно, наказание царя и его приближенных носит различный характер и в подавляющем большинстве случаев разрабатывается в сатирико-комическом плане.

¹⁴ Очень редко герой примиряется с царем (Худ., 3, 86; Сад., 9; Смирн., 2, 310; Красн., 1, 36) или вместо царя наказывается подстрекатель: воевода (Аф., 2, 215), генерал (Худ., 3, 85). Однако и здесь не обходится подчас без сатирико-комических зарисовок. Так, в «Иване, крестьянском сыне» (Красн., 1, 36) читаем: «Проснулся царь, смотрит в окошко. Что такое делается, откуда взялся этакый дворец; посылает своих слуг справиться, какая невежа смела без спросу поселиться на царском лугу. Слуги пошли, сказывают, что царь к себе требует. Неидет Иван. „Скажите, говорит, царю, если хочет, пусть сам едет“. Слуги вернулись к царю: неидет, горючат; пусть царь сам, если хочет, придет. Нечего делать, велел царь оседлать себе лошадь, поехал».

Насмешливое, отрицательное отношение народа к царю пронизывает и другие волшебные сказки. В них царь изображается обычно дряхлым, слабым, трусливым, нерешительным и неуравновешенным стариком, падающим перед трудностями.

Уносит вихрь царицу «неведомо куда» — царь «печалится-кручинится, не ведает, как ему быть» (Аф., 1, 129); при опасном положении «у него ноженьки дрожат» (Сад., 60); он даже выйти «за ворота боится» (там же); рассказ сыновей о своем путешествии настолько его пугает, что он «со страстей» падает со стула и убивается (Смирн., 1, 150).

Во многих сказках царь изображается грубым, деспотичным и жестоким. В сказке «Купеческая дочь и служанка» (Аф., 1, 127) царь, узнав от купца, что у него «дочка хороша», решает немедленно на ней жениться. Не стал он «часа часовать», «написал письмо и скричал своим господам жандармам: „Ступайте вы к этому купцу и отдайте это письмо купеческой дочери!“», а в письме написано: „Убирайся венчатца“. Для царя ничего не стоит приказать «жандармам» вырезать у пленного солдата глаз (Аф., 1, 127); бросить в чугунный котел с кипятком стрельца-героя (Аф., 2, 169); пнуть «нешадно ногами своими» служанок (Зел., Пермск., 10); рассердиться, наскочить на героя и собственноручно «отпустить ему двадцать пять плетей» (Красн., 1, 4). Ставя перед героем трудные задачи, царь за невыполнение их обычно угрожает жестокой расплатой: «Мой меч, твоя голова с плеч» (Аф., 2, 169) или «С живого голову сниму!» (Сад., 60). Наивность и легкомыслие царя высмеивается в сказке «Бухтан Бухтанович» (Аф., 1, 163).

Иронизируя над царем, сказочники ставят его в положение, которое никак не соответствует его высокому официальному званию, и тем самым вызывают законную улыбку слушателей. Сшили Ване шубу (Красн., 4), надел он ее и «пошел по улицам города. На то время ехал верхом царь и наступил на хвост Ваниной шубы. Ваня остановился и говорит: „Вы что, разве не видите, что на человека наезжаете? Али ослепли?“ Царь рассердился на Ваню...» Царь сказки наделен обыкновенными человеческими слабостями и недостатками. На сколькоком хрустальном мосту, выстроенном за ночь героем, он, идя к заутрени, «чуть затылка не расшиб» (Смирн., 1, 4); при представлении сыном своей невесты — безобразной старухи — царь «завертелся, замахался, заплевался» (Смирн., 1, 5); взглянув на молодую и прекрасную героиню, «царь так и свалился от ее красоты» (Смирн., 1, 36); ожидая появления во дворце красавицы, он от нетерпения «кто ни едет, все дверь отворяет» (Худ., 1, 15) и т. п.

Иногда герои сами нелестно отзываются о царе. Так, в сказке «Три царства — медное, серебряное и золотое» (Аф., 1, 130, вар.) солдат прямо и смело заявляет: «Правду-матку сказать: и царь-то глуп».

Случается, что к прямой характеристике царя прибегают и сами сказочники: «Царь был скупой, жадный до золота», — повествуется, например, в сказке «Морока» (Чуд., 24) и добавляется в связи с его смертью: «Вот до чего зависть-то человеческая доводит».

Едкая сатира, пронизывающая концовки сказок на сюжет «Красавица-жена», присущи и целому ряду других волшебных сказок. Между прочим очень распространен в сказочном эпосе сатирический мотив «купания» царя в кипящей смоле (молоке, воде). Афанасьев приводит вариант к сказке «Летучий корабль» (1, 144), где царь в числе последней задачи дает герою-дураку такую: «вырыть глубокую яму, налить ее горячею смолою и поверх протянуть веревку. Говорит дураку: „Пройди взад и вле-

ред!“ — „Я не сумею; покажи, как делать“. Царь стал на веревку, а дурак выхватил меч и перерубил ее; царь повалился в горячую смолу».

Особенно характерен мотив «купания» царя с целью «омоложения» для сказок типа «Конька-горбунка» (Андр., 531).

Целиком уводя сказку в далекие доисторические времена, мифологи (Афанасьев) усматривали в главных действующих лицах ее не что иное, как олицетворение юного витязя-громовника и богини весны, которые, купаясь в молоке, «обретают творческие силы, а старый владыка, суровый царь зимы, погибает под ударом палицы». ¹⁵ Это было, конечно, превратное, антинаучное толкование, исключаящее наличие в сказке даже какого-либо намека на текущую действительность. На самом же деле древнейший по происхождению мотив «купания» в изложении сказочников XIX—начала XX века приобретает особую окраску: в нем четко выступает природа комического как «глупые притязания», «неудачные поступки» «безобразного» (старого и привередливого царя), которое «усиливается казаться прекрасным» (Чернышевский).

Вполне жизненно оправданы поступки героини сказки (Елены Прекрасной, Василисы-царевны, Марьи-Марьянки и пр.), которая, не имея никакого желания выйти замуж за царя-старика, под разными предложениями откладывает день свадьбы. Она знает, что не царь добыл ее, не царь выполнил и ее поручения. Все это сделал добрый молодец, которому она перед его купаньем в кипящих котлах — со смолой, молоком и водой — признается: «Ты ездил и страдал — я, быть мѳже, твоя буду» (Сад., 60).

Благополучное купание героя в котлах совершается с помощью Конька-горбунка. Сказка рассказывает: «Ванюша подошел к котлам — Елена Прекрасная стоит с царем, на краю. Царь дожидается, когда Ванюшка нырнет. Ванюшка перекрестился — бултых в смолу! Весь, как головашка, оттоль вынырнул, черный! Как в молочко нырнул — побеле стал, а водой обмылся, стал добрый молодец ни вздумать, ни взгадать, ни пером описать. Вот Елена Прекрасная посылает царя: „Нырй за ним!“ Он думает себе: „Ванюшка нырля, и мне надо“. Как в смолу нырнул, и теперь там сидит» (Сад., 60).

У Афанасьева (2, 169) царь, увидев, что из котла герой-стрелец вылез красавцем, «захотел и сам искупаться; полез сдуру в воду и в ту же минуту обварился». ¹⁶

Осмеяние царей в сказке достигается и путем наделения их разными обидными прозвищами, как то: царь Горох, царь Лукопѳр, царь Чубара, у которого «голова, как чан, глаза, как чашки» и др.

В настоящей статье мы не ставим своей целью исчерпать весь обширный сказочный репертуар, в котором образ царя рисуется в сатирическом свете. ¹⁷ Приведенных примеров достаточно для того, чтобы представить, в каком направлении шло творческое развитие этого образа в волшебной сказке.

Рядом с царем в некоторых сказках сатирически изображаются члены его семьи, особенно дочь, которая выглядит то недогадливой и даже наивно-придурковатой, то коварной, неблагодарной и просто нечистой на руку. В качестве коварной жены-изменницы она чаще всего встречается в сказках на сюжет «Чудесная птица» (Андр., 567). В основе таких сказок

¹⁵ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, 2. 1866—1869, стр. 128.

¹⁶ Ср. также: Смирн., 2, 321.

¹⁷ В наш разбор, например, не вошли сказки типа «Царь-Салтан» (Андр., 707) и некоторые другие, в которых сатирическая струя также довольно сильна и устойчива.

обычно лежит социальный конфликт между мужем (бедняком-крестьянином) и женой (царской дочерью).

О том, в какой мере рассказываются подобные волшебные сказки и как чутко и живо реагирует на них аудитория, прекрасно передано в очерке В. Г. Короленко «В пустынных местах». Здесь в качестве сказочника выступает бурлак Ефрем, а слушателями являются его товарищи по работе.

«Вахлак женится на царской дочери, — излагает Короленко вслед за Ефремом содержание сказки, — но и с ней тоже не очень церемонится. Собирается он навестить в деревне своего брата... Царь-тестюшко приказывает запрячь золотую карету. „Не надо, — говорит, — пешком пойду! Жена, проводи меня за околицу!“ Царевна не смеет послушаться и покорно следует за мужем. Вышли за околицу... Вахлак хлопнул ее по бедру, сказал слово... И стала из царевны... кобыла.

«Радостный смех... отдается от берега...».¹⁸

Из приближенных к царю лиц в сатирическом плане сказка также показывает бояр, дворян, сенаторов, генералов, офицеров и вообще «господ». Все они знатны, но недалеко, глуповаты, трусливы и завистливы, не способны ни на что, кроме мелких дворовых интриг и обманов. Бессилие и ограниченность их ума обнаруживается, например, в отказе от выполнения царских задач и поручений.

Снится царю сон о трех кольцах и чудесном коне. Большая награда обещается тому, кто этот сон «рассудит и коня того достанет». «Собрались на царский клич множество князей, бояр и всяких господ; думали-думали — никто не может сна растолковать, никто не берется коня достать (Аф., 1, 138). Или: «Вельможи потеют и никак не могут догадаться», какие у царевны «заветные волосы» (Жив. ст., 249—255).

Таков традиционный групповой сатирический портрет приближенных царя. Этот групповой сатирический портрет дополняется сенаторами-клевветниками (Худ., 3, 111), сенаторами и министрами — завистниками (Красн., 1, 38).

Сказка «Иван-дурак» (Красн., 1, 38) типична в ряду сказок с их участием (Андр., 592).

Хитростью и обманом сенаторы и министры стараются расстроить женитьбу Ивана-дурака на царской дочери. Однако герой ловко их проводит и в довершение всего наказывает. «Завел он их в лес, в боярышник, вынул флечку и начал наигрывать. Вот сенаторы и заплясали в боярышнике, изорвались все, исцарапались, кровь бежит с них, сами в лохмотьях».

В сказке «Мудрая жена» («Поручение на тот свет», — Аф., 2, 216) центр комедийного перенесен на злых советчиков короля — бояр. Король дает их герою-дураку в провожатые на тот свет. Очутившись на том свете, все они видят, как на покойном отце короля черти дрова возят да железные прутьями погоняют. «Стой!», — закричал дурак. Черти подняли рогатые головы и спрашивают: «А тебе что надобно?» — «Да мне нужно слова два перекинуть вот с этим покойником, на котором вы дрова возите». — «Ишь что выдумал! Есть когда толковать! Эдак, пожалуй, у нас в пекле огонь погаснет». — «Небось, поспеете! Возьмите на смену этих двух бояр, еще скорей доvezут!» Черти отпрягают покойного короля, впрягают бояр и отправляются в пекло. Возвращаясь оттуда, они кричат: «Но-но! Эх, какая пара славная! Дай нам еще разок на ней прокатиться». А бояре просят дурака: «Смилуйся, не давай нас; возьми, пока живы!» Наконец все они приходят к королю: «он глянул и ужаснулся: у тех бояр

¹⁸ В. Г. Короленко, Собрание сочинений, т. III, ГИХЛ, М., 1954, стр. 120—121.

лица осунулись, глаза выкатились, из спины, из боков железные прутья торчат».

Из отдельных представителей дворцовой знати сказка любит останавливаться на генерале, которого крестьянские сыны, одетые в солдатские шинели, не только «боятся... пуще царя» (Худ., 3, 90), но ненавидят, презирают и осмеивают. В «Злой невестке» (Смирн., 1, 3) генерал покушается на честь царевны и, встретив с ее стороны отпор, приказывает солдатам «бросить её в воду». Царевну спасает солдат. Прodelки генерала разоблачаются. Тогда «генерал бу-бух бросился в окно, прямо на штыки и закололся».

С едкой иронией описывается сцена неудачного ухаживания двух генералов, гуляк и волокит, за волшебницей — невестой Ивана-царевича, проживающей в городе под видом царской просвирни («О Жар-Птице и Царе Ироде» — Смирн., 1, 5). Генералы поочередно приходят к ней, чтобы «попить, погулять», а она — одного с помощью волшебного топора, другого с помощью волшебной жаровни — заставляет их целую ночь проработать. «Просвирня дала ему (первому генералу, — Н. Н.) топор; инерал побегал дрова колоть. Просвирня наказала топору: „До утра не отпускай“. Тот колет и колет, весь припотел; сертук скинул, до того достряпал. Солнышко высоко, просвирня проспалась, вышла и говорит: „Гли-ко, инерал, солнышко высоко, Иван-царевич гулять пошел“. Бросил инерал топор на отпашку, да-й унеси бог ноги». Со вторым генералом-волокитой разыгрывается такая сцена: «Инерал побегал за печку к жорнову. Она жорнову сказала: „До утра не отпускай инерала“. Сама спать повалилась, а инерал мелет, только трескоток идет. Вот те и гулять! Солнышко взшло, просвирня скричала: „Инерал! Иван-царевич гулять пошел“. Тут от жорнова скорее отмахнул, да-й бог ноги; и тот сертук оставил».

В сказке «Три царства — медное, серебряное и золотое» (Аф., 1, 130, вар.) изобличаются генералы-казнокрады, которые, откликнувшись на зов царя отыскать царевну, «забрали царской казны несчетное число и уехали неведомо куда». О них герой-солдат с язвительной насмешкой отзывается: «Хороши генералы! царскую казну огребли, из столицы ушли, засели в чужестранном городе и кутят себе с утра до вечера, да по трактирам денежки переводят. Правду-матку сказать: и царь-то глуп! ну, как таким плутам поверить было? Если б он догадался да пожаловал мне хоть десятую часть этих денег, так я бы ему давным-давно отыскал царевну». — «Что ж ты хвастаешь? — говорит ему царь, переодетый в одежду простолюдина, — пошел бы во дворец, явился бы государю и доложил все, как следует...» — «Э, любезный! куда нам грешным к праведникам! Во дворец меня на сто шагов не подпустят; а пойдешь — шею наkostenяют; да, пожалуй, еще под суд попадешь».

В «Иване Туршгине» (Сад., 2) генерал выступает в качестве мнимого жениха и избавителя царевны. Ложь генерала разоблачается, и его вешают.

Сказка XIX — начала XX века имеет дело с «блустителями» внутреннего «спокойствия и порядка» в государстве — полицейскими и жандармами, которые предостоят перед слушателями как ротозои и держиморды. Ивана-царевича, появившегося в одном королевстве под видом купца (Чуд., 16), признают за «мошенника», немедленно посылают в полицию и засаживают «под самый строгий караул». Он выдает себя за фокусника, делает птицу и на ней улетает из окна тюрьмы, легко обманув глупых полицейских. «Полицейские туды-сюда, ахать, охать, — как же, мол, это так? — Да делать-то нечего, — что с возу упало, то, должно быть, навсегда пропало».

Не избежали народного порицания царские чиновники и судьи. Так, в одной из вариантов сказки «Правда и кривда» (Андр., 613) спорящие обращаются с вопросом к судье, и тот, не задумываясь, отвечает им: «В наше время лучше жить кривдою» (Аф., 1, 117).

5

Волшебная сказка не прошла и мимо сатирического образа барина — популярнейшего образа русского фольклора, в частности сатирико-бытовой сказки. В волшебной сказке образ этот неизменно наделяется теми же отрицательными чертами, что и в сказке сатирико-бытовой. Барин-хвастунишка со странным и смешным прозвищем Поддержайко выступает в качестве мнимого змеборца в «Иване-царевиче и Марфе-царевне» (Аф., 1, 125). Вызвавшись спасти царевну, он вместе с ротой солдат при появлении змея о трех, шести и девяти головах каждый раз прячется в лес, а затем выдает себя за победителя. Как «виноватого» (победителя змея) его посылают к Водяному царю. «Вдрук навстречу им корабль — как птица летит, только и кричат: „Виноватова! виноватова!“, и пробежал мимо. Немного отплыли, другой корабль навстречу, и опять кричат: „Виноватова! виноватова!“ Иван-царевич (подлинный змеборец, — Н. Н.) указал на барина; уж ево били-били до полусмерти! Проехали». Когда приехали на место, Водяной царь приказал натопить «дóкрасна чигунну ли, железну ли баню» и посадить виноватого туда. «Барин перепугался, душа в пятки ушла! смертонька приходит!» Выручил Иван-царевич. Но «виноватова опять потребовали», теперь уж к самому Водяному царю; барина увели. «Уж ево ругал-ругал, бил-бил Водяной царь и велел прогнать». Возвратился домой барин и «пушше ешшо стал гордиться», помогая руки царевны. Наконец, царь дал согласие на брак. «Барин — где поднялся! рукой не достанешь! никто близко не подходи!» В день свадьбы обман обнаруживается, солдаты в один голос подтверждают, что барин при появлении змея «был еле жив» и что на борьбу с ними он «не годён». Тогда барина «разжаловали и послали в ссылку».

Сказка «Как на том свете работник скупова барина вызволял» (Жив. ст., стр. 302—304) примыкает к циклу сказок «Красавица-жена». Однако в качестве главного отрицательного персонажа в ней действует не царь, а барин «скупердяй», который отсылает работника, честно выполнившего все условия найма, на выполнение трудных задач, стремясь тем самым уклониться от обещанного: выдать за него замуж одну из своих крестьянок. Обличение скупого барина и его наказание происходят после выполнения героем последней, самой сложной задачи. Вместе с управляющим, который вместо умершего старого барина побывал в упряжке чертей, он возвращается с «того света» и требует от барина половину обещанного клада. «Зависть забрала барина, ня хоця отдавать половину добра, а в сундуках веклянь царвенно золото набито. А работник, бая: „спроси управляющава“. — Да где ж ён. — Да глян! Ажно обомлел барин. Посылал жирного, с брюхом, а таперя мошша машшѐи. Вот, бая, барин, один часок цѐрти поездили, да и то высох. — А каково было твоему батюшки? ох, кичало там скупярдыям».

Острый конфликт между бедным стариком и старухой — крестьянами — и баринском лежит в основе сказок на сюжет «Петух и жорновцы» (Андр., 715). Чудесные жорновцы, которые как повернешь — «ан блин да пирог, блин да пирог» (Аф., 2, 188) или «а блин да пирог, да каши горшок» (Смирн., 1, 166), крадет у старика со старухой барин. Кочеток

«золотой гребешок» летит за бариним и разоблачает его воровскую проделку криком: «Отдай, барин, жорновча» (Зел., Вятск., 78); «барин, барин! подай наши жерновки» (Ив., 9); или — более требовательно и с угрозой — «Косой барин, отдай мои жернова! Не отдашь, беду заведу!» (Худ., 2, 66) и т. п. Желая во что бы то ни стало освободиться от назойливых преследований кочетка, барин приказывает бросить его в воду (пруд, колодец и т. п.), в огонь, в хлев к скотине и т. д., но из всех этих бед кочеток постоянно выходит целым и невредимым и в конце концов вынуждает барина возратить похищенные им жерновцы. «И барин приказал ему (кочетку, — Н. Н.) отдать жорнов взадь» (Сок., 73); «Барин отдал ему (кочетку, — Н. Н.) жернова» (Худ., 2, 66); «Барин не знал, что ему больше делать с петушком, и отдал ему жерновки» (Ив., 9); «Видит барин — дело не минуче, и отдал крестьянину жерновки» (Смирн., 1, 158).

В сказке Афанасьева (1, 188) кочеток забирает жерновцы после того, как от его крика гости убегают из дома, а хозяин (барин) пускается догонять их.

Более заостренную сатирическую форму принимают концовки сказок в сборниках Садовникова, Зеленина и Смирнова, в которые вводится эпизод наказания глупого барина.

У Зеленина (Вятск., 78), например, рассказывается, что после того, как петух благополучно залил водой огонь, «барин велел зажарить петуха. Барин съел петуха. Петух выскочил из брюха барина и опять закричал: „Отдай, барин, жорновча!“ Тогда барин осерчал и закричал: „Ташшите, слуги, топор: отсеком ему голову!“ — Как хотели по голове петуха шваркнуть, да угадали по барину и засекали барина. Петух и вылетел».

С ярко выраженным сатирико-юмористическим оттенком передается заключительный эпизод и в сказке Смирнова (1, 166): «Вышел барин из себя и приказал зажарить петушка. Зажарили петушка и подали барину. Всего до косточки съел его барин. Съел да и думает: „Ну, теперь, негодяй, не будешь больше кричать!“ А петушок вдруг и закричал в барском животе благим матом: „Барин, барин, подай мои жерновка!“ Рассвирепел барин и приказал лакеям зарубить петушка. Не смели лакеи ослушаться барского приказу и давай рубить топорами по барину, чтоб достать петушка. Разрубили барина, а петушок выпрыгнул из него, схватил жерновка да и был таков».

В некоторых сказках барин выглядит не только глупым и завистливым, но и жестоким человеком. За отказ крестьянского сына Гриши рассказать, «что во сне видел», он надевает на него медвежью шкуру, вывозит в поле и «ну травить собаками» (Чуд., 14).

Из служителей церковного культа чаще всего объектом сатиры является поп.

Царская цензура немало потрудились над тем, чтобы не допустить сатирической обрисовки его в литературе. Известно, например, что при напечатании сказки Пушкина о попе и его работнике Балде Жуковский заменил попа купцом.

Примерно то же самое произошло и со сказкой Афанасьева «Правда и кривда» (1, 115), где цензура изъяла попа и на его место поставила приказчика.¹⁹

¹⁹ Под давлением цензуры и Худякову пришлось вместо попа действующим лицом сказки «Работник» (1, 27) сделать хозяина (см. указания составителя на допущенные «погрешности» при издании 1 выпуска «Великорусских сказок» — Худ., 3).

Советские ученые восстановили по сохранившейся рукописи подлинный текст сказки, и обычный эпизод обращения двух спорящих мужиков к встречным с вопросом, как лучше жить — правдой или кривдой, — превратился здесь, как справедливо отмечают исследователи, в «яркую социальную сатиру: барский мужичок говорит о том, как у них господа „бес-перечь... дни атнимают, работать на себя некогда», купец заявляет: «Нас абманывают, и мы абманываем», и, наконец, поп утверждает: „Вот, слыш, нашли о чем спрашивать! Знама дела, што кривдой. Какая нонча правда? За правду, слыш, в Сибирь угадишь, скажут: кляузник. Вот, хоть, к примеру, гаварит, сказать вам не солгать! В приходе-та у меня разя десятая доля на духу-та, слыш, бывает, а знама дела мы, слыш, всех записываем. За то, слыш, и нам павальготнее; ин раз и молебен заместа абедни“» (Аф., 1, 587, Комментарий).

«Батрак» (Худ., 3, 95) относится к сказкам типа «Балда» Пушкина, стоящим на грани между сатирико-бытовыми и волшебными сказками. В ней в точности сохраняются все характерные мотивы и эпизоды, присущие группе сказок: заключение договора о службе между батраком и помещиком, отсылка батрака к чертям для сбора оброка, угроза батрака морщить озеро веревкой, состязание батрака с чертом (кто выше бросит, кто кого поборет и перегонит, кто сильнее свистнет) и т. п. (Андр., 1000—1029).

Сатирико-комический элемент сказки во многом выигрывает от привнесения в нее чудесного предмета — дудки, с помощью которой батрак наказывает жадного и глупого попа. Поп заприметил, что овцы день ото дня худеют. Решил подсмотреть, что с ними в поле делает батрак. И когда рано утром овцы двинулись на пастбище, «поп присел между ними» и пошел «среди них». «Батрак будто не замечает, гонит овец; нет, нет, да и стегнет их кнутом, да все норовит прямо попу в голову. Выгнал батрак овец в поле, вынул дудку и заиграл на ней, овцы заплясали, вскочил поп из середины и начал плясать в присядку; умучился бедный поп; пот градом течет с него, а батрак все играет. Стал поп просить батрака, чтобы перестал играть, а он и не слушает. Перестал батрак играть, поп выскочил из стада, пустился бежать домой».

Прибежал поп домой и рассказал обо всем попадье. Попадья не поверила, стала его бранить, что «он дурак, плясал нарочно». Но все же решила сама попросить батрака сыграть на дудке. Тогда поп стал умолять попадью посадить его в короб да короб привязать на чердак к перекладине, «чтоб не слышно было».

Вечером пригнал батрак с поля овец и по просьбе попадьи «вынул дудку, заиграл. Дело то было под праздник; попадья в это время пироги месила, да как было у ней на руках тесто, так и пошла плясать, переваливать тесто с руки на руку. Услыхал поп на чердаке; тесно ему там плясать в коробе; вот он нет, нет да стук об крышку головой, сорвался с перекладины со всем коробом, убился больно, прошиб головой крышку, выскочил из короба и начал на чердаке в присядку плясать. Устала попадья плясать, и тесто вывалилось у ней из рук, а батрак не перестает играть. Бросил батрак играть, пошел на двор. Повалилась попадья среди полу, охает от усталости. Пришел поп с чердака; от усталости духу не переведет; повалился тоже на пол, и отдыхали они до самого свету».

Из лиц духовного звания сказка высмеивает не только попа, но и архиерея и дьячка. Так, например, в сказке «Старик» (Худ. 1, 28) дьяка заманивает в репейник крестьянин и там заставляет его плясать под чудесную дудку: «Дьяк заплясал, весь репьем искололся, плачет да скачет».

Все это, а также сцена на эшафоте, когда под дудку героя все так заплясали, что «от усталости попадали на землю», живо напоминает приведенную выше сказку с участием министров и сенаторов.

Не малое место в волшебной сказке отводится бытовой сатире с ее острыми и меткими зарисовками, обнажающими и высмеивающими общечеловеческие пороки — жадность, трусость, стяжательство, зависть и т. п. Вот сказка «Солнце, Месяц и Ворон — зятья» (Андр. 299) — о старике, который, подражая своим чудесным зятям (Солнышку, Месяцу и Ворон-Вороновичу), оказывается в смешном и глупом положении (Аф., 1, 92). Подобно солнышку, он заставляет старуху на себе жарить оладьи;²⁰ как месяц лучом, так и он пальцем, просунутым в щель, пытается осветить баню, в которой по его же настоянию ночью парится старуха. Наконец, в гостях у Ворон-Вороновича старик забирается на насест под крыло своего чудесного зятя, и, заснув, они оба падают и убиваются.²¹

Элементы бытовой сатиры также заключаются в обширном цикле сказок на сюжеты «Мачеха и падчерица» (Андр., 480), «Чудесные дары» (Андр., 563 и 564), «Сумка, шляпа и рожок» (Андр., 569) и других.

Итак, русская волшебная сказка есть художественное произведение, связанное многими невидимыми нитями не только с далеким историческим прошлым, но и с текущей жизнью трудового народа.

Одним из проявлений этой связи является ее сатирическая окраска. Сатира волшебной сказки — прежде всего сатира социальная, направленная на обличение и высмеивание как внешних, так и внутренних классовых врагов народа, и в этом отношении она движется в русле всей народной поэзии, находясь в особенно близком соприкосновении с новеллистической сказкой и с былинной.

Поэтому абсолютно неверно волшебные сказки относить, как это делала и делает буржуазная наука, к «нейтральным» и далеким от жизни произведениям и не видеть в них рельефно выраженной социально-политической тенденции.

Особенность сатиры волшебных сказок состоит в том, что она тесно переплетается с фантастикой и развивается в строго ограниченных рамках фантастического сюжета. Отрицательные образы ее, обладая в целом устойчивостью и постоянством социального обобщения, внутри вариантов свободно перемещаются, заменяя и подменяя друг друга. Так, мы видели, например, что в популярнейшей сказке на сюжет «Поручение на тот свет» главным отрицательным персонажем в одном случае является царь (король), в другом — барин; спутниками героя на тот свет выступают то бояре, то управляющий барским имением и т. д. Известного разнообразия в этом отношении достигает сказка на сюжет «Чудесные дары» и «Сумка, шляпа и рожок», где в качестве главных отрицательных персонажей на равных правах фигурируют то царь, то барин, то поп.

Место и роль сатиры в той или иной волшебной сказке не одинаковы и зависят от характера самой сказки, ее содержания, композиции, действующих лиц и т. п. Особой остроты сатира достигает в тех волшебных сказках, в основе развития которых лежит социальный конфликт, рельефно обозначается социальное неравенство между действующими лицами (например, в разобранной нами сказке на тему «Красавица-жена»).

²⁰ «Сам сел на пол и велит ставить на себя сковородку с оладьями». Старуха поспеивается в успехе, а старик свое ладит: «Ничего... ставь, испекутся!» Старуха поставила, но «сколько оладьи ни стояли, ничего не испеклись, только прокисли».

²¹ Ср. «Про ворона» (Жив. ст., 280).

Кроме того, сила сатирической струи в волшебных сказках зависит от склада самого сказочника, от его характера и манеры исполнения. Среди замечательных мастеров русской сказки мы находим людей с явно сатирическим уклоном. Таков, например, А. М. Чупров, сказки которого записаны и изданы Ончуковым в 1908 г.

Наконец, наличие сатирических элементов в волшебной сказке находится в прямой зависимости от конкретных условий, в которых она рассказывается, от состава аудитории и т. д.

Проникновение сатиры в волшебные сказки вносит некоторые изменения в их язык, стиль, манеру изложения, хотя далеко не всегда ломает их каноническую структуру. Чаще всего сатира уживается с традиционной сказочной эпикой и обрядностью и развивается внутри их.

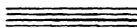
Сатира волшебной сказки, как, впрочем, сатира других видов и жанров народного творчества, исторически ограничена в своем содержании: осуждая представителей господствующих классов, она не поднимается до осознания эксплуататорского строя в целом, до осознания необходимости радикальной его переделки. Сказка видит конкретных врагов трудового народа, обличает и высмеивает их, но она не в состоянии подняться до революционных выводов и обобщений, указать народу единственно правильный путь к свободе и счастью.

Будучи по своей природе явлением противоречивым, волшебные сказки, как и другие жанры народной поэзии, отражают не только передовые, но и отсталые взгляды и настроения. Однако ведущая тенденция в противоречивом процессе ее исторического развития остается за трудовой, прогрессивной идеологией. Эта идеология наложила ярчайший отпечаток на волшебные сказки и особенно на их сатирическую направленность, в которой наглядно раскрылось подлинное отношение трудового народа ко многим явлениям общественной жизни.

Русская волшебная сказка в XIX—начале XX века имела прочный и постоянный контакт не только с текущей жизнью народа; идейно и художественно она была тесно связана с передовой национальной художественной литературой.

Сатирический дух русских волшебных сказок был прекрасно понят выдающимися деятелями русской литературы — Пушкиным, Гоголем, Некрасовым, Салтыковым-Щедриным, Горьким, — которые обращались к ним для того, чтобы глубже познать русскую действительность, русский национальный характер, многообразные свойства родного языка, чтобы вдохновляться их непреходящими идеями и образами и создать на их основе новые произведения искусства, достойные нашего великого народа.

Советские сказители, воспринимая и творчески развивая традиции русской классической волшебной сказки, остаются ревностными хранителями ее сатирического начала.

Е. Ф. ТАРАСЕНКОВА

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ САТИРИЧЕСКИХ СКАЗОК¹

Наиболее характерными для народной сказочной сатиры являются две группы сказок: а) сказки, отразившие социальные антагонистические противоречия, и б) сказки, осмеивающие недостатки в народном быту. Именно в сказках этих групп особенно отчетливо выражено своеобразие народной сатиры.

Сказки каждой из данных групп различаются по своему идейному содержанию. Одни обличают и высмеивают представителей господствующих классов, другие подвергают осмеянию и осуждению те или иные недостатки народного быта. По характеру сатирического изображения сказки каждой группы имеют отдельные отличительные особенности. Вместе с тем сказки обеих групп представляют собой единый жанр, так как основные способы отображения действительности в них одни и те же или родственны. Поэтому

¹ В статье приняты следующие сокращения:

- Андр. — А. Андроников. Народные сказки Костромской губернии. Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. I. Кострома, 1913. (Указывается страница).
- Аф. — А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки. Под редакцией М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова, т. 1. М.—Л., «Асадемия», 1936; т. 3, Гослитиздат, 1938 (для раздела «Из русских заветных сказок» указывается страница).
- Г. О. — Архив Русского географического общества. (Указывается шифр).
- Жив. ст. — «Живая старина», XXI, 1912, вып. 2—4. (Указывается страница).
- Зел. — Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губернии. Пгр., 1915.
- Зим. — М. Зимин. Ковернинский край. Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. XVII, Кострома, 1920.
- Ив. — Н. А. Ивановичий. Материалы по этнографии Вологодской губернии. М., 1890.
- Кавк. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
- К. Д. — Древние российские стихотворения, собранные Киршием Даниловым. Подготовка текста, статья и комментарии С. К. Шамбинаго. М., 1938.
- Красн. — Записки Краснодарского подотдела Восточно-Сибирского отдела РГО по этнографии, т. 1, вып. 1. Красноярск, 1902; вып. 2, Томск, 1906.
- Онч. — Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908.
- Сад. — Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884.
- Смирн. — А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества, вып. 1—2. Пгр., 1917.
- Соб. — А. И. Соболевский. Великорусские народные сказки, т. VII. СПб., 1902.
- Сок. — Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.

(Курсивом везде обозначен том или выпуск, прямым — порядковый номер сказки в сборнике).

отдельные эпизоды и сцены сказок одной группы легко переносятся в сказки другой группы.

Не всегда четко отграничены обе группы сказок и в отношении целенаправленности. В сказках, отразивших непримиримые классовые противоречия, находит место осмеяние недостатков народного быта, а в сказках второй группы не упускается случай высмеять представителей господствующих классов.

Изучение этих двух разновидностей сатирических сказок представляет большой интерес для разработки вопросов народной сатиры.

Идейное содержание сатирических сказок определяет характер их образов, стилевые особенности, композицию — их жанровое своеобразие.

Наиболее острыми по своему идейному содержанию являются сказки первой группы. Острие их сатиры направлено против представителей господствующих классов: жестокого барина, жадного попа, корыстолюбивых чиновников, судей, властолюбивого царя и других. По силе обличения, по своим художественным достоинствам сказки не однородны, но все подлинно народные сказки проникнуты демократическими настроениями.

Одним из ярких сатирических образов сказок первой группы является образ барина, жестокого по отношению к крестьянам, не приспособленного к труду, не знающего жизни народа, глупого и жадного. Какая бы черта характера барина ни выделялась в сказке, он неизменно представляется в смешном виде, подвергается унижению. В таком изображении барина высказано стремление народа видеть своего классового врага посрамленным и униженным.

В антибарских сказках высмеивается барин, чаще всего это помещик и чиновник. Чиновники рисуются так же, как и барин-помещик: наделяются такими же отрицательными качествами, так же попадают в смешные ситуации, в унижительное положение.

Народ разоблачал в сказках их взяточничество, продажность, жестокость, корыстолюбие.

Особенно популярным сказочным сатирическим образом был образ попа. Поп обычно стремится обмануть батрака, мужика, но все оборачивается против него самого: работник или мужик наказывает попа, унижает, высмеивает. Жадность попа является главным побудителем всех его поступков. Ради наживы он пускает в ход все средства, не совместимые с его сном и положением: мошенничество, использование религиозных обрядов в корыстных целях, вымогательство.

В сказках о попе-сластолюбце раскрывается противоречие между словами и делами церковников. В антипоповских сказках в своеобразной форме вынесен приговор духовенству, как сословию, враждебному народу.

Объектами сатиры в сказках являются также (в особенности в сказках пореформенной поры): богатый мужик — кулак и купец, в них обличаются бесчеловечность, черствость, завистливость, постоянное стремление к богатству.

Хотя в народе и были сильны царистские иллюзии, сатирические сказки выражают критическое отношение народа к царю. Иногда в одной и той же сказке с традиционным сюжетом царь наделяется положительными качествами и одновременно подвергается резкой критике.

Все отмеченные образы с их сатирической характеристикой встречаются и в сказках волшебных;² но в сказках бытовых, отражавших классовые

² См. статью Н. В. Новикова «Сатира в русской волшебной сказке» в настоящем сборнике.

противоречия, обличение и осмеяние отрицательных персонажей составляют основную целенаправленность произведения, определяют специфику данного жанра.

В сатирических сказках первой группы с демократических позиций выражен протест народа против существующего положения при самодержавном строе, против неравенства и угнетения трудовых масс. И хотя этот протест был ограничен, классово не осознан, сказки имели большое общественное значение. Не случайно идеологи господствующих классов нападали на эти сказки, запрещали их или старались затушевать их классовый обличительный смысл.

В воспоминаниях А. М. Горького о том, какое впечатление производили на него рассказанные нянькой Евгенией сказки, глубоко вскрыта обличительная сущность сатирических сказок: «По словам няньки выходило, что и все на земле глуповато, смешно, плутовато, неладно, судьи — продажны, торгуют правдой, как телятиной, дворяне-помещики — люди жестокие, но тоже неумные, купцы до того жадны, что в одной сказке купец, которому до тысячи рублей полтины не хватило, за полтинник продал ногайским татарам жену с детьми, а татары дали ему полтину подержать в руках и угнали его в плен, в Крым к себе, вместе с тысячей рублей, женой и детьми».

В сказках второй группы обличаются невежество, глупость, леность, упрямство, вероломство и другие пороки в быту самого народа, порожденные социальными условиями жизни в эксплуататорском обществе. Здесь сатирическое обличение и насмешки направлены на то, чтобы указать недостатки и тем помочь избавиться от них.

Глупость отдельных людей высмеивается в различных ее проявлениях. Сатирически рисуются образы глупцов, которые не умеют делать самых простых вещей, образ набитого дурака, который делает все невпопад, вопреки здравому смыслу.

Существует цикл сказок, в которых подвергаются осмеянию ленивые и нерадивые люди. Народ строго осуждает их. В этих сказках подчеркивается великая роль труда в жизни народа.

Особенно злой насмешке в сказках подвергаются скупые люди. Скупость расценивается как самый отвратительный порок, который строго наказывается. Осмеиваются в сказках, чаще всего через изображение семейных взаимоотношений, такие пороки, как вероломство, бессмысленное упрямство, легкомыслие и др.

Сатирическое изображение действительности присуще и другим произведениям народно-поэтического творчества: песням, былинам, народным драмам, пословицам и т. д. Эксплуататоры — поп и помещик, бездушные чиновники, лихоимцы судьи рисуются в весьма непривлекательном виде, осуждаются и носители пороков, свойственных народному быту.

Так, например, в юмористических, шуточных песнях высмеивается боярин-дурак, который «в решете пиво варил», поп, который «косарем сено косил», нерадивая «Дуня-тонкопряха» (Соб., 16, 17) и т. д. Такое единство образов и идей в различных видах народного устного творчества свидетельствует о единстве художественного мышления народа. Не случайно одни и те же сюжеты и образы иногда передаются и в песенной, и в сказочной форме. Так, сатирические сказки о дураке набитом, о Ереме и Фоме и другие имеют песенные параллели (К. Д., 58; Соб. 1—12), сказка о том, как вероломная жена послала мужа простака в Турцию за «турьским маслом» (Онч., 138), разрабатывает песенный сюжет о госте Терентьеце.

Идейное содержание сатирических сказок раскрывается не только в обрисовке отрицательных персонажей, но и в образе положительного героя. Сказки не только критикуют, но и выражают мечту народа о торжестве справедливости, о лучшем будущем, высказывают его отношение к различным сторонам жизни, к морально-этическим проблемам. Положительный герой сатирических сказок — мужик, батрак, солдат, ловкий человек, простая крестьянская девушка — не является полным воплощением идеала народа, но он выразитель положительных взглядов народа.

В борьбе с классовыми врагами и отдельными пороками в народной среде положительный герой проявляет лучшие человеческие качества, присущие русскому народу, — ум, сообразительность, находчивость, смелость, терпение, изобретательность, ловкость и другие. Батрак, мужик-бедняк пускаются на различные уловки и хитрости, чтобы одурачить жадного попа, унижить жестокого барина; солдат в борьбе с сенаторами, царем, генералами проявляет храбрость, смекалку, решительность. Героем многих сатирических сказок является ловкий человек: шут, вор. Противоречие данного образа отражает противоречия во взглядах крестьян. Герой наделяется привлекательными качествами: необыкновенно смел, находчив, остроумен. Он обманывает, обворовывает «господ», но его обман, воровство и даже жестокость не воспринимаются отрицательно, поскольку они являются средством борьбы против угнетателей и имеют целью высмеять, унижить и наказать классового врага. Герой сказок — ловкий человек, вор — воспринимается прежде всего как мститель.

А. И. Герцен вскрыл причины появления в фольклоре подобного героя и объяснил его поступки: «Отверженный всеми, — писал он о бедняке, — он понял инстинктивно, что все управление устроено не в его пользу, а ему в ущерб, и что задача правительства и помещиков состоит в том, как бы вымучить из него побольше труда, побольше рекрут, побольше денег. Понявши это и одаренный сметливым и гибким умом, он обманывает их везде и во всем. Иначе и быть не может: если бы он говорил правду, он тем самым признавал бы над собою их власть; если бы он их не обкрадывал (заметьте, что со стороны крестьянина считают покражею утайку части произведений собственного труда), он тем самым признавал бы законность их требований, права помещиков и справедливость судей».³

Ловкий человек ворует не ради обогащения, что характерно для героя классической западноевропейской «плутовской новеллы», а из нужды или мести. Несмотря на социальный смысл его поступков, на показ вынужденности его действий, в обрисовке этого образа проявляется ограниченность создателей этих сказок. Народ восхищался борьбой одиночек против представителей господствующих классов, какую бы форму эта борьба ни приобретала.

Среди положительных героев сказок второй группы нет батрака, бедняка, ловкого вора, противостоящих представителям господствующих классов. Противопоставление положительного героя отрицательным имеет здесь другой, более ограниченный смысл: ленивая жена — работающий муж, глупец — умный человек, вероломная жена — честный муж и т. д.

Герой сатирических сказок по своим типическим чертам отличается от популярного положительного героя волшебных сказок — Иванушки-дурачка. Последний побеждает врага в силу морального превосходства над

³ А. И. Герцен, т. VI, Пб., 1919, стр. 444—445.

ним. Герой сатирической сказки побеждает благодаря уму и хитрости, так как изображенная в сказке борьба с коварным врагом требует находчивости, смекалки, ловкости. Для Ивана-дурака характерно простодушие, незлобивость, самоотвержение. Герой сатирической сказки для достижения цели не останавливается перед средствами и с врагами бывает даже жесток. Несмотря на различие, оба эти образа являются подлинно народными. Положительный образ сатирической сказки по сравнению с положительным героем волшебной сказки является новым этапом в развитии художественного мышления народа, отразившим социальные отношения, классовую борьбу.⁴

Для выяснения жанрового своеобразия сатирических сказок необходимо не только раскрыть идейное содержание и типические черты сказочных образов, но и проследить, как в ходе повествования проявляются эти качества, как создается сказочный образ.

Очень важным приемом создания образов в социально-бытовых сатирических сказках является необычайность поступков персонажей и условий, в которых они действуют. Попадая в необычайные, чаще всего нелепые и курьезные обстоятельства, совершая необыкновенные поступки, сказочный сатирический персонаж полнее раскрывает себя. Так, мужик заставляет барина стеречь под шапкой под видом «пичужечки» сор, навоз (Сад., 27; Сок., 44). Ситуация необычная для взаимных отношений барина и мужика, но она острее показывает глупость барина и смекалку мужика и создает сказочное отображение действительности. В сказке «Глупая деревня» (Ив., 33) изображается необычное церковное богослужение. Священник заставляет прихожан повторять все за ним. Машет он кадилом — и крестьяне машут руками. «И вывалился попу каленый уголь за голенище; поп упал на спину и давай трясти ногою, а все миряне упали на спину и давай трясти ногами». Такого богослужения на самом деле не могло быть, тем острее сатира в сказке и занимательнее рассказ. Мужик, напугав барина разбойниками, заставляет его лаять всю ночь напролет. Эта нелепость лучше всего раскрывает трусость барина, его тревогу за свою собственность, его глупость.

Отрицательный персонаж, попадая в необычайные ситуации, или сам себя разоблачает, раскрывает свою сущность, или герой сознательно ставит его в смешные положения. Нередко отрицательный персонаж сказки пытается поставить в нелепое положение героя, высмеять его, но сам оказывается в более необычных, смешных обстоятельствах или совершает нелепые поступки. Так, барин, желая наказать работника, заставляет его пасти зайцев, но самому барину приходится выполнять задачу для него необычную, унижающую его (Онч., 258).

Необычайность, условность в развитии действия, в обрисовке образов придает специфический колорит сказке и особый характер образу. В сказке «Сердитая барыня» (Сок., 45) сонную барыню переносят к сапожнику, тот

⁴ М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 27, Госиздат, М., 1953, стр. 396. — Подробное раскрытие идейного содержания сатирических сказок не входит в задачу данной статьи, тем более что эта их сторона наиболее изучена. См. статьи о бытовой сатирической сказке в книгах: Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1 и 2. М.—Л., 1955—1956; Русская сатирическая сказка в записях середины XIX—начала XX века. Подготовка текстов, статья и комментарии Д. М. Молдавского. М.—Л., 1955.

утром без всяких сомнений принимает ее за жену и обращается с ней, как с простой крестьянкой. Все эти несообразности просто-напросто не замечаются. Эта условность придает повествованию сказочный характер, но совсем не нарушает логики в развитии событий. Здесь — условность, как и в волшебной сказке, но условность бытовая. Барыня наделена реальными, жизненно типическими чертами, но проявляет их в необычной обстановке.

Таким образом, в сатирических сказках рисуются разнообразные события, ситуации, обстоятельства, поступки героев, — необычайные, но в бытовом плане. Эта бытовая необычайность — самая характерная, специфическая черта сатирической сказки. Она дает возможность, не отрываясь от круга обычных, знакомых представлений, заострить, в преувеличенном виде показать то, что подлежит осмеянию, — глупость, подлость, жестокость, тунеядство и другие качества отрицательных персонажей, — и выявить те черты героя, с помощью которых он побеждает классового врага или перевоспитывает отдельных людей из народа: смелость, ум, сметливость, благородство и другие.

«Человек дается в разнообразных условиях, и натура его выявляется в этих разнообразных условиях во-всю»,⁵ — писала Н. К. Крупская о художественных приемах в сказке. Характерным для сказки является то, что персонаж, попадая в необычайные обстоятельства или совершая необычные поступки, проявляет качества обыкновенного человека.

Необычайны в сатирической сказке не только поступки героев или обстоятельства, но и те отношения, в какие ставятся представители господствующих классов и герои из народа. Уже то, что герои сказок бесцеремонно, свободно обращаются с попом, побеждают и наказывают барина, царя, — необычно для того времени. Само поражение классового врага тоже являлось для того времени необычайным. Но посрамление врага отражает мечту трудового народа о справедливости.

В сказках о недостатках в быту народа необычайность не так резко выделяется. Это объясняется тем, что в сказках первой группы необычайно уже то, что герой сказки — простой мужик, батрак, мастеровой — вступает в самые тесные житейские взаимоотношения с баринном, купцом, попом, царем, во взаимоотношения, которых в таком виде, как они представлены в сказках (герой из народа побеждает своего врага), на самом деле не было. В сказках же второй группы в самом факте обыденных отношений положительных и отрицательных персонажей нет ничего необычного. В них необычайность представляется как преувеличение какого-либо качества: чрезмерной глупости, лени и т. д. Это вторая сторона необычайности. Например, муж наказывает ленивую жену, обрезает косы (Ив., 36). Жена, проснувшись, не узнает себя: «Я-то бы я, да голова-то не моя!» В этом неузнавании и состоит необычайность ситуации. Поступки «набитого дурня» противоречат элементарной логике, в этом смысле они необычны. Герой сказки (Жив. ст., 234—236; Зел., 62; Онч., 50; Сок., 1; Смирн., 1, 77, и др.) забирается в дупло дерева и оттуда говорит своей неверной жене от имени святого Николы Дупленского, как ей поступить с нелюбимым мужем, чтобы уморить его. Нередко в сказках этого типа создается мнимая «необычайность»: чтобы обмануть и наказывать носителя пороков, герой притворяется мертвым, слепым или глухим.

⁵ Н. К. Крупская. О детской книжке. «Литературная газета», 1933, 29 марта, № 15.

Необычайность поступков, ситуаций, взаимоотношений героев не противоречит реалистичности сатирических сказок. Герои — обыкновенные люди; бытовая обстановка, в которой совершаются поступки персонажей, общая социальная направленность — все это определяет реалистический, жизненный характер сатирических сказок.

В создании сказочного образа главную роль играет обобщение типических черт характера, а индивидуализация их только намечается. Основываясь на этом, некоторые исследователи считают, что герои сатирических сказок схематичны.⁶ Но это неверно. Сказочные образы отмечены жизненностью и отнюдь не воспринимаются как схемы. Действительно, индивидуальных черт, какими обладают типические герои реалистических литературных произведений, у них почти нет. Отсутствует портретная характеристика, а если и дается, то в самых общих чертах. Почти отсутствует в сказках и описание психологических переживаний героя, привычек, размышлений и т. д., что характерно для литературного образа. Герои сказок часто даже не имеют собственного имени, просто сообщается: «жил был поп», или «жил один барин». Иногда имя дается лишь для рифмы, для украшения речи.

В образе выделяются основные важные качества, присущие большой группе лиц данной социальной среды. При этом они отмечаются непосредственно, дается прямая, так сказать «авторская» социальная и психологическая характеристика. «А поп скупой был» (Зел., 63); «В одной семье жил-был дурак набитой» (Аф., 3, 404); «В одной усадьбе была барыня и до того сердитая, никому житья не было» (Сок., 45); «У одного мужика была жена сварлива и упряма» (Аф., 3, 438). Но эта общая характеристика, данная в начале сказки, конкретизируется далее поведением героя. Сказочный персонаж совершает такие действия, при которых наиболее ясно обнаруживается то или иное его свойство. Действия и поступки героя индивидуальны, они-то и создают его живое лицо. В сказке «Голодный поп» (Онч., 250) сообщается, что «поп был скупой, только и глядит казачка не накормить». Затем в ходе действия эта черта раскрывается в его индивидуальных поступках: он радуется тому, что батрак за один раз завтракает, обедает и ужинает (меньше съест); отправляясь за сеном, не берет хлеба, чтобы не кормить работника, из-за жадности голодает сам.

Сказочный образ приобретает некоторые индивидуальные черты и благодаря тому, что в сказке очень тонко разработаны детали в обрисовке действий героя, обстановки и т. д. Они и создают живой, полнокровный образ. В сказке «Поп и дьякон» (Сад., 43) рассказывается, как дьякон воровал, а поп «ворожил». Детально разработана сцена, изображающая, как поп гадает по «черной книге» о пропавших лошадях и берет за это деньги с крестьян. Мужики обращаются к попу: «Ох, ты, батюшка, отец духовный, ты видишь свет; не знаешь ли, где лошадей наших след?» — «Ничего, друзья, не знаю, разве в черну книгу погадаю — все узнаю. Придите на утро». Пришли они на утро, сказал поп: «Ну, мужички, ваши лошади в лесу; дорогу только я вам не скажу: дайте сотенку рублей!» — «Сотенку дадим, только путь-дорогу расскажи, до коней нас доведи. Мужики сотенку вынимали, алчному попу в руки давали» и т. д. В этой картине поп представлен жадным, хитрым. Если бы эта сцена была лишена

⁶ Так, П. В. Линтур в диссертации «Закарпатский сказочник Калин» пишет: «Известно, что в традиционном фольклоре обычно выступают герои, являющиеся носителями одной черты характера. Отсюда схематизм сказочных персонажей» (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ужгород, 1953, стр. 12).

детализации, если бы просто сообщалось, что мужики обратились к попу за помощью, а он погадал и сказал, где лошади, то никакого бы образа не получилось. Именно детали помогают так развернуть картину, чтобы в ней ярко раскрывалось идейное содержание сказки, выступила та или иная черта характера персонажа.

В сказках второй группы индивидуализация образа менее обозначена, в них обличение направлено, прежде всего, против отдельных недостатков. Здесь иногда важнее высмеять порок, чем его носителей.

Сказочный персонаж порой наделяется, кроме основной, ведущей черты, и другими качествами, но они являются второстепенными, выражаются не так отчетливо, как основная. Второстепенные черты делают образ более ярким и полнее вскрывают его сущность. Это можно проследить во многих сказках. В сказке «Поп и Николай чудотворец» (Онч., 41) сатирически нарисован образ попа. На протяжении всей сказки, во всех многочисленных ситуациях и в поступках героя проявляется главная особенность попа, присущая духовенству как сословию, — жадность. Но попутно, как бы мимоходом, в его образе вырисовываются другие свойства, вытекающие из сущности данного образа, они и помогают представить его живым. Поп, чтобы работник не ел сметану, прячет ее в церкви у иконы Николая-чудотворца. Обнаружив, что сметана съедена, он подозревает в воровстве святого и разбивает икону. В этих поступках раскрывается основная черта — жадность, но в то же время и безразличие к церковным делам. Испугавшись последствий своего поступка, он бежит из прихода. Так наряду с жадностью попа вскрывается его трусость. Из дальнейшего повествования узнаем, что поп презрительно относится к труду, к людям, стоящим ниже себя, что он заносчив. Старик-спутник просит его принести воды. Поп отвечает: «Что ты, старичок, подобает разве попа наряжать? Поп может нарядить тебя, а не ты попа». Обнаружив у старика в мешке три просвиры, поп кричит: «Как так? я поп, да у меня две, а у тебя три!» Из последующих поступков попа мы узнаем, что из-за жадности он поступает своей совестью и своим достоинством: ворует у старика просвиру и признается лишь тогда, когда это сулит ему лишние деньги. Таким образом, в сказке постепенно раскрываются различные черты характера персонажа: кроме жадности, выявляются спесь, заносчивость, трусость, самонадеянность, глупость и т. д. Но все-таки главная особенность попа — это жадность, она проходит через всю сказку, остальные черты подчинены главной и обуславливаются ею.

Главная черта, характеризующая героя сказки, подается густыми мазками. Ее выделение вскрывает сущность образа. Такой прием создания сатирического образа отчетливо выражает отношение автора к изображаемому предмету. От главной черты характера героя зависят и развитие сюжета сказки и второстепенные качества героя.

Н. К. Крупская писала, что этот прием фольклора состоит в том, чтобы «в известных типах олицетворять определенные качества, одно качество — специфическое — выступает, затемняя все остальные».⁷

Может создаться впечатление, что сатирический сказочный образ статичен, поскольку об основном качестве характера мы узнаем сразу же при знакомстве с героем. Но если внимательнее проследить развитие действия, то можно увидеть, что сказочный образ развивается: во-первых, углубляется главная черта, раскрываются ее отдельные оттенки; во-вторых, по-

⁷ Н. К. Крупская. О детской книжке. «Литературная газета», 1933, 29 марта, № 15.

степенно с развитием сюжета выявляются те особенности характера персонажа, которые дополняют основную черту, делают образ богаче.

Основное качество сказочного образа не просто подчеркивается, выделяется, а концентрируется. Оно проявляется в каждом поступке, в речи, в столкновениях. В сказке «Солдат и барин» (Аф., 3, стр. 389) с первых же слов сообщается, что барин скупой. Барин говорит солдату, что ему «денег жалко». Он плачет, так как ему жаль отдать заработанные солдатом деньги. Наконец, соглашается прислуживать солдату в течение трех дней, только бы не расставаться с деньгами.

Сатирический типический образ создается посредством заострения и преувеличения главной черты. Осмеиваемое явление подается «крупным планом», рассматривается как бы через увеличительное стекло, проявления обличаемого качества многократно повторяются, и оно доводится до своего логического конца, до абсурдности. Это помогает разоблачить его сущность. В. Г. Белинский писал: чтобы уничтожить ложь, «должно не мешать ей дойти до своей последней крайности, впасть в нелепость, сделаться смешною, вполне проявиться, принять образ и лицо».⁸

Однако гиперболоизация не отрывает образ от реальной действительности, а лишь делает его более значительным, запоминающимся. В сказке «Поп и работник» (Зел., 49) глупость и трусость попа показана в преувеличенном виде. Поп ночью едет через лес и, принимая корень дерева за медведя, приказывает кучеру поворачивать назад. Дальше действие развивается так, что все больше и больше проявляются эти качества попа — трусость и глупость. В конце концов они показываются в гротескном плане. Поп, убегая от мнимого медведя, мчится впереди собственной коляски. Подобный прием типизации характерен и для других видов искусства, но в сатирических сказках он является важнейшим. Преувеличение — один из основных приемов обличения в сказке.

Одним из важнейших и последовательных приемов в создании сатирического образа в сказке является контрастирование образов. Оно помогает полнее отразить социальные противоречия и глубже раскрывает сущность образа.

Сказочные герои противопоставляются друг другу по своему социальному положению, моральным качествам, семейным отношениям и т. д. Контраст обычно намечен уже в экспозиции сказки: «Были-жили два брата. Вздумали они делиться, стал один жить с того времени богато, другой бедно. Один яровые пашет, а другому есть нечего» (Г. О., 18. 1. 26, № 3). Для усиления контраста здесь противопоставляются родные братья. При этом для сатирических сказок характерно не простое противопоставление двух персонажей, а их столкновение. В самом противопоставлении уже намечена неизбежность борьбы: барин и зависимый от него крестьянин, поп и батрак и т. д. В сказках о недостатках в народном быту показано столкновение характеров преимущественно в моральном плане (работящий муж — ленивая жена, простоватая женщина — хитрый солдат, и т. п.).

В некоторых сказках положительный герой отсутствует, но противопоставление подразумевается, подсказывается самим ходом развития действия.

В создании образа важную роль играет речевая характеристика. Во-первых, посредством речи выражается отношение создателей сказок к персонажам сказки. Как правило, речь положительного героя богата афоризмами и меткими выражениями, многообразна по своему лексическому составу,

⁸ В. Г. Белинский, т. 6, стр. 307.

эмоционально окрашена. Такова, например, речь солдата, она пересыпана пословицами, поговорками, прибаутками, употребление которых свидетельствует о его остроумии, находчивости, веселом характере. Речь отрицательного персонажа не отличается богатством красок, бедна и однообразна, иногда изобилует грубыми словами.

Речь характеризует героя со стороны классовой. Герои употребляют слова и выражения, которые показывают их классовый облик. Так, речь барина отличается грубостью по отношению к крестьянам: «Да ведь я тебе, дурак, говорил», — кричит он кузнецу. «Что ты, подлец... ты видишь, меня бьют, а о р е ш ь: „Прибавь еще!“» — напустился барин на лакея (Сад., 39).

Речь персонажей является также одним из средств раскрытия отдельных психологических черт героя. Священник в сказках обычно обращается к прихожанам или к работнику и мужику с такими словами, как «свет», «дитя духовно» и т. д.; особенно когда он обманывает их, надеясь извлечь для себя выгоду, речь его становится елейной, заискивающей, — и наоборот, в его лексиконе появляются грубые слова, как только возникает угроза его обогащению, благополучию. Он бесцеремонно разговаривает с людьми, зависящими от него, и заискивает перед высшим духовенством. Таким образом, при помощи речи вскрывается лицемерие, ложь, ханжество представителей духовенства. Так, поп-любовник, которого муж застаёт у своей жены, говорит мужу: «Здравствуй, дитё духовно, я пришел к тебе, мне ведом пришел, что жена твоя сделалась нездорова...» «Ай, дитё, если бы ты справил заповедь ей» (Онч., 138). Поп стыдит прихожан, которые на исповедь приносят меньше гривенника: «Экая ты рогатая скотина! за целый год не мог набрать гривенник, чтоб духовному отцу за исповедь дать, ведь он за вас, окаянных, богу молится» (Аф., 3, стр. 367).

В сатирических сказках важным средством создания образа, раскрытия социальных черт персонажей являются элементы эротики, которые используются для того, чтобы вскрыть моральный облик барина, попа, вероломной жены и других персонажей, усилить остроту и занимательность сказок. Эротика как средство обличения присуща обеим группам сказок, но особенно характерна для антипоповских сказок. Именно в антипоповских сказках она создает особую остроту, так как посредством эротических элементов отчетливо дается контраст между проповедями представителей духовенства и их поведением.

Н. К. Крупская, отмечая особенности народной сказки, писала, что прием фольклора состоит в том, чтобы «брать очень несложную фабулу, но такую, которая могла бы как можно ярче, рельефнее иллюстрировать определенную мысль, концентрировать около развития этой основной мысли все действия».⁹ Это полностью относится к бытовой сатирической сказке, определяя развитие сюжета и композиции. В большинстве сказок сюжет построен на действии, которое, в отличие от волшебных сказок, развивается стремительно, так, чтобы постоянно выделять, подчеркивать, иллюстрировать ту или иную мысль. В сказке «Голодный поп» (Онч., 250) оно развивается таким образом, что на протяжении всей

⁹ Н. К. Крупская. О детской книжке. «Литературная газета», 1933, 29 марта, № 15.

сказки подчеркивается глупость и жадность попа и находчивость работника.

Сказки имеют особую экспозицию, завязку, кульминационный пункт, развязку. Начинается сказка своеобразным зачином-экспозицией. В нем слушатель знакомится с социальной или бытовой обстановкой. Характеристика героя или обстановки самая лаконичная, предельно простая. Сразу же слушатель узнает об основных качествах героя или его социальном положении: «Жил в деревне мужичок с женой» (Сок., 2); «Один мужичок в деревне нуждался хлебом» (Сок., 4); «Дожил один мужик до того, что есть нечего, продать некого и заработку нет» (Смирн., 1, 63); «Жили себе старик да старуха, жили бедно-пребедно: всего-навсего у них была ветхая избенка да петух» (Кавк., 4). Нередко сразу же дается оценка героя: «Жил на свете один недобрый барин» (Г. О., 32. 1. 39, № 7); «Жил в деревне мужичок с женой. Только детей у них было — один сын» (Сок., 3). Таким образом, в социально-бытовых сатирических сказках с первых же слов слушатели вводятся в обстановку действия, знакомятся с действующими лицами, с их социальным положением, с их типическими чертами. Все это выражено буквально в одной-двух фразах. Сказки о недостатках в быту народа чаще всего начинаются характеристикой моральных качеств действующих лиц: «В одном селе жил-был старик, да такой скупой, прижимистый» (Аф., 3, 520); «У одного мужика была жена сварлива и упряма» (Аф., 3, 438).

Некоторые сказки начинаются непосредственно с изображения действия. «Нанял поп работника, поехали за сеном» (Онч., 206); «Идет Жукин по дороге: едет барин и разговаривает с ним». Такое начало не похоже на зачин волшебной сказки. Но поскольку сатирическая сказка близко связана с волшебной, то в ней нередко встречаются и ее зачины. Однако в эти зачины вносятся такие детали, которые делают зачин естественным в социально-бытовой сатирической сказке, например: «В некотором царстве, в некотором государстве стоял дворец; в этом дворце жила принцесса, была у ней кухарка да повар» (Онч., 246). Последнее замечание о героях — кухарке и поваре — и вводит слушателя в мир реальной действительности. Или: «Долго ли коротко ли жил Дорон, неизвестно, только после его смерти осталась жена и сын холостой» (Смирн., 1, 59); «В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, на гладком месте, как на бороне, стояло небольшое село» (Онч., 245).

При всем своем отличии от зачинов волшебной сказки зачины сатирической сказки тоже имеют налет сказочности, дают представление о сказочной обстановке. В сказках обычно традиционное начало «жил-был». И хотя действие не происходит в тридевятом царстве, тридесютом государстве и указание на место действия имеет реалистическую окраску, однако в нем нет определенности. Обычно говорится: «в одном селе», «в одной деревне», а то и просто место действия не указывается. Так же неопределенно говорится и о времени: «В одно время Марья сдобилась на погост идти в праздник, спросилась своего мужа» (Сок., 56); «... жил один художник, в одно прекрасное время приходит к нему госпожа и просит его написать 12 апостолов» (Сок., 160). Сказочный колорит вносится и тем, как сказка знакомит с героем: он, как и герой волшебной сказки, представляется слушателям неконкретно, неопределенно: «Жил-был старик со старухой», «Жили два брата» или «мужик и баба».

В завязке уже намечается основной конфликт сказки. В сказке «Поп исповедник» (Онч., 138) завязка действия раскрывается так: «Бывало крестьянин уехал в лес за дровами, приезжает с лесу, братец ты мой, до-

мой, под окно, а в фатере в это время случился поп у хозяйки в гостях». Это столкновение персонажей является началом дальнейшего развития действия, при этом столкновение постепенно обостряется. Нередко в сказке завязка носит сказочный, нереальный характер. В сказке «Хитрый мужичок» (Сок., 107) толчком к развитию действия послужил вещий сон. Мужичку приснилось: «Иди, старичок, на такой-то остров, там корчага денег. Достань её. Сыт будешь от этой корчаги». Сон сбывается, герой находит клад. Это и является завязкой.

Конфликт в сатирических сказках определяется их целенаправленностью. В сказках первой группы преобладают острые классовые конфликты, которые разрешаются полным посрамлением, унижением, наказанием или уничтожением и редко перевоспитанием врага, отрицательного персонажа. В сказках о теневых сторонах народной жизни отражены столкновения, происходящие внутри класса, и конфликт разрешается насмешкой, поучением, осознанием сатирическими персонажами своих пороков или их исправлением.

В большинстве случаев конфликт развивается постепенно. Положительный герой в борьбе с врагами проявляет большую активность. В «Сказке о барине и Петрушке» (Ив., 42) действует батрак Петрушка, а барин все делает по его указке. Поехал барин с Петрушкой к теще в гости. Казак предлагает барину переночевать в поле под стогом, «запихал барина в мешок и на ногах завязал», чтобы барин согрелся. «Петрушка походил, походил, да и пришло ему на ум: дай, говорит, я нарублю виц да барина отстегаю». Выдав себя за прохожего мужика, отстегал барина. Приехали к теще, Петрушка делает все, чтобы голодного барина не покормили. Так барин и спать лег голодный. Ночью работник подал барину краюшку, у которой «мякиши выглодал, а в корки глину набил». Так барин и съел эту краюшку. Кончается сказка тем, что барин от всех «услуг» Петрушки умер в дороге.

Даже когда в сказке все действия принадлежат отрицательному персонажу, положительный герой не пассивен. Сказка «Поп и работник» (Онч., 260) повествует о том, как поп действует по наущению работника и попадает в глупейшие положения. Работник только подсказывает, подбивает его на те или иные поступки. У же в самом таком соотношении сил раскрываются характеры героев, превосходство работника над попом.

Вступая в конфликт, отрицательный персонаж проявляет свою социальную и психологическую сущность. Положительный герой борется за справедливость: либо защищает себя и окружающих, либо мстит. Победа героя приходит не сразу. Часто конфликт развивается так, что вначале побеждает враг, отрицательный персонаж. Такое развитие сюжета повышает интерес слушателей и полнее раскрывает образы: в этом случае уже в начале сказки показано, что отрицательный персонаж представляет реальную силу в борьбе и что требуется известное напряжение сил, чтобы одержать победу.

В разрешении конфликта важная роль принадлежит положительному герою. Его активность обусловлена общим направлением сказки. Герой борется против классового врага или порока в народной среде и всегда побеждает. Это отвечало стремлению народа к торжеству правды.

В ряде сказок конфликт разрешается благодаря вмешательству какого-либо высокого лица (царя, князя) или чудесной силы — с помощью чудесного бочонка, сумки, чорта и т. д. Использование в борьбе какой-то посторонней силы показывает ограниченность протеста народа. Но иногда это просто воспринимается как один из приемов разрешения конфликта: по-

ложительный герой сталкивает своего противника с другим отрицательным персонажем и таким путем наказывает своего противника. Подобное построение сказки увеличивает ее занимательность. Герой одной сказки (Онч., 257; Сок., 128), желая отомстить вероломному другу за обман, сталкивает его с архиереем, который и расправляется с ним. В сказке «Лихая баба» (Онч., 95) муж, чтобы «проучить» злую жену, сталкивает ее с чортом, затем расправляется с последним.

Как бы конфликт ни развивался, он отражает борьбу двух противоположных сил, которая протекает в разнообразных формах, но всегда имеет необычный сказочный характер.

Действие в сатирических сказках нередко развивается в кажущейся непоследовательности. Иногда вносятся отдельные мотивы, эпизоды, которые как будто бы не имеют значения, уводят в сторону, однако на самом деле они создают определенную композиционную форму сказки и обуславливают дальнейшее развитие действия. Так, в сказке «Поп теленка родил» (Онч., 142) все события излагаются в таком порядке, который яснее раскрывает тему: сначала рассказывается, как поп бежит из прихода, чтобы тельиться где-нибудь среди чужих. По пути он отрубает ноги с сапогами у мертвого тела. Как будто бы этот эпизод вставной, лишней, нарушающий развитие действия. Однако он важен в идейном отношении, так как полнее характеризует образ попа, рисуя еще одно проявление жадности. В композиционном же плане этот эпизод необходим для сказочной комической развязки: работник уверяет попа, что тот отелился; поп бежит и оставляет в доме, где он ночевал, отрубленные ноги; работник запугивает хозяев, заявляя, что их теленок съел попа, оставив только ноги.

В сказку нередко вводится дополнительный конфликт, который свидетельствует о трудности борьбы главного героя, помогает глубже раскрыть идейное содержание сказки и определенным образом характеризует героя. В сказку «Поп и работник» (Онч., 109) вводится эпизод взимания с чорта оброка. Это столкновение работника и чорта является важным этапом в борьбе работника против попа и необходимо для более яркого и полного разрешения основного конфликта.

Для композиции сатирических сказок, как и волшебных, является характерным троекратное повторение эпизодов, но чаще встречаются не словесные повторения эпизодов, а с некоторыми изменениями, обычно с нарастающим эффектом.

С каждым повторением углубляется раскрытие основной идеи сказки, последний эпизод является самым напряженным моментом, вершиной конфликта. В известной сказке «Барин и плотник» (Онч., 223) плотник три раза избивает барина, при этом третий раз обманывает особенно ловко и избивает открыто. В сказке «Мужичок, чорт и попы» (Сок., 33), повествующей о том, как мужик, убивший трех попов, нанял чорта отнести труп попа в прорубь, комически изображается выполнение чортом своих обязательств. Он относит по очереди трех попов, принимая их всех за одного, сбегавшего из проруби. Действие достигает наибольшего напряжения в последнем эпизоде, когда чорт хватает живого попа, принимая его за убежавшего мертвеца, и бросает в прорубь: «Постой, говорит, долговолосый, не уйдешь! Ты опять обогнал! От меня не уйдешь!»

В сказке «Чего на свете не бывает» (Андр., 133) богатый барин, решив подшутить над мужиком, задал ему вопрос: чего на свете не бывает? За ответ он пообещал награду. Первый раз мужик отвечает: «Одного, барин, не бывает: топором никто не подпоясывается, ног за топорнице не заткнет». Во второй раз он придумал такой ответ: «Баба попом не бывает,

красная девка обедни не служит». Барин отказал в награде, объяснив, что это бывает в других странах. Третий ответ мужика оказался самым острым: мужик рассказал, как он был на небе, видел там покойного отца барина. На вопрос барина, что отец там делает, мужик отвечает: «Да после моих ребятишек постилки стирает». «Врешь, мужик-дурак! — закричал барин. — Того на свете не бывает, чтобы барин у холопа нянчился». В первых двух эпизодах раскрывается ум мужика и глупость барина. В последнем, где разрешается конфликт, особенно усиливается сатирическое обличение.

Некоторые сказки, в частности сказки о ловком человеке, заключают несколько эпизодов, почти равнозначных по своему характеру, которые разрешаются довольно просто: герой при каждом столкновении с противником в той или иной форме одерживает над ним победу. Герой сказки «Попов работник и дякон» (Зел., 26) — работник — три раза при различных обстоятельствах избивает дякона, любовника попадьи. Каждое из этих столкновений является по существу конфликтом, который раскрывает, с одной стороны, характер дякона, с другой стороны — ловкость, смекалку работника. Такое нанизывание отдельных столкновений объясняется тем, что основная цель такой сказки — показать необыкновенную ловкость, находчивость положительного героя — «ловкого человека». Чем больше и разнообразнее ситуации, в которых ему приходится вступать в столкновение со своим противником, тем очевиднее его положительные качества и тем больше разоблачается его враг.

Сказки, высмеивающие недостатки в народе, в своем построении имеют некоторое своеобразие. Эти сказки невелики по размерам, обычно состоят из одного-двух эпизодов. Так, в сказке «Цыган и мужик» (Сок., 31) скупой мужик ужинает, а цыгана не приглашает. Тот, сделав вид, что не слышал приглашения, садится сам за стол. Мужик ест легкое, а цыганщи со свининой. «Что ты, цыган, свинину-то таскаешь по многу? Ты бы хоть хлебал легкое! — „Да мне и это не грузно!“ — Ты бы хоть помаленьку хлебал-то, по одному кусочку! — „Да мне не задавиться стать по пяти-то таскать“». Такого рода юмористический диалог часто стоит в центре сказки, служит ее основой.

Действие в сказках этой группы развивается так: отрицательный персонаж тем или другим способом проявляет свои типические качества: злая баба посылает мужа по снегу собирать ягоды (Смирн., 2, 338); неверная жена приглашает дружка и т. д. Обычно это столкновение кончается посрамлением отрицательного персонажа или его перевоспитанием. В отличие от сказок, отражающих классовые противоречия, в них редки дополнительные эпизоды, конфликты проще. Иногда столкновение не носит характера борьбы, а герой просто обучает, как надо поступать в тех или иных случаях (в сказках о глупцах-пошехонцах). Разрешение конфликта носит педагогический характер.

В сказках о ленивой и нерадивой жене обычно вступают в конфликт ленивая жена и трудолюбивый, хороший муж. Нередко конфликт разрешается так: ленивая жена ставится в такие обстоятельства, что сама понимает пагубность своего поведения. Иногда муж создает обстановку, которая бы воспитывала нерадивую жену. Чаще все-таки положительный герой, муж ленивой жены, «учит» ее: избивает или наказывает другим способом.

Сказки о вероломной, хитрой, развратной жене разнообразнее по композиции и по характеру конфликтов. Почти всегда в этих сказках сталкиваются три персонажа: муж, жена и любовник. Вначале муж оказы-

вається обманутим, затем он узнает сам или ему открывают глаза посторонние люди на поведение жены, и после этого следует расправа с любовником и иногда с женой. В других сказках столкновение персонажей ограничивается первым этапом: жена хитро обманывает мужа.

Для конфликтов сказок второй группы характерно то, что герой сказки не преодолевает таких препятствий, как в сказках, отражающих социальные противоречия, в них столкновения повседневные, обычные. Этим объясняется то, что положительный герой сказок мало действует. Если герою сказок первой группы приходится изворачиваться, хитрить, прибегать к различного рода уловкам, чтобы унижить, высмеять или наказать врага, то роль героя сказок о недостатках в быту народа сводится к тому, что он высмеивает тот или иной известный порок. Так, в сказках о глупцах простоватая старуха настолько глупа, что сама напрашивается на обман.

В тех сказках, где нет положительного героя, действие развивается иначе, чаще с использованием нарастающего эффекта при повторении эпизодов. Так построена сказка о бесплодном мечтателе (Онч., 271), о мене, сказки, сходные по сюжету со сказкой Пушкина о рыбаке и рыбке. В них нет конфликтов в общепринятом смысле. В этих сказках герой совершает такие поступки, которые сами себя разоблачают.

Своеобразие конфликта сказок второй группы состоит в том, что в результате столкновения противоположных персонажей и воздействия положительного героя сказки на отрицательного персонажа последний избавляется от порока, которым он наделен, или осознает необходимость избавления от него. Иногда отрицательный персонаж исправляется под влиянием обстоятельств. Конфликт не имеет социальной остроты.

Способы выражения конфликта в сатирических сказках обеих групп разнообразны. В ряде сказок конфликт развивается в виде соревнования отрицательного и положительного героя. При этом соревнование может принимать разные формы: загадывание и разгадывание загадок, состязание в ловкости и смекалке. Так, например, в сказке «Государь, поп и работник» (Сок., 95) царь задает священнику одного прихода три загадки: «Чего я стою? На своем коне во сколько время всю Россию могу объехать? Что у меня на уме?» Поп похудел и не мог ничего придумать. За него отгадал работник. Царь работника сделал попом, а попа работником.

Состязание в сообразительности и находчивости показано в сказке «Иван Рогоуэн» (Онч., 172). Мужик-бедняк делит одного рябчика на всю царскую семью, а затем шесть рябчиков на пять ее членов, а богатый мужик и даже сам царь не могут этого сделать.

Обман или воровство у барина или попа — тоже своего рода состязание. Барин считает, что вору не украсть перину, шкатулку, барыню, и предпринимает ряд мер, которые могут предотвратить это воровство. Ловкий человек, несмотря на невыгодные для него условия, побеждает.

Конфликт может раскрываться как месть классовому врагу. В одной сказке (Кавк., 4) барин избивает старика, тот мстит ему, избивая его три раза. Месть может выразиться в том, что герой обманывает своего противника, ставит в смешное положение, унижает его и т. д. Иногда, прикидываясь простачком, герой из народа высказывает прямо в глаза неприятную для врага правду или просто высмеивает его.

Глубокий социальный смысл сатирических сказок не противоречит их развлекательности, которую сказка приобретает вследствие природы самого

конфликта; наоборот, именно глубокий смысл сказок усиливает их развлекательность. В этом также специфика сказки.

Для сатирических сказок характерны комические положения. Они достигаются разными способами — например, возникают тогда, когда явление обыденное выдается за высокое. Так, юмористически звучат сказки-пародии, в которых о самых низменных делах повествуется или поется церковным слогом. На манер церковного песнопения поп произносит: «Преосвященнейший владыко! — возглас первый. — Служа при сей церкви 12 лет, я составил капитал 12 тысяч. Вам жертвую 6 тысяч, протодьякону 500 рублей, певчим 300 рублей». Певчие подхватывают: «Слава тебе, господи, слава тебе» (Сок., 83).

Искусно используется в сатирических сказках многозначность слов. Различное понимание смысла одного и того же слова приводит к недоразумениям, к комическим ситуациям. Герой сказки воспринимает буквально отдельные фразы или слова с переносным значением. Отрицательный герой при этом, не понимая подлинного значения слов, проявляет таким образом свою недалекость, а положительный герой лишь притворяется непонимающим, нарочито приписывает другой смысл слову, чтобы поиздеваться над врагом. Так, в одной сказке (Г. О. 32. I. 39, № 108, стр. 269—271) сообщается, что поп заставляет работника смазывать телегу, тот мажет дегтем ее всю; поп приказывает заложить коня, он закладывает коня цыгану за десять рублей. Герой сказки делает или отвечает как будто невпопад, а на самом деле его ответы имеют глубокий смысл, иногда затаенный, иногда открытый. Комически воспринимаются издевательски звучащие ответы мужика барину (Сок., 51). Барин спрашивает: «А кто же у вас есть за старшего? — Да кто, барин? У нас в деревне есть старуха, никто не помнит, сколько ей годов. — А кого вы боитесь? — Да вот здесь в усадьбе есть сердитая собака, дак все ее боятся. — Кто же эту усадьбу держит? — Пока новая была, сама стояла, а теперь на упоры подперта, дак упоры держат».

Вызывает смех и усиливает остроту ситуации нарочито невпопад сказанное слово. Герой сказки «Барин и кузнец» (Сад., 39) велит лакею, когда барину будут платить деньги, кричать: «Прибавь еще, прибавь еще!» — лакей выкрикивает их, когда барина бьют.

Нередко комизм ситуации создается тем, что отрицательный персонаж не понимает самых простых, обыденных вещей, в связи с этим совершает с точки зрения здравого смысла нелепейшие поступки. Так, барин не знает, что такое нужда, и идет искать ее в поле, а мужик угоняет его лошадей, и барин таким образом познает нужду (Сад., 67).

В многочисленных сказках о глупцах конфликтам придает юмористический характер то, что поступки персонажей противоречат общепринятому.

Комически воспринимается физическая расправа с представителями господствующих классов — и потому, что она была необычной для того времени, а главное потому, что в такой ситуации особенно виден контраст между положением, которое занимают «господа», и их жалким состоянием, когда их избивает простой мужик, батрак и т. д.

Сказочные конфликты юмористически окрашиваются иносказательной речью. Так, в сказке «Петан Петаныч» (Г. О., 32. I. 39) скупая старуха отказывает солдату в обеде и, желая посмеяться над ним, говорит иносказательно, намеками: «Вот что, кормилец-солдатушка, не слышал ли ты, где проживает такой Петан Петаныч Печенской губернии, Заслонского уезда, Горшевской волости? (намекал на петуха в горшке, стоявшем в печке). — Как же, матушка, слышивал. Только он уехал в Сумскую губернию, За-

плешный уезд, а на месте его Плетан Плетаныч живет» (солдат переложил в свою сумку петуха, а на место его в горшок опустил старый лапоть).

Юмористический оттенок вносит в сказку широко используемый прием создания комического, при котором один предмет (или явление) выдается за другой. Так, в одной сказке (Жив. ст., 258) жена, застигнутая врасплох мужем, не зная, куда спрятать любовника, ставит его в передний угол и выдает за икону святого Спаса. Муж делает вид, что верит. За обедом, поглядывая на «нового Спаса», муж говорит: «А ну-ко, не хочет ли нов-вой-от Спас шей-то», — и выливает на него горячие щи. «Спас» убегает, а муж кричит вдогонку: «Спас, Спас! Постой, еще каша есть!» В этой ситуации вызывает смех уже то, что любовник выдается за святого. Комизм усиливается тем, что муж, внешне относясь доброжелательно к любовнику, по существу издевается над ним. Юмористически воспринимаются эпизоды, в которых герой, выдающий себя за слепого, глухого, мертвого, выходя с того света, действует как обыкновенный человек, неожиданно сам раскрывая свой обман. Так, желая проучить лицемерную жену, муж притворяется мертвым, но когда понесли его на кладбище, он подает советы, каким путем лучше нести.

Неожиданный поворот в развитии действия или неожиданный конец тоже создают комический эффект. Ленивая жена, не имея рубахи, вынуждена от гостей спрятаться в корчаге на полатах; потянувшись, чтобы посмотреть, как угощаются гости и муж, падает на пол вместе с корчагой (Ив., 37). Муж говорит жене, что по новому указу жены будут в семье «большаками». Жена стала взыскивать с него, заставляла выполнять женскую работу. По приказу жены он истопил баню и несет жену в баню через речку. Только взшел на середину мостков, сосед кричит: «Бабыя большая кончилась». «А! ... кончилась, так дальше я не понесу», — и бросил жену в воду (Зим., 85).

Комизм ситуаций в сказках усиливается какой-либо деталью, брошенной как бы попутно. Голодный поп, герой сказки «Поп и работник» (Онч., 216), по наущению работника ищет в чужом доме ночью ужин, попадает руками в узкий горшок с горячей солодягой, разбивает горшок о голову хозяйского работника и убегает. Комизм усиливается тем, что поп зимой бежит босиком. В другом варианте этой сказки (Г. О., 32. I. 39, № 2, стр. 21—23) рассказывается, как скупой барин, проголодавшись, просил у работника есть. Работник ему говорит с издевкой: «„А ты, барин, по-жуй сенца“. — „Ну, так выбери какое помягче“, — натягал работник осоки, барину дает». Комически выглядит картина — барин ест сено, и еще больше усиливается насмешка тем, что и сено-то — осока.

Все эти смешные ситуации и создают сатирическое обличение. Они-то и характеризуют сатирическую сказку как жанр. Как бы ни были остры столкновения героев, какой бы запутанный и сложный характер они ни имели, развязка всегда благополучна для положительного героя.

Сказка чаще всего имеет особую концовку. Она представляет собой итог, вывод из всего повествования. Концовка имеет морализующий, социальный характер. Сказка «Солдат и барин» (Смирн., 2, 232) заканчивается так: «Вот как поработаешь, да долго не спишь, так и на камне заснешь, а кто ничего не делает, так и на перине не уснет». Иногда мораль высказывается в виде афоризма, в виде пословицы, поговорки. Но это не голая, отвлеченная мораль, она органически вытекает из содержания сказки. Иногда сама концовка подчеркивает сказочный характер повествования: «Не знаю, правда была ли, нет ли, а кажется на самом деле и не было!» (Сок., 62). Иногда сказки, особенно второй группы, кончаются ла-

коничным замечанием об исправлении отрицательного персонажа («А мужик с бабой стали жить лучше прежнего», — Смирн., 2, 338; «Зажили они с тех пор в мире и согласии. Помог наговорный квасок», — Андр., 137). Иногда концовка представляет собой остроумное замечание героя, в котором и сосредоточены юмор сказки, насмешка, шутка. В сказке «Солдат отомстил хозяину за загадки» (Сок., 108) рассказывается, как хозяин потребовал от прохожего солдата отгадать загадки: назвать кошку «чистой», огонь «светлотой», полати «высотой». За неверный ответ избивал. В отместку хозяину солдат привязал к хвосту кошки огонь и пустил ее на полати, а сам закричал: «Мужик, говорит, твоя чистота схватила светлоту, занесла на высоту, неси благодать, а не то ничего не видать» (благодать — вода). Изредка в сатирических сказках встречаются и концовки, которые ничем не отличаются от концовок волшебных сказок. Они обычно слабо связаны со всей сказкой, а иногда даже механически присоединены к ней. Такие концовки могут противоречить всему содержанию сказки. В сказке «Старик и старуха» (Смирн., 1, 161) мужик расправился с попом-любовником и «не стал верить своей старухе ни в чем», а в концовке говорится: «И стали они жить да поживать, да добра наживать».

В некоторых сатирических сказках действие занимает незначительное место. Они построены на диалоге, загадывании или разгадывании загадок, остроумном ответе, игре слов и т. д. В основе их построения лежит контрастность: одна сторона загадывает, другая отгадывает, один герой дает нелепый ответ, другой — остроумный, один выдерживает испытания, другой — нет. Главное в этих сказках — диалог. Такое построение сказки определяется ее замыслом: показать ум, мудрость одних и глупость, несообразительность других.

Таковы основные общие особенности построения сатирических сказок. Разумеется, отдельные типы сказок имеют свои особенности построения. Например, своеобразную композицию имеют сказки о ловком человеке. В этих сказках как бы нанизываются отдельные эпизоды, число которых в отдельных вариантах неустойчиво. Между собой эпизоды связаны действием положительного героя, как бы циклизируются вокруг него. В отдельных вариантах эпизоды комбинируются по-своему, при этом довольно искусно. Калейдоскопичность эпизодов можно объяснить тем, что в сказках показывается превосходство простого человека над классовым врагом. И чем больше он действует, чем чаще и хитроумнее обманывает своих противников, тем ярче подчеркиваются его положительные качества — ловкость, находчивость, смелость.

Выделяются по композиции еще сказки — пародии на церковную службу. Иногда в них вводится переключка между отдельными членами клира по поводу различных житейских дел в форме церковного песнопения. В этих сказках большую роль играет исполнение сказки. Собственно, они и построены в расчете на пародирование церковного песнопения, являющегося самым ярким моментом в сказке и кульминационным пунктом.

Своеобразна композиция сказок о «набитом дураке». Они относятся к так называемым «цепным», в которых одно звено связано с другим, одна ситуация во многом похожа на другую, но в то же время они разные. Число таких звеньев в разных вариантах различно. Как было сказано, в этих сказках герой говорит или действует не соответственно данной обстановке. Жена или мать поучают его, как следует отвечать или поступать. Дурень повторяет их слова при других обстоятельствах и опять попадает впросак. Вся сказка построена как последовательная цепь событий. Подобная повторяемость сходных ситуаций наиболее удачна для раскрытия

сущности героя, идейного содержания сказки. Один или два эпизода не смогли бы показать закономерность явления.

Характерно, что, высмеивая дурня, не ориентирующегося в новых условиях, некоторые сказочники не упускают случая задеть и классовых противников народа. Так, в одном из вариантов дурень, встретив попа, говорит: «Черная гадина, с дороги прочь!» (Сок., 18). Такие переключки сказок обеих групп, как уже говорилось выше, довольно часты.

Отличительной чертой композиции сказок о глупцах-невеждах является то, что в них в обычное повествование вводятся анекдоты, которые могут бытовать самостоятельно. Количество анекдотов варьируется. Между собой эти анекдоты не связаны. Такое построение сказки резко выделяет объект осмеяния — людскую глупость, отчетливее выражает отношение народа к этому пороку и делает сказку занимательнее.

По-особому строятся сказки о том, как чудесное дерево или другая волшебная сила выполняет желание мужика стать богатым, баринном, затем чиновником и т. д. Для этих сказок характерно ступенчатое строение, развитие действия по градации. Последовательное усиление одного мотива способствует более полному и эффективному раскрытию идеи — осуждению тех, кто отрывается от собственной среды, от народа.

Большим разнообразием и сложностью композиции отличаются сказки о вероломной жене. Здесь и различные комбинации эпизодов, и неожиданные ситуации, и диалог в виде песенок и т. д. Такая композиция объясняется тем, что герою сказки приходится идти на разные уловки, чтобы разоблачить и наказать неверную жену.

Изучение композиции отдельных типов сказок показывает, какая тесная взаимосвязь существует между их содержанием и построением.

Общими чертами построения сатирических сказок являются: одноплановость сюжета (действие развивается вокруг главных героев сказки, в сказках нет побочных линий); резкое противопоставление, столкновение двух антагонистических сил или двух диаметрально противоположных сил в моральном плане внутри класса; повторяемость эпизодов, нередко с нарастающим эффектом; разнообразные комбинации отдельных эпизодов и т. д.

В кульминационном пункте, в самом напряженном моменте конфликта сказки наиболее ярко выражается протест народа против представителей господствующих классов и осуждение недостатков в народной среде.

Стилистические черты и язык сатирических сказок имеют некоторое своеобразие, обусловленное, прежде всего, обличительным направлением сказок и, кроме того, устностью бытования, воздействием аудитории и т. д.

В сатирических сказках наблюдается органическое соединение черт эпического сказочного стиля и реалистического повествования. В них можно встретить прибаутки, зачины, присказки, характерные для сказок волшебных. Иногда встречаются традиционные постоянные формулы: «Честным пирком да за свадебку» (Онч., 157); «Близко ли далеко ли, не дошел верст пяти» (Сок., 86) и т. п. Это влияние волшебной сказки, с ее повторениями, постоянными формулами — «обрядностью», в сказках о теневых сторонах народного быта значительно меньше, чем в антипоповских и антибарских. Это понятно. Такие качества, как лень, глупость, скудость и т. п., полнее и ярче раскрываются именно в условиях повседневного быта. Этим же можно объяснить то, что в данных сказках почти отсутствует фантастика.

Сатирическую сказку отличает сжатость и живость изложения. Последнее связано с его разнообразным характером. В сказках действие сменяется описанием, диалог — действием, отдельными вставками — замечаниями автора по поводу излагаемого, прозаический рассказ — рифмованными вставками, а то и песней, краткое, беглое изложение событий — тщательной зарисовкой деталей, пространные рассуждения по тому или иному поводу — лаконичной пословицей или афоризмом, стройное логическое развитие действия завершается неожиданной концовкой, предельно простое, ясное повествование может смениться вызывающим интерес и любопытство иносказанием и т. д.

Сказки, высмеивающие недостатки в народной среде, отличаются еще большей сжатостью изложения, чем — в общей своей массе — сказки, отразившие социальные противоречия.

Большую роль в достижении художественной выразительности сказок играют различные произведения устнопоэтического творчества, которые органически входят в состав сказок. Это короткие песенки, загадки, пословицы, поговорки и т. п.

Особую живость сатирической сказке придают песенки, которые являются неотъемлемой частью некоторых сказок первой группы. Это сближает сатирическую сказку со сказками о животных, где песенки имеют большое значение для развития сюжета. В сатирических сказках песенки имеют разные функции. Часто они представляют собой замаскированный диалог между героями: чтобы скрыть смысл переговоров, они ведутся в песенной форме. Именно в таком значении употребляются они и в сказках о животных. Но, в отличие от сказок о животных, в сатирических песенки имеют обличающий смысл. В сказке «Поп исповедник» (Онч., 138) рассказывает, как муж, посланный женой в Турцию за «турским» маслом, по наущению нищего возвращается домой. Последний вносит мужа в кережке (сани без оглоблей) в дом, где жена веселится с попом.

Жена поет: «Жена безумного мужа высала в Турцию за турским маслом, а сама жена здорова и добра, а с попом и за столом и ядова вина».

Поп повторяет эту песенку. Нищий посредством песенки советует мужу, как тот должен поступить: «Ох ты слушай, кережка, разумея-ка ты, мешок, не про тебя ли говорят, не про твою ли голову говорят? А я мешок развяжу, а безмен на гвозду, а ты отвесь-ка попу, а остатки тому, кто с попом за столом». В сказке «О попе и его работнике» (Красн., 8) попадья поет: «Стоит скляница с вином, табакерка с табаком, сидит дьякон за столом, попадья перед столом». А работник Михалка подпевает: «Солома — солома, что делается дома?» (В соломе сидит поп). Поп отвечает: «Плеть на стене?» И он расправляется с дьяконом-любовником. Песню поют в пародийных сказках клирошане, не умеющие вести церковную службу. Так, причетник поет на церковный лад: «Солнце на лете, на западе, на закате» (Онч., 43). В другой сказке (Онч., 63) дьячок подпевает дьякону: «Вдоль по травке, да вдоль по муравке, по лазоревым цветочкам».

Нет сомнения, что подобные песенки усиливают художественную выразительность сказок, их остроту. А если помнить, что эти песенки при рассказывании сказки поются, можно представить, какое впечатление производит на слушателей сказка. Они звучат юмористически, и в самих песенках отчетливо выражается отношение сказочника к персонажам данной сказки.

Большую роль в сатирических сказках играют загадки и невыполнимые задачи. Они в сказке служат для «испытания мудрости». Умение загадывать и разгадывать загадки свидетельствует об уме и находчивости героя. Обычно в сказках этими качествами наделяется бедняк, а богатый оказы-

вается неспособным отгадать или загадать умную загадку (Сок., 4, 7). Отгадывая или загадывая загадки, положительный герой показывает свою наблюдательность, умение анализировать и обобщать факты. Ответы отрицательного персонажа часто раскрывают его сущность. Так, ответы кулака — великолепная сатира на богатых, все помыслы которых связаны с собственностью. Нередко герой, которому задают невыполнимую задачу, отвечает задачей же. Так, воевода задает задачу дочери бедного мужика: «Вот, девушка, я подарю тебе быка, а ты мне накопи от него в зиму пять пудов масла». Девушка отвечает: «Вот я тебе дам этот пруттик, ты мне сделай из него кросна, я буду ткать» (Красн., 1, 1). Очень важно при таких загадках остроумно ответить. В сказке «Царь Петр и хитрая жена» (Онч., 49) царь загадывает боярам: «Я хочу непосеюно поле пожать». Бояре не могут отгадать и обращаются за помощью к простой крестьянской девушке. Она советует ответить царю: «Вы будете начинать, а мы вам будем помогать». Также не может решить загадки, предложенные царем, архимандрит, а простой мельник без труда дает остроумный ответ (Смирн., 1, 22). Загадка, следовательно, становится тем элементом, который выявляет положительные качества одних героев сказки и отрицательные — других.

Такое же значение имеет в сказках иносказательная речь. В сказке «Царь, старик и бояре» (Онч., 18) и обобщение наблюдений, и констатация фактов, и намеки на отношение к боярам даны в аллегорической форме. Царь говорит: «Дедушка, прилетят сюда гуси, можешь ли их тербить?» «А сколько могу, потербляю». «Дедушка, терби горазнее, не жалей». Здесь идет речь о том, что царь обещает крестьянину послать бояр, чтобы тот их «пощипал», извлек выгоду. Антибоярские тенденции выражены в сказке иносказательно.

В сатирических народных сказках обеих групп нередко встречается рифмованная и ритмическая речь, которая усиливает юмористическую струю в сказке, способствует четкости выражения и в то же время делает сказку живой и занимательной. «Да у меня, куманек, сегодня ничего не стряпано, печка не топлена, хлебы не печены и щечки не варены» (Смирн., 2, 268); «Они разжились, разбылись, разбогателись; сумочки пошили, кошели поплели, на базар побрели» (Сад., 30); «У них три сына: старший умный был детина, средний так и сяк, а младший вовсе был дурак» (Смирн., 2, 275). Нередко собственные имена используются для создания рифмы или ритмической речи: «Твой Дороня у царя боронит» (Смирн., 2, 271); «Приходит Костя к старухе в гости» (Онч., 50); «Муж был Вгвило, жена была Арина, работать больно ленива» (Сад., 36).

Сатирическая направленность сказок требует определенных, соответствующих ей форм языкового выражения.

Для сатирических сказок характерно использование пословиц, поговорок, юмористических афоризмов. Пословицы придают рассказу лаконичность и выразительность. Иногда они обобщают все сказанное в сказке, коротко формулируют ее содержание. Так, в сказке о глухых людях (Смирн., 2, 322) говорится: «С умом горе, а без ума вдвое». В сказке о мужике, который не ценил труд жены, а сам не справился с домашней работой (Г. О., 32. I. 42, стр. 45—46), подводится итог пословицей, выразившей опыт народа: «Хозяйство вести — не лапоть плести».

В сказках о недостатках в быту народа афоризмы и пословицы нередко носят морализующий характер: «Нет, при пире, при бражке, так все дружки, а при горе, при бедности, нет никого» (Онч., 257), — говорит герой, обиженный вероломным другом.

Немногочисленные в общем эпитеты в сатирических сказках несут большую смысловую нагрузку и употребляются в ироническом смысле: беспечальный монастырь, совестливый батюшка (Зел., 63).

Так же остро звучат эпитеты, ставшие в сатирических сказках постоянными: жадный поп, глупый старик, хитрая баба, скупой барин, продувной слуга, набитый дурак, скупая барыня и т. п.

Иногда встречаются эпитеты-приложения, которые дают исключительно меткие, экспрессивные оценки отрицательным персонажам: дякон — вякон, старшина — мироед (Г. О., 32. I. 39, стр. 12), поп — космач. В них четко выражается классовое отношение к персонажам сказки. Некоторые из них также стали постоянными: поп-толоконный лоб (Аф., 3, стр. 381), Иван-дурак и др.

Одной из характерных особенностей языка сатирических сказок является его эмоциональная окрашенность.

Нередко даются эмоциональные характеристики героев в виде бранных слов: «Косматый леший»; «А ты, чорт косматый, навязался», — говорится о попе (Сок., 53); «Постой, долговолосый, не уйдешь» (Сок., 33); «Ну, долгоязыый пес, давай расчет» (Сад., 26); «Зачем ты, долговолосый, тут сунулся, забился в мешок-от? Подлечина!» (Зел., 26); «Ой, ты, грива пустоволоса! где ты был?» (Зел., 35); «о боярах говорится, что «они толстобрюхие до денег лакомы» (Онч., 7).

Эта экспрессивная лексика придает сказке остроту.

Вообще лексика в сатирических сказках является важным выразительным средством. Естественно, что в них преобладает лексика общеупотребительная, бытовая, разговорная. Наряду с этим используются специфические слова, связанные с темой и содержанием сатирической сказки. Так, в антипоповских сказках богато представлена церковная лексика, которая придает определенный колорит и служит средством разоблачения представителей духовенства. Вызывает смех употребление высоких церковных слов в бытовой обстановке, при неблагоприятных поступках духовных лиц. В сказке «Жадный поп» (Аф., 3, стр. 367—368) рассказывается о том, как поп требовал на исповеди гривенник, солдат украл его шапку, продал, принес гривенник и получил отпущение грехов. Эта сказка изобилует такими словами, как приход, отец духовный, покаяние, грехи, исповедь, вечерня и т. д. Иронический смысл придает в контексте сатирической сказки слова: амвон, священное писание, духовный пастырь, мать-игуменья, отче, святой отец и др. («Суд о коровах», Аф., 3, стр. 365—367).

Церковная лексика создает торжественный стиль, который усиливает сатирический смысл сказок, так как его торжественность нарочито снижена. Священник, вспоминая во время церковной службы о бытовых делах, наряду с церковнославянскими словами употребляет разговорные: «Поехал мужик на мельницу, и навалиша большой воз, и смутиша ся кони его и бысть глас в небесе» (Сок., 152). Издевательски звучат слова вора, который, переодевшись ангелом, обещает унести на небо архиерея: «Господи Иисусе христе, дома ли святая владыка. Я есть ангел господень, взять тебя, святую владыку, на небеса, сподобился ты» (Онч., 59).

Иногда церковная лексика используется для иносказания, это тоже придает комический оттенок сказке. Дьякон у сына спрашивает, украл ли тот овец: «Сыне мое сыне, приобретохал ли бля-бля?» (Зел., 59). Все это усиливает пародийный смысл сказок.

В антибарских сказках встречаются слова, связанные с бытом барина,

отражающие отношения помещика и крестьянина: барин, слуги, лакей, докладывать барину, мыза, усадьба (Онч., 223), староста, наряд, служанка (Сок., 45), слуги и т. п.

В солдатских сказках вместе с общераспространенными словами употребляется специфическая лексика: «стоять на часах», «все по форме», «тот его в зубы», «порка», «начальство».

Сатирические сказки отличаются богатством синонимов. Особенно богаты синонимические ряды, обозначающие действие. В сказке «Сердитая барыня» (Сок., 45) понятие «избить» передается синонимами: лихвостать, нахаживать, драть, катать, поколотить. В сказке «Лутонюшка» (Аф., 3, 405) слово «заплакать» заменяется: превеликим голосом закричать, завопить, говорить сквозь слезы, кричать. В сказке «Жадный поп» (Аф., 3, стр. 367) употребляется синонимический ряд: поп, отец духовный, батюшка, священник. Такое обилие синонимов не только разнообразит текст, помогает избежать повторений, вместе с тем, оно связано с идейным содержанием сказки. Солдат называет священника попом, при личном обращении употребляет батюшка, сам себя священник называет отец духовный. «Отец духовный» в устах попа звучит иронически, так как он при этом ругает прихожан самыми грубыми словами за то, что они приносят ему мало денег: «Экая ты рогатая скотина! Проклятый! Сукин сын». Синонимика широко используется при повторении. В сказке «Хитрая баба» (Аф., 3, стр. 370) повторяются эпизоды — хитрая баба по договоренности с мужем приглашает к себе в гости по очереди попа, дьякона и звонаря и всех их прячет в короб. Благодаря синонимике повторяющиеся эпизоды не надоедают своим однообразием. Здесь употребляются синонимические выражения: «вскочил в короб и улегся в саже»; дьякон «чебурах в короб с сажей»; дьячок «очутился в коробе»; звонарь «бултых в короб». Здесь картинность и живость эпизодов усиливаются употреблением специфической глагольной формы: чебурах, бултых.

Сатирическую сказку как жанр характеризуют богатство лексики, ее экспрессивность, острый диалог, ритмическое изложение событий, усиливающее шутку и насмешку, употребление рифмы для выделения острых моментов, смысловая насыщенность выразительных средств языка.

Лексическое многообразие сказок не противоречит предельной лаконичности сказок и способствует ее живости.

Таким образом, народную сатирическую сказку отличают следующие черты: обличительное направление (при этом главным оружием обличения является смех); ее реалистическая, бытовая основа, своеобразное построение образа (сказочный персонаж раскрывает свои типические качества обыкновенного человека в необычайных обстоятельствах, совершая необыкновенные поступки), особый характер «сказочности» (желаемое в сказках выдается за действительность, при этом желаемое вполне осуществимо), острота и комическая окраска конфликта, последовательная контрастность образов, стилевая экспрессивность при сжатом изложении.

Приблизительно, коротко сатирическую сказку как жанр можно определить следующим образом: это реалистический рассказ, который, используя сказочную «необычайность», обличает и высмеивает отрицательные стороны действительности и выражает мечту о торжестве справедливости и надежду на лучшее будущее.

САТИРА И ЮМОР В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ ¹

Сатира в пословицах и поговорках ² русского народа — тема еще совсем не разработанная. До сих пор единственной специальной работой на эту тему остается статья — скорее даже заметка — И. М. Снегирева «Сатирические русские пословицы и поговорки», напечатанная в 1830 году.³ В соответствии с общим охранительно-националистическим характером своей деятельности Снегирев совершенно игнорирует пословицы, направленные против эксплуататорских социальных групп, а также против недостатков народного быта и людских характеров. Он говорит только о пословицах и прозвищах, высмеивающих жителей тех или иных мест и представителей других народов.

При всем многообразии пословиц и поговорок по содержанию их можно условно разбить на два рода: к первому относятся пословицы, которые утверждают положительные идеалы народа, раскрывают его духовный мир, закрепляют трудовой опыт, заключают полезный совет, например: «Не надобен и клад, когда в семье лад», «Не то дорого, что красного золота, а то дорого, что доброго мастера», «Делу время, потехе час» и т. п. Ко второму роду относятся пословицы, отвергающие то, что враждебно народному сознанию, осуждающие те или иные социальные явления, человеческие поступки и свойства. Это — сатирические пословицы. Сатирические пословицы создавались в различные эпохи, но многие из них прожили века и бытуют еще в наши дни. Сквозь своеобразную форму сатирических пословиц и поговорок проступают отрицательные черты действительности в своих наиболее острых проявлениях.

Для передовой народной сатиры XVII—XIX веков основной темой была социальная борьба. Народные сатирические произведения этого пе-

¹ В статье приняты следующие сокращения:

Онч. — Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908.

Соб. — А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, тт. I—VII. СПб., 1895—1902.

Указывается порядковый номер сказки или песни в сборнике.

² При работе над статьей были использованы: «Сбор разных пословиц и поговорок» в книге: Н. Г. Курганов. Российская универсальная грамматика... Издано во граде Святого Петра 1769 года; Собрание 4291 древних Российских пословиц. Печатана при Императорском Московском университете. 1770 года; И. М. Снегирев. Новый сборник русских пословиц и притчей. М., 1848; И. М. Снегирев. Русские в своих пословицах. М., 1831—1834; В. И. Даль. Пословицы русского народа. М., 1862; В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1861—1868; П. Симоны. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. СПб., 1899; И. И. Иллустров. Сборник российских пословиц и поговорок. Киев, 1904, и многие другие. Также использованы рукописные сборники XVII—XIX веков, хранящиеся в ГПБ, БАН, ГГО.

³ «Московский вестник», 1830, ч. IV, стр. 295—309.

риода помогали народу в борьбе, указывали народу его врагов, срывая с них маски. Сатира пословиц направлена как против общих явлений, так и конкретных носителей социального зла: бояр, помещиков, чиновников, попов. Именно эти социальные группы получили яркое освещение в народной сатире, причем каждая из них высмеивалась в народе по-разному.

Сатира была своеобразным способом самозащиты народа, оружием классовой борьбы, она оказывалась сильной только тогда, когда направлялась не на случайные, а на типические явления, тщательно отобранные народом, запечатлевшие его опыт.

Пословица лаконична, и в этом ее отличие от других жанров народно-поэтического творчества. Но специфика пословицы именно в том и заключается, что, располагая очень малым количеством слов, зачастую одной только фразой, она путем удачного сравнения, иносказания вскрывает самую суть человеческого характера, явления, создает четкие и выразительные сатирические образы.

В силу своей лапидарности, которая не дает возможности говорить о ряде качеств отдельных героев, сатирическая пословица строит свой образ на одном каком-либо качестве, но на таком, какое для данного персонажа является характерным. Высмеивая каждая какую-либо одну черту, пословицы в целом создают многогранный образ того, кого народ хотел осмеять, выставить напоказ во всем его неприглядном виде.

В пословицах о господах (боярах, помещиках)⁴ смех и гнев слились в органическое единство.

Сатирический образ барина складывается из ряда пословиц, освещающих отдельные черты его характера и поведения. Намечается как бы несколько линий, по которым шло создание сатирических пословиц о господах.

Одна группа пословиц говорит о самой основе взаимоотношений господ и народа. В этих пословицах и поговорках слышится осознание народом своей силы, раскрывается народный взгляд на взаимоотношения господ и крестьян: «Не будет лапотника, не станет и бархатника», «Ты барин, да и я не татарин», «Али моя плешь наковальня, что каждый в нее бьет», «Господа наши, воля ваша, спина наша, хоть дрова на нас возите, да не по многу кладите», «Мы и на том свете будем господам служить: они будут в котле кипеть, а мы — дрова подкладывать», «Хвали рожь в стогу, а барина в гробу».

Другая группа пословиц раскрывает свойства господ в их отношении к народу. В этих пословицах критике и осмеянию подвергаются вероломство, жестокость господ, стремление к максимальной эксплуатации народа: «Господское прошение хуже разбоя», «Барская ласка до порога», «Барская милость — кисельная сытость», «Барская милость — божья роса» (т. е. непрочна — до восхода солнца), «В барский (по другим вариантам — боярский) двор ворота широки, а назад узки» (т. е. заманивая к себе, боярин или барин обещает много, а как попал в зависимость, запутался в долгах, так уж и не выскочишь), «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат», «Охота, боярский двор: стоя дремлют, сидя спят, похода едят, ножки болят, а сесть не велят», «Неволя, неволя боярский двор: походя поешь, стоя выплещешься», «Барский двор хуже петли».

К третьей группе следует отнести пословицы, раскрывающие свойства господ как таковых, самих по себе. Здесь сатирическое жало пословиц на-

⁴ Пословицы о боярах и барях-господах даются в статье не дифференцированно, так как направленность их одинакова, да и сам термин «боярин» вышел далеко за пределы XVII века и продолжал жить применительно к барину, помещику.

правлено на изнеженность господ, лень, презрение к труду, спесь. Например, широко известна пословица «Барская кровь и в Петровки мерзнет» (Петровки — конец июня — самое жаркое время). Пословичный образ создает представление о хилом, тщедушном, изнеженном человеке, всегда вызывавшем презрительное отношение трудового народа. Не менее показательны в этом плане и такие пословицы: «Угорела барыня в нетопленной бане», «Раздень меня, разуй меня, уложи меня, покрой меня, переверни меня, — а там поди, усну я сам», «Барская еда — два грибка на тарелочке», «Барский суп только пучит пуп», «Барин-татарин, кошку ожарил»,⁵ «Дворянский сын и гляденьем сыт».

Остро высмеивалась народом барская спесь, особенно ярко выступившая при разорении дворянства: «Слуги в шелках, а баре в долгах», «Дворянский сын, что ногойский конь: умирает, а ногой дрягает», т. е. норовист (сравнение с ногойским конем здесь оправдано тем, что ногойские кони не рабочие, а предназначенные для верховой езды), «Сени лубяные, собаки борзые, хоромы кривые, а без индийского петуха не барин». Народ смеялся над разорившимися и обнищавшими господами, которые все еще продолжали барствовать: «Пропали наши головы за боярами голыми», «Голь голынский сын дворянский».

Пословицы о барах создавались на протяжении длительного времени. Одни относятся к периоду укрепления и расцвета феодального государства, когда барин был полновластным хозяином крестьянина, другие — к периоду упадка дворянства. Соответственно этому можно отметить и своеобразие художественных приемов в создании образа барина-господина. Сатира в пословицах первого рода пронизана гневом, в ней отчетливо осознается вековая ненависть народа к своим порабощателям.

С барской жестокостью, глупостью, самодурством народ непрестанно сталкивался в жизни, об этом он ярко и пространно рассказывал в сказках и песнях. Но пословица — это вывод, сделанный на основе долгих и глубоких наблюдений. Этот вывод суров. Он направлен против всего класса помещиков. Эти пословицы не вызывают непосредственного смеха, хотя и содержат смелое обличение, — сатира в них переходит в область критических оценок поведения и поступков господ. Сатирическое отношение к изобращаемому создается тем, что в пословице выдерживается внешняя серьезность, благовидность сравнения при уничтожающем, обличительном его смысле. Внешне барин как бы остается на своем высоком пьедестале — например, когда барская милость сравнивается с божьей росой, с сытостью. И вместе с тем сами понятия росы и кисельной сытости раскрывают истинную сущность этой «милости».

В ряде сатирических пословиц данной группы народ как бы признает право господ на жестокую эксплуатацию масс, как бы подчиняется положению, при котором барин может и приказать, и наказывать. Такова обычно формула первой части пословицы. Но вторая часть пословицы содержит смысл, противоположный первому: «Господа наши — воля ваша, спина наша. . .», «Мы и на том свете господам будем служить: они будут в котле кипеть, а мы — дрова подкладывать». Противопоставлением этих двух частей и создается яркий сатирический пословичный образ. За этими пословицами так и видится лицо пожилого крестьянина, внешне покорное и спокойное, в глазах которого, однако, светятся издевка, задор, сила. Некоторые пословицы пользуются и прямым сравнением, причем обычно сравне-

⁵ Насмешка над господами, которые употребляют пищу, неприемлемую для крестьян, например: жареный заяц, устрицы и т. п.

ние дается с усилением обличительного его смысла. Например: «Барский двор — хуже петли», «Барское прошение — хуже разбоя» и т. д.

Таковы пословицы о господах, возникшие, очевидно, в период, когда народ их ненавидел, но боялся. Иное дело пословицы, относящиеся к разорившемуся дворянству, к господам, потерявшим свою прежнюю силу. Здесь уже звучит явная, открытая издевка, дается комическая оценка самого барина: «Бара — грош пара», «Наше барство — хуже пономарства». Народ высмеивает привычки господ — «Барская еда — два грибка на тарелочке», пародирует приказания — «Раздень меня, разуй меня, уложи меня. . .» и т. д.

Сатирические пословицы и поговорки о барах идут в одном русле со всей народной сатирической поэзией. В пословицах, в песнях, в сказках о господах высмеиваются одни и те же черты: перед слушателем возникает образ жестокого, глупого барина, лежебоки, спесивого и развратного. В сатирической «Комаринской»,⁶ сложной «Комарицкой волости мужиками», еще до восстания Болотникова начавшими борьбу со своим «барином» — Борисом Годуновым, говорится, что «комаринский мужик не хотел своему барину служить». В песне, опубликованной Киреевским,⁷ народ открыто потешается над своими обнищавшими господами:

Пропали наши головы
За боярами голыми,
За бурмистрами разбойниками,
За прикащечками мошенничками.

Не менее характерна и песня «Ай во саду-саду люблю садовую. . .» (Соб., VII, 76). Девушка так объясняет матери, почему она не хочет идти замуж за барина:

Боярин-то, матушка, — собачий охотник,
Много собак держит; собаки борзые,
Собаки борзые, лакеи босые. . .
Что боярин воевать, а я горе горевать.
Что боярин во Москву, а я кинуся в тоску.

Резко высмеивается в песнях разврат господ, как тайный, так и явный. В песне «На горе-горе, на высокой горе» рассказывается, как «барышня» прижила с кем-то ребенка и старается грех переложить на конюха, подкупить его и его жену.

Ах, сказать ли мне на Сеньку-конюха!
И я Сеньюшке полтину, а жене его холстину,
Он умеет, как сказать и концы скоронить!

(Песенник 1780 года, ч. IV, стр. 151).

В сказках барин показан невероятно глупым и беспомощным.⁸ Так, в сказке «Барин и мужик» рассказывается, как мужик за обиду, нанесенную ему барином, дает слово трижды его поколотить и выполняет свое обещание, трижды обманывая барина. Вся сказка строится на том, что «мужик барина знает, а барин мужика не знает»,⁹ что у мужика тонкая

⁶ Г. М. Пясецкий. Исторические очерки города Севска и его уезда. Сборник Орловского церковно-историко-археологического общества, т. II, Орел, 1906, стр. 22.

⁷ П. В. Киреевский. Песни. Новая серия, вып. II, ч. 2, М., 1929, № 2329.

⁸ См., например: Ю. М. Соколов. Барин и мужик. Сборник русских сказок. «Academia», М., 1932.

⁹ В. Н. Добровольский. Народно-поэтическое творчество Смоленской области. Смоленск, 1954, стр. 87.

сметка, он умнее, проворнее и находчивее барина, хотя и находится в полном подчинении у своего господина.

Не менее широко высмеивается в сказках и барская жадность. Вспомним хотя бы сказки «Чудесный бочонок» (Онч., 111), «Шут» (Онч., 131), «Бедный жених» (Онч., 157) и др., где показывается, как жадность руководит всеми поступками барина, заставляя его делать нелепости и преступления.¹⁰

Народная издевка над господами яркой струей вошла в древнерусскую литературу. В «Послании дворянина дворянину» и «Послании дворительному недругу», относящихся к XVII веку, к периоду крестьянских восстаний под руководством Ивана Болотникова, и сходных по стилю, — прямо рассказывается о суровой расправе мужиков со своим баринном, причем рассказ ведется от лица самого барина:

А мужики, что ляжи, дважды приволокали к плахе.
За старые шашни хотели сбросить с башни.¹¹

В «Сказании о роскошном житии и веселии» социально заостренная сатира пародирует известный сюжет народной сказки о молочных реках в кисельных берегах, являясь на самом деле насмешкой автора над «дворянским помещицем», в котором за внешним благополучием и сказочным изобилием скрывается жестокая эксплуатация крестьян, нищета, разорение.

Едкая насмешка над господами нашла блестящее завершение в сказке Салтыкова-Щедрина «Как мужик двух генералов прокормил». В основу своей сказки Салтыков-Щедрин положил народную сатиру о глупом и неприспособленном барине и довел ее до блестящего литературного сатирического гротеска.

Как видно из приведенных примеров, которые можно значительно увеличить, сатира пословицы питалась теми же явлениями, что и сатира других жанров. В ряде случаев само возникновение пословицы тесно связано со сказкой, песней и т. д. Отдельные строчки и выражения из песен и сказок, в которых наиболее ярко запечатлелся образ барина, оторвались от своего контекста и получили самостоятельное звучание, как например: «Сени кривые, собаки борзые...», «Пропали наши головы за боярами голыми...» Образ, более подробно очерченный в песне или сказке, получил предельно сжатое, лаконичное выражение, в соответствии со спецификой пословичного жанра.

К пословицам и поговоркам с остро сатирической тематикой относятся и пословицы и поговорки о чиновниках: о судьях (и о суде), дьяках, подьячих. Как известно по историческим документам и художественной литературе, в старом судопроизводстве огромную роль играла взятка. Взятка была как бы неотъемлемой частью чиновничьей службы. Вымогательством денег у народа занимались все, начиная со старосты и кончая высокими чиновниками.

Народ, жестоко страдавший от произвола чиновников, непомерных взяток и поборов, несправедливых решений в пользу богатого, обличал и вы-

¹⁰ О сатирическом образе барина в сказках см. статьи Н. В. Новикова и Е. Ф. Тарасенковой в настоящем сборнике.

¹¹ Н. К. Никольский. Рифмованное «Послание дворянина дворянину» XVII века. Библиографические заметки, 1892, № 4, стр. 1—2.

смеивал своих притеснителей в пословицах, поговорках, песнях, сказках. Меткие метафоры и сравнения, взятые из окружающего крестьянина быта, создавали яркие, хорошо запоминающиеся сатирические образы чиновников-взяточников. Так, например, судейский карман сравнивается с утиным зобом, который неразборчив к тому, что в него попадает, а чем больше в него попадает, тем он больше растягивается. Отсюда у птицы постоянное ощущение голода. Это сравнение закреплено пословицей: «Судейский карман, что утиный зоб: и корму не разбирает, и сытости не знает». Желая определить непомерное взяточничество судей, пословица прибегает к уже знакомому в народном творчестве образу попа, отмечающему ненасытную жадность попов (вспомним пословицу: «Поповское брюхо из семи овчин сшито»), — отсюда сравнение судейского кармана с поповским брюхом: «Судейский карман, что поповское брюхо».

В силу исторической ограниченности своего сознания народ чаще всего судил не о самой системе законодательства, о законах как проявлении государственных порядков, а видел и осуждал непосредственно самих чиновников и их действия: «Законы святы, да законники супостаты (крючкова-ваты)», «Суд прямой, да судья кривой».

Образ чиновника-взяточника отражен и в других жанрах народной поэзии. В песне-сказке «Ворона-карабута» (о неправом суде птиц) рассказывается, как Ворона-карабута разгарила кукушкин дом. Кукушка пожаловалась царю-лебедю, учинили розыск, но ворона была сметлива, она полетела ко вдове-солдатке и накупила пестряди¹² «на штаны да на рубахи» начальникам, да и разгарила, а когда она явилась на суд

Ко царю—белу лебедю,
К филину-губернатору,
К журавлю-прикащику.
Они судили да рядили,
Да на волю ворону и пустили.¹³

Тема пристрастного суда отражена и во многих других сказках, см., например: «Праведной суд»,¹⁴ «Христов крестник» (Онч., 119).

В древнерусской литературе раскрытие образа неправедного судьи дано в «Повести о Ерше-Ершовиче» и «Повести о Шемякином суде». Сюжеты этих повестей широко известны и в русской народной сказке.¹⁵

На горьком опыте народ убедился, что государев суд всегда на стороне богатого и сильного: «Закон, что паутина: муха увязнет, а шмель проскочит», «Из суда, что из пруда — сухим не выйдешь», «Богатому идти в суд трын-трава, а бедному — долой-голова».

К богатым относились не только помещики, но и буржуазия — купцы, кулаки. Купец, кулак, вышедшие из народа и разбогатевшие за счет его эксплуатации, уже не считались народом своими и также являлись объектами сатиры: «Сохрани бог от мора, от пожара, да от нашего брата, как угодит в бара». Богатый в представлении народа прежде всего хищник. Поэтому и сатирический образ богача строится прежде всего на сравнении с животными-хищниками — волком, щукой и др.: «Худо овцам, где волк

¹² Пестрядь — дмотканый льняной материал.

¹³ Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии. СПб., 1914, стр. 423.

¹⁴ И. В. Карнаухова. Сказки и предания Северного края. «Academia», 1934, № 153.

¹⁵ См., например: А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки. Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова, т. I, «Academia», 1936, №№ 77—80; т. III, Гослитиздат, Л., 1940, №№ 319, 320.

в пастухах», «Сделайся овцью, а волки готовы», «Не вступай собака в волчий след: оглянется — съест», «Простор богатому — как щуке в воде».

Бедняк на горьком опыте ощущал, что «Без денег человек худенек», что только наличие денег в классовом обществе дает права и голос человеку: «Хорош Мартын, коли есть алтын; худ Роман — коли пуст карман».

Сатирический образ богача в народных пословицах создается при помощи традиционной гиперболы: «У богатого и по бороде масло течет», «Одна рука в меду, другая в сахаре». То же мы видим и в метафорической форме поговорки «Как сыр в масле катается».

В пословицах и поговорках о богатых звучит ироническое отношение к авторитету богачей, так как народ отлично понимал: были бы деньги, а с ними придет и авторитет, и признание. «Тот мудрен, у кого карман ядрен», — говорит пословица; «Не мудра голова, да кубышка полна», «Купи поросенка за грош, посади его в рожь, так и будет хорош».

Сатирическая пословица вскрывает и разоблачает темные пути, ведущие к богатству: «Пусти душу в ад — будешь богат», «Не отвернешь головы клячом¹⁶ — не будешь богачом» и др.

Ряд пословиц, очевидно по времени возникновения относящихся к периоду разложения феодализма, зло высмеивает господ и богачей, поднявшихся из социальных низов. Сатирический образ выскочки строится обычно на сопоставлении его прошлого и настоящего: «Доселева Макар гряды копал, а нынче Макар в воеводы попал», «Прежде Мокей был лакей, а нынче у Мокея два лакея», «Из грязи да в князи» и т. п. К этому же типу относятся и пословицы, высмеивающие стремление «тянуться» за баррами и богачами, — стремление, часто не соразмеренное с материальными возможностями: «Хоть сзади, да в том же стаде», «Тянулся за баррами, да распрощался с амбарами».

Как и по другим темам народной сатиры, пословица формулировала и закрепляла типический образ богатого-хищника, всесторонне разработанный и в других жанрах народно-поэтического творчества.

Эта тема нашла свое отражение в сказках и прежде всего в широко распространенном сюжете о двух братьях. Героем в этих сказках, как правило, оказывается младший брат — бедняк. Как его богач ни притесняет, как ни обманывает, бедняк оказывается победителем. Богач наказан. В этих концовках выразились чаяния и ожидания народа, страстно мечтавшего о расправе с богачами-притеснителями.¹⁷

Ярким сатирическим образом в русских народных пословицах является образ попа. В них, как и в песнях и сказках, поп рисуется жадным, сластолюбивым и глупым.

Не случайно в пословицах и поговорках народ сравнивает попов с определенными животными: с котом, волком, клопом, петухом и др., подчеркивая хитрость, жадность, бестолковость попов. Как известно, в народном поэтическом творчестве каждое животное является носителем определенных качеств, оно становится как бы символом этих качеств. Так, с лисой всегда

¹⁶ Кляч — шест, короткая толстая палка.

¹⁷ См., например, сказки «Два брата» (Сказки Куприяники. Запись сказок, статья и комментарии А. М. Новиковой и И. А. Оссоветского. Воронежское обл. книгоизд., 1937, № 34). «Про бедного и богатого» (Сказы и сказки Беломорья и Пинежья, Архангельск, стр. 126), «Петр и Петруша» (Онч., 283).

связано представление о хитреце, льстеце, хищнике, с котом — о лакомке, воре, блудне, с волком — о злом, коварном неудачнике, и т. д. Таким образом, самое сравнение человека с тем или иным животным характеризует этого человека: «Петух да поп и не едчи поет и едчи поет», «Волчья пасть да поповские глаза — ненасытная яма», «Что поп, что кот — не поворча не съест», «Попы, что клопы — попы паствятся над мертвыми, а клопы над живыми» и т. д.

Служители культа ожесточали народ, вымогая непомерную плату за требы, и брали ее не только деньгами, но и натурой (хлебом, яйцами, мясом, салом, медом, холстом, овчинами и пр.). Пословицы типа: «Есть новина,¹⁸ так попу посылай», «Лучшую мерлушку попу на опушку», «Накажет дед, как помрет: без рубля поп не похоронит», «Родись, крестись, женись, умирай — за все попу деньги давай» и др. — свидетельствуют о возмущении народа вымогательствами попов.

Жадность попов народная пословица рисует в гиперболических образах. Так, в пословице «Поповское брюхо из семи овчин шито» представление о жадности и ненасытности дается через образ гигантского мешка, шитого из семи овчин.

Жадность к деньгам, наличие больших денег в народной фразеологии выражается образом «большой карман». Этот образ в пословице о попе заострен гиперболой: «В поповский карман с головой спрячешься». Жадность попов иллюстрируется и аналогиями: «У попа сдачи, у портного отдачи не спрашивай», «Попу да вору все впору». Жадность обычно сочетается со скупостью, и это не ускользает от народного внимания: «Любит поп блин, да ел бы один».

Часто пословица подчеркивает лицемерие «духовных пастырей», противоположность наружного, видимого и подлинного, действительного облика их: «По бороде Авраам, а по делам хам», «По бороде хоть в рай, а по делам — ай-ай!» Особенно охотно разоблачает пословица противоречие между благостным видом, смиренной повадкой и похотливыми желаниями, блудными поступками: «Четки в руке, а девки на уме», «Ты его за апостола, а он хуже кобеля пестрого», «Игумен вокруг гумен», «Аминь, аминь, а головой в овин»¹⁹ и т. п.

В числе поэтических средств сатирических пословиц о попах используется игра слов, каламбур. Монахи называются черным духовенством, чернецами, черноризцами, у них черные рясы, — и дела их зачастую бывали черные; всем этим они сближаются с чортом — тоже по народным поверьям черным изнутри и извне. И пословица использует это сближение для оценки монашеской «святости»: «Чорт под старость в монахи пошел», «Монахи да черти одной шерсти».

Как правило, в пословицах и поговорках, как и в других жанрах народной сатирической поэзии, поп высмеивается не один, а вместе с попадьей — властолюбивой, своевольной, хитрой и жадной; достается и поповым детям: «Поп как поп, да попадьа лиха», «Что долго обедни нет? — Попадья не устряпалась», «Хорошо попам да поповичам, их зовут да им же и пироги дают» и пр.

Сатирические образы попа и монаха встречаются и в песнях, главным образом в песнях плясовых и шуточных, остро высмеивающих распушенность и сластолюбие духовенства. Например, о том, как служители церкви вместо того, чтобы совершать обряд, заглядываются на красную девушку,

¹⁸ Зерно нового урожая.

¹⁹ Гумна, овины, как правило, стоящие поодаль от жилья, являлись обычно в старой деревне местами тайных любовных свиданий.

рассказывается в песне Ярославской губернии «Уж как я была моденькая». Как только девушка вошла в церковь, — с попом, дьячком и пономарем стало твориться что-то неладное:

Пономарь звонит, — мешается,
 Дьякон в ризах заплетается,
 Поп над книгой усмехается;
 Он кадилником кадит, кадит,
 Все на милую глядит, глядит, глядит.
 Ах, уж ты тонкая, высокая моя,
 Расстатистая, ухабистая!

(Соб., VII, 44).

Аналогична по содержанию и песня Тульской губернии. Девушка жадуется матери на ухаживания клира.

Уж ты, маменька родная,
 Для чего ж меня такую родила —
 Счастливую, талантливую,
 Смешливую, догадливую?
 Мне нельзя к обеденке,
 Нельзя низко кланяться:
 Все дьячки улыбаются,
 А попы-то влюбляются.
 Полюбил меня молоденький попок.
 Подарил мне в полтора рубля платок.
 Мне платок носить хочется,
 А попа любить не хочется.

И дальше девушка объясняет причину своей неприязни к попу:

Оттого мне любить не хочется,
 Что он по приходу волочится,
 Пирогами побирается,
 Блинами обжирается.

(Соб., VII, 55).

Такие песни как бы раскрывают, иллюстрируют темы уже знакомых пословиц: «Любит поп блин, да ел бы один», «Четки в руке, а девки на уме», «По бороде хоть в рай, а по делам — ай-ай!» и др.

Среди широко бытовавших в народе песен хорошо известен и другой сюжет — о том, как поп мешает счастью влюбленных, не желает венчать молодца с девушкой, исходя из корыстных целей. Выход оказывается один — задобрить попа и весь клир, откупиться.

Поп-то не венчает: за сыночка чаёт;
 Да и дьякон говорит, что за сына норовит;
 Дьячок тож не служит: по девушке тужит;
 Пономарь горюет: сам девушку любит.
 Поедемте, братцы, в лесок за охотой,
 Наловимте, братцы, зверьков разных много:
 Попу-то кунницу, дьякону лисицу,
 А дьячку-бедняку белу горностайку,
 Пономарю-горюну хоть серого зайку,
 Просвирне горюше хоть заячьи уши,
 Чтоб они мне не мешали, с девкой обвенчали.

(Соб., VII, 47).

Это как бы прямая аналогия пословицам: «Лучшую мерлушку попу на опушку», «Родись, крестись, женись, умирай, а за все попу деньги давай», «Попу да вору все впору» и др.

Широкие возможности для раскрытия характеров героев, показа их в самых различных ситуациях представляет сказка. Поп с попадьяй и поповыми детьми в не меньшей степени, чем барин, являются излюбленными персонажами русских сатирических сказок. Различные положения, в которых поп оказывается на протяжении сказки, всесторонне выявляют и раскрывают характерные для него и давно подмеченные народом черты: жадность, хитрость, глупость. На высмеивании этих свойств попа основаны сказки: «Поп завидны глаза»,²⁰ «Как поп теленка родил» (Онч., 142) и многие другие.

Пословица «У попа глаза завидушие, руки загребушие» является обобщающей формулой большинства сюжетов сказок о попах. Яркий образ жадного, скупого и глупого попа проходит и через весь цикл сказок на тему о попе и работнике.²¹

Осуждение разврата всей духовной иерархии, которое нашло место в таких пословицах, как «Согрешили попы за наши грехи», «Игумен вокруг гумы», «По бороде хоть в рай, а по делам — ай-ай!» и др., раскрывается в сказке «Любовь жены»,²² где высмеиваются поп, архиерей и патриарх, старавшиеся соблазнить жену купца, и в ряде аналогичных сказок.

Немало сказок посвящено и любовным похождениям попадьяи: «Поп, попадья и дьячок» (Онч., 221), «Плотник Микула и его жена» (Онч., 101) и др.

О жизненности и типичности образов попа и попадьяи в народно-поэтическом творчестве говорит и то, что аналогичные образы встречаются и в древнерусской литературе. Яркими красками рисуется жизнь пьяниц монахов в «Калязинской челобитной» (XVII век).²³

Не менее интересно в этом отношении и «Сказание о попе Саве» (середина XVII века), излагающее историю о корыстном попе-сутяге, который «по приказам волочитца, ищет, с кем бы ему потегатца».²⁴ С этим «Сказанием» несомненно связаны народные пословицы о Саве: «Был Сава — была и слава», «Сделаем славу — поколотим Саву», «Доброму Саве добрая и слава», «Каков Сава — такова ему и слава».²⁵

В плане яркой сатиры на духовенство написано и «Сказание о куре и лисице» (XVII век) — сатирический рассказ о «грешнике» — куре и «исповеднике», лъстивом и корыстном попе — лисице.²⁶

Остро высмеивает попов-прелюбодеев «Повесть о Карпе Сутулове»,²⁷ по сюжету аналогичная сказке «Любовь жены».

Образ попа в народном творчестве так чеканен и расцвечен, что в представлении каждого человека, знакомого со сказками, песнями, пословицами, поговорками, он твердо закреплен. И когда загадка спрашивает: «Кто с живого и мертвого дерет?»²⁸ или «Спереди мужик, а сзади баба»? — всем ясно, что речь идет о попе.

²⁰ Сказки из разных мест Сибири. Под ред. М. К. Азадовского. Иркутск, 1928, № 9.

²¹ См. статьи о сказках в настоящем сборнике.

²² Сказки из разных мест Сибири, № 3.

²³ Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарии чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1954, стр. 65.

²⁴ Там же, стр. 70.

²⁵ Там же, стр. 266.

²⁶ Там же, стр. 73.

²⁷ Там же, стр. 114.

²⁸ Интересно заметить, что эта загадка прочно вошла в разговорную речь, потеряв свой первоначальный смысл. В наше время она употребляется в качестве поговорки применительно к любым лицам: «Этот человек жадный, дерет и с живого и с мертвого».

Яркость и жизненность сатирических фольклорных образов объясняется тем, что эти образы взяты из действительности, что гипербола сатиры отталкивается от реальных фактов, отбирая характерные типические черты.

Совсем иную форму приобретает насмешка, когда она обращена на отдельные человеческие недостатки. Тут уже не злая, разящая сатира, какую мы видели в пословицах, направленных против эксплуататорских классов, а тонкая ирония, юмор. Даже критика таких тяжелых пороков, какими являются с точки зрения трудового крестьянства бесхозяйственность и лень, носит более мягкий характер, чем сатира на классовых врагов.

Лени посвящено очень большое количество пословиц и поговорок. Ирония осуществляется в них обычно подстановкой антонима. Так, например, о хозяйке нерадивой, бесхозяйственной, развалившей свой дом, в народе иронически говорится: «Сколотила хозяйка домок, что не надобен и замок». Здесь «сколотила» употреблено вместо противоположного «развалила», и эта замена образно раскрывается второй частью пословицы: замок не надобен, потому что вора́м нечего взять; хозяйка так «сколотила» домок, что вора́м ничего ценного в нем не осталось.

Другим приемом, часто применяемым в пословицах о лени, является комический диалог: «Тит, а Тит, — иди молотить! — Живот болит! — Тит, иди кашу есть! — А где моя большая ложка?»; «Акуль, Акуль, что шьешь не оттуль? — А я, матушка, еще пороть буду»; «Лень, а лень, отвори дверь! — Хоть сгору, да не отворю» и т. п.

С пословицами о лентяях сходны по своему характеру и сатирические пословицы о глупцах.

Ум ценится народом высоко и ставится выше физической силы. Существует много пословиц на эту тему: «И сила уму уступает», «Умный, что староста губный: всяк его боится» и другие. С понятием ума в пословице связано также понятие жизненного опыта. Но глупому и возраст не прибавляет ума. И вот в целом ряде сатирических пословиц, заключенных в форму иносказания, высказывается сожаление о том, что глупый с возрастом не умнеет: «Борода выросла, а ума не вынесла», «Под носом взросло, а в голове и не посеяно», «Летами ушел, а головой не дошел», «Вырасти вырос (с лешего вырос, с осину, с оглоблю), а ума не вынес». Сатирический образ построен здесь на несоответствии возраста и умственных способностей. Во многих других пословицах о глупцах образ основан на несоответствии наружности и сущности. Таковы, например, пословицы: «Велика Федора, да дура», или иносказательно: «Велик пень, да дуплист», «Голова, что чан, а ума ни на капустный кочан», «Голова с лукошко, а мозгу ни крошки», «Голова с печное чело, а мозгу совсем ничего».

Пословицы говорят и о печальных результатах, к которым приводит человека глупость: «От большого ума досталась сума», «По твоему уму — носить суму». Здесь мы опять встречаемся с созданием образа по принципу подстановки антонима; вместо того, чтобы сказать: «От твоей большой глупости досталась тебе сума», — в пословице говорится: «От большого ума». Среди подобных пословиц, включающих в себя антонимы, нередки афоризмы, как бы не договаривающие мысль до конца, например: «С твоим бы умом только в горохе сидеть». Пословицу эту надо, очевидно, расшифровать так: «С твоей глупостью только бы в горохе сидеть, да вон пугать, так как ни на какую другую работу ты не способен».

Большую роль в пословицах о глупости играет сравнение. Глупец в ряде пословиц сравнивается с глупыми животными, чаще всего с птицами: «Умница, как попова (пестрая) курица», «Знать, тебя разумный индюк высидел», «Журавли за море летают, а все одно „курлы“», «Прост, как дрозд».

Мы уже видели, что голова глупца образно сравнивается в пословицах с чаном, лукошком, пивным котлом, коробом, печным челом. То же в поговорках: «У него одной клепки нет», «У него из голубятни голуби улетели», «У него чердак без верху: одного стропильца нет». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что предметы, которым в этих метафорах уподобляется голова глупца, взяты из крестьянского обихода. В пословицах и поговорках о глупцах широко используется метафора пустого сосуда, помещения (пустой бочки, укладки, чердака, голубятни и т. д.).

Бывают и такие случаи, когда пословицы строятся на каламбуре: «Толкто есть, да не втолкан весь», «Разошелся ум по закоулкам, а в середине ничего не осталось», «Ума много, да вон нейдет» и т. п.

Скупость и мотовство также являются объектом сатирических пословиц и поговорок. И то и другое осуждается народом. Основной прием в создании образа скупца — гипербола. Пословица говорит про скупого, что «у него среди зимы льду не выпросишь» (другими словами — не выпросишь даже и того, что не имеет никакой ценности), что он «из блохи голенища выкроит», «шилом горох хлебает, да и то отряхивает» (другими словами — скупость не дает скупцу самому есть досыта, как все люди).

Подмечая в жизни характерные внешние черты скупцов, народ обобщает их, создавая яркие образы. «Иссох, как трясца (лихорадка) над куравом», — говорят в народе о скупом. Преувеличивая, утрируя, доводя до абсурда действия скупцов, пословица тем самым создает впечатление противоположности и отвратительности самой скупости.

Не менее остроумно осмеянию подвергаются в пословицах и поговорках мотовство и щегольство. Ирония в пословицах и поговорках этого типа направлена на деревенских щеголей и щеголих, которые думали только о нарядах, тратили на наряды и модные безделушки все имеющиеся у них средства, а хозяйство — основу крестьянской жизни — разоряли, приводили в полный упадок. Кроме нарядов, у щеголя не оказывалось ничего, за внешним эффектом стояла нищета: «Шапка с заломом, а в брюхе солома», «Шапка в рубль, а щи без круп», «На брюхе шелк, а в брюхе щелк» и др. Здесь — прямой укор легкомысленным щеголям и мотам, губящим свое хозяйство.

Склонность к иронии даже в самые тяжелые моменты жизни — характерная черта русского человека, способствовавшая созданию ряда пословиц, где о горе, беде говорится иронически. Например, о постигшей человека беде говорится: «Не велика беда, коли лезет в ворота». Сперва создается впечатление ничтожности, малозначимости происшедшего — «не велика беда», но вторая часть говорит об обратном: ворота ведь велики, а слово «лезет» создает впечатление, что эта беда с трудом протискивается в них, — стало быть, сама она огромна.

Много веков шутка помогала жить русскому человеку, переносить, не клоня головы, тяжесть крепостной неволи, бедность, обездоленность. Грустная ирония пронизывает большую часть пословиц и поговорок о тяжелой нищенской жизни крепостного крестьянина, позднее батрака: «Горе наше — ржаная каша, а поел бы и такой, да нет никакой», «Скотины — таракан да жуковица, медной посуды — крест да пуговица, одежды — мешок да рядом», «Семь сёл — один вол, да и тот гол», «Богат Тимошка:

живота — собака да кошка», «У него в амбаре и мыши перевелись», «Только у молодца и золотца, что пуговка оловца», «Заживно живет, и голодной собаки выманить нечем».

Если русский человек иронически относился к своему горю, то, как показывает народное творчество, он иронизировал и над своим «счастьем». Да это и понятно. Счастье — удел богатых, оно незнакомо было широким массам крестьян-бедняков, а если и выпадала на их долю светлая полоса, то ненадолго. Отсюда и ирония в пословицах о счастье: «Кому масленица, да сплошная, а нам вербная да страстная» (т. е. пост), — так характеризовал в пословице народ свою жизнь. «Была у двора масленица, да в избу не зашла», «Во снях счастье, а наяву ненастье», «Мужик на счастье сеял хлеб, а уродилась лебеда». Счастье наяву так же призрачно, как и во сне: «Счастье, что волк: обманет, в лес уйдет»; характерно, что счастье сравнивается с диким неуживчивым животным — волком. Как волка трудно приручить (вспомним пословицу «Как волка ни корми — все в лес глядит»), так и счастье мужику было не удержать.

Наш обзор сатирических пословиц, не исчерпывающий по охвату материала, лишь намечает основные группы сатирических пословиц, указывает на различный характер и тон сатиры в зависимости от характера обличаемого явления и некоторые наиболее распространенные приемы сатирического изображения в пословицах разного типа. Но даже из этого небольшого обзора видно, какую огромную роль играла сатира в повседневной жизни народа, являясь своеобразным, метко разящим оружием в борьбе народа со своими угнетателями, помогая бороться с недостатками человеческого характера, переносить тяжесть подневольной жизни.

К ПРОБЛЕМЕ ВАРИАНТА В ИЗУЧЕНИИ БЫЛИН¹

1

Сюжет старины, восходящий часто к очень отдаленным временам, не остается неизменным: он переосмысливается по-новому на каждом конкретном историческом отрезке времени если не в целом, то в существенных деталях. Внесение варианта отражает точку зрения народа на исторические события. Отсюда и вытекает важность и необходимость детального изучения вариантов «старин» по возможности на всем известном нам материале.

«Вариант становится интересным и значительным, — отмечает А. М. Астахова, — не только как одно из звеньев, необходимых для уяснения основ сюжета, но и как проявление живой творческой энергии народных масс».²

¹ В статье приняты следующие сокращения:

- Аст. — Былины Севера, т. I, записи, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой, М.—Л., 1938; т. II, подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой, М.—Л., 1951.
- Гильф. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. I—III. Изд. 4-е, М.—Л., 1949—1951.
- Григ. — А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. I. М., 1904; т. III. СПб., 1910.
- К. Д. — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Подготовка текста, статья и комментарии С. К. Шамбинаго. М., 1938.
- Кир. — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I—X. М., 1860—1874.
- Летописн. VIII — Былины М. С. Крюковой, т. 2. Записали и комментировали Э. Бородина и Р. Липец. Ред. акад. Ю. Соколова, М., 1941.
- Марк. — А. В. Марков. Беломорские былины, М., 1901.
- Милл. — В. Ф. Миллер. Былины новой и недавней записи из разных местностей России, М., 1908.
- Онч. — Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904.
- Пар.—Сойм. — Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья и комментарии Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Предисловие и редакция А. М. Астаховой Петрозаводск, 1941.
- Рыбн. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, тт. I—III. Изд. 2-е, М., 1909—1910.
- Сок.—Чич. — Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. Изд. Гос. литературного музея, М., 1948.
- Тих.—Милл. — Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи. М., 1894.

Римскими цифрами везде обозначен том или выпуск, арабскими — порядковый номер былины в сборнике.

² А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948. стр. 5.

При сопоставлении вариантов должны быть изучены все компоненты произведения: содержание, идейная направленность, художественно-образительные средства, художественность передачи и т. д.

Каждая выдержанная в традиционном эпическом стиле старина открывается зачином, к которому примыкает запев, предшествующий зачину, а также, но значительно реже, прибаутка. Заканчивается старина концовкой (не столь обязательною, как зачин), за которой нередко следует исход, соответствующий запеву, и — довольно редко — прибаутка или припевка.

Прибаутка—запев—зачин в начале старины и концовка—исход—прибаутка в конце составляют обрамление старины, традиционно устойчивое, но в то же время гибкое, видоизменяющееся применительно к идейному содержанию и художественному замыслу старины. Эти компоненты былинной поэтики отмечены исследователями русского народного эпоса уже давно, однако ни четкого их разграничения, ни раскрытия их значения и роли в идейной направленности эпической песни и ее композиции и сюжетосложении мы на сегодня не имеем. Точно так же не установлено, что в этой области принадлежит традиции и что относится к личному творчеству того или другого сказителя.

Вс. Миллер, приводя «зачало» старины о Добрыне и Алеше в исполнении сказителя П. А. Воинова и ссылаясь на его замечание —

Да всё это, братцы, не сказочка,
А всё это, братцы, прибауточка,
Теперь-то Добрынюшки зачин пошел. —

делает вывод: «Из самых слов сказителя мы видим, что здесь различаются две части: *прибаутка* и собственный *зачин* былинны». ³

Перейдя к рассмотрению зачинов, Вс. Миллер указывает, что «в былинах так называемого киевского цикла обычный зачин, ставший затем традиционным, был:

Как во славном во городе во Киеве,
У ласкового князя у Владимира.

За указанием Киева часто следует традиционное изображение *пированьица*, *почестного стола* у князя Владимира, причем князь дает какое-нибудь поручение богатырям, либо они сами хвастаются, кто чем может, и это служит завязкой для сюжета. Этот издавна установившийся зачин должен был чрезвычайно облегчить работу слагателя былины и послужить к введению в *киевский* цикл многих сюжетов, которые не были прежде связаны с Владимиром...». ⁴ Приведя затем ряд «других распространенных в былинах зачинов», Вс. Миллер этими замечаниями общего характера и ограничивается, не давши, в сущности, ни четкого определения зачина, ни тем более роли зачина в композиции и сюжетосложении старины. Едва ли можно принять и определение зачина, данное Ю. М. Соколовым, — «традиционная форма, дающая начало повествованию», ⁵ так как одинаковым зачином открывается, даже у одного и того же сказителя, ряд старин различного содержания, иногда с очень отличным сюжетом. Еще менее приемлемо определение П. Д. Ухова — «зачин — начало былинного действия, исходный момент конфликта», ⁶ поскольку часто зачин не имеет никакого отношения к конфликту.

³ Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности. М., 1897, стр. 33.

⁴ Там же.

⁵ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1941, стр. 234.

⁶ Русское народное поэтическое творчество. Учпедгиз, М., 1954, стр. 287.

В настоящей статье дается попытка уточнить определение и функцию зачина, а равно запева и прибаутки, и показать роль зачина в построении и развитии сюжета и в раскрытии идейного замысла старины.

Термины «прибаутка» и «зачин» идут от народной эпической традиции. Как же воспринимаются эти компоненты самими сказителями?

Старина «Добрыня и Алеша» у одного из лучших кенозерских сказителей, П. А. Воинова, открывается следующей картиной:

Из-под белыя березки кудреватя,
Из-под чудна креста Леванидова,
Из-под святых мощей из-под Борисовых,
Из-под белого латыря-каменя
Тут повышла, повышла-повыбежала,
Выбегала-вылетала матка Волга-река.
Широка матка Волга под Казань прошла,
Пошире того она под Вастракань.
Она много матка Волга в себе рек побрала,
Побольше того она ручьев пожрала.
Давала плеса она Далынские,
А горы-долы Сорочинские,
А место-то шла она три тысячи.
А выпала Волга в море Чёрное
Да устьёв пустила ровно семьдесят,
Широк перевоз да под Новым-градом.

Это описание никак не связано с дальнейшим повествованием, что и подчеркивает сам сказитель: «Да всё это, братцы, не сказочка» и т. д. (см. выше).

Из слов сказителя явствует, что зачин уже связан с былинным повествованием, им уже начинается рассказ. После стиха «Теперь-то Добрынюшки зачин пошел» следует:

1. Во стольнём-то городе во Киеви,
У ласкова князя у Владимира,
2. Хорош погодился почестной пир,
На многие князи на бóяра,
3. На сильни могучие богатыри,
На все поляници удалые.

(Гильф., 228).⁷

Несколько отлична прибаутка в той же старине у другого кенозерского сказителя — И. П. Сивцева, старины которого, как отмечает А. Ф. Гильфердинг, отличаются «полнотой и складностью»,⁸ что чувствуется и в данном варианте

Из-за гор-то было из-за высоких,
Из-за лесу-то было лесу темного,
Да повышла, повышла-повыкатила
Да широкая-та матушка быстра Волга-река,
Да широкая-та Волга под Казань прошла,
Да пошире подале под Вáсторокань.
Да широкий перевоз под Новым-городом,
Темные леса Смоленские,
Да тихие плеса-то Чижарицкие.
Да места шла ровно три тысячи,
Да рек и ручьев брала сметы нет,
Да выпала во море Каспийское.

(Гильф., 222).

⁷ Аналогична прибаутка в той же старине у каргопольского сказителя В. А. Суханова (Гильф., 215); более сжато — у Н. М. Шевцова (там же, 36) и в старине, записанной П. Н. Рыбниковым от калики из Красной Ляги (Рыбн., 193).

⁸ Гильф., III, стр. 152.

И этот сказитель также подчеркивает несвязанность прибаутки с дальнейшим повествованием о Добрыне: «Да то де Добрынюшке не сказочка, Да теперь старины его начал пойдет». Подчеркнувши переход к началу повествования, И. П. Сивцев открывает рассказ о Добрыне зачином — почестный пир у князя Владимира, — совпадающим с зачином старины П. А. Воинова.

Как можно видеть из рассмотренных вариантов, в народной традиции четко размежевывается прибаутка и зачин. Прибаутка, как верно отметил еще Вс. Миллер, «не имеет ближайшего отношения к содержанию былины. Это, так сказать, прелюдия, которая должна сосредоточить внимание слушателя, настроить его известным образом».⁹ Прибаутка не является обязательной для той или другой старины и свободно переходит именно поэтому из одной старины в другую, как легко можно убедиться, проследив миграцию данной прибаутки. Так, у онежской сказительницы Д. В. Суриковой такой прибауткой открывается старина «Илья Муромец и Калин-царь»:

Реки-то озера ко Нову́городу,
Мхи-то болота ко Белоозеры,
Широки раздолья ко Опскому,
Темныя леса ко Смоленскому,
Чисты поля ко Ерусолблиму,
Матушка Казань подошла под Острохань,
Устьем выпадала во Черно́ море,
Во тое ли во морюшко во Черно́е.

От этой прибаутки, ничем не связанной с дальнейшим ходом эпического рассказа, сказительница переходит непосредственно к зачину старины:

1. Собирается, сподобляется,
Справляется царь Калина
2. Ко стольнёму городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
3. Что царя с царицей во полон обрать,
А душеньку царевну в замужеству.

(Гильф., 138).¹⁰

Однако прибаутка эта, действительно не связанная непосредственно с дальнейшим эпическим повествованием, не имеющая «ближайшего отношения к содержанию былины», помогающая сказителю «навести себя на голос», в то же время внутренним содержанием, глубоко тенденциозным, конечно, «настраивает слушателя» определенным образом: широта и многообразие русского пейзажа, в ней обрисованного, напоминает слушателю песни о необъятных просторах его родины, будит народную гордость, поднимает самосознание народного певца и слушателей его. Широту этой прибаутки отмечал в свое время Ф. И. Буслаев: «Иногда течение Волги вставляет певец в объем широкой панорамы, или точнее громадного фронтисписа, где помещаются целые горы, озера, болота и леса».¹¹

⁹ П. Н. Рыбников указывал на значение такой интродукции для самого сказителя: «он словно пробовал, какой тон лучше подойдет к старине» (Рыбн., I, стр. XCIV).

¹⁰ Аналогично, но более сжато, — в варианте той же старины, записанном в 1928 году от сказителя Е. В. Сурикова, усвоившего свои старины, как и его брат А. В. Суриков, от матери — Д. В. Суриковой (Сок.—Чич., 143), а также, с незначительными отличиями, у А. В. Сурикова (Сок.—Чич., 131).

¹¹ Народная поэзия. Исторические очерки Ф. И. Буслаева. Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. XLII, СПб., 1887, стр. 210. — О функции былинных запевов и прибауток см. также: Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1, М.—Л., 1955, стр. 184—185.

Время сложения данной прибаутки можно установить почти с абсолютной точностью: это XVI век, время Ивана Грозного, когда с присоединением Казани (в 1552 году) и Астрахани (в 1556 году) к Русскому государству Волга сделалась на всем своем протяжении русской рекой, тем великим водным русским путем от Белого моря до Каспийского, который приобрел особое значение со времени открытия англичанами в 1553 году Северного морского пути в Русское государство. Великий водный волжский путь, с середины XVI века ставший русским водным путем, играл для Московской Руси ту же роль, что и великий водный днепровский путь «из варяг в греки» для Киевской Руси.

Отдаленные отголоски тех времен в народной памяти дошли до нас в прибаутке, где изображался этот днепровский водный путь, в старине о Суровце Суздальце сборника Кириши Данилова:

1. Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота окиян-море,
2. Широко раздолье во всей земле,
Глубоки омуты Непровские;
3. Чуден крест Леванидовский,
Долги плеса Чевылецкие,
4. Высокие горы Сорочинские,
Темны леса Брынские,
5. Черны грязи Смоленские,
А и быстры реки Понизовские.

(К. Д., 57).

В том же собрании старина «Соловей Будимирович» открывается первым двойным двустушием данной прибаутки. Представляя своеобразную прелюдию к старине, это двойное двустушие переходит непосредственно в зачин:

1. Из-за моря, моря синего,
Из глухоморья зеленого,
2. От славного города Леденца,
От того де царя ведь заморского,
3. Выбегали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей — один корабль
4. Славна гостя богатого,
Молода Соловья, сына Будимировича.

(К. Д., 1).

Сливаясь с последующим зачином, где рисуется выезд по водному пути Соловья Будимировича, начальное двойное двустушие является запевом, традиционным для этой старины. Если прибаутка не имеет ближайшего отношения к содержанию былины, то запев представляет, как и прибаутка, «вводную фразу», предшествующую зачину, но связанную с дальнейшим содержанием старины. Так, например, старина об Иване Грозном открывается запевом:

Когда-то воссияло солнце красное,
На тоём-то небушке на ясном,
Тогда-то водарился у нас грозный царь,
Грозный царь Иван Васильевич.

(Гильф., 153).

Такого рода запев возможен только в старине об Иване Грозном и при переходе в другую старину должен быть видоизменен применительно к содержанию старины.

2

Зачин представляет собою уже отправную ситуацию, отлившуюся в стабильную словесную формулу, которою начинается старина; здесь нет еще «начала повествования», однако это не только «вводная фраза», а нечто большее. Самая традиционность формы зачина фиксирует внимание слушателей, подготавливает их к восприятию предстоящего повествования.

Наиболее обычной формою зачина является стабильная словесная формула почетного пира, слагающаяся из трех звеньев.

Звено первое — традиционная локализация в пространстве и во времени, отлившаяся в двестишие

Во стольном городе во Киеве,
У ласкового князя у Владимира,

— чрезвычайно устойчиво, что свидетельствует об очень общем характере локализации «былевого» повествования вокруг города Киева и князя Владимира.

Звено второе — стабильная словесная формула почетного пира, отлившаяся в двестишие

Было пированье, почетной пир,
Было столованье, почетной стол,

— абсолютно устойчиво, что еще выразительнее свидетельствует о равнодушно отношении сказителя к этой части зачина, ввиду полной несвязанности ее с ходом «былевого» повествования, причем это звено часто сжимается до одного стиха.

Звено третье — состав участников пира — наиболее подвижно; обычная двучленная словесная формула его

На многи князи на бояра,
И на русские могучие богатыри,

часто амплифицируется, чем нарушается строго трехчленное строение зачина, каждое звено которого слагается из двух парных стихов.¹² Правильно отмечая широкое распространение стабильной словесной формулы пира в былинной поэтике, В. Ржига неверно определяет место и роль этой стабильной словесной формулы в композиции былины: «Пир является одним из главнейших мотивов былины, появляется ли он в качестве введения или же как эпизод».¹³

Стабильная словесная формула пира у князя Владимира является зачином в ряде старин, иногда резко отличных по характеру сюжета.

Таким зачином в выдержанной традиционной форме тройного двестишия открывается старина «Чурило Пленкович» в сборнике Кириши Данилова:

1. Во стольном в городе во Киеве,
У ласкова осударь князя Владимера,
2. Было пированье, почетной пир,
Было столованье, почетной стол
3. На многи князи и бояре
И на русские могучие богатыри.

(К. Д., 18; см. также 11 и 21).

¹² С этими наблюдениями совпадает замечание В. Ржики, сделанное им на основании изучения «*pièces mobiles*» сборника Кириши Данилова: В. Р ж и г а, стр. 215.

¹³ Там же.

Тем же зачином, в том же словесном оформлении, с незначительными вариациями, открывается старина печорского сказителя А. И. Дитятева «Иван Горденов», записанная Н. Е. Ончуковым в 1902 году:

1. Во стольноём во городи во Киеви,
У ласкова князя у Владимира,
2. Было пированьё-столваньё,
Да был у него, братцы, почесен пир,
3. Про многих князей, да многих бояров,
Да сильных русских богатырей.

(Онч., 80).

В старине «Дунай» у мезенского сказителя Н. К. Семенова, старины которого, по замечанию А. М. Астаховой, отличаются своеобразием и значительно отходят от традиционных мезенских типов,¹⁴ — тот же зачин в той же традиционной форме, с незначительными вариациями:

1. Ай во стольнём во городи было Киеви,
У ласкова князя да у Владимира,
2. Заводилосе пированьё да столваньё,
Заводилосе столваньё да почесён пир
3. Как для тех же князей да тех бояров,
Как для всех сильных могучих богатырей.

(Аст., I. 27).

Близость словесного оформления зачина «почестный пир» в приведенных записях, отделенных промежутком времени около 150 лет, убедительно показывает устойчивость традиционной поэтики русского народного эпоса. Вместе с тем — это живое предание, сохранявшееся веками, которым свободно пользуется народный мастер слова, часто к традиционному хорошему добавляя свое лучшее, что дает основание говорить не об «окаменелости», а лишь о стабильности словесных формул эпической поэтики.

Рассмотрение вариантов данного зачина у одного и того же сказителя также убедительно показывает, что словесная формула пира стабильна, но не неизменна: сказитель сохраняет ее в основном, но не стремится запомнить ее в деталях, свободно варьируя словесное оформление ее согласно своему замыслу.

Так, у беломорской сказительницы А. М. Крюковой старина «Сухматий» открывается зачином в традиционной форме:

1. Ай во славном было городи во Киеви,
Ай у ласкового князя у Владимира,
2. Тут ведь было у ево собран почесен пир,
А подесен пир всё на весь-от мир,
3. На князьей-то было, всё на бояров,
На сильных могучих богатырей.

(Марк., 11).

В старине «Дунай-сват» у той же сказительницы третье звено зачина развернуто в двойное двустиие с типичною для Севера демократизациею состава участников пира:

- Ай на тех ли на князьей, бояр да всё богатых,
Шьчо на тех ли на купцей-гостей торговых,
Ай на руських на сильных на богатырей,
На хресьян-то всё на бедных, на прожитосных.

(Марк., 9).¹⁵

¹⁴ Аст., I, стр. 234—235.

¹⁵ Аналогично в старине «Алеша и сестра Бродовичей» той же сказительницы (Марк., 7).

В старине «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» у той же сказительницы третье звено зачина развернуто, причем интересна социальная антитеза, которой оттенено обидное для богатырей пренебрежение к ним князя, служащее мотивировкою ссоры Ильи Муромца с Владимиром:

Ай почесен-то пир на тех-то собирал, которы в Киеви:
Собирал он больше на князей да всё на бояр же,
Позабыл в чистом поле могудих он богатырей,
Да он не дал им вестощки, скорых гонцев,
Некакого он богатыря да не почествовал.

(Марк., 44).

Анализ зачина «почестный пир» у А. М. Крюковой не позволяет согласиться с положением А. Ф. Гильфердинга, что «места типические» неизменны, что каждый сказитель «выбирает себе из массы готовых типических картин запас, более или менее значительный, смотря по своей памяти и, затвердив их, этим запасом одинаково пользуется во всех своих былинах». Нельзя согласиться и с его утверждением, что типические места сказитель знает наизусть и поет совершенно одинаково, сколько бы раз он ни повторял былинку.¹⁶

Сопоставление записей одних и тех же старин у П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга от одного и того же сказителя убеждает, что это не так. Возьмем, например, старину «Дунай» у одного из лучших онежских сказителей — Т. Г. Рябинина.

В записи А. Ф. Гильфердинга старина эта открывается зачином:

А Владимир-князь стольне-киевской
Заводил он почестен пир пированьицо
А й на всех-то на князей, на бояров,
Да й на русьских могучих богатырей,
На всех славных поляниц на удалых.

(Гильф., 81).

Та же старина, записанная от Т. Г. Рябинина несколько раньше П. Н. Рыбниковым, открывается зачином:

У ласкова князя у Владимира
Был хорош пир-пированьице
На многих князей, на бояр,
На русских могучих богатырей.

(Рыбн., 9).

Уже на основании рассмотренных вариантов зачина «почестный пир» можно сделать определенные выводы: наиболее устойчивым является первое звено зачина — локализация пира: Киев, у князя Владимира; второе звено имеет тенденцию к сокращению и сжато часто до одного стиха; третье звено — перечень участников пира, наоборот, наиболее подвижно и имеет тенденцию к амплификации. Наиболее стойким и, очевидно, основным для третьего звена является двустишие:

На многих князей, на бояр,
На русских могучих богатырей.

Первоначально, по-видимому, амплификация третьего звена выражалась добавлением: «И на всех поляниц удалых». При этом, в результате

¹⁶ Гильф., I, стр. 57.

амплификации третьего звена зачина до трех стихов, второе звено стянуто обычно до одного стиха, чем достигается сохранение традиционного строения зачина из трех двустуший. Таким зачином открывается, например, старина «Илья Муромец и Калин-царь» у онежского сказителя В. П. Щеголенка:

1. Во стольном во городе во Киеви,
У ласкова у князя у Владимира,
2. Заводилось пираванье почестен пир
На многих на князей, на бояров,
3. А на русских могучих богатырей,
А на всех поляниц на удалых.

(Гильф., 121).¹⁷

В старине «Илья Муромец и Калин-царь» сказителя Ст. Максимова перечень участников пира расширяется введением гостей торговых:

3. Да на сильних на могучих богатырей,
Да на их поляницу на удалу,
Да на всех-то купцей-гостей торговых.

(Гильф., 296).¹⁸

Своеобразен вариант зачина в старине «Иван Гоудинович» пудожского сказителя П. А. Логинова, построенный на тройном подхвате:

1. Во городе во стольном Киеви
У ласкового князя Владимира
2. Был заводился почестный пир.
Были, собирались князи и бояра,
3. Князи и бояра, могучи богатыри,
Могучи богатыри, купцы имениты,
Купцы имениты, полёницы удалые.

(Сок.—Чич., 41).¹⁹

В старине «Женитьба князя Владимира», записанной в Пудожье от Ф. А. Коначкова, состав участников пира ограничен купцами и богатырями с интересной мотивировкою:

А ведь и надобно собрать тебе поёстной пир,
А пригласить нам могущих богатырей,
А нам купцей людшек богатых,
А ведь купцы да людшки-то богаты,
А издя по разным по городам,
А ведь издя по дальним по сторонам,
А ведь и разные товары закупают-то,
А с прибылью товары-ты продавают-то:
Так може не видали, не видали ли
А ведь и души красной девушки?

¹⁷ Так же у него в старине «Дюк» (Гильф., 123). Аналогично у сказительницы Д. В. Суриковой в старинах «Дунай» и «Ставёр» (Гильф., 139 и 146). Так же с незначительными разночтениями в различных старинах у ряда сказителей (Гильф., 21, 102, 164, 229, 251, 272, 275, 282, 290, 293; Рыбн., 70, 179; Онч., 11; в новейших записях: Аст., II, 109, 132, 134, 136, 150; Сок.—Чич., 46, 49, 97, 102, 108, 110, 127, 134, 135, 249).

¹⁸ Так же в старинах «Иван Гостиной сын» и «Ставер боярин» (К. Д., 8 и 15).

¹⁹ Несколько отлично в старине «Ставёр», записанной от Пр. Макаровой и Пр. Пастиуховой (Гильф., 169), в старине «Садко» — от печорского сказителя С. Д. Чупрова (Аст., I, 50) и в варианте старины «Про Ставра» — от М. Г. Самылина в Прионежье (Аст., II, 161). В варианте старины «Иван Гостиной сын» — от Н. С. Абрамовой из Кенозера (Сок.—Чич., 275) участниками пира являются одни «гости-ти ежжалые», «купцы именитые». Аналогично в той же старине — от И. Ф. Сидорова (там же, 270).

- А вѣдь ище пригласить могущих богатырей,
 А вѣдь тые ездят по дальним по стѣорнам,
 А вѣдь по разным они ездят по городам.

(Сок.—Чич., 79).

Вследствие того, что слово *гость* в значении определенной социальной категории было забыто, стало возможным появление таких вариантов данного зачина:

1. Во стольном было во городе Киеви,
 Да у ласкова у князя у Владимира,
2. Да было пированье почестной пир
 Да на многих тых князей, бояр,
3. Да на всех тых гостей званых бранных,
 Званых бранных, гостей приходящих.

(Гильф., 150, — «Михайла Потык»)²⁰

Расширяя перечень приглашенных на пир, онежский сказитель К. И. Романов вводит в зачин старины «Дунай» *мужиков деревенских*, что не вызвано сюжетом старины и объясняется тенденцией к демократизации круга участников почестного пира:

3. На многих князей на бояр,
 На могучих на богатырей,
 На всех купцов на торговых,
 На всех мужиков деревенских.

(Гильф., 94)²¹

В новейших записях старин перечень участников пира обычно демократизируется: в состав приглашенных вводятся не только «купцы люди торговые», «мещане люди добрые», но — что особенно характерно для былин Севера — и «крестьяне православные», «хрестьянушки прожиточные», причем характерно противопоставление этому демократическому слою гостей князя Владимира бояр с помощью весьма выразительного эпитета *толстобрюхих* либо *кособрюхих*.

Так, у печорского сказителя В. П. Носова, в исполнении которого, по замечанию А. М. Астаховой, соблюдается эпическая «обрядность», старина «Дунай» открывается зачином:

1. Ай-я во стольнем во городе во Кееве
 Ю ласкова князя ю Владимира
2. Заводился правó почестен пир.
 Про всех про русских богатырей,
3. Про всех поляниц удалых,
 Про всех ле купцов людей торговых,
 Про всех ле бояр толстобрюхих,
 Про всех ле крестьян православных.

(Аст., I, 72)²²

Если зачин «почестный пир» переносится в «землю неверную», то соответственно переосмыслиется и перечень участников пира, как, например,

²⁰ Так же в старине «Ставѣр» (Гильф., 151); аналогично в старинах «Михайло Потык» — от И. А. Касьянова (Гильф., 158) и «Иван Гоудинович» — от калики из Красной Ляги (Рыбн., 195).

²¹ Аналогично в старинах о Дунае — от Ф. В. Поздякова и Я. Е. Гольчикова (Аст., I, 43 и 3). Несколько отлично в старине «Василий Казимирович» — от А. Ф. Вокужева (Онч., 65; ср. там же, 23). Аналогично в старинах «Иван Гостинович», «Солбмон премудрый и Васька Окулов» и «Скопин» (Онч., 22, 27, 81).

²² Несколько отлично в старине «Фатенко» — от П. И. Дитяевой (Аст., I, 98).

в старине «Про Васеньку Викулова», записанной на Печоре от Д. К. Дуркина:

1. За морем было за синним,
В земли и страны было во неверной,
2. У царя Васеньки Викулова
Завелся пир на трое суток,
3. На турзов-мурзов да на поганных,
На пановья да на улановья,
По русьски сказать на русьских на богатырей,
На купцов людей торговых.

(Аст., I, 83).²³

Склонная к широкой и свободной импровизации беломорская сказительница М. С. Крюкова амплифицирует перечень участников пира, дополняя его по своим домыслам:

А во славном во городе во Киеви
А и как сбирал, сбирал Владимир-князь почесен пир,
А и почесен пир сбирал да князь, веселой стол,
А и как на тех ли на могучих, сильных богатырей,
А и как на ту ли поленицю преудалую,
А и как на тех ли на князей-бояров,
А на тех ли на купцей-гостей торговых,
На хрестьян же всех прожиточных,
Как на черных-то на пахарей,
На рыболовов то всё из разных рек.
Сбирал-то князь Владимир корабельщиков,
Корабельщиков всех из разных морей
Со младыма со матросиками,
Сбирал-то всех людей-народ во Киеви.

(Летописи, VIII, 66).²⁴

Самое нарушение традиционного состава участников почестного пира является мотивировкой конфликта, развертывающегося в старине. Так, в старине «Илья Муромец и Калин-царь» у онежского сказителя И. Фепонова говорится в зачине, что князь Владимир завел пир лишь на князей-бояр.

А не зовет он ведь себе да во почестной пир
А сильниих могучиих богатырей.

(Гильф., 57).

Обиженные богатыри уезжают из Киева, отказываясь служить князю Владимиру, что и ставит его в безвыходное положение при нашестии Калина-царя.²⁵

Зачин «почестный пир» переходит в завязку, причем не непосредственно, а с помощью переходной стабильной словесной формулы. Таких стабильных словесных формул перехода от данного зачина к завязке две — пир во полупире и похвальба на пиру, применительно к содержанию старины.

Первая типична для тех старин, где завязкою является трудная задача или поручение, предлагаемое князем участникам пира; вторая типична для старин, где завязкою является неосторожная, неразумная похвальба героя старины.

²³ Аналогично в старине на тот же сюжет у И. В. Сивцева (Сок.—Чич., 208).

²⁴ Аналогично, с небольшими разночтениями, у той же сказительницы в некоторых других старинах (Летописи, VIII, 64, 81, 120).

²⁵ Аналогично в старинах Т. Г. Рябинина (Гильф., 76), Н. Прохорова (там же, 47) и Ф. А. Конашкова (Сок.—Чич., 78).

Стабильная словесная формула пира во полупире, как можно видеть из приводимого ниже материала, неустойчива в словесном оформлении. Так, в ряде старин в сборнике Кириши Данилова она выражена анафорическим двустижием, несколько видоизменяющимся в той или другой старине:

Будет день в половина дня,
Будет пир во полупире.
(К. Д., 8, 15).²⁶

В старине об Иване Грозном:

Как будет летне-ет день в половина дня
Смирренная беседушка навеселе.
(К. Д., 45).

У онежского сказителя И. П. Сивцева в старине «Молодость Чурилы» она оформлена двустижием с эпифорическим созвучием:

Белой день идет ко вечеру,
Да почестной-от пир идет навеселе.
(Гильф., 223).²⁷

У беломорского сказителя Г. Л. Крюкова стабильная словесная формула пира во полупире развернута в двойное двустижие с эпифорическим созвучием:

А как светел день-от идет на осени,
А как солнышко идет на всей вышины,
А почесен-от пир идет навесели,
А как вси-то на пир сидят да пьяны-веселы.
(Марк., 75; см. также 73, 74).²⁸

В новейших записях стабильная словесная формула пира во полупире часто опускается: так, из 99 старин, опубликованных А. М. Астаховой в «Былинах Севера» (т. I), 20 открываются зачином «почестный пир», причем стабильная словесная формула пира во полупире имеется лишь в трех вариантах, что говорит о нестойкости ее. Не отличается стойкостью также и словесное оформление данной стабильной формулы.

В старинах, где формула пира во полупире переходит в завязку — трудное задание,²⁹ обычно после обращения князя к богатырям следует двустижие

Как бы большой за меньшего хоронится,
От меньшого ему тут князю ответу нету,

которым подчеркивается трудность задания и смелость того богатыря, который принимает княжеский вызов. У повенецкого сказителя П. Л. Калинина в старине «Михайло Потык» стабильная словесная формула пира во полупире

Солнышко идет на вечера
А почестный пир идет на весели

²⁶ Несколько отлично — К. Д., 11, 18, 21.

²⁷ Аналогично — Гильф., 108, 109, 139, 140, 142, 275, 403; у Рыбн., 42, 58, 71, 138. Аналогично, с незначительными разночтениями, — Гильф., 6, 228, 229; у Рыбн., 104.

²⁸ Аналогично у Т. Г. Рябинина в старине «Ставер» (Рыбн., 14) и «Дунай» (Гильф., 81), также в старинах Д. Д. Кононовой «Ставер» и К. Л. Гурьбиной «Дунай» (Гильф., 21 и 272).

²⁹ См.: К. Д., 8, 11, 15, 21 («Иван Гостиной сын», «О женитьбе князя Владимира», «Ставер боярин», «Добрыня Чудь покорил»).

переходит непосредственно в стабильную словесную формулу похвалы на пиру, оформленную анафорическим трехстишием:

Вси-то на пиру да напивалиси,
Вси же на честном да наедалиси,
Вси же на пиру и порасхвасталиси.

(Гильф., 6).³⁰

Обычно стабильная словесная формула похвалы на пиру усиливается и конкретизируется перечислением того, кто чем хвастает, завершаясь двустихием:

Разумный хвастает отцом-матерью,
А безумный хвастает молодой женой.

На втором месте по распространенности стоит зачин «выезд богатыря». Старина «Первая поездка Ильи Муромца в Киев» в сборнике Кириши Данилова открывается зачином:

1. Как из славного города из Мурома,
Из того села Корочаева,
2. Как была-де поездка богатырская —
Наряжался Илья Муромец Ивановичь
3. Ко стольному городу ко Киеву
Он тою дорогою прямоезжею.

(К. Д., 49).

Зачин этот слагается из трех звеньев-двустихий. Первое звено — место выезда, второе — описание выезда, третье — цель поездки.

Так же и в старине «Дюк» у онежского сказителя П. А. Федулова:

1. А из Волынца-города из Галичи,
А из той Корелы пребогатыи,
2. А исправляется да вооружается
Молодой боярской Дюк Степанович,
3. Ко стольнѣму ли городу ко Киеву
Ко ласковому князю ко Владимиру.

(Гильф., 213).³¹

Зачин этот может амплифицироваться, притягивая к себе стабильную словесную формулу седлания коня и поездки богатырской.

Так, в варианте старины «Об Илье Муромце», записанном экспедицией 1926—1928 гг. от Т. А. Прокина, после зачина

И справляется да снаряжается
Еще старый казак да Илья Муромець,
Илья Муромець да сын Ивановичь,
В ту ли ён дороженьку во дальнюю,
Ай во дальнюю да не в знакомую, —

следует стабильная словесная формула седлания коня:

Ай кладáл потницьки на потницьки,
Как кладáл войлуцьки и на войлуцьки,

³⁰ Так же у того же сказителя в ряде других старин (Рыбн., 113, 114; Гильф., 10, 13).

³¹ Аналогично, с некоторыми разночтениями, в вариантах Т. Г. Рябинина (Гильф., 74; ср. Рыбн., I, 10) и Фепонова (там же, 56). Ф. Никитина (Рыбн., 171), С. К. Попова (там же, 210), П. А. Федулова (там же, 212). В позднейших записях — в вариантах П. И. Рябинина-Андреева (Аст., II, 131), Г. М. Сидорова, А. С. Захарова, К. Г. Рябинина, Н. А. Антонова (Сок.—Чич., 55, 61, 104, 184).

А на верёх седёлушко черкальской,
 А черкальской седёлушко соболиное,
 А не для красы-басы всё молодецкьюю,
 А для крепости он богатырскою.

Эпизод завершается стабильною словесною формулою поездки богатырской:

А видли добра молодца нунь сядуци,
 А не видли разудалого поедуци, —
 А во цистом поле да одна пыль стоит.
 (Сок.—Чич., 193).³²

С другой стороны, зачин этот может стягиваться; например:

Выезжал Илья со Мурома
 С села Корочарова,
 Поезжал служить в Кеев-град.
 (Аст., II, 122).

В старине «Дюк Степанович» у Кириши Данилова первое и второе звено данного зачина развернуты:

1. Из-за моря, моря синего,
 Из славного Волынца, красна Галичья,
 Из той Карелы богатяя,
2. Как ясен сокол вон вылетывал,
 Как бы белой кречет вон выпархивал,
 Выезжал удача доброй молодец,
 Молодой Дюк сын Степанович.

Затем следует длинное описание богатого снаряжения Дюка, после чего идет третье звено зачина:

Поехал ко городу Киеву,
 Ко ласкову князю Владимиру.
 (К. Д., 3).³³

Аналогично в варианте той же старины, записанном А. Ф. Гильфердингом от И. П. Сивцева:

1. Из славного города из Галича,
 Из Волынъ-земли богатые,
 Да из той Карелы из упрямые,
 Да из той Сарачины из широкие,
 Из той Индеи богатые,
2. Не ясен сокол там пролётывал,
 Да не белой кречетко вон выпорхивал,
 Да проехал удалой дородний доброй молодец,
 Молодой боярской Дюк Степанович.
 (Гильф., 225).³⁴

Зачин «выезд богатыря» тесно связан со стабильной словесной формулой приезда богатыря, за которой обычно следует стабильная словесная формула прихода богатыря.

³² Так же, с незначительными разночтениями, в варианте А. Т. Зуевой (Сок.—Чич., 196).

³³ Так же в той же старине в вариантах, записанных А. Ф. Гильфердингом от сказителей И. П. Сивцева (225), П. А. Войнова (230) и А. В. Георгиевской (279).

³⁴ Так же, с незначительными разночтениями, в вариантах, записанных А. Ф. Гильфердингом от А. П. Войнова (Гильф., 230) и экспедицией 1926—1928 гг. от кенозерского сказителя И. М. Калитина (Сок.—Чич., 251).

В варианте старины «Дюк» онежского сказителя П. Л. Калинина:

Приезжае что ли к солнышку к Владимиру,
 А ко князю стольне-киевску,
 Привязал же он добра коня
 У того столба да у точеного,
 У того кольца да золоченого.
 А й заходит он в полаты белокаменны,
 Крест кладет да по писаному,
 А поклон ведет да по ученому,
 Бьет челом да поклоняется,
 Да на всех же на четыре стороны
 Князю со княгиною в особину.

(Гильф., 9).

В старине «Дюк Степанович» у Кирши Данилова:

1. Он будет в городе Киеве,
 Что у ласкова князя у Владимира,
2. Среди двора княженецкого,
 А скочил он со добра коня,
3. Привязал коня к дубову столбу,
 К кольцу булатному.
1. Походил во грядню во светлую
 Ко великому князю Владимиру,
2. Он молился спасу со пречистою,
3. Поклонился князю со княгиною
 На все четыре стороны.

(К. Д., 3).

Стабильная словесная формула приезда богатыря слагается из трех звеньев (двустийший) — приезд, спешивание, привязывание коня. Стабильная словесная формула прихода богатыря также слагается из трех звеньев: приход в грядню, молитва, поклон князю и присутствующим.

Отражая устоявшийся бытовой ритуал, сохранявшийся в народном быту северного крестьянства вплоть до наших дней, это описание приезда и прихода богатыря отлилось в стабильную форму, в самом словесном выражении которой прекрасно передан торжественно-медлительный характер бытового ритуала, когда богатырь заходит в горницу, истово крестится на образа, затем отвешивает истовый поклон, подобно тому как это водилось в крестьянском быту, особенно в торжественных случаях, как, например, при сватовстве.

В развитии былинного стиля и сюжета стабильная формула приезда и прихода является художественно-изобразительным средством большой выразительности, сообщая в то же время торжественно-медлительный оттенок эпическому повествованию.

Соблюдение богатырем этого ритуала рассматривается как показатель его «вежества», знания обычаев.

В варианте старины «Дюк» кенозерского сказителя И. П. Сивцева:

Крест кладёт по писаному,
 Поклон ведет по ученому,
 На все стороны Дюк поклоняется
 Желтыми кудрями до сырой земли.

На вопрос Дюка, «А где сам Владимир князь», «стряпчие люди дворецкие» отвечают:

Удал дородный добрый молодец!
 Изучение видим твое полное,
 А не знаем ни имени, ни вотчины.

(Рыбн., 181).

Наоборот, в старине «Илья Муромец и Калин-царь» у Кирши Данилова нарушение этого ритуала татарским послом расценивается Ильей как показатель невежества:

Гой еси, сударь, Владимир-князь!
Что у тебя за болван пришел?
Что за дурак неотесаной?

(К. д., 25).

Нарушение традиционного историко-бытового ритуала в той или иной старине всегда художественно оправдано и подчинено идейному замыслу. Так, если в варианте старины «Дюк» богатырь

Сходил со добра коня,
Становил добра коня
Не приказана, не привязана,

то тем самым подчеркнуты выдающиеся качества коня богатырского.³⁵

Наоборот, когда посол Калина-царя поступает аналогично —

Скакал татарин с добра коня,
Не вяжет коня, не приказывает,

то тем самым показывается невежество и вызывающее поведение посла, что подчеркнуто последующим:

Бежит он в гридню во светлую,
А спасову образу не молится,
Владимиру-князю не кланется
И в Киеве людей ничем зовет.

(К. д., 25).³⁶

Но когда в той же старине Илья Муромец не вяжет коня, не приказывает, то тем самым оттеняется спешка богатыря, прибывшего на выручку, соблюдающего в дальнейшем весь принятый ритуал.

³⁵ Так же в ряде старин о Дюке (Рыбн., 29, 202; Гильф., 115, 159). В варианте онежского сказителя П. А. Войнова:

Поставил коня своего доброго
Не привязана да не прикована.
Приступили голи тут кабацкие,
Да ладя с коня они попоны снять,
А добрый конь голям не дается,
Со голями конь да отдирается,
Не давае конь с себя попоны снять.

(Гильф., 230).

³⁶ Ср. поведение Идолища:

Господу богу не молится
Им, молодцам, не клонится.

(Рыбн., 130).

Ср.:

А й отворялась дверь дубовая тут на́ пяту,
Как идет поганое Инодолище,
Ен ведь чудному образу не молится,
Ен ведь добрым молодцам челом не бьет.

(Гильф., 218).

В старине «Иван Гоудинович» у Кирши Данилова Иван, приехавший «о добром деле — о сватанье» к черниговскому «гостю богатому» Дмитрию,

Походил во гридню во светлую,
Спасову образу молится,
Он Дмитрею-гостю кланяется.

Получивши отказ, он возвращается в Киев:

И приходит он во светлу гридню,
Ко великому князю Владимиру,
Спасову образу молится,
А Владимиру-князю кланяется.

Узнав о неудачном результате сватанья, князь Владимир вторично посылает Ивана, давши указание:

Поезжай ты о добром деле — о сватанье,
Честью не даст, ты и силою бери!

Приехавши вторично к Дмитрию,

Скачет Иван среди двора,
Привязал коня к дубову столбу,
Походил он во гридню светлую,
К Дмитрею, гостю богатому,
Спасову образу молится,
Дмитрею-гостю не кланяется.

(К. Д., 16).

В третьем повторе заключительным *не кланяется* подчеркнуты враждебные намерения Ивана — увезти насильно Настасью Дмитриевну.

В старине «О женитьбе князя Владимира» у Кирши Данилова послы Владимира — Дунай Иванович с Екимом Ивановичем — приезжают в Золотую орду также «о добром деле — о сватанье»; стабильная словесная формула приезда богатыря соблюдается:

1. И будут они в Золотой орде
У грозного короля Етмануйла Етмануйловича;
2. Среди двора королевского
Скакали молодцы с добрых коней,
3. Привязали добрых коней к дубову столбу,
Походили во палату белокаменну.

Этим показано, что богатыри знают и соблюдают все устоявшиеся «свychаи и обычаи». Но вместо ожидаемого затем «спасову образу молятся, крест кладут по писаному, поклон ведут по ученому», поскольку у «неверного» короля соблюдение такого обычного на Руси ритуала неуместно, Дунай говорит:

Гой еси, король в Золотой орде!
У тебя ли в палатах белокаменных,
Нету спасова образа,
Некому у тя помолитися,
А и не за что тебе поклонитися.

(К. Д., 11).

В варианте старины «Дюк», записанном П. Н. Рыбниковым от Л. Богданова, выразительно подчеркнута отрицательное отношение Дюка — и тем

самым народного певца — к князьям-боярам, что достигается незначительным отступлением от традиционной эпической формулы прихода богатыря и усилено подхватом:

1. Пришел он во церковь соборную,
Крест кладет по писаному,
2. Поклон ведёт по ученому,
Князю Владимиру в особину,
3. А князьям-боярам челом не бьет,
Челом не бьет, не кланяется.

(Рыбн., II, стр. 321).

Рассмотренные варианты зачинов «почестный пир» и «выезд богатыря», а также примыкающих к ним эпических стабильных словесных формул показывают, что художественно-изобразительные средства русского народного эпоса свободно и творчески используются мастерами народного художественного слова, выполняя определенную идейную и художественно-композиционную задачу применительно к содержанию старины.

3

С целью выяснить, как меняется содержание в различных вариантах одного и того же сюжета и какими художественными средствами это достигается, обратимся к старине «Илья Муромец и Калин-царь». Старейший по временам записи вариант старины сборника Кирши Данилова открывается зачином, восходящим к традиционному для русского народного эпоса зачину — «выезд богатыря».

Да из Орды Золотой земли,
Из тоя Могозеи богатыя,³⁷
Когда подымался злой Калин-царь,
Злой Калин-царь Калинович,
Ко стольному городу ко Киеву,
Со всею силою с поганюю.

Подхватом, традиционным для народно-эпической поэтики, в сочетании с эпитетами *злой* и *поганый* здесь подчеркнуто резко отрицательное отношение к врагу.

Подводя в художественных образах итог многовековой борьбы русского народа с превосходящими силами монголо-татарских насильников, старина рисует яркую картину татарского нашествия:

Не дошед он до Киева за семь вёрст,
Становился Калин да у быстра Непра,
Собиралось с ним силы на сто вёрст
Во все те четыре стороны.
Зачем мать-сыра земля не погнется?
Зачем не расступится?
А от поту было от кониного
А и месяц, солнце померкнуло,
Не видать луча света белого,
А от духу татарского
Не можно крещеным нам живым быть.

Образ Калина-царя обрисован чертами типичного для русского народного эпоса насильника, похваляющегося расправиться с русским против-

³⁷ Ср.: «В XVI в. русские промышленники проникали далеко за Урал в Мангазею, как они называли страну к востоку от Нижней Оби, и доходили до Енисея» (История СССР, т. I, изд. 2-е, ОГИЗ, 1947, стр. 349).

ником, причем обычно сжатая в былинах стабильная словесная формула похвалы здесь развернута применительно к историко-бытовым особенностям сюжета данной старины:

Садился Калин на ременчат стул,
 Писал ярлыки скорописчаты,
 Ко стольному городу ко Киеву,
 Ко ласкову князю Владимиру.
 . . . . .
 От мудрости слово написано:
 Что возьмет Калин-царь стольной Киев-град,
 А Владимира-князя в полон полонит,
 Божьи церкви на дым пустит.

Здесь все, от названия грамоты *ярлык* до *Божьи церкви на дым пустит*, — дышит временами татарщины.

Вековая ненависть русского народа к угнетателям вылилась в гротесково-гиперболизированный отрицательный образ татарского посла:

Что выбрал татарина выше всех:
 А мерю тот татарин трех сажен,
 Голова на татарине с пивной котел,
 Который котел сорока ведер,
 Промеж плечами косая сажень.

Вызывающее поведение татарского посла передано в старине традиционной эпической формулой приезда, видоизмененной применительно к содержанию данной старины.

Если приезд богатыря передается обычно традиционной для эпоса стабильной словесной формулой,³⁸ то приезд татарского посла передан также традиционной эпической формулой, но соответственно с художественным замыслом старины видоизмененной:

- А. 1. А и будет он, татарин, во Киеве,
 2. Среди двора княженецкого,
 Скачал татарин с добра коня;
 3. Не вяжет коня, не приказывает,
 В. 1. Бежит он в гридню во светлую,
 2. А спасову образу не молится,
 3. Владимиру-князю не кланется,
 И в Киеве людей ничем зовет.

Здесь художественный эффект достигается именно использованием стабильной словесной формулы, где вместо ожидаемых традиционных, хорошо известных словосочетаний, отразивших устоявшийся быт, с помощью незначительного на первый взгляд видоизменения — отрицания *не* — создается впечатление обратного порядка. Этим подчеркнута нарушение татином привычного для русского человека бытового ритуала и тем создается отрицательный образ татарина — безбожного, невежественного и наглого, что еще подчеркнута последующим:

Бросал ерлыки на круглый стол,
 Перед великого князя Владимира,
 Отшел татарин, слово выговорил:
 — Владимир-князь, стольной киевской!
 А наскоре сдай ты нам Киев-град,
 Без бою, без драки великие,
 И без того кроволития напрасного.

³⁸ Ср. с приведенной выше формулой приезда богатыря в былине о Дюке (стр. 112).

Здесь особенно интересен тройной повтор предложения без в сочетании с тройным использованием синонимов — бой—драка—кроволитие, причем эпитетом *напрасного* подчеркнута бесполезность сопротивления татарской силе (с точки зрения царя Калина). Безвыходность положения князя Владимира и величина нависшей над Киевом опасности оттенены:

Владимир-князь запечалился,
А наскоро ерлыки распечатывал
И просматривал,
Глядячи в ерлыки, заплакал, свет.

Печаль и безвыходность положения князя старина мотивирует в духе богатырского эпоса — отсутствием богатырей:

По грехам над князем учинилося:
Богатырей в Киеве не случилось.

Завершая и углубляя картину угрожающей Киеву беды, старина в амплифицированном повторе рисует несметную силу татарскую:

А с Калином силы написано
Не много, не мало — на сто верст
Во все четыре стороны.
Еще со Калином сорок царей со царевичем,
Сорок королей с королевичем.
Под всяким царем силы по три тмы, по три тысячи,
По праву руку его зять сидит,
А зятя зовут у него Сартаком,
А по леву руку сын сидит,
Сына зовут Лоншеком.

Развивая сюжет в сторону нарастания напряженности основной ситуации, старина вводит образ Василия Пьяницы, который стреляет из лука в Калина, осложняя тем и без того тяжелое положение:

Не попал во собаку Калина-царя,
Что попал он в зятя его Сартака:
Угодила стрела ему в правый глаз,
Ушиб его до смерти.

Так создается осложнение ситуации, что подчеркивается эпической формулой гнева, амплифицированной применительно к содержанию старины:

И тут Калину-царю за беду стало,
Что первую беду не утушили,
А другую беду они зарезали,
Убили зятя любимого
С тоя башни со стрельных.
Послал другого татарина
Ко тому князю Владимиру,
Чтобы выдал того виноватого.

Далее в развитии сюжета создается поворотный момент введением нового образа — Ильи Муромца — при помощи традиционной эпической формулы поездки богатырской:

А мало время замешкавши,
С тое старины полуденные,
Что ясной сокол в перелет летит,
Как белой кречет перепархивает —
Бежит паленица удаляя,
Старый козак Илья Муромец.

Приезд Ильи Муромца в Киев в самый напряженный момент передается посредством традиционной эпической формулы приезда богатыря, видоизмененной применительно к содержанию старины:

- А. 1. Приехал он во стольной Киев-град,
 2. Среди дворя княженецкого
 Скочил Илья со добра коня,
 3. Не вяжет коня, не привязывает,
 В. 1. Идет во гридню во светлую:
 2. Он молится спасу со пречистою,
 3. Бьет челом князю со княгинею,
 И на все четыре стороны.

Эпическая формула приезда богатыря здесь отступает от традиционной ее формы лишь в одном — *не вяжет коня, не приказывает*, — чем оттеняется спешка Ильи Муромца, но вторая часть — формула прихода — традиционна, чем по контрасту оттеняется приведенное выше вызывающее поведение татарского посла, что еще подчеркивается в словах Ильи Муромца бранной лексикой:

Гой еси, сударь, Владимир-князь!
 Что у тебя за болван пришел?
 Что за дурак неотесаной?

Обрадованный прибытием Ильи Муромца, князь Владимир спрашивает совета:

Пособи мне думушку подумати,
 Сдать ли мне, не сдать ли Киев-град,
 Без бою мне, без драки великие,
 Без того кроволития напрасного?³⁹

Ответ Ильи построен на эпической словесной переходной формуле «честных подарков», включающей анафору-утроение и амплифицированной применительно к содержанию данной старины:

Насыпай ты мне мису чиста серебра,
 Другую мису — красна золота,
 Третью мису — скатного жемчуга;
 Поедем со мной ко Калину-царю,
 Со своими честными подарками,
 Тот татарин-дурак нас прямо доведет.

Вся сцена посольства Ильи развита приемом утроения в сочетании с градацией.

Первое звено — Илья подносит подарки (повтор стабильной словесной формулы подарков) и просит отсрочки:

А и Калин-царь, злодей Калинович!
 Прими наши дороги подарочки
 От великого князя Владимира:
 Перву мису чиста серебра
 Другу — красна золота,
 Третью мису скатного жемчуга,
 А дай ты нам сроку на три дня,
 В Киеве нам приуправиться. . .

³⁹ Здесь в вопросе Владимира — повтор слов татарского посла, построенный на анафорически утроенном повторении без в сочетании с синонимами: бой—драка—кроволитие (ср. выше).

На это Калин отвечает повторением своего требования:

Выдайте вы нам виноватого,
Который стрелял с башни со стрельных,
Убил моего зятя любимого!

Второе звено — настойчивое повторение просьбы Ильи Муромца:

А ты слушай, Калин-царь, повеленое:
Прими наши дороги подарочки
От великого князя Владимира.
Где нам искать такого человека и вам отдать?

Калин соглашается принять дары в обидной форме: «И тут Калин принял золоту казну Нечестно у него, сам прибранивает», что подчеркивается стабильной словесной формулой гнева — «И тут Илье за беду стало», — служащей переходом к третьему звену.

Третье звено — Илье гневно и с угрозой обращается к Калину-царю:

Собака, проклятой ты, Калин-царь!
Отойди с татарами от Киева:
Охота ли вам, собака, живым быть?

Так на третьем звене повтора-утроения просьба Ильи Муромца переходит в угрозу расправиться с врагом. Перелом в обращении Ильи к Калину подчеркнут в старине стабильной формулой гнева Калина:

И тут Калину-царю за беду стало,
Велел татарам сохватать Илью;
Связали ему руки белые
Во крепки чембуры шелковые.

Эта же формула гнева служит переходом к следующему — четвертому звену.

Четвертое звено повтора вводится стабильной формулой гнева Ильи — «Втапоры Илье за беду стало», чем и мотивируется повтор гневного требования и угрозы Ильи: «Собака, проклятый ты, Калин-царь» и т. д.

Повторение требования и угрозы Ильи усиливают гнев Калина, достигший своего апогея:

И тут Калину за беду стало,
И плюет Илье во ясны очи:
«А русской люд всегда хвастлив,
Опутан весь, будто лысой бес,
Еще ли стоит передо мною, сам хвастает».

Таким образом, оскорбительное поведение Калина-царя по отношению к Илье Муромцу утроено с градацией: 1) сперва «Калин принял золоту казну нечестно», 2) затем Калин велит связать Илью, 3) наконец — «плюет Илье во ясны очи». Последнее оскорбление служит мотивировкою гнева Ильи Муромца в его заключительном эффекте.

Нарастание гнева Ильи подчеркнуто стабильною формулою гнева — в развернутом варианте:

И тут Илье за беду стало,
За велику досаду показалося,
Что плюет Калин во ясны очи,
Скочил с поддрева стоячего,
Изорвал чембуры на могучих плечах.

Расправа Ильи Муромца с врагами передана стабильной словесной формулой:

Схватил Илья татарина за ноги
 Который ездил во Киев-град,
 И зачал татаринoм помахивати:
 Куда ни махнет — тут и улицы лежат,
 Куда отвернет — с переулками,
 А сам татарину приговаривает:
 А и крепок татарин, не ломится,
 А и жиловат, собака, не изорвется,

служашей переходом к заключительному эффекту:

Оторвется глава его татарская,
 Угодила та глава по силе вдоль,
 И бьет их, ломит, вконец губит.

Расправа Ильи с врагами завершается расправою с Калином-царем и заключается сценой бегства татар, для которой сказитель-патриот нашел слова яркой выразительности:

Достальные татары на побег бегут,
 Сами они заклинаются:
 Не дай бог нам бывать во Киеву
 Не дай бог нам видать русских людей!

Здесь старина достигает своего кульминационного момента, за которым (в данном варианте ее) следует концовка — побратимство Ильи Муромца с Василием Пьяницей:

И пьет Илья довольно зелена вина
 С тем Васильем со Пьяницей,
 И называет Илья того Пьяницу
 Василья братом названным.

Закljučается старина исходом:

То старина, то и деянье.

В варианте старины «Илья Муромец и Калин-царь», записанной А. Ф. Гильфердингом от онежского сказителя И. Фепонова (Гильф., 57), зачину предшествует экспозиция, имеющая задачей объяснить, почему в момент нашествия Калина на Киев «богатырей у князя не случилось».

А й во стoльнoм во городи во Киеви,
 А й у ласкова князя у Владимира
 А начинался-заводился да почестной пир
 А на многие на князи да на бояра.
 А не зовет ведь он себе да во почестной пир
 А сильных могучих богатырей.

Здесь перед нами яркий пример того, что традиционная эпическая формула, в данном случае эпическая формула почестного пира в своей наиболее традиционной форме, слагающаяся из трех двустуший (см. выше, стр. 103), не повторяется механически сказителем, а используется им для выражения идейной направленности старины, тенденциозно заостренной против боярства. При этом самый факт нарушения сказителем привычной, ожидаемой слушателями формулировки третьего двустушия — «На многие князи и бояре И на русские могучие богатыри» — подчеркивает нарушение традиции князем, отдающим предпочтение боярам, и тем самым вызывает настороженно вопросительное ожидание слушателей — а что

из того воспоследует? Ответ дается дальнейшим «А приходит-то Ильюша да незваный он», за что князь Владимир велит

Засадить его туда да во глубок погреб,
А поморить его смертью голодною.

На такие поступки князя богатыри реагируют «отъездом», зарекаясь:

А й не будем ведь мы жить больше во Киеви,
А й не будем мы служить князю Владимиру.

Здесь можно видеть то четкое деление прежнего дружинного товарищества на «бояр думающих» и «мужей хоробрствующих», которое было уже «к концу XII в. налицо»,⁴⁰ с последующим обострением в народном сознании антибоярских тенденций.

Кратким «А й проходило ведь тут времени ровно три году» сказитель переходит к обычному для данной старины зачину, в словесном оформлении существенно отличающемся от варианта Кириши Данилова:

А тогда же ведь тот вор, вор Калин-царь,
А собирает он дружинишку хоробрую,
А собирает он себе да ведь много царей,
А много-то царей да много королей.

Утроенным повтором много подчеркнуто подавляющее численное превосходство татар в силе, выраженное заключительным «А собрали силы оны сметы нет».

Намерения царя-наильника передаются сказителем сжато:

А хочут взять оны княгину да Опраксию,
А покорить себе-ка оны Киев-град.

Остро враждебное отношение народных масс к врагам родины, и прежде всего к вековым угнетателям ее — татарам, скупое, но предельно выразительно передается эпитетом, в который сказитель влагает всю силу народной ненависти к врагу:

Калин-царь а посылает он поганого татарина
А й со тым письмом со посольным,
А ко тому ли-то ко князю ко Владимиру:
— Ай же ты, поганыи татарищо!
Знаешь говорить да ты по-русскому,
А мычать про себя да по-татарскому?
А й снеси-ко ты писёмышко ко князю ко Владимиру.

Политическая заостренность эпитета *поганый* (татарин) усилена повторением его самим Калином, чем придается ему характер постоянного эпитета, традиционного для русского народного эпоса, когда речь идет о враге родины, причем в устах Калина выразительность этого эпитета усилена словосочетанием *поганый татарищо*, а равно оттенена предыдущим эпитетом — *вор Калин-царь*. В то же время враждебно-пренебрежительное отношение сказителя к врагу подчеркнуто выразительным противопоставлением: «говорить... по-русскому» и «мычать... по-татарскому».

Враждебность и «невежество» татарского посла также передается на основе традиционной эпической формулы приезда богатыря, соответственно

⁴⁰ Ср.: Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Л., 1947, стр. 32.

видоизмененной согласно художественному замыслу старины, в словесном оформлении, существенно отличном от варианта Кириши Данилова:

Заезжает-то он в град да не воротами,
 А через тую ли-то стену городовую,
 А заезжает он к князю да на широкий двор,
 А й вязал коня к столбу точному,
 А й ко тому кольцу да к золочоному,
 А й приходит он в покои княженицкие,
 А он глаз-то не крестит, богу не молится,
 И не дает-то он чести Владимиру.

Калин требует (как в варианте Кириши Данилова) сдачи Киева

А без бою-то без драки без великии.
 А без большого-то такого кроволития.

Если в тексте Кириши Данилова безвыходное положение князя Владимира мотивировано тем, что «богатырей в Киеве не случилось», то в варианте И. Фёпониной тенденциозно подчеркнута вина самого князя, не умевшего ценить своих «оберегателей»:

А закручинился тот князь да запечалился
 Это той тоской-печалью он великою:
 — А россердел-то я теперь богатырей,
 А старого казака Илью Муромца
 А засадил-то его во глубок погреб,
 А й поморил его смёретью голодною, —
 А некому стоять буде за Киев-град.

«Дочка молодешенька» князя, тайком снабжавшая Илью Муромца пищей, уверяет Владимира:

А старому казаку на бою смерть не уписана,
 И голодная смерть не уписана.

Князь Владимир кается перед Ильёй Муромцем в своей вине перед ним, сообщает о нависшей над Киевом опасности, повторяя описание нашествия Калина, соответственно видоизмененное, после чего обращается к Илье Муромцу с просьбой — встать на защиту родины:

А не мошь ли постоять да ты за Киев-град,
 А за магушку стоять да свято-Русь землю
 А постоять ли-то за церкви за соборные,
 А тыи за кресты животворящие,
 А спасти нас теперь всех князей-бояр?

В этом обращении князя, с одной стороны, подчеркнута, что Илья Муромец — оберегатель земли Русской, и это его исконная черта как народного богатыря, а с другой — беспомощность князей и бояр без богатырей; так и здесь проводится тенденциозное противопоставление «мужей хоробрствующих» и бояр не в пользу последних.

Илья безоговорочно снаряжается, седлает коня и отправляется против врага. Увидя «несметную силу» татар, он просит помощи прочих богатырей:

Ай же ты крестной мой батюшко,
 А Самсон сын Самойлович,
 А вси братия крестовая названая!
 А поедмте на помочь на великую,
 А й насупротив поедем царя Калина.

На эту просьбу «крестной батюшко» его, возглавляющий «отъехавших» от Владимира богатырей, отвечает отказом:

А я сам-то ведь не еду, да тебя не блáсловлю,
 А не буду я стоять большэ за Киев-град,
 А й не могу болé смотреть на князя Владимира,
 А й на Апраксию да королевичну,
 А й положено заклятиé великоё.

Чувству личной обиды, связанному с сознанием права «отъезда» обиженного от князя, которому обиженный не желает больше служить, этой типической идеологии эпохи феодальной раздробленности, в старине противопоставлен ответ Ильи Муромца как выражение народной идеологии — окрепнувшего сознания единства Русской земли, сознания долга перед родиной, носителем которого и является любимый богатырь русского народного эпоса, оберегатель русской земли Илья Муромец:

А й же ты ведь крестной мой батюшко!
 А поедем-ко на помочь великую,
 Супротив поедем царя Калина,
 А не ради ведь мы князя да Владимира,
 А не ради мы княжны да Апраксии,
 А ради матушки поедем свято-Русь земли,
 А ради той ли-то веры православныя,
 А для ради церквей да мы соборных,
 А для матушки да богородицы.

Единоначатием *а не ради*, усиленным единоначатием *а ради*, контрастно противопоставленным первому, выразительно подчеркнута идея службы родине, а не князю.

Богатыри, внемля доводам Ильи Муромца, отправляются на разведку:

А й поглядели тут на силу на поганую,
 А стоит-то сила тая во чистом поли,
 Аки сильнее море колыбается,
 Ино мать-та земля да подгибается.

После разведки «оны да опочив держат», а Илья один «напускается» «на рать-силу поганую». Картина боя Ильи с татарами развернута приемом утроения:

А силу-ту он бьет да трои сутки не едаючи,
 А не едаючи Илья да не пиваючи,
 А с добра коня Илья да не слезаючи,
 А добру коню отдоху не даваючи.

Несколько видоизмененным повтором картины боя во втором звене создается впечатление напряженности битвы, трудности ее даже для такого богатыря, как Илья Муромец:

А бьёт-то силу до шести он дён,
 А не едаючи Илья да не пиваючи,
 А с добра коня Илья да не слезаючи,
 А добру коню отдоху не даваючи.

Вместе с тем подготавливается переход к третьему звену — третьему, наиболее напряженному моменту боя, развернутому приемом утроения. Конь предупреждает Илью о грозящей ему опасности:

А у поганых у татаревей
 А е сделано три подкопа глубоких.

1. А й во первой подкоп скочу да я повыскочу,
А тебя-то Ильюшу да повывезу;
2. А во другой подкоп скачу да я повыскочу,
А тебя-то я Ильюшу да повывезу;
3. А во третей подкоп скочу да я повыскочу,
А тебя-то я Илюшенку не вывезу.

Илья продолжает бой, не обращая внимания на предупреждение коня, которое сбывается:

1. А направил он коня да во глубок подкоп,
Его добрый конь оттуль повыскочил,
А Ильюнюшку с подкопа он повыташил;
2. А со другого подкопа конь повыскочил,
А он Ильюнюшку оттуда он повыташил;
3. А со третьего подкопа конь повыскочил,
А Илюшенки с подкопа он не выташил.

Так, посредством утроения оттенена трудность, а следовательно — и значение подвига Ильи.

«Сильнии могучии татарева», захвативши таким образом Илью, связали ему руки «во пúтны шелковые» и хотят «отрубить-то ведь Ильи да буйна голова». По молитве Ильи подоспевший ему на выручку конь «оборвал-то пúтны шелковые», и освобожденный богатырь, вскочивши на коня, выезжает «во чисто поле». Расценивая медлительность богатырей как измену родине, он пускает из лука стрелу с наговором:

1. А пади, моя стрела, ни на воду, ни на землю,
А не в темный лес, да не в чисто полё,
2. А пади моя стрела на тую ли на гору на высокую,
А проломи-тко крышу-ту шатровую,
3. А пади-тко крестному ты батюшку
А крестному ты батюшку во белу грудь,
А роздроби ему ты груди белые,
А за тую за измену за великую.

Пущенная с наговором стрела летит по назначению:

- А пала она крестному отцу на белу грудь,
А на белую-ту грудь да во значеный крест.

Благодаря этому Самсон пробуждается от богатырского сна и спешит с богатырями на помощь Илье:

- Нападали на поганных татаревей,
А прибили, прирубили да всю силу ту несметную,
А несметную ту силу на несчётную.

Богатыри с победою возвращаются в Киев к князю Владимиру, который чувствует их пиром:

- А завел-то он тут свой почестный пир,
А на многие на князи да на бояра,
А на сильних на могучих на богатырей.

Таким образом, вся старина вставлена в рамку пира по контрасту: не «учествовавши» богатырей, Владимир попадает в беду, из которой его выручают богатыри; проученный по заслугам князь, согласно тенденции старины, не только горько раскаялся в содеянном и осознал свою вину, но и чувствует богатырей пиром и «жалует» по заслугам:

- А дает города да с пригородками,
А дает золоту казну бессчетную.

Вариант старины в данной редакции, восходящий, как можно думать, ко времени споров рядовых дружинников с боярством, должен был приобрести особый интерес и заостренность в XVI веке, особенно в период борьбы Ивана Грозного с боярством, и затем получил демократическую окраску у позднейших сказителей, поскольку носителем ведущей идеи служения родине является народный богатырь Илья Муромец «крестьянский сын».

Вариант старины «Илья Муромец и Калин-царь», записанный А. Ф. Гильфердингом от онежского сказителя Т. Г. Рябина (Гильф., 75), относится к той же редакции старины, что и вариант И. Фепопова, но обширнее ее.

Вариант Т. Г. Рябина также открывается экспозицией, имеющей целью объяснить отсутствие в Киеве богатырей в момент нашествия Калина, но более сжатой и менее мотивированной. Непосредственно от экспозиции сказитель переходит к зачину, обычному для данной старины.

Сказитель подчеркивает вызывающее, наглое поведение насильника перед князем, как и Фепонов. Безвыходное положение князя и позднее раскаяние его в своем поступке по отношению к Илье Муромцу передается у Рябина своеобразно — причтью:

Тут Владимир-князь да стольнѣ-киевской
Он по горенки да стал похаживать,
С ясных очушок он ронит слезы ведь горячи,
Шелковым платком князь утирается,
Говорит Владимир-князь да таковы слова:
— Нет жива́-то старого каза́ка Ильи Муромца,
Некому стоять теперь за веру, за отечество,
Некому стоять за церкви ведь за божи,
Некому стоять-то ведь за Киев-град,
Да ведь некому сберечь князя Владимира,
Да и той Опраксы королевичной!

Здесь единоначатием в сочетании с утроением выразительно подчеркнуто значение Ильи как оберегателя земли русской.

Когда «любима дочь» князя сообщает ему, что Илья Муромец жив, Владимир спешно выводит Илью из заточения, чувствует его пиром и просит помощи:

А постой-ко ты за веру, за отечество,
И постой-ко ты за славный Киев-град,
Да постой за матушки божьей церкви,
Да постой-ко ты за князя за Владимира,
Да постой-ко за Опраксу королевичну!

Если в причети Владимира анафорически повторяющимся *некому стоять* подчеркивается отчаяние князя, то в просьбе его анафорически повторяющимся *постой-ко ты* подчеркивается настойчивая мольба его, обращенная к обиженному богатырю.

Рябинин рисует сборы Ильи, седлание коня и выезд богатыря, следуя эпической традиции.

Подавляющее численное превосходство татарских полчищ подчеркнуто эпифорическим утроением боевой разведки богатыря, трижды завершающейся выразительным: «Конца краю силы насмотреть не мог».

Илья отправляется к богатырским шатрам за помощью и застаёт богатырей за обедом; он приветствует обедающих традиционной бытовой фор-

мулой: «Хлеб да соль, богатыри святорусские». Старший хозяин, согласно народному бытовому ритуалу, приглашает прибывшего «хлеба-соли да покушати». После «хлеба-соли» Илья Муромец обращается за помощью к богатырям, причем в тройном единоначатии подчеркивается настойчивая просьба Ильи, забывшего о личной обиде перед лицом опасности, нависшей над родиной:

Вы постоите-тко за славный стольний Киев-град,
 Вы постоите-тко за церкви-ты за божи,
 Вы поберегите-тко князя Владимира,
 И со той Опраксой королевичной!

Богатыри отвечают отказом, оформленным единоначатием:

Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
 Да не будем мы стоять за стольний Киев-град,
 Да не будем мы стоять за матушки божьи церкви,
 Да не будем мы беречь князя Владимира,
 Да еще с Опраксой королевичной.

Здесь отрицательным единоначатием подчеркнуто упорное нежелание богатырей идти на выручку Владимиру, оттененное к тому же заключительную мотивировкою, где ярко видна враждебность богатырей к боярам:

У него ведь есте много да князей-бояр,
 Кормит их и поит да и жалует,
 Ничего нам нет от князя от Владимира.

Илья трижды повторяет свой призыв постоять за родину, на что богатыри упрямо повторяют свой отказ, причем в третьем повторе Илья подчеркивает, что отказ богатырей достоин осуждения: «Это дело у нас будет нехорошее».

Как можно видеть, утроение здесь выполняет сложную художественно-композиционную и идеологическую функцию: с каждым повтором все более и более вырастает величавый образ Ильи Муромца, носителя идеи служения родине, оберегателя родной земли.

Исторически глубоко верно народный эпос отразил здесь те разногласия и раздоры русских князей, засвидетельствованные древней нашей письменностью от «Почужения» Владимира Мономаха и «Слова о полку Игореве» до летописных сказаний о Куликовской битве, которые раздирали русскую землю и которые народ резко осуждает.

Илья вынужден один выступить против врага, что сказитель рисует приемом отрицательного параллелизма, отлившимся в традиционно-эпические формы уже к XII столетию, как то засвидетельствовано «Словом о полку Игореве»:

Не ясён сокол да напускает на гусей на лебедей,
 Да на малых перелетных на серых утушек,
 Напускает-то богатырь святорусския
 А на тую ли на силу на татарскую.⁴¹

Как и в варианте Фелопова, конь предупреждает Илью о грозящей опасности, но богатырь не обращает внимания на это предупреждение и в результате попадает в руки татар.

⁴¹ Ср. в «Слове»: «Не буря соколы занесе чрез поля широкая; галици стады бежать к Дону великому»; «А не сорокы въстрокоташа, на следу Игореве ездить Гзак с Кончаком».

Калин пытается привлечь Илью на свою сторону посулами:

Ай же старья казаки да Илья Муромец!
 Да садись-ко ты со мной а за единый стол,
 Ешь-ко ествушку мою сахарную,
 Да и пей-ко мои питьеца медвянныи,
 И одежь-ко ты мою одёжу драгоценную,
 И держи-тко мою золоту казну,
 Золоту казну держи по надобью,
 Не служи-тко ты князю Владимиру,
 А служи-тко ты собаке царю Калину.

Илья отвергает предложение Калина, что подчеркнуто единоначатием:

А й не сяду я с тобой за единый стол,
 Не буду есть твоих ествушек сахарниих,
 Не буду пить твоих питьецев медвянныих,
 Не буду носить твоей одёжи драгоценныи,
 Не буду держать твоей бесчетной золотой казны,
 Не буду служить тебе собаке царю Калину.

Этот отказ Ильи служить врагам родины усилен последующей антитезой, подчеркнутой единоначатием:

Еще буду служить я за веру за отечество,
 А й буду стоять за стольный Киев-град,
 А буду стоять за церкви за господнии,
 А буду стоять за князя за Владимира
 И со той Опраксой королевичной.

После этого, как и в варианте Кирши Данилова, Илья Муромец, схвативши за ноги татарина,

Тако стал татаринном помахивать,
 Стал ён бить татар татаринном,
 И от него татара стали бегати.

Но если в варианте Кирши Данилова этим эпизодом побивания татар старина завершается, то в варианте Рябинина Илья Муромец, вырвавшись таким образом из рук врагов, пускает, как и в варианте Фёпонова, стрелу с наговором. Пущенная с наговором стрела будит Самсона, который спешит с богатырями, как и в варианте Фёпонова, на помощь Илье:

Стали бить-то силушку татарскую,
 Притоптали всю силушку великую.

Воротясь с победою в Киев, богатыри привозят плененного Калина, который предлагает князю:

Мы напишем промеж собой записи великии,
 Буду тебе платить дани век и по́ веку.

Заключается старина исходом:

А тут той старинке и славу́ поют,
 А по тых мест старинка и покончилась.

Сличение трех вариантов былины «Илья Муромец и Калин-царь» приводит к выводу, что в каждом новом варианте, по существу, развивается и углубляется сюжет старины именно с точки зрения выражения социальных симпатий и антипатий.

Если в тексте Кирши Данилова только упоминается, что «богатырей в Киеве не случилось», то в дальнейших вариантах отсутствие богатырей мотивировано тем, что князь Владимир пригласил бояр и князей и не пригласил на пир богатырей, которые, обидевшись на князя, уехали. И хотя уехавшие богатыри личную обиду ставят выше интересов земли, Илья Муромец, которого князь «заклучил в погреба глубокие», когда пришла беда, грозящая родине, забывает о личной обиде, поднимая и других богатырей на защиту родной земли, т. е. старина развивает глубокую патриотическую идею.

Плодотворное изучение вариантов с точки зрения развития их идейной направленности и содержания невозможно без всестороннего изучения художественно-изобразительных средств эпоса.

Поставленная Ф. Миклошичем задача изучения изобразительных средств славянского эпоса до настоящего времени еще не осуществлена. Перед исследователями эпоса все еще стоит проблема сравнительного изучения художественно-изобразительных средств славянского эпоса как восточнославянских, так и южнославянских народов.

ТИПИЧЕСКИЕ МЕСТА (LOCI COMMUNES) КАК СРЕДСТВО ПАСПОРТИЗАЦИИ БЫЛИН¹

1

Среди многочисленных зафиксированных русской наукой былинных произведений значительное место занимают непаспортизованные или недостаточно паспортизованные былины. Фактически все записи былин до 70-х годов XIX века оказываются без необходимой паспортизации. Сюда относятся все рукописные тексты былин XVII—XVIII веков, былины сборника Кирши Данилова, былины сборников Киреевского, Шейна и даже некоторые записи Рыбникова. Больше того, даже последующие собиратели (Гильфердинг, Григорьев, Марков, Ончуков и др.) не дали да и не могли еще дать всех необходимых для исследователей сведений о жизни былин. Не могли они, например, сообщить, откуда пришла необычная для данной местности былина (обычно в этом случае собиратели заявляют, что сказитель выучил былинку на стороне). Не всегда сообщают собиратели об учителях сказителей, а сообщенное часто оказывается неверным.

Все эти вопросы чрезвычайно важны для науки, и без их решения затруднена постановка ряда научных проблем. Возьмем к примеру настольный для всех исследователей сборник Кирши Данилова. Как относиться к былинам этого сборника? Представляют ли они собой общерусскую былинную традицию XVIII века, или традицию одной области (западно-

¹ В статье приняты следующие сокращения:

- Аст.** — Былины Севера, т. I, записи, вступительная статья и комментарий А. М. Астаховой, М.—Л., 1938; т. II, подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой, М.—Л., 1951.
- Гильф.** — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Изд. 4-е, тт. I—III, М.—Л., 1949—1951.
- Григ.** — А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. I. М., 1904; т. III, СПб., 1910.
- К. Д.** — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Подготовка текста, статья и комментарии С. К. Шамбинаго. М., 1938.
- Кир.** — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I—X. М., 1860—1874.
- Марк.** — А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901.
- Онч.** — Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904.
- Рыбн.** — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е, тт. I—III. М., 1909—1910.
- Сок.—Чич.** — Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. Изд. Гос. литературного музея, М., 1948.
- Тих.—Милл.** — Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи. М., 1894.

(Римскими цифрами везде обозначен том или выпуск, арабскими — страница).

сибирскую?), а может быть, традицию одной былинной школы, или, наконец, в сборнике представлены былины одного сказителя? Отношение к материалу при разных ответах на эти вопросы будет различным.

Большую помощь в паспортизации былин могут оказать их *типические места* (*loci communes*), которые, в отличие от мест переходных, с определенным сюжетом не связаны и перекочевывают из одной былины в другую.

Объем типических мест в контексте былин очень велик. По нашим предварительным подсчетам, типические места составляют примерно от 20 до 80 процентов всего словесного текста былин. Эти колебания определяются, с одной стороны, сюжетом (в былинах на одни сюжеты их больше, на другие — меньше); с другой стороны, — творческой манерой сказителя. Так, в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник» Т. Г. Рябина (Гильф., № 74) из 272 строк всего произведения приблизительно² 120 строк занимают типические места; в былине «Дюк» И. П. Сивцева-Поромского (Гильф., № 225) из 558 строк приблизительно 180 строк приходится на типические места; в былине «Дунай» В. Тяросова (Григ., III, № 309) из 342 — 240, и т. д.

Круг вопросов, связанных с изучением типических мест, необычайно велик. В настоящей работе ставится только одна задача: попытаться уяснить, каковы индивидуальные приемы сказителей в использовании типических мест, а в связи с этим выяснить возможность применения их в качестве средства для паспортизации былин.

Большую помощь в паспортизации былин может оказать изучение самой номенклатуры типических мест. Все типические места былин с точки зрения их географического распространения разделяются на следующие четыре группы.

В первую группу входят общерусские типические места. Они распространены во всех областях, где бытовал и бытует русский эпос. Сюда относятся такие типические места, как пир у князя Владимира, вход в гридню, «ускоки» коня, избивание врага и т. п.

Эта группа типических мест весьма многочисленная и, очевидно, наиболее древняя. Она встречается в некоторых произведениях древней русской литературы, в частности в «Слове о полку Игореве», где типические места занимают большую долю текста. Многие из типических мест «Слова» находят параллели в современном как былинном, так и сказочном эпосе, например описание боя. В «Слове»:

Бишася день, бишася другий;
Третьяго дни к полуднию падоша стязи Игореvy.

В былинах:

Он ведь суточкы бил силу, други пошли,
И други-ти пошли суткы, третья пришли;
Он добрался до самбого царя Каина.

(Марк., 43).

В обоих произведениях мы имеем дело не с описанием реально происшедших событий, а с традиционным изображением этих событий.

² Мы оговариваемся, что этот подсчет приблизителен, поскольку номенклатуры типических мест до сих пор нет и то или иное место былины может оказаться спорным — отнести ли его к типическому или переходному.

Другая группа типических мест встречается только у сказителей одной какой-либо области. Так, например, развернутая формула седлания коня характерна только для северных сказителей, сказителям других областей (например, центральных) она вовсе не известна.

Формула «беседы» —

Не дорого нам пива пьяного,
А дорога нам беседа смиренная,
Во беседе сидят люди добрые,
Говорят речи хорошие.

(Кир., I, 20—21).

— характерна только для симбирских сказителей, в северных былинах она не встречается.

Третья группа типических мест имеет еще более узкое локальное распространение и употребляется только сказителями какого-либо района или даже сказителями одной школы. Так, например, формула быстротечности времени —

И еще день за день как быдто дождь дождит,
Да неделя за неделей как река бежит.
(Гильф., II, 86).

— встречается только у онежских, преимущественно у кижских сказителей. Формула прихода в дом —

Тьки-стук, тьки-стук на крылецо,
А он бряк, тьки-бряк да за колечико,
А он за то же за витой за серебряно,
За серебряно колечушко позолочено.

(Григ., III, 40).

— характерна только для мезенских, преимущественно дорогогорских сказителей.

Отдельные талантливые сказители иногда создают свои, только им присущие типические формулы. Так, например, следующая формула —

А и вырублю чудь белоглазую,
Прекрочу сорочину долгополюю.
А и тех черкес пятигорских,
И тех калмыков с татарами,
Чюкши все и алюторы.

(К. Д., 133).

— должно быть, принадлежит сказителю, былины которого опубликованы в сборнике Кириши Данилова.

Следовательно, уже по одному отбору типических мест, использованных в той или иной былине, можно судить о том, где эта былина была создана, к какому областному стилю она принадлежит.

Но этого мало. Общерусские типические места, имея повсеместное распространение, не имеют строго установившегося законченного вида. Они также в соответствии с особенностями общественной жизни и быта народа приобретают специфически местные очертания.

Возьмем, к примеру, типическое место — вход богатыря в гридню к князю — и проследим его локальные изменения. Симбирские былины:

Илья Муромец во полаты восходил,
Поклонился князю киевскому.

(Кир., I, 33).

Онежские:

Зашел же во полаты белокаменны,
 Крест кладет да по писаному,
 А поклон ведет да по ученому,
 Бьет челом да покланяется
 А на всех же на четыре на сторонушки,
 Князю со княгинушкой во особину.

(Гильф., I, 115).

Пинежские:

Пошли они ко князю Владимиру,
 Становились на полы да на дубовья.
 Крест-от они да по писаному кладут,
 Поклон-от они да по ученому ведут,
 Князю со княгиною целом-от бьют.

(Григ., I, 193).

Мезенские:

А идет тут Дунаюшко на красно крыльцо
 А заходил во гридню княженевскую;
 Он ступает в гридню ногой правою,
 А он поклон-от ведет по ученому,
 А он на все на четыре кругом стороны
 Он князю Владимиру челом де бьет,
 Он челом де бьет, низко кланяецься.

(Григ., III, 29).

Печорские:

Заходит во гриню княженевскую,
 Княженевскую гриню, во столовую;
 Богу в угол добрый молодец молится
 И кланяется во вси стороны,
 Князю и княгине на особицу.

(Онч., 87).

В пределах областных былинных стилей происходит дальнейшее варьирование типических мест по районам и школам сказителей.

Таким образом, изучение структуры типических мест многое может дать для определения места создания былинны.

Определить место, где сложилось то или иное былинное произведение, — дело для науки крайне важное, но не менее важным является определение авторов-сказителей былин. Былины, являясь плодом коллективного творчества народа, в конкретном проявлении живут только в индивидуальной форме, и изучение коллективных форм творчества возможно только посредством изучения индивидуального своеобразия этой формы. Вот почему наука с давних пор особое внимание обратила на индивидуальное своеобразие творчества сказителей. Однако проблема индивидуальной творческой манеры сказителей часто решалась с субъективных позиций исследователей.

Как нам кажется, уяснение природы типических мест былин может помочь исследователю и в изучении индивидуального мастерства. Здесь важна та особенность типических мест, на которую мы уже имели возможность обратить внимание, — своеобразие типических мест в репертуаре определенного сказителя, неповторимости их у других сказителей.³

³ Эта особенность типических мест была отмечена еще А. Ф. Гильфердингом (Гильф., I, 57—58).

Возьмем одно из самых распространенных типических мест — хвастовство гостей на пиру. Пределы изменения этой формулы в былинах разных сказителей огромны: от простой констатации похвальбы гостей на пиру до хвастовства предметами самыми неожиданными и необычайными. Ср., например, следующие три формулы:

Уж как вси на пиру-то напивалисе,
Вить и вси на цёсном наедалисе,
Да и вси на цёсном приросхвастались.

(Кир., IV, 72).

Князи и бояра пьют, едят, потешаются
И великим князем похваляются.

(К. Д., 87).

А все ли на пиру да напивалисе,
А все ли на чесном да наедалисе,
А все ли на пиру да пьяны-веселы,
А все ли на пиру да приросхвастались,
А все ли на пиру да разбахвалились.
А глупой-ёт-то хвастат да молодой женой,
А ище глупее хвастат да родной сестрой,
А умной-ёт да хвастат родной матушкой,
А купцы-те хвастают те товарами,
А ле теми ли товарами заморскими,
А богатыри хвастают своей силушкой,
А не той ли силушкой богатырскую,
А не выслугою ли да паленицькою,
А Олешенька хвастат да всё добрым конем,
А добрым конем да своим Карюшком:
«А могу скáчить — могу вы́скочить».

(Аст., I, 125).

Объекты похвальбы могут быть самыми различными. Обычно гости на пиру хвалятся богатством, боярами, быком, женой, жемчугом, житьем-бытьем, заслугой, золотом, именем, казной, Киевом, конем, копьём, крестьянами, луком, матерью, могоудой, наречием, одеждой, одним (иной одним — другой другим), отцом, палицей, платьями, плечом, поездкой, портом (портками), родом-племенем, самим собой, сбруей, седелками, седлом, селами, серебром, сестрой, силой, слугой, смелостью, стрелой, судьбой, тем и иным, тем и сем, теремом, товарами, удалью, удачей, ухваткой, участью, хваткой, храбростью, шляпой, шубой. Всего в обследуемых нами сборниках в формуле хвастовства нам встретилось 58 объектов похвальбы. (А каждый сказитель в любой момент может привлечь и новые объекты).

Естественно, что при таком количестве элементов, входящих в формулы похвальбы, возможность совпадения этого типического места у сказителей сравнительно мала. И, действительно, из обследуемых нами сборников мы выписали формулу хвастовства у 115 сказителей, количество же неповторимых комбинаций достигло 86. Таким образом, даже по содержанию формула хвастовства у большинства сказителей различна, но и в том случае, если содержание ее в общих чертах совпадает, по своему словесному выражению она у каждого сказителя своеобразна, отлична от формул других сказителей. Ср., например, следующие две формулы:

С. Неклюдиной (Гильф., II, 393):

Вси на пиру да наедался,
Вси на пиру да напивалися,
Вси на пиру да поросхвастались:
Умный хваста отцом-матерью,
Ой безумный хваста молодой женой.

П. Сухова (Сок.—Чич., 643):

Уж как вси ли на пиру да напивалисе,
 Уж как вси ли на пиру да наедалисе,
 Напивалисе все ли на пиру да пьяны-веселы,
 А все ли на пиру да порасфасталися:
 А умной-от бахвалит отцём-матерью,
 Безумной-от бахвалит молодой женой.

Буквальных совпадений этой формулы у разных сказителей во всех анализируемых сборниках нам не встретилось. Вообще совпадение типических мест былин разных сказителей — явление до крайности редкое и в исключительных случаях возможно лишь в кратких формулах, у сказителей, состоящих между собой в родственных связях и развивающих семейную былинную традицию.

Ср., например, формулу «указание на время пира» у Д. Суриковой и ее сына А. Сурикова.

Формула Д. Суриковой (Гильф., II, 414):

Красно солнце на вѣчери,
 Почестен пир у них на вѣсели.

У А. Сурикова (Сок.—Чич., 542):

Красное солнышко да на вечере,
 А почестѣн пир иде на вѣселе.

Но, как мы видим, даже и в таких случаях едва уловимое различие в словесном выражении формулы все же есть.

Поскольку типические места у разных сказителей своеобразны и отличны от соответствующих формул других сказителей, то, следовательно, при усвоении былин они не заучиваются наизусть. Сказитель, стремясь «понять» былинку, все неясное, непонятное ему заменяет понятиями близкими. Вот почему, например, на пиру у Владимира могут присутствовать и генералы, и казаки с Тихого Дона, и бурлаки, и мужики.

У типических мест есть еще одна замечательная особенность: они, как говорилось выше, переходят из одного былинного сюжета в другой и при этом сохраняют для данного сказителя свои характерные специфические черты. При этом большинство сказителей вырабатывает твердый текст типических формул, и они почти с буквальной точностью переходят из одного сюжета в другой.

Приведем в качестве примера типическое место — пир у князя Владимира — сказителя А. Чукова.

«Потык» (Гильф., II, 485):

Во стольном было во городе Киеви,
 Да у ласкова у князя у Владимира
 Как было пированье почестный пир
 Да на многих тых князей, бояр,
 Да на всех тых гóстей званых-браных,
 Званых-браных, гóстей приходящих.

«Ставр» (Гильф., II, 495):

Во стольном было городе во Киеви,
 Да у ласкова князя Владимира
 Было пированьицо почестной пир
 А на многих князей да на бояров,

Да на всех тых гóстей званых-браных,
Званых-браных, гóстей приходящих.

Для сопоставлений привлечем и записи Рыбникова.
«Потык» (Рыбн., I, 173):

Во стольном было городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
Было пирование — почестный пир
На многи князи да на бояра,
На всех тых гостей званых-браных,
Званых-браных гостей, приходящих.

«Ставр» (Рыбн., I, 202):

Во стольном было городе во Киеви,
У ласкова князя у Владимира,
Как было пирование — почестный пир
На многие князи, на бояры,
На всех тых гостей званых-браных,
Званых-браных гостей, приходящих.

Как видим, формула пира у Чукова, переходя от одного сюжета в другой, сохраняет свое словесное оформление. Больше того, эта формула за десятилетие, которое отделяет записи Гильфердинга от записей Рыбникова, не претерпела никаких изменений.

Несколько иначе обстоит дело со сказителями-импровизаторами. Они также вырабатывают твердый текст большинства типических мест, но некоторые типические формулы знают не твердо, текст их может быть неустойчивым. Однако, переходя из одного сюжета в другой, типические формулы все же сохраняют специфические, присущие только данному сказителю черты.

Приведем формулу пира сказителя-импровизатора А. Сорокина.
«Ставр» (Рыбн., II, 233):

Во славном во городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
Как был столованье — почестный пир
Для своих-то князей для бояринов,
Для сенаторов для думных,
Для вельмож и купцов богатых,
Для поляниц-то удалых
И для Росейских могучих богатырей.
Тут пошло у них столованье — почестный пир.

«Соловей-Будимирович» (Рыбн., II, 232):

Тут заводил (князь Владимир, — П. У.) для Олешн
Ради любезныя племенницы,
Молодой Любавы Путятичной,
Забирал столованье — почестный пир
[Для] многих князей да бояринов, сенаторов думных,
Вельмож-купцов богатых, поляниц удалых,
Росейских могучих богатырей.
Как тут собирал да почестный пир,
Как пошел столованье — почестный пир.

«Добрыня в отъезде» (Рыбн., II, 179):

Тут заводил (князь Владимир, — П. У.) для Олешн
столованье — почетный пир,
Собирал для Олешн на почетный пир многих тут,
Князей-бояринов, сенаторов думных,

Вельмож-купцей богатых, поляниц удалых,
Росейских могучих богатырей;
Пошло у них столование — почетный пир.

«Дюк» (Рыбн., II, 209):

Тут солнышко Владимир-князь
Забирал для удалого молодца столованье — почетный пир
Многих князей и бояринов⁴ думных,
И вельмож, купцов богатых,
И поляниц удалых,
И Росейских могучих богатырей.
Пошло у них столованье — почетный пир.

Привлечем тексты Гильфердинга.

«Илья и Калин» (Гильф., I, 630):

А й просил (Владимир, — П. У.) к себе их всех да на почестен пир,
А й как всех он князей-бояр топерь,
А й как всех сенаторов как думных,
А й как всех вельмож, купцей теперь богатых,
А й как поляниц да всех удалых,
А й русейских сильних могучих богатырей.

Следует заметить, что только в былине о Ставре эта формула дана в зачине, во всех других сюжетах она включена в контекст произведений, и этим объясняется своеобразие начала формулы. Основная же часть формулы устойчива, специфична для Сорокина, и ее нельзя спутать с подобной формулой другого сказителя, а ведь надо иметь в виду своеобразие творческой манеры сказителя. А. Ф. Гильфердинг отмечал у Сорокина «склонность к личному сочинительству», которая не могла не отозваться и на его былинах. «Ни в ком, — писал А. Ф. Гильфердинг, — не было видно такого, можно сказать, бесцеремонного отношения к тексту былин. Однажды, записывая былинку, которую я уже прежде слышал от Сорокина, я заметил ему в одном месте, что он прежде пел этот эпизод иначе. — „Ах, это все равно, — отвечал Сорокин, — я могу спеть так или иначе, как вам будет угодно!“»⁵ И вот даже у такого сказителя типическая формула пира, как и другие, отлилась все же в законченную форму.

Подведем общие итоги анализа типических формул в былинах.

1. Типические формулы, как и былины в целом при их усвоении, сказителями наизусть не заучиваются. Вот почему типические формулы сказителей-учеников отличаются от типических формул сказителей-учителей. Степень этого различия определяется творческой манерой сказителей.

2. От частого повторения былин сказители всех категорий обычно выработывают твердый текст типических формул. Эти формулы для данного сказителя являются специфическими, отличными от формул других сказителей.

3. Эти твердо выработанные сказителем формулы используются во всех исполняемых им сюжетах (в тех сюжетах, где они нужны по ходу действия).

⁴ Должно быть, слово «бояринов» вместо обычного для Сорокина «сенаторов» вставлено самим П. Н. Рыбниковым, поскольку он в примечании, например, к былине «Ставр» указывает, что вместо «сенаторов» в тексте должно быть «бояринов» (см. примечание: Рыбн. II, 233).

⁵ Гильф., I, 52—53.

4. В зависимости от содержания, формулы одного сказителя в различных сюжетах могут видоизменяться, но обычно своеобразные черты этих формул прослеживаются всюду.

2

Поскольку типические формулы одного сказителя отличаются от типических формул всех других сказителей, а типические формулы этого сказителя являются специфическими для него и применяются во всех исполняемых им былинах, эта закономерность может быть использована в качестве ключа для определения авторства (сказительства) тех текстов былин, автор (сказитель) которых не известен: если типические формулы одного произведения совпадают с типическими формулами другого произведения, то принадлежность их одному автору (сказителю) бесспорна.

Эта закономерность нами была уже использована для определения авторов-сказителей былин сборника Кирши Данилова.⁶ Приведем здесь другие примеры.

П. С. Ефименко в «Материалах по этнографии русского населения Архангельской губернии» опубликовал шесть былин из с. Зимней Золотицы в записи священника И. Розанова. А. В. Марков, собиравший былины в том же селе 25 лет спустя, высказал предположение, что Розанов записал былины от сказителя Ф. Т. Пономарева. Те былины, которые были записаны И. Розановым, Марков вновь не записал, поэтому сопоставление текстов для подтверждения предположения Маркова произвести нельзя.

Попытаемся проверить предположение Маркова нашим методом. Прежде всего посмотрим, принадлежат ли все шесть былин, записанных Розановым («Дунай», «Соломан», «Иван Гоудинович», «Дюк», «Илья и Соловей», «Илья и Дунай»), одному сказителю.

Размеры статьи не позволяют нам привести все типические места былин, поэтому мы только в целях объяснения своего метода ограничимся установлением общности былин по одной формуле из каждой былины.

О принадлежности былин «Дунай» и «Соломан» одному сказителю можно судить по формуле поручения достать невесту.

«Дунай» (Тих.—Милл., 116):

Все у меня в городе поженены,
Все красны девицы исподаваны;
Один-то я, Владимир, холост хожу,
Холост хожу, — не женат слыву;
Не знает ли кто мне обручницы,
Обручницы мне-ка сопротивницы.

«Соломан» (Тих.—Милл., 247):

Все у нас в городе испоженены,
Красны девицы исподаваны;
Один я, Василий-царь, холост хожу, —
Холост хожу, — не женат слыву;
Не знает ли мне кто обручницы,
Обручницы мне сопротивницы.

Об общности былин «Дунай» и «Иван Гоудинович» свидетельствует, например, формула затворничества невесты.

⁶ Из наблюдений над стилем сборника Кирши Данилова. Русский фольклор. Материалы и исследования, т. I, М.—Л., 1956.

«Дунай» (Тих.—Милл., 118):

Сидит Опраксея в новой горнице,
Чтобы буйны ветры не завяляли,
Чтобы лишни-то люди не зазрили.

«Иван Годинович» (Тих.—Милл., 284):

Сидит-то Овдотья в новой горнице,
Чтобы буйны ветры не завяляли,
Чтобы лишни-то люди не зазрили.

Об общности былин «Иван Годинович» и «Илья и Дунай» свидетельствует формула единоборства.

«Иван Годинович» (Тих.—Милл., 286—287):

Разъехались богатыри по чисту полю,
Ударилась палицами тяжелыми:
У них палицы поломались,
Они друг друга богатыри не ранили.
Разъехались богатыри во второй након,
Ударилась сабельками вострыми:
У них сабельки пощербались,
Они друг друга богатыри не ранили.
Разъехались богатыри во третей након,
Ударилась копыцами вострыми:
У них копыца по яблокам ломалась,
Друг друга богатыри не ранили.
Скакали через гривы лошадиныя,
Брали за ремень за подбрудное,
По колен в сыру землю втопталися.
По Иванушкову было по счастьюцу,
По Иванушковой по участи:
Как у татарина ножка подвернулася,
Права ручка окользнулася.
Сшиб как Иванушка Годенович,
Сшиб татарина поганого,
Сшиб царица на сыру землю,
Сел-то царицу на черны груди,
Забыл-то Иванушка Годенович свой булатен нож

«Илья и Добрыня» (Тих.—Милл., 61—62):

Разъехались богатыри по чисту полю,
Съехали богатыри в одно место,
Ударилась палицами тяжелыми:
Они друг друга не ранили.
Разъехались братаны во второй након,
Ударилась сабельками вострыми:
Сабли у них пощербались,
Друг друга богатыри не ранили.
Разъехались братаны во третей након,
Копьями они ударилась:
Друг друга богатыри не ранили.
Скакали через гривы лошадиныя,
Брали за ремень за подбрудное,
По колен-то в сыру землю втопталися.
По Добрынюшкину было по счастьюцу
У осударя права ножка подвернулася,
Лева ручка окользнулася.
Мастер был Добрынюшка боротися,
Сшиб осударя Илью Муромца на сыру землю,
Сел осударю на белы груди,
Вынимает из цынгалища булатен нож.

Некоторые расхождения в формулах следует отнести за счет содержания былин, другие — за счет нетвердой памяти сказителя, но принадлежность данного типического места одному сказителю вряд ли может быть подвергнута сомнению; это станет особенно очевидным, если сопоставить данную формулу с аналогичной формулой других сказителей.

Общность былин «Дунай» и «Илья и Соловей» можно определить по следующей, например, формуле.

«Дунай» (Тих.—Милл., 119):

Останься-ко, Олешенька, на широком дворе,
Секи-то ты татар старого и малого,
Не покидай ни единого на семена.

«Илья и Соловей» (Тих.—Милл., 10):

Поехал осударь Илья Муромец
В ту же силу да неверную,
Секет он старого и малого,
Не покидает ни одного на семена.

Общность былин «Дюк» и «Дунай» устанавливается по следующей формуле.

«Дунай» (Тих.—Милл., 117):

Садил Дуная во больше место,
Во больше место — во большой угол.
Наливали чару зелена вина,
.....
Хмелина у Дуная в голове появилась.

«Дюк» (Тих.—Милл., 174):

Садил-то Дюка во больше место,
Во больше место — во большой угол,
Обносят по чаре зелена вина,
Хмелина во Дюке появилась.

Таким образом, все былины, записанные Розановым, обнаруживают сходство типических мест, и в принадлежности их одному сказителю трудно сомневаться. Это было бы еще очевиднее, если бы для сравнения были привлечены и все другие типические места былин.

Теперь сравним формулы Ф. Т. Пономарева в записи А. В. Маркова с формулами былин, записанных Розановым.

Формула хвастовства у Ф. Т. Пономарева (Марк., 476):

Ишше все на пиру-ту да напиваючись,
Ишше на пиру-ту да наедаючись, —
Ишше все ведь на пиру-ту да приросхвастались:
Шьто иной-от сидит хвастаё золотой казной,
Шьто иной-от сидит хвастат широким двором,
Шьто иной-от сидит хвастаёт добрым конем,
Сидит глупой-о хвастае молодой женой,
Неразумной-о хвастаё родной сестрой,

Эта же формула у неизвестного сказителя (Тих.—Милл., 115):

Все на пиру напивались,
Уж как все на пиру наедались,
Уж как все на пиру прирасхвастались:
Иной-то хвастает широким двором,
Иной-то хвастает золотой казной,

Иной хвастает добрым конем,
Глупой-то хвастает молодой женой,
А неразумной похваляется родной сестрой.

Если пренебречь качеством записей Маркова и Розанова (последний записывал под диктовку, а поэтому и сам сказитель опускал нужные во время пения частицы), то формула Пономарева целиком совпадает с формулой неизвестного сказителя. В такой же близости находится и большинство других формул былины Пономарева и былины неизвестного сказителя. Следовательно, предположение Маркова о том, что Розанов записал былины Пономарева, следует считать подтвержденным.

Приведем еще аналогичный пример. А. Е. Грузинский, переиздавая сборник былин П. Н. Рыбникова, решил расположить в нем былины не по сюжетам, как было в первом издании, а по сказителям. При отнесении былин к тому или иному сказителю он руководствовался в основном показаниями собирателя (в «Заметке») и сличением текстов былин разных сказителей. Так, обосновывая приращение былин сказителя, названного у Рыбникова Федотовым, к Дутикову, Грузинский писал: «Из 7 былин, записанных Рыбниковым у своего „Федотова“, только две (Илья и Идолище и Садко) совпадают с гильфердинговскими, но мы попробовали сравнить „федотовский“ репертуар с записями Гильфердинга у Домны Суриковой из той же дер. Конды, научившейся былинам от того же Конона с Зяблых Нив; в результате оказалось близкое сходство еще трех былин».⁷

Возьмем одну из этих былин — «Дюк» — и проверим, правильно ли А. Е. Грузинский прикрепил ее к Дутикову? Сопоставим типические места этой былины с типическими местами былин Дутикова в записи Гильфердинга.

Формула охоты у Федотова (Рыбн., I, 356):

И пошел-то Дюк Степанович по заводям,
По заводям да ведь по зарекам,
И стрелял гуся и лебедя,
И пернастых серых утушек.

Формула охоты у Дутикова (Гильф., II, 445, — «Илья и Идолище»):

Как ездил Илья Муромец во чистом поле,
Во чистом поле ездил за охотою,
Стрелял Илья гусей да лебедей,
Стрелял малых перелетных серых утушек.

У Дутикова в другой былине (Гильф., II, 457, — «Королевичи из Крякова»):

Езди поляница удалая,
Федор Петрович, княжевецкий сын,
Во чистом поли за охотою:
Стрелял гусей да лебедей,
Малых перелетных серых уток.

Формула охоты у Дутикова в записи Гильфердинга довольно устойчива: в обеих былинах богатырь охотится в чистом поле, утушки всюду сохраняют эпитеты «перелетные серые», охота именуется «охотою» и т. п. Трудно допустить, чтобы формула в былине «Дюк» неизвестного сказителя (пока так будем его именовать) принадлежала Дутикову, но, как это бывает со сказителями, в разных былинах они иногда могут употреблять и разные формулы. Приведем для сравнения ту же формулу у других ска-

⁷ Рыбн., I, 347—348.

зителей. Наиболее близкую параллель к формуле неизвестного сказителя находим у С. Корнилова (Гильф., II, 280):

Он (Сокольник, — П. У.) поехал тут по зарекам да ведь
по заводам,
Он стрелял тут гусей, лебедей
Да й пернастых серых утушок.

Формула Корнилова почти буквально совпадает с формулой неизвестного сказителя. Пока воздержимся от выводов и сопоставим другие формулы этого сказителя с аналогичными формулами у Дутикова.

Седлание коня (Рыбн., I, 357):

И тут-то пошел Дюк Степанович
По дворам да по конюшенкам,
Выбирал себе коня по разуму,
Не для красы-басы молодецкия,
А для крепости-то богатырския;
И выбрал-то коня бурушка-кавурушка,
Маленького бурушка и косматенького,
И одевал-то он уздичу тесмяную;
И кладывал-то мустук золоченый,
Не для красы-басы молодецкия,
А для крепости богатырския.
И он встегал тут пряжки-ты серебряны,
И вдергивал он иглы золоченя,
Не для красы-басы молодецкия,
А для крепости богатырския.

Формула Дутикова (Гильф., II, 450):

А и тут Добрынюшко Микитинич
Седлал он своего добра коня,
На добра коня кладывал потнички,
На потнички войлочки,
На войлочки седелочко черкацкое,
Двенадцать подпружков подтягивал,
Шелку да шемуханского
Не ради красы-басы убожества,
А для ради закрепы богатырския.

Опять же удивительное несоответствие формул! Приведем для сравнения формулу С. Корнилова, которая находится в наибольшей близости к формуле неизвестного сказителя (Гильф., II, 285):

Тут пошел-то Дюк Степанович
По дворам-то по конюшенкам,
По дворам да по конюшенкам
Избирать себе коня да ведь по разуму,
Он выбирал-то коня себе по разуму,
Бурушка маленького и косматенного.
Он надел-то ведь уздицу-то тесмяную,
А не для красы-басы молодецкия,
А для крепости да богатырския;
Он кладет-то ведь седельшко черкасское,
А не для красы-басы молодецкия,
А для крепости да богатырския;
Он подтягивает подпруги шелковыя,
А семи шелков да шемаханских,
А не для красы-басы молодецкия,
А для крепости да богатырския;
Он ведь стягивает тут пряжки-то серебряны.
И он вдергивает тут иглы золоченя,
А не для красы-басы молодецкия,
А для крепости да богатырския.

За исключением некоторых деталей, совпадение формул неизвестного сказителя и С. Корнилова — почти буквальное.

Формула отъезда (Рыбн., I, 358):

Видели доброго молодца сядучись,
А не видели доброго молодца поедучись,
Столько видят, что в поле кудельба стоит.

У Дутикова (Гильф., II, 450):

Вид'ли добрых коней седучись,
А не вид'ли поедучись.
Не путем поехали — дорожкой,
А прямо через стену городовую,
Одна куревка в чистом поли стоит,
От тех копыт да лошадиных.

Формула С. Корнилова (Гильф., II, 286):

Видели добра молодца сядучись,
А не видели добра молодца поедучись,
Только видят, что в поли кудельба́ стоит,
А под Дюком-то конь как стрела летит.

Заметим, что слово «кудельба» встретилось только у одного Корнилова и повторяется им настойчиво (см., например: Гильф., II, 288 и др.).

Из всех формул, которые встречаются в былине «Дюк» неизвестного сказителя и в былинах Дутикова (в записи Гильфердинга), нет ни одной близкой, но в то же время все формулы неизвестного сказителя почти буквально совпадают с формулами сказителя Корнилова.

От Корнилова была записана А. Ф. Гильфердингом и былина о Дюке. Если сопоставить ее с нашей былиной, то увидим, что они во многом совпадают. Однако, как можно установить из сопоставления былин Корнилова в записях Рыбникова и Гильфердинга, он принадлежит к сказителям-«рассказчикам», твердого текста своих былин не создает, одни и те же эпизоды рассказывает по подробно, то сжато (ср., например, его былину «Илья и Сокольник» в обеих записях), эпизоды меняет местами. Когда записывал Гильфердинг, Корнилов не мог припомнить былину о Дюке до конца, она осталась незаконченной. Общая же схема сюжета этой былины Корнилова и былины неизвестного сказителя совпадают. Все это дает основание предположить, что былина о Дюке, записанная Рыбниковым от Федотова, принадлежит именно Корнилову, а не Дутикову, как ее по ошибке зачислил за ним А. Е. Грузинский. В этом легко убедиться, сопоставив типические формулы этой былины в записях Рыбникова и Гильфердинга.

К сожалению, подобные ошибки, допущенные Грузинским при переиздании сборника Рыбникова, не единичны. Иногда же Грузинский поступал слишком осторожно и былины, автор-сказитель которых может быть точно установлен, относил в разряд безымянных. Приведем один пример.

Возьмем одну из таких былин — о Василии Игнатъеве (Рыбн., II, 683). Не будем производить сопоставлений всех типических мест этой былины, а выделим только следующее, весьма характерное, место:

Из-под той с-под восточния сторонушки
Наедет Батыга Батыгович,
Со сыном со Батыгом Батыговичем,
Со зятем Тараканчиком Корабликовым,

Наезжает с дьячком да выдумщиком.
 У Батыги силы сорок тысящей,
 У сына силы сорок тысящей,
 У зятюшки силы сорок тысящей,
 У дьячка-то силы сорок тысящей,
 Обступили округ Киева кругом, кругом, кругом:
 Соколу лететь на меженный день,
 Маленькой птичке не пролететь.

Сравним это место с соответствующим местом былины И. Фепопова (Рыбн., II, 499—500):

Из-под той с-под восточния стороншки
 Наедет Батыга Батыгович
 Со сыном со Батыгом Батыговичем,
 Со зятем Тараканчиком Корабликовым,
 Наезжает с дьячком да выдумщиком.
 У Батыги силы сорок тысящей,
 У сына силы сорок тысящей,
 У зятюшки силы сорок тысящей,
 У дьячка-то силы сорок тысящей.
 Обступили округ Киева кругом, кругом, кругом:
 Соколу лететь на меженный день,
 Маленькой птичке не пролететь.

В такой же близости находится и большинство других типических мест обеих былин.

Хотя безымянная былина записана в д. Большой Двор Песчанской вол. Пудожского у., а Фепонов — житель д. Мелентьевской Купецкой вол. Пудожского у., но в том, что обе былины принадлежат Фепонову, вряд ли приходится сомневаться: такая близость типических мест возможна только у одного сказителя. Фепонов — слепой, кормился подаяннем, поэтому переходил из одного села в другое, и в другом месте могла быть произведена от него повторная запись (возможно, и не самим Рыбниковым).

При новом переиздании сборника Рыбникова должна быть произведена тщательная текстологическая работа.

Типические места могут быть использованы и для определения учителей сказителей. Близость типических формул в былинах (степень этой близости определяется конкретным материалом) свидетельствует об общности источника этих былин или о том, что они восходят к одной былинной традиции (все зависит от степени близости этих формул).

Обычно собиратели со слов сказителей стремятся указать, от кого сказитель воспринял ту или иную былинку. Однако эти показания сказителей часто бывают неточными. Сказители обычно отвечают: былины «поняли» от стариков.

Выяснение же вопроса об учителях сказителей — в конечном итоге вопрос об истории текста былин.

Возьмем в качестве примера былины сказителя И. А. Касьянова. Касьянов сообщил Гильфердингу, что он «научился в молодости петь былины от стариков, с которыми ездил на рыбную ловлю, преимущественно от некоего кривого Ивана Трофимова. В прежнее время знал былин весьма много, но потом бросил их петь, предавшись страстно чтению церковных книг для уяснения спорных между православною церковью и расколом вопросов. Это и привело его в единоверие, но, по словам Касьянова, заглошило былины в его памяти. При встрече с собирателем в Чолмужах

Касьянов не мог припомнить былины о Вольгѣ, но упоминал, что ее отлично знает и хорошо поет его сосед, раскольничий наставник Иуда Егоров. Впоследствии, прибыв в Петербург по поручению единоверческого общества для сбора на церковь, он уже пел эту былинку со слов Егорова». ⁸

Итак, по показаниям Касьянова, свои былины он выучил преимущественно «от некоего кривого Ивана Трофимова», а былинку о Вольге и Микуле — от Иуды Егорова. От Касьянова Гильфердинг записал следующие былины (Рыбникову он не был известен, и Рыбников записей от него не производил): «Вольга» («Вольга и Микула»), «Добрыня и Змей», «Добрыня и Алеша» (собирателем зарегистрированы как одна былина), «Михайло Потык», «Дюк», «Молодец и королева» и исторические песни о взятии Казани и «Земский Собор».

Постараемся найти близкую параллель к типическим формулам былины Касьянова.

Формула седлания (Гильф., II, 543):

А Добрыня матушки не слушался,
Он зашел-то во конюшенку стоялую,
Он и взял себе да коня доброго,
Он седлал во седельшко черкасское,
Он потнички-то клал на потнички,
А на потнички-то клал ведь войлочки,
А на войлочки черкасское седельшко,
И натягивал двенадцать тугих подпругов,
А тринадцатой-то клал для ради крепости,
Чтобы добрый конь с седла не выскочил,
Добра молодца с седла не вырутил.
Подпруги-то были шелковыи,
А шпеньки-ты были булатныи,
Пряжки у седла да красна золота.
Вот как шелк не рвется, а булат не трется.
Красно золото не ржавеет,
Молодец на коне сидит не стареет.

Эта формула почти буквально совпадает с формулой А. Чукова (в былинке «Добрыня и Змей» — Гильф., II, 467, в былинке «Добрыня и Алеша» — Гильф., II, 474, в былинке о Дюке — Гильф., II, 508—509 и в соответствующих былинах в записи Рыбникова. Здесь цитируется по Рыбникову: I, 148):

Добрынюшка матушки не слушался,
Идет на конюшенку стоялую,
Берет он своего добра коня;
Седлал бурка в седельшко черкасское,
Потнички клал на потнички,
А на потнички кладет войлочки,
А на войлочки кладет черкасское седельшко.
Всех подтягивал двенадцать тугих подпругов,
А тринадцату клал ради крепости,
Чтоб добрый конь с-под седла не выскочил,
Добра молодца с добра коня не вырутил.
Подпруги были шелковыя,
Пряжки у седла красна золота,
Шпеньки у подпругов все булатныя:
Тут шелк не рвется и булат не трется,
Красно золото не ржавеет,
Молодец на коне сидит — не стареет.

⁸ Гильф., II, 536.

Формула Касьянова о причине печали (Гильф., II, 478):

— Ай же ты, Добрынюшка Микитинич!
 Что же ты, Добрыня, закручинился?
 Али место тебе было не по чину,
 Али чарой на пиру тебя пообнесли,
 Дурак на пиру да надсмеялся-де?

И эта формула ближе всего к формуле А. Чукова (Рыбн., I, 151):

— Что же ты, Добрынюшка Никитинич,
 Идешь с пиру сам кручиниться?
 Знать место там было не по чину,
 Чарой на пиру тебя приобнесли,
 Аль дурак на пиру надсмеялся-де?

Итак, типические формулы в былине «Добрыня и Змей» Касьянова находятся в исключительной близости к формулам А. Чукова. Сюжетная схема былин Касьянова и Чукова тоже необычайно близка. Отличия незначительны. Изложение каждого эпизода у Чукова обычно более детализировано, чем у Касьянова.

Естественно, возникает вопрос, воспринял ли Касьянов свои былины непосредственно от Чукова или же у них общий источник. Возможно, и Чуков — ученик «некоего кривого Ивана Трофимова»? А. Ф. Гильфердинг сообщает, что, по свидетельству самого А. Чукова, былины он выучил только от отца. Пока оставим этот вопрос открытым, а разберем былину Касьянова «Добрыня и Алеша». Типическим местам былины Касьянова подыщем параллели из былин других сказителей.

Жалоба богатыря (Добрыни) на свою участь (Гильф., II, 550):

Ты почто меня Добрынюшку несчастного спородила?
 Ты бы лучше меня, матушка, спородила
 Белым горячим камешком,
 Завернула бы во тонкий белой рукавичек,
 А спустила бы меня во синё море,
 Я бы век там Добрыня во морé лежал,
 Я не ездил бы далéче во чисто поле,
 Не проливал бы я напрасно крови человечия.
 Не слезил бы я напрасно крови человечия.
 Не слезил бы я Добрыня отцов-матерей,
 Не вдовил бы я Добрыня молодых жен,
 Не сиротались бы да малы детушки!

Эта формула опять же ближе всего к формуле А. Чукова (Рыбн., I, 162):

Ты на что меня Добрынюшку несчастного спородила?
 Спородила бы, государыня родна матушка,
 Ты бы беленьким горячим меня камешком,
 Завернула в тонкой в льяной во рукавичек,
 Спустила бы меня во сине море;
 Я бы век Добрыня в море лежал,
 Я не ездил бы Добрыня по чисту полю,
 Я не убивал бы Добрыня неповинных душ,
 Не пролил бы крови я напрасныя,
 Не слезил Добрыня отцов-матерей,
 Не вдовил Добрыня молодых жен,
 Не пускал сиротать малых детушек.

Ответ матери (Гильф., II, 550):

Я бы рада тебя, дитяtko, спородити,
 Я таланом-участью в Илью Муромца,
 Я бы силой в Святогора богатыря,
 Я бы смелостью в Олеша да Поповича,
 Красотою во Осифа Прекрасного,
 А походкою щепетливою во того ли во Чурилушку Пленковича,
 Я бы вежеством в Добрынюшку Никитича,
 Только тыя статьи есть, других бог не дал,
 Бог не дал, не пожаловал.

И это место почти буквально совпадает с формулой А. Чукова (Рыбн., I, 162—163):

Я бы рада тебя, дитяtko, спородити
 Таланом-участью в Илью Муромца,
 Силой в Святогора богатыря,
 Смелостью в смелого в Алешку во Поповича,
 Красотой бы в Осипа Прекрасного,
 Я походкою бы тея щепетивою
 Во того Чурилу во Пленковича,
 Я бы вежеством в Добрынюшку Никитича:
 Сколько тыя статьи есть, а других бог не дал,
 Других бог не дал, не пожаловал.

Заметим, что и другие формулы Касьянова очень близки к формулам Чукова. Сюжетные схемы былины совпадают почти до деталей. Обратимся к былине Касьянова «Михайло Потык».

Формула пира (Гильф., II, 560):

Во стольном было в городе во Киеви,
 У славного князя у Владимира
 Был собран многопочетный пир
 На всех-то князей, да ведь бояров,
 На всех гостей званых-избранных.

Ближе всего к этой формуле примыкает формула А. Чукова (Рыбн., I, 173—174):

Во стольном было городе во Киеве,
 У ласкова князя у Владимера,
 Было пиrowание — почестный пир,
 На многи князи да на бояра,
 На всех тех гостей званых-браных,
 Званых-браных гостей, приходящих.

Формула самоунижения женщин (Гильф., II, 489):

Ты, Михайло Потык сын Иванович!
 У нас волос долог, да ум короток,
 Нас куда вeдут, а мы туда идем,
 Нас куда везут, а мы туда едем.

То же и у Чукова (Рыбн., I, 178):

Ты Михайло Потык сын Иванович!
 У нас волос долог, да ум короток,
 Нас куда вeдут, мы туда идем,
 Нас куда везут, мы туда едем.

Не будем приводить дальнейших параллелей: все формулы былины Касьянова близки к формулам былины Чукова. В такой же близости находятся и сюжетные схемы былин.

Зачин быliny о Дюке у Касьянова (Гильф., II, 569):

Во той было Индей во богатя,
А был молодой боярин Дюк Степанович,
Он ходил по тихим по заводам,
Стрелял серых гусей и лебедей.

В относительной близости к этой формуле стоит формула А. Чукова из быliny о Дюке (Гильф., II, 507):

Во тоя во Индѣи во богатя,
У честной вдовы Мамельфы Тимофеевне
Там был молодой боярин Дюк Степанович.
Он ходил-гулял по тихим все по заводам,
Стрѣлял серых гусей и стрѣлял лѣбедей.

Былина о Дюке у онежских сказителей довольно популярна, но только еще у двух сказителей — у П. Калинина и С. Корнилова — применены в зачине формулы охоты, однако их текстуальное выражение очень далеко от приведенных.

Итак, все общие места из быliny Касьянова о Дюке по своему словесному выражению очень близки общим местам быliny А. Чукова. В такой же близости находятся и сюжеты былин.

Былина-баллада «Молодец и королева» Касьянова также почти целиком совпадает с былиной Чукова.

Быliny о Вольге и Микуле Селяниновиче у Чукова нет и, как заявил Касьянов Гильфердингу, он ее выучил со слов крестьянина И. Егорова.

Эта былина очень близка к былине Т. Г. Рябинина, но все же отличается от нее: у Касьянова есть такие детали, которых нет у Рябинина. Так, в былину Касьянова введен портрет Микулы, в конце быliny сообщается, что Вольга дарит Микуле три города, и др. Все это заставляет заключить, что Касьянов пользовался иным источником. Близость же текстов обусловлена, очевидно, тем, что быliny Егорова и Рябинина восходят к одному источнику, — возможно, к тексту Игнатия Андреева, от которого, по словам Рябинина, он «понял» эту былинку.

Историческая песня Касьянова «Взятие Казани» почти буквально совпадает с текстом, опубликованным в песеннике Чулова—Новикова (по изданию 1913 года, ч. I, № 123). У Касьянова добавлена лишь следующая концовка:

Говорят те татары таково слово:
— Вечно быть нашей Казани под святой Русью,
Под святой Русью непобедимую.
Непобедимую богѣм любимую.

(Гильф., II, 583)

У онежских сказителей ни Рыбниковым, ни Гильфердингом песня эта не зарегистрирована. Остается предположить, что Касьянов, поскольку он был грамотным человеком, пользовался каким-то книжным источником. (Об этом, в частности, свидетельствует явно литературная концовка песни Касьянова).

Источник исторической песни Касьянова «Земский Собор» (Гильф., № 161) остается неясным. Эта песня встречается еще у А. Чукова (Гильф., № 154) и Г. Амосова (Рыбн., № 158), но от текстов обоих сказителей вариант Касьянова имеет довольно существенное отличие.

Попытка выяснить источники былин Касьянова привела нас к следующим выводам.

1. Из семи былин и песен, записанных от Касьянова, пять являются точной копией былин А. Чукова; следовательно, все эти тексты Касьянов воспринял непосредственно от Чукова, а не через посредство какого-либо другого сказителя (например, мифического Ивана Трофимова): тексты учеников, воспринявших былины от одного учителя, никогда не бывают в такой близости между собой, как былины Касьянова и Чукова. То, что именно Касьянов воспринял былину Чукова, а не наоборот, можно заключить по следующим соображениям: Чуков почти на 20 лет старше Касьянова; от Чукова еще до Рыбникова производились записи былин и публиковались в «Олонецких губернских ведомостях» в конце пятидесятих годов; от Касьянова же впервые записывал только Гильфердинг.

2. Все тексты былин Касьянова восходят к записям от Чукова у Рыбникова; они сохраняют те детали былин Чукова, которые в записи Гильфердинга отсутствуют. Следовательно, былины Касьянов выучил в промежуток времени между записями Рыбникова и Гильфердинга (с 1860 по 1871 год). Если бы и раньше Касьянов был знатоком былин, тогда бы он стал известен Рыбникову, но последний о нем даже не упоминает.

3. По характеру творчества Касьянов является типичным представителем сказителей-передатчиков, стремящихся с возможной точностью передать усвоенный ими текст. Касьянов обладал большим художественным вкусом, он умело отбирал для своего репертуара тексты, разумно отбрасывая менее значимые детали, иногда же (очень редко) вводил в былины новые детали.

Так, с помощью анализа типических мест мы попытались выяснить источники былин одного сказителя.

Естественно, возникает вопрос: причем же здесь типические места, когда то же самое можно сделать при помощи непосредственного сличения текстов былин?

Иногда, действительно, тех же результатов можно достичь с помощью сличения текстов былин, но сличение текстов — дело крайне трудоемкое. С помощью же типических формул, если все они выписаны на карточки, установить близость былин можно очень быстро. Конечно, работа над текстом нужна и в этом случае, но к работе привлекаются только те тексты, которые нужны.

Необходимо учитывать и следующее: метод сличения текстов может дать положительные результаты, если анализируются тексты сказителей, имеющих твердые тексты. Если же анализируются тексты сказителей, у которых переходные места былин крайне неустойчивы, то сличение текста может привести к результатам неверным. В этом мы уже имели возможность убедиться, когда А. Е. Грузинский, в научной добросовестности которого сомнений быть не может, пользуясь методом сличения текстов, приписал былины одного сказителя другому. Только типические места, отливающиеся обычно у сказителей в законченную форму, являются надежным критерием, позволяющим установить близость былин.

С помощью сопоставления типических мест можно выявить фальсифицированные тексты былин, которые, к сожалению, проникли даже на страницы научных сборников. Приведем любопытный пример.

В журнале «Москвитянин» (1851, ч. 6, кн. 2) кн. Костровым была напечатана былина о Старе. Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер перепечатали ее в своем сборнике «Былины старой и новой записи» со следующим примечанием: «Несмотря на заявление кн. Кострова, что былина записана

дословно, в ней заметны некоторые литературные подправки» (Тих.—Милл., 204).

Заинтересовавшись былинной Кострова, мы решили выяснить, в какой же местности была она записана. Результат оказался неожиданным. Рассмотрим ее типические формулы.

Пир (Тих.—Милл., 197):

Как во славном было во городе во Киеве,
У ласкового князя у Владимира,
Уж как было пированье, почестный пир,
Уж как было столованье, почестной стол.
Про многих про князей, про бояринов,
Про могучих богатырей свету-русских,
Да про всю поленицу удалую.

Из всех сказителей (всех сборников былин) ближе всего эта формула примыкает к формуле Кирши Данилова:

Во стольном было городе во Киеве,
У ласкова осударь князя Владимира
Было пированье, почестной пир,
Было столованье, почестной стол.
На мнози князи и бояра
И на русские могучии богатыри
И гости богатые.

(К. Д., 87).

Только в былине Кирши Данилова и в рассматриваемой нами былине пир назван «пированием — почестным пиром, столованьем — почестным столом».

Указание на определенный момент пира (Тих.—Милл., 197):

А и был уж пир во полупиру.

Опять же эта формула очень близка к Кирше Данилову (стр. 87):

Будет день в половина дня,
Будет пир во полупире.

«Полупир» встречается обычно только у мезенских и печорских сказителей, но формула в целом у них более развернута.

Терем (Тих.—Милл., 197—198):

А что это за ограда во Киеве
У ласкового князя у Владимира?
У меня ли, у Ставра, широкий двор
Не хуже будет города Киева:
Он строен у меня на семи верстах,
Светлы светлицы дуба белого,
Покрыты светлицы седым бобром,
Потолок в светлицах черных соболей,
Пол-середа чиста серебра, —
Крючья, пробои по булату злачены.

Эта формула целиком совпадает с формулой Кирши Данилова, за исключением замены некоторых слов:

Что это за крепость во Киеве,
У великого князя Владимира!
У меня-де, Ставра боярина,
Широкой двор не хуже города Киева:
А двор у меня на семи верстах,

А гридни, светлицы белодубовы,
 Покрыты гридни седых бобров,
 Потолок во гридних черных соболей,
 Пол-середа одного серебра,
 Крюки да пробон по булату злачены.

(К. Д., 87—88).

Портрет красавицы (Тих.—Милл., 198):

1. Она ростом, дородством дороднее всех,
2. Красотою, лепотою она краше всех,
3. Ее белое лицо — словно белый снег,
4. Ее черные брови — как у соболя,
5. Ее ясные очи — как у сокола,
6. У нее ягодицы — словно маков цвет,
7. А пальцы на ручках тонёшеньки.⁹

За исключением добавленных в записи Кострова строк 1, 2 и 7, и эта формула — буквальный слепок с формулы Кирши Данилова из былины «О женитьбе князя Владимира» (в скобках заметим, что портрет красавицы в былинах о Ставре никогда не дается):

Ее белое лице, как бы белой снег,
 И ягодицы, как бы маков цвет,
 А и черные брови, как соболи,
 А и ясные очи, как бы у сокола.

(К. Д., 60).

Качества красавицы, о которых сообщается в строках 1, 2 и 7, не отмечены ни в одной народной былине. То, что они выдуманы самим Костровым, — очевидно.

Приказ заключить Ставра в погреб (Тих.—Милл., 198):

Посадите-ко во подвалы глубокие,
 Заприте-ко дверями железными,
 Замкните-ко замками булатными,
 Замечите-ко песками рудо-желтыми.

Это место былины также взято из Кирши Данилова, где оно изложено в третьем лице (К. Д., 88):

Посадить его в погребы глубокие,
 Затворять дверями железными,
 Запирать накрепко замки булатными.

Близкого места к этому в других былинах о Ставре нет. Далее — в том же духе. Фальсификация налицо. Приемы Кострова были слишком примитивны. Взял за основу былину о Ставре из сборника Кирши Данилова и в начале до неузнаваемости, хотя и нелепо, искажил ее, включил эпизоды из других былин Кирши Данилова и, должно быть, из рукописей П. В. Киреевского, ввел их в контекст своей «былины»; начиная же примерно с конца первой четверти текста он, «подправляя» былину Кирши Данилова, пересказал ее содержание почти с буквальной точностью.

Приведем другой случай:

В сборнике Тихонравова и Миллера опубликован ряд былин, которые, как сообщали издатели, записаны крестьянином Кижской волости Оло-

⁹ Последние две строки оторваны от формулы портрета и даны позднее, на стр. 201.

нецкой губернии Иваном Касьяновым и доставлены им Русскому Географическому обществу, которое позволило издателям воспользоваться этими записями.¹⁰ На одной из них — былине об Астоверсте Гординовиче — Ставре Годиновиче мы и остановимся.

Попробуем на основе сопоставлений общих мест выяснить, где и от кого записана былина.

Пир (Тих.—Милл., 207):

Во славном было городе во Киеве,
У ласкового князя у Владимира,
Заводился у Владимира почесной пир
На многих князей, на бояров,
На славных могучих богатырей,
На всех палениц на удалых
И на всех гостей приходящих.

Из всех сказителей эта формула ближе всего соприкасается с формулой А. Чукова (Гильф., II, 495):

Во стольном было городе во Киеви,
Да у ласкова князя Владимира,
Было пиrowаньицо почестной пир,
А на многих князей да на бѣтров,
А на всех тых гостей званных-бранных,
Званных-браных, гостей приходящих.

Хвастовство (Тих.—Милл., 208):

Как все на пиру напивались,
А и все на пиру наедались,
И все на пиру пьяны и веселы сидят,
Да и все на пиру поросхвастались.
Идной хвастал золотой казной,
Идной хвастал добрым конем,
Идной хвастал шелковым платком,
А умной хвастал отцом-матерью,
А безумной хвастал молодой женой.

Опять же эта формула ближе всего к формуле А. Чукова (Гильф., II, 495):

Вси-то на пиру да наедались,
Вси-то на честном да напивались,
Вси на пиру да порасхвастались.
Иный хвалится ест молодец добрым конем,
Иный хвастает да шелковым портом,
Иный хвалит села со приселками,
Иный хвалит города да с пригородками.
Богатый хвастат золотой казной,
Умный хвастат родной матушкой,
А безумный хвалится молодой женой.

Зависимость формулы Касьянова от формулы А. Чукова очевидна: кое-что убрано, кое-что добавлено, кое-что изменено (например, нам ни разу не встретилась форма «идный» вм. «иной» или «один» и похвальба «платком»).

Иногда же Касьянов, следуя за текстом Чукова, оказывается перед неразрешимыми для него трудностями и не может свести концы с концами. Так, он Ставра всюду называет Астоверстом, но когда ему по ходу повествования нужно было следующее место —

¹⁰ Тих.—Милл., 48.

Дать Ставра и не видеть Ставра,
А не дать Ставра — разгневить посла.

— и он не мог его перефразировать, то оставил имя Ставра, как было у Чукова:

Мне-как выпустить Ставра, так не видеть Ставра,
А не выпустить Ставра, так разгневить посла.
(Гильф., II, 504).

Вся сюжетная схема былины Касьянова целиком совпадает со схемой Чукова. Предположение, что это повторная запись былины от Чукова, но Касьянов не указал имени сказителя, — приходится отвергнуть, поскольку сопоставление типических формул показывает, что они хотя и близки, тем не менее одному сказителю принадлежать не могут. Предположить же, что былина, записанная Касьяновым, и былина Чукова восходят к одному какому-то общему источнику, нельзя по следующим соображениям.

1. Если былины восходили бы к одному источнику, то имена действующих лиц так бы не различались. Например, былина о Ставре Чукова очень близка к былине о Ставре повенецкого сказителя П. Калинина (должно быть, у них общий источник). Эта близость прослеживается во всех деталях, в частности и в именах. Если же сюжет своеобразен (т. е. источники былин разные), то имена действующих лиц, особенно второстепенных, обычно путаются. Так, у Домны Суриковой дочь Владимира названа Настасьей, у П. Пастуховой и П. Макаровой дочь названа Машуткой, и т. п.

Совершенно невероятно, чтобы при такой близости былин разнилось даже имя главного героя. Если не ошибаемся, имя Астоверста нигде больше не встречается.

2. Даже если былины восходят к одному источнику, то и в этом случае текстуального совпадения былин и сохранения всей детализации сюжета обычно не происходит.

Таким образом, почти безошибочно можно утверждать, что Касьянов, имея перед собой текст былины Чукова (возможно, даже печатный), создал новое произведение. От народной былины произведение Касьянова отличается нарочитой установкой на оригинальность.

Типические формулы у сказителей при всей их устойчивости не являются совершенно неизменными: они меняются, творчески обогащаются. Сказители могут вносить в былины детали, подсказанные жизненными наблюдениями или воспринятые ими от других сказителей. Происходит как бы непрерывное смешение и образование новых былинных стилей. Исследователю былин важно разгадать творческую лабораторию сказителей, проследить, например, путь влияния одного сказителя на другого. Часто приходится наблюдать, что былина какого-либо сказителя и по содержанию, и по стилю совершенно отличается от былин других сказителей данной местности. Чем это объясняется? Очевидно, тем, что сказитель усвоил свою былинку где-то в ином месте. Но где?

Опять же типические формулы и здесь могут оказать полезную услугу. Приведем только один пример.

У повенецких сказителей Заонежья одной из распространенных былин является былина о Добрыне и Алеше Поповиче. Несмотря на некоторое своеобразие ее у каждого сказителя, она в то же время имеет много общих для всего Заонежья черт. Несколько особняком от всех былин стоит былина М. Т. Котовой (Гильф., № 26). Одна из отличительных черт этой былины состоит в наименовании жены Добрыни — Настасья Викулична. У всех других сказителей Повенца она всюду именуется Настасьей Микуличной. Больше того, имя Настасьи Викуличны в Заонежском былинном

репертуаре встречается крайне редко: кроме Котовой, мы его заметили еще только у Батова (Гильф., № 187) — выгозерского сказителя и Нигозеркина (Гильф., № 217) — с Водлозера. Своеобразное осмысление в былине Котовой получил мотив игры на гусях. У всех повенецких (как и у всех заонежских) сказителей Добрыня, выдающий себя за скomorоха-гусяря, играет на гусях для того, чтобы быть на пиру и заслужить чару вина, в которую он затем опустит свой брачный перстень. У Котовой же Добрыня играет на гусях для того, чтобы жена узнала его.

Чем объяснить это своеобразие былины Котовой, когда она, по ее словам, заучила свою былинку «от стариков»?

Большинство типических формул Котовой — в русле былинной традиции Повенца, но одна формула поражает своей неожиданностью — способ выпивания вина:

Наливаёт Олешенька Попович е ту чару зелена вина:
Весом чара полтора пуда,
Мерой чара полтора ведра,
Уж подносит ту чару е Добрынюшке Микитичу.
Он берет ту чару единым перстом,
Единым перстом, берет мизёнышком.
Выпил он чару на единый дух.

(Гильф., I, 301).

Даже близкой параллели к этой формуле у Онежских сказителей не встретилось, но эта формула распространена у мезенских сказителей (в особенности деревень Тиглява и Нисогоры).

Он (Алеша, — П. У.) наливал ей ведь чару да зелена вина,
Он не малу, не велику ей, полтора ведра,
Подават она калики да чяру зелена вина.
Прымат тут калика да чяру-ту зелено вино;
Одною где тут рукой берет, одним мизенышком,
Выпиват ету чяру да зелена вина.
Выпиват ету чяру да к одному духу.

(Григ., III, 645).

Именно у этих сказителей жена Добрыни всюду именуется Настасьей Викуличной, так же как и у Котовой; именно у этих сказителей Добрыня играет на гусях для того, чтобы его узнала жена.

Но былины мезенских сказителей по сюжетной схеме в целом отличны от былины Котовой. Таким образом, текст Котовой соединяет в себе различные былинные стили — повенецкий (онежский) и мезенский. Поскольку былина Котовой довольно сильно отличается от мезенских былин и ближе все же к повенецким былинам, то следует предположить, что Котова восприняла былинку именно уже в этом «смешанном» виде. Надо полагать, что кто-то занес на Повенец мезенскую былинку, и она претерпела здесь такую эволюцию.

В настоящей статье мы попытались выяснить некоторые закономерности в использовании типических мест сказителями. Многие вопросы, поднятые в статье, только поставлены и далеки от разрешения. Цель работы — показать, что изучение типических мест открывает перед исследователями широкие горизонты проникновения в лабораторию эпического творчества.

В заключение хотелось бы высказать предположение, что некоторые закономерности в использовании типических формул в былинах могут

иметь место и в других жанрах, с учетом их специфики, в частности в волшебных сказках.

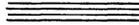
Этот вопрос должен стать предметом особой статьи, здесь мы ограничимся только следующими замечаниями.

1. Объем типических мест в сказках значительно меньший, чем в былинах.

2. У талантливых сказочников типических мест значительно больше, чем у менее талантливых. Менее талантливые сказочники часто всю сказку сводят к пересказу сюжетной схемы.

3. Многие типические места являются общими для былин и сказок, как и для других жанров (духовных стихов, причитаний).

4. У талантливых сказочников, так же как и у сказителей былин, типические места отливаются в строго законченную, присущую только данному сказочнику форму.

О. Б. АЛЕКСЕЕВА

ПЕСНИ ГОРНОРАБОЧИХ УРАЛА О ПУГАЧЕВСКОМ ДВИЖЕНИИ¹

Одной из наиболее интересных групп российского пролетариата, имеющей более чем двухвековую историю своего существования, является группа уральских горнозаводских рабочих. Свообразные исторические и социально-экономические условия развития Урала способствовали и своеобразию формирования устного поэтического творчества уральских рабочих. То обстоятельство, что уральский горнорабочий на протяжении длительного времени был тесно связан с землей, со всем крестьянским социально-экономическим укладом, обусловило и сохранение в его поэтической культуре традиции крестьянской народной поэзии. Общерусское устное поэтическое творчество, в основном крестьянское, составило органическую часть фольклора уральского рабочего. В то же время рабочие Урала создавали и новые произведения, в которых отражался их быт и миропонимание, запечатлевался дух той героической борьбы, которую горнозаводские рабочие не прекращали на всем протяжении своей истории.

Одну из ярких страниц истории поэтического творчества уральских рабочих составляет песенное творчество, посвященное пугачевскому восстанию. Оно дает возможность увидеть органическое сочетание крестьянской устной поэтической традиции с элементами собственно рабочего песенного творчества и вместе с тем выделить эти элементы, отразившие формирование крепостных горнорабочих как отличной от крестьянства социальной группы.

Пугачевское движение явилось крупнейшим событием в социально-экономической жизни России второй половины XVIII века, захватившим

¹ В статье приняты следующие сокращения:

- Лозанова — А. Н. Л о з а н о в а, Песни и сказания о Разине и Пугачеве. «Academia», 1935.
- Материалы — Русское народно-поэтическое творчество. Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа. Изд. Академии наук СССР, М., 1953.
- Оренб. — Песни Оренбургского казачества. Оренбург, 1938.
- Очерки — Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1. Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII—первой половины XIX века. Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1955.
- Песни — Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях. Составители Б. М. Добровольский и А. Д. Соймонов. Общая редакция и вступительная статья А. Н. Лозановой. Изд. Академии наук СССР, 1956.
- Урал — Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор. Собрал и составил В. П. Бирюков Свердловск, 1953.
- Южн. Ур. — Народное творчество Южного Урала, вып. 1. Записал И. С. Зайцев. Под ред. В. М. Сидельникова. Челябинск, 1848.

многие районы страны, в том числе и заводской Урал. Среда горнорабочих Урала, поставленных в невероятно тяжелые экономические условия, была благоприятной почвой для возмущения. Рабочие активно присоединились к Пугачеву, на захваченных у хозяев заводах лили пушки и ядра для пугачевского войска, снабжали его оружием, фуражом и продовольствием, уходили в его отряды.²

К июню 1774 года на сторону Пугачева перешло почти все заводское население. Рабочие видели в нем освободителя от заводского насилия; в одном из прошений к Пугачеву заводские рабочие просили прямой защиты от заводчиков и наказания их: «Еще великую надежду имеем, чтоб на него царское величество сердечно нас бы избавило от лютых и дивных зверей ядовитых, переломил бы острые когти их, злодеев бояр и офицеров, как у нас в Юговских казенных заводах Михайло Иваныча Башмакова, также Ивана Сидоровича Никонова».³ Исторические документы говорят о том, что заводское население само призывало пугачевские отряды на заводы. Так, ревдинские работные люди послали в Васильево-Шайтанский завод, который был уже в руках пугачевцев, делегатов, по просьбе которых Белобородов со своим отрядом и занял 1 января 1774 года Ревдинский завод.⁴ Рабочие зачастую, не дожидаясь прихода Пугачева, хватали оставшихся на заводе представителей администрации, снимали караулы и освобождали дорогу войскам восставших. Заняв заводское управление, рабочие отыскивали конторские книги, собирали их в груды и торжественно сжигали.⁵

Ненависть горнорабочих к заводской кабале выливалась в уничтожение и разгром самих заводов. В документах того времени встречаются многочисленные упоминания о разорении доменных печей, кричных молотов, мельниц, сжигении заводских строений. За период пугачевского восстания на Урале было разорено около 56 заводов и рудников.⁶

Эти события остались в памяти и запечатлелись в рассказах рабочих последующих поколений. В рассказе «Косотурский завод», приводимом в сборнике «Народное творчество Южного Урала», говорится о разгроме горных заводов: «Пугачев скоро пришел в Златоуст, рабочие для его войска отлили пушки и забрали какие были припасы на заводе, завод сожгли, а сами ушли с Пугачевым» (стр. 123).

Народная идеология эпохи пугачевского восстания отразилась и в устном поэтическом творчестве. Фольклор, посвященный пугачевской тематике, раскрывает истинно народную оценку событий. В нем отразилось развитие классового сознания трудового народа, — правда, сознания еще противоречивого и ограниченного, но тем не менее выражающего новый этап в историческом развитии эксплуатируемых масс. Трудность изучения народного поэтического творчества эпохи пугачевского восстания, как уже отмечалось в советских исследованиях,⁷ заключается в ограниченном количестве записей произведений с пугачевской тематикой, особенно песен о Пугачеве. Это обстоятельство настойчиво подчеркивали собиратели; они указывали, что «песни и рассказы о пугачевщине весьма неохотно пере-

² Допрос Е. И. Пугачева в тайной экспедиции в Москве. Сб. «Восстание Емельяна Пугачева», Л., 1935, стр. 146.

³ Там же.

⁴ М. А. Горловский и А. Н. Пятницкий. Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск, 1954, стр. 24.

⁵ А. Савич. Прошлое Урала. Исторический очерк. Пермь, 1925, стр. 86.

⁶ А. Берс. Пугачевщина на Урале. Екатеринбург, 1924, стр. 42.

⁷ Н. К. Пиксанов. Социально-политические судьбы песен о Степане Разине. «Художественный фольклор», М., 1928, стр. 54—65; Лозанова. стр. 6.

даются в присутствии посторонних людей» (Лозанова, стр. 18). Совершенно естественно, что большое количество песен пугачевского цикла не дошло до нашего времени. Произведения этого характера по существу были «тайным» фольклором, правительство жестоко расправлялось с «разглашателями» его. Исполнителей антиправительственных пугачевских песен и сказов «нещадно» секли кнутом, рвали им ноздри и ссылали на каторжные работы. Причину же возникновения пугачевских произведений власти определяли как «происходящую от пьянства, буйства и невежества».⁸ В условиях подобного «кнутабойного отношения» (Горький) к произведениям устного поэтического творчества о Пугачеве народ не мог без риска распространять эти произведения, и до нашего времени дошло лишь небольшое количество пугачевских песен. Из песен, записанных на Урале, основания для некоторых наблюдений дают песни «В стане Пугачева» («Уж ты, ворон сизокрылый») и ее варианты, «Ты звезда ли моя, звездочка», «Емельян ты наш, родный батюшка!», «Спокинул нас родный батюшка» и две известные нам песни, отразившие волнения горнозаводского населения начала XIX века. По этим песням можно судить об отношении горнорабочего к пугачевскому восстанию, о его искренних симпатиях к вождю движения и надеждах, с ним связанных.

Песни, бытовавшие среди населения уральских заводов и отразившие те или иные стороны пугачевского движения, представляют собой творчество с а м и х р а б о ч и х, но в нем зачастую используются художественные приемы крестьянской традиционной лирической песни и крестьянских песен о Пугачеве. Идейная насыщенность этих песен, на которой мы остановимся ниже, и позволяет предположить, что они родились в самой заводской среде.

На примере пугачевского песенного материала ясно прослеживается борьба царского правительства против народных произведений, которая велась по двум линиям: с одной стороны, как мы уже говорили, с распространителями народных произведений расправа была коротка; с другой стороны, господствующие классы пытались использовать некоторые формы традиционных песен, например солдатских, для фальсификации истинного положения вещей и насаждения в массах своей идеологии. Отделить от подлинно народных пугачевских песен произведения, не имеющие отношения к народной идеологии, но иногда встречавшиеся в остальных слоях народа, особенно у части консервативного оренбургского казачества, не составляет большой трудности. Такие псевдонародные песни, как например «Как во месяце было во марте», «Уж при славной было при царице» или «Что во славном было городе Астрахане» (Лозанова, стр. 183—184; 184—185; 187—189), ясно выражают правительственную тенденцию, они рисуют Пугачева вором и злодеем, прославляют царствование Екатерины или же повествуют о Пугачеве вне социального осмысления событий.

Гораздо сложнее обстоит дело с более поздними подделками под народные песни пугачевского цикла, в которых нет открыто проводимой правительственной идеологии, но где по существу образ Пугачева и его движение предстают в опошленном виде. Для фольклориста каждая вновь записанная песня, отражающая народное восприятие Пугачева, является ценнейшим материалом, и в этом случае важно не допустить переоценки ее, дабы не сделать неверных выводов, пользуясь недоброкачественными текстами.

Правильный подход к песенному материалу пугачевского цикла дает возможность сделать те или иные заключения о роли определенных групп населения в создании песни, помогает уяснить отдельные моменты в мировоззрении народа. Между тем в литературе о пугачевском фольклоре встречается иногда неправильная оценка отдельных песен. В последних работах, посвященных анализу песен пугачевского цикла,⁹ внимание авторов заняла песня «Нас пугали Пугачом», опубликованная В. П. Бирюковым в двух изданиях,¹⁰ включенная Л. Шептаевым и В. И. Чичеровым в сборники «Исторические песни».¹¹

В. К. Соколова усматривает в этой песне отражение «кульминационного момента» восстания, «характеристику его как праздника», и делает вывод, что в этой песне «с большой выразительностью показан размах пугачевского движения на Урале» (Материалы, стр. 52). Б. Н. Путилов также высоко оценивает данную песню, отмечая, что она проникнута «освободительными настроениями и хорошо передает народное понимание пугачевщины» (Очерки, т. II, кн. 1, стр. 41).¹²

На наш взгляд, данная песня не представляет собой произведения народнопозитивного творчества о пугачевских событиях, в этом нас убеждает и содержание, и сама поэтика песни. Судя по комментарию, данному В. П. Бирюковым, песня бытовала в горнозаводских районах Урала, но ни крепостные мастеровые, ни тем более приписные крестьяне не могли еще прийти к осознанию антинародной сущности царской власти («государь нас бил сплеча»), и о каком собственно государе здесь идет речь, если эта песня должна выражать настроение масс периода пугачевского движения? Но самым существенным моментом, говорящим о том, что песня сложена не в народной среде, является изображение самого Пугачева:

Емельян-то не дурак,
А он просто был чудак.

Не так народ изображал своего героя, и в данном тексте нет ни капли того лиризма, какой мы встречаем в обрисовке Пугачева в подлинно народных песенных текстах. Вряд ли можно в строках —

Емельяновы «холопы»
Понадели все салопы

— видеть народное отношение к движению, а в достаточной степени беспо-

⁹ См. статью В. К. Соколовой «Песни и предания о Разине и Пугачеве» (Материалы, стр. 17—56) и статью Б. Н. Путилова «Отражение в народном творчестве крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева» (Очерки, т. II, кн. 1, стр. 29—46).

¹⁰ Фольклор Урала. Исторические сказы и песни. (Дюктябрьский период). Собрал и составил В. П. Бирюков. Под общей ред. проф. И. Н. Розанова. Челябинское областное гос. изд., 1949. стр. 26; Урал, стр. 254—255.

¹¹ Исторические песни. «Библиотека поэта», малая серия, изд. 2-е (вступительная статья, подготовка текста и примечания Л. Шептаева). Л., 1951, стр. 276; то же, изд. 3-е (вступительная статья, подготовка текста и примечания В. И. Чичерова). Л., 1956, стр. 261—262.

¹² Помимо указанных работ, данная песня рассматривается в качестве подлинно народной в диссертации В. П. Кругляшовой (Исторические предания и песни на горнозаводском Урале о пугачевском восстании. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1956, стр. 13). Как произведение, запечатлевшее атеистические взгляды дореформенных рабочих, использует эту песню и В. Е. Гусев в своей статье «Из опыта этнографического изучения рабочих старых заводов Южного Урала» (Ученые записки Челябинского государственного педагогического института. 1956, т. 1, вып. 1, стр. 255).

мощные стихи —

С Емельяном в колесницах
Понеслись громить столицы

— определить как «отражение кульминационного момента восстания».

Кроме того, весь стиль песни не соответствует представлению о художественной форме рабочих песен пугачевского цикла. В ней встречаются и старославянизмы («бранна сечь»), употребление которых не оправдывается общим изложением; а такие строки, как «А как барские девочки отдавали перстенечки», говорят о том, что эта песня скорее может быть творением неудачливого пиита, нежели произведением коллективного творчества трудового народа, создавшего замечательные по художественной выразительности образцы песен о своем вожде и герое.

Данный пример показывает, с какой осторожностью следует подходить к песенным материалам о Пугачеве, чтобы в правильном свете представить и раскрыть процесс и смысл создания пугачевских песен уральскими горнорабочими.

Среди известных нам немногочисленных пугачевских песен, бытовавших в среде крепостного рабочего населения дореформенного Урала, наше внимание останавливают прежде всего тексты, которые носят определенный отпечаток мировоззрения дореформенного горнорабочего и несколько отличаются по своим идейным мотивам от песен о Пугачеве уральских казаков и крестьянства.

Одним из основных существенных идейных моментов этих песен является то, что они не развивают темы Пугачева-царя; Пугачев выступает в них как обычный народный герой, а не идеальный государь.¹³ В песнях он сохраняет свое подлинное имя или называется «удальим молодцом», «добрым молодцом», «славным казаком», «родным батюшкой» и т. д. Эту особенность, ясно выраженную, мы можем наблюдать лишь в песнях и преданиях, складывавшихся в среде рабочих горных заводов. В данном случае мы имеем дело с произведениями, созданными в период, когда восстание уже отложилось в сознании народа в художественной форме. Уральские горнорабочие в момент восстания разделяли веру в хорошего царя и, как черту идеологии, сохраняли ее на протяжении еще длительного времени. Но при осмыслении в своем художественном творчестве пугачевского движения и самого образа Пугачева они воспринимали его прежде всего как своего руководителя, близкого и доступного, а не как державного монарха. В этом отношении весьма характерны строки дошедшей до нашего времени песни «В стане Пугачева» («Уж ты, ворон сизокрылый»):

Пошла слава по народу,
Что Пугач казачья роду.¹⁴

(Оренб., стр. 55).

Эти строки подтверждают нашу мысль о том, что образ Пугачева преломлялся в художественном творчестве рабочего населения Урала как образ защитника, вышедшего из народа.

Мотив Пугачева-царя не имел для рабочих первостепенного значения; доведенные всем укладом крепостной горнозаводской жизни в своей ненависти до предела, они видели в нем лишь врага угнетателей и защитника

¹³ Эту же черту как характерную и для устных рассказов горнорабочих отмечает в своей статье М. Г. Китайник (Рассказы рабочих дореформенного Урала. Материалы, стр. 57—89).

¹⁴ Перепечатана в сб. «Фольклор Чкаловской области» (составитель А. В. Бардин. Чкалов, 1940, стр. 114); см. также: Песни, 139.

их самих. В художественном сознании горнорабочих не получила осмысления царистская форма движения, в нем запечатлелась лишь сущность движения и отношение к нему заводских масс. Именно поэтому в горнозаводских песнях, как правило, отсутствует образ Пугачева — Петра III, в них как бы затушевывается восприятие Пугачева как царя.

Испытавшие всю тяжесть гнета крепостного заводоуправления, уральские рабочие видели в пугачевском восстании возможность освободиться от заводской каторги. Естественно, что они не задумывались о дальнейшем переустройстве социального уклада в стране, для них важны были первые и конкретные результаты восстания — избавление от крепостной зависимости и уничтожение ненавистных заводчиков. Свободу, к которой так стремился крепостной горнорабочий, несли пугачевцы; в одной из тюремных песен, связанных с именем Пугачева, говорится о заключении героя в тюрьму именно за попытку «свободного житья»:

Доставались мне кандалики,
Доставались мне тяжелые,
Не по тятеньке, не по маменьке —
За походы удалые, за житье свободное.

(Южн. Ур., стр. 21).

Даже немногочисленные записи от уральских рабочих песен пугачевского цикла дают ясную картину отношения горнорабочего к самому Пугачеву и всему движению. Пугачевское восстание воспринимается крепостными рабочими как их собственное дело, и непосредственное участие в восстании является необходимым. Поэтому песни, возникшие в среде крепостных рабочих, не ограничиваются изображением самого Пугачева, а дают образы, раскрывающие участие рабочего населения в движении и страстное стремление ему содействовать.

Характерна в этом отношении упоминавшаяся выше песня «В стане Пугачева», где с вопросами о милом к ворону обращается девушка.¹⁵ Любимый девушки — участник пугачевского восстания, и одно это уже указывает на глубину социального содержания данного варианта. В диалоге ворона и девушки раскрывается бесстрашие горнорабочих, их твердая решимость активно помогать пугачевским войскам. Песня «В стане Пугачева» дает и образ горнорабочей женщины, готовой встать в ряды пугачевцев. Если в крестьянских песнях девушка лишь спрашивает ворона о своем милом, то в горнозаводском варианте она отвечает на пророчество ворона не мольбой и жалобами, а смело заявляет о своей готовности идти в ряды восставших:

Я солдатом не боюсь,
С милым вместе отобьюся.

(Оренб., стр. 55).

Ее не страшит ни угроза прослыть бунтаркой, ни тьма солдат, идущая на восставших, она стремится быть вместе со своим милым, борющимся с угнетателями.

¹⁵ Среди украинских песен встречается аналогичное использование крестьянских песенных образов в фабричной песне. Девушка спрашивает соловья, где ее милый; соловей же отвечает:

Ой, твій милий по сахарням ходить,
По заводам що дня тяжко робить,
Ой, вин робит, роботає,
А хозяин прійде, та ще ёго й лає.

(«Киевская старина», 1886, № 10, стр. 407.
Публикация М. Васильева).

Лети, ворон сизокрылый,
 А я — следом за тобой,
 Где горюшенька мой милый
 Проливает кровь рекой.

(Орехб., стр. 55).

Песня в конкретных и ярких образах выражает сочувствие делу Пугачева. Она рисует образ рабочего — активного участника пугачевского движения. Это образ, созданный художественным творчеством самих горно-рабочих; через него воссоздается типичная картина свободолюбивого горнозаводского Урала, изображаемая непосредственная помощь Пугачеву со стороны рабочей массы. О конкретных действиях возлюбленного девушки говорится:

А твой милый на работе,
 На литейном на заводе,
 Не пьет милый, не гуляет,
 Медны трубы выливает,
 Емельяну помогает.

(Орехб., стр. 55).

Подобные образы, естественно, не могли быть созданы крестьянской песенной поэзией. Это явление новое в устном творчестве народных масс, и порождено оно новыми чертами идеологии уральского горнозаводского рабочего люда.

Другой вариант этой же песни, дошедший до нашего времени, возможно, отражает трагическую судьбу восстания. В нем также говорится о молодце, который

Ой, да медны трубы выливае,
 Ой, да Омельяну помогае,

— но концовка песни позволяет думать, что песня запечатлела и исход самого восстания:

Ой, да дивитесь — злые люди,
 Ой, да поломали все медны трубы.

В данном варианте уже нет традиционного образа ворона; девушка обращается к высоким горам:

Ой, вы горы да высокие горы,
 Ой, да вы скажите всю правду,
 Куда же мой миленький ушел?¹⁶

Горнозаводская песня широко использует поэтику традиционной крестьянской песенной поэзии. Художественные приемы крестьянской песенности способствуют созданию ярких образов и в песнях пугачевского цикла. В той же песне «В стане Пугачева» традиционные образы крестьянской лирической песни (вещего ворона, девушки, тоскующей по возлюбленному) используются как художественный прием для развития повествования. Для русских лирических народных песен весьма характерен образ вещего ворона, сообщающего о том, что он видел убитого доброго

¹⁶ Текст предоставлен в наше распоряжение В. Е. Гусевым. Записан им в 1948 году на Южном Урале. Вариант этой же песни, весьма близкий к данному тексту, но без упоминания имени Пугачева, записан Б. М. Добровольским в 1953 г. от уроженки Орловской области (Песни, стр. 138).

молодца.¹⁷ В горнозаводской же песне диалог ворона и девушки используется лишь как художественный прием, а содержание этого диалога, как мы указали, отражает действительность заводского Урала периода пугачевского движения.

Лиризм, которым проникнут образ Пугачева в уральских песнях, несомненно создается под влиянием крестьянской лирики. Это особенно ярко сказалось в горнозаводских песнях-плачах о Пугачеве. Форма плача способствовала раскрытию сочувствия Пугачеву, любви к нему горнозаводской массы. Несмотря на преследование правительством и заводским начальством исполнителей пугачевских произведений, выражающих истинное отношение народа к своему вождю, песни-плачи о Пугачеве были широко распространены, и некоторые из них, хотя и в отрывках, дошли до нашего времени.

В плачах о Пугачеве с большим лирическим чувством и взволнованностью говорится о защитнике народа. Гибель Пугачева символизируется заходом красного солнышка, и образ заходящего солнца является не просто традиционным зачином, а имеет большой смысл; именно через конкретное сравнение с красным солнышком выражает народ свои чувства к Пугачеву. Это сравнение запечатлелось и в документах того времени. Так, в «доношении» к Пугачеву заводские крестьяне Кунгурского уезда сообщали о своей радости при известии о продвижении пугачевских войск: «Отдавна наше красное солнце, под землю скрися, ныне на восток восходит на всю вселенную и своею милостию может обогреть нас, нижайша и сирых рабов».¹⁸

Безграничная скорбь звучит в плачах, овеянных глубоким лиризмом, по поводу утраты народного заступника:

Емельян ты наш, родной батюшка!
 На кого ты нас покинул?
 Красно солнышко закатилось...
 Как остались мы сироты горемычные,
 Некому за нас заступиться,
 Крепку думушку за нас раздумать.

(Лозанова, стр. 186).

Использование традиционных приемов крестьянской лирической песни в плачах о Пугачеве давало горнозаводскому населению возможность в близких и ярких образах выразить свое отношение и к судьбе восстания. Разгром его воспринимается как тяжкая невзгода, обрушившаяся на народ, олицетворяемая в образе грозной тучи.

Спокинул нас родный батюшка,
 Емельян, Емельян Иванович.
 Ты взойди-ка, взойди,
 Солнце красное,

¹⁷ Например:

Летал во степях я во Саратовских,
 Видел во степях я диво дивное:
 Что лежит середь поля тело белое,
 Лежит, лежит тело молодецкое.

(А. В. Соболевский. Великоурские народные песни, т. 1. СПб., 1895, стр. 448, № 362).

Тот же образ см. там же, №№ 355—361, 363—367.

¹⁸ Цитируется по книге: Пугачев в среднем Поволжье и Заволжье. Составила А. Н. Лозанова, под общей редакцией проф. М. Н. Мартынова. Куйбышевское областное изд., 1947, стр. 172.

Над дубравушкой, дубравушкой зеленой,
 Обогрей обсуши людей бедных —
 Работничков златоустовских.
 Не взошло, не взошло
 Солнце красное
 Над горой, над горой высокой,
 Пролилась дождем туча грозная,
 Туча грозная, непроносная...¹⁹

В данном варианте жалобы по поводу смерти Пугачева исходят от вполне конкретного социального героя — «работничков златоустовских», скорбящих об утрате своего защитника. Это уже образ, созданный в условиях заводской жизни, неизвестный крестьянской лирике. Развивая повествование в стиле традиционной крестьянской лирики и вводя новый образ, песня-плач горнорабочих достигает большой художественной выразительности и социальной конкретности.

Народные произведения о Пугачеве, в частности песни, существовали на Урале на протяжении нескольких веков как память о выступлении народа против кабалы и угнетения. Но и после разгрома восстания в народе не умирала надежда, что появится сила, которая освободит его от тяжелого гнета крепостной заводской работы, и он твердо верил в это избавление. Среди рабочих заводов усиленно распространялись слухи, что сподвижники Пугачева не разбиты и намереваются идти на помощь заводским рабочим.²⁰ Исторические документы подтверждают существование подобных настроений среди горнозаводского населения того времени. Один из сибирских губернаторов предупреждал верхотурского комиссара Нормана, что «язва укоренилась в простом и подлом народе... Посему, хотя официально она ликвидирована, однако нельзя увериться, чтоб эта язва в подлых сердцах еще не скрывалась».²¹

На протяжении длительного времени уральские пугачевские песни сохраняли агитационное значение, ибо горнорабочие запечатлели в них свои надежды и стремления. Уральские песни о Пугачеве являются своеобразным этапом в развитии народной песенной культуры, в них уже проступают новые конкретные образы представителей горнозаводского Урала.

Условия социально-экономического быта горнозаводского Урала вызывали постоянные волнения заводского населения и после разгрома пугачевского движения. К этому времени в господствующих классах уже установился определенный взгляд на горных рабочих как на мятежников и бунтарей. В одной из статей 1818 года «Дух журналов» следующим образом характеризует крепостных рабочих: «Сообщество нескольких сот или тысяч мастеровых, живущих, работающих всегда вместе, не имеющих никакой собственности, питает в них дух буйства и мятежа».²² Несмотря на реакционность своих позиций, автор статьи в достаточной степени уловил те условия, которые способствовали выработке у мастеровых элементов общественной активности. В песенном фольклоре, возникшем на заводском Урале, мы находим отражение этих народных движений.

Даже по тем немногочисленным текстам песен, созданным в послепугачевский период, которыми мы располагаем, можно сказать, что подобные песни отражают дух активного протеста крепостных рабочих, подогревае-

¹⁹ Е. М. Блинова. Сказы, песни, частушки. Челябинск, 1937, стр. 12.

²⁰ А. П. Пьянков. Пережитки пугачевщины на Урале в 80-х годах XVIII века. Пермский сборник, т. III, 1927, стр. 99—102.

²¹ Цитируется по статье А. Савича «Пугачевщина на Урале» («Экономика», 1925, январь, стр. 59).

²² «Дух журналов», 1818, ч. XXIX, СПб., стр. 181.

мого еще живыми воспоминаниями о пугачевском восстании. Поэтому в центре конкретного изображения становится непосредственная борьба с властями.

В записях XIX века известны две песни приписных крестьян, отражающие волнения среди уральского горнозаводского населения после разгрома движения Пугачева. Приписные крестьяне составляли неотъемлемый элемент жизни и быта заводского Урала, и это накладывало на их мировоззрение определенный отпечаток. Их песенное творчество вливалось в общее русло песенной поэзии крепостных рабочих на раннем этапе ее развития.

Опубликованная в 1868 году Н. Середой в «Вестнике Европы» песня приписных крестьян челябинской группы заводов²³ целиком посвящена изображению кульминационного момента волнения 1843 года — столкновению заводских крестьян с военными отрядами, посланными на подавление восставших.

В 43-м году споём песенку нову,
Споём песню мы нову, все про вёснущку-весну,
Как мы весну воевали, на Гагарьем побывали,
Во Гагарьем побывали, во загумнах мы стояли,
Во загумнах мы стояли, огороды изломали,
Огороды изломали — обороны в руки брали,
Казаков мы прогоняли.

Далее песня повествует о развязке столкновения с казаками:

Мы в обсадошке сидели день четырнадцать часов,
На пятнадцатый же час прочитали нам указ,
Худеньким по сотне дали, удалим-то по пятьсот.
.....
Под арестом не держали, нам подводы наряжали,
Нам подводы наряжали и в Челябину провожали,
Во Челябину городок, посадили нас в острог,
Посадили на неделю, продержали круглый год.

Песня выражает активный протест и возмущение участников волнения или им сочувствующих. Особенную ненависть, обличенную в песне в форму злой, ядовитой насмешки, вызывают усмирители волнения:

К нам наехало гостей, со пяти-то волостей,
Со пяти-то со плетьми, все ведь стары сопляки.

Публикуя песню в «Вестнике Европы», Н. Середой не приводит ее конца, ибо, по его признанию, «он содержит неудобные для печати выражения по адресу усмирителей восстания».²⁴

В данной песне уже проступают отдельные черты обобщенного образа коллектива, который выступает за общее дело и противопоставляется угнетателям.

Отражение бунтарских настроений и упоминание о конкретных волнениях характерны для произведений песенного творчества первой половины XIX века. В 60-х годах прошлого столетия учителем Екатеринбургского уездного училища В. Простосердовым от рабочих Ревдинского завода записан вариант песни, упоминающей, очевидно, об одном из многочисленных столкновений горнозаводского населения с властями; песня делает акцент на трагическом исходе события:

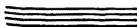
²³ «Вестник Европы», 1868, т. II, кн. 4, стр. 614—615.

²⁴ Там же, стр. 614.

Супротив каменных палат
Случилася баталия,
Во каменя, в оруженья,
В оружейную стрельбу.
Кучи, клады искучились.
По горам все разбежались,
На конюшню собирались,
Во рогожи пеленались,
Во могилушки таскались,
И во ямы хоронили.²⁵

Песни этого типа не отражают, в силу исторической ограниченности мировоззрения крепостного горнорабочего, цели выступления; рабочим не были ясны сами пути и задачи этой борьбы, они выступали против конкретных форм проявления крепостнической эксплуатации. Поэтому песенное творчество этого периода, выражая возмущение, не могло еще подняться до обобщающего обличения и объектом своего изображения имеет лишь конкретные эпизоды волнений.

Уральские песни о пугачевском движении и последующих волнениях на горных заводах отразили социальные взгляды крепостных заводских рабочих, запечатлели активное отношение их к сопротивлению эксплуатации и несокрушимое стремление освободиться от крепостной заводской кабалы. Эти моменты и дают возможность отнести данные произведения народной поэзии к творчеству уральских горнозаводских рабочих.

---

²⁵ Архив Географического общества СССР, разр. 29, оп. 1, № 33. — По всей вероятности, данный отрывок отражает некоторые картины восстания горнорабочих Ревдинского завода в 1841 году, когда между участниками возмущения и воинской командой произошло вооруженное столкновение. В результате этого число убитых горнорабочих составляло около 120 человек. (О восстании ревдинских рабочих см.: А. П. Бажова. Волнение рабочих Ревдинского завода в 1841 году. «Вопросы истории», 1956, № 3, стр. 112—120).

МАТЕРИАЛЫ
И
ПУБЛИКАЦИИ

В. А. КРАВЧИНСКАЯ и П. Г. ШИРЯЕВА

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ РАБОЧИХ О ЛЕНИНЕ

Запись устных рассказов о В. И. Ленине и революционных событиях началась с первых дней советской власти.¹ На ленинградских заводах она производилась с начала 1930-х годов С. Мирером и В. Боровиком.² Особенно широкие размеры эти записи приобрели в связи с подготовкой книг по истории фабрик и заводов. Но собранные в то время рассказы обнаружены далеко не достаточно. Публикуемые ниже устные рассказы отобраны из собрания записей 1945—1948 годов от активных участников Великой Октябрьской социалистической революции — рабочих следующих ленинградских предприятий: Кировского завода, им. Калинина, Металлического им. Жданова, им. Ленина (материалы хранятся в фольклорном архиве Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский дом) Р. У., колл. 118). Запись их происходила в цеху, в клубе, в парткомах и фабкомах фабрик и заводов, в домах культуры, в домашнем кругу — на квартире рабочего. Из большого числа записанных нами материалов мы выделили для настоящей публикации цикл рассказов о Ленине и об Октябрьской революции.

Публикуемые тексты отражают два этапа в революционном движении: подготовку Октября (февральская революция, приезд В. И. Ленина в Петроград, его многочисленные встречи с рабочими крупных заводских коллективов, подготовка вооруженного восстания) и Октябрь (взятие Зимнего дворца, II съезд Советов, гражданская война). Наиболее многочисленны рассказы, представляющие воспоминания рабочих Ленинграда о приезде В. И. Ленина из эмиграции, о том новом этапе революционной борьбы, который наступил с его возвращением. Эти рассказы живо восстанавливают обстановку тех незабываемых дней. В них рабочие запечатлели твердую уверенность масс в правильности линии большевистской партии, глубокую надежду на близкую победу пролетарской революции. Рабочие особо подчеркивают непримиримое отношение В. И. Ленина к эсерам, меньшевикам, временному правительству, дают правдивые характеристики той ожесточенной борьбе партии за массы, которая развернулась с приездом В. И. Ленина. Рабочие изображают выступления В. И. Ленина на фабриках и заводах — на самом переднем крае борьбы за массы, говорят о доходчивости его призывов, о простоте обращения и умении с понятным и ясным словом подойти к самым различным группам рабочих.

¹ См.: Современная тематика в фольклоре. Библиографические материалы. Советский фольклор. Статьи и материалы, вып. 1, изд. Академии наук СССР, Л., 1934, №№ 6, 8, 19, 78, 83, 100, 101, 141 и др.

² С. Мирер и В. Боровик. Рассказы рабочих о Ленине. Изд. «Жургазобъединение», М., 1937; изд. ЦК ВЛКСМ, М., 1937.

По материалам записей от ленинградских рабочих в какой-то мере можно ответить на крайне важный вопрос о времени возникновения историко-революционных рассказов, об их специфике, о долговременности их жизни. Сами рабочие считают, что процесс оформления устного рассказа о революции как специфического жанра народной поэзии советской эпохи начал совершаться вскоре после Октября и прежде всего среди питерских рабочих, когда «на второй день» революции понадобилось выступить в целях мобилизации всех сил на защиту завоеваний Октября. С первых же шагов определилось агитационно-пропагандистское назначение рассказов. Эта черта сохранилась за устными рассказами вплоть до настоящего времени. На каждом ленинградском заводе активные участники революционного рабочего движения, выступающие с воспоминаниями, на виду: их знают в цеху, в клубе, знают, что каждый из них может рассказать, где, перед какой аудиторией выступить. На протяжении многих лет изменялась тематика устных историко-революционных рассказов. В 1930-е годы, когда были живы рабочие — участники первой русской революции, многие из них выступали с воспоминаниями о революционном движении за Нарвской заставой, о Гапоне, об отдельных событиях 1905—1907 годов. На смену им пришли рабочие, активно боровшиеся за подготовку Великой Октябрьской социалистической революции, принимавшие участие в свержении самодержавия и буржуазии, воевавшие на фронтах гражданской войны. Рассказы о предоктябрьском периоде оказались несколько оттесненными. О них рабочие знают, помнят, кто выступал с рассказами, кое-что воспроизводят, но в целом эти рассказы уже не живут. Рассказы же об Октябре пользуются большим успехом до сих пор.³

Со стороны композиционной каждый из устных рассказов представляет законченное целое. В любом, самом кратком рассказе — определенная тема. Она раскрывается как воспоминание о прошлом, активным участником которого выступающий является, но мемуарность рассказа в какой-то мере отступает с разворачиванием события, показом действенной роли коллектива, его отношения к этому событию. Всякий раз действие, о котором говорит рабочий, подается значительно шире, чем свое собственное участие, рассказ переходит на изложение от имени коллектива и ведется как повесть о сплоченной борьбе рабочего класса.

Центральной фигурой почти каждого рассказа является В. И. Ленин или события, тесно связанные с ним. В рассказах ленинградских рабочих он всегда предстает старшим товарищем, чутко прислушивающимся к рабочим, человечным, заботливо относящимся к «солдатам революции». В рассказах нередко дается и внешний портрет Ленина. Рабочие не стесняясь передают, каким они представляли Ленина, как происходила встреча с ним, как сообща обсуждали те или иные злободневные, самые насущные вопросы революции. Каждый по-своему раскрывает великую силу ленинского демократизма, включая в воспоминания свой разговор с Лениным.

Как правило, рассказы изображают событие таким, каким оно было в действительности, довольно верно передают исторические детали, без излишнего преувеличения изображаемого.

³ Об этом, между прочим, свидетельствует изданное в 1956 году собрание записей этих устных рассказов. В нем объединены воспоминания о Ленине и Великой Октябрьской социалистической революции рабочих 29 промышленных предприятий Ленинграда: Невской и Нарвской застав, Выборгской стороны, Васильевского острова, Сестрорецкого оружейного завода и других пригородов (Ленин вождь Октября. Воспоминания петроградских рабочих. Лениздат, 1956).

1

Мы узнали, что приезжает Владимир Ильич Ленин. Было это 3-го апреля. Собрались в заводе на общее собрание, взяли знамена, очень красивые. На нашем знамени было: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Были плакаты — рабочий с наковальней, рабочий и солдат.

С завода мы тронулись часов в шесть вечера. Погода была чудная, весенняя. Так через весь город мы шли густыми рядами на Финляндский вокзал со знаменами, с оркестром. По пути к нам то и дело приставали подростки.

— Дяденька, возьми меня!

... Густыми рядами шли. Когда прибыл поезд, площадь уж была вся забита народом. Наш рабочий Ипатов проскочил на вокзал и видел, как Ленин выходил из вагона, а мы уж остались на площади, метрах в двухстах от броневика. И я увидел Владимира Ильича, как он стоял на броневике. Пальто его раздувало ветром, кепку он сжал в руке, вот так. Не помню точно всех его слов, но когда он произнес:

— Да здравствует социалистическая революция во всем мире! — эти слова я, пока умру, не забуду.

Тишина. А потом как кричали: «Ура Ленину! Ленину! Ленин! Ура!».

Броневик тронулся, и массы народные пошли его провожать ко дворцу Кшесинской.

А мы пошли на завод и радостно между собой говорили: «Теперь все пойдет на лад, Ленин приехал!»

Записано от плотника Кировского завода В. В. Васильева, 50 лет.

2

Что я могу еще рассказать об Октябрьской революции к тому, что уже написано? Большие люди писали об этих великих событиях, не нам, маленьким винтикам, чета...

Впрочем, расскажу, как умею. О Ленине я узнал задолго до революции, узнал от социал-демократов — плехановцев, несогласных с Лениным. Плеханова они считали сильнее Ленина. А я, тогда молодой парнишка-слесарь, сердцем чувствовал, что на ленинской стороне правда. Прочитал я «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад» — тогда нелегальные книги, написанные на папиросной бумаге (думаю, что эти книги попали на Урал через Якова Михайловича Свердлова). Книга «Что делать?» глубоко на меня подействовала. Особенно меня поразила и понравилась мне мысль о привлечении в массы сознания извне. После этого я много раз читал эту замечательную книгу (в последний раз два года назад перечитывал) и каждый раз находил что-нибудь новое. К приезду Ленина я был подготовлен: Ленин был тем вождем, которого ждали массы.

В то время я был членом солдатского комитета в Гатчинском районе. Приехал я как-то в Питер и узнал, что приезжает Ленин. Узнал, что приезжает Ленин, только в самый день его приезда. Слышу — кругом говорят:

— Сегодня Ленин приезжает!

— Идем встречать Ленина!

Все дела я бросил и помчался на Выборгскую сторону, на Финляндский вокзал. Дело уже к ночи было. Площадь перед вокзалом была залита народом. Я пробрался к вокзалу, заглянул в окно и как раз увидел, как Ленин быстро прошел мимо меньшевиков, как они растерянно перегляну-

лись, как опустил голову кто-то черный, стоявший в первом ряду, кажется Дан. Такое у них было подавленное настроение. А как Ленин бодро и быстро и решительно прошел мимо них вперед! И потом я обежал вокруг вокзала и увидел его уже на броневике. Кругом море народа. Он говорил, и огромная толпа стояла и слушала в глубоком молчании, муха бы пролетела. Не буду врать, но я был потрясен, и все были потрясены. Я чувствовал, что начинаются великие события, — приехал вождь. Даже в сердце у меня все время покалывало: Ленин приехал!

Записано на заводе им. Ленина от начальника телефонной сети Н. Д. Блохина, 54 лет.

3

Было воскресенье. Я сказал некоторым нашим ребятам, что приезжает Ленин. Честно скажу, Ленина я не знал, не видал. Мы отправились к Финляндскому вокзалу. Народу много. Слух прошел: «Едут». Мы пошли на перрон. Ждем поезда. Кроме Ленина, вышла из поезда еще группа людей. Ленин прошел мимо временного правительства (они думали, что Ленин примкнет). Здесь сразу же броневик. Подняли его, Ленина, на броневик; крики, приветствия: «Товарищу Ленину». Он принял поздравления и сказал:

— Товарищи, это еще не та революция, революция у нас впереди.

После этого пришлось встретить Ленина у нас на заводе. Ленин выступил с приветствием к путиловцам и потом поздравил с победой и сказал то же самое:

— Это не та революция и не победа, победа еще впереди. Было сказано, что власть должна принадлежать солдатским, рабочим и крестьянским депутатам, вот тогда и будет победа.

Мне пришлось видеть товарища Ленина на Чайковской в райкоме партии. Шла подготовка к учредительному собранию. Товарищ Ленин говорил: «Надо как можно [больше] своих проводить». И нам с Жуковым было дано задание достать литературу. Когда мы достали литературу, нам пришлось ехать по Обводному каналу. Случилась еще авария, сломался руль, чуть в Обводный не угодили. Вот. Я должен был выступать. Я первый раз выступал перед народом. Выступал я с трамвайной вышки (знаете, чинят провода?). Кончил говорить, слез с трибуны и не сказал, за какой же список надо голосовать. Мне говорят: «Полезай обратно и скажи». И снова я вылез на трибуну и говорю, чтобы голосовали за большевиков.

Записано на Кировском заводе от рабочего П. А. Ипатова, 60 лет. Новый вариант устного рассказа о встрече В. И. Ленина записан от Ипатова позднее (Ленин вождь Октября. Воспоминания петроградских рабочих. Лениздат, 1956, стр. 35—36).

4

Я встречал Ленина на площади у Финляндского вокзала. Видел, как он говорил на броневике. Он снял кепку и зажал ее в руке. Слушали, боялись проронить слово. Чувство у всех было такое, такая была радость! Кругом только и слышалось: Ленин! Ленин! Ленин!

Я ведь был тогда малограмотный, я благодаря советской власти подучился. А то письма мне, бывало, писали другие, я сам написать письма не мог.

Записано на заводе им. А. А. Жданова от мастера А. С. Невирко, 53 лет.

5.

Я встречал Ленина часто в период подготовки Октября. В первый раз я его видел в воскресенье, когда мы его встречали у Финляндского вокзала. Я его по существу видел, когда он выступал с броневика. Народу было много, освещенные факельное было, и речь его слышал. Первое впечатление мое: я о Ленине слышал много, его воображал высоким белокурым товарищем, и я немного разочаровался, когда появился небольшой коренастый человек. Но выступление его и особенно конец — «Да здравствует социалистическая революция во всем мире!» — мне безусловно понравилась. После этого я старался, где только были митинги с выступлением Ленина, всегда приходил.

Я по квартире был связан с товарищем, который работал на судостроительном заводе. Надо сказать, тогда была большая борьба большевиков за предприятие. Я всегда через этого товарища заходил на завод на митинги, когда был Ленин. Я видел его, когда он выступал на митинге эсеров, где был министр земледелия Чернов. Было обычно, что когда выступал большой эсер, то всегда выезжал большой коммунист. Вот на этом митинге Ленин мне особенно запечатлелся. Ленин прошел просто. Он присел на корточки за столом (стульев ведь не было, митинг был на досках). Чернов выступал. Ну, его сторонники хлопали. А Ленин, у него из-за стола была видна только голова, что-то писал и так хитро улыбался, что просто казалось, будто говорил:

— Ну ладно, мели, Емеля, твоя неделя.

Когда Чернов закончил, эсеры ему преподнесли цветы. Чернов хотел уйти, но ему хотелось сорвать митинг. Председателем был эсер, который не давал Ленину слова. На сцену выступили большевики, предоставили слово товарищу Ленину. Те, которые перед выступлением Ленина кричали: «Не давать говорить!», во время выступления его кричали: «Вот это говорит! Вот это замечательно! Вот это по-рабочему!»

После выступления товарища Ленина его народ просто на руках вынес. Это у меня очень сильно запечатлелось в памяти.

Записано на Кировском заводе от мастера А. А. Соловьева, 45 лет.

6

Вот раз, в мае месяце 17-го года, вызвали нас в завком. Сейчас еще есть очевидцы того времени. Нам в завкоме сказали: «Мы ожидаем Ленина».

Мы все волнуемся. Звонки без конца. Со штаба нам передали: «Ленин к вам уехал».

Все члены завкома бросились в калитки. Ведь неизвестно, откуда придет: с Шелкова ли переулка, с Емельяновской или еще откуда. Владимир Ильич подъехал с Шелкова переулка. Он идет в пальто осеннем, воротничок плюшевый, кепка, галстук, в ботинках. Пальто нараспашку. Идет быстро так. Мы все к окошку. Ну, быстро так он проскочил. Антон Васильев⁴ поздоровался за руку с Лениным (я не знаю, был ли он связан

⁴ Председатель первого заводского комитета, выбранного в апреле 1917 года.

с Лениным по революционной работе, но рабочие об этом говорили). Ленин вошел в завком. Такая тишина. Точно молния пролетела, сверкнула. Волнуемся. С час сидели. Потом Ленин вышел:

— А это кто?

— А это наш актив.

— Хорошо, хорошо, — говорит Ленин, — побеседуем.

— Ну как у вас? Сколько рабочих?

— 38 тысяч, — говорит Васильев.

— Как завод работает?

— Да плохо, скоро вот закроем.

— Как закроем? Поможем, поможем. А где у вас топливо есть?

— В Кронштадте.

Мы все сидим, не спускаем с него глаз. Вроде каждого пронизывает он своими глазами. Так он пытливо смотрит. Ну что же, я был молод. Мы все ходили в шинелях.

— Вот видите ли, у вас своя и охрана.

— Да нет, не охрана. Это рабочие. Они и охраняют, и работают в цехах.

— Ах так. Это хорошо. На Путиловский у нас большая надежда. А как, гости вас тут посещают?

А Антон Васильев и говорит: «Да, у нас и своих есть порядочно, а вот вчера приезжала эсерка Спиридонова».

— Гоните, гоните их. Они мешают вам работать. Не давайте им трибуну.

Вот на этом и кончилась беседа. Подъехала черненькая машина, и с Лениным поехал тогда Антон Васильев.

И это время, когда он с нами беседовал, пролетело, как минута, а ведь сидели полтора часа. Сколько он расспрашивал нас, можем ли заменить заводское правленье! И верно, через месяца два—через три правленье у нас было спихнуто.

Записано от начальника печатного двора Кировского завода А. К. Мирошникова, 58 лет.

7

Вторая встреча была на заводском митинге, где Ленин выступал. До него выступил Чхеидзе, Гвоздев, Чернов и другие. Владимира Ильича, когда они начали вести митинг, не было. Народу было тысяч 25. Все было заполнено. Все с таким восторгом ожидали Ленина. Тогда председательствовал на митинге эсер из пушечной мастерской, и аудиторией они крепко владели.

Потом раздались голоса: «Ленин идет». Его, как встретили в проходной с улицы Стачек, так и несли на руках. Кричали «ура». Он приехал без особой охраны. Его ведь охранял рабочий класс. Чернов говорил такую чушь о спичках, о ценах, всякие сказки.

Потом председателю пришлось сказать, что слово предоставляется товарищу Ленину. Он взбежал на трибуну, подошел к барьеру, положил кепку и заговорил так немного картаво: «Товарищи! Товарищи!» Как заговорил — «Товарищи путиловцы», — все замерло. Наверно, если бы жук пролетел, было бы слышно. Все стояли с поднятыми головами. Как начал говорить, как начал говорить! И аплодисменты и крики «ура», а он все по министрам, по соглашателям, по эсерам, по меньшевикам, по всем этим прихвостням — разделался и потом выложил платформу партии большевиков.

Ясно стало, куда идти, с кем идти. Поворот от этого момента был такой крутой. Большевики, эсеры реже стали выступать, потому что все козыри Ленин выбил из рук. Пополняться стала партия. Мы были в поражении революционного комитета правой рукой.

Закончился митинг. Владимир Ильич Ленин сходил с трибуны. Ему дали ступить на одну лесенку, взяли его и вынесли к автомобилю.

Записано от начальника печатного двора Кировского завода А. К. Мирошников, 58 лет.

8

Хорошо помню, как Владимир Ильич приехал к нам на завод 12 мая в 1917 году.

Председатель завкома Антон Васильев предупредил нас: «К нам сегодня приедет Владимир Ильич!»

И начали мы спешно строить трибуну, сразу, как узнали, — напротив прокатного цеха, большую трибуну. На трибуне поставили знамена.

Приехал он приблизительно часа в три. День был очень хороший, замечательный день, солнечный такой. Вообще весна в том году стояла жаркая, 1 мая мы ходили на демонстрацию в одних рубашках.

Когда он выступил, Владимир Ильич, много говорил о задачах рабочей молодежи, что мы должны вести борьбу с контрреволюционерами, вести борьбу с меньшевиками и эсерами, предателями рабочего класса. И последние слова я хорошо запомнил:

— Нам нужна диктатура пролетариата, мы должны создать свои рабочие и крестьянские советы.

Он очень долго, часа два говорил. Владимира Ильича масса рабочая очень слушала. Были кой-какие выкрики со стороны врагов рабочего класса, но молодежь одергивала этих меньшевиков и эсеров. Мы не стеснялись с ними.

Записано на Кировском заводе от плотника В. В. Васильева, 50 лет.

9

Еще во время правления министров-капиталистов Михаил Иванович с нами держал связь. И вот на один из митингов в мае 1917 года к нам на завод по вопросам продовольствия (а продовольственный вопрос был тяжелым) приехал министр продовольствия Пешехонов и министр труда Гвоздев. Пешехонов выступил и уговаривал рабочих, что продовольственные затруднения ненадолго, а вы только не шумите и работайте. В это время на завод подъехал Михаил Иванович с Владимиром Ильичом Лениным. Это происходило там, где в данное время фабрика-кухня. Народ сразу загудел, стали кричать Пешехонову:

— Довольно болтать! Слезай!

Владимир Ильич на это заметил:

— Пускай говорит, неважно.

А народ все-таки продолжал кричать, и Пешехонову пришлось сойти с трибуны. Вот в это время на трибуну взошел Владимир Ильич, по привычке своей он кепку скомкал и держал в левой руке. А трибуной служили штабеля дров. Фабрика-кухня выстроена позднее, перед Отечественной войной.

Владимир Ильич начал с обращения к народу следующими словами:

— Товарищи! вопрос о продовольствии — тяжелый вопрос. И если рельсы накалить докрасна от подачи эшелонов с хлебом, и то в один день нельзя накормить весь народ Петрограда.

— А вы, господа, — обратился он к Пешехонову и Гвоздеву, — сулите рабочим по калачу. Да, мы, партия большевиков, партия трудящихся, дадим по три калача, потому что это в наших руках, в руках рабочих и крестьян — и калачи, и мука для калачей! А вы хотите распорядиться калачом с чужих трудов. Вы не сможете ничего дать, кроме своих обещаний. На это вы большие мастера. В этом убедились уже трудящиеся. За это говорят плоды вашей работы во время пребывания у власти. И никто не исправит и не улучшит тяжелого положения, как сам трудящийся. Если он свергнул царя, он свергнет всю эту кроважадную клику, он своим трудом сумеет наладить и жизнь.

Записано от рабочего А. А. Кутейникова, 61 года.

10

В ночь на 25 октября я стоял на часах у кабинета Ленина. Он проходил мимо меня, проходил Сталин и все члены Военно-революционного Комитета.

Владимир Ильич был в тройке темного цвета, бритый, я сначала его не узнал, хотя меня предупредил разводящий: «Будешь стоять на часах у самого главного человека».

Дверь в кабинет то и дело открывалась, и я видел письменный стол, настольную лампу, абажур на ней зеленый. Владимир Ильич сидит за столом и что-то пишет. Потом он встал, вышел в коридор, подошел ко мне, один палец за жилет, другая рука в кармане. Спросил меня:

— Откуда вы?

— С Путиловского завода.

Он даже обрадовался. Удивился моей молодости (я тогда совсем мальчишкой выглядел).

— Какой молодой, — говорит. Спросил:

— Как дела на заводе? Много ли молодежи в Красной гвардии?

Я отвечаю:

— Триста человек, Владимир Ильич.

— Мало, мало, мало, мало! — (четыре раза повторил). — Больше надо. Ведь у вас молодежи на заводе сколько?

— Тысяч десять будет, Владимир Ильич.

— Вот видите! Ну, ничего, путиловцы не подведут. Будет драка больше, будет больше народа в Красной гвардии. Они к нам примкнут. Они не пойдут в поводу у эсеров.

И тут же спросил:

— А что, эсеры вас заманивают?

— Они устраивают танцульки в Марьиной роще,⁵ Владимир Ильич.

Ленин засмеялся:

— Танцульки, — говорит, — это ихний метод отвлекать от политической борьбы. А вы что же танцовать не пошли? — с улыбкой такой спрашивает. — Или не любите танцовать?

А я говорю:

⁵ «Марьиной рощей» назывался трактир, стоявший напротив завода.

— Владимир Ильич, мне сейчас не до танцев. Я Карпаты проходил, хотя я и молодой. Я иду с большевистской партией.

— А кушать хотите?

— Спасибо, Владимир Ильич, я только что покушал.

Ну, он повернулся, пошел в кабинет, выходит обратно и несет два кусочка сахара пиленого, кусок селедки и кусок хлеба. (Такой был паек по Смольному).

Он принес и говорит:

— Кушайте.

Я отказывался, говорю:

— На часах нельзя.

А он положил этот сверток мне в карман в пальто. (Стоял я на часах в пальто, с патронташем через плечо, так он и положил мне свой паек в карман). Сунул этот пакетик и говорит:

— Потом скушаете.

Подал мне руку на прощанье, я не взял:

— На посту по уставу не положено.

— Значит вы дисциплину знаете! Ах, да, да! Ведь вы солдат. — А сам улыбается.

Получился в это время телефонный звонок в кабинете, значит, его вызывают. Он пошел и сказал мне:

— Всего хорошего! Счастливо! Со скорой победой революции!

Он ушел. Меня сменили с караула.

Записано на Кировском заводе от В. А. Федорова, 50 лет.

11

Наряды на караулы мы, красногвардейцы, получали через Совет на Мойке 120. Вот как раз мне пришлось дежурить в Смольном в последних числах ноября и в первых числах декабря семнадцатого года.

В Смольном мне пришлось нести караул во втором этаже.

В то время я еще Ленина в лицо не знал: он несколько раз мимо меня проходил, а я и не думал, что он такой обыкновенный человек. Я представлял его себе совсем другим. Ну вот, он шел и читал на ходу записку. И вот, женщина какая-то сзади его догоняет и кричит:

— Товарищ Ленин, на минутку.

Я так и глаза вытаращил. Так вот он, Ленин! Уж когда я узнал, смотрел во все глаза, когда он мимо проходил. Все заметил! У него был темно-коричневый костюм с поношенными обшлагами, одет в простые штiblеты с тупыми носками. Цвет волос рыжеватый, лоб высокий — самая замечательная черта.

И потом, конечное дело, больше его не пришлось видеть. Я уехал на фронт против Каледина.

Записано на заводе им. Жданова от слесаря-монтажника В. К. Беляева, 57 лет.

12

Я стоял на охране в Смольном раз восемь-десять. Стоял в наружной охране, стоял в 1-м этаже, стоял во 2-м этаже. В первый раз я увидел Ленина на балконе дворца Кшесинской. Стояло нас, красногвардейцев, под самым балконом человек двадцать. Вся площадь была запружена народом.

Когда Ленин говорил, была абсолютная тишина. Раздавались только отдельные выкрики присутствующих анархистов. Владимир Ильич не обращал внимания на эти выкрики, спокойно продолжал речь. До меня доходило каждое слово. Призывал он к социалистической революции, говорил о том, что он потом написал в своих апрельских тезисах. Второй раз я увидел его перед днем решающего штурма Зимнего дворца. Увидел вместе с товарищем Свердловым. Они проходили по коридору во 2-м этаже, а я стоял на площадке лестницы. Вплотную мимо меня прошли. Меня поразило, что Владимир Ильич небольшого роста (я представлял его совсем другим), такой обыкновенный человек. Шел он без пальто, — по-нашему, по рабочему, в тройке.

Записано на Кировском заводе от рабочего П. Д. Никитина, 55 лет.

13

Прибыли мы, пятеро солдат, из артиллерийского полка (полк стоял в Волынской губернии) в Петроград в самый разгар борьбы за власть Советов. Было у нас поручение к Ленину — узнать, как быть насчет войны, продолжать или складывать оружие. Подъезжаем к Царскому селу. На станции входят к нам вооруженные товарищи и говорят:

— За кого вы? За белых или за красных? Подымайте руки.

Мы не знаем, кто спрашивает (может быть, белые), но все же решительно отвечаем.

— За красных! Весь народ трудовой за красных, и мы тоже.

Ну, пропустили наш поезд дальше. Приехали в Петроград. Выходим на Витебском вокзале. Кругом перестрелка, трамваи, конечно, не ходят. С чердаков стреляют полицейские, большевики отстреливаются. Всюду выставлена наша охрана, вдоль всего Советского проспекта⁶.

Пришли мы пешком в Смольный к самому Ленину. Стоял он в зале, кругом масса народа. Передали мы наш вопрос, и он дал нам направление:

— Поезжайте обратно, войну кончайте, потом вернетесь, — мне расскажете. Сейчас, — говорит, — не могу долго разговаривать, видите, сколько дела, — а сам улыбается нам. Поехали мы обратно и всю дорогу о нем разговаривали, какой он простой и приветливый. Одет он был в тужурочке, по-рабочему, борода у него рыжеватенькая, росту небольшого, свойский человек.

В полковой комитет мы явились, доложили наказ Ленина, что войну надо кончать. Сейчас же созвали полковое собрание, и мы сделали доклад, что видели Ленина, он сказал: «Кончайте войну, ступайте по домам!»

Тут все закричали «ура». Никому ничего не надо — все старое пошло на смарку. Оружие все в одно место сваливают, складывают. Командир полка говорит:

— Разбирайте лошадей, кому хотите, поезжайте в Петроград на лошадях.

Ну, куда там лошадей. Поехали мы поездом, ехали в форме, а снаряжение в дороге все пришлось бросить, ведь в поездах все равно оружие отбирали. И правильно делали, на человеке не написано, за кого он стоит, а тут люди охраняли свою родную власть.

⁶ Разумеется, речь идет о Суворовском проспекте.

И так вернулся я на свой родной завод, с которого и был взят на войну, и стал наш завод, бывший Семянниковский, а потом Невский судостроительный, называться завод имени Ленина. Это имя мы заслужили: ведь при царе наш завод был самый забастовщицкий, казаков то и дело на наше усмирение посылали.

... Видели мы Ленина, говорили с ним, и никогда нам его не забыть.

Записано на заводе им. Ленина от кузнеца И. И. Иванова, 60 лет.

14

Я участвовал на II съезде Советов. Ленин создал на этом съезде правительство и первые декреты о мире и о земле. Когда Ленин вышел на трибуну (весь бритый, и не узнать!) и когда он стал читать декрет о земле, тогда максималисты-эсеры закричали:

— Это наш закон, мы за это на баррикады шли!

Ответ дал Ленин:

— Вы правили восемь месяцев и ничего не сделали. Теперь будем делать мы!

Я должен вам подчеркнуть, что это был съезд с оружием в руках: рабочий вооружен, солдат вооружен. Насколько был уверен Ленин в рабочих массах — он с открытой грудью пришел. А со мной сидел рядом с нашего завода один меньшевик, и когда Ленин вычитывал эти декреты, я смотрю — не голосует «за»! Я думаю: «Эх, ты, соломенная душонка! Не голосуй! Без тебя проголосуют».

Ну, думаю, это ладно. Вот в этот момент появляется делегация, ей предоставляют слово. Она протестует против ареста министра земледелия Маслова, но ответ был примерно такой. Просит слова депутат от города Ржева. Он так выразился:

— Я от 160 тысяч населения города Ржева предлагаю не только Маслова не освобождать, но и делегацию, которая за него просит, посадить.

Общий смех, все захолопали:

— Правильно!

(Этот вечер был самый серьезный).

Потом стал второй вопрос.

Одновременно с нашим II съездом Советов заседал Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Мы знали, что там левые эсеры взяли верх. Вдруг музыка по коридору. И явились крестьяне со своим флагом крестьянских депутатов и поставили рядом с нашим рабочим на трибуну. О! Когда мы соединились, это была радостная и тяжелая минута (ведь это эсеры спровоцировали крестьян на отдельный съезд от нас, тогда они спрятали свои волчьи зубы и выступали за большевиков).

Радостная же была минута потому, что мы почувствовали: союз рабочих и крестьян будет!

Записано на заводе им. Ленина от И. М. Орлова, 65 лет.

15

Я был послан делегатом от Боровического совета на II съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов. И я там в Смольном встретил перво в коридоре Владимира Ильича Ленина. Такой он был невысокого роста,

плечистый, голова большая, речь резкая такая была, но до того простой, что всю душу в тебя вкладывал. Он только спросил:

— Откудава, — говорит, — вы делегат?

(На «вы» спросил).

Я сказал:

— Делегат я от Боровичского совета.

— Ну, в коридоре не будем говорить, зайдите в мою комнату.

Взошли мы. Обстановка очень простая была. Он мне поставил стул и говорит: — Садитесь, пожалуйста!

Когда я сел, он и спрашивает:

— Ну, как у вас в Боровичах дела?

Я сказал, что дела не так важны.

— В чем дело?

— Там, — говорю, — изобилуют в большинстве эсеры левые и правые, а нас, социал-демократов, очень мало.

— Ну, а вы, — говорит, — партийный или нет?

Я ответил, что нет, непартийный, но голосую всегда за фракцию большевиков социал-демократов и на съездах, и в Боровичах, и везде.

— Что вас удерживает, — говорит, — что вы не вступаете в партию?

Я ему сказал, что очень религиозный (а мне тогда казалось, что якобы давление на религию от партии).

— Я очень доволен, что вы такой откровенный! Откровенный вы, — говорит. — Ну, как вы религиозный, так я с двух слов разочаровывать в этом не буду, с двух слов все равно вы не поймете, но я рекомендую почитать литературу: перво возьмите Дрекса «Миф о Христе». Хоть и не сходитесь, говорит, с нашей марксистской линией, но много вы узнаете полезного для себя. Потом еще рекомендую римскую инквизицию, это про церковные суды. — И назвал какого-то французского писателя (фамилию я забыл, там все про пап римских). Я постарался тогда же купить в Петрограде эти книги.

А при прощании Владимир Ильич сказал:

— Я не оскорбляю чувства верующего, но из этих книг вы сами все поймете.

Тут мы с ним и простились. Он мне руку подал и все-таки уверил, что «вы партиец будете».

И действительно я стал большевиком с 1928 года.

Когда я прочитал эти книги, которые мне указал Владимир Ильич, тогда я узнал и мифичность Христа. Смело могу сказать, что безбожником меня сделал Ленин. И как сделал! Ни одного чувства не оскорбил, сказал, что все сам поймешь, когда читаешь эти книги.

А второй раз я видел Ленина к Кремле. Послали меня от Боровичского совета в Москву к нему лично, просить о вооружении для наших социал-демократов, ввиду засилья у нас эсеров, тридцать револьверов только и надо было, кажется. У себя в кабинете в Кремле он меня принимал. Я когда взошел, по мандату конечно, он сидел за письменным столом и, когда выслушал просьбу, сказал:

— С полным удовольствием это бы сделал, но у нас на юге идет контрреволюция: Деникин, Мамонтов, Иисусовы полки — там каждое оружие до зарезу нужно, а ваши социал-демократы пушай потерпят. Сила и правда на нашей стороне.

Потом он подумал и говорит:

— Направлю я вас в Тулу, на оружейный завод, может быть там поучите... хотя навряд!

Так и сказал:

— Помните, говорит, что боровичские эсеры, хотя они у вас и в большинстве, нам не страшны. Да и для вас они не страшны, — с улыбочкой такой говорит. — Нам самое важное разделаться с контрреволюцией на юге.

После этого он сказал:

— Я припоминаю, что видел вас на II съезде Советов. Ну как, книги читали?

Я ответил, что читал и очень доволен и освободился от религиозных предрассудков: «Я, — говорю, — понял, что религия на защите прав трудящихся никогда не стояла!»

А он сказал:

— Я так и знал. Отлично! — и руки потер. — Ну, а как, — говорит, — в партию?

— А в партию готовлюсь, — я говорю, — вступить.

А он улыбнулся:

— А это тем более лучше! С подготовкой вступить в партию необходимо, а не так, как иные: вступят да и... — тут он рукой махнул.

На прощанье подает мне Владимир Ильич руку и говорит:

— Передайте от меня привет вашим боровичским социал-демократам — большевикам.

— Хорошо, — говорю, — Владимир Ильич, спасибо, передам.

... Очень он был простой в обращении, так в душу и входил каждому.

Записано в г. Боровичи от бывшего рабочего комбината «Красный Керамик»
Г. В. Монахова, 72 лет.

Это было в 1917 году, в Октябрьские дни. Я работал от завода на легковой машине для связи с районом. Рабочие нашего завода находились в Смольном. Ну и я там был со своей машиной все эти дни и 24-го и 25-го. 27-го числа часов в десять вызвал меня слесарь ремонтно-механического цеха Максимов и сказал: «Подготовь машину, повезешь Владимира Ильича Ленина». Ну, прямо сказать, машина у меня была, по тому времени, хорошая.

Я остановился у подъезда Смольного, т. е. подъехал совсем близко и ждал, когда выйдет Владимир Ильич. Владимир Ильич вышел, и с ним товарищ в «гражданке». Владимир Ильич сел со мной рядом, а в «гражданке» сел сзади. Я тронулся с места и поехал аккуратно от Смольного.

Владимир Ильич повернулся ко мне, т. е. он поздоровался первоначально, когда сел, я этого сразу-то вам не сказал. Так вот он повернулся ко мне и сказал:

— Ну что ж, товарищ шофер, победим?

Я с уверенностью ответил, у меня вырвалось такое слово:

— Обязательно победим!

Я вел машину по Суворовскому проспекту до 8-й Советской, повернул с нее на Старорусскую и подъехал к 10-й Советской, угловой дом. Владимир Ильич сказал мне:

— Остановитесь здесь.

Прощался со мной и говорит: «Товарищи заставили меня отдохнуть», — и пошел в дом. А там его уже встречали. Я вернулся обратно к Смольному. Товарищ в «гражданке» сказал мне: «Мы насилу заставили его отдохнуть. Четверо суток не спал». Ну и действительно народу много, шел народ к Ленину все время, не переставая.

Записано от шофера В. А. Куриловича, 60 лет. — Шофер, по-видимому, забыл: В. И. Ленин отдыхал в эти дни в доме 5/7 по Херсонской улице, где в настоящее время находится мемориальный музей.

17

Хорошо я видел Владимира Ильича, когда заключался Брестский мир. Дело это было в Таврическом дворце. Пришли мы вечером в Таврический дворец, пускают на галерку, а ВЦИК заседает в ложах. Мы, опершись на загородку, слушаем. Выступает Ленин:

— Мы сейчас слабы стоять против немецких железных дивизий. Армия сейчас пешком по домам идет, бросает все, на крышах вагонных едет и на брусках. Кого же вы против немецких железных дивизий выставите? А я, говорит, задам вам еще вопрос: вы хоть двухнедельный курс военного обучения с рабочими прошли? Я за вас отвечаю: нет! И вот вы хотите послать рабочий класс, неподготовленный, против немецких железных дивизий! Тем самым вы похороните русскую революцию.

И тут левый эсер с нашего завода выступил с такой фразой:

— Мы отдадим Петроград, отдадим Москву, уйдем за Урал, а все-таки поведем решительный бой с немецкими железными дивизиями.

Так хотелось им воевать, что Мартов плакал, как ребенок, чтобы не заключали мира: я на него смотрел с галерки. Это было в 9 часов вечера, а кончили мы голосовать в 6 часов утра. Противники большевиков голосовали против мира. Ну, по-ихнему не вышло. Вопрос был поставлен ребром — да или нет. И мы заключили мир. Это была для нас передышка, как сказал Ленин.

Видел я его в последний раз в Смольном на заседании Совета, когда решался вопрос о переезде правительства в Москву.

Никогда не забыть мне этих встреч, и всегда как живой будет стоять передо мной товарищ Ленин.

Записано на заводе им. Ленина от И. М. Орлова, 65 лет.

18

Шел 20-й год. Май месяц. Москва голодала. Белополяки взяли Минск, взяли Борисов. Нас из Сибири перебросили на затычку этого прорыва. Перебросили. Едем в Москву, возем с собой в эшелоне несколько вагонов муки. Я начальником эшелона был. Да... Решили муку эту подарить Москве. Приехал к нам на вокзал нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский, рассказал, какой в Москве голод, даже дети голодают. Сказал нам:

— Вас ждут в Цека, Михаил Иванович там.

Мы оставили вагоны с мукой под охраной. Сами поехали в Цека на грузовике (спиртом, помню, заправляли, другого горючего у нас не было). Цека помещался тогда на Моховой, в низеньком таком здании. Делегация наша была такая: товарищ комиссар полка, потом красный партизан был сибирский, я от 27-й дивизии (сильная дивизия была, только сволочь был

командир дивизии Путный. Хорошо, что не успел он нам навредить, во время его разоблачили). Ну так вот. Являемся. Очень Михаил Иванович нас радостно встретил. Дивизия-то была боевая! Да... И вот он нам сказал речь; побеседовал с нами, рассказал о тяжелом положении в Москве, похвалил, что мы сделали очень хорошее дело, что он за муку благодарит нас. А мы говорим:

— Из этой муки обязательно Владимиру Ильичу дайте!

— Вы об этом громко не говорите, он нас с вами избьет: детям, детям надо муку дать, — вот что говорит Владимир Ильич и вам то же самое скажет.

А мы не отстаем:

— Михаил Иванович, попросите Владимира Ильича, чтобы он хоть попробовал белой сибирской мучки нашей.

— Ладно, скажу, ребята, только чтобы мне из-за вас не попало!

Об этом деле я напомнил Михаилу Ивановичу в Горьком. Встретился я там с ним в 25-м году и говорю:

— Михаил Иванович, а ведь я вас в первые годы революции много раз видел. А в Москву-то из Сибири тогда мы муку привезли, и вы беседовали с нами.

— Да, товарищ, было такое дело. Детям, детям хлеб мы отдали тогда: Владимир Ильич всю муку велел отдать в детские дома, вся мука детям пошла. Крепко он заботился о детях.

Записано на заводе им. Ленина от начальника телефонной сети Н. Д. Блохина. 54 лет.

19

Видел я Владимира Ильича очень близко примерно в июле месяце 20-го года. Числа 20 июля он приехал на Каменный остров (теперь это Кировские острова) к нам, в дом отдыха. А дом отдыха ведь был открыт по инициативе Владимира Ильича. Знаете, раньше были такие машины открытые, как тарантасы. Вот Владимир Ильич и приехал в такой машине. Ну, с ним кто там был? Шофер, да еще какой-то человек, фамилию забыл. Тут был театр, клуб такой. Вот и встречали. Человек 60—70 собравши было, встречали его. Ну, после встречи беседовали. Вот как сейчас помню. Спросил он, как нам в доме отдыха — нравится или нет. Сам обошел все дома, осмотрел. Питание было хорошее.

Тогда ведь было время трудное. Некоторые просили у Владимира Ильича обуви, сапоги там. Ну, конечно, что он мог тогда сказать? Шла гражданская война. Ну, он пошутил:

— Вот научусь сапожному делу и первую пару пошлю на «Красный Путиловец».

Потом я еще помню, как он говорил: у него к рабочим была такая просьба, сохранять зелень, которая была на островах.

А что мне понравилось у Владимира Ильича, что он был простой на вид. Одет был нешикарно. Платье, костюм, все очень простое. Почти как и рабочие одеваются.

После этого наша беседа закончилась. Посадили его на машину, и он уехал, и я уж его не видел до самой его смерти.

Записано на Металлическом заводе от токаря Н. Д. Кукушкина, 48 лет.

20

Вот еще помню, 1 Мая 1920 года был Всесоюзный коммунистический субботник — он заложил основу социалистического соревнования. В нашу роту приехал работать Владимир Ильич. Одет просто, в будничном костюме. Поздоровался и приступил вместе с нами к расчистке кремлевского плаца от мусора. Нужно было очистить всякий хлам, кирпич и сносить все за Успенский собор, в условленное место. Настроение было у нас — ну прямо не знаю какое, ведь сам Владимир Ильич с нами!

Работали с 10 часов до 3—6 часов. Все время играл оркестр. Курсанты говорили:

— Если бы Владимир Ильич приказал нам разобрать Ивана Великого — мы бы и это сделали!

Записано на заводе им. Жданова от А. А. Гусаринова, 48 лет.

21

Тогда мне было 21 год. Я знаю каждый кремлевский уголок. Да, мы курсанты, тогда все были членами партии ВКП(б). Посылали нас и заседания конгресса охранять. Вот и на конгрессе в 20-м году был, в большом кремлевском дворце.

Владимир Ильич в пределах Кремля ходил пешком и не любил, чтобы его сопровождали, но без этого было нельзя, его обязательно охраняли. Когда нам хотелось на него посмотреть, остановишь машину в Спасских воротах и будто бы не знаешь — пропуск спросишь.

Записано на заводе им. Жданова от А. А. Гусаринова, 48 лет.

22

Это было на открытии II Конгресса Коминтерна. Я уже тогда был членом заводского комитета. Антон Васильев дал мне гостевой билет:

— Сейчас будет открываться II Конгресс Коминтерна.

— Я ведь мало понимаю, — говорю Васильеву.

— Это приедут большевики со всех стран мира.

Нас пошло семь человек по гостевым билетам. Мы к Таврическому дворцу шли колонной. Наша путиловская колонна рабочих растянулась километра на четыре. Подошли мы к Таврическому дворцу. Тысячи тысяч людей подошли к дворцу. Делегаты отделились и прошли в парадную Таврического дворца. Прошли. (А я был такой, чтобы все увидеть, все узнать! Я и на заводе был боевой. Народ обучал военному делу). Вижу — стоит Горький Алексей Максимович, как раз на лестничке, на второй ступеньке. Держит громадный букет красных роз. Около Горького другие делегаты. Смотрю — Ленин. Он быстро бежит и останавливается у этой группы. Алексей Максимович подает ему руку:

— Владимир Ильич, вот вам цветы, подарок.

— Спасибо, спасибо! — Взял букет и пошел.

Мы сидели яду в 15—16-м. Я ведь первый раз был в Таврическом. Смотрим. На сцене стулья, штук сто пятьдесят. Потом входят представители партии и правительства. Вдруг из боковой двери — Ленин, за ним Сталин, Калинин — группой вошли. Боже мой! Что поднялось!

Ленин руку поднял. Успокоятся, хочет он сказать слово — опять крики. У меня и сейчас в памяти. Радость вытекает из души. Минут сорок

все это шло. Стихло. И начал он речь. Ну, если бы комар пролетел, да пискнул, сказали бы: «Выгоните вон». С таким напряжением слушали его речь! Он говорил не только на русском, а на английском языке, на немецком, на итальянском. Он говорил о трудностях сбора Конгресса Коминтерна, рассказывал, с каким трудом приехал к нам, говорил о задачах. Полтора часа продолжалась его речь, ее сразу переводили на разные языки.

Закончилось все. Ленин вышел на улицу. Пока шло заседание, улицы были запружены. И вот народ опять взял его на руки, и все двинулись к Зимнему дворцу. Подошли мы к Зимнему, там была сколочена трибуна. Площадь уже была забита. Наша голова колонны еле-еле пробилась.

Когда Владимир Ильич взошел на трибуну, тысячи, десятки тысяч людей приветствовали его.

Он кратко приветствовал всех, сказал об открытии Конгресса, о братских компартиях. Потом взял кепочку и сказал: «До свиданья, петроградцы». Это была его последняя встреча с петроградцами. Он творил дела в Москве, мы только чувствовали его дыхание.

Записано на Кировском заводе от начальника печатного двора А. К. Мирошникова, 58 лет. Вариант этого рассказа опубликован в сборнике «Ленин вождь Октября. Воспоминания петроградских рабочих» (Лениздат, 1956, стр. 71—73).

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЗАПИСИ В. Г. КОРОЛЕНКО¹

Вопрос об отношении В. Г. Короленко к фольклору уже неоднократно ставился в науке,² но на основе изучения отдельного произведения или цикла рассказов и очерков.

Богатый материал для изучения отношения В. Г. Короленко к фольклору в его живом бытовании представлен в записных книжках и тетрадях писателя, содержащих интересные фольклорно-этнографические и диалектологические материалы. Записные книжки В. Г. Короленко были изданы (правда, далеко не полностью) в 1935 году (первая записная книжка 1879 года была издана в 1933 году в г. Горьком); при этом редакция, выделяя для печати отдельные записные книжки, «старалась представить возможно полнее различные моменты литературной работы автора» (стр. 3), поэтому опубликованной оказалась значительная часть фольклорных, этнографических и диалектологических записей Короленко.

Материал опубликованных записных книжек свидетельствует о постоянном интересе писателя к устнопоэтическому творчеству народа. В них встречаются записи песен, преданий, легенд, поговорок, присловий, народных фразеологических оборотов. Опубликованные записные книжки охватывают двадцатилетний период жизни Короленко — с 1881 по 1901 год — и, расположенные в хронологическом порядке, составляют несколько разделов: сибирские, нижегородские, румынские, уральские. В каждом разделе имеются фольклорные записи. В составе сибирских записных книжек содержатся предания ямщиков о «горном» хозяине; песня, названная писателем «принска[ельская]»; местная (топонимическая) легенда о хребте

¹ В статье приняты следующие сокращения:

- Архив — Архив В. Г. Короленко, фонд 135 (курсивом обозначается номер папки, прямым шрифтом — номер единицы хоанения).
 Записные книжки — В. Г. Короленко. Записные книжки. ГИХЛ, М., 1935.
 Ист. моего совр. — В. Г. Короленко История моего совоеменника. Собрание сочинений в 10 томах, ГИХЛ, М., 1953—1956, тт. V—VII.
 Собр. соч. — В. Г. Короленко, Собрание сочинений в 10 томах, ГИХЛ, М., 1953—1956.
 Дневник — В. Г. Короленко. Дневник, тт. I—IV. ГИЗ Украины, Харьков, 1925—1927.
 Соболевский — А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, тт. I—VII. СПб., 1896.
 Влайков — Н. Влайков. Румынские дойны. «Живая старина», год XXIII, 1914.
 Описание — Р. Маторина. Описание рукописей Короленко. М., 1950.

² И. Г. Париков. Фольклор в сибирских произведениях В. Г. Короленко. «Ученые записки Новосибирского гос. пединститута», филологическая серия, 1948, вып. 8; С. И. Минц. Проблема народности искусства в повести Короленко «Слепой музыкант». «Известия ОЛЯ АН СССР», 1953, т. XII, вып. 4; А. С. Малютина. Короленко и народное творчество. «Сибирские огни», 1953, № 4, стр. 164—171.

Пьяного Быка, которую упоминает еще Н. Щукин, описывая свое путешествие в Якутск;³ предание о том, как русские ямщики были «отданы под якутов», включенное в черновой набросок к рассказу «Станочники»; записи отдельных слов и выражений тюремного жаргона и сибирского наречия. В нижегородских записных книжках опубликована песня про Э. Г. Чернышова в прусском плену; песня о событиях 1812 года («Разорёна путь-дороженька от Можая до Москвы...»); сказка о птичке, несущей золотые яйца; легенды о волжском атамане Юрьевце; рассказы о лешем и ряд поговорок и присловий. В румынских записных книжках имеется несколько преданий: о кладе грека Николаки, об измене Дибича. Среди набросков к роману «Набеглый царь» опубликована легенда, предсказывающая появление Пугачева, отрывок старинной разбойничьей песни «Хороша наша станца, только улица грязна...»

Уральские записные книжки начинаются с преданий о Пугачеве, записанных Короленко от казаков-старожилов уральских станций. В составе книжек опубликована песня «Будем биться со врагами...», отрывки старинной казачьей песни «Как за речкою то было за Утвою...», несколько преданий из истории киргизов (казахов).

Но этим далеко не исчерпывается весь фольклорно-этнографический материал, записанный Короленко во время его многочисленных — иногда вынужденных, иногда добровольных — путешествий и поездок по России и за ее пределами. Количество печатаемых книжек «ограничивалось размерами тома», поэтому значительное число фольклорных записей оказалось неопубликованным.

Материал записных книжек был использован при издании Дневников, предпринятом Украинским издательством в Харькове после смерти писателя («Дневники» вышли в 4 томах). Однако редакция исключила фольклорный материал, руководствуясь следующим принципом: «Как общее правило, в дневник берутся все записи, которым сам автор придал характер подневных, т. е. снабдил пометкой числа. Исключаются крупные беллетристические тексты и разбросанный местами отрывочно фольклорный сибирский материал в виде преданий и песен» (Дневник, т. 1, стр. 11).

В дневниках Короленко также встречаются легенды, предания, народные анекдоты, поговорки. Они не являются самостоятельной записью, а органически слиты с содержанием дневниковых заметок. При издании дневников записные книжки, не содержащие «подневных записей», естественно, не были опубликованы. Таким образом, часть записных книжек и отдельных фольклорных записей оказалась не опубликованной до настоящего времени.

Неопубликованные записные книжки и тетради Короленко, так же как и исключенные фольклорные записи, содержат материал, интересный и для историка литературы, и для фольклориста, и для этнографа, и для диалектолога. Они свидетельствуют о широком интересе писателя к различным жанрам народной поэзии: песням, пословицам, преданиям, легендам. Отдельные записи показывают, что Короленко интересовался также этнографией различных народов России и богатством диалектов русского языка. Наряду с фольклорными записями, сделанными непосредственно от певцов и рассказчиков, в записных книжках содержатся выписки из публикаций песен, преданий, легенд, появлявшихся в современных писателю жур-

³ Щукин. Поездка в Якутск. Изд. 2-е, СПб., 1844, стр. 82.

налах (например, выписки из «Преданий и песен уральских казаков» И. И. Железнова — «Русский вестник», 1859, кн. 7 и 8, из «Сборника уральских казачьих песен» Н. Г. Мякушина и др. См. Архив, 11, 618). Выписки такого рода всегда сопровождаются точной ссылкой на издание. Фольклорные записи, сделанные самим писателем, легко выделяются по следующим признакам: они сопровождаются иногда указанием на место — например, «Тверская губерния», «Нижегородская губерния», — или в скобках указывается фамилия лица, от которого Короленко слышал ту или иную песню или легенду («от Машкова», — см. Архив, 12, 670). Кроме того, некоторые записи делались, по-видимому, в процессе пения или рассказа: слова сокращаются, вместо пропущенных строк ставятся точки. Есть записи, очевидно, уже переписанные набело. О том, что такая запись сделана самим писателем, говорит, во-первых, отсутствие ссылок на какой-либо источник, во-вторых — ссылки и указания самого писателя в письмах, иногда записных книжках или в рассказах в виде упоминаний о том, что им была записана такая-то песня или сказка. Большей частью эти записи содержатся в книжках с указанием на обложке тех лет, в течение которых эти записи велись. Но есть записи, а также и отдельные записные книжки, не датированные, и определить время записи трудно иногда даже приблизительно. Настоящая статья не претендует на освещение с исчерпывающей полнотой всего имеющегося в архиве материала. В дальнейшем обзоре материал будет рассматриваться по жанрам, с сохранением, где это возможно, хронологического принципа внутри каждого жанра. Выделяются в начале статьи записи периода якутской ссылки, так как записей одного и того же жанра немного и время записи приблизительно известно. Рассматриваются записи, относящиеся ко времени жизни писателя в Якутии, записи нижегородского периода и начала 900-х годов XIX века. Название «фольклорные записи» здесь несколько условно, так как это не записи произведений фольклора в научном смысле. Короленко интересовался произведениями народной поэзии не как фольклорист-собираатель, а как писатель-художник, внимание которого к произведениям народной поэзии было нередко связано с его творческими замыслами. Он записывает далеко не каждую песню и не каждую легенду, которую слышит, а только такую, которая почему-либо представляет для него ценность и интерес. Тем не менее многие записи Короленко представляют несомненный интерес и для фольклориста, так как среди записанного им фольклорного материала встречаются редкие и интересные варианты.⁴

Если сравнить первую записную книжку писателя (1879) с записными книжками последующих лет, то можно убедиться, что количество фольклорных записей с годами увеличивается. Это свидетельствует о все возрастающем интересе писателя к творчеству народа. Разносторонний интерес к народной жизни проявляется уже в период вятской ссылки.⁵ В Якутии Короленко продолжает еще более пристально и глубоко изучать фольклор и этнографию народов Сибири. В якутских записных тетрадах содержатся записи преданий, легенд и песен якутов, а также статьи о религии якутов (Архив, 3, 112) и о необходимости широкого и всестороннего изучения этого края (Архив, 8, 462), являющиеся, по-видимому, первыми опы-

⁴ Наиболее полные варианты вынесены в раздел приложений.

⁵ См. очерк «Ненасущий город» и 4-ю часть «Истории моего современника».

тами публицистических статей Короленко, которые не были закончены и остались неопубликованными. Неоконченный набросок статьи по якутской религии свидетельствует о широком знакомстве писателя с бытом якутов, их поверьями, обычаями, хотя автор и говорит сам, что он руководствовался «очень краткими сведениями, почерпнутыми на месте». Во второй статье говорится о неизученности края, об отсутствии точных статистических сведений, о необходимости медицинской помощи населению. Особенно возмущает писателя малое количество и плохое качество «трудов» статистического комитета: «Две-три книжонки в форме памятных книжек, статистические сведения в форме таблиц. Таблицы не обработаны, цифры мало достоверны. Поразительное воздержание от самостоятельных работ. Рубрики выполнены с грехом на три четверти и довольно» (Архив, 8, 462). Короленко призывает местную интеллигенцию к развертыванию собирательской деятельности в широком смысле, к собиранию сведений по истории края, быта, к изучению этнографии якутов и их поэзии.

Характерно, что впоследствии областная якутская администрация вынуждена была официально признать, что местное чиновничество «не подготовлено к литературным занятиям», «не знакомо с бытом и условиями жизни сельского населения», и позже к местной литературной работе привлекались «ссылные, известные своим близким знакомством с экономическим бытом инородцев... и трудами по этнографии...»⁶

Изучение жизни народа для Короленко неотделимо от изучения его духовных богатств. Он знакомится со всеми жанрами якутской поэзии, особое внимание уделяя якутским преданиям.

У Короленко запись этих преданий представляет или литературную обработку (предания об Омоллооне, о Манчары и Омоче),⁷ или простой пересказ, когда передается только сюжет, но не сохраняются все особенности языка и стиля рассказчика (хотя при переводе на русский язык самая попытка передать своеобразие стиля и языка может быть очень условна и относительна).

В виде более или менее краткого пересказа записаны предания о происхождении того или иного наслега или улуса. Одно из таких преданий кратко передано в «Истории моего современника» (ч. 4, стр. 352), оно сохранилось также и в одной из записных книжек, но отличается здесь более подробным изложением сюжета и некоторыми деталями, измененными писателем при его художественной обработке (см. приложение [3]). В записной книжке предание озаглавлено «О происхождении второго Чакырского наслега», в книге же название наслега не упоминается. Очень кратко записано также предание о Байагантайском улусе: «На одной из рек (название неразборчиво, — З. В.) поселился старик с семьей и большим хозяйством. Соседи назвали его Бай-ага (богатый отец). Речка, на которой он поселился и где кормился его скот, — получила то же название, а от речки получил название весь улус — Байагантайский улус» (Архив, 3, 112).

В одной из сибирских тетрадей сохранился перевод нескольких якутских песен-импровизаций. Их пели для ссыльных товарищей Короленко и для него самого якутские девушки. Позже он упоминает об этом в письме сестре от 26 декабря 1883 года. Запись песен сделана карандашом и очень

⁶ В. Николаев. Политическая ссылка в изучении Якутского края. Сб. «В Якутской неволе», М., 1927, стр. 185; М. Кротов. Якутская ссылка 70—80-х годов. М., 1925, стр. 71—73.

⁷ В. Г. Короленко. Сибирские рассказы и очерки, т. II. 1946.

мелким почерком. Вверху на листе крупно написано: «Якутские заметки». Ниже, сокращенно, второй заголовок — «Импров[изация]». Запись, по-видимому, делалась в момент исполнения, наспех и, может быть, незаметно для окружающих; некоторые фразы не закончены, отдельные слова написаны сокращенно, в конце двух фраз стоит многоточие. Одна из этих песен-импровизаций передается в главе «Якутская поэзия. На „Всехе“» (часть «Истории моего современника»), но подвергнута писателем некоторой художественной обработке. Весь этот эпизод в «Истории моего современника» описывается следующим образом: «Однажды мы позвали к себе в гости несколько девушек и молодых женщин... Девушки предложили нам спеть что-нибудь об нас. Это была бы поэтическая импровизация, и мы, разумеется, попросили их об этом». Затем приводится песня, которая записана и в тетради.

Первоначальная запись

I. Я вижу твою бороду, которая напоминает мне хвост глухаря, а твои кудри (волосы) похожи на перья спинные тетерева. На тебе расшита рубаха, но мне приятнее было бы видеть тебя во всей простоте.

IV. У него хорошие кудри и хорошие глаза, он румяный, и кости его сбиты крепко. Я его люблю все сердцем, но он не обращает на меня внимания. Когда он едет (везет) на паре коней, я взлезаю на кучу привезенных им дров и кричу ему, но он едет мимо и не обращает на меня внимания. (См. приложение [4]).

«История моего современника»
(ч. 4, стр. 353—354)

На Камчатке стоит серебряное дерево (береза). На второй ветке этого дерева сидит тетерев. Он распустил хвост. На его хвосте есть загнутые, очень красивые перья. Твоя борода напоминает хвост этого тетерева и лучшие его перья. Когда ты везешь дрова мимо моего двора, я выхожу на поленицу и смотрю на тебя... Но ты на меня не смотришь, и я вздыхаю.

Всех песен-импровизаций, записанных в тетради, четыре. Каждая из них обозначена римскими цифрами. I и IV относятся, по-видимому, к Короленко. Возможно, что некоторые детали песни он не успел записать во время пения, но запомнил. Так, в письме к сестре говорится, что одна молодая якутка «воспевала нас, нашу наружность, одежду и образ жизни, сравнивая, например, мою бороду с хвостом глухаря, сидящего в Камчатке на каком-то диковинном дереве, а мои брови с большим мехом».⁸ В записи песни, сохранившейся в сибирской тетради, нет упоминания о Камчатке и дереве, о бровях, подобных собольему меху. Это еще раз свидетельствует о том, что всего Короленко не успел записать, может быть, надеясь, что некоторые, наиболее яркие детали он запомнит. II и III песни относятся, по-видимому, к товарищам В. Г. Короленко. Об этих песнях он также упоминает в «Истории моего современника» (ч. 4, стр. 354): «Таким же образом они по очереди пели об остальных наших товарищах. К сожалению, повторить этого целиком невозможно. О Хаботине, например, они пели, называя все циничными именами. Они называли Хаботина «саксалы», что значит прихрамывающая утка. (Он постоянно стапывал валенки и ходил на голенищах, что действительно производило впечатление прихрамывания). Песня была очень циничная и постоянно прерывалась звонким смехом юных певцов».

⁸ Письмо Э. Г. Короленко от 26 XII 1883. Сб. «Письма из тюрем и ссылки», Горький, 1935, стр. 184.

Самое большое место в фольклорных записях Короленко последующих лет (во второй половине 80-х и в 900-х годах) занимают песни. Первые записи песен после возвращения из ссылки относятся приблизительно к 1884—1885 годам. Постепенно количество песенных записей увеличивается, а в 900-е годы для песен отводится специальная тетрадь под названием «Песни современной деревни», в которой наряду с записью песен встречаются и частушки.

Одна из первых песен, записанных Короленко после возвращения из Сибири, озаглавлена им «Рекрутская». Она содержится в записной книжке, помеченной годами 1882—1884, т. е. в книжке сибирского периода. Но в конце песни в скобках указано место записи: Тверская губерния. Видимо, запись относится ко времени возвращения Короленко в Европейскую Россию в конце 1884 года. Возвращаясь из ссылки, Короленко на обратном пути заезжал в Тверь.⁹ Тогда, вероятно, и была записана песня. Она представляет часть известной рекрутской песни о трех крестьянских сыновьях; один из них должен идти в рекруты. По совету родителей вопрос о том, которому сыну идти в солдаты, решается путем жеребьевки. Известно очень много вариантов этой песни с разными зачинами.¹⁰ Часто встречаются следующие: «По широкой было славной улице, По проезжей-то было по дорожечке», «Ты талан ли мой, талан худой. . .», «У отца было у матери», «Выезжает молодой майор», «Не ясен ли соколик полётывал». Но во всех почти вариантах есть обращение отца или матери к сыновьям: «Да вы, дети мои милые», «Ах, и дети мои вы родные» или «Уж вы, дети мои, дети милые» и т. п. Песня, записанная В. Г. Короленко, сразу начинается с этого обращения: «Вы, сыны мои, вы, родимые». Дальше следует родительский совет пойти в сад, срезать по пруту и решить вопрос жеребьевкой. Старший сын срезает прут малиновый, средний сын — прут калиновый, а младший — осиновый. Они бросают свои «жеребья» в быструю реченьку:

Прут малиновый — как сокол летит,
Прут калиновый — как струя бежит,
Прут осиновый — как ключом кипит.

Затем следует концовка, которой нет ни в одном из известных нам вариантов:

Исполать тебе, прут малиновый,
Что ты выручил мою долюшку!
Исполать тебе, прут калиновый,
Что ты выручил мою долюшку!
Будь ты проклят, прут осиновый!
Загубил ты мою долюшку
Э-эх, в чужедальнюю сторонушку!

Вся эта песня представляет более подробный и детализированный эпизод о решении участи одного из трех сыновей, который в других известных вариантах дается более кратко и скупое. Возможно, что записанная Короленко песня является остатком одного из наиболее древних вариантов рекрутской песни. Об этом свидетельствует наличие в песне большей де-

⁹ В. Г. Короленко, Письма, Посмертное собрание сочинений, т. 50, ГИЗ Ук-раины, 1923, стр. 219.

¹⁰ Соболевский, т. VI, №№ 82—87; Истомин и Ляпунов. Песни русского народа, № 37. СПб., 1899, стр. 241—242; Песни Пинежья, кн. II, № 107. Музгиз, М., 1937, стр. 252—258; Крестьянская лирика, ред. и примечание Е. Гиппиус и Э. Эвальд, Изд. «Советский писатель», 1935, стр. 67—68.

тализации в изложении эпизода с выбором жребия и отношением к своему жребию каждого из братьев, а также лексика. Слово «исполать» в известных вариантах этой песни не встречается.

Большой интерес вызывали у Короленко исторические песни. Не случайно в своих замечаниях о народной поэзии он подчеркивает как самое ценное звучащее в ней отголоски исторического прошлого.¹¹ Исторические жанры народной поэзии неоднократно привлекали внимание Короленко. В 1887 году на Волге, под Красновидовым, куда он ездил повидаться со своим товарищем по якутской ссылке М. А. Ромасем, записаны две исторические песни (Записные книжки, стр. 123—125): песня про графа Э. Г. Чернышова, томящегося в прусском плену (известна во многих вариантах),¹² и вторая — «Разорёна путь-дороженька от Можая до Москвы» — о войне 1812 года.¹³ Среди неопубликованных записей Короленко есть еще одна песня, упоминающая имя Чернышова. Но в ней имеется в виду не знаменитый екатерининский вельможа, а сподвижник Пугачева Зарубин-Чика, также прозванный Чернышовым. Песня сохранилась в тетради с материалами о пугачевщине, представляющими выписки из исторических сочинений, фольклорных публикаций, собственные записи Короленко и замечания к ним. Как известно, Короленко ездил летом 1900 г. на Урал для собирания устных преданий, легенд и посен о Пугачеве, а также для изучения материалов Уральского войскового архива, которые были необходимы ему для работы над романом о Пугачеве «Набеглый царь». По свидетельству А. Н. Лозановой, изучавшей цикл песен о Э. Г. Чернышове, до сих пор эта песня о Чернышове-Зарубине, сподвижнике Пугачева, известна только в двух вариантах, представляющих контаминацию песен о подлинном Чернышове и разинских песен. Один вариант записан П. В. Шейном,¹⁴ а другой приводится С. В. Максимовым в книге «Сибирь и каторга».¹⁵ Н. Аристов в своей книге рассматривает записанный П. В. Шейном вариант и делает предположение, что именем Чернышова «означается один из ближайших сподвижников Пугачева — Чика... Такая фантазия, действительно, могла иметь место, когда Чика, которого прозвал Пугачев Чернышовым, везли на казнь с сообщниками в Москву через Лысково. Иначе трудно и объяснить, как от г. Кистрина и строго определенной личности графа песня вдруг махнула на разбойников и перенеслась именно в Лысково. Должно же быть какое-либо основание!»¹⁶ Эта точка зрения нашла дальнейшее подтверждение и развитие в советской фольклористике. А. Н. Лозанова, рассматривая все известные варианты песен о Э. Г. Чернышове, в том числе и варианты П. В. Шейна и С. В. Максимова, приходит к выводу о социальном переосмыслении в этих песнях образа подлинного графа Э. Г. Чернышова в образ Чернышова-Чики.¹⁷ Содержание песни Короленко объяснял также влиянием событий пугачевской крестьянской войны, но сделал этот вывод не сразу.

¹¹ В. Г. Короленко. Слепой музыкант. Собр. соч., т. II, стр. 122—123.

¹² Подробный перечень вариантов см. в статье А. Н. Лозановой «Социальные переосмысления песен о Чернышове» (Сб. «Советский фольклор», 1935, № 2—3, стр. 273—292).

¹³ Три варианта этой песни опубликованы в выпуске X «Песен, собранных Киреевским» (М., 1874, стр. 7—11; Новая серия, вып. II, ч. 2, № 1828).

¹⁴ Песни, собранные Киреевским, вып. IX, М., 1872, № 13.

¹⁵ С. В. Максимов. Сибирь и каторга, т. 4. приложения. СПб., 1896, стр. 154—155.

¹⁶ Н. Аристов. Об историческом значении русских разбойничьих песен. Воронеж, 1875, стр. 85—86.

¹⁷ А. Н. Лозанова, ук. соч.

В первой редакции рассказа «Последний луч»,¹⁸ упоминая о двух записанных им песнях про графа Чернышова, он говорит о рассматриваемой нами песне: «В другой раз опять довелось мне встретить песню о том же лице. И на этот раз в песне упоминалась темница, но уже на родимой стороншке, в славном селе Лыскове, на крутом берегу матушки Волги. Чернышов скликает к себе бурлаков и вольницу. Это было, однако, явное историческое недоразумение и ничего мне не разъясняло (разрядка моя, — Э. В.)». Дальше Короленко высказывает предположение, не относя его, однако, к песне, что на образ Чернышова в фольклоре повлияла личность Чики-Зарубина: «Вообще прозаическая личность Э. Г. Чернышова осталась почему-то и в народной памяти окруженной легендой страдания и протеста. Может быть, этим он обязан удалому Чике-Зарубину, пугачевцу, принявшему на время своей короткой карьеры имя екатерининского генерала».

В следующей редакции рассказа Короленко уже прямо связывает содержание этой песни с образом Чернышова-Чики: «Однажды, дожидаясь парохода на волжской отмели, я услышал от рыбака песню о русском плене русского доброго молодца, Чернышова Э. Г. Рыбак не знал, конечно, ничего об исторической личности Чернышова, — но песня все-таки являлась отголоском действительного события. Во времена Пугачева удалой казак Чика принял на себя имя Э. Г. Чернышова и прибавил в народной памяти к популярному имени опальную черту: другая песня говорит уже о темнице на волжском берегу в городе Лыскове. Удалой добрый молодец Чернышов Э. Г. скликает к себе бурлаков и низовую вольницу» (Собр. соч., т. 1, стр. 388). Возможно, что Короленко пришел к этому выводу под влиянием книги Н. Аристова «Об историческом значении разбойничьих песен» (1878); название ее сохранилось в записной книжке, от которой уцелели только листки, по ним трудно определить, в каком году записано название этой книги (Архив, 19, 250).

Кроме песни о Э. Г. Чернышове, в той же уральской тетради есть выписки песен о Пугачеве (из публикаций П. В. Шейна 1859 г.), о Разине (из публикаций М. Михайлова в Морском сборнике 1859 г.), о Некрасове и др. Среди выписок есть группа песен, которые, как нам кажется, являются записью самого писателя, но в конце иногда делается ссылка на записи Шейна: «ib. Усть Урень». Среди них находится и упоминаемая выше песня о Чернышове. При сопоставлении публикаций Шейна с записями Короленко выясняется, что тексты полностью не совпадают: есть разночтения в отдельных словах; тексты Шейна отличаются большей полнотой. Если предположить, что это все-таки выписки, то разночтения и пропуски отдельных строк, слов и целых куплетов трудно объяснить. Выбор этих песен характеризует интерес писателя к отражению в фольклоре социальной несправедливости и тяжелого положения народа; такова, например, песня о солдатской службе, о «злом полковничке», князе Стрелковском и др.

В эти же годы внимание писателя привлекали песни, отражающие народное горе, нужду, пробуждающееся стремление к протесту. Он записывает песню о странничках (Архив, 9, 480), разбойничью песню «Хороша наша деревня, только улица грязна...» (Архив, 12, 670), целый ряд тюремных песен: «Ты, воспой, воспой, вольна пташечка...», «Погиб я, маль-

¹⁸ «Русское богатство», 1901, № 1—2, стр. 155.

чишка», «Я вас любил — счастливый был» (Архив, 12, 670), «Когда я был свободный мальчик».¹⁹

В 1890 году Короленко записал песню о странничках, которых мочит дождь, обдувает ветер, а им некуда приклонить головушку. В любую погоду идут они по дорогам, постукивая палочкой, унося с собой свое горькое (Архив, 9, 480).

Среди песенных записей Короленко имеются два незаконченных варианта старинной разбойничьей песни «Хороша наша деревня». Один вариант, наиболее полный, был опубликован в «Записных книжках» в 1935 году (стр. 367). Он записан, видимо, на Урале, так как сохранился среди набросков романа «Набеглый царь» и различных материалов о временах Пугачева. Второй вариант песни содержит два куплета и припев (см. приложение [8]). Вариант Короленко, записанный в этой книжке, почти буквально совпадает с публикацией этой песни М. Овсянниковым в 1912 году.²⁰ Первый вариант песни «Хороша наша станица, только улица грязна» Короленко хотел использовать в задуманном им романе о Пугачеве. Рядом с записью песни сделана пометка: «К выступлению Э. Г. Чернышова (Чики)», которая в «Записных книжках» не напечатана и в комментариях не оговаривается (Архив, 11, 618). Между тем, она представляет известный интерес, так как раскрывает отчасти творческие замыслы писателя и причину его внимания к разбойничьей песне, дважды им записанной. Короленко хотел изобразить выступление И. Н. Зарубина (Чики) на Уфу под звуки этой песни. Описание этого выступления в виде наброска к роману сохранилось в записных книжках, посвященных пугачевщине: «Чика выступает из Берды на Уфу. Впереди песенники и музыканты. Поют, бьют в тулумбасы. Чика (Э. Г. Чернышов!) — кудрявый, статный, красивый, в казацком чекмене и с лентой через плечо — чинно едет за музыкантами, но под звуки песни не выдерживает: ударив коня плетью, выскакивает вперед и, выхватив бубен, вертит над головой, бьет то костяшками кисти, то древком нагайки. . . Бубен пляшет и гремит, конь играет в такт песни. . . Песня закипает живее и громче» (Записные книжки, стр. 367).

Интерес Короленко к тюремным песням, которые занимают значительное место среди других песенных записей, по-видимому, был тоже в какой-то мере связан с творческими замыслами писателя. В 80—90-е годы им создается цикл рассказов и очерков, связанных с темой жизни арестантов, ссыльных, поселенцев, изображающих арестантскую среду: «Соколинец» (1885), «Федор Бесприютный» (1885), «Содержающая» (1886), «Искушение» (1891) и др. Арестантские песни в конце XIX—начале XX века получили широкое распространение в народной среде, и Короленко, всегда внимательно и глубоко изучавший жизнь народа, не мог пройти мимо этого факта. Им записана старинная тюремная песня «Ты воспой, воспой, вольна пташечка» (Архив, 12, 670), известная очень давно. Она содержится уже в «Собрании разных песен» Чулкова,²¹ записывается и в наши дни.²²

¹⁹ Неизданные материалы музейного фонда (дом-музей им. Короленко в Полтаве), нижегородская тетрадь, без шифра.

²⁰ М. Овсянников. Старинная свадьба в с. Рыбинском. «Сибирский архив», 1912, № 11, стр. 895—896.

²¹ Чулков. Собрание разных песен, т. 1. СПб., 1913, № 136, стр. 178.

²² См. материалы фольклорной экспедиции 1955 г. на Печору Сектора народного творчества Института русской литературы АН СССР. Текст песни, записанный Короленко, см. в приложениях.

В нижегородской тетради записана песня под названием «Арестантская» с пометкой, что она получила большое распространение в народе; в скобках добавлено: «слышана на парох[оде] и в вагоне железной дороги». ²³ Близкий вариант этой песни содержится в одном из многочисленных лубочных песенников 1900-х годов». ²⁴ Песня начинается словами: «Когда я был свободный мальчик, не знал я горя и нужды. . .»

Вариант, записанный Короленко, значительно короче помещенного в песеннике варианта, но записан с пропусками. Возможно, что это сделано писателем сознательно, так как отсутствуют наиболее пошло-сентиментальные куплеты песни.

С большим вниманием относится Короленко к особенностям быта, нравов и поэзии каждого народа. Уже неоднократно отмечался его интерес к якутскому фольклору. Впоследствии, живя на Украине, он записывал украинские народные песни и думы, интересовался древнееврейскими агадами и притчами, хорошо знал обычаи еврейского населения, использовал украинский и еврейский фольклор в своих произведениях.

Во время поездок за границу (в Англию, Америку, Румынию) Короленко тщательно отмечает в дневнике своеобразные черты быта каждого из этих народов. Особенно много интересного материала дали ему поездки в Румынию. В Румынии Короленко внимательно наблюдает жизнь русских переселенцев, особенности их быта. Знакомится он и с жизнью румынского народа, изучает его язык, слушает и записывает румынские народные песни — «дойны». В одной из его записных книжек этого времени сохранились «дойны», записанные, вероятно, в момент исполнения, так как набросаны они небрежно и торопливо, многие слова перечеркнуты или недописаны, почерк крупный (обычно записи в книжке сделаны очень четко и мелким почерком). В одной «дойне» выражается чувство протеста против социальной несправедливости, против порядков, которые обрекают бедняка на голод и нищету. Он хочет громко петь об этом, чтобы его услышали. Чуть став взрослым, он, вооружившись пистолетом, идет убивать бояр-богачей, потому что «они не наши братья». ²⁵ Заканчивается песня рассказом о горькой судьбе бедняка, вынужденного проводить ночи под забором вместе с семьей. У него замерзли трое детей, так как последнее одеяло было насильно взято сборщиком налогов. ²⁶

Происхождение «дойны» как пастушеской песни Короленко ярко показал в лирической картинке жизни одинокого чабана, нарисованной им в незаконченной главе очерка «Добруджа. Кытерлэз» и напечатанной отдельно под названием «Нирвана» (Собр. соч., т. IV, стр. 278—285). Он высоко ценит «дойну» с музыкальной и эмоциональной стороны: «. . . он (чабан, — Э. В.) создает мелодические „дойны“, на которые задрожит ответными звуками всякое человеческое сердце. В его песне веет степной ветер и шелестит трава, и шумят верхушки деревьев, и, кроме того, плачет, и нежится, и тоскует душа человека. . .» (там же, стр. 282). В «дойнах» Короленко видит национально своеобразное отражение истории румынского народа, в котором сказывается неуловимое почти влияние многовековой традиции, простота и искренность чувства: «Он ли, впрочем, создавал эту песню? Она выростала веками в поколениях этой черноземной силы человечества, сменявших друг друга, как сменяются травы в степях. Он не

²³ Неизданные материалы музейного фонда (дом-музей им. Короленко в Полтаве), нижегородская тетрадь, без шифра.

²⁴ Песенник «Серая свитка». М., 1909.

²⁵ См. приложения [13] и [14].

²⁶ См. перевод в приложениях [13] и [14].

знает истории этой страны, но все нашествия, напоившие землю кровью его предков, и греческое, и римское, и турецкое владычества, и притеснения своих „бояр“, — все это отложилось в его „думах“ так же тихо, незаметно и неуклонно, как откладываются соки родной земли и родное солнце, и степной ветер в зерне травы или в цветке. Что он заимствовал из песен своих предшественников, звучавших, как стоны ветра, и что взял у степного ветра, звучавшего, как смутная песня, — он не скажет и сам. Банды дьяган подхватят дойну и разнесут ее по свету. А степной поэт и не знает своего успеха» (там же, стр. 282—283).

Румынскую «дойну» как песню пастушескую по своему происхождению рассматривает Н. Влайков в своем исследовании «Румынские дойны» (стр. 163). Его характеристика «дойны» совпадает с художественным определением ее у Короленко: «Румынская дойна, первоначально и по преимуществу песня пастушеская, по наблюдению румынских фольклористов отличается чистотой чувства и простотой. Искренность, задушевность и безыскусственность при красоте и мелодичности стиха — вот ее черты. Основной мотив стиха и песни — грусть, тоска по жизни оседлой, спокойной («Первоначальная дойна»), душевная боль, и — вместе с этими переживаниями — томление, желание, сладость...» Влайков также отмечает в «дойне» роль многовековой традиции, самобытность и своеобразие ее как песни элегической: «Румынская дойна, как веками слагавшееся лирическое народное творчество, в разнообразных своих видах и вариантах, но с одним основным мотивом, возникла самостоятельно, отдельно от других видов румынской лирики, без примеси их, и составляла и должна составлять особую группу элегических лирических песен» (Влайков, стр. 192).

В конце 90-х и начале 900-х годов среди фольклористов, как известно, развертывается длительная дискуссия об отношении к современной им народной песне, о степени ценности в художественном отношении старых и новых песен. Ставится вопрос о значении старинных традиционных крестьянских песен и песен городских, рабочего и литературного происхождения, влияние которых на репертуар народных песен становится особенно сильным в эти годы. В защите старых песен объединились представители официальной академической науки и отчасти народники, интересующиеся только крестьянским народным творчеством. Они объявили новую пореформенную песню извращением и искажением старой (Лопатин, Тиховский, Михневич). В ответ на это ряд ученых, собирателей и исследователей²⁷ выступает на защиту «новой песни» с более прогрессивных позиций, указывая на ценность собирания и изучения всего песенного репертуара народа для дальнейшего изучения процесса исторического развития песни в целом.

Несомненно, что Короленко относится к «новой песне» с интересом и вниманием. В его записных книжках периода 90-х годов наряду с записями русских традиционных крестьянских песен встречаются записи частушек, городских песен, мещанских «жесточих» романсов, рабочих песен. Так, им записано начало рабочей песни:

Распроклятый тот завод,
Перепортил весь народ.

²⁷ См., например, брошюры и статьи: В. Н. Перетц. Современная русская народная песня. 1893; В. А. Смирнов. Русские народные песни новейшего времени. 1895; К. С. Кузьминский. О современной русской народной песне. «Этнографическое обозрение», 1902, № 4; И. Я. Львов. Новое время — новые песни. Устюг, 1891; А. М. Путинцев. Народная песня нового времени. Казань, 1908, и др.

Кому — палец, кому — два,
А кому — с плеч голова.

(Архив, 12, 670).

В записной книжке 1898 года записан отрывок «новой» крестьянской песни:

Мы пятьсот пропьём —
Не поморщимся!
По миру пойдем —
Не сугорбимся.

(Архив, 19, 1863).

Этот отрывок был позднее еще раз переписан из записной книжки 1898 года в записную книгу 1920 года (Архив, 9, 513), куда Короленко переносил выписки и отрывки песен из старых записных книжек, а также пословицы. В 1912 году эта песня полностью была опубликована в статье Н. Новикова «О чем поет Волга».²⁸ Статья эта была известна В. Г. Короленко, так как сохранилась среди газетных вырезок в его архиве (коробка 19, без шифра). В статье говорится о том, что растет обнищание крестьянства, что песни крестьян теперь «дышат жалобой, озлоблением, насмешкой». В качестве примера приводится дальше песня, отрывок которой записан был Короленко в 1898 году (приведен выше). Песня рассказывает, как крестьянин, спустив «мироеду-кулаку» весь свой земельный надел, пошел в кабак, а кум советует ему:

Выпей, кум, и не тужи,
А давай сбывать гужи,
И телегу, и хомут,
Да и сивого-то тут!
Семьсот пропьём —
Не поморщимся!
В босяки пойдем —
Не покорчимся.

Из песен типа сентиментального мещанского романа Короленко записывает песню «Маруся отравилась» (от русских переселенцев в Румынии; сохранилась среди румынских записей) и песню, озаглавленную им «Горничные в Петербурге» (см. приложения [15] и [16]). Название, данное этой песне Короленко, по-видимому, указывает на среду, в которой она бытовала, так как не относится к содержанию ее. В песне рассказывается о несчастной любви героя к девушке, которую на его глазах обвенчали с другим.

Короленко с интересом относится не только к новой песне, но и следит за развернувшейся дискуссией о ней; в его архиве сохранились газетные вырезки дискуссионных статей о народной песне Е. Э. Линевой «Жива ли народная песня», Д. Зеленина «Черты современного народного быта по частушкам» (коробка 19, конверт «Народные песни», без шифра).²⁹

Кроме того, писатель внимательно следил за публикациями новых и старинных песен и частушек по газетным статьям и сохранял такие публи-

²⁸ «Русские ведомости», 1912, № 196, 25 августа.

²⁹ Статьи Е. Э. Линевой и Д. Зеленина печатались в «Русских ведомостях» (1903, №№ 8 и 31).

кации и статьи о них. Среди газетных вырезок по различным вопросам в конверте под названием «Народные песни» Короленко собирал материалы о песне с 1898 по 1915 годы. Здесь есть статьи о солдатских песнях, о современных частушках,³⁰ о «новой песне»³¹ и т. д. Он интересуется также публикациями исторических песен. Такова песня об Аракчееве, записанная К. Мининим в Симбирской губернии и опубликованная в «Нижегородском листке»;³² внимание Короленко привлекает и украинская народная дума, и украинские народные песни. Так, в том же конверте сохранилась вырезка редкой публикации чумацкой песни-думы.³³

Таким образом, 90-е годы характеризуются в творческой деятельности Короленко как годы активного отношения писателя к народной поэзии, народной песне в особенности. В эти годы разворачивается собирательская деятельность Короленко, продиктованная главным образом художественными и творческими интересами.

С 1901 года Короленко живет в Полтаве. Он заводит обширные знакомства с крестьянами Полтавщины, которая издавна славилась бандуристами и лирниками (в том же 1901 году «Полтавские губернские ведомости» сообщали, что в нескольких волостях Полтавщины известны 24 лирника и 5—6 бандуристов;³⁴ в 1902 году в «Киевской старине» указывалось, что в одном только Миргородском районе известно 14 кобзарей и 10 лирников).³⁵ Короленко, детство которого прошло на Волыни, был знаком с украинской народной поэзией. Не случайно его произведения украинского цикла («Слепой музыкант», «Лес шумит», «Июм-Кипур», а также первые главы «Истории моего современника») насыщены народнопоэтическими образами украинских народных дум, песен, легенд, преданий, пословиц или созданы на их основе. После переезда в Полтаву писатель продолжает интересоваться украинской народной поэзией, записывает украинский фольклор. Короленко был хорошо знаком с известным на Полтавщине кобзарем М. С. Кравченко из села Великие Сорочинцы, участником II археологического съезда в Харькове. Кравченко пел свои думы и в Москве для записи на фонограф, ездил за счет Географического общества в Петербург.³⁶ В 1905 году в селе Великие Сорочинцы вспыхнуло крестьянское восстание, жестоко подавленное карательной экспедицией. Во время расправы с восставшими пострадала и семья Кравченко. Он сложил об этих событиях думу, которую слушал и записал Короленко,³⁷ назвав ее «Черная неделя в Сорочинцах». В записных книжках Короленко сохранилась запись старинной украинской думы про Морозенку. Дума из-

³⁰ Архив, газетные вырезки, коробка 19, без шифра (О частушке. «Северный Курьер», 1900, № 295, 11 сентября; Под частую песенку. «Нижегородский листок», 1912, № 183, 6 июля; Современная частушка. «Нижегородский листок», 1912, 15 мая, и др.).

³¹ Там же (Новая песня. «Нижегородский листок», 1901, № 148, 12 июня; Самарский марш. «Самарская газета», 1901, № 132, 11 июня, и др.).

³² Там же (О том, о сем. «Нижегородский листок», 1903, № 347, 19 декабря).

³³ Там же (Чумацкая песня-дума. «Полтавщина», 1905, № 96).

³⁴ «Полтавские губернские ведомости», 1901, № 219, 7 октября.

³⁵ О. Г. Сластионов. Кобзарь М. Кравченко и его думы. «Киевская старина», 1902, май.

³⁶ Ф. Колесса. Мелодии украинских народных дум, т. 1. Львов, 1910, стр. 85—87.

³⁷ В. И. Станиславский. Дума про сорочинськи події. «Україна», 1924, № 1—2, стр. 171—174.

вестна во многих публикациях XIX века.³⁸ У Короленко она записана с большими пропусками. В известных вариантах этой думы начало ее представляет обычно риторическое обращение к Морозенко:

Ой, Морозе да Морозенку
Ой ти, славний козаче!
Ой, за тобою да Морозенку,
Уся Україна плаче.³⁹

У Короленко это начало отсутствует; вместо него имеется довольно своеобразный запев: «Одна була волысына, И ту гнида откусила» (транскрипция Короленко; см. приложение [17]).

Дума рисует картину выступления казачьего войска. Впереди едет Морозенко. Но татары окружают казаков. Морозенко вывели на Савур-могилу и казнили.

Вони його поставили
На Савур-могилу.
Дывись тепер...
На сво[ю] Вкраину.

В другой записной тетради Короленко вспоминает эти слова думы иначе:

Ой, вывели Морозенка на Савур-могилу,
Подывися, Морозенку, на свою Вкраину...
(Архив, 9, 512).

«Теперь, — писал позже Короленко, — отголоски этой думы уже замирают. Я еще слышал ее от старого слепого бандуриста. Голос у него давно съело пение на ярмарках, на ветру, порой на морозе, но в нем остались какие-то изумительные ноты, звучащие стариной и старинной степной тоской. Порой кажется, что это ветер замирает, шелестя травами в степи» (Архив, 9, 512).

Бандурист, о котором говорит Короленко, мог быть М. С. Кравченко; но возможно, что Короленко знал и другого бандуриста, так как думы о Морозенко Кравченко не пел, его репертуар хорошо известен и описан украинскими фольклористами.⁴⁰ Позже Короленко случилось проезжать мимо песенной Савур-могины. Во время продолжительной остановки поезда он разговорился со стрелочником, будка которого находилась недалеко от места казни казаков, но здесь никто уже не помнил о Морозенко (Архив, 9, 512).

Записывал Короленко и народные украинские песни. Отрывки их встречаются в нескольких записных книжках. Так, например, записан отрывок известной украинской песни «А в сусіда хата біла». Целиком записана песня «Ой, скажи, Пашко», отрывки думы о Барабаше, видимо записанной от М. С. Кравченко (скорее всего, это один из вариантов сложной им думы о сорочинской трагедии; см. приложения [18]—[20]).

³⁸ М. Максимович. Украинские народные песни, т. 1. 1834, стр. 74—75; Голвацкий. Народные песни Галицкой и Угорской Руси, ч. III, отд. 1. М., 1878, стр. 19; А. Л. Метлинский. Народные южнорусские песни. 1854, стр. 408—413; А. Маркевич. Малороссийские народные песни. «Записки о южной Руси», т. II, СПб., 1857, стр. 245, и др.

³⁹ А. Маркевич. Малороссийские народные песни, стр. 245.

⁴⁰ О. Г. Сластенов. Кобзарь М. Кравченко и его думы. «Киевская старина», 1902, май; Ф. Колесса. Мелодии украинских народных дум, т. 1. Львов, 1910, стр. 85—87.

На первой странице чернового наброска рассказа «Иом-Кипур» написаны отрывки украинских песен, присловья, поговорки. Например:

У гаю-гаю
Ветру немає,
Мисяць високо,
Зироньки сяють.

Ой, гоп, таки-так,
Кличе Галю козак:
— Ходи, Галю, пожартую,
Ходи, Галю, поцилюю...

Не дивуйтеся, дивчата,
Що я обидрався,
Бо мій батько робыв гладко,
То й я в его вдався.

И ниhto не знае
Того дива, що творытся
Середь ночи в гаю.

(Архив, 3, 110).

Содержание этих песенных отрывков отчасти перекликается с содержанием рассказа, созданного на основе народнопоэтических образов и мотивов. Возможно, что Короленко хотел подчеркнуть эту связь эпиграфом, взятым из песни или из украинских пословиц, пока не остановился на стихах Шевченко. Стихотворный эпиграф к рассказу написан на этой же странице.

В начале 900-х годов Короленко записывает песни, отражающие растущее недовольство народа русско-японской войной, и песни, отражающие рост революционного настроения масс перед событиями 1905 года. Таков, например, отрывок солдатской песни, в котором выразилось отношение к затянувшейся войне с Японией:

Кто крещен в чернилах,
Тот лежит в досках.
Кто убит в сраженье —
Тот лежит в песках.
Возьми десять пушек —
Сулят крест золотой.
Оторвало ногу —
Ступай, брат, с сумой!

(Архив, 19, 1242).

В записанных Короленко частушках отражается недовольство всеобщей мобилизацией:

Прощай, милка, я уеду,
Не увидишь мово следу...
Прощай, милка, до свиданья,
Не забудь мое страданья!

Е-ах, дорожка трехаршинна,
По ней бегает машина!
Распроклятые вокзалы,
Куда милых запогналы...
Распроклятые вагоны...

(Архив, 19, 1242).

(На этом запись обрывается).

Записи В. Г. Короленко отражают широкое распространение революционной рабочей массовой песни, русской и украинской. Им записан из-

вестный «трёповский манифест» (см. приложение [21]), различные варианты которого были опубликованы в песенных революционных сборниках⁴¹ и записывались после революции.⁴²

На той же странице тетради записаны первые строки украинских революционных песен, широко распространенных в России: «Туман яром котится, нам жить лучше хочется» (Архив, 19, 1242)⁴³ и «Реве та стогне люд голодный...»⁴⁴

Наряду с песнями, выражающими революционные настроения народных масс, писателя интересует бытовая лирическая песня. Среди его записей есть песни, не имеющие точных вариантов в известных песенных публикациях. Таковы, например, записанные им плясовые песни. Таких песен две: «А-ай, черненькая, чернобровенькая!» и «Ветер не прядет...» Возможно, что они записаны Короленко не полностью, но возможно также, что это короткие плясовые припевки. Конец первой песни совпадает с вариантом, опубликованным в «Великоруссе...» П. В. Шейна. У Короленко (см. приложения [22] и [23]):

Ай-ну, хай-ну
Про Ерему, — про Фому,
А еще-то трихану
Про Еремину жану...

у Шейна:

Ах, ну, тряхану
Про Ерему, про Хому,
Про Хоминых детей,
Про ядреных матерей...⁴⁵

Записи песен и песенных отрывков Короленко сопровождает нередко замечаниями, небезынтересными для фольклориста; например, о песне «То не ветер ветку клонит» (записано два первых куплета) сказано: «Между прочим, любимая песня якутских казаков» (Архив, 12, 670), о песне «Ой за границей огни горят, в Рассеюшке дымно, ничего не видно» — «Народная песня Орловской губернии»,⁴⁶ о песне «Как-то раз ночной порою он девицу сманул» — «Заводская, почему-то называется „Стрелецкий марш“». Эти замечания позволяют предположительно судить о месте, о среде, в которой была записана или слышана песня.

Репертуар лирической крестьянской песни был хорошо известен писателю, судя по многочисленным песенным отрывкам, то и дело встречающимся в его записных книжках, например:

Ты зачем, мой сад, цветешь,
Распускаешься,

⁴¹ Песни борьбы. Варшава, 1907, стр. 20—21; Песни пролетариев. 1907, стр. 7—8.

⁴² «Советское краеведение», 1935, № 9, стр. 30.

⁴³ Варианты песни см. в сборниках: Робитничі визвольні пісні. Київ, 1919; Українські народні пісні. Київ, 1951. Українські народні думи та історичні пісні. Київ, 1955.

⁴⁴ Вариант песни имеется в сб. «Песни пролетариев» (1907) и в сборниках, указанных ранее.

⁴⁵ П. В. Шейн. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах, т. I, вып. 1. М., 1911, № 670.

⁴⁶ Эта фраза встречается в казачьих и старинных народных украинских песнях, но с другими географическими названиями, например: «...У Гридкове огни горят, а в Полтаве дымно...» (Малороссийские песни, изд. М. Максимовичем, М., 1827, стр. 26—27).

Ты куда, мой милой друг,
Удаляешься...

(Архив, 9, 513).

Или:

Ах, утушка, ах, луговая
Ты молодушка-х молодая,
Ох, молодая, ох молодая.
Где ж ты была-х побывала,
Где ты ночку-х ночевала,
Ой, ночевала, ой, ночевала...

(Архив, 12, 670).

и т. д. Но полностью записанные лирические песни у Короленко почти не встречаются. Исключение представляет песня «Все люди живут, как цветы цветут, моя голова вянет, как трава...» (приложение [24]). Иногда песня записывается отрывками, очевидно потому, что обстановка для записи не была благоприятной и писатель почему-либо не мог или не успел записать всей песни. Слова записаны сокращенно, вместо пропущенных куплетов или строк ставятся точки. Так, например, записана песня «Во лесочке комарочков много уродилось» (приложение [25]), встречающаяся во многих вариантах на протяжении всего XIX века и сохранившаяся вплоть до наших дней.⁴⁷ У Короленко записано два куплета этой песни.

Но чаще Короленко, по-видимому, не записывал песни полностью сознательно, ограничиваясь лишь записью почему-либо заинтересовавших его нескольких строк. Иногда это запове песни:

Полно солнышку из-за лесу светить.
Полно красному калинушку сушить...

(Архив, 12, 670).⁴⁸

Или записано, как помечает Короленко, «От хора студентов на Волге»:

Ах ты, ноченька, ночка темная,
Ночка темная, ночь осенняя.

Иногда записано несколько строк из середины песни, привлечших внимание писателя или искренностью и простотой выражения чувства, или необычностью ударения, например:

Не спеши, моя красавица, домой,
Дай мне, радость, побеседовать с тобой...

Ты носи, носи венок и не скидывай,
Ты меня, мой милый друг, не забывай.

Знать-то мне по той муравушке
Уже не хаживати
И (мила)⁴⁹ дружка за рученьку
Не важивати.

Миленький в отлуке,
Моя душенька в докуке...

⁴⁷ См. материалы фольклорной экспедиции Сектора народного творчества ИРЛИ АН СССР на среднюю Печору в 1955 г.

⁴⁸ Варианты песни приведены у Соболевского (т. II, стр. 240, № 291—292). Песня встречается и в других сборниках: у Киреевского (Новая серия, вып. II, кн. 1), у Прача (т. IV, стр. 279), Студитского и др. Остальные примеры берутся из этой же тетради (12, 670).

⁴⁹ Слово взято в скобки у Короленко.

Встречаются двуступишия шуточные народных песен:

На нем шуба — енот,
А избушка без ворот.

Ноет сердце и печонка,
За рекой живет девчонка...

Там же записано четверостишие, являющееся, по-видимому, детской считалкой:

На поповым на лугу
Потерял мужик дугу,
Шарил-шарил, не нашел,
Сам заплакал, вон пошел!⁵⁰

Иногда записывается только «мораль» песни:

Когда ты, мой милой,
Насмеешься надо мной,
Тебя бог накажет
Несчастною судьбой,
Несчастною судьбой —
Спесивую женой.⁵¹

Нередко запись песни сопровождается краткой характеристикой окружающей обстановки, самого поющего, реакции слушателей и становится, таким образом, как бы готовым материалом для будущего очерка или рассказа, например:

«Какой-то мастеровой идет, шатаясь, по палубе и поет:

Н-но какими чудесами
Я теперь в Москву попал!
В продолжение всей дороги
Только лес да вода...
Долго-долго я скита-лся
В белокаменной Москве,
Я без должности остался...

«— Останешься этакой, — брезгливо говорит толстуха и снимается с места...» (Архив, 9, 513).

В своих замечаниях к записанным песенным отрывкам Короленко обращает внимание на самого певца, на манеру исполнения. Иногда это краткое замечание в скобках, например:

Померла наша Маланья,
С ней скончалася любовь.
Руки к сердцу приложили (закатывает глаза),
Грудь покрыли полотном.

(Архив, 9, 513).

Иногда замечание сопровождается размышлениями писателя о песнях: «Кто-то довольно грудным голосом, но с оттенком сентиментальности поет:

Я просила тебя, умоляя:
Приди мил-лай, дорогой.

⁵⁰ Близкий к данному вариант детской песенки имеется в книге В. Шишонко «Отрывки народных песен Пермской губернии» (Пермь, 1890, стр. 300—301).

⁵¹ Полный вариант песни приводится В. Чернышовым в статье «Сведения о говорах Тверского, Клинского и Московского уездов» (Сборник ОРЯС АН, т. 75, 1904, прилож. 1, стр. 49—51).

Бледный месяц на горе сияя,
Дожидалась тибя под горой. . .

«Мне часто на Волге попадаются удивительно сентиментальные песни. У певца черты довольно грубые от природы, но вместе как бы чем-то смягченные. Мне кажется, что песня его собственного сочинения» (Архив, 9, 513).

Во время поездки на Урал он записывает один куплет песни «На серебряной реке, на золотом песочке. . .», сопровождая его замечанием: «Песню пел резкий, гортанный голос, — Ай-гайкает на концах-то, — говорит молодой казак» (Архив, 12, 670).

Все мелкие замечания, как и все песенные записи писателя, привести невозможно, да, может быть, и не нужно. Все они свидетельствуют о широком знакомстве писателя с репертуаром русской народной песни, о внимательном его отношении к мыслям и чувствам народа, выражаемым в песнях, о высокой оценке писателем эстетического воздействия песни и песенных образов.

С неменьшим интересом относится Короленко к народным преданиям и легендам. Записываются они чаще всего, по-видимому, по памяти; обычно в записную книжку заносится и весь разговор с рассказчиком, и особенности его речи. Такая запись представляет как бы сырой набросок для будущего очерка. Подобных набросков в записных книжках Короленко очень много. Иногда в таком первоначальном наброске имеются уже и элементы художественной обработки. В том случае, когда предание записывается в момент рассказа, обычно кратко передан сюжет и некоторые характерные для рассказчика выражения. Таким образом записываются разбойничьи предания, связанные с определенным местом. Короленко много слышал их во время многочисленных поездок по Волге. Таковы предания про Царев курган (Записные книжки, стр. 109 и 438), про горы Юрьевцы, на которых жил атаман Юрьеvec (стр. 126—127), про Ураков бугор (Дневник, т. III, стр. 384—385) около г. Камышина, про овраг Козьи Рожки. В качестве примера записи во время рассказа может служить последнее предание:

«Против Царева кургана, на горной стороне есть овраг Козьи Рожки. В старину здесь жил большой атаман. Имя ему неизвестно. Удалой был. Когда царь Иван Васильевич пошел на Казань, он у него колёску с железом угнал. Выехал он оттуда прямо с налету. Раз поп. . . [одно слово не разбрано]. Он его зарубил. . . А колёску с богатством сложил в пещеру. Три ступени» (Архив, 9, 491).

Предания, которые Короленко записывал уже по памяти, подвергались при этом значительной художественной обработке. Так записано предание, слышанное Короленко около «песенной» Савур-могилы, название которой упоминается во многих украинских думах:

«Теперь название Савур-могилы объясняют тем, что на ней жили два брата-разбойники: Савватей (которого переименовали на татарский лад и вышел Савур) и младший брат Тимофей; они жили на курганах и с этих могил подавали друг другу знаки-сигналы. В сумерки наш поезд отходит от станции. Я всматриваюсь в степные дали, чтобы разглядеть Савур-могилу, откуда разбойник Савватей делал знаки разбойнику Тимофею» (Архив, 9, 513). Предания о разбойнике Савве, который жил на Савур-

могиле со своей ватажкой, приводит Я. П. Новицкий.⁵² Очевидно, Короленко слышал одно из преданий этого цикла. Более подробно записано у Короленко предание о Елабужской башне (приложение [26]), интересное тем, что в нем соединяется сказочный сюжет с чертами местной (топонимической) легенды. Так же записано предание о лимане Стеньки Разина в Румынии (Дневник, т. II, стр. 161), оно кратко упоминается в очерке „Над лиманом“.

Значительное место занимают среди фольклорных записей Короленко пословицы, поговорки, присловья, характерные для той или иной местности выражения. Для записи их у Короленко имеется специальная записная книжка с названием «Из местных наречий» (Архив, 12, 670). В нее он записывал также и песни, и стихотворения, ставшие песнями. Короленко интересовался и народными поверьями, как одной из сторон народного мировоззрения, и записывал их. Например, записано поверье о том, что «с Никитина дня нечисть в лесу засыпает до вешнего Никиты» или что «летний (т. е. леший) бурлит до Ерофеева дня, бесится, рыщет по лесу, ломает деревья, не хочет спать ложиться, пока Ерофей его лесиной по башке не хватит» (12, 670) и др.

Фольклорные записи Короленко показывают, что его отношение к произведениям народного творчества с годами менялось и характер интереса к фольклору — также. Если в начале 80-х годов фольклор интересовал Короленко со стороны чисто познавательной и как материал для творческой деятельности в дальнейшем (якутские записи) — этой оценкой определялся и выбор писателем записываемых фольклорных произведений, — то впоследствии его оценка устного народного творчества становится все более разносторонней и глубокой. Писателя интересуют самые разнообразные жанры народной поэзии: исторические и бытовые народные песни, украинские песни и думы, легенды, предания, частушки, поговорки, присловья. В 90-е годы Короленко подходит уже к фольклору как к своеобразной форме выражения взглядов и мировоззрения народа в целом, как к выражению эстетических идеалов и представлений народа; он записывает произведения, заключающие протест против социального неравенства, свидетельствующие о пробуждении народного сознания. В связи с этим писателя интересуют также вопросы собирания и публикации фольклорного материала, решение этих вопросов фольклористами.

Собирательская деятельность Короленко отразилась и в творчестве писателя этих лет. Фольклорные записи Короленко, являясь интересными и ценными сами по себе, в то же время раскрывают некоторые источники художественного творчества писателя и особенности его творческого метода. В произведениях Короленко начиная со второй половины 80-х годов и особенно в 90-е годы все более широко используется фольклорно-этнографический элемент, подчеркивается огромное значение фольклора в жизни народа, встречаются художественно-эмоциональные характеристики отдельных жанров народной поэзии. В этих замечаниях выражены взгляды писателя на фольклор, и изучение их, начатое в последние годы литературоведами, является одной из не решенных еще задач в освоении наследия Короленко.

⁵² Я. П. Новицкий. Запорожские и гайдамацкие клады. Малорусские предания, поверья, рассказы, собранные на Екатеринославщине. [Без года], стр. 39.

Однако в целом надо отметить, что интерес Короленко к фольклору всегда подчинен его писательским интересам. Его научное значение меньше интересовало Короленко. Не случайно у него нет специальных теоретических высказываний по вопросам фольклора. Интересуясь всегда положением народа, уровнем его жизни, бытом и культурой, Короленко проявляет тем самым глубоко прогрессивные стороны своего мировоззрения. Именно поэтому в мрачную эпоху реакции 80-х и 900-х годов, когда от либерального любования народом реакционные круги перешли к политике «мужиконенавистничества», Короленко один из немногих продолжал показывать читателю положительные стороны народного характера, одаренность народа, дремлющие в нем могучие силы. Он писал из Америки, что «все-таки наш народ — по натуре лучший из народов и он достоин свободы».

Короленко, высоко ценя исторические жанры, как выражение художественной памяти народа о прошлом, интересуется в своей собирательской практике всем, что создает народ, отбирая из фольклорного богатства то, что ярко и полно характеризует идеологию народа в настоящем. Используя материал украинских, русских и якутских песен, якутских и русских легенд, преданий и сказок, он ярко раскрывает в своих рассказах и очерках (уральских, сибирских, румынских) национальную самобытность поэзии каждого народа.

Ниже публикуются тексты записанных Короленко песен, преданий, пословиц, поговорок, фразеологизмов. Записи взяты из архива писателя, из неопубликованных записных книжек и тетрадей или опубликованных с исключением фольклорных текстов; относятся к разным годам, располагаются в хронологическом порядке (насколько такой порядок был возможен, так как не все записи датированы); озаглавлены Короленко. Орфография и пунктуация современные. В текстах круглые скобки — Короленко, квадратные — редактора. Подстрочные примечания — редакторские; сноски автора в каждом случае оговариваются.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

[1] Р е л и г и я

Религия якутов — т[ак] наз[ываемое] шаманство. Как известно, под этим названием нельзя разуместь определенного культа, исчерпывающего все содержание религиозных воззрений данного народа. Так и в данном случае: якут верит в шамана, в его силу вызывать духов, пользоваться ими для своих целей. Но духи, с которыми шаман имеет дело, — лишь низшие духовные существа. Добрые или злые, светлые или мрачные, — не они сотворили мир, не они и управляют им. Они могут лишь вмешиваться в течение отдельной жизни, могут помогать или вредить ей; каждая болезнь есть дело особого духа, и шаман изгоняет ее заклинаниями, вызывает для борьбы с нею более сильных духов, находящихся в его власти. Но космогония народа не довольствуется этими низшими духами. Она требует более возвышенных образов, более широких представлений. И, действительно, под грубым шаманством, этой, т[ак] ск[азать], практической и прикладной частью религии, мы видим представления о божествах иного рода. К сожалению, мои сведения из этой области очень кратки; зато они почерпнуты на месте.

Старейшее (кажется, по времени только) божество есть Ар-Тойон, от союза которого с Кюбей-хотун произошел Юрюнг Анги-Тойон. Сколько я мог заметить, Ар-Тойон не пользовался особенным почетом. Его боже-

ственную славу затмил его сын, как некогда старого Хроноса Юпитер. По крайней мере, в песнях-молитвах слышится больше два имени: Юрюнг Анги-Тойон Ага-быт (т. е. Белый бог, отец наш) и Кюбей-Хотун Иння-быт (разобрать значение этих слов предоставляю специалистам. Могу только сказать, что хотун — значит жена, хозяйка, госпожа; иння-быт — значит «мать наша»). В песнях во время ысехов (возлияний — весенний праздник, когда на первый кумыс призывается божье благословение) к Анги-Тойону обращаются с просьбой:

«Белый Анги-Тойон, наш отец,
Сойди со своего седьмого неба
С Кюбей-хотун, нашей матерью,
На золотом облаке — на третье небо
И посмотри на детей твоих благословенно.

Таким образом, местопребывание Анги-Тойона — на седьмом небе. Один из стариков, дававших мне объяснения приведенной песни, говорил, что Анги-Тойону не подобает сходить на землю. Самое большее, о чем можно просить его, — это спуститься на третье небо. Но он заботится о своих детях, «посылая им свое благоволение с востока, с добрыми ветрами».

Кроме того, якуты знают еще женское божество плодородия Ыйэнь-Ыяхевет и множество служебных духов Анги-Тойона, называемых Хан-джели. В тех же песнях во время ысехов Ыйэнь-Ыяхевет упоминается в связи с добрым ростом кормовых трав; таким образом, это своего рода якутская Церера. Когда предстоит роды, то на помощь призывается Ыйэнь-Ыяхевет, для чего на коновязи ставят белого коня, а в юрте на гвозде вешают рысью¹ доху и плетку. Богиня приезжает на белом коне и разрешает родильницу.

(Архив, 3, 112).

Начало статьи этнографического характера о религии якутов. Статья озаглавлена автором, находится в записной тетради 1882—1884 годов, содержащей записи поговорок, присловий, описание якутской песни, литературно обработанные якутские предания о Манчары и Омоче, об Омоллооне (опубликованы во II томе «Сибирских очерков и рассказов», 1946). За преданием об Омоллооне следует начало статьи о религии. Короленко использовал в этой статье записи якутских песен-молитв, сделанные им во время посещения якутского весеннего праздника — ысех'а. Этот праздник описан в «Истории моего современника» (ч. 1, гл. XIX). В конце тетради записаны два якутских предания. (См. Описание, шифр 3.112, стр. 205—206).

[2] Изучение края

Материала — непочатый угол. И какого материала! Не нужно даже особенной эрудиции. Просто — грамотный человек, знающий местный язык (а здесь все говорят по-якутски), может принести громадную пользу. Злешний купец проезжает по торговым делам тысячи верст, причем в одну поездку ему приходится ехать на почтовых тройках, верхом, на оленях и на собаках. Он побывает в юртах полукошевого якута или бродячего тунгуса, в яме кочевника-юкагира, на диких берегах Учюра, куда в известные ему времена стекаются из тайги ее дикие кочевые обитатели. Чиновник, получающий командировки за тысячи верст, врач, наконец, масса интеллигентных людей, рассеянных по якутским наслегам, живущих в невольной тесноте соприкосновения с местным своеобразным населением. Какой контин-

¹ Рысь считается самым чистым зверем. «Чтобы не запачкать меха, она даже не ест иначе, как через колоду», — говорили мне якуты. (Примечание В. Г. Короленко).

гент для целой армии работников-собираателей, если не исследователей, при малейшем желании, при некоторой инициативе местной интеллигенции!..

А между тем...

Имеется у нас официально статистический комитет, издающий время от времени свои «труды». Не очень-то много трудов. Качество же их еще мизернее. Вот они передо мною. Две-три книжонки в форме памятных книжек, статистические сведения в форме таблиц. Таблицы не обработаны, цифры мало достоверны. Поразительное воздержание от самостоятельных работ. Рубрики выполнены (с грехом на три четверти) и довольно.

Впрочем, то, что имеется. — освещает, пожалуй, страну с одной стороны — со стороны ее курьезов. Минуя довольно почтенный список г. Павлинова (якутское брачное право) и Матюнина (материалы для истории Якутского казачьего полка), остановимся на материалах для медицинской истории Якутского коая.

Занимательнейшая, скажу вам, история! Судите сами.

Беру Верхоянский округ. — До 1817 года в истории местной медицины царствует мрак за отсутствием вероятия самой медицины. В этом же году по слуху открывшихся в значительной степени болезней между жителями «Зашиверского комиссарства» были устроены обществами в городе Верхоянске и в некоторых улусах больничные юрты, в коих или «постоянно или по временам пользованы были особо командированными лекарскими учениками больные, оказывавшиеся одержимыми венерическими и другими болезнями». Об успехах в борьбе этих особо командированных лекарских учеников с болезнями сведений не имеется, только... к 1840-му году от больничных юрт остались печальные остовы, занесенные снегом. В 1839 году инородцы Верхоянского улуса строят больничную юрту добровольно, но так как содержание ее предполагалось от Иркутского приказа Общественного Призрения, то... между Иркутском и Якутском с одной стороны — расстояние 2819 верст; Якутском и Верхоянском с другой — 800 верст, и обратно завязывается переписка: необходимо ли, почему... [На этом рукопись обрывается].

(Архив, 8, 462).

Начало статьи написано на листках из записной книжки сибирского периода (1881—1882). Статья озаглавлена автором; написана карандашом. (См. Описание, шифр 8.462, стр. 173).

[3] О происхождении 2-го Чагырского наслега

В Чагырском наслеге жили два брата. Старший был женат, а младший холост. Младший слюбился с женой своего старшего брата и решил ее увести. Он посадил ее сзади себя на коня, и они поехали. Старший брат пустился в погоню. Любовники приехали к протоке, что под утесом, около нынешней слободы Амги, и младший брат, разогнав коня, перескочил через протоку. Тогда старший стал стрелять из лука. Пустил три стрелы, но все мимо. Тогда он благословил беглецов и сказал: «Я вижу, что так суждено, чтобы ты увез мою жену; поэтому я не буду тебя преследовать, ни тебя, ни твое потомство; живите счастливо». И он вернулся, а младший поехал дальше и поселился на месте, где теперь другой Чагырский наслег. Он стал родоначальником одноименного, но более многочисленного наслега, чем наслег его старшего брата.

(Архив, 3, 112).

Запись предания сделана в записной тетради 1882—1884 годов. (См. примечание к приложению [1]). Короленко рассказывает об этом предании в «Истории моего современника» (ч. 4, гл. XIX).

40
Obstina
Obstine Alterne
de cate-ar priuile
de crearea- judiciale
sa fie ca pericula
sa-ma tunc potabile
sa-ma auzi mi-ndre
mîndrele din Coleb
Cari-mi-a fost mîndre
m-a facut mara
m-a crescut

40
76
m-o legavit
mafocui mai mare
Parca m-a luat cu se
Am-a armat in pofme
si m-a pus sa dau tîndre
Ca si amor pe anca
Ciaa nu sunt peati
x x Cu no-i
Ata- iorog am, smat
la un colp, pur de gaur
Fata- masha am t amata
Dei Copii mi-a degarat
Cere de Zeyci Cunta
Bata-mi. Cincea in
Bata-

41
78
de Tulpini sus pe
me
Cinta- desmunt
unde) Paur no vine
Fui pe de mînta
Ata- năne

[4] Як[утские] зам[етки]
Импровизация]

I. Я вижу твою бороду, которая напоминает мне хвост глухаря, а твои кудри (волосы) похожи на перья спинные тетерева. На тебе расшитая рубаха, но мне приятнее было бы видеть тебя во всей простоте. [Одно слово не разобрано].

II. Из той страны, где едят лишь соленую рыбу и где вовсе нет молока, тебя услали за то, что ты не мог справиться повинности, к самому устью реки. У тебя нет ни усов, ни бороды, и волосы ты носишь вверх, но любишь смотреть в зеркало; из этого видно, что ты большой любитель того молочного озера, которое находится между...

III. У него есть красный галстук, и он носит жидкую бороду. Я жила в юрте за печко[й] и такого человека, как ты, встречаю в первый раз. В первый раз встречаю я человека, который дает мне чай в чашках, а водку со всей бутылкой...

IV. У него хорошие кудри и хорошие глаза, он румяный, и кости его сбиты крепко. Я его люблю всем сердцем, но он не обращает на меня внимания. Когда он едет на паре коней, я взлезаю на кучу привезенных им дров и кричу ему, но он едет мимо и не обращает на меня внимания.

(Архив, 4, 147).

Запись якутских песен-импровизаций сделана в записной тетради 1880—1884 годов. Там же — первоначальные наброски рассказа «Сон Макара», различные выписки, наброски к очерку «Яшка». (См. Описание, шифр 4147, стр. 204—205).

[5] Рекрутская песня

Вы, сыны мои, вы родимые,
Вы ступайте-ко во зеленый сад,
Уж вы срежьте там по пруту себе,
По пруту себе, все по разному.
Уж как старший сын — прут малиновый,
А середний сын — прут калиновый,
А уж младший сын — прут осиновый.
Выходите все к быстрой реченьке,
Вы пускайте там свои жеребья.
Прут малиновый, как сокол летит,
Прут калиновый, как струя бежит,
Прут осиновый, как ключом кипит.
Исполать тебе, прут малиновый,
Что ты выручил мою долюшку.
Исполать тебе, прут калиновый,
Что ты выручил мою долюшку.
Будь ты проклят, прут осиновый!
Загубил ты мою долюшку,
Э-эх! в чужедальную сторонущу!...

(Тверская губерния)

(Архив, 3, 115).

Песня написана на листке из записной книжки. На той же странице выписка из книги Г. Майера «Законосообразности в общественной жизни». На обороте листа — отрывок из рассказа «В дурном обществе». (См. Описание, шифр 3.115, стр. 174—175).

[6]

Солдатское жалов[анье]

(Мамаев в Уральске, в пряничной лавке).

Ты гулянье мое, гуляньице,
 Довело меня гуляньице до худова ремесла.
 Во гулянье своей волей
 Распрогневал мать-отца...
 Не от того ли я, молодец, удалялся,
 Во солдатушки пошел?
 . . . . .
 Во неполных полках
 Служба царская тяжела,
 Казна солдатушкам выдана
 . . . . .
 По три денежки полушка в сутки.
 Еще выданы солдатушкам
 По три лозы (в спину).
 Перву лозу в спину вложу —
 Вставать по утру весело.
 Другу лозу в спину вложу —
 Наряжаться хорошо.
 Третью лозу в спину вложу:
 Во поход идти...

(Тв. Усть Урень)

(Архив, 11, 618).

Песня записана между выписками о Пугачеве и Игнате Некрасове. Там же — записи других песен и выписки из собрания И. Железнова, из сборника уральских казачьих песен Мякутина, из бумаг Уральского войскового архива. (См. Описание, шифр 11.618, стр. 161).

[7]

Тук-тук-тук,
 Страннички идут!
 Горе-горькое на плечах (в котомочках) несут...
 Горе-горькое на плечах несут.
 Где бросят горе-горькое,
 Кому его отдадут...
 Тук-тук-тук,
 Страннички идут,
 Дождичком вымочит,
 Ветром обдует,
 Некуда головушку приклонить.

(Архив, 9, 489).

Песня записана карандашом на отдельном листке. На обороте листка — выписка из архивных дел XVIII века. (См. Описание, шифр 9.480, стр. 175).

[8]

Хороша наша деревня, только улица грязна,
 Хороши наши ребята, только славушка худа.
 Что худа-худа-худа, не годится никуда.
 Это правда, это правда, это правда все была.
 Уж как рыбушку ловили по крутым мы берегам,
 По крутым по бережкам, по амбарам, по клетям.
 Как у дядюшки Петра мы поймали осетра,
 Сивогривую кобылу да гнедого жеребца.
 Это правда...

(Архив, 12, 670).

Отрывок песни находится среди других записей русских песен в записной книжке, озаглавленной «Из местных наречий». Без даты. В книжке содержатся записи слов, фразеологических оборотов, поверий, поговорок, пословиц, выписки из книг, газетные вырезки. (См. Описание, шифр 12.670, стр. 200—201).

[9]

Ты воспой, воспой, млад жавороночек,
 Сидючи весной на проталинке.
 Ты подай голос через темный лес,
 Через темный лес к отцу с матерью.
 Отец с матерью отказалися!
 Стал письмо писать красной девушке:
 Красна девушка, выручай меня,
 Выручай меня из такой беды,
 Из такой беды, из крепкой тюрьмы!
 Я не год сижу, я не два сижу,
 Заключен в стенах ровно десять лет.

В записной книжке имеется запев этой песни, несколько отличающийся от приведенного выше:

Ты воспой, воспой, вольна пташечка,
 Вольна пташечка, млад жавороночек,
 Ты подай голос через темный лес,
 Через темный лес, в Москву каменну,
 В Москву каменну, крепость крепкую.

(Архив, 12, 670).

[10]

Погиб я мальчишка, погиб навсегда,
 А годы за годом проходят года.
 В одной деревушке грабеж совершил,
 В другой деревушке старуху убил.
 Погиб я мальчишка, и т. д.
 Отца я зарезал, я мать задушил
 И в море родную сестру утопил.
 Погиб я...

(Архив, 12, 670. См. примечание к приложению [8]).

[11]

Когда я был свободный мальчик,
 Не знал я горя и нужды,
 Родные все меня любили,
 Когда я рос в кругу семьи.
 Но баловство меня сгубило,
 Я сбился с правильной пути.
 Я был знаком с центральным замком,
 В котором три года сидел
 . . . . .
 Сижу вечернею порою,
 Лампада тусклая горит,
 А за железною решеткой
 У чисавово штык блестит.

Песня записана в нижегородской тетради на первой странице. Тетрадь хранится в Доме-музее им. Короленко в Полтаве; без шифра.

[12]

Среди уральских записей Короленко сохранилась другая тюремная песня, до сих пор бытующая на средней Печоре (см. материалы фольклорной экспедиции Сектора народного творчества ИРЛИ АН СССР на среднюю Печору в 1955 г.).

Я вас любил — счастливый был,
 От вас отстал, несчастен стал,
 Несчастен стал — в тюрьму попал.
 В тюрьме сижу, в окно гляжу,
 Я не пивши сижу, я не евши гляжу.
 Я не евши гляжу, на уме держу:
 Не пройдет ли моя сударушка,
 Не скажет ли словечко.

(Архив, 12, 670).

Песня находится в записной книжке «Из местных наречий». (См. примечание к приложению [8]).

[13]

Oltule, Oltezule,
 Secate-ar părâele,
 Să crească dudaele,
 Să tre ca picioarele,
 Să-mi sune potcovele,
 Să-mă auzi mîndrele,
 Mîndrele din Calafat,
 Core mi-a fost mie drag.

Олт, Олт,¹ батюшка,
 Да засохнут твои притоки
 И вырастут бурьяны,²
 Чтобы могла я проехать,
 Чтобы звенели подковы,
 Чтобы меня услышал милый,
 Милый из Калафата,³
 Который был мне так люб.

¹ Олт — река в Валахии, давшая название ее равнинной части (Олтения), приток Дуная.

² Ср. в тексте, записанном В. Александри: Poezii populare ale Romînilor, alcătuită de V. Alecsandri (в кн.: Poezii populare. Ed. tineretului, Bucureşti, 1953, p. 90).

³ Калафат — город на Дунае.

[14]

M-a făcut maica băiat,
M-a crescut, m-a legănat,
M-a făcut mai măricele
Taica m-a luat cu el
Și m-a armat cu pistoale
Și m-a pus să dau tiroale
Că șa omor pe ciocoi
Căia nu sunt frați cu noi.

Astă iarna am iernat
La un colțișor de gard
Toată noaptea — am tremurat,
Trei copii mi-a degerat
Cerga de zapciu luată
Bată mi-l crucea să bată.

Că la ce maica m-a făcut,
De ce nu m-a strîns de gît,
Cînd ieram copil maimic?
Printre Jiu, printre Oltet,
Răsarit-a un nuculet
Nucu-i mare, frunză-i rară
S'a strîns toț cucii din tară
Si cîntă de se omoară.
La tulpină sus pe nuc
Cîntia dușmanul de cuc
Unde' l aud mă usuc
Îmi perde mintea stau năluc.

Родила меня мать мальчиком,
Растила меня, баюкала.
И как стал я побольше,
Взял меня с собой отец,
Вооружил меня пистолетом
И заставил меня стрелять
И убивать чокоев,¹
Потому что они нам не братья.

Эту зиму я зимовал
В уголке под забором.
Все ночи я дрожал.
Трое детей у меня замерзли.
Одеяло взято сборщиком податей
(Накажи его бог!).²

И зачем мать меня родила,
Почему она меня не задушила,
Когда я был маленьким?
Между Жиу,³ между Олтецом⁴
Появился, вырос орех,⁵
Большой орех с редкой листвой.
И собрались все кукушки страны
И поют изо всех сил.
На верхушке ореха
Поет враг — кукушка.
Где только я ее слышу, я сохну,
Теряю голову и стою окаменевший.

(Редакция, перевод и примечания
Е. И. Сливаковского).

[15]

Веет, веет, веет,
Кольшется трава.
Нейдет ко мне мой милый
Пойду к нему сама.
Прихожу я в спальню,
Что вижу пер[ед] собой,
Стоит он на коленях,
Клянется перед другой.
Восемь часов пробило,
Наборщицы идутъ,
Маруся отравилась,

В больницу ее везуть.
Привезли ее в б[ольшую],
Положили на кровать.
Доктор и сестрица
Начали ее спасать.
Спас[айте] ради бога,
Спасайте вы меня,
Спасете ненадолго,
Жизнь мне не мила.
Чего она отравилась —
Никто не может знать.

¹ Чокоей (ciocoi — рум.) — мироед, эксплуататор, живодер, барский слуга, кулак. Это прозвище давали в народе также арендаторам и сборщикам налогов.

² Этот текст является, вероятно, одним из вариантов начала распространенной народной песни «Astă vară am iernat» (или «Astă văra am vărat»). См.: Poezii populare. Ed. tineretului, București, 1953, p. 89; см. также: Antologie de literatură populară, vol. I. Ed. Academiei, RPR, București, 1953, p. 73.

³ Жиу — река в Западной Валахии, приток Дуная.

⁴ Олтец — западный приток Олтэ.

⁵ Ореховое дерево.

В мальчика влюбилась,
Хотела ему доказать.
Я царством не владею,
Корону не ношу,

Одну любовь имею,
И ту [одно слово неразборчиво]
отдаю,
Дайте по...

(Архив, 9, 518).

Песня записана между набросками и материалами к очеркам «Нирвана», «Наши на Дунае», в румынской записной книжке. (См. Описание, шифр 9.518, стр. 198).

[16] Горничные в Петербурге

Я услышал, в высоте
Колокол раздался.
Не с моей ли с мильной
Другой повенчался?
Сел на ворона коня
И туда помчался.
Я к ограде подошел,
Конь остановился.
Открываю в церковь дверь,
Там народ толпою;

Вижу: милую мою
Водят вокруг налюю.
Ах ты, милая моя,
Зачем изменила?
Зачем добра молодца
Навек погубила?
Тут-то милая моя
На меня взглянула...
Горьки слезы пролила
И рукам склеснула.

(Архив, 12, 670).

Песня находится в записной книжке «Из местных наречий». (См. примечание к приложению [8]).

[17]

Одна була волысына,
И ту гнида откусыла.
Не плачь, стара Морозиха,
Не плачь, [не] журыся,
Пиды з нам[и], каз[аками],
Х . . . . .
Ой, з-за горы, из-за кручи
Да войско виступае,
Попереду Морозенько
На сывому кони выгравае.
То ж татар велька сыла
Казач[еньков] обступае.
. . . . .
Воны його поставили
На Савур-могылу...
Дывысь тепер
На сво[ю] Вкраину...
Тай пригад[ай], маты, сырот

Ой Вкраїно, ой Вкраїну,
Наша рідна маты,
Доки будешь [паты]?
Ащ шеї докі воны будут
Стены розбыраты,
Докі будут вороженьки
Тебе катувати?
Не загине Украина,
Жыва правда в боге.
Выведомо тебе з ней
На чысту дорогу.
. . . . .
Як . . . . .
И покы над грішным мыром
Світыть солнце буде,
Сіі думы спи[ваты]
Не забудут люд[и].

(Архив, 10, 566).

Запись думы вместе с другими отрывочными записями украинских песен сделана на отдельных листках, карандашом; многие слова не дописаны. (См. Описание, шифр 10.566, стр. 175).

[18]

. . . . .
 А мене одна любила,
 Приятельство поручил[а],
 Тепер у вічі[р] сказав[а],
 Що я тебе не кохала.
 А Явдошка рада буде,
 Горилочки роздобуде.
 — Хочу тобі зятем стати,
 А до тебе вітти в хату.
 — от же брешеш, с... сыну,

Завезеш мою дытыну,
 Нічого собі не дбієшь,
 Що заробыш — пропыває.
 — Ой ты, маты, бійся бога!
 Смерть твоя коло порога
 В мене... [Запись обрывается].

Его швец закопав,
 По потыльце узнав.

(Архив, 10, 566)

Песня записана на отдельном листке, карандашом. (См. выше примечание к приложению [17]). Наиболее полный вариант этой песни см. у П. П. Чубинского (Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Материалы и исследования, т. V, стр. 232—233).

[19]

Ой, скажи, Пашко,
 Ой, скажи, Комашко,
 Чого же твоему
 Серденьтку тяжко?
 Ой, милый мий муже,
 Да не ба — байдуже.
 Оі нема немає
 Козака Івана.
 Та пылом прыпала
 Та жовтая лава.
 Оі нема немає
 Козака Петруши —
 Пылом прыпалы
 Били подушк[и].
 Оі нема немає
 Того, що хочеться,
 Десь воно поділ[ось],
 По вульцям волочытся.
 Хочь и волочытся,
 Та у сермячик[у],
 А мені хотелось,
 Щоб у сертучик[у];
 Щоб у сертучик[у],

Щобы штані сыні,
 Щобы штані сыні,
 Щобы шарх на шыі,
 Щоб у картузочку,
 Брові на шнурочку,
 Сорочечка біла,
 Сам парень до діла;
 Щоб булы и боты
 Німецькой роботы,
 Щоб дратвою шыты,
 Щоб дротом подбыті.
 Не дайся, не дайся
 Шевцеві у руки,
 А далася в руки —
 Набересся муки:
 Бо шылом уколе,
 Дратвою звяже,
 А як спаты ляже,
 Таі правды не скаже.

Єн идеть, єн идет[ь],
 Єн гитарочку несет[ь],
 Во гитарочку поигрываеть...

(Архив, 19, 1242).

Песня записана среди других песен на русском и украинском языках. Записи сделаны на листках, соединенных в небольшую тетрадь с надписью на первом листе: «Песни в современной деревне»; относятся к разным годам. (См. Описание, шифр 19.1242, стр. 175).

[20]

Сыдыть кобзарь на могыле,
 На бандуре грае,
 Бараб[аш], Бараб[аш]

Душу погубляе.
 Проклят[ый?]
 Діті несчастлих

На вік сиротив,
 Як то и горько
 Та як то и тяжко
 Та на світі жыть.
 Ты закарав и всіх п[огубив].
 Сам свою голову полож[ив],
 От теперь мы всі запал[и],

Бо у нас де правды мало,
 Ой теперь как жыты буде,
 Як теперь нам воно буде
 Правительство ва...
 На що ты нас погубляе,
 Дитеі наших осирочае (Що нам
 смерти прибывае).

(Архив, 10, 566. См. примечание к приложению [17]).

[21]

Задумал наш Трепов царя удивить,
 Пулей, нагайкой народ усмирить.
 Россия, Россия, жаль мне тебя,
 Горькая, бедная участь твоя.
 Идите, казаки, по всем городам,
 Бейте, рубите, награду вам дам.
 Россия, Р[оссия], ж[аль мне тебя],
 Не надо бояться опричников зря.
 Едет казак на рыжем коне,
 Ружье за плечами, нагайка в руке.
 Россия, Р[оссия]... [Запись обрывается].

(Архив, 19, 1242).

Песня записана в тетраоди с надписью «Песни в современной деревне». (См. примечание к приложению [19]).

[22]

А-ай, черненькая,
 Чернобровенькая!
 Как она меня, черненька, повысушила,
 А-ай ну-хайну! Ай ну-хайну!
 Повысушила, позастаривала,
 Без морозу без лютого
 Сердце вызнобила!
 Ай-ну, хай-ну
 Про Ерему, — про Фому,
 А еще-то трихану
 Про Еремину жану... (от Машкова).

(Архив, 12, 670. См. примечание к приложению [8]).

[23]

Ветер не прядет
 И узоры не плетет,
 Только песенки поет,
 Поскакивает, поплясывает.
 Чивири-вири-вири
 За собою повели...

(Архив, 12, 670. См. примечание к приложению [8]).

[24]

Все люди живут, как цветы цветут,
 Моя голова вянет, как трава.
 Куда ни пойду — в беду попаду,
 С кем совет сведу, ни в ком правды нет.
 Брошу я мир, пойду в монастырь,
 Я там буду жить, монахом служить.

(Архив, 12, 670. См. примечание
к приложению [8]).

[25]

Ты гуляй, милой дружок,
 Пьян не напивайся...
 Милый пьяненькой напился,
 С постели свалился.
 . . . . .
 . . . . .
 Служаночка побежала,
 Правды не сказала.
 Была кошечка блудлива,
 Чашечку разбила.

(Архив, 12, 670. См. примечание
к приложению [8]).

[26] Е л а б у ж с к а я б а ш н я

В Елабуге, на крутом обрыве глинистой береговой горы, висит, касаясь одним краем самого обреза кручи, — старинная башня, старая, некрасивая и странная. Ее одинокое и необъяснимое, по-видимому, присутствие над рекой, вдали от каких бы то ни было строений, поражает зрителя, рождая невольные вопросы.

— Что это за башня? — спрашиваю я у старика, бывалого чистопольца, хорошо знающего окрестности.

— А это, — говорит он, слегка запинаясь, — не знаю, как сказать... Люди говорят — нечистый строил.

— Вот те раз! Зачем же нечистому башня понадобилась?

— Конечно, кто знает. А видите: опять говорят, ехал духовной¹ по реке, и захотелось ему пить. Он сделал себе прорубку и давай пить смаху, нападком (не перекрестясь). А нечистая сила его за бороду хватъ. И говорит оттуда, значит, из воды: скажи нам, что ты в дому не знаешь.

— Что, мол, я в дому не знаю. Кажись, все знаю... Ну, ладно, — пусть ваше будет, чего в дому не знаю.

А у него жена-то на сносях была, да в одночасье и родила дочку. Выросла дочка до возрасту, нечистый приходит: давай! А духовной говорит: — Я не отрекаюсь, да ты прежде сострой из камня, что под горой, на самой горе башню, я тебе в ней и отдам.

Нечистый согласился: нам, мол, это ничего не стоит, пустяки.

Вот начала нечистая сила башню строить, а дочка-то умная была. Взяла с собой петуха и приди на берег. Видит: нечи-

¹ Священник, поп.

стые камни таскают, башню кладут. К полуночи уж под крышу подвели. Она после полночи петуха и разбуди. Как стрепенется петя, как крикнет три раза... Нечистые с горы да в воду... Так вот и дочка осталась у попа, и башня на берегу стоит. Сказывают старые люди, а впрочем, мы не можем этого знать.

Живи на Белой, ничего не делай (поговорка, записанная на Каме перед Чистополем).

(Архив, 9, 483).

Предание о Елабужской башне записано в книжке 1891—1892 годов. Там же — рисунки к пугачевщине, черновые наброски к очеркам «В голодный год». (См. Описание, шифр 9.483, стр. 195—196).

[27] Вятское наречие [терминология Короленко]

Батькин бог на сына работник.
Наш брат, что лес неупрятанной... Дубы-во!
Сила-то есть, да и бурелому не оберешься!
Хлеба неприедно.
Чё-ко-ся ем бы я (что-нибудь съел бы).

[28] Нижегородская губерния

Не грело, не горело, да вдруг и осветило.
В монастырях грех со спасеньем соседи.
Молоденькой умок, что весенний ледок.
Живу, что божедом во скудельнице.
Божьей волей свет стоит, человек живет уменьем.
Ни конной езды, ни ходу пешего.

Страны света по-нижегородски

Север — сивер.
Северо-восток — полуночник.
Восток — восток.
Юго-восток — обедник.
Юг — полдень.
Запад — закат.
Северо-запад — осенник.

[29] Волжское наречие

Руль на кон — ни вправо, ни влево, спокойно.
Казенка — каюта водолива.
Становой якорь — самый большой, которым ставят баржу на стоянку.
Когда пьяный шатается — «парусит его».
Губа — толстое бревно, рукоятка для руля.

[30] Уральск

Яик в трубе (не разлился).
Нет ярика, нет марика, где бы казачьи косточки не белелися.
Из грязи сделаем князя, нынче князь, завтра грязь.

Знай край, да не падай.
 Мне что не поп, то батька.
 Кто палку взял, тот дядька (Мамаев).¹
 Терпят великую изневагу.

[31] Сибирское наречие

Поселенец, что младенец —
 На что взглянет, то и тянет.
 Чуть какая неминя...

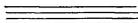
[32]

Отдельно записаны 26 поговорок и пословиц без указания места, где записаны. Среди них есть приведенные под названием «Нижегородская губерния» и следующие:

1. Повадился к вечерне, все равно, что в харчевню.
2. Сегодня свеча, завтра свеча, глядишь-ан, и шуба с плеча.
3. Артели душой не владати.
4. Снаружи-те «блажен муж», а внутри — «вскую шаташесь».
5. Новую дежу на старых дрожжах завести — то же, что лить вино новое в меха старые.
6. Линь по дну ходит — воды не замутит.
7. Сдуру, как с дубу...
8. В людях живал, топором ногу обувал, топорщиком подпоясывался.
9. Ходит дрема по селам, сон по деревням.
10. Где новизна, там и кривизна.
11. Из вора скроен, из плута шит, мошенником подбит.
12. Шалишь-мамонишь, концы хоронишь.
13. Что бондарь долбил, поп кадилом деньгу добывают.
14. С умом и серёгу носить,
 Без ума — и ее потерять.
15. Да... так вот... хоть в бутылку лезь да закупоривайся.
16. Сродни: как тыну плетень.
17. Да я разве пьяница? Видишь, на своих хожу. Тот пьяница, кого двое ведут, а третий ноги переставляет.
18. Мы к обедне — уж отпели,
 Мы к обеду — уж отъели,
 Мы в кабак — только так!

(Архив, 12, 670)

27—32. Записи сделаны в книжке под названием «Из местных наречий». (См. примечание к приложению [8]).

¹ Фамилия в скобках написана Короленко; видимо, это фамилия лица, от которого Короленко слышал поговорку.

В. С. БАХТИН

ДОПОЛНЕНИЕ К СБОРНИКУ А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГА

(БЫЛИНЫ И. А. КАСЬЯНОВА)

Те несколько месяцев, которые А. Ф. Гильфердинг провел в Олонецкой губернии и в работе над «Онежскими былинами», навсегда поставили его имя в ряд самых выдающихся деятелей русской культуры. В июне 1956 года отмечалось 125 лет со дня рождения ученого, в 1958 году исполняется 85-летие выхода в свет первого издания его книги. Между тем, за последние годы в изучении наследия Гильфердинга не сделано сколько-нибудь заметных успехов, хотя именно теперь, когда началась подготовка к изданию «Свода русского фольклора», разработка историко-фольклористических проблем становится особенно актуальной.

В настоящей заметке речь пойдет об одном из частных вопросов, связанных с составом сборника «Онежские былины».

Как известно, первое издание записей А. Ф. Гильфердинга, подготовленное в основном самим собирателем, содержало 318 текстов. Позднее, во втором издании, количество текстов было увеличено до 322 за счет добавления былин сказителя Гусева из Петербургской губернии. В третьем и четвертом (советских) изданиях это дополнение К. Н. Бестужева-Рюмина принято. И действительно, хронологически и географически близкие, тексты Гусева вполне естественно соседствуют с записями из Олонецкой губернии.

С еще большим основанием, на наш взгляд, должен быть включен в состав сборника и ряд былин космозерского крестьянина И. А. Касьянова.

Иван Аникиевич Касьянов дважды встречался с А. Ф. Гильфердингом: первый раз — в Чолмужах, на месте записи, и второй раз — в Петербурге, куда Касьянов приехал осенью того же 1871 года. В Чолмужах было записано 5 текстов, в Петербурге — 2.

В заметке, предвещающей былины Касьянова, Гильфердинг между прочим пишет: «... в Чолмужах Касьянов не мог припомнить былины о Вольге, но упоминал, что ее отлично знает и хорошо поет его сосед, раскольничий наставник Иуда Егоров. Впоследствии, прибыв в Петербург по поручению единоверческого общества для сбора на церковь, он уже перел эту былинку со слов Егорова».¹

«Вольга» Касьянова наряду со знаменитым рябининским вариантом считается наиболее полным и художественным.

Однако факт, сообщенный Гильфердингом, здесь важен прежде всего как показатель большого интереса крестьянина к работе собирателя и сознательного желания помочь ему.

¹ А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. II. Изд. 4-е, М.—Л., 1950, стр. 536.

Касьянов был одним из немногих грамотных сказителей. Уже давно известно, что в Архиве Географического общества хранится рукопись, содержащая его собственные записи (см., например: А. М. Астахова. Былины Севера, т. I, М.—Л., 1938, стр. 42). Часть из них (4 текста) даже опубликована в сводном сборнике Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера «Былины старой и новой записи» (М., 1894). По-видимому, с того времени и повелось считать, что Тихонравов и Миллер исчерпали материалы Касьянова. Однако это не соответствует действительности.

Сама рукопись состоит из шести больших несшитых тетрадей, исписанных одним и тем же почерком и одними чернилами. Нет никакого сомнения, что все записи в тетрадях (за исключением двух-трех случаев, о чем ниже) сделаны лично Касьяновым, к тому же в конце многих текстов имеется характерная подпись самого сказителя.²

Порядок расположения тетрадей не отражает последовательности работы Касьянова — они неоднократно переключивались, о чем свидетельствует несколько вариантов архивной пагинации.

В первой тетради находится краткое экономическое описание Кижской волости, чертежи рыболовных снарядов, лингвистические и некоторые другие материалы (на них, между прочим, уже в 1873 году ссылался Л. Н. Майков, — см.: Записки РГО по отделению этнографии, т. III, стр. 517). Во второй тетради помещены записи 10 былин и исторических песен и духовный стих о книге Голубиной. В третьей тетради имеются духовные стихи и сатирическая сказка об упрямой жене, записанная в ритмической форме, приближающейся к былинной. Былинно-песенный, а не сказочный характер имеет и зачин:

Не дай бог никому капризную жену.
Как одна из жен на мужа рассердилась...

В большом количестве встречается здесь и глагольная рифма, столь характерная для виршевой поэзии:

А муж ее-то все молчал, за это она взбесилась,
Кричала, плакала, бранилась...

Или:

Кума должна гораздо ниже быть,
А вверх воды не может плыть.
Говорит муж ее:
— Покойница все напротив поступала,
Никому на свете не уважала.

и т. д.

Касьянов был хорошим знатоком древней русской литературы. И это знание безусловно сказалось на тексте «Упрямой жены».

Четвертая тетрадь заключает в себе описание свадебных обрядов и свадебные причитания. Они опубликованы под заглавием «Свадебные обычаи и песни в Толвуйской волости» в «Записках» РГО по отделению этнографии (т. III, 1873, стр. 610—628). Пятая тетрадь — лечебник. Шестая содержит заговоры.

Касьянов, таким образом, встает перед нами как крупный собиратель народного творчества.

² Свою фамилию он писал — «Кастьянов», т. е. не так, как Гильфердинг и другие ученые.

Нет никакого сомнения, что тексты былин Касьянов записывал от самого себя: позднее он неоднократно исполнял их публично. Если же он усваивал произведения чужого репертуара, как было с «Вольгой», то он сначала перенимал их с голоса, устно, а затем уже воспринятую таким естественным путем былинку он мог перенести и на бумагу.

Что касается духовных стихов и свадебных причитаний, то они записаны Касьяновым от других крестьян, по-видимому, в его представлении, лучших знатоков данного жанра. Так, текст духовного стиха «О страшном суде» имеет пометку: «Изо слов слепца Петра Кирилова Дьячкова, 60 лет. Трех годов ослеп. Каргопольского уезда [нрзб.] волости деревни Шелны».

Утренний причет, когда «невеста встает», записан от Настасьи Фокиной, вдовы, жительницы Космозерского погоста. Последняя приписка сделана рукой грамотного человека.

На первом листе рукописи Касьянова имеется карандашная пометка: «Сообщено П. А. Гильтебрандтом», а ведь именно Гильтебрандт помогал Гильфердингу в подготовке текстов и продолжил печатание книги после неожиданной смерти собирателя.

На основании этого можно сделать вывод: рукопись предназначалась в качестве дополнения к изданию и была в руках самого Гильфердинга.³

Высказанное предположение подтверждается спешностью работы Касьянова: 24 ноября 1871 года помечена последняя петербургская запись Гильфердинга, а 20 февраля 1872 года — дата, поставленная на одном из листов самим сказителем.

По сообщениям газет удалось установить, что в конце апреля 1872 года Касьянов был в Москве. Значит, он либо вручил свои записи лично Гильфердингу, либо послал их раньше, а затем дополнял устно, в промежуток между февралем и апрелем 1872 года, когда он направлялся из Космозера в Москву.

Первое, что бросается в глаза при сопоставлении текстов Касьянова в «Онежских былинах» и его собственноручных записей былин, — это отсутствие совпадений сюжетов.

У Гильфердинга помещены: «Вольга», «Добрыня и змей», «Михайло Потык», «Дюк», «Взятие Казани», «Земский собор», «Молодец и королева». В рукописи: «Василий Игнатьевич и Батыга»,⁴ «А церковное пение в Москве-городе» (местный шуточный распев), «Иван Гординович», «Илья Муромец и Калин царь», «Король литовский Чолпан», «Василий Буславич», «Царь Иван Васильевич» («Кострюк»), «Об убиении Федора царевича», «Птицы и звери», «Аставерт Гординович и Настасья Никулична» (более полный вариант), «Книга голубиная» и другие духовные стихи.

Этот факт отсутствия совпадений, конечно, нельзя считать случайным. Ясно, что рукопись и задумана как дополнение к прежним записям Гильфердинга.

Остается непонятным, почему Гильфердинг или Гильтебрандт не использовали 10 текстов Касьянова. Может быть, потому что Касьянов все-таки запоздал и издатель не захотел нарушать цельность книги? Трудно пред-

³ Рукопись, как мы видели, имеет сложный состав, и ясно, что она создавалась по частям. По-видимому, эти части сначала существовали раздельно. Во всяком случае, разные тетради имеют регистрационные штампы архива различного цвета. В таком случае можно считать, что Гильфердингу предназначались одни былины, а остальные материалы были собраны Касьяновым по просьбе других ученых.

⁴ Жирным шрифтом выделены тексты, напечатанные в «Былинах старой и новой записи».

положить, хотя и это возможно, что ученого отпугнул неказистый вид рукописи — записи в строчку, часто очень неразборчивые, малограмотные.

Д. К. Зеленин также, очевидно, счел тексты Касьянова малоинтересными и, не дав никаких пояснений, прямо указал: «Записи безграмотные».⁵

Между тем тексты космозерского собирателя полны, точны и доброкачественны во всех отношениях, что показывают и публикации Тихонравова и Миллера и наш собственный анализ. По рукописи видно, что Касьянов проверял свои записи, дополнял, вставляя пропущенные слова, которые необходимы не столько с точки зрения смысла, сколько с точки зрения ритма. Значит, он проверял тексты голосом. Сказанное можно подтвердить такой деталью. В рукописи имеется местная былинная заповка:

А церковное пение в Москве-городе,
А славный звон в Нове-городе,
Сладкие напитки в Петербурге-городе,
Тертые калачики Валдайские.
и т. д.

Случайно (на разных страницах) она записана два раза, причем вторая запись, по-видимому, сделана детской рукой — может быть, сыном сказителя, под его диктовку, поскольку по содержанию оба текста совершенно идентичны. Разница только в том, что в записи Касьянова в третьей строчке имеется начальное «а» — «А сладкие напитки...»; слово «Петербург» написано как «[Петербург]»; заключительная строка у неизвестного лица выглядит так: «А вот Дуна[й], Дунай, болше петь болше не знаю», а у Касьянова — «А вот Дунай, Дунай,⁶ боле петь боле⁶ не знай».

Как видим, именно недостаточная грамотность крестьянина в ряде случаев обеспечила весьма точную, частью даже фонетическую передачу текста.

Наконец, имеется еще одна возможность проверить доброкачественность касьяновских записей, если от этого зависит решение вопроса о включении их в сборник А. Ф. Гильфердинга.

В 1886 году, т. е. через 15 лет после Гильфердинга, Касьянова посетили Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш и произвели от него повторную запись. До известной степени и эти собиратели преследовали ту же цель, что и сам Касьянов в 1872 году, — дополнить коллекцию Гильфердинга.

В набросках к докладу «О рукописных находках в Архангельской и Олонецкой губерниях летом 1886 года», который Ф. М. Истомин прочел на заседании отделения этнографии 18 ноября 1886 года, говорится: «Сверх 7 былин, напечатанных А. Ф. Гильфердингом, мне удалось записать от него (Касьянова, — В. Б.) еще 4 былины».⁷

Опубликовано же всего 6 записей Истомина от Касьянова: «Птицы и звери», «Книга голубиная», «Земский собор», «Кострюк», «Иван Годенович», «Наезд литовцев».⁸

Как видим, «Земский собор», имеющийся в сборнике Гильфердинга, Истомин вообще не считает (так же как и «Голубиную книгу», не являющуюся былинной).

Сопоставление собственных записей Касьянова с текстами Истомина и Дютша, которые, как известно, записывали не только слова, но и мело-

⁵ Д. К. Зеленин. Описание рукописей Ученого архива РГО, в. II. П., 1915, стр. 908.

⁶ Слово позднее вставлено самим Касьяновым.

⁷ Архив РГО, 48.1.247.

⁸ Светлым шрифтом напечатаны названия текстов, помещенных в «Песнях русского народа» (1894), жирным шрифтом — названия текстов, опубликованных в «Былинах старой и новой записи».

дию, лишь подтверждает исключительную добросовестность крестьянина-собираателя. Кроме отдельных перестановок, выпадений, вставок слов, вполне естественных при любом повторном исполнении, мы не наблюдаем здесь никаких существенных изменений. Сравнение записей Гильфердинга с записями Истомина («Земский собор») также показывает их полную тождественность (у Гильфердинга 69 строк, у Истомина — 70, при почти буквальном совпадении всех наличных строк).

Следовательно, Касьянов, как и его друг Т. Г. Рябинин, принадлежит к числу сказителей, которые не допускают никаких вольностей и дают весьма устойчивые тексты.

Больше того, по записям Касьянова можно доказать, что иногда сам Истомин недобросовестно, тенденциозно подходил к своей работе. (Напомню, что экспедиция Истомина и Дютша была снаряжена на пожалованные царем деньги и что собиратели, по их собственному признанию, приглашали к себе сказителей и певцов с помощью урядников).

Если мы возьмем сатирическую скоморошью былинку «Птицы и звери» в записи Истомина и проверим ее по касьяновской рукописи, то увидим, что все сколько-нибудь социально заостренные места Истомин исключил или подправил. «Тонкость» подправок доказывает лишь, что они не принадлежат Касьянову. Так, в «Песнях русского народа» выпущены строки:

Нет у нас на море больших,
Нет за Дунайским меньших

Выпущено также:

Чайки — те были водолавки.
А гагары — те были рыболовки.
Из озера в озеро ныряют,
Всякую рыбу добывают;
И на горе та рыба не бывала,
Крестьяне ту рыбу не едали.

В строках —

Еще ли за Дунайским морем
Лев-то зверь был мясник,
А медведущка у нас кожедерник,
А волкушко у нас был овчинник,
Заюшко у нас был калашник. —

неуважительное по отношению к царю зверей выражение «Лев-то зверь был мясник» заменено более пристойным: «Лев у нас за морем местник» (т. е. наместник, правитель), хотя это явно противоречит всему контексту.

Не случайно, надо полагать, в наборной рукописи книги Истомина и Дютша, которая в основном состоит из полевых записей, подлинник записи этой былинки заменен белой копией (см. Архив РГО, 109. I. 140).

Попробуем же теперь восстановить репертуар И. А. Касьянова. Все встречавшиеся с ним в один голос утверждают, что он «в прежнее время знал былин весьма много» (Гильфердинг), пользуется «большой известностью во всей округе, как знаток былин и всякой старины» (Истомин),

«обладает значительным количеством эпического материала, мало кому известного».⁹

Интерес к былинам, угасший было в Касьянове под влиянием религиозного чтения, пробудил в нем Гильфердинг. С этого времени он не только старается вспомнить то, что знал раньше, но перенимает новые произведения.

Умение петь былины теперь уже вызывало уважение не одних соседей. За выступление в 1871 году в Географическом обществе он был награжден бронзовой медалью. «Петербургские и московские представители науки о народном творчестве, — писали в газетах, — подарили нашему рапсоду на память свои фотографические карточки»,¹⁰ которые впоследствии демонстрировались в Петрозаводске.

Кроме того, знание эпоса приносило и материальные выгоды. С целью сбора средств на церковь Касьянов неоднократно устраивал публичные выступления в различных городах — Москве, Ярославле, Рыбинске, Петрозаводске, Петербурге.

Вообще, надо сказать, более чем двадцатилетняя деятельность Касьянова по популяризации народного творчества тоже должна быть специально отмечена. Его слушали, делали доклады о его искусстве крупнейшие наши ученые — Буслаев, Тихонравов, Барсов, Истомин, Бессонов, Погдин, ряд иностранных специалистов. О его выступлениях писали газеты Москвы, Петрозаводска, Вильны, Варшавы. Отчеты эти дают некоторые дополнительные сведения о репертуаре певца.

Пока удалось установить, что Касьянов знал (и исполнял!) 18 былин и исторических песен, а если учесть, что его былина «Добрыня и змей» (589 строк) состоит из трех отдельных произведений («Добрыня и змей», «Добрыня и Настасья», «Добрыня и Олеша»), то 20 сюжетов,¹¹ из них у Гильфердинга — 7 (9, если учитывать состав «Добрыни»), лето—осень 1871 года; в рукописи Касьянова — 10, зима—весна 1872 года; кроме того, в отчете о выступлении Касьянова в Петрозаводске 30 июня 1872 года (после возвращения из Москвы) рассказывается, что в связи с приближавшимся юбилеем слушатели попросили сказителя спеть что-нибудь о Петре и Касьянов исполнил старину, «сложенную по случаю рождения у царя Алексея Михайловича сына Петра Алексеевича, известную по сборнику былин и песен о Петре Великом, изданному в Москве Обществом любителей русской словесности к 200-летию со дня рождения Петра».¹²

Ф. М. Истомин пишет в своем отчете: «Касьянов знает много преданий, приуроченных к местной округе, из которых, между прочим, одно он передал мне в любопытном стихотворном виде».¹³

К сожалению, последние два текста пока не отысканы нами. Зато совершенно случайно в архиве журнала «Русская старина» автор этих строк наткнулся на письмо преподавателя ярославского лицея А. А. Борзенко, в котором он сообщает об успешных выступлениях И. А. Касьянова в Ярославле и Рыбинске и приводит — тоже, между прочим, в дополнение к собранию А. Ф. Гильфердинга — текст обширного «Разговора о пьян-

⁹ Московская газета «Современные известия», 1872, № 119; «Олонецкие губернские ведомости», 1872, № 37.

¹⁰ «Олонецкие губернские ведомости», 1872, № 51.

¹¹ А. М. Астахова дважды определяла репертуар Касьянова. В первом случае она считала, что он знает 15 былин (Былины Севера, т. I, стр. 42), во втором — 13 (Былины Севера, т. II, стр. 323). По-видимому, она тоже учитывала сложный состав «Добрыни».

¹² «Олонецкие губернские ведомости», 1872, № 51.

¹³ Архив РГО, 48.1.247.

15 Русский фольклор, т. II

стве» (160 строк), записанного со слов космозерского сказителя. «Разговор» этот, образчик старой нравоучительной литературы, написан виршами:

Пьющий

Конечно, мое лучше рассуждение:
Пьяница — человек умный бывает,
Не даром хмель в компарию поинимает.
А ты не пьешь, — кто тебя похваляет?
.....

Непьющий

Да, хороша пьянице честь бывает,
Только мало кто тако себе пожелает.
Рассуди-тко все его поступки, отметки:
Часто бывают глаза подбиты,
Одежу всегда носит — голы бока,
Мало пьяница выходит из кабака.
и т. д.¹⁴

Такого рода произведений Касьянов знал немало. Истомин в уже цитированном отчете рассказывает, что этот «мужик, обнаруживающий в беседе большой ум и начитанность, разумеется, в области книг церковных и вообще старинных», сам собирал рукописи и старые книги и «знал толк» в них.

В тех материалах Касьянова, которые хранятся ныне в архиве Географического общества, имеются копии старых текстов: «Описание Даниила Вакулина Повенецкого уезда Выгорецкой пустыни о крузе земном» и стихотворный «Алфавит». В обоих случаях имеются пометки: «Писал Иван Аникиев Касьянов из рукописи» и «Касьянов. Из рукописи Даниила Вакулина». Даниил Вакулин — основатель Выговского скита (1695 год).

По-видимому, текст исторического предания, сообщенного Ф. М. Истомину, как и стихотворный вариант сказки «Упрямая жена», опирается на традиции виршевой поэзии, так хорошо знакомой Касьянову.¹⁵

Несомненно, репертуар космозерского сказителя был еще более обширным и поиски в этом направлении могут дать новые тексты, однако уже то, что имеется в нашем распоряжении (духовных стихов мы здесь не касаемся), характеризует Касьянова как незаурядного мастера — и по объему репертуара, и по качеству текстов, и по мастерству исполнения. Он знал несколько напевов. «Кроме содержания былин, — писали «Олонецкие губернские ведомости» в № 51 за 1872 год, — слушатели познакомились и с разнообразием напевов». В № 37 за тот же год читаем: «Устроители вечера, при назначении былин, руководствовались, без сомнения, не новизною содержания, а только разнообразием напевов».

Интересно отметить, что каждый цикл старин (Киевский, Новгородский и Московский) Касьянов, кажется, пел на особый лад. По крайней мере, так можно судить по отчету «Олонецких губернских ведомостей» (1871, № 83, перепечатка из «Голоса»): сказитель «пропел три былины, отличающиеся различными напевами — о Вольге Святославиче или Святослаговиче, по выговору певца, о царе Алексее Михайловиче и о Михаиле Потопе Ивановиче. На напев последней песни он поет все киевские былины».

И. А. Касьянов «открыт» и пробужден к исполнительской и собирательской деятельности А. Ф. Гильфердингом, и потому те эпические произве-

¹⁴ Архив Института русской литературы АН СССР, фонд 265, опись 3, № 36.

¹⁵ Интересно отметить, что в былинах Касьянова влияние древнерусской книжности не ощущается.

дения, которые знал Касьянов в 1871—1872 годах и которые не вошли в «Онежские былины», по праву должны занять место в этой книге.

Что касается повторных записей Истомина и Дютша в 1886 году, то они, как уже было сказано, подверглись частичной правке и могут быть использованы как вспомогательные, контрольные тексты к записям Гильфердинга и Касьянова. Конечно, они показывают жизнь эпоса в следующее после Гильфердинга двадцатилетие, однако по своему идейному и художественному содержанию весь репертуар Касьянова всецело принадлежит к той замечательной сказительской школе, главой которой был Трофим Григорьевич Рябинин, близкий друг Касьянова.

Вопрос о публикациях повторных записей вообще имеет немаловажное значение. Подобно тому как в издании былин Рыбникова, подготовленном А. Е. Грузинским, есть ссылки на позднейшие тексты Гильфердинга, последующие записи текстов, которые вошли в «Онежские былины», также должны быть специально отмечены — и в примечаниях к новому изданию сборника Гильфердинга и в томе, где будут помещены эти тексты.

Характеризуя сказителей, редакторам нового издания «Онежских былин» следует указывать и на дополнительные тексты, сообщенные этими мастерами.

Хотя в ближайшие после Гильфердинга годы больших экспедиций не было, записи былин Олонецкой губернии производились почти ежегодно, главным образом местными деятелями. Несомненно, эти записи также часто ставили своей задачей пополнить книгу Гильфердинга. Так, в 1894 году святильник Петр Певин прислал в Географическое общество два былинных текста (см. Архив РГО, XXV.33), полученных от Петра Лукина, крестьянина деревни Пудожская гора Римской волости Повенецкого уезда. От Петра Лукина, крупного сказителя, Гильфердинг записал 14 номеров (у Гильфердинга он фигурирует под именем Петра Калинина).¹⁶ Однако былину о Дунае собиратель не записал, так как Лукин тогда ее не вспомнил; другая былина, о Ставре, помещена в «Онежских былинах» под № 7.

Между тем, в третьем и четвертом советских изданиях этих новых сведений о сказителе Лукине и его репертуаре не имеется.

Надо полагать, что таких случаев было несколько.

30 апреля 1872 года в Московском университете состоялся литературный вечер, на котором И. А. Касьянов исполнял свои былины, а Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов, Е. В. Барсов выступали с докладами о произведениях разных эпических жанров, которые пел сказитель.

В ряде газет появились не только восторженные отзывы об этом действительно интересном вечере, но и весьма подробное изложение доклада Ф. И. Буслаева (который, между прочим, не значится в списке его трудов и статей).

Так, московские «Современные известия» писали (№ 119 за 1872 год): «Упомянув о том, что со времени издания былин г. Рыбниковым наш Заонежский край с его певцами получил почетную известность даже у западных ученых (такова, например, новая книга о русской народной поэзии англичанина Рольстона, перечисляющая заонежских певцов, указанных г. Рыбниковым), Ф. Ив. Буслаев перешел к родословной сказителей, современным представителем которых является Иван Аникич Касьянов из Космозерского погоста, Петрозаводского уезда. В этом погосте и его окрестностях теперь он последний из певцов. В молодости Иван Аникич слушал былины у себя на родине от двух отличных певцов, Филиппа Кле-

¹⁶ Лукин, Лукич — отчество Петра Калинина.

ментьева Сизого и Трифона Иванова Злобина, а те учились пению у знаменитого тогда певца Михайлы Слепого, умершего лет 70 тому назад.¹⁷ Сам же Касьянов учился петь старины у товарища своего по рыболовству, Ивана Егорова Сперова, а Сперов перенял это искусство от дяди своего, калики перехожего. Таким образом эпический запас былин Ивана Аникича по прямой линии восходит едва ли не к первой половине прошлого столетия.

Любопытно отметить, что в 1926 году А. М. Астахова встретилась с сыном И. А. Касьянова — Иваном Ивановичем Касьяновым. Он дал лишь слабый текст «Вольги и Микулы» (см.: «Былины Севера», т. II, а также хрестоматию Н. П. Андреева «Русский фольклор». Учпедгиз, изд. 2-е, 1938). В то же время И. В. Карнаухова, А. М. Астахова и А. И. Никифоров записали от него около 20 сказок, из которых два текста в записи А. И. Никифорова — «Алеша Попович» и «Про Добрыню» (муж на свадьбе жены) — восходят к былинам (см.: «Сказочная комиссия в 1926 г.». Л., 1927, стр. 16—17). Н. П. Колпакова собрала большую коллекцию лирических песен (до сих пор не опубликованную) от трех девушек, внучек И. А. Касьянова. В 1937 году М. М. Михайлов записывал сказки от Ф. И. Касьянова, второго сына космозерского певца.

Летом 1956 года автору этих строк с группой студентов Карельского педагогического института также удалось побывать на родине И. А. Касьянова.

Крупнейшая космозерская эпическая традиция, которую поддерживали и развивали многие выдающиеся мастера, пришла к полному упадку. Еще недавно здесь жили Самылин, Горшков (одна из внучек Касьянова также носит эту фамилию), Коренная, давшие много материалов. Их младшие родственники — братья, сестры, дети, внуки, — к которым мы обращались, могли рассказать о чем угодно, кроме былин. Внук Коренной — студент физического факультета ЛГУ, один из потомков Горшкова — директор леспромхоза. Лишь 78-летняя М. Д. Меркулова пересказала «Вдову Пашицу», а одна из Коренных с трудом вспомнила несколько строчек из былины «Птицы».

Сохранился старый касьяновский дом, но никаких записей, фотографий, книг обнаружить не удалось, так как дом этот уже давно принадлежит государственной организации.

Живы три внучки И. А. Касьянова, которые, в свою очередь, имеют детей и внуков. От членов семьи удалось записать довольно много лирических песен, частушек, причитаний, материалы свадебного обряда, ряд прозаических текстов. Однако былин и исторических песен они уже не знают.

Было бы очень интересно и поучительно собрать вместе все произведения, которые хранила эта крестьянская семья на протяжении нескольких десятков лет.¹⁸

Имя Касьянова в сознании исследователей связано с именем Гильфердинга еще и потому, что И. А. Касьянов — единственный из сказителей, оставивший свои воспоминания о выдающемся русском собирателе.

Воспоминания эти опубликованы в журнале «Русская старина» (1872, декабрь, стр. 694—698: «Воспоминания крестьянина об А. Ф. Гильфердинге») через несколько месяцев после смерти А. Ф. Гильфердинга и с тех пор не привлекались исследователями. Между тем они весьма любопытны.

¹⁷ Е. В. Барсов, выступая на этом же вечере, указал несколько иные даты смерти названных сказителей («Записки» РГО по отделению этнографии, т. III, 1873). Скорее прав Буслаев, ибо он, по всей вероятности, взял эти сведения непосредственно у Касьянова, в присутствии которого он и говорил.

¹⁸ Подробнее об этой поездке см.: Владимир Бахтин. В Космозеро за песнями. «На рубеже», 1956, № 6.

Воспоминаниям предпослана краткая автобиография самого Касьянова, написанная по просьбе редакции журнала и дающая ряд дополнительных сведений о жизни этого интересного человека. Родился Касьянов 4 декабря 1825 года. Следовательно, к моменту встречи с Гильфердингом ему было не 40 лет, как сказано в «Онежских былинах», а 45. Отец его был плотник, сам он «занимался землепашеством и частью рыбною ловлею и разными извозами». «Был избран волостным судьей в 1865 году, а по изобранию на второе трехлетие, подан мною письменный отзыв об увольнении от службы».

Воспоминания раскрывают отношение местного населения к собирателю и собиранию былин. Приглашенный запиской, Касьянов сначала не хотел идти за 45 верст к Гильфердингу, а затем передумал: «понудило желание видеть такое важное лицо¹⁹ в самых глухих и непроходимых местах. Это более привело во удивление и в большой смех, что господа собирают былины: говорим между собою, что „господам должно быть в Петербурге более делать нечего“» (стр. 695).

«19-го числа (июля 1871 года. Даты записи, указанные Гильфердингом и Касьяновым, совпадают, — В. Б.) в понедельник по утру явился и размышляю так: что наши уездные господа становые пристава и разные служащие лица весьма гордые, и думал, как явлюсь я к генералу, берет страх и ужас. Затем, перекрестив глаза, и говорю:

«А что господа даст! Если чего и не знаю, да с мужика, так думается, и не взыщет».

По-видимому, с такими же чувствами шли к Гильфердингу и другие сказители. Однако дальше настроение их менялось.

«... Александр Федорович принял меня очень ласково. Но я, видя такое важное лицо, стоял перед ним с дрожащим сердцем. И он, господин, видит во мне перемену и говорит Ефиму Ивановичу (слуга Гильфердинга, — В. Б.): „Налей рюмочку хорошей водки!“ Но от которой я отозвался,²⁰ потому что никогда не пивал». Затем А. Ф. предложил своему новому знакомому чаю. «Когда выпил я, Касьянов, стакан чаю, то посвежилась душой, как будто стало и посмелее. Тогда начал я петь былинку о Добрыне Никитиче, а генерал начал сам писать, так очень скоро и успешно, что едва успеваю я голосом пропеть».

Генерал оказался «человеком очень скромным, смиренным и ласковым», и сказитель вспоминает: «На другой день мне было очень весело».

Гильфердинг умел, видимо, сходитьсь с людьми. Без этого качества, конечно, он не добился бы таких блестящих успехов в столь короткое время.

Касьянов рассказывает, что Гильфердинг интересовался и жизнью, бытом крестьян. Мы видим его на берегу реки Чолмужи, встречающим деревенское стадо, которое, к его удивлению, пасется без пастуха и само переправляется через быстрину. Он беседует с крестьянами о том, «что значит пядина лесу и сколько занимает места», знакомится со старинными документами.

Затем Касьянов навестил Гильфердинга в Петербурге и опять был принят им «ласково и милостиво», а генеральша «сама наливала чай простому

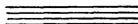
¹⁹ А. Ф. Гильфердинг имел чин действительного статского советника, который в армии равнялся званию генерала, поэтому Касьянов часто называет собирателя «генералом».

²⁰ Отозвался — отказался; слово это И. А. Касьянов в том же смысле употребил в одной из своих былин.

мужику». Кратко сообщает сказитель о своем выступлении в Географическом Обществе.

Как видим, эти скупые воспоминания дают много интересного материала, характеризующего и личность А. Ф. Гильфердинга, и методы его работы, и обстановку, в которой производились записи, а главное — раскрывают психологию крестьянина-сказителя. Нечего говорить, что, помимо воли автора, в рассказе воссоздается и его собственный облик — человека мысленного, наблюдательного и явно одаренного в литературном отношении.

Думается, что при переиздании «Онежских былин» в «Своде русского фольклора» следует дать в качестве приложения, хотя бы в отрывках, и воспоминания И. А. Касьянова, так ярко дополняющие статью самого собирателя.

БЫЛИНЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (НОВЫЕ ЗАПИСИ)

1

Летом 1942 года в селе Нижнеилимске Иркутской области в редакции районной газеты «Илимский партизан» мне вручили запись двух былин под заголовком «Былина. Песня о Добрыне Никитиче». Записал эти былины ученик VIII А класса Нижнеилимской средней школы Иннокентий Прокопьев, видимо, в 1941 году, — в 1942 году он был уже в Красной Армии. Запись произведена со слов Акулины Ивановны Моисеевой в деревне Березник Игирминского сельсовета Нижнеилимского района. Текст разделен на две главы, соответствующие двум сюжетам: Добрыня-Змеяборец и Добрыня и Алеша Попович.

Принимая участие в экспедициях по Иркутской области, я и раньше интересовался, не бытуют ли былины в Восточной Сибири. Все мои поиски оказывались напрасными. Я встречал немало людей, помнивших старинные песни и сказки, нередко на темы о былинных героях. Приходилось встречать грамотных людей, выучивших былины в школе по книжке. Фольклорно-этнографические наблюдения убеждали меня в том, как жива, как сильна в народной массе сама идея былинного героизма. Но найти народных носителей старой былинной традиции так и не удавалось. Запись, предоставленная в мое распоряжение, была счастливой находкой. Надо было поехать на место, чтобы убедиться в подлинности и проверить точность записи, тем более что былины не производили впечатления заученных по хрестоматии. Эту поездку удалось осуществить в августе 1943 года.

Деревня Березник Игирминского сельсовета Нижнеилимского района Иркутской области находится приблизительно на расстоянии 60 км от Нижнеилимска и 25 км от села Илимск, известного историкам как место ссылки протопопа Аввакума. Деревня расположена на левом берегу реки Илим, но с реки на лодке можно и не заметить это селение, прикрытое прибрежным таежным лесом. Дворов в то время в деревне насчитывалось всего 28. Добраться до нее было довольно трудно. В летнюю пору из Иркутска отправлялись обычно по Ангаре на пароходе до пристани Зяярск, это путешествие длилось трое-четыре суток. Затем на автомашине можно было доехать до Илимска часов за пять-шесть. В Илимске же приходилось ожидать оказии, чтобы вниз по Илимскому за сутки или более «дотянуться» до Березника на карбасе.

Найти Акулину Ивановну Моисееву в деревне оказалось легко, но убедить ее рассказывать былины стоило труда. Акулина Ивановна знала только две старинных былины: «Добрыня Никитич и Змеишше Тугаришше» и «Добрыня Никитич и Алеша Попович». Термин «былина» ей не был известен. «Эту песню раньше старики пели, — говорила Акулина

Ивановна, — она же сказка была, ее на песню переверотили». А. И. Моисеева неграмотная. Она не могла припомнить, от кого именно слышала «песню», кто научил ее. У меня создалось впечатление, что когда Акулина Ивановна была молода, т. е. в 80—90-х годах XIX века, былинная традиция в тех местах была еще сильна. А. И. Моисеева продиктовала мне былины, а затем я проверил свою запись с голоса. Разница оказалась очень значительная, и я внес в запись много исправлений и дополнений. Из беседы выяснилось, что жена брата А. И. Моисеевой Марья пела «про Колыбановича», но она умерла еще в 1912 году; что сама Акулина Ивановна не особенно любит исполнять былины, — впрочем, поет, «когда вечерки устраивают», — но зато ее сестра, Анна Ивановна Оглоблина, жительница соседнего села Оглоблино, лучше помнит былины, чаще их исполняет и вообще знает больше песен. Односельчане подтверждали слова А. И. Моисеевой. Кроме записанных былин, Акулина Ивановна знала песни и сказки. Но у меня не было возможности задерживаться в Березнике.

Оглоблино расположено на левом берегу Илима в 10 км вверх по течению. Это довольно большое село в 43 двора со школой-четырёхлетней и фельдшерским пунктом. Анна Ивановна Оглоблина, 72 лет, раньше жила в Березнике. Знала Анна Ивановна те же две былины. Кроме того, ей были известны по названию и содержанию былины: «Отчего перевелись богатыри» («Воевали, ездили, силу свою узнавали. Всяк свою силу доказываю»), «Про Соловья-разбойника», но слов этих былин она не помнила. Лучше помнила Анна Ивановна сказку об «Илье Муровиче». Свой былинный репертуар она возводила к книжному источнику, считала, что усвоила былины от дяди Самойла Семеновича Прокопьева, когда жила в Березнике. Сама Анна Ивановна неграмотная, но этот ее покойный дядя был человек хорошо грамотный и очень любил читать книжки: «Дядя читаю по книжке (о богатырях, — К. К.). Мне было 12 лет. Он про всех богатырей знаю и пею и рассказываю. Умер, когда я замуж пошла». На основании этих слов можно было бы сделать вывод, что былинная традиция в Березнике и Оглоблине книжного происхождения и началась примерно в 80-х годах. Однако едва ли это так. Сказители вообще любят ссылаться на авторитет книги. Вероятнее предположение, что перед нами старая былинная традиция. Сестра Анны Ивановны, Акулина Ивановна, не ссылалась на книжный источник, да и детали записей таковы, что былины невозможно возводить к книжному источнику.

Беседуя с колхозницей Протасовой в Оглоблине, я убедился, что и она знала былину об Алеше Поповиче. Дети уверяли меня, что «девчата знают эту песню», сами же они помнят только отрывки. Таким образом, налицо живая былинная традиция, воспринятая молодежью. Особенной популярностью пользовалась, видимо, былина о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче.

Методика записи была та же: Анна Ивановна мне диктовала былины, а затем импровизировала речитативное исполнение.

2

На долю Сибири вообще приходится сравнительно небольшое количество записей былинных текстов. По подсчету М. К. Азадовского, всего в Сибири, если не считать материалов сборника Кирши Данилова, записано свыше 60 текстов,¹ при этом М. К. Азадовский учитывал не только

¹ Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Редакция, вступительная статья и комментарии М. К. Азадовского. Новосибирск, 1939, стр. 17—18.

опубликованные тексты. Что же касается б. Иркутской губернии, то до настоящего времени известны только две записи: А. В. Пруссак и Н. Полевого.² А. В. Пруссак в селе Суховском записала былину о Добрыне и Маринке. Иркутянин Н. Полевой в «Московском телеграфе» за 1827 год опубликовал запись былины об Илье Муромце на Соколе-корабле. Таким образом, наша находка к двум известным былинным сюжетам прибавляет еще два, притом из отдаленной северной части края.

Варианты двух былинных сюжетов записаны в период Великой Отечественной войны. Не лишено интереса то, что это былины о Добрыне Никитиче, олицетворяющем в своем образе величие, непобедимую силу, мужество и патриотизм русского народа. В классической версии былины о Добрыне-змееборце враги Руси олицетворяются в образе Змея Горыныща, налетающего на русскую землю и уводящего в полон русских людей. Добрыня побеждает Змея и освобождает русских людей во славу родины. Вторая былина — о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче — разрабатывает чрезвычайно распространенный сюжет: «муж на свадьбе у своей жены».

Записанные нами илимские варианты былины на тему о Добрыне-змееборце относятся к типу тех обработок, которые рисуют не две встречи Добрыни со Змеем, а одну.³ Из сибирских записей наиболее близки к илимским ангарский вариант из дер. Дворец, опубликованный А. Макаренко,⁴ и колымский вариант, записанный В. Г. Богоразом,⁵ но в деталях есть ряд отличий.

Вс. Миллер, комментируя колымский вариант, писал, что среди многочисленных вариантов того же сюжета он не может претендовать на выдающееся место: сюжет значительно скомкан, упрощен. Ту же оценку следует дать илимским вариантам. Но в них есть все же ряд интересных деталей.

Сюжет «Добрыня-змееборец» — сказочный. В известных нам вариантах Добрыня обычно борется со змеем Горыныщем, с Тугарином же борется Алеша Попович. В илимских вариантах враг Добрыни — Змеишше Тугарышше. По сравнению с другими известными нам вариантами в илимских более отчетливо подчеркнута, что мать Добрыни — волшебница. Отправляя сына, она говорит ему:

Даю тебе три слуги верных, благоверных:
Первую слугу — пуховой каулак,⁶
Вторую слугу — саблю вострую,
Третью слугу — жальце булатное.

В других вариантах былины подобного места мы не встречаем.

В одном из беломорских вариантов А. В. Марков обратил внимание на следующее место: провожая Добрыню на Пучай, мать говорит ему:

Не бери-ко коня да Воронеюшка,
Ты возьми коня-та батюшки родимаго,
Ты возьми его палицу военную,
Возьми плеточку шелковую,
Твой-от батюшка без плеточки не еживал.

² Там же, стр. 21.

³ См.: А. М. Астахова. Былины Севера, т. II. М.—Л., 1951, стр. 732.

⁴ А. Макаренко. Сибирские песенные старины. «Живая старина», 1907, вып. II, отд. II, стр. 26—27.

⁵ Областной словарь колымского русского наречия. Собрал на месте и составил В. Г. Богораз. «Сборник Отделения русского языка и словесности», т. XVIII, стр. 180—182.

⁶ См. ниже, стр. 243, ремарка сказительницы.

Исследователь отметил при этом, что подобный наказ встречается и в других вариантах, но перед второй поездкой.⁷

Добавим, что в этом наказе обычно не соблюдается принцип троичности, как это мы видим в илимских записях.

В одном из онежских вариантов подробно описывается седлание коня и сборы Добрыни. Оружие ему никто не вручает.

Он берет ли палицу булатную,
Ен берет копье долгомерное,
Он берет саблю на пояс,
Берет-то плеточку шелковую,
И поднимался на коня богатырского...⁸

Среди предметов вооружения Добрыни не фигурирует жальце булатное. Обычно — палица, чингалище булатное, меч булатный. Жальце, жалица — уменьшительное от «жало», т. е. лезвие. В илимских вариантах жальце булатное оказывается необходимым в момент боя. Это предвидела волшебница-мать. Также необходимым оказывается и пуховой колпак, взятый Добрыней по совету матери. «Пухов колпак», а иногда шляпа земли греческой, часто встречается, но Добрыня обычно или снимает его с головы, или находит, или получает от Змея. В илимских вариантах Добрыня набивает пуховой колпак камнями, завязывает «киской шоуковой». Затем он отбивает этим колпаком змеиные головы.

Оригинально звучит не встречающийся в известных вариантах эпитет «шывелистая»: «Опочай-река — река быстрая, Река быстрая, шывелистая...» Этот эпитет, видимо, местного, сибирского происхождения. Обычно встречаются следующие эпитеты реки: быстрая, широкая, кровавая, свирепая, мелкая, глубокая. Опочай-река часто характеризуется как «кротка-смирна», но третья ее струя «омманыцыва», «относлива», «средняя-то струйка как огонь сечет», свирепая, очень свирепая. Особенно часто встречается характеристика этой струи — «как огонь сечет». На этом фоне обычных в былинах эпитетов оригинально звучит следующее место илимского варианта:

А треття струя быстрым-быстра,
Быстрым-быстра, крутобережна.

В известных нам вариантах нередко говорится о крутом берегу. По алтайскому варианту, получив от Змея отсрочку,

И доплыват Добрыня до желта песка,
И доплыват Добрыня до крута бережка.⁹

В илимских вариантах тоже есть просьба Добрыни об отсрочке, хотя не видно, чтобы Змей разрешил ее:

А допусти-ка ты меня до крутого бережка,
До крутого бережка, до серого камешка,
Там-то я с тобой разделяюсь.

Эпитет «крутобережный» в известных нам вариантах отсутствует. Отметим деталь о «киске шоуковой». Обычно упоминается плеточка шелковая.

⁷ А. В. Марков. Из истории русского былевого эпоса. «Этнографическое обозрение», 1905, № 4, стр. 18.

⁸ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, т. II. Изд. 4-е, М.—Л., 1950, стр. 339.

⁹ Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева, стр. 46.

Оригинально звучит также следующее обращение Добрыни к змею:

Изняў ты меня на худой путѣ,
На худой путѣ, на жидкѡй водѣ...

Как и во многих других вариантах, Змей пробует откупиться, предлагая Добрыне платё драгоценное. В илимских вариантах повествуется об отказе Добрыни, так как две встречи сведены в одну.

Ссылка на святых отцов, по известным вариантам, слышится обычно не из уст Добрыни, как в илимском, а в похвальбе Змея.

Мы не располагаем еще генетической классификацией былины. Не все версии с одним боем восходят к версиям с двумя боями. Многие версии с одним боем, возможно, древнейшие. От этих древнейших версий в илимских вариантах кое-что сохранилось: мать Добрыни — волшебница, а сам он перед лицом опасности как будто колдует, завязывая пуховой колапак «киской» шелковой.

Илимские варианты былины о неудачной женитьбе Алеши Поповича на жене Добрыни Никитича близки к мезенским обработкам, где действие развивается кратко и начинается обычно сразу с наказа Добрыни жене. Князь Владимир в стороне, и вся вина падает или на Алешу, или на саму Настасью, в противоположность прионежским вариантам, в которых ярко подчеркнута роль Владимира: он выступает в качестве свата, на нем лежит вина в нарушении мужнего наказа; по многим вариантам он принуждает Настасью выйти замуж за Алешу.¹⁰ В илимских текстах вина падает на Настасью, а еще больше на Алешу. Имеется все же реминисценция роли Владимира-свата: на свадебном пире присутствует священник Апрошья Королевна, а это, по былинам, жена Владимира. По сравнению с многими мезенскими вариантами илимские больше расцвечиваются былинно-поэтическими формулами.

Сибирские записи немногочисленны и сюжетно разнообразны. Наиболее близок к илимским прозаический рассказ «Неудавшаяся женитьба Олеси Поповища», записанный в дер. Кежда А. Макаренко.¹¹ В этом рассказе, как и в илимских вариантах, Владимир не принимает участия в сватовстве. К тому же типу относится сводная былина «Добрыня Никитич», записанная Н. А. Костровым в б. Енисейской губернии, объединившая сюжеты «Добрыня и Маринка» и «Добрыня и Алеша».¹² Имеется еще пять вариантов, записанных в Сибири, но в них выдвинута роль князя Владимира.

На общем фоне сибирских записей былины о Добрыне и Алеше илимские варианты выделяются довольно строгой выдержанностью былинно-поэтического стиля в его художественных формулах, поэтических словесных сплавах. На всем протяжении былинного повествования выдержана линия «вежества» Добрыни. Появляясь на свадебном пире, Добрыня вначале долго не нарушает всей серьезной торжественности свадебной обстановки, свадебного веселья. Правда, пир — не в княжеских хоромах, а у Алеши, но налицо полная иллюзия пира народного-богатырского, княжеского. Уже «приворотнички» и «придвернички», которые никого «не пропускают» и которых Добрыне пришлось задобрить «казной сметы нет», вводят нас в обстановку свадьбы — воинского похода. А за пиршественным столом — свадебные чины, пользующиеся общерусской известностью. Это могучие русские богатыри: «стар казак Илля Мурович» и

¹⁰ См.: А. М. Астахова. Былины Севера, т. II, стр. 722.

¹¹ «Живая старина», 1907, вып. II, отд. II, стр. 30.

¹² Русские былины старой и новой записи; под редакцией акад. Н. С. Тихоновой и проф. В. Ф. Миллера. М., 1894, стр. 86—93.

Колыванов сын» и рядом с ними Апрошья Королеевна, т. е. супруга самого князя Владимира. Свадебные князь и княгиня кажутся не простыми женихом и невестой, а настоящими князем и княгиней. Создается полная иллюзия могущества и материального достатка. Не многие известные нам записи былины на ту же тему характеризуются таким значительным количеством собственных и нарицательных имен-символов, столь необходимых для полной иллюзии необычной обстановки, возвышающей слушателя над бытовыми буднями. На всем этом поэтизированном фоне драматический конфликт бытовой былинной новеллы приобретает особое звучание — эпическое — и служит символическим выражением народной моральной истины.

Любопытно, что илимские сказительницы не изменяют традиционных былинных имен, а это исключительно важно, ибо былинное имя эмблематично и является носителем определенных норм поведения в их идеологической направленности. Былинное имя является и центром притяжения, цементирующим стилистику традиционных поэтических формул. Имя Ильи сопровождается эпитетом «стар казак». Мать Добрыни именуется по-старинному Мелфа — Амелфа Тимофеевна (в енисейском варианте Кострова и даже у Кирши Данилова — Афимья Александровна, в другом сибирском варианте¹³ — Амелфа Лёксандровна). Жена Добрыни — Настасья Микулишна, а не Никитишна, как, например, в варианте И. Чеканинского.¹⁴ Жена Владимира также имеет традиционное имя — Апросина, Апрошья Королеевна. В илимских вариантах в числе сватов назван даже «Самсон да Колыванов сын». Вся эта высокостильная символика имен в значительной степени обуславливает высокостильность былинного повествования. Любопытно, что по илимским вариантам Добрыне-гусляру на пиру сразу же предлагается любое место, хотя бы и переднее: ему не приходится заслуживать переднее место своим искусством. Момент появления Добрыни на пире явно скомкан: он слишком скоро начинает петь о жене, взятой от живого мужа. Илимская традиция, видимо, утратила указание на вступительные наигрыши: «от Царьграда», «от Ерусалима». Подобные наигрыши упоминаются в европейских вариантах былины. Они, конечно, соответствовали изображаемому акту свадьбы — «княжому столу». После этих песнопений свадебный гость-певец, лицо всегда желанное на пиру, якобы вспоминая о своей собственной женитьбе, мог пропеть песню, в которой содержались слова, поющиеся на девичнике. Припомним, что в ангарской деревне, да и вообще на девичнике, поется обращенная к невесте песня, в которой она вспоминает:

Говаривал радимай тятинька:
«Не отдам тебя, дитяtko,
Не отдам тебя, радимое,
Не за князя-боярина,
Не за гостя тарговаво».

Говаривал он, все обманывал.¹⁵

Или же:

Ах ты злая наша изменница, красна девица!
Ты сказала нам, что замуж нейдешь,

¹³ И. А. Чеканинский. Енисейские старины и исторические песни. «Этнографическое обозрение», 1915, № 1—2, стр. 92 и 97.

¹⁴ Там же, стр. 100.

¹⁵ В. С. Арешев. Свадьба в ангарской деревне. «Известия Восточно-Сибирского отдела РГО», XXXII, 1901, № 1—3, стр. 58.

Ни за князя, ни за боярина,
 Ни за гостя, купца торгового,
 А теперь-то, наша подруженька,
 Ты пошла замуж, задумала
 За удалова добра молодца,
 За Михайла свет Васильевича. . .¹⁶

Отсутствие в илимских вариантах мотива кольца едва ли можно объяснить простым забвением. Перед нами одна из старинных версий — та, в которой этот мотив отсутствовал искони: гусли — принадлежность не скомороха, а почтенного, знатного свадебного гостя, и он действует только при помощи пения и наигрыша. Значение илимских вариантов именно в том, что они являются ярким свидетельством существования такой высокопоэтической версии, в которой драматизм кульминационного развития действия достигается исключительно при помощи величайшего искусства песнопения. Идея семейной морали благодаря этому получает эпическое звучание.

Из отдельных особенностей илимских вариантов отметим довольно последовательное соблюдение приема ретардации. Часто повторяется — «Ни за князя пойди, ни за боярина. . .», причем «ни» в данном случае равнозначно «и».

Оригинален портрет Добрыни: «Во ту-то пору, во то время, А идет грудью по улице незнакомой человек. Вить шуба-то на нем да кобылячая, Ворки на ногах да звериные, Рукавицы на руках да верблюжия». Этот портрет предполагает обстановку зимы. Одежда сибирская.¹⁷

Психологический параллелизм:

Красная сонце за лесы зашла,
 Молода Настася взамуж пошла. . .

Илья Мурович и Самсон Колыбанович обращаются к Добрыне:

Нам таковых людей надеуно.
 Первая место — передняя,
 Вторая место — ременьчат стуу,
 Третья место — дубова скамья,
 А четвертая место — куда хош садись.

Последняя строчка — из ученической записи из дер. Березник.
 Ср. у Киреевского:

Гой еси, Алеша Попович млад.
 По отчеству садися в большое место,
 в передний уголок,
 В другое место богатырское,
 В дубову скамью против меня,
 В третье место, куда сам захошь.¹⁸

В енисейском варианте Чеканинского:

Первое место тебе — дубова скамья,
 Второе место тебе — дубовой стул,
 Третье место тебе — куды хошь садись.

¹⁶ Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952, стр. 229.

¹⁷ В имеющихся записях встречается редко.

¹⁸ Песни, собранные П. В. Киреевским, II. М., 1861, стр. 75.

Несколько нарушает общую поэтичность стиля обращение Добрыни к матери:

Я вить, мамонька, сынишка твой!
Где-ка, мамонька, семнишка моя?

Ср. пудожский вариант:

А где моя нынь молода жена,
Где моя теперь любима семья,
Молода Настасья Микулишна? ¹⁹

3

Я не производил специальных акцентологических наблюдений, но все же старался отмечать необычные по сравнению с литературной речью ударения и составить себе впечатление об инерции ритма. Стиховые строчки содержат в среднем 12 слогов, редко больше; лишь изредка 13—15 слогов. Стиховая клаузула по большей части дактилическая: перестáриуся, житъё-бытьё, богачество. Каждый былинный стих содержит 3 главных динамических ударения и очень часто, кроме того, 1—2 второстепенных динамических ударения. Имеются строчки, содержащие меньше 12 слогов и нередко лишь 2 динамических ударения. Это, несомненно, создает ритмический разнобой и служит одним из фактов, свидетельствующих об упадке илимской былинной традиции. В отдельных случаях краткость стиховых строчек можно объяснить тем, что былина исполнялась в искусственной обстановке. Главные динамические ударения в большинстве случаев падают на наиболее важные в смысловом отношении слова. Случается все же, что в число энклитик попадает и важное в смысловом отношении слово:

Даю тебе три слуги вёрныя, благовёрныя.

Линия музыкальной интонации стиховой строчки — восходящая. Вершинная ее точка падает на последний слог строчки, т. е. находится на клаузуле.

Отмечу следующие старинные динамические корневые ударения, характерные для русского народного эпоса: три слуги, вторую струю, второе место, а молодой Настассе, молодá Настасья, могучева богатыря, ключи золотыя, ко родной да маменьке, взамуж, спроговориу, спроговорила, двенадцать лет как мнуется, минулося. Наблюдаются и традиционные в былинах ударения на последнем слоге следующих стяженных форм прилагательных: дубовá скамья, таковó слово, во чистó поле; ударение в слове по-писáнному; на глагольном префиксе: переплыл, поплыл.

Говор нижеилимского района содержит немало архаических особенностей, и некоторые из отмеченных здесь ударений, возможно, свойственны бытовой речи (родной и др.). В основном же они отражают былинную традицию.

Лексический строй записанных былин менее всего показателен для местного говора, так как стилистика их, можно сказать, перенасыщена общими местами. Лишь некоторые стихи представляют собой результат сибирской былинно-творческой традиции. С точки зрения местного илимского лингвистического сознания (бытовая речь) весь лексический строй исполняемых былин необычен, высоко поэтичен. Необычны, например, для местного говора, хотя и понятны, слова: богачество, златой, злато, булатный, незна-

¹⁹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, I. Изд. 4-е, М.—Л. 1949, стр. 597.

мой человек, спроговориў, по-ученному, по-писанному, благоверныя, боярин и т. п., не говоря уж об именах.

Есть и местные слова — немногочисленные. Все они широко распространены в обиходе крестьянства Сибири.

Менее других распространенными кажутся следующие три слова: «кй́ска», «во́рки», «шывелистая».

«Киской шуоковой» означает — «пучком ниток». Вероятно, здесь слово «кисть», перешедшее в тип склонения слова «вода» («кй́ста»). Творительный падеж единственного числа — «кй́стой». Сказительница произнесла «кй́ской», так как в ее говоре, как явление реликтовое, наблюдается мена *т* и *к*. Это явление наблюдается в некоторых словах в Сибири и в севернорусских диалектах. В Верхнеилимье П. Черных отмечал: не стипит, типятком, мужыги, на рятэ (реке).²⁰ В сказах Сороковикова мною отмечено: тишкá в значении «кишка».

«Во́рки» — кожаная обувь, звериная обувь: «Ворки на ногах да звериныя». В «Словаре областного архангельского наречия...» А. Подвысоцкого (СПб., 1885) имеется слово «моршни» — кожаная обувь у крестьян (Кемский уезд). Кроме того, занесено в словарь: мо́рхи, мо́рхни, мо́рх — оборванная, изношенная одежда. В языке нашей былины слово «ворки» употреблено в смысле хорошей обуви. *В* вместо *м* объясняется меной *в* — *м*.

«Шывелистая» («река быстрая, шывелистая») — по указанию М. К. Азадовского, это прилагательное от существительного «шивера». Возможно, что, записывая, я ослышался: надо — «шыверистая». Впрочем, в Иркутской губернии отмечалась мена *р* и *л*.²¹ В Илимском крае П. Черных наблюдал картавое произношение *р*. По В. Далю, шивера — пережат, сарма, плоская гряда, порог речной, мелкое место во всю ширину реки, по твердому дну, плитнику, и быстрый скат, теченье.²² В Красноярском уезде шивера — подводный камень.²³ В Колымском крае — мелкий и быстрый пережат горной реки.²⁴

Отмечу наконец слово «изнять» в смысле измучить, одолеть:

А изнимут дни тебя мяжонныя,
А изнимут жары тебя пятроўския.

Изняли его дни межонные и жары петровские

Изняў ты меня на худой путé.

Представляет интерес выражение «не со с кем спать» (в ученической записи; наши записи в этом месте не точны) наречного типа, удвоение в нем предлога. Анучин в Красноярском уезде отметил: «Только что выехал со с лесу».

Все перечисленные слова (можно прибавить: загон земли, три осмы земли, Угарышше — народная этимология) и даже такое слово, как «шуба... кобылячая», не вносят разнобоя в поэтическую ткань былинного текста. Илимская былинная традиция осторожно, с тактом использовала ряд бытовых местных слов, дала им былинно-поэтическую обработку.

²⁰ П. Черных. Русские говоры Илимского края, стр. 7 (оттиск).

²¹ А. М. Селищев Диалектологический очерк Сибири, вып. 1. Изд. Иркутского университета. 1921, стр. 48.

²² В. Даль. Толковый словарь, IV. М., 1935, стр. 651—652.

²³ В. Анучин. Материалы по областному словарю Сибирского наречия. «Известия Красноярского подотдела Восточно-сибирского отдела РГО», т. 1, 1904, вып. VI, стр. 70.

²⁴ Областной словарь колымского русского наречия. Собрал на месте и составил В. Г. Богораз, стр. 48.

Немногие местные слова в окружении традиционных былинно-поэтических словесных сплавов утратили просторечную бытовую функцию. Это — замечательная черта илимских вариантов. Можно было бы указать множество иных записей былин, в которых просторечный бытовой лексикон вносит явный стилистический диссонанс. К сожалению, качество записанных вариантов обычно не определяется с учетом отмеченной здесь особенности народно-творческого метода работы над материалом живой речи.

Специальных наблюдений в области произношения безударных гласных я не производил, фиксируя только резкие отклонения от литературного произношения. В отношении аканья—иканья создано общее акустическое впечатление близости к русскому литературному произношению. Но все же аканье более резкое, чем в литературном языке, — *надоўна, жане, жаниўся*. При этом наблюдаются пережитки оканья. П. Черных в Верхнеилимье отмечал яканье, особенно в предударном слоге. В Нижнеилимском районе островками встречаются деревни с резко выраженным яканьем. Это явление не очень сильно поражает слух в деревнях Березник и Оглоблино. В моих записях былин отмечено только: *мяжонныя и пятроўския, бабьява, коровьява, лясы, сваялку, отнясло*. Видимо, яканье приближается здесь к умеренному типу — перед твердым согласным в предударном и заударном слоге.

В одном лишь случае зафиксировано произношение *и* на месте старого *ѣ*: *вить, ить* — из *вѣдь*.

В пояснении сказительницы к тексту былины отмечено: *апеть*. В былинном тексте отмечено: *говорела, не задарживают*.

В области произношения согласных довольно последовательно наблюдается *ў* (билабиальный звук) после гласного на месте *л* (*поехаў, перестариўся, каўпак, шоўкавай* и т. п.), на месте *в* (*пятрѣўския*), на месте *з* (*никаўо, еўо*), на месте *б* (*надсўно*).

Чоканье — в слове *тысячкй*; *н* заменено *м*: *Микитевич*; *в* вместо *м*: *вне*.²⁵

Любопытно произношение: *сваялку, семнишка*.

Отметим *ш* долгий, твердый (*Змеишшу Тугарышшу, Угарышша*).

Последовательно соблюдается удвоение согласных в результате прогрессивной ассимиляции *й*: *Илля, Настасся, треття* и т. д.

Прогрессивная ассимиляция *е* предшествующему *а* в глаголе в результате утраты *й* в былинном тексте встречается менее последовательно, чем в бытовой речи: форма «здоровается», «запирает» и т. п. встречается чаще, чем форма «завязывают». В прозаических же пояснениях, наоборот, она последовательно: *отвечат, атпускат*.

В отношении стойкости среднего рода существительных наблюдается некоторая неясность: «место передняя», «третья место», «красная сонця за лясы зашла», «ах дитятка моя, моя ты родимая». Из двух последних примеров вполне явствует, что существительные «солнца», «дитятка» — женского рода.

В склонении существительных отметим «чѣдому»; *-ому* в дательном падеже единственного числа возникло под влиянием склонения прилагательных («доброму»); *о* вместо *а* является свидетельством несколько более высокого по подъему, чем обычно, произношения *а*: *а* здесь в значительной мере приближается к *о*.²⁶

²⁵ Мена *в* — встречается в Иркутском, Красноярском краях, в Западной Сибири: А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, вып. 1, стр. 74—75 (вного).

²⁶ Ср. «Уж ты крѣсота, моя крѣсота» — в свадебной песне (И. И. Майнов. Крестьянская свадьба по реке Илиму. «Живая старина», 1914, вып. I—II, стр. 62).

Форма «путé» («на худой путé») в предложном падеже — обычная в Илимском крае и в Сибири. Отмечена в Илимском крае П. Черных. То же — в отношении формы «под дверям».

Редкостный случай представляет местный падеж единственного числа: «во славную в Опочай-реке». Едва ли в данном случае — результат влияния древнего двойственного числа. Скорее всего добавочное *у* вызвано необходимостью музыкально-ритмического протяжения голоса. В былинах более обычно «во славной».

В области глагольных форм часты: инфинитив на *-ти* и возвратные формы типа «бросалася». Подобные формы в бытовой речи встречаются несравненно реже, — да и в илимских записях былин полной последовательности нет: *-ти* и *-ся* — там, где большая устойчивость былинно-поэтической стилистики. Отметим глагольную приставку *над-* с пространственным значением («сверху»): «А надлетала на нею Змеишша и Угарышша». Встречаются скороговорочные формы: *хош*, *грит*.

В области местоимения наши записи отмечают повсеместно распространенную в Сибири форму именительного падежа множественного числа *оне* и *имя* (дательный падеж единственного числа).

Не останавливаюсь на синтаксических формулах, специфически былинно-поэтических. Отмечу лишь частое повторение предлогов — явление, весьма распространенное и в илимской бытовой речи; артикль *то*, тоже свойственный илимской бытовой речи.

Часто наблюдается плеонастическое *да*, реже — *и*, вызванные требованиями ритмико-музыкального порядка: «У дверей-то стоят *да* придвернички»; «... Змеишша *и* Угарышша».

Частица *ка* встречается с оттенком значения родственной, интимной близости («Где-ка, мамонька, семнишка моя») и с оттенком значения просительным («А допусти-ка ты меня до крутóго бережкá»).

Глагол «плыть», «поплыть» употреблен с прямо переходным значением («Тогда и поплыл Добрынюшка *третью струю*», «*Две-то струи* наказывала плыть»), глагол «погулять» — с предлогом *в* и винительным падежом существительного («Хотéу погулять *да в Опочай-реку*»).

В обращении имеется частица *ась*: «Здрастуй *ась*, родна мамонька!»

Отметим еще определение: «Возьму я с собой златой казны *сметы нет*».

Среди отмеченных явлений языка есть более или менее узкие диалектизмы, но они попадают в очень умеренном количестве, в смысловом отношении ясны и в общем не затрудняют восприятия захожего человека или литературно образованного слушателя. Былинная речь илимских сказительниц — отработанная, она по-своему народно-литературна и отличается от разговорно-бытовой. Довольно резкая разница ясна из сравнения былинного текста с прозаическими пояснениями сказительниц. В этих пояснениях: топеря, опеть; обязательное стяжение гласных: *отвечат* и т. п. Для сравнения можно еще взять записанную нами сказку об исцелении Ильи. Здесь ярко отражены местные особенности языка. Дело в том, что А. И. Оглоблина рассказывала сказку без всякой установки на художественное сказывание. Она только старалась поскорее передать фабулу. Подобные пересказы, конечно, представляют интерес для исследователя, помогая ему разрешить некоторые специальные вопросы, но сказками в полном смысле слова они не являются, так как сказка — жанр народно-поэтического искусства. Нельзя, как это пытались делать некоторые исследователи, серьезно ставить вопрос о стилистической манере сказывания сказки у таких рассказчиков, которые данной сказки никогда не рассказывают и не рассказывали и только передают содержание, уступая настоя-

чивым требованиям собирателей. Вот почему записанный мною текст сказки об исцелении Ильи приходится квалифицировать как обычное явление бытовой речи, а не художественного сказывания.

Наши беглые замечания об отдельных элементах стиля и стилистики записанных былин показывают, что исследование сибирских вариантов может обнаружить следы особых версий, слабо отраженных в европейских записях. Примером может служить особая версия былины о Добрыне и Алеше. На сибирской почве мы замечаем и трансформацию былинно-поэтических формул, и создание новых — на основе местной идиоматики речи: эпитет «шивелистая», сложный эпитет «быстрым-быстра крутобе-режна», портрет Добрыни, одетого по-зимнему, почти по-сибирски, и т. п., отмеченные в нашей статье.

ТЕКСТЫ¹

I

ДОБРЫНЯ МИКИТИЧ И ЗМЕИЩЕ ТУГАРЫЩЕ

а

- Старийся Микита и перестарийся.
 А ставляет Микита житьё-бытьё,
 А житьё-бытьё Никита всё богатство
 Чодому Добрыни Микитичу.
⁵ Стаў-то Добрынюшка на возрасти,
 А й на возрасти Добрыня двенадцать лет.
 Стаў он постреливать гусей-лебедей,
 Серую утицу пушистую.
 — И отпусти меня, мать, в Опочай-реку.
¹⁰ — Нельзя, дитя, Опочай-река — река быстрая,
 Быстрая, шивелистая.
 А изнимут дни тебя мяжонныя,
 А изнимут жары тебя пятроўския,
 А захочится Добрыне покупатися
¹⁵ А во славною в Опочай-реке.

Мать-то его, волшебница, не отпускает его, как он не в летах. Она знат, что с ним будет. Когда уж она не могла его удержать, ну ладно!

- Даю тебе три слуги верныя, благоверныя:
 Первую слугу — пуховой каўпак,
 Вторую слугу — саблю вострую,
 Треттю слугу — жальце булатное.
²⁰ Доехал Добрыня к Опочай-реке,²

¹ Обе записанные К. А. Копержинским былины о Добрыне даются здесь в двух вариантах — от А. И. Моисеевой и А. И. Оглоблиной. Запись И. Прокопьева от Моисеевой не приводится, так как она почти полностью совпадает с записью К. А. Копержинского. Небольшие отклонения приводятся подстрочно. Прозаические вставки и ремарки в записи И. Прокопьева отсутствуют. Ремарки сказительницы даны курсивом и взяты в скобки. — *Ред.*

² После этого стиха в записи И. Прокопьева следует:

Изняли его дни межонные, жары петровские.

Захотелся Добрыне покупатися
 Во славною в Опочай-реке.
 Первую струю Добрыня переплыл,
 Вторую струю Добрыня переплыл,
 25 А треття струя быстрым-быстра,
 Быстрым-быстра, крутобережна.
 Богатырское сердце рассердилось,
 А могучие плечи расходилися,³
 Белья ручки размахалися,
 30 Тогда и поплыл Добрынюшка треттю струю.
 А и надлетает Змеишше Тугарышше,
 А несет на себе да загон земли:
 — Хош ты, Добрыня, я тебя землей задавлю,
 Хош, Добрыня, я тебя огнем сожгу,
 35 А хош, Добрыня, я тебя водой затоплю?⁴
 — А то и ты, Змеишше Тугарышше!
 Изняў ты меня на худой путё,
 На худой путё, на жидкóй воде.
 А допусти-ка ты меня до крутого бережка,
 40 До крутого бережка, до серóго камешка, —
 И там-то я с тобой да разделаюсь.
 Сам-то речь договаривает,
 А на крутой он бережочик выскакиват.
 Набирает каўпак со каменьями,
 45 Завязывает кйской шоўкавай.

(Ну, стало быть, не простой же каўпак — отбить сразу те головы).

Берет он саблю вострую,

Размахнуўся и отшиб три головы. Ну опять размахнуўся он и отшиб три головы. Отмахнуу,

Взяў, грит, жальце булатное,
 Заскочиў, грит, на груди змеинья.⁵
 Жальцем-то булатным режет груди змеинья.

Вот он потом ему, змей, отвечает:

50 — А ни режь ты груди мой, груди змеинья,
 Дам тебе плаття цвётное,
 Дам тебе драгоценное.

А он отвечает:

— Ни надо, грит, мне твое плаття,
 А ни надо мне плаття цвётное, плаття драгоценное.⁶
 55 Святые отцы писали-отписалися:
 — Не бывать Змеишшу Тугарышшу,
 Не бывать Змеишшу Тугарышшу на свете живому быть.

Запись 10 августа 1943 года от Акулины Ивановны Моисеевой, 68 лет, в деревне Березник Игирминского сельсовета Нижнеилимского района Иркутской области.

³ В записи И. Прокопьева этого стиха нет.

⁴ В записи И. Прокопьева: «водой утоплю».

⁵ У И. Прокопьева:

И берет жальце булатное,
И заскакивает на черные груди змеинье.

⁶ Этот и предыдущий стихи в записи И. Прокопьева отсутствуют.

6

Жиў-быў Добрынюшка на возрасти,
 На возрасти Добрынюшка двенадцать лет.
 Стаў он постреливити гусей-лебедей,
 Серую утицу пушистую.
 Хотей погулять да в Опочай-реку:
 — Отпусти меня, мать, да в Опочай-реку.
 Отпустила еўо мать да в Опочай-реку,
 Давала три слўги да слўги верныя.

Две-то струи наказывала плыть, а треттю струю — не плыви.

Две-то струи Добрыня переплыў,
 Треттю струю Добрыня не плаваў.

А потом, когда

Богатырское сердце рассердилось,
 Белья ручки размахались,
 Резвыя ножки расходилися,
 Треття струя быстрым-быстра да крутобережна.
 А надлетала на неўо Змеишша и Угарышша.
 Нясла на себе три осмы земли.
 Он-то на воде плывет,
 — То ли тебя, Добрыня, землей задавить,
 То ли тебя огнем спалить,
 То ли тебя водой залить?

А она еўо ничем не затопила. А он начаў с ней воевать. Мечом ей отбил крылля, а она невоистая стала. И тут ее отнясло под крутой бережок, под серый камешок.

Запись 11 августа 1943 года от Аяны Ивановны Оглоблиной, 72 лет, в селе Оглоблино Игирминского сельсовета Нижнеилимского района Иркутской области.

II

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И АЛЕША ПОПОВИЧ

а

А поехаў Добрыня на двенадцать лет.
 А молодой Настасье наказываў:
 — Жди меня, Настассюшка, три года,¹
 Жди меня, Настассюшка, шесть лет,
 5 Жди меня, Настассюшка, девять лет,
 Жди меня, Настасся, двенадцать лет.
 А двенадцать лет минуется,
 Молода Настасся, взамуж пойди!²
 А ни за князя пойди, ни за боярина,

¹ Вариант И. Прокопьева начинается с этого стиха.

² У И. Прокопьева: «взамуж иди».

- 10 Ни за сильнава, могучева богатыря,
 Не ходи-то за Алешу, за Поповича,
 За бабьява за просмешничка,
 За коровьява за пастушничка.
 А й ждала Настассюшка три года,
- 15 Ждала Настассюшка шесть лет,
 Ждала Настассюшка девять лет,
 Ждала Настассюшка двенадцать лет, —
 Молода Настассюшка взамуж пошла.³
 А ни за князя пошла, ни за боярина,
- 20 Не за сильнова могучева богатыря, —
 Пошла-то за Алешу за Поповича,
 За бабьява за просмешничка,
 За коровьява за пастушничка.
 Во ту-то пору, во то время
- 25 А идет груддю по улице незнамой человек.
 Вить шуба-то на нем да кобылячая,
 Ворки на ногах да зверинья,
 Рукавицы на руках да верблюжия.
 И заходит же Добрыня ко родной да мамоньке.
- 30 Отворяет двери с пяты на пяту,
 Запирает двери крепко-накрепко,⁴
 Вить крест кладет по-писанному,
 Поклон ведет по-ученному.⁵
 И он кланяется-поклоняется.⁶
- 35 Правой своей ручкой до сырой земли:
 — Здрастуй ась, родна мамонька,
 Чесная вдова, Мелфа Тимофеевна.
 Я видь, мамонька, сынишка твой!
 Где-ка, мамонька, семнишка моя?
- 40 — Ах, дитятка моя, моя ты родимая,
 Красная солнце за лясы зашла,
 А молода Настасся взамуж пошла.
- Ну-от, топеря и говорит, что —
 Ни за князя пошла, ни за боярина,
 Ни за сильнова, могучева богатыря, —
- 45 Пошла-то за Алешу за Поповича,
 За бабьява за просмешничка,
 За коровьява за пастушничка.
 — Мамонька моя ты родимая,
 Дай-ка мне ключи злотыя,
- 50 Пойду же я во погребу глубокия,

³ Стихи 14—18 в варианте И. Прокопьева читаются так:

Три года ждала Настасьюшка,
 Шесть лет ждала Настасьюшка,
 Девять лет ждала Настасьюшка,
 Двенадцать лет ждала Настасьюшка,
 Двенадцать лет минулось,
 Молодая Настасьюшка взамуж пошла.

⁴ В записи И. Прокопьева: «закрывает дверь...»

⁵ У И. Прокопьева: «Поклон делает...»

⁶ У И. Прокопьева этого стиха нет.

- Которыя двенадцать лет нехоженныя,⁷
 Возьму я свои прежния гусельцы,
 Которы двенадцать лет неиграныя,
 И пойду я к Алешеньке на свалебку.
 55 — Дитятко моя ты родимая!⁸
 У Алеши стоят приворотнички,
 У дверей-то стоят да придвернички,
 А стоят они да никаѹо не пропускавают.
 — Ить мамонька моя ты родимая,
 60 Возьму я с собой златой казны сметы нет,
 Вить дам я всем по денежке,
 Дам я всем по копеечке,
 Ить каждая деньга стоит пять рублей.
 И пропускавают-та Добрыню, — не задарживают.
 65 А заходит-та Добрыня да на свалебку,
 Крест кладет по-писанному
 И поклон ведет по-ученному.⁹
 И он кланяется, поклоняется¹⁰
 Правой своей ручкой до сырой земли:
 70 — Здрастуй, дружинька, стар казак Илля Мурович.
 Тысячкий, Самсон Колыванович,
 Свашенька, Апросья Королеевна,
 Князь молодой, свет Алеша Попович,
 А княгиня Настасья Микулишна.
 75 Спроговориѹ дружка, стар казак Илля Мурович:¹¹
 — Таковых нам людей сюды надоѹна,
 И то первое место переднее,
 Второе место — ременьчат стуѹ,
 А третте место — дубова скамья,
 80 А четвертое место — куды хош садись.
 А спроговориѹ Добрыня Никитич:¹²
 — А не надо вне место передняя,
 А не надо вне места ременьчат стуѹ,
 А не нада вне места дубову скамью, —
 85 Сяду под дверям да я на лавочку,
 Стану свои струны натягивати,
 Стану свои гусельцы разыгрывати.
 Ить первую игру да он разыгрывает
 Старому казаку Илле Муровцу:
 90 — А где-то это было видано?[?]
 А где-то это было слыхано?[?] —
 От жива-то мужа жена да взамуж пошла.
 Тут-то Настасья не догадалася.
 Вторую игру Добрыня разыгрыват¹³
 95 Ко молодой к Настассе к Микулишне:
 — А где-то это было видано?

⁷ Этот и предшествующий стихи в записи И. Прокопьева отсутствуют.

⁸ Вместо этого стиха у И. Прокопьева: «Не ходи к Алешеньке на свадебку».

⁹ У И. Прокопьева: «Поклон делает...»

¹⁰ Этого стиха у И. Прокопьева нет.

¹¹ У И. Прокопьева этого стиха нет.

¹² Этого стиха у И. Прокопьева нет.

¹³ У И. Прокопьева: «Разыгрывает Добрыня вторую игру».

Где-то это было слыхано? —
 От жива-то мужа жена взамуж пошла.
 Тут-то Настасся догадалася,

(Когда вторую-то к ней разыгрываё),

100 Через столики дубовые бросалася,
 А сама говорела такова слова:
 — Жениўся, Лешенька, не с кем спать.

Алеша отвечат:

— А разделяйся, Добрыня, со мной за сваялку.

Добрыня отвечат:

— А выезжай-ка, Алеша, на чистó поле,
 105 А на чистó поле, да на синё море, —
 Там-то я с тобой да разделяюсь!

Запись 10 августа 1943 года от Акулины Ивановны Моисеевой, 68 лет, в деревне Березник Игирминского сельсовета Нижнеилимского района Иркутской области.

6

А молодой-та жане своей наказываё:
 — Жди меня, Настассюшка, два года,
 Жди меня, Настассюшка, шесть лет,
 Жди меня, Настассюшка, девять лет,
 5 Да жди меня, Настассюшка, двенадцать лет.
 Двенадцать лет не буду, —
 Уж, молода Настасся, взамуж пойди.
 Ни за князя ты, ни за боярина,
 Ни за сильного, могучева богатыря,
 10 Не ходи же за Алешу за Поповича,
 За бабьява да за просмешничка,
 За коровьява да за пастушничка.
 Сидела Настасся два года,
 Сидела Настя шесть лет,
 15 Сидела Настя девять лет,
 Сидела Настя двенадцать лет.
 Взамуж пошла ни за князя, ни за боярина,
 Ни за сильново могучева богатыря,
 Пошла же за Алешу за Поповича,
 20 За бабьява за просмешничка,
 За коровьява за пастушничка,
 Во ту пору, ой, да во то время
 Выезжает да Добрыня Микитевич,
 Приходит ко своей к родной матушке,
 25 К чесной ко вдове Амелфе Тимофеевне.
 Крест кладет да по-писанному,
 Поклон ведет да по-ученному,
 Кланятся да поклоняется

- Своей правой ручкой да ко сырой земле:
 30 — Здрастуеш, да родна матушка,
 Ты чесная вдова Амелфа Тимофеевна.
 Спроговорила ему да родна матушка:
 — Ты же видь, дитятко, сынишка мой.
 — Я же видь, мамонька, сынишка твой.
 35 Где же видь, мамонька, семьишка моя?
 — Красная солнце за лесы зашла,
 Молода Настасся взамуж пошла,
 Ни за князя пошла, ни за боярина,
 Ни за сильнава, могучева богатыря,
 40 Пошла за Алешу за Поповича,
 За бабьява за просмешничка,
 За коровьява за пастушничка.
 — Мамонька ты моя родимая,
 Дай ты мне ключи зóлотья, —
 45 Пойду же я во погребѣ глубокия,
 В которья двенадцать лет не хожено.
 Достану я гусельцы прежняя,
 Которья двенадцать лет неигранья, —
 Пойду же я к Алешеньке на свалебку!
 50 Спроговорила ему да родна мамонька:
 — У Алеши у ворот да приворотнички,
 У Алеши у дверей да все придвернички,
 Никауо-то оне вить не пропускавают.
 — Мамонька моя ты родимая,
 55 Возьму я себе злата сметы нет,
 Пойду же я к Алеше да во свалебку.
 У Алеши у ворот да приворотнички,
 У Алеши у дверей да все придвернички,
 Никауо оне не пропускавают.
 60 Он груддю-та идет,
 Шуба-то на нем да кобылячая,
 Ворки на ногах зверинья,
 Рукавицы на руках да верблюжия.
 Подходит Добрыня Микитевич.
 65 У ворот у Алеши приворотнички,
 У Алеши у дверей да все придвернички.
 Никауо видь оне не пропускавают.
 Вынимает имя всем да по денежки,
 По денежки да по копеечки,
 70 Да по денежке, по копеечки,
 Каждая деньга стоит пять рублей.
 Пропускают Добрыню — не задерживают.
 Проходит добром Добрынюшка,
 За скобу берет крепко-накрепко,
 75 Отворяет дверь с пяты на пятау,
 Запирает дверь да крепко-накрепко.
 Крест кладет да по-писанному,
 Поклон ведет да по-учённому,
 Кланяется да поклоняется
 80 Своей правой ручкой до сырой земли:
 (Теперь он зашоу в избу, здоровается).

— Здрастуй, стар казак да Илля Мурович,
 Дружинька Самсон да Кольваноу сын,
 Свашынька и Апросина Королевишна,
 Князь молодой да Алеша Попович,
 85 Княгиня Настасся Микулишна!
 (*Вот которой наказывоу*).

Спроговориу да стар да Илля Мурович,
 Дружинька Самсон да Кольванович:
 — Нам таковых людей надоуно.

Первая место — передняя,
 90 Второе место — ременьчат стуу,
 Треття место — дубовá скамня.

Проговориу Добрыня Микитович:
 — Не нада мне место передняя,
 И не нада мне место ременьчат стуу,
 95 Не нада мне место дубовá скамья.
 Стану под дверям да я на лавочку,
 Стану я разыгрывать и гусельцы,
 Стану я натягивать и струночки.

(*На музыку направлять будет*).

Первую игру да он разыгрывау
 100 Стару казаку да Илле Муровичу:
 — Сидела Настассяшка два года,
 Сидела Настассяшка шесть лет,
 Сидела Настассяшка девять лет,
 Сидела Настассяшка двенадцать лет.
 105 Двенадцать лет как минулося,
 Она мóлода Настасся взамуж пошла.
 Ни за князя, ни за боярына,
 Ни за сильнава могучева богáтыря,
 За того же за Алешу за Поповича,
 110 За бабьева да за просмешничка,
 За коровьева да за пастушничка.

Вторую игру он разыгрывау, —
 К Анастассе Микулишне припадывау:
 — Сидела Настассяшка два года,
 115 Сидела Настассяшка шесть годов,
 Сидела Настассяшка девять годоу,
 Сидела Настассяшка двенадцать лет.
 Вздумала Настасся да взамуж пошла.
 Не за князя, не за боярына,
 120 Не за сильнава, могучева богáтыря,
 За того же за Алешу за Поповича,
 За бабьева да за просмешничка,
 За коровьева да за пастушничка.

Где же это было видано?
 125 Где же это было слыхано? —
 От жива мужа жена да взамуж пошла!
 Ни за князя, ни за боярына,
 Ни за сильнава, могучева богáтыря, —
 Пошла же за Алешу за Поповича,
 130 За бабьева да за просмешничка,
 Да за коровьева да за пастушничка.

А вот тут-то Настасья догадалася

(Когда он пропей).

Через столики дубовыя бросалася.

(А там уже поют):

Жаниўся Алешинька — не с кем спать.

Теперь Алеша предъявляет Добрыне разделаться за свалебку, а он ему говорит, Добрыня Микитевич:

135 — Выежжай-ка, Алеша, во чисто поле,

Во чисто поле да во широкое, —

Там с тобой я разделаюс.

(А Алеша куды поедет: в нем сила мала. Он только бабий просмешичник, коровий пастушничек. Он ее простиў).

Запись 11 августа 1943 года от Анны Ивановны Оглоблиной, 72 лет, в селе Оглоблино Игирминского сельсовета Нижнеилимского района Иркутской области.

III

ИЛЛЯ МУРОВИЧ (ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЫ)

Жиў-быў Илля Мурович,

У нем силы большой не было.

Помочь собрали — силы не хватат.

Помочь делали.

Порешили-порядили и сяли обедать.

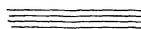
Приходят два странники в избу:

«Иллюша, нас напой!»

А он и говорит имя: «Я уж, дядиньки, не хожу 30 лет». «Нет, пойдешь». Встаў да пошоў, притащыў жбан пива, жбан пива стаў наливать имя. Они сказали: «Сам пей». Потом другой жбан. «Нет, Иллюша, ты пей». Другой жбан выпий — ишшо большую силу почувствоваў. По третий жбан пошоў. Третий-то жбан притащыў. Опеть пить они еўо заставили. Опеть же он выпий. Ну-от и спрашивают е о: «Как в тебе, Иллюша, в тебе силы?» — «А во мне топерь силы — в землю вкопай струб да штоб до неба было, а я еўо выворочу». Они маленько убавили у неўо. Стали, пошли и попрощалися с ним: «Ну, Иллюша, прощай!»

А Иллюша силу почувствоваў, Достаў бочонок пива и бочонок вина. Под обои пазухи взяў и пошоў к нимя на помочь, где они лес рашшышшают, и родителям и помощанам. Ну и кода обедать-то сяли, он идет с бочками-та. Она-то (мать, — К. К.) узнала еўо даўно: «Иллюша наш идет». А он (отец, — К. К.) говорит: «Какой такой Иллюша пойдет? 30 лет не ходиў». Подходит ближе. Отец-то узнаў. Соскочили, в еде поступились. Отец зрадоваўса. Мать зрадовалася: помочь есть. Он стаў рассказывать... начали пить... Он стаў лес дергать и гору-то спрудий лесом, а потом очистий сам-та.

Запись 11 августа 1943 года от Анны Ивановны Оглоблиной, 72 лет, в селе Оглоблино Игирминского сельсовета Нижнеилимского района Иркутской области. Запись приблизительная.

Н. П. КОЛПАКОВА

НОВЫЕ ЗАПИСИ БЫЛИН НА ПЕЧОРЕ

Публикуемые ниже былины — часть фольклорных материалов, привезенных летом 1955 года экспедицией Сектора народного творчества ИРЛИ АН СССР, работавшей в Коми АССР, в районе среднего течения реки Печоры (Усть-Цыльма и ее окрестности).

Общеизвестны богатые коллекции печорских былин, собранные в этих местах в начале XX века Н. Е. Ончуковым и в 1929 году А. М. Астаховой.¹ Одной из основных задач экспедиции 1955 года было проверить современное состояние былинного эпоса в районе Усть-Цыльмы и произвести разведку по притокам Печоры — в верховьях реки Пижмы и по реке Цыльме, где записи былин никогда еще не производились.

Трудно было надеяться найти какие-нибудь новые, еще неизвестные науке былинные сюжеты; но представлялось в высшей степени интересным обследовать места, еще не разведанные фольклористами, выяснить наличие в них былинной традиции и установить ее преемственную связь с материалом, записанным несколько десятков лет тому назад в близких окрестностях.

В течение двух месяцев работы (июль—август) и в самой Усть-Цыльме, и по рекам Пижме и Цыльме сотрудники экспедиции неоднократно встречались с исполнителями классического былинного репертуара. Хотя очевидно, что былины на Печоре в наши дни не развиваются, а угасают, тем не менее в различных селениях Усть-Цылемского района имеются былинщики (притом разного возраста), знакомые с классическим былинным наследием.

Из певцов, которых записывала в 1929 году А. М. Астахова (не говоря уже о былинщиках, певших Н. Е. Ончукову), экспедиция почти никого не нашла. Живыми, здоровыми и бодрыми оказались лишь Еремей Провович Чупров, 67 лет, и Малафей Иванович Чупров, 68 лет, — оба в дер. Абрамовской на реке Пижме.

Но если умерли или состарились до дряхлости былинщики поколения 1920-х годов, экспедиция встретила ряд других, которые, по-видимому, остались неизвестными предшествующим собирателям или успели за это время прийти в возраст и стать былинщиками. Экспедиция записала ряд былинщиков, не записанных ранее собирателями: в Усть-Цыльме — Тимофей Семенович Дуркин, 84 лет; Гаврила Васильевич Вокуев, 73 лет; на Пижме — Дмитрий Федорович Чуркин, 79 лет (дер. Чуркино); Маркел Маркелович Чупров, 72 лет (дер. Абрамовская); Демид Фатеевич Бобрецов, 71 года (дер. Степановская); Семен Иванович Чупров, 67 лет (дер. Абрамовская); Сидор Нилович Антонов, 63 лет, и его жена Агафья

¹ Н. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904; Былны Севера, т. I. Записи, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938.

Григорьевна Антонова, 47 лет (оба в дер. Скитской); Леонтий Тимофеевич Чупров, 52 лет (дер. Боровская), и его жена Анна Лукична Чупрова, 43 лет; Федосья Федотовна Осташова, 52 лет (дер. Скитская); Павла Маркеловна Чупрова, 30 лет (дер. Скитская). Последняя — дочь певца М. М. Чупрова из дер. Абрамовской.

Все эти исполнители не были раньше записаны собирателями.

Репертуар былин, собранных экспедицией в Усть-Цыльме и на реке Пижме, во многом совпадает с записями Н. Е. Ончукова и А. М. Астаховой. Нам встретились былины «Илья и Сокольник», «Бутман», «Про Скопина», «Первая поездка Ильи». Особенно популярными оказались сюжеты «Илья и Сокольник» и «Бутман», которые встречались нам и полными текстами, и в отрывках. Там же, в Усть-Цыльме, была нами записана редко встречающаяся на Печоре былина о Добрыне и змее, с полным и крепким текстом.

Что касается не исследованной предыдущими собирателями реки Цыльмы, то в ее деревнях, как указывалось местными жителями, былинщиков немало, но далеко не всех их мы могли повидать из-за того, что многие из них находились на промыслах (в лесу или у моря), где разыскивать их не представлялось никакой возможности. Тем не менее на Цыльме мы записали былины от двух талантливых исполнителей — Никиты Федоровича Ермолина, 70 лет (дер. Трусовская), и Лазаря Михайловича Носова, 76 лет (дер. Кривомежная). От первого мы получили большие цельные тексты былин «Соловей Будимирович», «Чурила», «Илья и Соловей разбойник». Второй спел длинную былинку «Про Фатена» (Хотен Блудович) и отрывок былины «Про Добрыню» (Добрыня и Дунай).

Из записанных 17 сказителей не все одинаковы по своему репертуару и степени мастерства. Некоторые знают не по одной былине, поют уверенно, твердо, не сбиваясь. К таким мастерам принадлежат Е. П. Чупров в дер. Абрамовской, Н. Ф. Ермолин и Л. М. Носов на Цыльме, Т. С. Дуркин и Г. В. Вокуев в Усть-Цыльме. Другие помнят немного, знают только фрагменты былин. Женщины-сказительницы поют обычно с мужьями (вернее — подтягивают им), а самостоятельно исполнить былинку не могут. Былинщики, которые дали нам полноценный материал, принадлежат к различным типам певцов.

Совершенно незабываемое впечатление производит такой мастер, как Еремей Провович Чупров. Очень темпераментный, энергичный, прекрасно знающий свои былины, он исполняет их с громадным увлечением, все больше и больше воодушевляясь во время пения, не обращая внимания на толпу слушателей, которая обычно собирается в таких случаях в избу. Репертуар Е. П. Чупрова невелик, но исполнительское мастерство необычайно высокого качества.

Другой — не менее интересный и своеобразный — тип сказителя представляет Л. М. Носов. Веселый, кроткий старик, с шутками и прибаутками в разговорной речи, приветливый, небольшого роста, он по внешности является полной противоположностью мужественному, высокому, несколько суровому Чупрову, в котором, несмотря на его возраст — 67 лет, нет ничего стариковского. Если Чупров пел про бой отца с сыном, про удалой разгул Бутмана, то репертуар Носова — новеллистический, семейно-бытовой. Исполняет Лазарь Михайлович былины очень охотно. Наша встреча с ним произошла несколько неожиданно — на дороге при переходе из деревни в деревню, после того как мы долго и тщетно разыскивали его по всем деревням Цыльмы. Оказалось, что старик гостил у сына и теперь возвращался домой. С первых же слов знакомства Л. М. Носов проникся со-

чувствием к нашей работе и, не останавливаясь, на ходу, запел былину о женитьбе Хотена. Пришлось сделать остановку и тут же, на краю придорожной канавы, начать запись, чтобы не упустить того вдохновения, которое явно овладело певцом; старик был чрезвычайно доволен нашим вниманием к его «старинам».

Третьим типом сказителя явился Леонтий Тимофеевич Чупров из деревни Боровской на Пижме. Сравнительно еще молодой для былинщика — ему 52 года — Леонтий Чупров поет спокойно, деловито, не особенно увлекаясь, но очень истово и старательно. От него были записаны былины «Илья и Сокольник» и «Про Бутмана».

Наконец, четвертая встретившаяся нам разновидность сказителя — Дмитрий Федорович Чуркин из дер. Чуркино на Пижме. Это высокий, красивый старец с пышной седой бородой, с большим достоинством в неторопливых манерах, в речи, во всем величавом облике. Та же величавость и достоинство проступали и в его артистической манере. Он пел, словно любуясь былиной и оценивая всей душой то мастерство, с которым народная поэзия сумела передать предания прошлого. От него была записана былина про Скопина.

Людей, знающих «старины», на Печоре и ее притоках знают, любят и глубоко уважают за их искусство. Помимо мастеров, известных иной раз далеко за пределами своих деревень (как Е. П. Чупров, Н. Ф. Ермолин, Д. Ф. Чуркин), во многих селениях имеются колхозники, знающие отдельные отрывки из той или другой былины, умеющие слегка напеть их. Среди таких исполнителей встречаются люди лет сорока и даже тридцатилетние. Но трудно сказать, станут ли они к старости былинщиками-мастерами, или же их сегодняшнее знание былинного эпоса дальше не разовьется и погибнет.

Запись былинных текстов производилась экспедицией параллельно с записью напевов. Из музыкальных особенностей печорских былин можно отметить короткую и ясно очерченную строфу (охватывающую одну строку текста), четкий ритмический рисунок, почти полную устойчивость интонационных оборотов. По своим музыкально-стилистическим особенностям напевы былин на Печоре, Пижме и Цыльме ближе к песенной, нежели к речитативно-декламационной сфере интонаций.

Напевы эти, как правило, к разным былинным сюжетам различны. У каждого сказителя имеются свои напевы, в силу чего былины на один и тот же сюжет, записанные от разных исполнителей, в музыкальном отношении обычно не совпадают друг с другом.

Репертуар свой былинщики на Печоре, почти как правило, знают от отцов и дядей или от каких-нибудь других стариков, с которыми с юности сживали вместе на рыбных промыслах или у берегов моря, охотясь на морского зверя. Там молодые сказители привыкали петь, подпевая старшим. В ряде случаев мы слышали былинку в исполнении двоих или троих певцов; более крупные мастера поют обычно одни, но рядовые исполнители охотно привлекают к пению соседей или членов семьи, которые могут им подтягивать (причем обычно в унисон, без подголосочных распевов).

В быту исполнение былин можно услышать чаще всего в таких случаях, как большой общий праздник, за столом, при народе, когда односельчане и собравшиеся просят былинщика спеть «старину». Но поются былины и в обычной будничной обстановке — за работой, при переездах в лодке из деревни в деревню, нередко в полном одиночестве. Участникам экспедиции привелось слышать исполнение былин и на месте в деревнях, и в пути при пешем и водном передвижении из села в село, при беседе в тес-

ном кругу и при большой аудитории. К записи былин (особенно на магнитофон) исполнители относились чрезвычайно внимательно, сочувственно и серьезно, охотно фотографировались и с большой гордостью рассказывали о своих фотографиях, помещенных в сборнике А. М. Астаховой «Былины севера».

Ниже приводится несколько текстов и напевов, записанных экспедицией ИРЛИ в 1955 году от разных былинщиков Усть-Цылемского района. При отборе материала для публикации учитывались: 1) степень неисследованности того микрорайона, где была произведена запись (в силу чего из 5 публикуемых былин 3 взяты из записей, сделанных на реке Цыльме); 2) необходимость показать разнообразие былинных сюжетов в Усть-Цылемском районе и среди них — некоторые сюжеты, редкие для Печоры (как например № 1 — «Добрыня и змей»); 3) степень художественной полноценности текстов и напевов.

Все публикуемые тексты записаны Н. П. Колпаковой. Магнитофонные записи произведены Ф. В. Соколовым. Расшифровки выполнены: №№ 1, 2, 4 — М. П. Дьяченко, № 5 — Ф. В. Соколовым.² При расшифровке в текстах сохранены вставные гласные, звучавшие при пении.

Названия былин даны самими исполнителями. Подзаголовки, помещенные в скобках, даны собирателем.

1

ПРО ДОБРЫНЮ (ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ)

Вот и прежде Казань и дак слободой и стоял,
 Кабы нынче Казань дак славный город стал.
 Как во том еще в Казани да славном городе
 Уже жил тут и был Микитушка Романович,
 5 Уже жил он и жил девяносто лет, а девяносто лет.
 Как состарилсе Микитушка ах и преставилсе.

(Помер!)

Как оставалась у него дак молода жена,
 Молода его жена дак любимá семья,
 Как осталась она беременна.
 10 Уж носила она сорок неделичек,
 Как спрносила она сорок неделичек,
 Как исполнила она дак девять месяцев,
 Уж родила она себе сына да ясна сокола,
 Уже собирала она себе нынче попов и дьяков,
 15 Как всех церковных она дак нынч причетников,
 Уже думали имечко назвать мальчика,
 Уже назвали его Добрынюшкой:
 Ох ты ой еси, Добрынюшка Микитич-бат!
 Стал Добрыня растеть, матереть
 20 Не по годам, не по месяцам — по неделюшкам.
 Вырос Добрыня до трех годов,
 Стал Добрыня по улице похаживати,
 С малыыми ребятками стал поигрыватьи,
 На кого осердится — возьмет за руку, рука прочь,
 25 Кого возьмет за ногу — нога прочь,

² Былина № 3 исполнялась на один напев с № 4.

- Кого возьмет за голову — голова прочь,
 Посередке возьмет — живота лишит.
 Стали людишки ходить, на Добрыню жалиться:
 — Прокажит Добрыня, убивает ребят.
- 30 Не стал больше Добрыня по улице похаживать, —
 Запретила его маменька родимая.
 Стал ходить Добрыня во божью церковь,
 Стал учиться божьей грамоте.
 Ходил он, учился три годá,
- 35 Выучилсе божьей грамоте.
 Тогда вздумал прогуляться на добром коне на родительском
 По чистым полям, зеленым лугам.
 Стал просить у матери благословленьица
 Съездить ко синю морю,
- 40 Пострелять гусей, белых лебедей,
 Побить серых малых уточек.
 Не дает ему маменька благословленьица:
 — Молодехонек ты, зеленехонек,
 На расцвете травка шелкова,
- 45 На прочите¹ листики малиновы.
 Падает Добрыня во второй-от раз,
 Просит Добрыня благословленьица.
 Не дает ему маменька родимая.
 Падает Добрыня в третий раз:
- 50 — Дашь — поеду, и не дашь — поеду.
 Тогда дала ему матушка благословленьице
 Со буйной головы до сырой земли.
 Соскочил Добрыня на резвыи ноги,
 Он бежал вон на улицу,
- 55 Он бежал на конюшен двор,
 Он имал себе коня по свою плечу,
 Обуздал его уздечкою тесмяною,
 Обседлал его седельшком зеркальчатым,
 Во седельшко он клал да плотны потнички,
- 60 На потнички стелил мягки войлочки,
 Застегивал двенадцать подстегóленок,
 Метал тринадцатую через сильну степь,
 Через сильну степь лошадиную:
 — Это не ради басы — ради крепости,
- 65 Не оставил чтобы конь меня в чистом полé.
 Молодехонек я, зеленехонек,
 Шести лет я ведь отроду.
 Положил в седельшко он палицу буёвую шестьдесят пудов,
 Положил копейцо бурзомецкое,
- 70 Положил сабельку вострую,
 Положил тугой лук и стрелочки калёные,
 Пошел тогда в палаты белокаменны,
 Зашел Добрыня к своей маменьке.
 Срядился Добрынюшка скоро-наскоро
- 75 Он во платье во дорожное,
 Распростилсе он со всеми нянечками, служаночками,

¹ На прочите — вместо на прочике, т. е. в стадии распускания.

- И простилсе с маменькой родимой.
 Вышли спровожать его на крылечушко.
 Вынесла маменька его плеточку шелковую
 80 Семи шелков, семи разных заморских:
 — Много людей к морю ездило,
 А мало приезживало.
 У тя отец с этой плеточки всегда живой приезжал.
 Станешь стрелять гусей, белых лебедей,
 85 После — малых серых уток,
 Как приедешь ко синю морю —
 Там тебе и припотеетсе,
 Станешь в морюшке купатисе,
 Перва струя хороша, а другá еще лучше того,
 90 А третья струя зла-относчива,
 Отнесет тебя во синё морё.
 Распростилсе Добрыня с родной маменькой,
 На коня скочил, в стремена ступил,
 Не видали поездки богатырской,
 95 Не видали побежки лошадиной,
 Только видят — в поле куревá стоит,
 Куревá стоит, пар столбом валит,
 Из ноздрей искры сыпом сыплютсе,
 Изо рту пламя — огонь столбом стоит.
 100 Начал гонять Добрыня по чистым полям.
 Вот он приехал ко синю морю,
 Стрелял гусей, лебедей, малых серых уток.
 Вот задумал Добрыня искупатисе.
 Поплыл по первой струе, а другá еще лучше того,
 105 Тогда придумал поплыть на третью струю.
 А третья струя был относчива,
 Отнесла молодца на синё морё.
 Стал Добрыня по морю поплавывати,
 Стал во сине море поныривати.
 110 Надлетает на его змея лютая,
 Небылыми речьми она похваляется:
 — Хочу я тебя, молодца, теперь в воде стоплю,
 Хочу тебе в огне сожгу,
 Хочу тебя в смоле сварю.
 115 Плават Добрынюшка во синём морё,
 Плават Добрыня, сам печалитсе.
 Собрал он все силы богатырские,
 Нырнул тогда он в быстру струю злу-относчиву,
 Вынырнул Добрыня на доброй струе,
 120 Нырнул, выскочил на берег к добру коню,
 Натянул себе только одни штаны,
 На босу ногу сапожечки сафьянные,
 Не успел надеть шубу енотову —
 Налетела змея лютая,
 125 Стары хоботы намetyвает.
 Ухватил Добрыня копыцео бурзомецкое,
 Начали они тут ратитьсе.
 От руки его копейцео загоралосе,
 По насадочке извихалосе.

- 130 Бросил его Добрыня на мать сыру землю,
 ✓хватил он палицу буёвую,
 Палицу буёву шестьдесят пудов,
 Начал лупить змею палицей буёвою.
 От руки его палочка загореласе,
- 135 По насадочке извихаласе.
 Бросил палицу Добрыня на матушку сыру землю.
 Схватил он тогда сабельку вострую,
 Он начал рубить змею той саблей вострою.
 От руки его сабля загораласе,
- 140 По насадочке извихаласе
 И с носка до пяты вся исщербаласе.
 Бросал ее Добрыня на матушку сыру землю.
 Схватился он со змеюшкой в рукопашный бой.
 Во одних Добрыню суточках
- 145 Из силы Добрыню выбило.
 Стала змеюшка его да все потáрзывать,
 Стала змеюшка посвистывать,
 Пала в ум Добрыне плеточка шелкóвая,
 Что давала родна матушка.
- 150 Сунул праву руку во правый карман —
 Попала плеточка ему в руку шелкóвая.
 Вытащил Добрыня плеточку шелкóвую,
 Начал бить-лупить змею он лютую.
 Стала змеюшка взвиватисе,
- 155 Стала Добрынюшке канатисе:
 — Спусти меня на свет живой.
 Говорит Добрыня таковы слова:
 — Когда вышел я из синя моря,
 Не дала ты мне срядитисе,
- 160 Не дала ты мне сесть на добра коня,
 Нет тебе боле спуску, не будет от меня.
 Застегал змею Добрынюшка до смерти.
 Нарвал там сырых дубов, развел огонь
 И взвалил он змею люту на огóничек.
- 165 И докуль не сгорела змея лютая —
 Не ложился спать Добрынюшка.
 Тогда выкопал яму преглубокую,
 Пепел срыл туда, захоронил землей,
 Навалил поверх хряща-каменя.
- 170 Вот тогда Добрыня попил, поел чего бог послал,
 Привязал коня к себе за праву ногу
 И лег спать под сырой дуб.
 Спал Добрынюшка трое суточки
 Со побоища великого.
- 175 Разбудилсе он, направилсе,
 Тут садилсе Добрыня на добра коня,
 Поехал в дальний путь-дороженьку —
 Искать змеинный дом, где жила змея лютая.
 Долго ездил Добрыня по чистым полям,
- 180 По чистым полям, по темным лесам,
 И нашел он змеинный дом.
 У змеи была унесена красавица,

По всему свету забавница.
 Выручал себе Добрынюшка красавицу,
 185 Позабрал он у змеи злата-серебра
 И каменьев драгоценных
 И сожог Добрыня змеиный дом.
 Отправлялся во свое место Добрынюшка,
 Скоро сказка скажется, долго дело деется.
 190 Еще ездил Добрыня двенадцать лет,
 А уехал он в шесть годов,
 А приехал домой в восемнадцать лет.
 Он привез себе жену красавицу,
 По всему свету забавницу.
 Тут и конец.

(Шутово дело, старины-то, да ведь вот как долго).

Записано 25 августа 1955 года в Усть-Цыльме от Тимофея Семеновича Дуркина, 84 лет.

2

ПРО СТАРОГО КАЗАКА ИЛЮ МУРОМЦА
 (БОЙ ИЛЫ МУРОМЦА С СЫНОМ)

Ой, недалёко от города от Киева,
 Недалёко, неблизко да за двенадцать верст
 Стояла застава да богатырская.
 Невелика, немала — тридцать да со богатырем.
 5 Они ходили каравулили стольный Киев-град,
 Тут ни конной, ни пеший не прохаживал,
 Ни рыскающий зверь да не пробегивал,
 Ни ясен сокол да не пролётывал,
 Жил за старшого да Илья Муромец.
 10 Поутру вставал да он ранёшенько,
 Умывается старой да ключевой водой,
 Вытирается старой да полотеничком,
 Богу молитесь да не по множеству,
 Одевал козловы те сапожки на белы чулки,
 15 А кунью шубу да на плечи,
 А пуховой колпак да на головушку,
 А брал он трубочку подзорную,
 И зрел-смотрел на все стороны.
 На севере стоят да ледяны горы,
 20 А еще зрит в сторону восточную.
 На восточной стоят да леса темные.
 А еще зрит-смотрит в ту да южную.
 А на юге там стоят луга зеленые.
 А еще зрит-смотрит во сторону во западную.
 25 А на западе стоит да поле чистое,
 Поле чистое да все Куликово.
 Там славной Буян остров он шатается,
 А не Саратовски там горы да воздымаются,
 А ведь едет богатырь да забавляется.

- 30 В руках держит да свой лук тугой,
Он стрелочку калёну да сам постреливат,
На лету ее подхватыват.
На землю ее да не ураниват.
На левом колене у его чернильница,
- 35 На правом колене его бумажечка.
А и пишет он арлык да скору грамоту.
Он подмётыват да ко белу шатру,
Выбегат старой да он скорешенько,
Брал он записочку легошенько,
- 40 Давал читать Добрынюшке Никитичу.
Где читал Добрыня, да усмехается:
— А не идет богатырь, да похваляется:
«Уж я еду к вам в стольный Киев-град,
Пошуметь-погреметь да в стольном Киеве,
- 45 Я божьй церкви на дым спущу,
А церковны-те иконы на поплав воды,
А медны кресты я во грязь стопчу.
Владимира-князя под меч склоню,
Апраксию-княгиню за себя возьму.
- 50 Крупну силу да я повыбью всю,
Мелку силу я повыгоню,
Да Добрынюшку Никитича да во писари».
Закричал старой громким голосом:
— А не время спать да нам пора вставать,
- 55 Не от великого хмелю да просыпаетисе,
Не от крепкого сна вам разбуджатисе.
А кого же мы пошлем да за богатырем,
А кого же мы пошлем да за могучиим?
А послать-то не послать Самсона да Колыбанова?
- 60 А Самсон-от Колыбанов роду да он сонливого,
Не за что он потерят дак буйну голову.
А послать-то не послать-то Мишку-ле Турупанишка?
А Мишка Турупанишка роду-ле да торопливого,
Не за что он потерят дак буйну голову,
- 65 А послать-то не послать Алешеньку Поповича?
А Алешенька Попович роду заговорлива,
Не за что он потерят дак буйну голову.
А послать-то не послать Добрынюшку Никитича?
А Добрынюшка Никитич роду вежлива,
- 70 А сумеет он с богатырем ведь съехаться.
А не видели, как Добрыня да на коня сключил,
А не видели, как Добрыня да в стремяна ступил,
Только видели в поле копоть стоит.
Где догнал Добрынюшка богатыря,
- 75 Он кричал ему да во первой закон:
— Если русский богатырь, да поворот держи,
А не русский богатырь, да я напұс¹ даю.
А на это тут детина да не ослушалсе,
А закричал Добрыня да во второй закон:
- 80 — Если русский богатырь, да поворот держи,

¹ Т. е. напұск, натиск.

- А не русский богатырь, да я напѹс даю.
 А на это тут детина да не ослушалсе.
 А кричал Добрыня да во третий након:
 — Если русский богатырь, да поворот держи,
 85 А не русский богатырь, да я напѹс даю.
 А на это тут детина да не ослушалсе.
 А тут стал Добрынюшка ругатисе:
 — А едешь гадина да перегадина,
 А летишь ворона да пустопѣрая,
 90 А летишь, машешься, сорока да загумѣнная.
 А была у нас у барина коровка набозыкова,²
 По загуменьям коровина волочиласе,
 Алавиной³ корова да подавиласе.
 А верно те, собаке, да то же надобно.
 95 А на это тут детина да поворот дает,
 О да брал он Добрыню да за желты кудри,
 А бросал его да на сыру землю,
 А дал ему да тут по тыпышу,
 А прибавил еще да по олабышу.
 100 — А поезжай, грит, ты назад да во белой шатер,
 А скажи-ка старику да ты низкой поклон,
 А что он вами, г. . . . , да заменяется.
 Ему самому со мною да не поправитсе.
 А и едет Добрыня да не по-старому,
 105 А и конь его бежит да не по-прежнему,
 А повеся держит Добрыня да буйну голову,
 Потопя его да очи ясные.
 А де стал старой Добрынюшку выпрашивать,
 А Добрынюшку выпрашивать, его выведывать.
 110 — Видел в поле да я богатыря,
 А шлет ли тебе да он низкой поклон,
 А говорит — что он вами, г. . . . , да заменяется,
 Ему самому со мною да не поправитсе.
 А завидело око да молодецкое,
 115 А слышало ухо да богатырское,
 Расходились его плеча могучие,
 Рассердилось его да ретиво сердце.
 — Оседлайте мне да вы добра коня.
 Уберите его да вы со трех цепей,
 120 Укладите восемь подпружичек,
 А девятую кладите да через хребтину.
 А на шею кольчужечку серебряну,
 А не ради красы дак молодецкой,
 А ради крепости да богатырской,
 125 А чтобы не оставил доброй конь да во чистом поле.
 А не успеете вы шей котла сварить,
 А привезу я вам погану да буйну голову,
 На погаленье вам дам, на поруганье.
 А не видели, как старой да на коня вскочил,
 130 А не видели, как он да в стремена вступил,

² Т. е. старая (от «базыга» — старый хрыч).

³ Вместо «оловиной» — осадками от браги, пива, кваса.

- А только видели в чистом поле копать стоит,
 Из-под копыт коня да искры сыплются,
 А из рота да коня да пламя мечется.
 Не золотиста грива да расстилается,
 135 Хвост трубой его да завивается.
 О де наговаривал Сокольник да он своим слугам,
 Он своим слугам да своим верным:
 — Уж выбирайте вы себе хозяина поласковой,
 А поласковой хозяина, повежливей,
 140 А со старым-то съехатися да не с родным отцом,
 А со старым-то съехатся да мне не брататься,
 А со старым-то съехатся да дело да под молитвою,
 День под молитвою да чья божья помощь.
 Тут не две горы да там столкнулисе,
 145 А два богатыря да съехались,
 А копья их да повихались,
 А сабли их да пощербалисе,
 Ухватились они да там в охабочку.
 Они бились, дрались да целы суточки,
 150 А де старому похвально да слово встретилось,
 А лева рука да проказнулася,⁴
 А права нога да подломилася,
 А де упал старой да на сыру землю,
 Где взмолилсе старой да богородице:
 155 — А я за вас стою, да я за вас борюсь,
 А я стою, борюсь за верушку христовую,
 А выдали вы меня поганым да на погáленье,
 А на погáленье выдали, на поруганье.
 А тут не ветер полосочкой возмахиват, —
 160 У старого силы вдвое да тут поприбыло.
 Ухватил он Сокольника за подпазухи
 И бросил его да на сыру землю.
 Он вытащил ножичок булатный,
 Возорвал его латы железные,
 165 А хотел он ему резать да груди черные,
 А смотреть его да ретиво сердце,
 А в плече его рука да остоялася,
 Он стал выспрашивать богатыря:
 — Уж ты кой земли да коей матери,
 170 А как звать тебя да нынь по имени?
 — Когда я у тя сидел на грудях, тебя не спрашивал,
 А режь меня да ты не спрашивай.
 А замажнулсе старой ведь во второй разок,
 А в локтю рука его да остоялася.
 175 — Уж ты гой еси, да добрый молодец,
 Коей ты земли да коей матери,
 А как тебя зовут да нонь по имени?
 — Я у тя сидел на грудях, тебя не спрашивал,
 А режь меня да ты не спрашивай.
 180 Замахнулсе старой да во третий разок,

⁴ Вместо — проскользнулася.

- А в заведи⁵ его рука да отстоялесе.
 — Уж ты гой еси, да добрый молодец,
 Коей земли да коей матери,
 А как тебя зовут да нонь по имени?
 185 — Есть за морем поляница да одинокая,
 Есть за морем поляница да одинокая,
 Та поляница моя матушка.
 Тут соскакивал старой на резвы ноги,
 Брал Сокольника за белы руки,
 190 Называл его сыном любезным.
 Говорит Сокольник таково слово:
 — А и как ты прижил меня моей маменьке?
 — Я у маменьки твоей прожил в тай⁶ три месяца,
 Тут тебя и прижил я, мой сын.
 195 Говорит Сокольник таково слово:
 — А поеду я, спрошу у моей маменьки,
 Верно ли ты ею похвасталсе.
 Погонил Сокольник к своей маменьке,
 А старой поставил шатер белобархатный,
 200 Лег он спать с великого побоища.
 Пригонил Сокольник к своему двору,
 Говорит матери таковы слова:
 — Был я на полях на киевских,
 Видел старого казака Илью Муромца.
 205 Назвал он тебя б. . . . ю, меня вы. . . . м.
 — Не пустым старой похваляется,
 Он со мной жил в тай⁶ ровно три месяца,
 Тут тебя мне-ка прижил.
 Тут схватил Сокольник саблю вострую,
 210 Срубил у матери буйну голову.
 Он садился на добра коня,
 Ехал во чисто поле ко старому.
 Заскочил Сокольник в шатер белобархатной,
 Старой спит, как порог шумит.
 215 Ткнул Сокольник старого копьем в ретив⁶ сердце.
 А у старого погодилсе на груди чуден крест,
 Копейцо в крест вошло да и сломалосе.
 Ото сну старой пробуждается,
 Как схватил Сокольника за черны кудри,
 220 Поднял повыше дерева стоячего,
 Чуть пониже облака ходячего,
 На белы руки его не подхватывал.
 Пал Сокольник на матушку сыру землю.
 Тут Соколичку смерть случиласе.
 225 Тогда собрал старой свой белой шатер,
 Скочил старой на добра коня,
 Сам поехал на заставу богатырскую.

Записано 5 августа 1955 года в дер. Боровской Усть-Цылемского р-на Коми АССР от Леонтия Тимофеевича Чупрова, 52 лет, Маркела Маркеловича Чупрова, 72 лет, и Анны Лукиничны Чупровой, 43 лет.

⁵ Заведь — кисть руки.

⁶ Тай — тайбола, тайга. По объяснению исполнителя — тайком.

3

СТАРИНА ПРО СТАРА КАЗАКА ИЛЮ МУРОМЦА
(ИЛЛЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК)

- Собиралсе старой да в путь-дорожечку,
 А во ту-ою субботу-то во христовскую.
 Как в заутренню поспеть во стольной Киев-град,
 А всё прямым-то путем дак восемьсот тут верст,
 5 Ах окольным-то путем дак восемьсот тут верст.
 Прямоезжа-та дорожка да заколѣдела,
 Ах калиновы мосты все разворочены,
 Заселилсе там Соловей да сын Рахматович.
 Ах сряжалсе старой да в путь-дорожечку,
 10 Ах как складывал он заповедь великую:
 Как бы в пути-то-ле мне да во дорожечке
 Ах как рук бы ды своих да не кровавити.
 Ах поехал старой да в путь-дорожечку.
 Ах приехал старой во Быкетѳовец-град.
 15 Ах как те ли мужики жа быкетѳовские
 Ах как ходят во слезах да во великиих,
 Ах напала на них литва поганая.
 Ах как стал тут старой да подраздумался:
 — Ах как всякой-то заповеди вкладыват,
 20 Ах не всякой же заповедь исполнитват.
 Ах начал он тут бить литву поганую,
 Не оставил поганьих на сэмена.
 Ах как те ли мужики да быкетѳовские
 Ах тащѳат тут они да злато-сэребро,
 25 Говорил тут старой да Илля Муромец:
 — Мне не надобеть вашо да злато-серебро,
 Попросите-ка вы мне да могучей силѳы.
 Ах поехал старой да в путь-дорожечку.
 Ах слышал Соловей да сын Рахматович,
 30 Как едет удалой да добрый молодец,
 Засвистел Соловей по-соловьиному,
 Замызхѳал тут собака да по-собачьему,
 У Ильи ведь тут конь да на колени пал.
 Ах как бил-то Илля да по крутым ребрѳам:
 35 — Ах ты, волчья сыть да травяной мешок,
 Не слышал воронина да всяка граянѳя,
 Не слышал ты сорочьего кычиканѳя?
 Ах от свиста да ты да на колени пал.
 Ах снимал тут Илля с себя тугий лук,
 40 А как вкладывал он стрелочку калѳеную,
 А как вкладывал он, стрелке да приговаривал:
 — Ах лети-ко, моя стрела калѳеная,
 Ах лети-ку Соловью да ты во правый глаз,
 Ах как выйди, стрела, да во левѳо ухѳо.
 45 Ах свалился Соловей да сын Рахматович.
 Ах подъехал старой да Илля Муромец.
 Ах схватил он Соловѳя да за белѳы руки,
 Пристегнул он ко стремени булатному.

- Ах поехал старой во стольной Киев-град.
 50 Ах приехал старой-то ли ко к обеденке.
 Ах отслужили уже службу христовскую.
 Говорит тут старому да Владимир-князь:
 — Ах как что же ты, Илья, да опоздал сегодня?
 Говорил тут Илья да таковы слова:
 55 — Получилось две одержки тут великие.
 Ах как первая одержка да вот Быкетовец-град,
 Ах напала на него литва поганая,
 Ах разбил я их да растоптал да до единого.
 А втора одержка да Соловей-разбойничек.
 60 Ах говорил тут как солнышко Владимир-князь:
 — Ах не ври-ка, Илья, нас не обманывай,
 Что Соловей будет у ты да здесь прикованной.
 — Ах идемте со мной вы ко добру коню,
 Ах увидите там Соловья-разбойника.
 65 Ах пошли тут они да ко добру коню,
 Говорит тут да солнышко Владимир-князь:
 — Засвисти-ка, Соловей, по-соловьиному,
 Замызхай-ко, собака, да по-собачьему.
 Говорит Соловей да сын Рахматович:
 70 — Не твое я пью-ем, не у ты и кушаю,
 Не тебя я хочу да нонь ведь слушати.
 Говорил тут старой да таковы слова:
 — Засвисти-ко, Соловей, да только в полсвиста.
 А как солнышко князь тут на колени пал.
 75 Ах как вынул старой тогда булатной нож,
 А прирезал-приколол Соловья на смерть тогда.

Записано 19 августа 1955 года в дер. Трусовской Усть-Цылемского р-на
 Коми АССР от Никиты Федоровича Ермолина, 70 лет.

4

СТАРИНА ПРО ЧУРИЛУ

(ЧУРИЛА И НЕВЕРНАЯ ЖЕНА ПЕРМЯТЫ)

- Выпадала пороха да снегу белого,
 Ах-ы не во пору порошица, не во времё,
 Как середь конца лета да о Петрова дни.
 Ах как по этой по порохе да не ушкан скакал,
 5 Не ушкан тут-то скакал, не горностасть рыскáл,
 Ах-ы бежал тут-то Чурила да Бладоклénкович
 Ко чужой-то жене да он к Пермякиной.
 Увидала его девушка-черनावушка,
 Молодая Пермякина служаночка:
 10 — Уж ты гой еси, Чурило да Бладоклénкович,
 Ты чужу пашню пашешь, а своя-то стоит,
 Ты чужу-то женку любишь, а своя так живет.
 Уж я пойду, схожу да Пермяты скажу.
 — Не ходи-ко, служанка, ты еще не сказывай,
 15 Я куплю тебе серёжечки с подвосточкой,
 Заплачу я за серёжки да двадцать пять рублей.

- Мне не дороги да твои златы серёжечки,
Только дорога мне да правда да истина.
- Ах забрался Чурила да в теплу спаленку,
20 Ах разулся-разделся да по-домашнему,
Ах сафьяны-ти сапожечки-ле под лавочку,
Ах как шапочка, рукавочки на лавочке,
Ах как цветно-то платьице на грядочке.
Увидала его девушка-чернавушка,
25 Ах молодая Пермьякина служаночка:
— Уж ты ой еси, Чурила да Бладоклénkович,
Ты чужу пашню пашешь, своя так стоит,
Ты чужу женку любишь, а своя так живет.
Уж я пойду-то схожу да Пермьяты скажу.
30 — Не ходи-ко-ся ты еще не сказывай,
Я куплю тебе сапожечки зелён сафьян,
Заплачу я за сапожки пятьдесят рублей.
— Мне не дороги твои будут сапожечки,
Только дорога мне да правда-истина.
- 35 А пошла же тут девушка-чернавушка.
— Уж ты гой еси, Пермьята да сын Васильевич,
Заскочил к тебе конь да в зелёны сады,
Он ведь топчет твою да шелкову траву.
Ах Пермьята на это был догадливый,
40 Ухватил он с собой да саблю вострую,
Ах бежит тут Пермьята да в теплу спаленку,
Ах лежит тут Чурила да с молодой женой.
Ах срубил он Чуриле да буйну голову.
— Уж ты кайся-ко, баба, да во первом грехе,
45 Я прошу еще твою беду великую.
Говорила Пермьяты да молода жена:
— Где бел лебедь лежит, пускай ляжет лебедушка.

Записано 18 августа 1955 года в дер. Трусовской Усть-Цылемского р-на Коми АССР от Никиты Федоровича Ермолина, 70 лет.

5

ПРО ФАТЕНА (ХОТЕН БЛУДОВИЧ)

- Как мы сидели на пиру дак две честны вдовы,
Две честны были вдовы дак две боярины,
Как одна была Маринка да Чусова вдова,
Как друга была Овдотия вдова-то Блудова,
5 Наливала тут Овдотья да чару зеленá вина,
Не велику и не малу — ведь полтора ведра,
Подносила она Маринке да Чусовой вдовы,
Как за чарой сама речь дак выговаривала:
— Уж что же нам людьми с тобой да менятисе,
10 Уж что же нам добрыми да засылатисе,
Как у мя-то ведь есть дак дорогó чадó,
Дорогой у мя есть дак сын Фатенушко,
Как у тя то-ле есть дак дорогá дочёрь,
Дорога ли твоя Савишна Чусавишна

- 15 Как не можно ли с тобой нам их вместях свести,
 Как вместях-то их свести, дак сватовство-то завести?
 Уж как тут нынче Маринке да за беду стало,
 За велику ей досаду да показалосе.
 На отмашку она чару-ту отвбила,
- 20 Разливала эту чару да зеленá вина
 Как по тем-де по столам, столам дубовым,
 Как по тем-де по столешенкам кедровым,
 Как по тем да по скатёрочкам шитым-бранным,
 Как по тем-де по питьям-ествам сахарным:
- 25 — Как у мя-то ведь есть да дорогá дочь,
 Дорога-де моя Савишна Чусавишна,
 Как у тя-то ведь есть дак сын Фатенушко,
 Как отец-от у его был да блудно блудище,
 Уж как он-то уродился дак чудно чудище,
- 30 Он по городу по Киеву шатается,
 Будто дикая собака да и скитается,
 Как вот бродит он под хлёв, под избу, как будто курица,
 Где зерна-то ведь найдет, дак и тут и сыт живет,
 А зерна-то не найдет — живет он голоден.
- 35 Уж как тут нынче Овдотье да за беду стало,
 За велику ей досаду да показалосе.
 Как ставала тут Овдотьа да со честнá пиру,
 Выходила тут Овдотьа дак вон на улицу,
 Как брала тут Овдотьа своего коня доброго,
- 40 Как садилась тут Овдотьа да на добрá коня,
 Как поехала Овдотьа к своёму терему,
 Как ведь едет тут Овдотьа ко своёму терему,
 Повеся держит свою да буйну голову,
 Потопя держит свои да очи ясные.
- 45 Как взглянул ведь у ей Фатенко да вон на улицу,
 Как взглянул ведь он в окошечко косявчатое,
 Как взглянул ведь он в стеколышко хрустальнее,
 Он увидал свою маменьку родимую:
 — Уж как едет моя маменька со честнá пира,
- 50 Уж как едет ведь родима не по-старому,
 Уж как едет моя маменька не по-прежнему,
 Повеся держит свою да буйну голову,
 Потопя держит свои да очи ясные.
 Как въезжает тут Овдотьа ко высоко терему,
- 55 Выбегает тут Фатенко дак вон на улицу,
 Он встречает свою маменьку родимую:
 — Уж и что же, моя маменька, едешь не по-старому,
 Уж ты едешь со честнá пира да не по-прежнему,
 Повеся держишь свою буйну голову,
- 60 Потопя держишь свои дак очи ясные?
 Говорит ведь ему маменька родимая:
 — Как мы сидели на пиру дак две честнб вдовы,
 Две честнбх были вдовы да две боярины,
 Как одна была Маринка да Чусовá вдова,
- 65 Как друга была Овдотьа вдова-то я Блудова,
 Я наливала тут Маринке да чару зеленá вина,
 Не велику и не малую — полтора ведра,

- Подносила я Маринке да Чусовой вдове,
 Как за чарой сама речи да выговаривала:
 70 «Уж что же нам людьми с тобой да менятисе,
 Уже что же нам добрыми да засылатисе,
 Как у мя-то ведь есть да дорогой ведь сын,
 Дорогой ли у мя ведь сын да есть Фатенушко,
 Как у тя ведь есть да дорогá дочерьь,
 75 Дорога ли твоя Савишна Чусавишна.
 Дак не можно ли с тобой нам их вместях свести,
 Как вместях-то их свести, сватовство-то завести?»
 Уж как тут нынче Маринке за беду стало,
 За велику ей досаду показалосе,
 80 Наотмашку она чару тут отвóдила,
 Разливала эту чару да зеленá вина
 Как по тем де по столам, столам дубовым,
 Как по тем де по столешенкам кедровым,
 Как по тем де по скатёрочкам шитым-бранным,
 85 Как по тем де по питьям-ествám сахáрным,
 Как за чарой сама речь дак выговаривала:
 «Как отец это у его был да блудно блудище,
 Уж как он-то уродился дак чудно чудище,
 Как по городу по Киеву шатаетсе,
 90 Будто дикая собака да и скитаетсе,
 Как вот бродит он под хлёв, под избу, как будто курица,
 Где зерна-то ведь найдет, да тут и сыт живет,
 Как зерна-то не найдет — живет он голоден».
 Уж как тут нынче Фатену да за беду стало,
 95 За великую досаду показалосе,
 Выходила тут Овдотья вон на улицу,
 Он заскакивал, Фатенушко, да на добрá коня,
 Погонил он ведь ко Марине ко высóку теремú.
 Она-то была, Маринка, да нынче хитрая,
 100 Она выскакивала она нонь вон да на улицу,
 Подняла она ведь форточку кленовую.
 Как на то ведь был Фатенушко догадливой,
 Как увидел он ведь форточку кленовую,
 Как ударил своёй палицей буёвою,
 105 Раскатились ейны форточки на мелки дребезги,
 Как приганивал Фатенко к високу терему,
 Как ударил тут Фатенко своёй ведь палицей,
 Как рассыпался у ей терем по окошечкам.
 Как ведь-то тут выходила Маринка да вон из терема,
 110 Как схватила она свою дочерь за белой платок,
 Как вытаскивала она ей на улицу,
 Как запикивала Фатенке на добрá коня,
 Называла тут Маринка любимым-ле зятём.
 Как поехал тут Фатенко во божью церквú,
 115 Тут ведь нынче Фатенко повенчался-то,
 Тут поехал наш Фатенко ко своёму теремú,
 Как увидела его маменька родимая:
 — Уж как едет нонь Фатенко, да поженился-то.

Записано 23 августа 1955 года в дер. Кривомежной Усть-Цылемского р-на
 Коми АССР от Лазаря Михайловича Носова, 76 лет.

ПРО ДОБРЫНЮ

(К ТЕКСТУ № 1)

$\text{♩} = 92$

Вот и преж_ де Ка_ зань и да_ к(ы)
сло... о_ бо_ дой и сто_ ял, Ка_ бы
нын_ че Ка_ зань да_ к(ы) сла_ в(ы).ный
го_ ро_ д(ы) стал. Как во том е_ щё в Ка_
_ за_ ни да сла_ в(ы)-но_ м(ы) го_ ро_ де
У_ же жил тут и был Ми_ ки_ ту_ ш(и)-
_ ка... а Ро_ ма_ но_ вич, У_ же
жил он и жил де_ вя_ но_ сто лет, а де_ вя_
_ но_ с(ы)_ то лет. Как со_ с(ы)_ та_ ри_ л(ы).се Ми_
_ ки_ ту_ ш(и)_ ка, ах и пре_ с(ы)_ та_ вил_ се (по_ мер!)...

ПРО СТАРОГО КАЗАКА ИЛЮ МУРОМЦА

(К ТЕКСТУ № 2)

$\text{♩} = 92$

The musical score is written in a single system with six staves. It begins with a treble clef, a 3/4 time signature, and a tempo marking of quarter note = 92. The melody is written on a single line. The lyrics are written below the notes, with syllables aligned under the corresponding notes. There are several time signature changes: 3/4, 4/4, 3/4, 4/4, 3/4, and 3/4. There are also some dynamic markings like 'ИУ' and 'И' above the staff. The lyrics are: [Ой] Не да лё ко от го ро да от Ки е ва, Не да лё ко, не близ ко да за две над цать верст Сто я ла зас та ва да бо га тыр ска я. Не ве ли ка не ма ла, трид цать да со бо го ты рем.

[Ой] Не да лё ко от го ро да от
Ки е ва, Не да лё ко, не
близ ко да за две над цать верст Сто
я ла зас та ва да бо га
тыр ска я. Не ве ли ка не
ма ла, трид цать да со бо го ты рем.

СТАРИНА ПРО ЧУРИЛУ

(К ТЕКСТУ № 4)

$\text{♩} = 92$

Вы па да ла по ро ха да сне гу
бе ло го, А х(ы) не во по ру(о) по
ро ши ця, не во вре ме, Как о се
ре д(ы) кон ца ле та да о Пет ро ва
дни, Ах как по э той по по ро хе да
не уш ка н(ы) ска кал, Не уш ка н(ы) тут то ска
ка л(ы), не го р(ы) но сталь рыс кал, А х(ы) бе
жа л(ы) тут то Чу ри ла да Бла до
кле н(ы) ко вич Ко чу жо и то же
не да о н(ы) к Перь мя ки ной ...

ПРО ФАТЕНА

(К ТЕКСТУ № 5)

Ка_к(ы) мы_ си_ де_ ли на пи_ ру да_ к(ы)

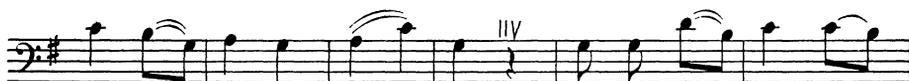
две че_с(ы)тны... (ы) вдо... (о)_ вы, Две чест_ ны бы_

_ ли, в(ы)_до_ вы да_к(ы) две бо_ я_ (а)_ ры_ (ы)_ ны,

Ка_к(ы) о_ д(ы)_на бы_ ла Ма_ ри_ н(ы)_ка да

Чу_ со_ ва в(ы)_ до_ ва, Ка_к(ы) дру_ га бы_

_ ла О_в(ы)_до_ти_я вдо_ ва то Б(ы)_лу_ (у)_ до_ ва...

Б. М. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

НОВАЯ ЗАПИСЬ БЫЛИНЫ В ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Вопросы характера и форм бытования эпоса, его сохранности и распространения настолько широки, что каждая новая запись, особенно произведенная в наши дни, представляет большой интерес. В силу того что эпические жанры наиболее сохранились на Севере и в центральных областях, а на юге известны в меньшем количестве образцов, записи эпоса в этих районах имеют особое значение. На юге и отчасти в среднем Поволжье происходит слияние эпической манеры пения с лирической, и былины приобретают песенный характер, что позволяет их называть эпическими песнями с былинным сюжетом. Одну из таких песен удалось записать от двух исполнителей летом 1955 года отряду студенческой экспедиции Горьковского государственного университета в дер. Богоявление Семеновского р-на Горьковской области. Это вариант былинного сюжета, известного под названием «Илья Муромец на Соколе-корабле».

В печати известны только две музыкальные записи этой песни-былины, сделанные в той же местности (в Нижегородской губ.) — в 1901 году И. В. Некрасовым и Ф. И. Покровским в с. Городец Балахнинского уезда и в том же году ими же в с. Хохлома Семеновского уезда.¹ Кроме того, в 1954 году композитор А. А. Нестеров записал на слух эту же песню в дер. Богоявление — там же, где были произведены две наших записи на магнитофонную ленту. Следует отметить значительное сходство записи А. А. Нестерова с нашей второй записью, являющейся нижним голосом трехголосного распева песни.²

Обработки Некрасова в музыкальном отношении несколько расходятся с обработками Лядова, что еще требует специального исследования, тем более, что до сих пор еще не найдены и не исследованы черновые записи экспедиций песенной комиссии Географического общества, и установить степень привнесения изменений в мелодику композиторами пока не представляется возможным. В сборнике Лядова «50 песен...» дан полный, вполне законченный текст песни. Текст же из Хохломы Семеновского уезда (в сборнике «35 песен») дан фрагментом, вероятно преднамеренно, так как почти все песни этого сборника имеют сокращенные тексты, поэтому при

¹ Обе записи обработаны А. К. Лядовым (см.: 50 песен русского народа. М., 1903, стр. 14—15, № 6 — «Об Илье Муромце и Тугаровых зверях»; 35 песен русского народа. М., [без года], стр. 6—7, № 2 — «Илья Муромец»). Запись из Городца обработана также И. В. Некрасовым (см.: 50 песен русского народа для мужского хора из собранных И. В. Некрасовым и Ф. И. Покровским в 1901 г. в Нижегородской губ. М., 1903, стр. 11, № 5).

² Запись А. А. Нестерова была любезно показана автору статьи В. И. Харьковым — редактором учебной хрестоматии по русской народной музыке, составляемой Кабинетом по изучению народной музыки при Московской государственной консерватории. Сравнение показало, что запись произведена от С. Ф. Пупырева.

сравнении новой записи из Горьковской области с ранними приходится опираться только на запись из Городца.

Запись песни об Илье Муромце была произведена нами от Федора Игнатьевича Лапшина, 1873 года рождения. Кроме этой песни, от него были записаны также песня о Платове и «Поле чистое турецкое». Слепой старик пел уже слабым надтреснутым голосом, но достаточно четко и ритмически устойчиво. Напев песни об Илье Муромце по характеру — солдатского или скорее казачьего происхождения, о чем говорит его маршевая структура, характерные взлеты мелодии на слове «Э-эх», наличие довольно определенно выраженного припева, хотя и несколько необычного для солдатских песен. Этот припев интересен тем, что он не завершает куплета, а служит переходом к начальной фразе. Следует отметить, что реплики, которые подавал Лапшин во время исполнения, каждый раз располагались перед припевом, закончена песня была без припева, что подчеркивает его функцию перехода от стиха к стиху.

Напевы, записанные Некрасовым, не имеют мелодического сходства ни между собой, ни с нашей записью, но запись из Хохломы близка нашей своей маршеобразностью и функциональным значением припева как перехода. В записи же из Городца, в обработках Некрасова и Лядова, функции припева различны, и установить поэтому подлинный вид записи, не имея черновиков, невозможно. Следует отметить, что на первый взгляд напевы, записанные Некрасовым, кажутся архаичнее нашего. Текст же, записанный Покровским, более «поздний», о чем свидетельствует наличие припева «с Дону на Дунай» (вероятно, замена старинного припевного слова «Здунинай») и таких слов, как «Армия турецкая», «Гусар-корабль». В нашем тексте нет припева «С Дону на Дунай», вместо «Армия турецкая» — «Силармия», вместо «Гусар-корабль» — «Сокол-корабль», на котором не Илья, Самсон и Салтан, как в записи Покровского, а Илья, Алеша Попович и Полковой богатырь (в некоторых вариантах Полкан), которого исполнитель отождествлял с Добрыней. Когда его спросили, не знает ли он песню про Добрыню, Лапшин ответил: «Так он же здесь, на корабле вместе с Илей-то и плавал» (подразумевая, что эта песня относится и к Добрыне). Словесный состав и сходство нашего напева с началом напевов из сборника Кирши Данилова былин «Первая поездка Ильи Муромца» и «Илья ездил с Добрынею» заставляют думать, что наша запись — живое свидетельство замечательной сохранности одной из старинных эпических песен.

Не очень медленно ♩ = 84 - 92

Как по си_не_му-то мо_рю по Ве_рей_ско_

Постепенно

_му э_ эх, по Ве_рей... ей_ско_

ускоряя до ♩ = 92
_му, ту-то пла_ва-ет-гу_ ля_ет млад я_сён сокол ко_

-рабль э- эх, млад я- сён со- кол ко-
 -рабль. Хо- ро- шо э- тот ко- раблик| ра-зук- ра- шенный
 был, Потому плывет-то он тяжело э-
 эх, ра-зук- ра- шенный был.

Как по синему-то морю, по Верейскому,
 Э-эх, по Верейскому,
 Туто плавает-гуляет млад-ясён Сокол-корабль,
 Э-эх, млад-ясён Сокол-корабль.
 Хорошо этот кораблик разукрашенный был,
 (потому и плывет-то он тяжело),
 Э-эх, разукрашенный был.
 Уже как нос-от со кормою по-звериному,
 Э-эх, да по-звериному,
 А бока-то подведены по-змеиному,
 Э-эх, да по-змеиному,
 Уж как усики у корабля повыврезаны,
 Э-эй, да повыврезаны,
 Что повыврезаны и повыведены,
 Э-эй, да и повыведены.
 Что на батюшке на корабле немножко людей,
 Э-эй, да немножко людей.
 Немножечко-маленько, только трое удалых,
 Э-эх, да только трое удалых.
 Оне думали-гадали, кому кораблем владеть,
 Э-эх, да кому кораблем владеть,
 Уже как носом-то владеет вор Алёша Попов,
 Э-эй, да вор Алёша Попов,
 А кормою-то владеет сам Полковой богатырь,
 Э-эх, да сам Полковой богатырь,
 Серединою ворочал Илья Муромец большой,
 Э-эх, Илья Муромец большой.
 У Ильюшеньки кафтанчик ремезинного сукна,³
 Э-эх, ремезинного сукна,

³ Вместо «кармазинного» — ярко-алого, как обычно в старинных песнях. Но возможно, что здесь подразумевается узорная ткань, от слова «ремизы» (детали ткацкого станка для подъема нитей основы в зависимости от узора).

Его левая пола во пятьсот рублей сталá,
 Э-эх, во пятьсот рублей сталá,
 Его правая пола во всю тысячу сталá,
 Э-эх, во всю тысячу сталá,
 А всему-то кафтанишку ему смёку⁴ не было,
 Э-эх, ему смёку не было,
 Что на левою на полке сорок петелёк,
 Э-эх, да сорок петелёк,
 А на правую на полке сорок пуговок,
 Э-эх, да сорок пуговок,
 Эти пуговики литые из чистóго серебра,
 Э-эх, из чистóго серебра,
 Из такого, из литого из немецкого стекла,
 Э-эх, да из немецкого стекла,
 Из немецкого стекла, да заморского зверя́,
 Э-эх, да заморского зверя́,
 У Ильюшеньки тросточка во сто пудов,
 (он таку *слагал*),
 Э-эх, как во сто пудов,
 Как во сто пудов, в девяносто рублём,
 Э-эх, в девяносто рублём.
 А Ильюшенька по кораблю похаживаёт,
 Э-эх, он похаживаёт,
 Своей тросточкой по пуговкам поваживаёт,
 Э-эх, он поваживаёт,
 Из окошечка в окошечко поглядываёт,
 Э-эх, он поглядываёт.
 Он и видит-примечает, сверху лодочка бежит,
 Э-эх, сверху лодочка бежит,
 Что на этой легкой лодке-то немножечко людей,
 Э-эх, да немножечко людей,
 Что немножко, что маленько двести сорок человек,
 Э-эх, двести сорок человек.
 Оне думали-гадали весь кораблик тот разбить,
 Э-эх, весь кораблик тот разбить,
 Весь кораблик тот разбить, Илью Муромца убить.
 Э-эх, да Илью Муромца убить.
 А Ильюшенька по кораблю похаживаёт,
 Э-эх, он похаживаёт,
 Своей тросточкой по пуговкам поваживаёт,
 Э-эх, он поваживаёт,
 Он поваживаёт, приговариваёт,
 Э-эх, да приговариваёт:
 «Эти пуговики литые, разгоритесь,
 Э-эх, да разгоритесь,
 Всё заморские зверечки, разревитесь,
 Э-эх, да разревитесь».
 Сине морюшко всколыбáлося,
 Э-эх, всколыбáлося,
 С бережками оно соровнялося,
 Э-эх, соровнялося,

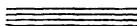
⁴ В значении *цены*.

Сила-армия да напугалася,
Э-эх, да напугалася.
В сине морюшко она да побросалася.
(*Вот напугались*).⁵

При опросе исполнителя, как и когда пели эту песню, он рассказал, что пели ее раньше хором, когда собирались на вечеринки, пели и после Великой Отечественной войны, но уже втроем: он, С. Ф. Пупырев и его дочь.

В этот же день мы отправились к Степану Федоровичу Пупыреву. Еще крепкий старик (ему около 90 лет) спел нам эту же песню, текст ее был такой же, как и у Лапшина, но с пропусками, сильно сокращенный. Он его помнил слабо. Напев явно выдавал функцию нижнего подголоска. Нашей просьбы спеть вместе с Лапшиным он исполнить не мог, так как должен был уйти в другую деревню к дочери, и обещал вернуться только через несколько дней, а нам надо было уезжать, поэтому не пришлось встретиться и с его дочерью, тоже поющей эту песню (вероятно, верхний подголосок). Таким образом, можно считать, что основной голос был записан у Лапшина, песня исполнялась трехголосно, что характерно для южных районов.

Более подробный анализ текста и напева, сравнение его с другими публикациями этого сюжета позволит сделать ряд интересных наблюдений.

⁵ Текст записан студентами Горьковского государственного университета Г. В. Лапшиной и А. К. Тихонравовой. Запись на магнитофон, расшифровка напева и выверка текста по фонограмме Б. М. Добровольского.

Л. В. ДОМАНОВСКИЙ

ВОЛОГОДСКИЙ ВАРИАНТ БЫЛИНЫ О ВАСИЛИИ БУСЛАЕВЕ

(НЕОПУБЛИКОВАННАЯ ЗАПИСЬ П. И. САВВАИТОВА)

Былина о Василии Буслаеве принадлежит к числу наиболее совершенных и глубоких поэтических созданий русского народа. А. М. Горький в письме к К. Федину писал: «Васька Буслаев — не выдумка, а одно из величайших и, может быть, самое значительное художественное обобщение в нашем фольклоре».¹ На протяжении многих веков былина пользовалась особым вниманием народа. Она вышла за пределы Новгорода — места ее возникновения — и стала общерусским достоянием. Записи двух сюжетов — о борьбе Василия Буслаева с Новгородом и паломничестве его в Иерусалим — насчитывают в настоящее время около 60 опубликованных вариантов. Их распространение охватывает все основные районы бытования русского эпоса.

Изучению былины посвящена большая исследовательская литература, возникшая как в дореволюционные годы, так и в советскую эпоху. Эта литература отражает взгляды различных школ и направлений в истории русской фольклористики. Особенно ценным является анализ былины, данный В. Г. Белинским в IV статье о народной поэзии.² Он первый показал не только высокое идейно-художественное содержание былины, но и раскрыл ее связь с исторической жизнью Новгорода, его общественно-политическим строем. Разработанная им методология изучения былины находит дальнейшее развитие в трудах советских фольклористов. Насколько плодотворен намеченный Белинским путь, показывает книга проф. В. Я. Проппа «Русский героический эпос», содержащая наиболее обстоятельное и интересное исследование нашего времени былины о Василии Буслаеве.³

Несмотря на то, что былина породила большую научную литературу, она не может считаться вполне изученной. Как в дореволюционной, так и в советской фольклористике о былине существуют различные мнения. Основные разногласия между советскими учеными в оценке былины сводятся к различному пониманию характера борьбы Василия Буслаева с Новгородом, социального облика героя, сил, стоящих рядом с ним. Неясными остаются и вопросы, связанные с ранним бытованием былины, с происходившими в ней под влиянием новых исторических условий художественными и идейными изменениями. Во многом правильное решение этих весьма сложных вопросов зависит от состояния самого материала.

¹ Опубликовано в книге: Б. Бялик. О Горьком. Статьи. М., 1947, стр. 158.

² В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. V, М., 1954, стр. 401—416.

³ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Изд. Лен. гос. унив., 1955, стр. 427—460.

Чрезвычайно затрудняет исследовательскую работу отсутствие ранних записей былины. Подавляющее большинство их сделано во второй половине XIX века. Из XVIII века, если не считать сказочной переработки В. Левшина, известны лишь тексты Кирши Данилова. Не более трех текстов было записано в первой половине XIX века. Поэтому всякая новая неопубликованная запись былины, в особенности ранняя, представляет большой научный интерес, помогает ее изучению. С этих позиций должна быть оценена и особо изучена запись былины, сделанная П. И. Савваитовым в 1841 году в Вологодской губернии и хранящаяся среди собрания его рукописей в Публичной библиотеке в Ленинграде.⁴

Павел Иванович Савваитов (1815—1895) — известный археолог и историк — является одним из пионеров научного собирания народной поэзии. Эта сторона его деятельности совершенно не изучена, как не изучена в целом и сама история собирания фольклора в России.

П. И. Савваитов родился в Вологде, в семье священника. По окончании курса Духовной академии в Петербурге в 1837 году он был назначен профессором философии в Вологодскую духовную семинарию. В глухом и заброшенном крае, служившем местом политической ссылки, молодой профессор нашел обширное поле для научной деятельности. Наряду с преподаванием и разработкой своего предмета — философии, он занялся собиранием местного фольклора, изучением наречий зырянского языка и описанием замечательных монастырей Вологодской губернии.⁵

Собирательская работа П. И. Савваитова не была плодом простого любительства, одной данью уважения к старине родного края. Она строится на строго продуманных философских принципах, научных приемах, сознательно направленных поисках, внимании и бережном отношении к языку и стилю записываемого им произведения. Как правило, все тексты, записанные Савваитовым, передают диалектные особенности языка. Касаясь своих взглядов на народную поэзию, собиратель в небольшой, но очень содержательной заметке «Вологодские песни», опубликованной в 1841 году в журнале «Москвитянин», писал: «В притчах и поговорках, равно как в пословицах, песнях, сказках и былинах, ярко обрисовывается характер и образ мыслей народа, его история, нравы, обыкновения, страсти, словом — весь народ в умственном, религиозном, нравственном и политическом быту. И вот почему все народное так драгоценно и занимательно для нас. Поэтому-то все народы тщательно собирают ныне народные предания, сказки, песни и проч. — Русские преимущественно пред другими народами могут похвалиться богатством своих народных песен и преданий... Но все эти собрания содержат в себе самую незначительную часть в сравнении с тем, что сохраняется еще в народе».⁶

Савваитов отметил не только значение и богатство русской народной поэзии, ждущей во всех уголках родины своих собирателей, но и охарактеризовал современное бытование фольклора в Вологодской губернии.

⁴ Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Q. XVII, № 230.

⁵ См.: Павел Иванович Савваитов. Юбилей его ученой деятельности. 1837—1887. «Русская старина», 1887, окт., стр. 245—262 (там же список его трудов).

⁶ П. Савваитов. Вологодские песни. «Москвитянин», 1841, № 3, ч. III, стр. 270.

В числе его бытующих жанров он называет былин у. «Из всех слышанных мною рассказов самые занимательные и оригинальные нашел я в Вельском уезде, — рассказывает собиратель. — Здесь все они без исключения называются былинами и рассказываются нараспев. Песни поются везде. Русский пьет и поет на радостях и с горя. Но чем дальше от Вологды, тем они замечательнее и по выражению и по самому содержанию. Здесь охотно поют их, но неохотно соглашаются, чтобы их записывали: ведь песня — быль, говорят обыкновенно; а мало ли что бывает? за иное и в суд поведут».⁷

На важность заметки П. И. Савваитова впервые обратил внимание акад. И. И. Срезневский, характеризуя его научную деятельность. Она выражала, — отмечает Срезневский, — взгляды собирателя на народность, народную поэзию и народный язык в то «относительно давнее время, когда всем этим занимались еще очень мало и немного и когда понятия обо всем этом были очень туманны». Особенно его привлекли сведения о нежелании крестьян сообщать свои песни для записывания — одно из ранних свидетельств о социальной значимости фольклора — и об употреблении слова «былина» крестьянами Вельского уезда.⁸ Это свидетельство собирателя опровергает утверждение Вс. Миллера и других представителей исторической школы о том, что термин «былина» не известен крестьянству, что он искусственный и введен в научный обиход «народолюбом» И. П. Сахаровым.⁹ Как показал недавно П. Д. Ухов, здесь не могло иметь место заимствование. Сборник И. П. Сахарова, в котором он впервые употребляет слово «былина» (Песни русского народа, ч. 1, стр. XI), вышел в 1838 году и не был в это время известен П. И. Савваитову.¹⁰ В Вологодской губернии, в особенности в Вельском уезде, граничащем с Олонейской и Архангельской губерниями, в первую половину XIX века, видимо, существовала еще довольно богатая былинная традиция. Савваитов отмечает, что он «успел собрать несколько здешних былин и песен».¹¹

К 1841 году относится встреча и личное знакомство П. И. Савваитова с историком и издателем «Москвитянина» М. П. Погодиным, совершавшим научное путешествие по городам и монастырям бывшего Новгородского княжества. Савваитов, как великолепный знаток местного края, явился находкой для историка и сообщил ему множество сведений по истории, быту, языку и обычаям вологодских крестьян. Вместе с ним он совершил поездку по замечательным местам Вологодской губернии и некоторым северным городам.¹² «У Савваитова, — писал Погодин, — столько же собрано для Вологды, сколько у Мельникова для Нижнего».¹³ Погодин посоветовал собирателю подготовить специальный Вологодский сборник, в трех частях которого должны были увидеть свет собранные им исторические до-

⁷ Там же, стр. 271—272. (Подчеркнуто П. И. Савваитовым, — Л. Д.).

⁸ И. И. Срезневский. Труды П. И. Савваитова. Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. X, 1873, стр. XIV.

⁹ См.: В. Ф. Миллер. Русская былина, ее слагатели и исполнители. «Русская мысль», 1895, сентябрь. — Перепечатано в «Очерках русской народной словесности» (т. 1, М., 1897, стр. 29).

¹⁰ П. Д. Ухов. К истории термина «былина». «Вестник Московского университета», 1953, № 4, стр. 133.

¹¹ «Москвитянин», 1841, № 3, ч. III, стр. 272. Не касаясь записей былин, сделанных в Вологодской губернии, отметим запись А. Щустика из села Шарыханова Вельского уезда былины «Илья Муромец» (о борьбе с Калином-царем), переданной в прозаическом пересказе («Живая старина», 1895, вып. III—IV).

¹² См.: Николай Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, книга шестая. СПб., 1892, сто. 199—219.

¹³ М. П. Погодин. Путевые записки о Вологде. «Москвитянин», 1842, № 8.

кументы, сведения о городах, церквях и монастырях и также народные песни, обряды и поверья.

К сожалению, этот сборник не был подготовлен. Сближение с Погодиным пробудило в Савваитове желание целиком посвятить себя разработке русской истории. В 1842 году ему удалось с помощью Погодина перевестись в Петербургскую духовную семинарию на должность профессора патристики. Постепенно, занимаясь археологией и русскими древностями, он отошел от этнографии. Его многочисленные материалы по вологодскому фольклору в основном остались неопубликованными.

Извлеченная из рукописей П. И. Савваитова запись былины о Василии Буслаеве прежде всего интересна тем, что она сделана в начале 40-х годов XIX века. Тетрадь, в которой она содержится, озаглавлена «Сельские песни» и датирована «30 сентября 1841 года». Бумага имеет водяной знак «1841». Былине, названной «Простонародная сказка», предшествуют записи шести народных песен («Скочил козел в огород», «Голуб, голубочек», «Фома да Ерема» и др.). Вслед за былинной идут «Причети», приговоры дружки и свадебные песни. В конце этих песен стоит пометка: «Волог. губ., Кадник. уезд».

Внешние данные позволяют предположить, что былина была записана после возвращения или на обратном пути Савваитова из путешествия с Погодиным. Они выехали из Вологды 26 августа 1841 года и расстались в Ярославле во второй половине сентября.¹⁴ Обратный путь собирателя в Вологду как раз лежал через Кадниковский уезд. Таким образом, эта запись не связана с былинной традицией и терминологией, существовавшей в Вельском уезде Вологодской губернии. Поэтому она в силу другой местной традиции названа собирателем «Простонародная сказка».

По времени своей записи былина помогает восполнить пробел между вариантами, представленными в сборниках Кирши Данилова и П. В. Киреевского, и записями П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга и последующих собирателей. Она расширяет представление о местной былевой традиции Вологодской губернии — крае, наиболее тесно связанном с экономикой, историей и культурой Великого Новгорода, служившем соединительным звеном с Севером и Западной Сибирью. Как по своей теме, так и по традиции былина представляет живой остаток былевой поэзии «мужиков новгородских», в такой непосредственной близости к Новгороду не зафиксированный ни одним собирателем.

Приходится высказать сожаление, что вологодская былинная традиция осталась вне внимания собирателей и исследователей русского эпоса. Вероятно, здесь еще в первую половину XIX века, не говоря уже о более раннем времени, былина имела довольно значительное распространение. Наблюдения и записи братьев Б. и Ю. Соколовых в 1908—1909 годах в Белозерском крае, прямо граничащем с Кадниковским уездом Вологодской губернии, привели их к выводу о том, что «раньше эпос в этой местности был развит довольно сильно».¹⁵ Им удалось написать несколько разнообразных по сюжетам былин. Собиратели особо подчеркивают сохранение в них местной традиции: «Былины, дошедшие до нас в XX веке, являются завершением некогда здесь существовавшей былинной тради-

¹⁴ Николай Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, книга шестая. СПб., 1892, стр. 203 и 219.

¹⁵ Сказки и песни Белозерского края. Записали Борис и Юрий Соколовы. М., 1915, стр. XC.

ции. Все былины переняты современными сказителями от местных же старожилов».¹⁶

В Вологодской губернии, как нечерноземной, с конца XVIII века широко практиковались отхожие промыслы. Помещицы крестьяне, как правило, были переведены на оброк. С каждым десятилетием возникало все больше мануфактурных заведений. Наиболее крупными в первую половину XIX века являлись Калининская парусная фабрика в Грязовецком уезде, льнопрядильная и ткацкая фабрика Якова Грибанова в селе Красавине Устюгского уезда. Большинство этих мануфактур принадлежало местным купцам, на них работали в качестве сезонных или постоянных рабочих крестьяне.¹⁷

В местных вологодских песнях широко звучит тема отходничества. Они часто рассказывают о молодом парне, уехавшем на заработки в город, девушке, тоскующей о нем, о деревенской нищете.¹⁸ Немало здесь бытовало песен рабочих крепостных фабрик.¹⁹ Н. А. Иваницкий приводит такую — весьма характерную для края — песню, записанную им в Кадниковском уезде:

Ночь хлеба неурожай,
Дома не у чего жить...
Мы поедемте, ребята,
В славный город Питерок,
Наживем мы денег боле,
Отду с матерью пошлем...²⁰

Отходничество порождало разобщенность, отрыв молодого поколения от старой самобытной культуры. Эпос утрачивал специфические условия для своего бытования, перерождался в отдельных случаях в сказку и постепенно исчезал, а вместо него появлялись новые жанры, лучше, чем эпические формы, выражавшие изменившиеся социальные отношения.

В зачаточной форме признак угасания эпоса в Вологодской губернии, прежде всего в Кадниковском уезде, обозначился и в былине, записанной П. И. Савваитовым. Она названа «сказкой» и, вероятно, так воспринималась не только в сознании собирателя, но и исполнителя, имя которого осталось неизвестным.²¹ Однако в целом вариант представляет высокохудожественное произведение, дающее чрезвычайно интересную версию былины о Василии Буслаеве.

¹⁶ Там же, стр. XCIII.

¹⁷ Развитие промышленности в Вологодской губернии до реформы 1861 года особо не изучено. Ценные сведения о ней содержатся в «Вологодских губернских ведомостях» за годы: 1838 (№№ 47, 48), 1840 (№№ 34, 35), 1848 (№ 37), 1851 (№ 42), 1855 (№ 22), 1856 (№№ 5—29), 1859 (№ 24), 1860 (№№ 36, 37, 42, 43, 50—52), 1862 (№ 16), 1864 (№ 14), 1866 (№№ 4, 8, 10, 11, 15, 20, 25, 28, 30, 31) и т. д. См. также: Статистический сборник, изд. Вологодским статистическим комитетом под ред. Н. А. Полевиктова, т. 3, Вологда, 1883.

¹⁸ См.: Вл. Александров. Деревенское веселье в Вологодском уезде. Этнографические материалы. «Современник», 1864, июль, стр. 172—174.

¹⁹ См., например, песню «Как во Устюгской округе» — о мануфактуре Я. Грибанова. — Известия Общества любителей естествознания, археологии и этнографии. Труды Этнографического отдела, т. XI, вып. 1, М., 1890, стр. 21.

²⁰ Бытовые песни, собранные по Вологодской губернии Н. Иваницким. «Вологодские губернские ведомости», 1883, № 49.

²¹ При рассмотрении этого вопроса необходимо учитывать также разноречивый, существовавший в трудах по народной словесности, в обозначении жанра былины. Так, А. Х. Востоков (Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817) называет былины сказками или повествовательными стихотворениями, Д. Дубенской (Опыт о народном русском стихосложении. М., 1828) — просто сказками, Н. А. Цертелев (Взгляд на русские сказки и песни. СПб., 1820) — богатырскими повестями, и т. д.

ПРОСТОНАРОДНАЯ СКАЗКА ¹

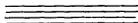
- Василей-от да Буславъевичъ,
 И Фома-то биў да Радиовоновиць,
 И Омельфа-та да Тимофиёвна;
 Родила она да своево цяда,
 5 Цяда милова Василья Буславьева.
 У людей-ту девети годов,
 У её мальчик девети недиль,
 Зацяў на улоцку похаживать,
 И с робятками поигрывать;
 10 Ково за руку возмёт,
 Руку оторвёт,
 Ково за ногу ухватит,
 Ногу выдернёт,
 Ково за голову огребёт,
 15 Голову отвернёт.
 Это дело было в Нове-городе,
 Мужики-ти все новгородскиё,
 Все и старосты новгородскиё
 С жалобам пошли
 20 К ево матушке:
 — Гой еси, наша матушка,
 Омельфа да Тимофиёвна,
 Унимай-ко ты свово цяда,
 Цяда милова;
 25 Он не ладно да дело делаёт,
 Не в порядке жо он и шутки шутит;
 Он играў жо бы с бородатыми
 И с безбородыми.
 Василью это слово полюбилося,
 30 Он и стаў на улоцку похаживать,
 Он с робятками нацяў поигрывать;
 Ково за руку возмёт,
 Руку оторвёт;
 Ково за ногу возмёт,
 35 Ногу отвернёт;
 Ково за бороду сгребёт,
 Бороду выдернёт.
 Мужики-ти все новгородскиё,
 Все и старосты новгородскиё
 40 С жалобам пошли
 К ево матушке:
 — Уж ты гой еси, наша матушка!
 Унимай-ко ты своево цяда,
 Он не ладно жо дело делаёт,
 45 Не в порядке и шутки шутит;

¹ Эта сказка нараспев поется и написана так, как поют (примечание П. И. Савваитова). — Название принадлежит собирателю. В орфографию подлинника внесены следующие изменения: *jo* передаем через *ё*, *ou* (обозначающее у Савваитова неслоговое *ў* вместо *л* и *в*) — через *й*.

- Как досюдова было досёлева еше
 И жиў-то быў ево батюшко,
 Он держай-то пиво пьяноё,
 Он сидеў жо вино зелёноё.
 50   Василью это слово полюбилося,
 Он и выкатиў цаны сороковиниё,
 Он и клаў заветы не малыё,
 Опустий цашу сороковиную:
 — Ужо хто эту одной рукой
 55   Цашу выцерпнёт,
 На один дух и выпийёт,
 Ужо тот жо мой и друг и брат.
 Как из улоцки да из Конероцки,
 Выходили тут три молоцика;
 60   Одно рукой цашу церпали,
 На один дух и выпивали всё.
 Говориў жо Василей Буславьевиць
 Таковы слова:
 — Стойтё, мои дружья-братья,
 65   Ужо сможётё ли с мой цернельской вяз?
 Как он хватит жо их
 Да вязом по боку, —
 Тут робятушки и повалилисё.
 Как из улоцки да из Конероцки,
 70   Выходило тут семь молоциков;
 Оне одной рукой цяшу церпали,
 На один дух и выпивали всё.
 Говориў жо Василей Буславьевиць
 Таковы слова:
 75   — Стойтё-ко, мои дружья-братья,
 Сможётё ли с мой цернельской вяз?
 Как он ухватит их
 Да вязом по боку, —
 Тут стоят робятка не ворохнуца.
 80   Он и прибраў их трицать молоцёв.
 Как у кнезя было у Кутусова
 Собираўся тут пир на веселе;
 Зазываёт он кнезей, бояр,
 Он господ, хрестьян
 85   И купчей, мещан.
 Он не позваў жо Василья Буславьёва,
 Говориў жо Василей Буславьевиць
 Таковы слова своей матушке:
 — Моя матушка, я безо зву пойду.
 90   Пришеў жо Василей Буславьевиць,
 Под окошецком он не стукавши,
 Пришеў жо в избу, богу не моливши;
 Ужо пир-от идёт да во полупире,
 И стол-от идёт во полустоле.
 95   Ево мистецком не обсадили,
 Василья цяроцкой не обносили,
 Посадили ево за передней стоў.
 Все кнезья, бояра порасхвастались;

- Кто похвастаёт молодой жёной,
 100 Иной похвастаёт золотой казной,
 Иной похвастаёт конями добрыми,
 Иной похвастаёт слугами верными.
 — Ужо що жо ты, Василей Буславъевичь,
 Ты ницем жо да и не похвастаёшь?
 105 У тебя ли нетотка золоты казны?
 У тебя ли нетотка коней добрых?
 У тебя ли нетотка слуг верных?
 Василей сглупа это слово вымолвиў:
 — Я похвастаю да на Поцять-реку,
 110 На Поцять-реку я бится, дратися
 Да с Новым-городом,
 Окромѣ старца да Волотоманца.
 И пришоў жо да Василей Буславъевичь
 К своѣй матушке,
 115 Повисиў он свою буйну голову,
 Он потупя жо да свои ясны оци.
 — Ужо що жо ты, моѣ дитятко,
 Припецялиўсѣ?
 Тебя местецком-ту да видно обсадили,
 120 Либо цяроцкой-ту тебя обносили?
 — Уж ты гой еси, моя матушка!
 Меня местом-ту не обсадили,
 И цяроцкой-ту не обносили;
 Я похвастаў да на Поцят-реку,
 125 На Поцят-реку да битца, дратися
 С Новым-городом,
 Оприць старця да Волотоманця.
 И взяла жо да ево матушка,
 Заперла она да в погреба глубокиѣ,
 130 За деветь дверей да за золезных,
 За деветь замков да за немецких.
 Мужики-ти пришли новгородскиѣ
 Да и старосты новгородскиѣ:
 — Уж ты гой еси, наша матушка!
 135 Ты подай-ко нам да своево цяда;
 Цяда милово!
 — Вы не троньте-ко да моево цяда,
 Он сглупа это слово вымоўиў,
 Да вы беритѣ-ко золоты казны
 140 Сколько надобно.
 — Не дорога нам твоя золота казна,
 Дорога голоўка богатырская.
 Как из улоцки да из Конероцки
 Выходила тут девка Цернавка,
 145 И идѣт она мимо погребов глубоких,
 Говорит она таковы слова:
 — Ужо що жо, Василей Буславъевичь,
 Сидишь дома опочигаешь?
 Как твой-то да вѣть и дружья-братья
 150 Поколен оне во крове стоят,
 Все головушки да испроломаны.

- Как он хватит жо да двери о двери, —
 Все он двери тут испривалаѹ,
 Все замоцки да исприломаѹ;
 155 Прибежаѹ он на Поцят-реку,
 И забыѹ он дома свой цернельской вяз.
 Тут стояла корета орлёная,
 Он и выхватиѹ жо ось дубовую:
 — Ужо стойтё-ко, да мои дружъя-братъя!
 160 Ужо я за вас да поработаю!
 Как он махнёт, так народу улица,
 Хоть размахнёт, так с переуѹками.
 Мужики-ти да новгородскиѹ
 И пошли оне да по старця Волотоманця;
 165 И ведут оне старця Волотоманця,
 И несет старец Волотоманец
 На головушке он колокоѹ соборно-ѹт.
 Говориѹ жо старец Волотоманец:
 — Ужо що у вас да за багатырек?
 170 Ужо прежде таких не было
 И после ево да не останеца;
 Ужо жиѹ-то быѹ ево батюшко,
 Да и всё мы на ём воду возили,
 Воду возили, да как на мерине.
 175 Василей удариѹ жо да старца в голову, —
 И покатиѹся старец да в Опоцять-реку,
 И пришла жо тут ево матушка,
 Да ухватила она за резвы ноги:
 — Ужо стой-ко, да моѹ дитятко!
 180 Ты остаѹ людей да хоть на симяна,
 Ты на симяна да хоть для разводу.
 — Ужо ладно да ты, моя матушка,
 Хоть ты сзади зашла!
 Спереди зашла, так в азарях-то бы
 185 И тебя убил невзначай.
 Он стаѹ по бярежку похаживать,
 Он богатырские головушки попинывать.
 — Не пинай-ко да ты, Василей Буславьевиць,
 Будешь этта-ка ты с нам лежать.
 190 Он и стаѹ жо да Василей Буславьевиць
 На камешёк да он поскакивать,
 Он сзади скочил
 Да он и сшиб свою буйну голову.

В. В. МИТРОФАНОВА

К ВОПРОСУ О РЕДАКЦИЯХ БЫЛИН СТАРИННЫХ РУССКИХ ЗАПИСЕЙ¹

Среди разнообразных повествовательных произведений, сохранных рукописными сборниками XVII—XVIII веков, привлекают внимание «Повести», «Сказания» и «Гистории» о богатырях, представляющие собой большую ценность как для истории древнерусской литературы, так и для истории русского народного поэтического творчества. Тексты «Повестей», «Сказаний» и «Гисторий» тесно связаны с устным народным творчеством и неоднократно привлекались при рассмотрении вопросов, связанных с эпическим творчеством русского народа.² В. Ф. Миллер, считая эти тексты сказками о богатырях, широко использует их при исследовании былин об Илье Муромце.³ Одновременно В. Ф. Миллер рассматривает и некоторые вопросы, связанные непосредственно с текстами «Повестей», «Сказаний» и «Гисторий», например вопрос о группировке их на редакции, но большинство сведений о текстах «Повестей», «Сказаний» и «Гисторий» нахо-

¹ Материалом исследования являются тексты об Илье Муромце, Михаиле Потоке и Ставре Годиновиче. В статье приняты следующие сокращения:

БАН	— Библиотека Академии наук СССР.
ГБЛ	— Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ГИМ	— Государственный исторический музей СССР.
ГПБ	— Государственная ордена Трудового Красного Знамени публичная библиотека СССР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
Инст. ист.	— Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.

Наименование собраний сокращается, например собрание И. Е. Забелина 71—

Забелина 71.	
Майков	— Л. Н. Майков. Материалы и исследования по старинной русской литературе. СПб., 1891.
Сперанский	— М. Н. Сперанский. Русская устная словесность. Былины, т. II. М., 1919.
Тихонравов	— Н. С. Тихонравов. Пять былин по рукописям XVIII в. М., 1891.
Тихонравов—Миллер	— Русские былины старой и новой записи под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера, отд. 1. М., 1894.
Труды ОДРА	— Труды Отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
Этнография, 1926	— Б. М. Соколов. Былины старинной записи. Этнография, 1926, № 1—2, стр. 97—123.
Этнография, 1927	— Б. М. Соколов. Былины старинной записи. Этнография, 1927, № 1—2, стр. 107—122, 301—314.

² А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 295; А. Кирпичников. Поэмы Ломбардского цикла. М., 1873, стр. 158.

³ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. Былины, т. I. М., 1897, стр. 391—401.

дим в статьях, сопровождающих публикации новых текстов.⁴ Особенно обстоятельны работы «Пять былин по рукописям XVIII в.» Н. С. Тихонравова (1891) и «Материалы и исследования по старинной русской литературе» Л. Н. Майкова (1891), где рассмотрены не только особенности вновь публикуемых текстов, но и вопросы о среде и месте распространения «Повестей» о богатырях. Н. С. Тихонравов считает «Повести» записями былин с голоса или по памяти и расценивает их так же, как и записи песен для Ричарда Джемса и сборник Кириши Данилова. Л. Н. Майков, касаясь вопроса о группировке текстов на редакции, публикует сводный текст, восстановленный им на основании сравнения четырех текстов, которые он считает восходящими к одному прототипу. Очень интересна заметка М. Сперанского во втором томе его сборника былин (стр. 499—505), где он, также считая «Повести», «Сказания» и «Гистории» о богатырях записями былин, ставит вопрос о связи их с литературными произведениями XVII века.

С большим вниманием отнеслись к «Повестям», «Сказаниям» и «Гисториям» о богатырях советские ученые. В 1926—1927 годах напечатана работа Б. М. Соколова (Этнография, 1926 и 1927), подводящая итоги изучения и публикации текстов, называемых им старинными записями былин. Продолжают появляться и статьи, сопровождающие публикации новых текстов, где находим краткие палеографические сведения,⁵ или более подробные сообщения о тексте,⁶ или даже сопоставление вновь публикуемого списка с устной традицией.⁷ Впервые поставлен советскими учеными вопрос о языке «Повестей» и «Сказаний» о богатырях (диссертация А. П. Евгеньевой «Язык былин в записях XVII в.»⁸ и «Очерки по языку русской устной поэзии XVII—XVIII вв.»⁹). Как видно уже из заглавий, А. П. Евгеньева считает тексты «Повестей» и «Сказаний» записями былин, отразившими язык устной поэзии XVII—XVIII веков.

Итак, все ученые, за исключением В. Ф. Миллера, считали «Повести», «Сказания» и «Гистории» записями былин, рассматривали вопросы о взаимодействии этих текстов с устной традицией и с письменной литературой, о языке текстов и группировке их на редакции. Но ни один из названных вопросов не изучался подробно на материале всех текстов, и полного филологического анализа их в научном обиходе еще нет. В то же время совершенно очевидно, что без такого анализа нельзя решить и вопрос о природе «Повестей», «Сказаний» и «Гисторий», нельзя с уверенностью сказать, что это — записи былин, пересказы, переложения или сказки. То или иное название избиралось учеными часто бездоказательно, без опоры на какое-либо изучение текстов, а термин «записи» успел уже войти в обобщающие труды нашего времени.¹⁰ Изучение вопроса о природе

⁴ М. Протопопов. Новая «повесть» об Илье Муромце. «Живая старина», 1894, вып. 1, отд. II, стр. 78—80.

⁵ А. С. Орлов. История об Илье Муромце и Соловье Разбойнике. Труды ОДРЛ, т. IV, стр. 241—246.

⁶ И. Ф. Голубев. Повесть об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР, Новая серия, т. XIII (Славянский фольклор). М.—Л., 1951, стр. 241—246.

⁷ П. Г. Ширяева, В. А. Кравчинская. Две былины в записях конца XVII—XVIII вв. Труды ОДРЛ, т. VI, стр. 339—349, 354—366.

⁸ «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. III, 1944, вып. 4, стр. 165—176.

⁹ Труды ОДРЛ, т. VI, стр. 154—190. Опубликовано частично.

¹⁰ История русской литературы, т. II, ч. 2. Изд. Института литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, М.—Л., 1948, стр. 182—184; Русское народное

текстов «Повестей», «Сказаний и «Гисторий» о богатырях должно дать основания для употребления того или иного термина применительно к такого рода текстам. Но прежде всего необходимо решить задачу собирания и систематизации материалов и вопрос о группировке их на редакции. Публикация текстов о богатырях началась с последней четверти XIX века, и в науке накоплены сведения более чем о двух десятках рукописей, содержащих «Повести», «Сказания» и «Гистории» о богатырях. Ряд публикаций сделан после итоговой работы Б. М. Соколова, и в хранилищах продолжают обнаруживаться новые тексты.¹¹ Накопленный материал вполне позволяет поставить и разрешить вопрос о группировке текстов «Повестей», «Сказаний» и «Гисторий» о богатырях на редакции. Но часть рукописей, содержащих тексты о богатырях, была опубликована с такими номерами, которые они имели в частных собраниях, и отыскание их в рукописных хранилищах по этим номерам представляется затруднительным. В целях систематизации материала приводим перечень текстов, группируя их по сюжетам.

1. ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

1. Гистория о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике. Начало: «Во славном граде Муроме слушал Илья Муромец заутреню воскресную...» Конец: «И князь Владимир стал весел и говорит ему: „Послужи ты мне, Илья Муромец, верою и правдою и покажи свою силу богатырскую“. И всему тому конец». ГБЛ, 5914. Рукопись поступила в хранилище в 1926 году, является частью сборника И. Е. Забелина 71. Опубликовано: А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, вып. 1, М., 1855, стр. 58—61; Майков, стр. 32—34; Тихонравов—Миллер, стр. 4—7.

2. Повесть о славном, могучем богатыре о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике. Сохранилось несколько строк начала: «В славном граде Муроме слушал Илья Муромец воскресную заутреню, поход держал к славному граду Киеву, ко князю Владимиру киевскому Всеславевичю, а завет держал на свою востру саблю и на свои...» Несколько строк конца: «... службу, да послужи ты мне верою и правдою, покажи свою силу богатырскую. Те ж люди миновались, а слава их до скончания века. Аминь». ГБЛ, Ундольского 663. Опубликовано: Тихонравов, стр. 8—9 и Тихонравов—Миллер, стр. 75.

3. Сказание о Илие Муромце и о Соловие-разбо(и)нике. Начало: «Во славном городе Мурме слышать был бгатыр Илня Муромец. Слышал заутреню воскресную». Отрывок. Текст обрывается на словах: «Скажи ты мне, где твоя золота казна лежит? ... в моих солах Кузовых». ГБЛ, Тихонравова 222. Рукопись утрачена. Опубликовано: Тихонравов, стр. 32—33 и Тихонравов—Миллер, стр. 10—11.

4. Без заглавия рассказ об освобождении Чернигова и бое с Соловьем-разбойником и Идолищем. Начинается словами: «Взял под правую руку, а воевода черниговской под левую...» Конец: «И великий князь Владимир Илью Муромца великими похвалами возвеличил и причел в сильные могучия богатыри. И сей истории конец». ГБЛ, 5915. Рукопись представляет собою тетрадь из сборника И. Е. Забелина 536, хранившегося

поэтическое творчество, т. I. Очерки русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков. Изд. Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, М.—Л., 1953, стр. 416—430.

¹¹ Мы имеем возможность сообщить пять не опубликованных до настоящего времени текстов. Цитаты из всех текстов даются по рукописям.

в ГИМ. В научную литературу рукопись вошла под номером 82. Опубликована: Майков, стр. 34—45 и Тихонравов—Миллер, стр. 11—24.

5. Без заглавия рассказ о победе над Соловьем и бое с Идолищем. Отрывок. Начинается словами: «Разбойничей свист поглушил богатырей, то упали на пол...» Конец: «... и взявши тулово, туды же выкинул. За то князь Илью Муромца почтил в славный могучий богатыри». ГБЛ, 6147, Шибанова 186. Публикуется в данном издании.

6. Гистория о славном и о храбром и сильном богатыре Илье Муромце, сыне Ивановиче и о Соловье-разбойнике. Начало: «Быт в славном городе Муроме, жил тут стар-матер человек...» Конец: «И так к последнему году отидоша и погребение было славное. И те ж люди миновались, а слава их до скончания века. Конец». ГИМ, Забелина 548. Старый номер, под которым рукопись вошла в научную литературу, — 244. Опубликована: Этнография, 1927, № 1, стр. 109—113.

7. Гистория о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике. Начало: «Во славном граде Муроме слушал Илья Муромец заутреню воскресную». Конец: «„Послужи ты мне, Илья Муромец, верою и правдою и покажи свою силу богатырскую“. И всему тому конец». ГИМ, Барсова 1592. Старый номер — 210. Опубликована: Этнография, 1927, № 1, стр. 115—117.

8. История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье-разбойнике. Начало: «В славном было городе Муроме, в селе Карачарове, жил в нем крестьянин...» Конец: «И за то князь Илью Муромца почтил великими похвалами и пришел в силния, могучия богатыри. Конец». ГИМ, Барсова 2399. Старый номер — 8. Опубликована: Этнография, 1927, № 1, стр. 119—122.

9. История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о славном разбойнике. Начало: «В славном было городе Муроме, в селе Карачарове, жил в нем...» Обрывается на словах «... Соловья-разбойника, которова привез с собою у стремени булатнова. Но князь, осердись...» ГИМ, Барсова 2400. Старый номер — 9. Опубликована: Этнография, 1927, № 2, стр. 302—304.

10. Сказка о Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Начало: «Как во славном было городе Муроме, в селе Карачарове, жил в нем, был в нем...» Текст обрывается на словах: «Скажи, доброй молодец, чего ты царства?» ГИМ, Барсова 2421. Старый номер — 30. Опубликован: Этнография, 1927, № 2, стр. 304—306.

11. Повесть о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике. Начало: «Во славном граде Муроме слушал богатырь Илья Муромец заутреню воскресную». Конец: «... и кони не заперты, и погребы не замкнуты...» ГПБ, О.ХVII.57, Буслаева 92. Опубликована: Тихонравов, стр. 29—31; Тихонравов—Миллер, стр. 7—9.

12. Повесть о сильном, могущем богатыре о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике. Начало: «Во славном было граде Морове слуша Илья Муромец заутреню воскресную...» Конец: «„Заслужи ты мне верою и правдою“. Те ж люди миновались, а слава их до скончания века! Аминь! Конец и богу слава! Аминь!» ГПБ, Q.XVII.194. Опубликована: Майков, стр. 29—32 и Тихонравов—Миллер, стр. 1—4.

13. Без заглавия рассказ о бое с Соловьем. Начинается словами: «Поехал я, государь, из Муромы, отслушав заутреню воскресную». Конец: «„Да послужи ты мне верою и правдою и покажи свою силу богатырскую!“ Те ж люди миновались, а слава их до скончания века. Аминь». ГПБ, Титова 2776. Текст публикуется в данном издании.

14. Сказание о Соловье-разбойнике, како ево положил Илья Муромец. Начало: «В славном граде Муроме слушал богатырь Илья Муромец заутреннюю воскресну». Конец: «... князь Владимир отпустит Илью Муромца постихся, а сам жити станет в Киеве до старости, и преставися ему жизнь». ГПБ, Титова 1994. Текст публикуется в данном издании.

15. История о славном, храбром и сильном богатыре Илье Муромце, сыне Ивановиче, о Соловье-разбойнике. Начало: «Бысть в славном граде Муроме, жил тут стар-матер человек». Конец: «И тако ко господу отидоша, и погребение было славное. И те ж люди миновалися, а слава их до скончания века. Конец». ГПБ, Титова 3315. Текст публикуется в данном издании.

16. Гистория о славном, о храбром и сильном богатыре Илье Муромце, сыне Ивановиче и о Соловье-разбойнике. Начало: «Быст в славном городе Муроме, жил тут стар-матер человек...» Конец: «И тако... отидоша, и погребение бысть славное. И те же люди миновалися, и слава их до скончания века. Конец». Инст. ист., Лихачева 74. Опубликовано: Труды ОДРЛ, IV, стр. 242—246.

17. История о двух сильных богатырех о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике. Начало: «Во славном граде Муроме слушал Илья Муромец заутреню...» Конец: «Послужи ты мне верою и правдою, покажи свою силу богатырскую. Тако скончася История». Инст. ист., Лихачева 287. Опубликовано: Труды ОДРЛ, VI, стр. 366—371.

18. Повесть о славном богатыре Илье Муромце, како он родился и как поехал из Муroma к стольному граду Киеву ко князю Владимиру Всеславьевичю. Начало: «В стольном граде Муроме была деревня Лаптева, а в той деревне жил крестьянин...» Конец: «... драгия пожичеца не ношены, добры кони не езжаны. И тем богатырьми слава от начала и до конца века. Аминь». Гос. обл. архив г. Калининa, № 911. Опубликовано: Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР, Новая серия, т. XIII (Славянский фольклор). М.—Л., 1951, стр. 246—250.

19. Повесть о сильном могучем богатыри Илии Муромце и о Соловье-разбойнике. Начало: «Во славном было во граде Муроме, во болшем селе Карачасве, было село Каптяево...» Конец: «... и за то ево князь Владимир пожаловал выше своих богатырей киевских. Конец сему повествовани(ю). Аминь». Местонахождение рукописи не известно. Опубликовано М. Протопоповым («Живая старина», 1894, вып. I, стр. 80—82) и в сборнике «Былины новой и недавней записи из разных местностей России. Под ред. В. Ф. Миллера» (М., 1908, стр. 285—288).

20. Без заглавия полный текст об Илье Муромце. Начало: «Во славном было городе во Муроме, в том ли селе Корачарове, жил-был крестьянин...» Конец: «А живши он Илья во Киеве состарелся, состарелся и переставился. А то старина, а то и даянье». Из собрания Уваровых. Местонахождение рукописи не известно. Опубликовано: Этнография, 1927, № 2, стр. 309—314.

II. О МИХАИЛЕ ПОТОКЕ

21. Сказание о трех богатырях: о Илье Муромце и о Михаиле Потокe Ивановиче и Олеше Поповиче

киевских, и о походе и их. Начало: «Бысть во граде Киеве у великаго князя Владимира киевскаго Всеславича пир велии...» Конец: «И побил силы мужиков пять тысяч, и сами в Киеве померли. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь. Их идет слава до века». **ГБЛ, Тихонравова 399.** Опубликовано: Тихонравов, стр. 33—40 и Тихонравов—Миллер, стр. 32—39.

22. Сказание о сильных могучих богатыре (х) киевских: о Илье Муромце и о Михаиле Потоке Ивановиче и Алеше Поповиче. Начало: «Во славном граде Киеве у князя Владимира киев(с)каго Всеславъевича был пир велик...» Конец: «Побили мужиков изменников пять тысяч, а сами жили в Киеве до старости и померли. Слава их идет по веку. Аминь». **ГБЛ, Тихонравова 361.** Опубликовано: Тихонравов, стр. 41—48 и Тихонравов—Миллер, стр. 39—46.

23. Сказание о трех богатырях: Илье Муромце, Михаиле Потоке Ивановиче и Алеше Паповиче. Начало: «Во славном граде Киеве у великаго князя Владимира киевскаго было пированье почестное...» Конец: «И почел побивать мужиков киевских за то, что отдали жену ево безвинно царю Кощею неверному. И побили силы сорок тысяч». **ГИМ, Забелина 536.** Старый номер рукописи — 82. Опубликовано: Этнография, 1926, стр. 115—123.

24. Повесть о князе Владимире киевском и о богатырях киевских и о Михаиле Потоке Ивановиче, о царе Кашею Залатои Арды. Начало: «В славном граде Киеве у великава князя Владимира киевскава Всеславъевича было пированье великое». Текст обрывается на словах: «Ои, еси, князи и бояры». **ГПБ, О.ХVII.44.** Опубликовано: Майков, стр. 50—57; ¹² Тихонравов—Миллер, стр. 25—31; Сперанский, стр. 518 (отрывок).

25. Сказание о трех богатырях киевских, посланных възятъев, Илье Муромце, Олеше Поповиче, Михаиле Потоке Ивановиче. Начало: «Во славном было городе Киеве, у князя Владимира киевскаго был пир навечере...» Текст обрывается на словах: «А без него приехал купчина Золотои Орды в Киев». **ГПБ, Q.XVII.268.** Текст публикуется в данном издании.

26. Сказание о трех богатырях киевских, о славных витезех о Илье Муромце и о Михаиле Потоке Ивановиче и о Олеше Поповиче. Начало: «Во славном граде Киеве, у великаго князя Владимира киевскаго Всеславевича... пир навеселе...» Текст обрывается на словах: «Илья Муромец поднял камень... Алеша Поповичь...» **БАН, 28.6.41 (Нов. 1481).** Публикуется А. П. Евгеньевой в Трудах ОДРЛ, т. XIII, стр. 492—496. Там же публикуется еще один текст, сведений о котором мы не имеем.

III. О СТАВРЕ ГОДИНОВИЧЕ

27. Без заглавия рассказ о Ставре Годиновиче. Отрывок. Начинается словами: «...рин Ставер Гаденовичъ: „Ои есте, вы, князи и бояре, и сильныя, могучия богатыри!“» Конец: «И учили пити и ясти, и веселитися по-прежнему. И начел их князь Владимир жаловать лутьче старова. Конец». **ГПБ, О.ХVII.57, Буслаева 92.** Опубликовано: Тихонравов, стр. 24—29 и Тихонравов—Миллер, стр. 54—58.

¹² По публикации Л. Н. Майкова текст продолжается далее указанного места, так как Л. Н. Майков видел рукопись до утраты последних листов.

28. Без заглавия рассказ о Ставре. Отрывок. Начинается словами: «Кому и... осолской полате отд... велел ему князь Влади... есть и меду пить...» Конец: «И поехали они к столному граду Чернигову и нача они пити и ясти и радоватца, по-старому стали жить». БАН, 45.2.5.¹³ Опубликован А. И. Соболевским в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук» (1911, т. XVI, кн. 1; отд. I, стр. 1—4).

Для решения вопроса о редакциях приведенных текстов следует учесть отдельные замечания, имеющиеся в трудах некоторых исследователей.

Н. С. Тихонравов считал отрывок рукописи 2, ГБЛ, Ундольского 663 близким тексту рукописи 1, ГБЛ, 5914 (Забелина 71),¹⁴ а текст 3, своего собрания № 222, ГБЛ — вариантом к тексту 11, ГПБ, Буслаева 92 (Тихонравов, стр. 10 и 19). Л. Н. Майков говорил, что тексты 1, 2, 3, 11, 12 — ГБЛ, 5914 (Забелина 71), Ундольского, Тихонравова 222, ГПБ Q.XVII.194 и Буслаева 92 — объединяются одной схемой, упоминанием Себежа, а не Чернигова, и относятся к одной редакции. «Они оказываются близко сходными между собою не только по своей схеме, но и по подробностям рассказа и по изложению, притом же эпический стиль выдержан в них почти в равной степени, и только Забелинская рукопись 71 представляет в этом последнем отношении некоторое отклонение от прочих трех. Все это дает право рассматривать эти четыре текста в одной связи, как четыре списка одной редакции одного памятника и позволяет на их основании установить его правильное чтение» (Майков, стр. 9—10). Он сделал попытку восстановить древний вид данной редакции. Известную ему рукопись 4, ГБЛ, 5915 (Забелина 82) Л. Н. Майков относит к другой редакции, он считает, что вышеназванные четыре текста и текст 4, ГБЛ, 5915 (Забелина 82) «ведут свое происхождение от двух различных устных пересказов» (Майков, стр. 8). В. Ф. Миллер объединил тексты, называющие город Себеж, а не Чернигов, в одну редакцию, назвав ее «краткой» или «себежской».¹⁵

Работой Б. М. Соколова это деление и название было закреплено (Этнография, 1926 и 1927). Сохраняется оно и по настоящее время, несмотря на то, что накопившийся материал нарушал это четкое деление и требовал пересмотра.

Разбирая вопрос о редакциях с целью определить отношение к ним нового списка, В. А. Кравчинская делит «себежские» списки на пять «редакций»: 1) 1, ГБЛ, 5914 (Забелина 71) и 7, ГИМ, Барсова 1592 (210), почти дословно совпадающие; 2) 6, ГИМ, Забелина 548 (244) и 16, Инст. ист., Лихачева 74; 3) 11, ГПБ, Буслаева 92 и 12, ГПБ, Q.XVII.194; 4) особняком стоит текст 3, ГБЛ, Тихонравова 222 и несколько строк рукописи 2, ГБЛ, Ундольского; 5) текст 19, Протопопова. Особое место отведено для текста, опубликованного В. А. Кравчинской, 17, Инст. ист., Лихачева 287 (Труды ОДРЛ, т. VI, стр. 354—355). Таким образом, получается 6 «редакций» «себежской» редакции. При последней публикации текста об Илье Муромце И. Ф. Голубевым¹⁶ вопрос о редакциях не затрагивался.

¹³ В хранилище находится фотокопия, судьба рукописи не известна.

¹⁴ В скобках — старый номер; жирным шрифтом набирается порядковый номер нашего перечня.

¹⁵ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. Былины, т. I. М., 1897, стр. 392—393.

¹⁶ Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР, Новая серия, т. XIII (Славянский фольклор), стр. 246—250.

Несмотря на обстоятельную работу В. А. Кравчинской, вопрос о редакциях текстов об Илье Муромце остается не разрешенным, так как В. А. Кравчинская коснулась только части текстов и не ставила вопроса о самом термине — «себежская» редакция и «черниговская» редакция.

Рассматривая вопрос о редакциях текстов о богатырях, мы подходим к ним как к произведениям древней русской литературы. Возникнув на основе произведения народного творчества (в данный момент неважно, как и в какой форме), «Повести» и «Сказания» входили в состав литературных сборников, переписывались, как любое произведение древней литературы, подвергались переработке. Следовательно, нужно разобрать характер изменений, происходивших с текстами, выделить переработки, сделанные книжником, сгруппировать тексты в редакции. Безусловно, необходимо учитывать, что это — тексты, теснейшим образом связанные с устным народным творчеством, и отношение писца поэтому к ним особое. Но все же жили и переписывались они, как произведения литературы письменной, так и должны быть изучены. Говоря о редакциях текстов записей былинных сюжетов, следует иметь в виду то определение редакции, которое дается современными историками древнерусской литературы, то же следует учитывать и в отношении термина «вариант».

«Черниговская» редакция: 8, ГИМ, Барсова 2399 (8); 9, 2400 (9); 10, 2421 (30); 5, ГБЛ, 6147, Шибанова 186 и 4, ГБЛ, 5915 (Забелина 82). Из них только текст 8, ГИМ, Барсова 2399 (8) полный, остальные дефектны: в тексте 4, ГБЛ, 5915 (Забелина 82) и 5, ГБЛ, 6147, Шибанова 186 утрачены начальные листы, в текстах 9 и 10 ГИМ, Барсова 2400 (9) и 2421 (30) утрачен конец.

Исключив на некоторое время текст 4, ГБЛ, 5915 (Забелина 82), обладающий большими отличиями от остальных, рассмотрим, что характеризует остальные 4 текста. Все они очень согласно дают следующую схему повествования: после сведений об отце Ильи рассказано о том, что сидел Илья сиднем 30 лет, а потом стал ходить и ощутил силу великую, купил сбрую, оседдал коня и, испросив благословение родительское, — а они еще и завет на его саблю положили, — поехал в поле, в леса. В лесу встретил Илья разбойников, которые хотят отнять у него коня, но, напуганные тем, что пушенная Ильей стрела «рвет в косую сажень», винятся и предлагают казну, которую Илья не берет. Подъехав к Чернигову, Илья видит большое войско, побивает его, за что встречен горожанами «с радостью». Выехав из Чернигова и увидев «попрыски богатырские», Илья едет по ним и приезжает к гнезду Соловья-разбойника, который безуспешно пытается убить или напугать Илью своим свистом; Илья ранит Соловья и, привязав к стремени, едет к Киеву. Он проезжает мимо палат Соловья, зятя Соловья хотят биться, но по приказанию его приглашают Илью в дом, где одна из дочерей хочет убить богатыря подворотнею. Рассерженный Илья уезжает и направляется в Киев. Приехав на княжеский двор, он идет в палаты, молится, учтиво отвечает на вопросы князя и рассказывает о победе над Соловьем, князь не верит и гневается. О дальнейшем повествовании можно судить только по тексту 8, ГИМ, Барсова 2399 (8), и в самом конце, с момента убийства Соловья, к нему присоединяется отрывок 5, ГБЛ, 6147, Шибанова 186. Богатыри, бросившиеся смотреть, уверяют князя в правдивости слов Ильи; князь хочет послушать свисту разбойничьего. Илья, предусмотрительно завернув князя в шубы, велит Соловью свистеть, после чего убивает его. Дальше идет рассказ о том, как Илья, назвавшись братом с Добрыней, поехал в «чистое поле», где встретил «калику прохожую», узнал от него, что в Киеве Идолище, вернулся

В платье калики и убил Идолище шляпой, после чего заслужил «великие похвалы». Таков ход повествования в тексте 8, ГИМ, Барсова 2399 (8), подтвержденный текстами 9, ГИМ, Барсова 2400 (9) и 10, 2421 (30), а также 5, ГБЛ, 6147, Шибанова. Эти тексты согласны между собою не только в последовательности изложения эпизодов, они текстуально очень близки друг другу. Текстологическое сопоставление позволяет предполагать общий для всех их оригинал в прошлом. Различия касаются отдельных слов, окончаний, букв, отражения особенностей произношения.

Например:

ГИМ, Барсова 2399 (8)   *ГИМ, Барсова 2400 (9)*   *ГИМ, Барсова 2421 (30)*

В славном било городе Муроме, в селе Карачарове, жил в нем крестьянин Иван Тимофеевич. У него было любимое детище Илья Муромецъ. Сидел он сидном 30 лет, и как минуло 30 лет, то стал ходить на ногах крепко, и ошатил в себе силу великую, и отделал себе зброю ратную и копие булатное и оседлал коня своего богатырскова...

И той великой силе Илья Муромецъ ужаснулся, однако положил на воле создателя своего за господа и бога, и думал положить главу за веру христианскую. И стал побивать силу бусурманскую копию булатним.

В славном было городе Муроме, в селе Карачарове, жил в нем кресьянин Ивань Тимофеичъ. У него было любимое детище Илия Муромецъ. Сидел он сиднем 30 лет, и как минуло 30 лет, то сталь он ходить на ногах крепко и отщупал в себе великую силу, и зделал себе зброю ратную и копие булатное, и оседлал коня своего богатырскога...

И той великой силы Илия Муромецъ ужаснулся, однако положил на волю создателя своего господа бога и вздумал положить свою главу за веру христианскую. (И стал побивать силу бусурманскую) копнем булатным.

Как во славном было городе Муроме, в селе Карачарове, жил в нем, был в нем кресьянин Иван Тимофеевич. У него было любимое детище Илия Муромец, и сидол он сиднем тридцат лет. И как минуло 30 лет, то он стал ходит и на ногах крепко ступат. И ощутил в себе силу великую, и зделал себе зброю ратную и копие булатное, и оседлал коня своего богатырскога...

И вздумал положит главу свою за веру христианскую и стал побиват силу босурманскую копием булатным.

Текст 10, ГИМ, Барсова 2421 (30) больше отличается от 8, 2399 (8), чем 9, 2400 (9), но это находит объяснение в самой заглавии «Скаска о Илье Муромце и Соловее-разбоинике». В тексте отчетливо видно стремление писца-редактора сделать именно сказку. Он начинает так, как обычно начинает сказочник: «Как во славном было городе Муроме, в селе Карачарове, жил в нем, был в нем кресьянин Иван Тимофеевич». После того как Илья просит благословения у отца и матери, родители говорят ему: «Поежай ты прямо на Чернигов-град, и будучи под Черниговым стоит войско босурманское, что и сметы нет, и поежай прямо на Чернигов, и будучи в пути не делаи обиды и не проливаи крови христианской напрасно». Именно так напутствуют старшие (родители, старички) в сказках героя, отпуская его в путь, они предупреждают о препятствиях и говорят, как надо поступать.

Текст обрывается на вопросе князя Владимира к Илье, откуда он приехал. Какие изменения были сделаны в конце, трудно сказать, но и те, что приведены, ясно свидетельствуют о переработке текста. Текст помещен и в соответствующем окружении: в сборнике находим сказки.

Важно для данной группы текстов еще и то, что в той же мере, как и между собою, они совпадают с текстом лубочных картинок, опубликованным Д. А. Ровинским.¹⁷ Привожу примеры тех же отрывков из текста лубка.

¹⁷ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. I. 1881, стр. 2—4

1. «В славном было городе Муроме, в селе Карачарове, жил в нем крестьянин Иван Тимофеевич, у него было любимое детище Илья Муромец. Сидел он сиднем 30 лет, и как минуло 30 лет, то стал он ходить на ногах крепко и ощутил в себе силу великую, и зделал себе збрую ратную и копыно булатное, и оседлал коня своего богатырскава».

2. «И той великой силе Илья Муромец ужаснулся, однако положил на волю создателя, своего господа бога, и вздумал положить главу свою за веру христианскую и стал побивать силу босурманскую копыном булатным».

На схожесть текстов указывали и В. Ф. Миллер, и Б. М. Соколов, и другие, недаром и вся редакция названа «лубочной». Следует, однако, уточнить, что наибольшую близость с лубком обнаруживают тексты 8 и 9, ГИМ, Барсова 2399 (8), 2400 (9) и 5, ГБЛ, 6147, Шибанова 186. Текстологическое сравнение лубочного текста с этими текстами показывает, что различения идут за счет смягчения, разницы окончаний, различного произношения, отразившегося на письме, и т. д. Возможно предположить, что все эти тексты имели один общий оригинал. Здесь возникает очень важный вопрос: попали ли тексты (краткие) из лубка в сборники или из рукописных сборников в лубок. Если рассматривать лубочные картинки в качестве иллюстраций к произведениям древнерусской литературы, как это делают современные исследователи,¹⁸ то естественно было бы думать, что в лубок текст попал из рукописных сборников. Однако это предположение требует более веских доказательств.

В «черниговскую» редакцию включается также текст 4, ГБЛ, 5915 (Забелина 82). В чем состоят его особенности? Сравнение с другими текстами этой редакции показывает, что текст ГИМ значительно больше по объему, он более подробно рассказывает о подвигах Ильи. Крупные эпизоды здесь те же, что и в остальных текстах, но описаны они подробнее. Например, подробно рассказывается о приеме Ильи в Чернигове: его там и угощают, и спрашивают, куда он едет, и ночевать оставляют. Обращает на себя внимание тот факт, что в описании приемов и встреч в Чернигове и Киеве, в описании придворной жизни встречаются особые подробности. В других эпизодах только разговор с «каликой переходим» пространен, а остальные (бой с Соловьем, встреча с зятьями Соловья) остались краткими. О начале судить нельзя, других сходных текстов не обнаружено, а текст 4, ГБЛ, 5915 (Забелина 82) начинается со встречи Ильи воеводой черниговским. Можно предположить, что автор данной переработки хотел создать «Сказание» о богатыре, похожее на повести о Еруслане Лазаревиче, Бове-королевиче и др. Разве мало совершил подвигов Илья-богатырь, разве нельзя о нем рассказать так же ярко и занимательно, окружив его почетом и пышным придворным обществом? И вот автор развивает картины встреч при дворах черниговском и киевском, вводит обширные диалоги, описывает церемонии встреч и приглашений Ильи. У него и князь Владимир превращается из обычного былинного князя, беседующего с богатырями, во владетельного феодала, говорящего с только что прибывшим Ильей через своих министров Алешу Поповича и Добрыню Никитича. Он не просто высовывается в «окончину хрустальную», чтобы позвать Соловья-разбойника, а посылает за ним посыльных. И Илья Муромец здесь несколько иной, он до многословия вежлив, можно даже сказать «галантен», он рыцарь-герой, но под этим покровом, усердно наво-

¹⁸ С. Ф. Елеонский. Из истории массовой литературы XVIII века. Лубочные листы. «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. XIV, 1955, вып. 5, стр. 448—459.

димым автором, все время проступает образ богатыря, доброго молодца, простого и сильного. Илья обращается к Добрыне Никитичу: «Государь Добрыня Никитичь, донеси великому князю Владимиру: зоут меня Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, уроженец я города Мурома, села Карачарова, а приехал я нарочно в славной Киев-град богу молитца, а князю Владимиру обявитца». А на гневные слова князя Владимира, выражающего недоверие, Илья отвечает: «Великий князь Владимир, за что такой гнев изволиш на меня держать, и чем я вас оболгал и какими словами?» Даже Соловьята (зятя) обращаются к Илье Муромцу удивительно изысканно: «Удал доброй молодец, силной могучей богатырь, милости у тебя просим в дом отца нашева для такова торжественного праздника выкушать по чаре зелена вина».

Несмотря на все особенности текста 4, ГБЛ, 5915 (Забелина 82), его объединяет с остальными текстами «черниговской» группы не только наличие одних и тех же эпизодов. Текстологическое сравнение убеждает в том, что родство его с текстами краткой редакции очень близкое. Многие отрывки текста краткого и пространныго совпадают полностью.

Таким образом, мы имеем две редакции «черниговских» текстов: краткую, делящуюся на два варианта, и пространныю. Краткая редакция представлена текстами: 1) 8, ГИМ, Барсова 2399 (8), 9, ГИМ, Барсова 2400 (9) и 5, ГБЛ, 6147, Шибанова 186 — первый вариант, имеющий заглавие «История»; 2) 10, ГИМ, Барсова 2421 (30) — второй вариант, имеющий заглавие «Сказка».¹⁹ Пространная редакция представлена текстом 4, ГБЛ, 5915 (Забелина 82).

Что же представляют собою эти тексты? Можем ли мы назвать прежнему редакцией все три вышеназванные группы, как делали это вначале? Для решения этого вопроса рассмотрим «себежскую» редакцию. К ней относятся тексты: 12, ГПБ, Q.XVII.194; 11, ГПБ, O.XVII.57, Буслаева 92; 2, ГБЛ, отрывок рукописи Ундольского; 13, отрывок ГПБ, Титова 2776; 3, ГБЛ, Тихонравова 222; 14, ГПБ, Титова 1994; 7, ГИМ, Барсова 1592 (210); 1, ГБЛ, 5914 (Забелина 71); 17, Инст. ист., Лихачева 287 и 16, Инст. ист., Лихачева 74; 15, ГПБ, Титова 3315; 6, ГИМ, Забелина 548 (244); 18, Калининского обл. архива 911 и рукопись 19, опубликованная М. Протопоповым.

Сличение даже только по крупным эпизодам показывает, что тексты распадаются на две больших группы. Первая — 12, ГПБ, Q.XVII.194; 11, ГПБ, O.XVII.57, Буслаева 92; 2, ГБЛ, Ундольского 663; 13, ГПБ, Титова 2776; 3, ГБЛ, Тихонравова 222; 14, ГПБ, Титова 1994; 7, ГИМ, Барсова 1592 (210); 1, ГБЛ, 5914 (Забелина 71); 17, Инст. ист., Лихачева 287 — объединяется следующей схемой повествования: 1) выезд из Мурома — Илья, отслушав заутреню, положив завет на оружие, «почод держит на Киев-град»; 2) бой под Себежем — победив царевичей басурманских, будучи принят с почетом жителями, Илья спрашивает о дороге и получает ответ; 3) бой с Соловьем и встреча с Соловьятами — слышал Соловей Илью и свистит, конь спотыкается, но Илья стреляет в Соловья и выбивает ему «правый глаз», после вопроса о казне Илья едет к «селах Кугузовым», где 12 сынов Соловья хотят биться, Соловей же велит пригласить Илью в дом, но Илья поворачивает к Киеву; 4) Илья в Киеве у князя — войдя в палату, молится и кланяется всем, отвечает на вопросы князя, рассказывает о бое под

¹⁹ Изменения, сделанные в тексте, не дают оснований назвать эти два варианта редакциями, так как они не столь существенны, а конец текста утрачен.

Во славном было граде Муроме, слуша Илья Муровец заутреню воскресную и в уме держал к сильному ко князю Владимиру...

Во славном граде Муроме слушал богатырь Илья Муромец заутреню воскресную, а похоть держал к столному граду Киеву...

Во славном граде Муроме слышать был богатырь Илья Муромец. Слышал заутреню воскресную, поехал он ко граду Киеву...

В славном граде Муроме слушал богатырь Илья Муромец заутреннюю воскресную, поход держал ко славному граду Киеву...

Во славном граде Муроме слушал Илья Муромец заутреню, похот держал ко граду Киеву...

Во славном граде Муроме слушал Илья Муромец заутреню воскресную, похот держал ко граду Киеву...

Во славном граде Муроме слушал Илья Муромец заутреню воскресную, похот держал ко граду Киеву...

И был в церкви божи, слушал святую заутреню воскресную и, отслушав заутреню, поход держал к столному граду Киеву...

И вынимает свои крепкой лук и калену стрелу накладывает, Соловья-разбойника в правой глас. И Соловей-разбойник упал з девяти дубов, что овсяной сноп свалился. Илья Муромец сел у него на белые груди и хотел у него вынуть сердце ретиво...

И вынимает по Соловью-разбойнику калену стрелу, и тут во Соловья-разбойника попал, и Соловей з двенадцати дубов свалился, аки овсяной сноп. Илья Муромец сел у него на белые груди и хочет у него вынуть сердце...

И вымает из налучая свои крепкой улук ис калчана калену стрелу, и стреляет по Соловию-разбойнику, и убил его в правое око. И тут Соловей упал на сыру землю з девяти дубов, что овсяной сноп. Илья Муромец сел на белые груди и хочет вынуть ретиво сердце...

Илья Муромец вынимает из налучника свои крепкой лук и стреляет по Соловью-разбойнику. Попал его... землю, что овсяной сноп. Илья Муромец садикую у него на белые груди и хочет вынуть ясны очи...

И вынимает Илья Муромец свои крепкой лук из налучья. И наложил калену стрелу и убил Соловья-разбойника в правой глас. И в то число упал Соловей-разбойник з девяти дубов, что овсяной сноп, а Илья Муромец слес своего добраго коня и сел у него на белые груди и хочет вынуть ретиво сердце...

И вынул Илья Муромец свои крепкой лук и наложил колену стрелу и попал Соловья в правой глас. В то время упал Соловей з девяти дубов, что овсяной сноп, а Илья Муромец слес с своего добраго коня и хочет ретиво сердце вынуть...

И вынул Илья Муромец свои крепкой лук и наложил колену стрелу и попал Соловья в правой глас. В то время упал Соловей з девяти дубов, что овсяной сноп, а Илья Муромец слес с своего добраго коня и хочет ретиво сердце вынуть...

Свои крепкой лук из налучника, калену стрелу ис колчана и, натянувши, выстрелил в Соловья-разбойника, и попала ему стрела в правой глас. И Соловей-разбойник упал с 12 дубов аки болшей сноп на землю. И Илья Муромец подскочил и сел у Соловья-разбойника на белые грудях и хочет у него вынуть ретиво сердце...

А сам входит в полату столовую, молится чудному образу, а князю Владимиру поклоняется, а после на все четыре стороны.

Входит в полату столовую и молитца чудным образом, а князю Владимиру низко челом и кнеине, а после на четыре стороны.

Нет текста.

Приходит в полату столовую и молится кретообразно лицом князю Владимиру по низку челом, а княине и пониже тово на все на четыре стороны.

Потом пошел Илья Муромец в ту палату белу каменную и молится он чудным образом, а князю Владимиру поклоняется, а после на все четыре стороны.

Потом вшел Илья Муромец в ту полату каменную ко князю Владимиру, и молитца он чудным образом и князю Владимиру поклоняется, а после на все четыре стороны.

Потом вшел Илья Муромец в ту полату каменную ко князю Владимиру, и молитца он чудным образом и князю Владимиру поклоняется, а после на все четыре стороны.

А сам пошел во дворец, в княженецкия полаты и, вошед в полату, молитца чудным образом, а князю Владимиру низко челом бьет, а после поклонился на все четыре стороны.

Себежем и с Соловьем, по просьбе князя заставляет Соловья свистеть и заслуживает большую милость князя.

Эта схема выдержана во всех названных выше списках. Но, выдерживая схему в целом, тексты одни эпизоды несколько развивают, а другие сокращают. Кроме того, бросается в глаза, что не все тексты одинаково озаглавлены. Тексты 12, ГПБ, Q.XVII.194; 11, ГПБ, O.XVII.57, Буслаева 92; 2, ГБЛ, Ундольского имеют заглавие «Повесть» (сюда же относится, судя по тексту, и отрывок ГПБ, Титова 2776, не имеющий заглавия); тексты 3, ГБЛ, Тихонравова 222 и 14, ГПБ, Титова 1994 — «Сказание», а тексты 7, ГИМ, Барсова 1592 (210); 1, ГБЛ, 5914 (Забелина 71); 17, Инст. ист., Лихачева 287 — «История».²⁰ Подробное рассмотрение текстов показывает, что озаглавленные «Повесть» наиболее кратки, стройнее всего выдерживают приведенную выше схему, ближе всех по словесному оформлению к народной поэзии. Тексты, озаглавленные «История», не одинаковы. Тексты 7, ГИМ, Барсова 1592 и 1, ГБЛ, 5914 (Забелина 71) почти дословно повторяют друг друга, а текст 17, Инст. ист., Лихачева 287 распространяет многие эпизоды, хотя текст вышеназванных двух рукописей сохраняет. В «Историях» значительна струя книжной речи,²¹ много таких выражений, как «и тако и потом, потом рече» и т. д. Тексты, озаглавленные «Сказание», не представляют такого единства, как первые две группы. Рукопись 3, ГБЛ, Тихонравова 222 ближе к «Повестьям» и дает текст более краткий, но в ней нет конца, а рукопись 14, ГПБ, Титова 1994 писана очень безграмотно, с массой ошибок, но хранит интересный текст: в заглавии она выдвигает на первое место Соловья-разбойника, а в ответе Соловья князю говорится, что Соловей — мужика сын. Текст более распространенный, чем Н. С. Тихонравова (см. вклейку).

Текстологическое сравнение этих восьми текстов между собою убеждает в том, что в основе их лежит один, общий прототип. Общность их совершенно очевидна, совпадения находим не только в местах, хранящих народно-поэтическую речь, но и там, где видна книжная, прозаическая речь. (Несколько отрывков для сравнения их по всем текстам приведены на вклеенном листе.) Важен даже сам факт возможности подвести к одному тексту различия из других, он уже говорит о родстве текстов, о том, что когда-то был один общий оригинал их.

Таким образом, восемь текстов могут быть отнесены к одной редакции, но внутри этой редакции мы видим тексты, говорящие о некоторой стилистической правке, о работе над изменением текста: 1) «Повесть» — текст краткий и наиболее близкий народной поэзии; сюда относятся: 12, ГПБ, Q.XVII.194; 11, ГПБ, O.XVII.57, Буслаева 92; 2, ГБЛ, Ундольского 663; 13, ГПБ, Титова 2776; 2) краткое «Сказание», сохраненное только отрывком текста 3, ГБЛ, Тихонравова 222; 3) распространенное «Сказание», представленное текстом 14, ГПБ, Титова 1994; 4) краткая «История», сохраненная текстом 7, ГИМ, Барсова 1592 (210) и 1, ГБЛ, 5914 (Забелина 71); 5) распространенная «История», сохраненная текстом 17, Инст. ист., Лихачева 287. Изменения, произведенные в текстах этих групп, не столь значительны, чтобы дать возможность считать эти пять видов редакциями. Многие из них механические, не дающие ни изменений стилистических, ни идейных.

²⁰ Примерно так же группировала эти тексты и В. А. Кравчинская (Труды ОДРЛ, т. VI, стр. 354—355).

²¹ О книжном характере текста из рукописи И. Е. Забелина 71 говорил Л. Н. Майков в работе «Материалы и исследования» (стр. 8).

Чтобы подчеркнуть отличия их друг от друга, назовем их вариантами.

Из оставшихся текстов «себежской» группы остановимся на трех: 16, Инст. ист., Лихачева 74; 6, ГИМ, Забелина 548 (244) и 15, ГПБ, Титова 3315. Кроме эпизодов, разобранных в текстах краткой группы, которые сохраняются и в вышеназванных трех текстах полностью, в них присутствует в начале рассказ об исцелении Ильи-сидня, а в конце — рассказ о том, как Илья поехал со своим слугою Торопом в «чистое поле» и как бился с царем Тухманом. Эпизоды эти не механически приписаны к тексту, но органически входят в повествование, которое построено как жизнеописание героя. Все три текста полные, по эпизодам совпадают друг с другом полностью, но, кроме того, очень близки друг другу и по тексту. Текстологическое сопоставление показывает, что отличия текстов друг от друга незначительны, разночтения идут в основном за счет отражения различного произношения, изменений и искажений слов, пропусков. Тексты 16, Инст. ист., Лихачева 74 и 15, ГПБ, Титова 3315 ближе друг к другу, текст же 6, ГИМ, Забелина 548 (244) изобилует искажениями и неточностями. Привожу примеры для подтверждения текстовой близости:

Инст. ист., Лихачева 74

ГПБ, Титова 3315

ГИМ, Забелина 548

И накупил Илья Муромец доспехи богатырския и стал быть в великой славе и чести славной богатырь и силы Илья Муромец. И был в церкви божи, слушал святую заутреню воскресную и, отслушав заутреню, поход держал к столному граду Киеву, ко князю Владимиру, к солнышку Всеславьевичю...

И приказывает своему верному слуге Торопу, чтоб поехал далече в чистое поле и осведомился б, нет ли какой силы, не идут ли на святую Русь. И слуга скоро побегал и, не добежавши силы, испугался, скоро возвратился назад: «Гои еси ты, государь мой, батюшко, Илья Муромец сын Ивановичь, идет сила великая звериная на святую Русь».

И накупил Илья Муромец доспехи богатырския и стал быть в великой славе и чести славной богатырь и силы Илья Муромец. И был в церкви божи, слушал святую заутреню воскресную и, отслушав заутреню, поход держал к столному граду Киеву, ко князю Владимиру, к солнышку Всеславьевичю...

И приказывает своему верному слуге Торопу, чтоб поехал далече в чистое поле и осведомился б, нет ли какой силы, не идут ли на святую Русь. И слуга скоро побегал и, не добежавши силы, испугался, скоро возвратился назад: «Гои еси ты, государь мой, батюшко, Илья Муромец сын Ивановичь, идет сила великая звериная на святую Русь».

И накупи Илья Муромец доспехи богатырския и стал быт великой славе и чести славно болатырь и силы Илья Муромец. И был в церкви божи, слушел святую заутреню воскресную и отслушел заутреню, похоть держал ка столному граду Кееву, ко князю Владимиру и солнышку Всеславичю...

И приказывает своему верному слуге Торопу, чтоп поехал далече в чистое поле, чтоп осведамился, нет ли какой силы, не идут ли на светую Русь. И слуга скоро побегал и, не добежавши силы, испугался, скоро возвратился назат: «Гои еси ты, государь мой, батюшко, Илья Муромец сын Ивановичь, идет сила великая звериная на святую Русь».

С текстами «черниговскими» эти три текста не имеют ничего общего. Сопоставление их центральных эпизодов с текстами краткой «себежской» группы, показывает, что они совпадают полностью, а текстологическое сопоставление текста 16, Инст. ист., Лихачева 74 с текстами 12, ГПБ, Q. XVII. 194; 11, ГПБ, Буслаева 92 убеждает в том, что центральные эпизоды текстов 16, Инст. ист., Лихачева 74; 6, ГИМ, Забелина 548 (244) и 15, ГПБ, Титова 3315 родственны текстам 12, ГПБ, Q. XVII. 194; 11, ГПБ, Буслаева 92 и другим, сходным с ними.

Чтобы показать близость кратких и пространных текстов, к примерам на стр. 297 присоединены отрывки из текста Лихачева 74. Приводить

отрывки из других текстов этой редакции нет необходимости, так как они близки между собою.

Таким образом, «себежская» группа текстов распадается на две редакции: краткую, состоящую из пяти вариантов, и распространенную, не делящуюся на варианты. Но остались еще два текста «себежской» группы: 19, М. Протопопова и 18, Калининского архива 911. Оба они содержат следующие крупные эпизоды: 1) исцеление Ильи-сидня; 2) отъезд из Муромца; 3) бой под Себежем; 4) столкновение с Соловьем и встреча с его детьми; 5) Илья в Киеве у князя. Последнего эпизода распространенной редакции, боя с Тухманом, нет. В характере раскрытия эпизодов эти два текста значительно отличаются друг от друга и от остальных текстов «себежской» группы. Текст М. Протопопова очень сжато рассказывает об исцелении Ильи двумя старичками, о питье не упоминается. В тексте Калининском подробно описан приход странников, но о питье тоже ничего не говорится, а странники предлагают Илье на выбор богатство или силу. Текст М. Протопопова говорит, что Илья просто надел конюшье латы и коня, а по Калининскому — коня он сам воспитал. В дальнейшем повествовании текст М. Протопопова рассказывает о бое Ильи с царевичами под Себежем и о том, что царевичи за море ушли, а народ встречает Илью. В описании боя с Соловьем внесена любопытная деталь: подстреленный Соловей еще садится на коня и бьется с Илей, после этого значительный пропуск в тексте и обращение Соловья к детям. Эпизод посещения Илейю Киева ничего нового не вносит. Калининский текст описывает бой у Кинешмы, а не у Себежа, содержит отказ Ильи служить в земском городе; как обычно, описывается бой с Соловьем, встреча с Соловьятами и несколько подробнее, чем в других «себежских» текстах, — пребывание Ильи в Киеве; в конце повествования есть любопытный эпизод прибытия Соловья к «пожитками» в Киев и поступления их на службу к князю Владимиру.

Так, в эпизодах тексты эти дают много новых, любопытных деталей, что же касается текстологического сличения, то ни один из них нельзя текстологически сопоставить ни с одним известным нам текстом об Илье Муромце. Не сходятся они и между собою. Они стоят особняком в этой группе «себежских» текстов, тесно объединенных одним общим предком, и являются результатом особых записей на сюжет об Илье Муромце.

В каком же соотношении находятся тексты «себежской» и «черниговской» групп?

Если сопоставить тексты «себежские» с текстами «черниговскими», то различие их совершенно очевидно уже в эпизодах. В начале «черниговская» группа отличается эпизодом встречи с разбойниками, а в конце имеет бой с Идолищем, тогда как «себежские» тексты заканчиваются или рассказом о победе над Соловьем, или эпизодом встречи с Тухманом-царем. Центральные эпизоды совпадают (бой под Себежем или Черниговом, победа над Соловьем, Илья в Киеве). Но детальная разработка эпизодов различная. В текстах «черниговских» Соловей-разбойник свищет три раза, из окна смотрят три дочери Соловья, есть рассказ о том, как одна из дочерей хочет убить Илью подворотней, в Киеве после рассказа Ильи князь гневается, а богатыри «бросаются» смотреть Соловья. В текстах «себежских» Соловей свищет один раз, из окон смотрят 12 сыновей разбойника и после запрещения Соловья вступать в бой с Илейю не приглашают его, а Илья поворачивает к Киеву. О богатырях в Киеве ничего не говорится. Кроме отличий в эпизодах, мы находим и отличия текстовые.

ГИМ, Барсова 2399 (8)

ГПБ, Q.XVII.194

ГИМ, Барсова 2421 (30)

Илья Муромец снимает з себя тугой лук, накладывает калену стрелу, и пустить на то гнездо Соловьиное, и попал в правой глаз и вышиб вон. И Соловьи-разбойник свалился с гнезда, что овсяной снопа, Илья Муромец берет Соловьи-разбойника и привязал его крепко к стремени.

И вынимает свои крепкой лук и калену стрелу накладывает, Соловьи-разбойника в правой глас... И Соловьи-разбойник упал с девяти дубов, что овсяной снопа свалился. Илья Муромец сел у него на белые груди и хотел у него вынуть сердце ретивое.

Но Илья усмотрел Соловьи-разбойника, сидящего на гнезде, и вынимал из колчана колену стрелу, и накладывал на тугой лук, и пустил на то гнездо Соловьиное, и попал ему в правой глаз, и вышиб вон. И Соловьи-разбойник свалился с гнезда, что овсяной снопа. Илья Муромец, взяв Соловьи-разбойника, привезал к стремени булатному.

И как поехал в Киев-град, въезжает прямо на княжеский двор и входит в полати белокаменные, богу молится и князю кланитца.

А сам входит в полату столбовую, молится чудному образу, а князю Владимиру поклоняется, а после на все четыре стороны.

И приехали во град Киев, подъезжает ко дворцу царскому. И увидели из дворца и встречают доброго молотца Илию Муромца. И вводят его в полаты белокаменные, богу молится... кланяется.

В приведенных примерах выбраны те же эпизоды, что в примерах «себежских» текстов, и если там мы видим очень близкие по построению и словарному составу фразы (они искажались, изменялись, но когда-то были очень похожи), то, сопоставляя примеры из «себежских» текстов с соответствующими им примерами «черниговскими», мы убеждаемся, что хотя есть общие слова, особенно в эпизоде боя с Соловьем, но фраза все же другая. И дело здесь не в перестановке слов, не в искажениях, а в том, что это иной пересказ, иной первоначальный текст. «Черниговские» и «себежские» тексты не имеют ничего общего, кроме темы и сюжета. Следовательно, редакциями их назвать нельзя. Это не результат редакторской работы, изменения текста, это два различных произведения, пережившие каждое свою судьбу, связанные только общими героями, общей сюжетной линией (тоже совпадающей не во всех деталях).

Таким образом, в сборниках XVII—XVIII веков обращались четыре типа текстов об Илье Муромце.

Первый тип — сохраненный текстами ГПБ, Q.XVII.194; ГПБ, Буслаева 92 и др. Он дошел до нас в двух редакциях. Первая — краткая, делится на пять вариантов: 1) «Повести» — 12, ГПБ, Q.XVII.194; 11, ГПБ, Буслаева 92; 2, ГБЛ, Ундольского 663; 13, ГПБ, Титова 2776; 2) краткое «Сказание» — рукопись 3, ГБЛ, Тихонравова 222; 3) пространное «Сказание» — рукопись 14, ГПБ, Титова 1994; 4) краткая «История» — тексты 7, ГИМ, Барсова 1592 (210) и 1, ГБЛ, 5914 (Забелина 71); 5) пространная «История» — текст 17, Инст. ист., Лихачева 287. Вторая — распространенное жизнеописание, в одном виде, представленное текстами 16, Инст. ист., Лихачева 74; 6, ГИМ, Забелина 548 (244); 15, ГПБ, Титова 3315.

Второй тип представлен пока что одним текстом 18, Калининского областного архива 911. Возможно, что он старше первого, но этот вопрос сейчас не разрешается.

Третий тип хранится в тексте 19, М. Протопопова, тоже в единственном экземпляре.

Четвертый тип («черниговские» тексты) называет город Чернигов, а не Себеж или Кинешму и дошел до нас в двух редакциях. Первая —

краткая «История» — тексты 8, ГИМ, Барсова 2399 (8); 9, ГИМ, Барсова 2400 (9); 5, ГБЛ, 6147, Шибанова 186; «Скаска», текст 10, ГИМ, Барсова 2421 (30); вторая — «Сказание» — сильно распространенный. текст 4, ГБЛ, 5915 (Забелина 82).

Краткие «Истории» четвертого типа находятся в тесном родстве с лубком, текстом, изданным Д. А. Ровинским в т. I «Русских народных картинок» (стр. 2—4).

Один текст — 20, из собрания Уваровых, опубликованный Б. М. Соколовым (Этнография, 1927, № 2, стр. 309—314) и в настоящее время неизвестно где хранящийся, — в наш разбор не вошел, так как, по утверждению Б. М. Соколова, писан он в XIX веке, является компиляцией различных старинных текстов и любопытен, как документ работы И. П. Сахарова. При делении текстов на редакции трудно опираться на данные этого списка.

Текстов записей сюжета о Михаиле Потоке нам известно шесть. О четырех из них в научной литературе высказывались совершенно определенные и единодушные мнения. Л. Н. Майков утверждал, что три текста 22, ГБЛ, Тихонравова 361; 21, ГБЛ, Тихонравова 399 и 24, ГПБ, О.XVII.44 «воспроизводят одну версию с весьма небольшими отличиями» (Майков, стр. 49). Н. С. Тихонравов говорил, что текст 22, ГБЛ, Тихонравова 361 является вариантом к тексту 21, того же собрания 399 (Тихонравов, стр. 21—22). И, наконец, Б. М. Соколов, на основании детального текстологического сличения четырех текстов, приходит к выводу, что тексты 22, ГБЛ, Тихонравова 361 и 21, ГБЛ, Тихонравова 399 можно считать краткой редакцией, а 24, ГПБ, О.XVII.44 и 23, ГИМ, Забелина 536 (82) — распространенной, что обе они восходят к одному оригиналу, а краткая получилась путем сжатия распространенной, которая ближе к устным пересказам. «Ближайшее сличение Тихонравовских текстов с Забелинским приводит нас, как сейчас увидим, к выводу, что, несмотря на их принадлежность к сокращенной редакции, их текст восходит к оригиналу, общему со списками полной редакции, так как большую часть текст всех списков буквально тождественен в малейших деталях. С другой стороны, наблюдаемые (б. ч. мелкие) совпадения Забелинского текста с обоими Тихонравовскими при их общем расхождении с Библиотечным, одинаково как приведенные выше совпадения Библиотечного с Тихонравовским при их отличии от Забелинского, говорят в пользу тесного родства всех этих списков, заставляющего предполагать общий им первоначальный оригинал и ряд промежуточных звеньев» (Этнография, 1926, № 1—2, стр. 112).

С выводами Б. М. Соколова вполне можно согласиться. Они подтверждаются и текстологическим сравнением всех наличных текстов. Вновь обнаруженные тексты не нарушают выводов Б. М. Соколова о том, что мы имеем два варианта одной редакции. Текст 26, БАН, 28.6.41 относится, как и отрывок текста 25, ГПБ, Q.XVII.268, к краткому варианту, так как они близки текстам 22, ГБЛ, Тихонравова 361 и 21, ГБЛ, Тихонравова 399. Таким образом, к I (распространенному) варианту относятся 2 текста, а ко II (краткому) — 4. Сопоставление эпизодов по всем 6 текстам показывает, что отличия двух пространственных текстов от кратких главным образом приходятся на конец. В кратких текстах нет подробностей после третьего прихода Кощея к Киеву, нет его благодарственной речи за отданную ему жену Михайлову. Нет в кратких текстах двукратного наезда Михайла на шатер Кощея; в первый же приезд жена обращает его в камень. Нет эпизода с добыванием клада у камня, хотя встреча Ильи и Алеши с каликой описана. Отсутствует в кратких текстах и описание

событий в Орде, когда туда приехал Поток, об этом рассказано в нескольких предложениях. Текстологическое же сравнение текстов показывает одинаковую их близость между собою. Нельзя сказать, что тексты краткого варианта ближе друг другу, чем тексты полного. Тексты краткого варианта при сопоставлении дают значительное число различий. Правда, различия эти идут за счет перестановки слов, добавлений, механических пропусков, имен и т. д. Они не имеют признаков сознательной правки текста, изменения его стиля, жанра. При рассмотрении текстов полных и сопоставлении их с текстами краткими бросается в глаза, что различия текста краткого и полного, как полного к полному же тексту количественно одинаковы, кроме того, часто текст полный (ГПБ, О.ХVII.44) и текст краткий (ГБЛ, Тихонова 399) согласны между собою (дают одинаковые пропуски, добавления), в отличие от полного текста ГИМ, Забелина 536 (82). Об этом говорил и Б. М. Соколов, как и о том, что подобные примеры могут служить доказательством общего в прошлом оригинала. Те пропуски, которые мы находим в кратких текстах, замена целой картины сжатым упоминанием о ней, могут быть объяснены как обыкновенными механическими пропусками при переписывании, так и намеренным сокращением текста, но не с целью изменить его смысл или жанр, а из желания облегчить переписывание (из двух наездов на шатер Кошея сделан один). Исключенные в кратких текстах эпизоды ничего, кроме подробности изложения, странности его, не изменяют.

О Ставре мы имеем два текста. Оба они не сохранили начала, поэтому сопоставлять можно только конец, с эпизода пира посла у князя Владимира. Текстологическое сличение показывает, что текст 28, столбца Пазухина, БАН 45.2.5 значительно полнее, чем текст 27, ГПБ, Буслаева 92, в нем полностью сохранился эпизод сомнений княгини относительно посла, есть эпизод состязания в стрельбе из лука. Но, несмотря на значительные расхождения в эпизодах, тексты эти близки и в прошлом, видимо, имели общий оригинал. Текст 27, ГПБ, Буслаева 92 в процессе переписки изменился гораздо больше. Трудно сказать, имеем мы здесь дело с переработкой или механическим пропуском одного писца и попыткой другого логически восполнить пропуск, так как текст отрывочен.

Ниже публикуются четыре текста об Илье Муромце и один о Михаиле Потоке. Все они находятся в повествовательных сборниках смешанного содержания.

1. В сборнике ГПБ, Титова 2776 находится отрывок текста об Илье Муромце. Начало: «Поехал я, государь, из Муромы, отслушав заутреню воскресную». Конец обычный. Отрывок помещен на лл. 83—84, листы с началом текста утрачены, очевидно, до переплетения. Писан скорописью XVIII века, мелкой, но довольно четкой, на белой бумаге. Отрывок примыкает к текстам первого типа, к краткой редакции, к варианту «Повестей». Текст отрывка довольно правильный, искаженный меньше, чем в ГПБ, Буслаева 92. Записи в сборнике свидетельствуют о том, что он читался в среде посадских людей, мещан и купцов. Особенно много записей, относящихся к XIX веку, купцов Ссорина и Сторожева. Есть также пометы XVIII века (л. 140 — «1741 г.», л. 145 об. — «1742 г.»). Из повествовательной литературы в сборнике помещены «Сказание об Акире премудром», «Гистория» о Долторне, «Повесть о Ерше».

II. В сборнике ГПБ, Титова 1994 находим «Сказание о Соловье-разбойнике, како ево полонил Илья Муромец». Текст помещен на лл. 114 об.—118. Писан крупной четкой скорописью XVIII века на белой бумаге. Относится к первому типу, к краткой редакции, к варианту «Сказаний» об Илье Муромце. В тексте много путаницы, искажений слов, очевидно писец плохо разобрал оригинал. Он не понял название города, который освободил Илья, и написал в одном случае «тем же градом», в другом — «под сем же градом». Но это «Сказание» интересно тем, что уже в заглавии на первое место выдвигает Соловья-разбойника. Это «Сказание» не об Илье Муромце, как обычно, а о Соловье. И хотя текстологическое сравнение подтверждает тесное родство этого «Сказания» с другими текстами краткой редакции, в нем есть подробности, которых больше нигде не находим. Так, когда Илья увидел войско, стоящее под Черниговом, он произносит речь, в которой жалеет о том, что положил завет на свое оружие. Когда Соловья зовут к князю, он говорит ему: «Я, де, славен разбойник, мужика сын нарчитова, я держал реку Смородину, а запер дороги широкия. Свистывал я своим разбойническим посвистом, и от моего посвиста никаких молодец на коне не усеживал и конем не владел. А ныне, де, я, государь, не твой холоп, тебя не слушаю, я слушаю государя своего Илья Муромца, кто меня полонил». Очевидно, автор этой вставки — а им был не писец рукописи А. А. Титова, о чем свидетельствуют искажения, — стремился показать Соловья действительно разбойником, причем, как и Илью, крестьянином. Содержание сборника, где находится «Сказание», — смешанное. Из повествовательной литературы в нем содержатся: повесть о Савве Грудцыне, «Сказание» о царе Агее, «Сказание» о царе Соломоне. Последнее помещено перед «Сказанием» о Соловье и писано одним почерком. Записи относятся к середине XVIII и к XIX векам. Сборник читался в среде мещан, а также военных, о чем свидетельствует запись на листе 108 «Сия книга у меркитаннта Михъела».

III. В сборнике ГПБ, Титова 3315²² записана «История о славном, храбром и сильном богатыре Илье Муромце, сыне Ивановиче, о Соловье-разбойнике». Текст помещен на лл. 181—195. Он полный, но пропущен эпизод боя с Тухманом, возможно, что тут утрачен лист (между л. 194 и л. 195) в данной рукописи или в ее оригинале. Писан текст скорописью XVIII века, крупной, размашистой, на белой бумаге. «История» относится к первому типу распространенной редакции, почти дословно совпадает с текстом Инст. ист., Лихачева 74. Из повествовательной литературы в сборнике — «Повесть» об Отроче монастыре, но большая часть занята правилами, чтениями в пост, снами Богородицы. Сохранились записи купцов и мещан.

IV. Отрывок текста об Илье находится в сборнике ГБЛ, 6147, Шибанова 186. Занимает лл. 130 и 131. Начало: «Разбойничей свист поглушил богатырей, то упали на пол. За то ево Илья Муромец взяз за негои...» Конец обычный. Листы, где было написано начало повести, вырваны, очевидно, уже после переплетения, так как оставшиеся свободно болтаются на скрепляющих нитках. Текст писан четкой скорописью XVIII века, на белой бумаге. К тексту нарисованы картинки, на л. 130 — человек на стуле и группа: два человека в шляпах стоят, один из них приподнял шляпу, другой с мечом. После текста на л. 131 нарисован человек с клюкой и в шляпе, надпись: «каличище перехожее». Текст относится к четвертому типу («черниговскому»), варианту 1-му (лубочному) краткой редакции.

²² На тексты собрания А. А. Титова указал Н. Н. Розов.

Сборник, в котором находим отрывок, своеобразен по составу, в нем записаны исторические повести, что не часто встречается в сборниках, содержащих тексты о богатырях. Здесь находим повести о Мамаевом побоище, о пленении Царьграда, о разорении Иерусалима, главу из «Синописа» о нашествии Батия. Любопытна и запись на л. 86 об. «Двор потешен».

V. В сборнике ГПБ, Q.XVII.268 находится «Сказание о трех богатырях киевских, посланных възять, Илье Муромце, Оелеше Поповиче, Михаиле Поток Иваныче». Текст не закончен, но не из-за утраты листов в этом сборнике. Текст кончается на середине страницы, очевидно уже в оригинале он был неполный, записан на лл. 15—18 об., скорописью XVIII века, на голубой бумаге с неровными краями, относится к краткому варианту текстов о Потоке. Содержание сборника смешанное, тут «Повесть об Азовском сидении», сказки о злой жене, семи Симеонах, уточке золотых яичках, «История о прекрасном куре». Судя по записям сборник принадлежал крепостным слугам.

Тексты издаются по рукописям с сохранением их фонетических особенностей. Титла раскрыты, надстрочные буквы снесены в строку с *Б*, если в строке они с *Б*, *Ъ* оставлен только в середине слова и там, где этого требует современное правописание; *І* заменено на *И*; *Ѣ* — на *Е*; деление на слова, прописные буквы, пунктуация — в соответствии с правилами современной орфографии. Никаких других изменений в текстах не произошло.

I. ОТРЫВОК ТЕКСТА ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

(л. 83) «Поехал я, государь, из Мурома, отслушав заутреню воскресную».

И князь Владимир усмехается: «Что ты, Илья, не дело говоришь! Не твоиския у меня гонцы, гоняют по два месяца, а скоро наскоро во един месяц ис Киева в Муром-град».

А Илья Муромец зговорит: «Ои еси ты, государь, князь Владимир киевский, еще на меня были две притчины и беды великие, как поехал из Мурома, отслушав заутреню воскресную, и завет я положил на свою востру саблю и на свои крепкой лук, чтоб отнюд во всю широкою дорогу востры сабли из ножен не вынимать, а на крепкой лук титывы не накладывать. И как я буду под градом Себежем, ажно стоят три царевича заморския, а силы с ними у всякого царевича по сту тысячь, а хотят они Себеж-град за щитом взять,²³ а самого царевича сибирского в полон взять. И я ево выручил, а побил всю рать-силу великую, и трех царевичев в полон взял, и подарил царя сибирского.

А другая, государь, на меня притчина была. Как я буду на мосту колиновом, и напустил на меня Соловей-разбойник, закричал и засвистал своим разбойническим посвистом, ажно подо мною (л. 83 об.) конь мой богатырской спотыкнулся. И я убил Соловья-разбойника въ ево право глас и привез ево с собою во град Киев. А тепер он стоит у моего добра коня богатырского привязан у стремени булатного.

И выглядывает князь Владимир киевский в окошечко косящетоое, в оконенку хрустальную, а сам зговорит таково слово: «Ои еси ты, Соловей-разбойник, засвищи ты мне своим разбойническим посвистом».

²³ После этого слова еще заключены в скобки слова «и я».

И Соловей-разбойник ответ держит: «Не твои, де, государь, холоп и не слушаю я тебя, а слушаю я своего государя, славнаго богатыря Илью Муромца».

И тут Илья Муромец выгленул в окошечко и велел Соловью-разбойнику засвистать своим разбойническим посвистом. И Соловей-разбойник стал свистать своим разбойническим посвистом. И в то число у полат своды потряслися, а у князя Владимира пресла подломилися, а богатыри все на землю поволилися.

И князь Владимир стал быть вельми радостен и взговорил таково слово: «Ои еси ты, Илья Муромец, тебе у меня будет золота (л. 84) казна не запечатана и добрые кони не заповеланы, и погребы не заперты за твою службу верную богатырскую. Да послужи ты мне верою и правдою и поужи свою силу богатырскую».

Те жа люди миновились, а слава их до скончания века. Аминь.

II. СКАЗАНИЕ О СОЛОВЬЕ-РАЗБОЙНИКЕ, КАКО ЕВО ПОЛОНИЛ ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

(л. 114 об.) В славном граде Муроме слушал богатырь Илья Муромец заутренню воскресну, поход даржал ко славному граду Киеву, ко князю Владимиру, ко Киеву Всеславичю. А завет кладет болшеи на свою острую саблю и на крепкой лук, чтоб оидню ему во всю дорогу широкую острои сабли из ножен не вынимать и на крепкой лук тетивыи не накладывать.

Он ношью ажно путем тем же градом стук и крик велик и конское ржание. И наехав на них Илья Муромец, ажно под сем же градом стоят три царевича заморские, а у всякова царевича (л. 115) по сороку тысящю.

Илья Муромец зговорит таково слово: «По грехом надо мною учинилось, завет положил на свою острую саблю и на крепкой лук, чтоб оидню во всю дорогу широкую острую саблю из ножен не вынимать, а некрепкой лук тетивы не накладывать». И отвязывать тебе острую саблю о седла черскаго и напуштать на ратическую силу великую, а трех царевичев в полон взял — то дарил царя сибирскаго.

Царь зговорит таково слово: «Свет-государь, доброй молодец, а по отчеству Ивановичь! Ис котораго ты царства и как тебя зовут по имени и по отчеству?» Ответ держит Илья Муромец: «Зовут меня Ильею, а по отчеству Ивановичь». И сибирской царь зговорит таково слово: «А отколе твоя дорога излучилась?» Ответ держит Илья Муромец: «Иду...²⁴ государь, ко столному граду Киеву, ко князю Владимиру Всеславичю киевскому». И сибирской царь зговорит таково слово: «Свет- (л. 115 об.) государь, Илья Муромец, сын Ивановичь, не ездиты ко столному граду ко Киеву, ко кнезю Владимиру клеветскому Всеславичю, живи ты у меня, все тебе дам, половину царства своего сибирскаго». Ответ держит Илья Муромец: «Много, государь, твоего жалованья». И спрашивает прямые дороги ко столному граду ко Киеву, ко князю Владимиру киевскому Всеславичю. И сибирской царь²⁵ зговорит таково слово: «Прямои, государь, у нас дорогой ко столному граду ко Киеву, ко князю Владимиру, ко киевскому, Всеславичю на езде на топучю, на²⁶ мосты калиновы, на реку Смолодину. Толко, государь, у нас дорога залегла ранох вещи николко

²⁴ В рукописи стерто, прочесть не удалось.

²⁵ Слово написано над строкой теми же чернилами и почерком.

²⁶ От этого слова идет другой почерк.

не проезживал от Соловья-разбойника Будиловича». И тут богатырское сердце разгорается, поехал прямо дорогою.

И как будет на мосту калиновом, под ним конь ипотыкается. Илья Муромец зговорит таково илаво: «Что ты, вольчья сыть, ипотыкаеся, невесть меня сильняя во всеи земли светоруской».

Ажно на напустил на нею Соловей разбойническим Будювичь, засви-стал своим разбойническим посвистом. Илья Муровец вынимает из налу-чника свои крепко лук и стреляет по Соловью-разбойнику. Попал ево (в правой глас и тут Соловей-разбойник)²⁷ (л. 116) землю, что овсени-чной сноп. Илья Муромец садикую у него на пелы груди и хощет выняти ясны очи. И возмолится ему Соловей разбойническим: «Ивет, государь, доброй молодец, как тебя зовут по имени и по отчеству, сын Иванович, оставь душу в теле на покаяние». Что зговорит Илья Муромец таково слово: «О несыты Соловей-разбойник, скажи мне, где твоя лежит золота казна разбойническая». Ответ держит Соловей-разбойник: «Моя, госу-дарь, лежит злата казна в моих селах Кутузовых, а гонцы гоняют по два месеца, а скоро-наскоро во един месяц». И тут Соловья-разбойника взял с собою у стремени, привязал своему добру коню и поехал с ним в ево село Кутузово.

И как будет под ево селом Кутузовом, он же, уведали два сына Со-ловья-разбойника. Большой брат зговорит таково слово: «Вон-де едет наш батюшко, а везет мужика у стремени привазаня. А меншой брат зго-ворит таково слово: «Едет не наш патюшко, а не мужика везет у стремени привазаня. Это де едет человек незнаемы, а батюшка нашего везет у стремени привязана». И тут мечутси два сына в злату казну, и надевают на себя разное платье богатырское, и берут копы мурзовец-ские, и садятся на свои добры кони (л. 116 об.), и выдерживают против че-ловека незнаема, и хотят с ним поле поставити. И Соловей-разбойник зго-ворит таково слово: «Светы мои дети милые, не дразните такова добраго молотца, зовите ево к себе хлеба кашать». И тут они почали звать к себе Илью Муромца.

И он поворачивают своим добрым конем ко граду Киееву, а Соловья-разбойника взял у стремени привязана. И скачет он с горы на гору и через быстрые реки з берегу на берех, и перевозу не спрашивают, и счатет он чезре огненную стену, едет на княжеской двор, шапки не снимает и привязывает своего добра коня, а сом пошел в полаты столовые ко князю.

Приходит в полату столовую и молится кретообразно лицом князю Владимиру по ниску челом, а княине и пониже тово на все на четыре сто-роны далны. Владимир еговорит таково слово: «Даней, добры молодец, как тебя зовот по имени и по отчеству». Ответ держит Илья Муромец: «Зовут, государь, меня Ильею, уроженец града Мурома, а по отчеству сын Иванович».

И князь (л. 117) Владимир зговорит таково слово: «Коли ты, Илья Муромец, давно ли из града Мурома». Ответ держит Илья Муромец: «Поехал де я, государь, отслушав заутрению воскресную». И князь Владимир усмехнулся: «Что де ты, Иван, вреш, а не своиску баеш. У меня до Мурома гонцы гоняют ровно в два месеца, а скоро-наскоро во един месяц».

Что зговорит Илья Муромец: «Свет-государь, князь Владимир киев-ский, да сще не убоялся Илья Муромец, были у меня две притчи и беды великие. Первая на меня беда великая: поехал из Мурома града, отслушув

²⁷ Слова, заключенные в скобки, наполовину срезаны при переплетении.

заутреннюю воскресную, а завет положил на свою возтрюю саблю и на крепкой лук, чтоб отнюдь во всю дорогу широкую вострой сабли из ножен не вынимать и на крепкой лук тетивы не накладывать. Еду я путем дорогою, и как буду по Себежи-градом, ажно тамо стук и крик велик и конское ржание, ажно стоят три царевича заморския, а у якова царевича по сороку тысячен, и хотят они Себеж-град взяти, а самого царя в полон взяти. И я, государь, тут ево выручил, побил ратную силу великую, а трех царевичев в полон взял и подарил царя сибирскаго. И поехал, государь, на реку Смородину, на мосты калиновы. Залегла дорога ровню тридцет лет, едино пяшей николюк не проезживал от Соловья-разбойника Будиловичь». Илья Муромец зговорит таково слово: (л. 117 об.) «А я, де, государь, убил ево в правой глас и привязал ево ко стремени булатному, скоему добру коню, и привес ево с собою в Киев-град на твои княжиской двор. Топерь он стоит у моего добраго коня».

И князь Владимир киевский выглядывает из окошка стёколчатова, сам зговорит таково слово: «Он еси ты, Соловей-разбойник Будиморович, ты ли еси дороги широкое держал реку Смородину, засвистывал мне своим разбойническим посвистом».

Ответ держит Соловей-разбойник: «Свет-государь, князь Владимир, я, де славен разбойник, мужика сын нарчитова, я держал реку Смородину, а запер дороги широкия. Свистывал я своим разбойническим посвистом, и от моего посвиста накахов молодец на коне не усеживал и конем не владел. А ныне де я, государь, не твои холоп, тебя не слушаю, я слушаю государя своего Илья Муромца, кто меня полонил».

И князь Владимир зговорит таково (л. 118) слово: «Свет-государь, Илья Муромец, сын Иванович! Застав Соловья-разбойника своим раиническим посвистом засвистать». И тут Соловей-разбойник засвистал своим разбойническим посвистом. И от его богатырскаго посвисту у полаты небо провалилась, князи и бояры на землю попадали.

И князь бысть весел и радостей, сам еговорит таково слово: «Он еси ты, Илья Муромец, сын Иванович, живи ты у меня, тебе место выше всех, у меня злата казна не запечатана, а кони на стоиле не заповеданы, погребы не затворены. Служи верою и правдою».

И тут по упрошению князь Владимир отпустит Илью Муромца по-стихся, а сам жити станет в Киеве до старости, и прествися ему жизнь.

III. ИСТОРИЯ О СЛАВНОМ, ХРАБРОМ И СИЛНОМ БОГАТЫРЕ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ, СЫНЕ ИВАНОВИЧЕ, О СОЛОВЬЕ-РАЗБОЙНИКЕ

(л. 181) Бысть в славном граде Муроме, жил тут стар-матер человек именем Иван Елефериевич. И обещание положили з женою своею: ежели господь бог дарует мужеск пол, то (л. 181 об.) отправлять молебное пение святителю христову Николаю-чудотворцу каждой год. И по умолению их бог даровал им сына, и во святом крещени нарекли имя ему Иляя. И как стал возрастат до семи лет и более не ходил.

И прилучилося в день святителя христова Николая-чудотворца, пошлн отец и мати в церковь Николая-чудотворца молебное пение совершати, а без них явися ему святитель христов Николаи-чудотворец и рече ему: (л. 182) «Иляя, имаши ли что пити?» Он же рече: «Имам, отец и мати варилн пиво для праздника господня Николая-чудотворца». Он же рече ему: «Давай мне, Иляя, пити». Иляя рече ему: «Не могу, отче мой,

востати на ноzi». Он же даде ему пити и рече ему: «Востани и ходи». А сам невидим бысть.

И от того часа встал, аки ни в чем не бывал, и вышел на улицу, и почал с ребятами поигрывать, и почул в себе силу великую. (л. 182 об.) Которого возмет за руку — руку оторвет, которого за ногу — ногу оторвет, а которого возмет за голову — голову оторвет. И за то великая жалоба произошла, и запретили ему.

Тогда же у них кобыла принесла жеребчика²⁸ худова и шелудиваго. И молодец, Илья Муромец, сын Иванович, выпросил молодова жеребчика на свои руки и стал его кормить и пить из своих рук и по зорям поваживать и покатывать. И в десят (л. 183) лет такой стал велик, храбр и силен.

И накупил Илья Муромец доспехи богатырския, и стал быть в великой славе и чести славной богатырь и силны Илья Муромец. И был в церкви божи, слушал святую заутреню воскресную и, отслушав заутреню, поход держал к столному граду Киеву, ко князю Владимиру, к Солнышку Все-славьевичю. И завет держал на свою (л. 183 об.) вострую саблю и на крепкой лук и стрелами: чтоб во всю дорогу вострой сабли из ножен не вынимать и на крепкой лук калены стрелы не накладывать. И подымается ево доброй конь, аки дым столбом, и скачет через леса дремучия, горы и доли меж ног, меж ног²⁹ пускает.

И как будет под градом под Себежем, услышал тут стук и топот, и конское ржание, крик и шум великой. И проведал Илья (л. 184), ажно стоят под градом три царевича, а со всяким царевичем по сту и по тысячи воиска. И хотят Сибирское царство взять, а самого царя полонить.

И тут Илья Муромец завет свои переменяет: вострую саблю вынимает и напускает на всю силу ратную. И побил всех, а трех царевичев в полон взял и подарил сибирскому царю.

И сибирской царь спрашивает: «Гои еси (л. 184 об.) ты, доброй молодец! Как тебя именем зовут, как величают по отчеству и которого города?» Ответ держит доброй молодец: «Меня по имени зовут Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, уроженец города Мурома». И еще спрашивает сибирской царь: «Куда твоя доога имеется?» Ответ держит Илья Муромец: «Еду я к столному граду Киеву». И сибирской царь говорит: «Пожалуй, Илья Иванович, живи ты у меня, (л. 185) и золотая казна тебе царьская будет не заперта, и дам тебе до полцарствия моего». А Илья Муромец не соизволяет и спрашивает прямой дороги ко граду Киеву, как бы ближе ехать. И сибирской царь говорит: «Прямой, государь, Илья Иванович, дороги нет у нас х Киеву, а прямая была дорога на Брынския леса, на грязи топучия, на мосты калиновыя, чрез реку Смородину (л. 185 об.). Только та дорога зелегла ровно тритцать лет. И в те годы ни один человек не прохаживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывали. Того ради ту дорогу завладел Соловей-разбойник и поныне там живет и з детьми своими». И тут богатырское сердце разгорелось, поехал прямою дорогою х Киеву.

И как будет на мосту калиновом чрез реку Смородину, напустил (л. 186) на него Соловей-разбойник и засвистал своим богатырским посвистом разбойнически. И тут под Ыльею Муромцем богатырской конь спотыкнулся. И что зговорит Илья Муромец: «Али нету на свете русской земли?» Ударил доброго коня своею палицею железною: «Что ты, волчья сыть, травенной мешок, спотыкаешься от такой лесной пугалицы-чучелы?»

²⁸ В рукописи так написано, что можно читать «жеребченка».

²⁹ Повторено в рукописи.

И вынимает свои (л. 186 об.) крепкой лук из налушника, калену стрелу ис колчана и, натянувши, выстрелил в Соловья-разбойника. И попала ему стрела в правой глас. И Соловей-разбойник упал с 12 дубов, аки болшей сноп на землю. И Илья Муромец подскочил и сел у Соловья-разбойника на белых грудях. И хочет у него вынуть ретиво сердце. И возмолитца Соловей-разбойник: «Гои еси ты, силны богатырь, Илья Муромец, сын Ивановичь, оставь (л. 187) душу на покаяние». Что зговорит Илья Муромец: «Где твоя, Соловей-разбойник, золота казна лежит?» И Соловей-разбойник отвечаает: «Моя золота казна лежит в моих селах Кутузовых, а гонцы ганяют по два месяца до тех сел, а скоро-наскоро в один месяц». И тут Илья Муромец привязывает Соловья-разбойника к своему стремени булатному.

И как будут под селами Кутузовыми, завидели соловьевы 12 сынов и говорят: (л. 187 об.) «Вон наш батюшко едет, а в тораках ведет доброго молотца, у стремени привязана». А болшей сын говорит: «То едет Илья Муромец, а в тораках ведет нашево батюшку». И тут дети пометались в кладовую горницу в золотую казну, и надевают на себя ружье богатырское, и хотят с Ыльею Муромцем поле дать. И Соловей говорит: «Государи мои детушки, не дразните вы доброго молотца, зовите вы ево к себе (л. 188) хлеба кушать и сажайте ево за столы дубовыя, за ествы сахарныя». А Илья Муромец поворотил своим добрым конем ко граду Киеву, ко князю Владимиру.

И как будет под градом Киевом, и скачет чрез стену белу каменную, и прямо едет во дворец, не обсылаючи и шапки не снимаючи. И у дворца поставил своего коня богатырского и Соловья-разбойника привязана, а сам пошел во дворец, в княженецкия полаты. (л. 188 об.) И вошел в полаты, молитца чудным образом, а князю Владимиру ниско челом бьет, а после поклонился на все четыре стороны. И князь Владимир киевской спрашивает: «Как тебя, доброй молодец, именем зовут и как величают по отечеству, и ис которого города, и давно ль из города?» Ответ держит доброй молодец: «Зовут, государь, меня Илюшкою, а по отечеству Иванов сын, уроженец города Мурома, (л. 189) а из Мурома отслуша воскресную заутреню». И князь Владимир усмеяется: «Что ты, Илья, вреш и не свое говориш, не твоиския у меня гонцы, ганяют ровно два месяца, а скоро-наскоро что в один месяц ис Киева в Муром». И Илья Муромец говорит: «Да еще, государь мой, две на меня притчины были и беды великия на дороге, и изволите выслушать, я скажу вашему величеству. Отслушал я в Муроме заутреню воскресную, а дорогою завет я положил на себя, чтоб (л. 189 об.) из ножен сабли не вынимать, а на крепкой лук тетивы не накладывать. И приехал я под град Себезь сибирской, и тут стояли три царевича, а со всяким царевичем силы по сту и по тысячи, а хотели тот град под руку свою взять, а самого царя сибирского полонить. И тут я силу всю порубил, и трех царевичев в полон взял, и подарил сибирскому царю Веспасиону. А другая притчина была: как буду я на мосту (л. 190) калиновом, на реке Смородине, напустил на меня Соловей-разбойник и засвистал своим разбойничьим посвистом, и подо мною конь спотыкнулся от того посвисту, а я прострелил Соловья в правой глас и привес ево с собою для подлинного известия. И ныне он у вашего величества дворца обретается».

И князь Владимир выглянул из окошечка и увидел Соловья-разбойника, весьма веселился и велел ему засвистать своим разбойничьим посвистом. (л. 190 об.) И Соловей-разбойник ответ держит: «Не твои, сударь, я холоп и не слушаю тебя, а слушаю я своего государя силнаго батыря

Илью Муромца». И Илья Муромец велел засвистат, и засвистал Соловей-разбойник. И тут у государей и у богатырей кресла и стулья подломились, а у князя Владимира скамья подломилась.

И князь Владимир стал быть весьма радостен и зговорит таково слово: «Тебе у меня, Илья (л. 191) Муромец, золота казна не заперта, бери, сколько изволиш, и конюшны не заперты, бери сколько изволиш лошадей и поезжай, куды изволиш, и погреба тебе не заперты». И для сей великой радости, что прочитал дорогу, велики князь Владимир киевской указал учинить великой банкет и одарил Илью Муромца великими дарами и весьма благодарил ево. И веселились немалое время.

И, повеселясь, захотелось (л. 191 об.) Илье Муромцу, сыну Ивановичю, погуляти по чистому полю, разежати, и отпросился у князя Владимира. И князь Владимир киевской подарил ему слугу вернова богатыря именем Торопа и отпустил ево с честью, и велел с собою взять, что хочет денег и всяких доспех богатырских. И слуга ево верной Тороп оседлал коней богатырских. А под Илью Муромца седлает селечко черкасское, потники бухарския, у седла подпруги шелковья, (л. 192) пряжицы серебряныя, спенечки у пряжечек и стремяна булатныя, а сам приговаривает: «Шелк не рветца, а булат не гнетца, а чистое серебро не ржавиет».

И поехал из славного города Киева, перескакивает чрез стену белокаменную, и подымается ево доброй конь, аки дым столбом, и поехал далече в чистое поле, за горы высокия, за леса за темныя. Скакали (л. 192 об.) пониже облака ходячего, повыше лесу стоячего, горы и доли промеж ног пускал.

И приехали на чистое поле, и тут ставили шатры полотняныя. И спал молодец Илья Муромец 3 дни и 3 нощи, а слуга ево Тороп на карауле стоял. И слышит в поле далече конской топот, ржание, и человеческой шум, и крик великой. И будит Илью Муромца.

И тут встает молодец и умывается водою ключевою, утираетца (л. 193) полотенечком, молитца чудным образом и покланяется на все четыре стороны, а сам взговорит таково слово: «Хотя я долго спал, да в пору встал и на срок поспел». И приказывает своему верному слуге Торопу, чтоб поехал далече в чистое поле и осведомился б: нет ли какой силы, не идут ли на святую Русь.

И слуга скоро побежал и, не добежавши, силы испугался, скоро возвратился назад: «Гои еси ты (л. 193 об.), государь мой, батюшко. Илья Муромец, сын Ивановичь, идет сила великая звериная на святую Русь, наперед идет страшен и люты зверь, изо рту идет у него огонь и полымя пышет, а из ноздрей у зверя часты искры сыплют, из ушей у зверя, аки дым столбом». И што зговорит тут Илья Муромец, сын Ивановичь: «Гои еси ты, слуга мой верной Тороп, силы у тебя есть против меня, а скоро пужаешься. Ведет-идет (л. 194) тут в поле Тухман-царь со своею силою босурманскою, а не стадо звериное». И выходит из бела шатра полотнянова, и приказывает седлать добраго коня своего.

И слуга берет скоро добра коня, кладет на него потничек бухарской, седлает седелечко черкасское, подтягивает подпруги шелковыя шелку шемаханского, пряжечки серебряныя, спенечки у пряжечек булатныя.

И садилсяя Илья Муромец скоро на своего добра коня, и втыкает в мать сыру землю свое (л. 194 об.) коpie мурзавецкое, и повесил на него свою ширинку миткалинную, наказывает своему верному слуге Торопу: «Буде из мои ширинки миткальниной потечет кровь горячая, то буду убит доброй молодец Илья Муромец, сын Ивановичь. Буде же оная ширинка миткалинная висит как хартия белая, то я жив есть».

И прибежал скоро, и побил сперва суперника и недруга, а потом напускает на всю силу босурманскую.

(л. 195) И князь Владимир киевской встретил их с великою радостью и с почтением великим и с церемониею великою, так что не можно вздумать о великом их весели и радовани, что бог дал победу на супостаты и одоление и оборонил от них святую Русь от того поганского нахождения. И учинил по всем церквам молебное пение и всенощное бдение всю седмицу. И пошел звон великои по всему граду Киеву и со всякою музыкаю.

И по той великои радости отдал князь Владимир Илье Муромцу польцарьствия своего. (л. 195 об.) Тут Ильа Муромец, сын Ивановичь стал жить во всяком благочестии и честности лета довольно и пожаловал слугу своего великою честью над всеми людьми большим боярином. И привез из Мурома отца и мать, и сам женился, и слугу своего Торопа женил, и жили во всяком благополучии в радости и честности до глубокой старости. И тако ко господу отидоша, и погребение было славное.

И те ж люди миновалися, а слава их до скончания века. Конец.

IV. ОТРЫВОК ТЕКСТА ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

(л. 130)... Разбоиничей свист поглушил богатырей, то упали на пол. За то ево Ильа Муромец взяв [так!] за ноги, ударил о пол и убил до смерти, и выбросил за окошко, и сказал: «Не люблю я етих неверных слуг».

Ильа Муромец назвались з Добрынею Никитичем братьями, поседлали своих добрых коней и поехали в чистое поле гулять. И ездили равно 3 месеца, не нашли себе супротивника.

Наехали в чистом поле (л. 130 об.) идет каличище прохожее, а на нем гуня 50 пуд, шляпа 9 пуд, костыль 10 сажень. Ильа Муромец стал на ево напускатье и хотел отведать силы своей богатырские. И увидел каличище прохожее: «Он еси ты, Ильа Муромец, помниш ли ты, как мы с тобой в одной школе грамоте учились? А ныне ты на меня на такую колику напускаеш, как не на котораго не примаешся. А того ты не ведаеш, что во славном городе Киеве учинилася безгодушка. Приехал (л. 131) неверной силой богатырь, голова у него с пивной котел, в плечах коса сажень, промеш бровми 5 четвертей, промеш ушми калена стрела, ест по быку, а пьет по котлу. Князь киевский весьма об тебе соболезнует, что ево великои печали оставил».

И нарядясь Ильа Муромец в платье колическое, идет прямо на княжеской и закричал богатырским голосом: «Он еси ты, князь киевский, сошли каличищу прохожему милостыню».

И увидел его князь и говорит такая речи: «Поди ко мне, колище прохожее, в полаты. Я тебя напою и накормлю и золотой казны на дорогу дам».

И пошел каличище в полаты, и стал у печи поглядывать. Идолище просит исть. И принесли ему целого быка жирного. И он с костями съел. Идолище просит пить. И принесли котел пива, а несли 12 человек. И он сво взяв за уши и выпил весь.

И говорит Ильа Муромец: «Была у моево батюшка кобыла обжорлива, обожралась, кобылу лопнуло».

И Идолище (л. 131 об.) не утерпел и говорит: «Он еси ты, каличище прохожее, что ты меня замаеш? Мне тебя нечево в руки взять, не тожы какой и был у вас Ильа та Муромец. Я бы и с тем стычку дал».

Да вот он каков: схватил с себя шляпу и ударил его в голову тихонко, прошип стены полат и, взявши тулово, туды же выкинул.

За то князь Илью Муромца почтил в славныя могучия богатыри.

V. СКАЗАНИЕ О ТРЕХ БОГАТЫРЯХ КИЕВСКИХ, ПОСЛАНЫХ
ВЪЗЯТЬБЕВ, ИЛЬЕ МУРОМЦЕ, ОЕЛЕШЕ ПОПОВИЧЕ, МИХАИЛЕ
ПОТОК ИВАНЫЧЕ

(л. 15) Во славном было городе Киеве, у князя Владимира киевскаго был пир навечере про всех князеи и бояр, про силных, могучих богатырей.

И как будет у ных пир навечере, возговорит князь Владимирь таково слово: «Все вы мои князи и бояры, и силныя, могучия богатыри, ест ли из вас кому сослужить службы три великия, кто б ехал (л. 15 об.) в землю Турескую, взял бы дани-выходы за 33 года. Хто бы ехал в землю Задонскую, възял бы дани-выходы за 33 года. И хто бы ехал в землю Алевитцкую, възял бы дани-выходы и тут за 33 года».

И тут все князи, и бояра, и велможи подумались. Нихто великому князю ответу не дает: болшия хоронятца за меньших, а меньшие давно ответу нет.

И тут возговорят силныя могучия богатыри Илья Муромец таково слово: «Свет-государ, князь Владимир киевской! Я, государь, еду в землю Турескую, возму дани-выходы за тритцат три года». Михаило Поток (л. 16) Иваныч говорит таково слово: «Свет-государь! Я еду в ве землю Задонскую, возму дани и выходы за 33 года». Алеша Попович возговорит таково слово: «Я, государь, еду в землю Алевидскую, возму дани-выходы за 33 года».

И те речи великому князю полюбилис. И стал князь Владимир за те речи подносил чару зелена вина, и запивают меды слаткими. Великим князем Владимиром прощаютца, да меж себя называютца братиями названными. И садятца на свои добрыя кони, ис Киева вон (л. 16 об.) поехали.

И как будут за пят верст, и меж себя прощаютца, а сами возговорят таково слово: «Братцы де милыя! Хто из вас наперет в Киев-град наперет приедет, а ково не будет, а после нам тово сыскиват».

И простяс все и поехали в разныя дороги, всяк своим путем: Илья Муромец поехал на реку Смородину, на мосты калиновыя, на Соловья-разбойника: усе ти дороги залегила, равно тритцать лет никакой человек ни коней (л. 17), ни пешей не прохаживал; Алеша Попович поехал дорогою старорюскою; а Михаило Поток Иваныч поехал дорогою светорускою возле моря синева.

И увидел, на море плавает лебед беляя. И тут Михаило Поток Иваныч винимает из нолучи свои крепкой, ис колчана калену стрелу и хощет убить лебет белую. Она ему прогласила человеческим голосом, рече она: «Государь Михаило Поток Иваныч, не стреляи меня, лебет белую, я де по морю плаваю лебедью, а пре тобою стану девицею красною».

И Михаило Поток Иваныч (л. 17 об.) не успел положить в налуч свои крепкой луг, а в колчан колену стрелу, ажно пред ним стала девицею и зело лицом красна. И Михаиле она полюбилас и берет ее за белы руки, целует во уста сахарныя и сажает на своего добраго коня богатырскаго. И поехали в землю задонскую, стал-взял дани-выходы.

Поехал в Киев-град, приехал на свои богатырской двор ко князю Владимиру. А сам бьет челом великому князю Владимиру о сыру землю, говорит таково слово: «Свет-государь, князь Владимир киевской, привел я

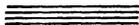
дани-выходы за трицать за три года». Князь Владимир возгорит таково слово: «Тебе у меня, Михаило (л. 18) Поток Иваныч, золота казна не запечатана, добрыя кони не поведаны». Поднес ему чару зелена вина, вино запивают слатким медом.

Михаило бьет челом великому князю о сыру, а сам говорит таково слово: «Свет-государь, князь Владимир киевской, ехал я возле моря синева, ажно по морю плавает лебеть белая. И я вынел из налуча свои крепкой лук и ис колчана колену стрелу и хотел убить лебеть белую. Ана мне прогласила человеческим голосом: „Михаило де Поток Иваныч, не стреляи меня, лебеть белую, я де по морю плаваю лебедью, а пре тобою стану девицею красною“. И я не успел в налуч свои крепкой лук положить, в колчан калену стрелу, и она предо мною стала девицею, лицом зело красна. Мне она зело полюбилас, и я ее привес с собою в Киев-град, на свои богатырской двор».

(л. 18 об.) Князь Владимир возговрит таково слово. Михаило Поток Иваныч ответ держит: «Государ-князь, Владимирь Всеслаевич, сам я с нею венчался и крестился ее,³⁰ и дал ей имя Авдотья Лиховидовна, а венчал нас владыко черниговской».

И стал с нею Михаило любезно жить. Живет он с нею равно три года, а товарищи ево еще в Киев-град не бевали.

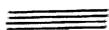
И поехал Михаило в чисто поле, и ездит равно на два месеца. А без него приехал купчина Золотой орды в Киев.

³⁰ Можно прочесть «крестиль я ее».

ХРОНИКА

«СВОД РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА»

С 21 по 23 мая 1956 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград) проходило совещание фольклористов по обсуждению проспекта «Свода русского фольклора». В работе совещания приняли участие до 80 представителей Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Риги, Таллина, Свердловска, Саратова и других городов Советского Союза.

С сообщением о принципах, положенных в основу «Свода русского фольклора», выступил зав. Сектором народного творчества Института литературы (Пушкинский Дом) АН СССР проф. М. О. Скрипиль. Он отметил, что сама идея «Свода» зародилась среди писателей и фольклористов в 30-е годы XX века. Уже тогда она волновала таких крупнейших представителей нашей науки и литературы, как М. Горький, А. Н. Толстой, Н. П. Андреев, М. К. Азадовский, Ю. М. Соколов и др. «Свод фольклора», или, как в то время говорили, «Большой академической корпус фольклора», должен был явиться общим итогом собрания и изучения каждого жанра фольклора народов СССР. Предполагалось, что такое издание можно будет реализовать примерно в 100 томах.

Наряду с этим существовала идея «Малого корпуса» или «Малого свода фольклора», который должен был носить научно-популярный характер и начаться с публикации произведений русского фольклора.

На фольклорном совещании 20 мая 1940 года при Отделении литературы и языка АН СССР А. Н. Толстой говорил о том, что свод фольклора народов СССР — мероприятие сложное, требующее «большого предварительного опыта, подготовки, сноровки и проч.», и что поэтому необходимо «начать с русского фольклора, чтобы на основании этого опыта развивать эту чрезвычайно трудную и большую работу дальше».¹

Для успешного разрешения задач «Свода» А. Толстой считал обязательным привести в движение все наличные силы фольклористов и фольклорные организации, «вскрыть все архивы»; энергично взяться за собирание фольклора, упорядочить все, что имеется в напечатанном виде; наконец, установить принципы отбора произведений, который, по его мнению, обязательно должен быть, ибо не всякая запись представляет собою ценность.

В 1940—1941 годы редакция «Малого свода» занималась выработкой плана издания, подбором авторского коллектива и т. д., однако наступившая Великая Отечественная война оборвала как эту работу, так и работу над подготовкой «Большого свода фольклора».

¹ Стенограмма фольклорного совещания от 20 мая 1940 года, ст. 2 (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, Р. V, коллекция № 168).

Работа над «Сводом» возобновилась лишь с начала 1954 года. Создавая «Очерки по истории русского фольклора», коллектив авторов обнаружил много «белых пятен» в нашей науке. Он убедился, насколько трудно делать теоретические обобщения, не владея полностью самим фольклорным материалом, который в целом ряде случаев недоступен из-за того, что или хранится в рукописях, или если и напечатан, то в периодических и краевых изданиях. К тому же ряд классических сборников давно стал библиографической редкостью.

Работа по собиранию первоисточников, работа по составлению комментариев, которая ведется в настоящее время Сектором народного творчества, и т. п. явится большой школой для фольклористов, особенно для молодых кадров Сектора.

Инициативная группа по созданию «Свода» предполагает также на основе собранного материала издание научных антологий, предназначенных для широкого читателя, — что имел в виду еще А. Н. Толстой.

«Свод» предусматривает, — сказал далее докладчик, — переиздание классических и издание неопубликованных собраний, создание новых сборников из разрозненных печатных и рукописных материалов.

В докладе были указаны некоторые нерешенные вопросы «Свода». К ним относится прежде всего вопрос о приемах публикации фольклорных текстов. Как принцип, — сказал М. О. Скрипиль, — мы считаем, что текст должен обязательно издаваться с тем музыкальным сопровождением, который он имеет в записи. Кроме того, видимо, возможен и необходим целый ряд специальных музыкальных изданий.

Издание «Свода» нельзя поднять лишь силами небольшого коллектива Сектора фольклора Института русской литературы. Поэтому сразу следует говорить о широком привлечении к этой работе советских фольклористов; участие их в «Своде» должно осуществляться главным образом в порядке координации. Это значит, что Сектор народного творчества договаривается с научно-исследовательскими институтами или кафедрами высших учебных заведений о том, что та или иная тема по «Своду» закрепляется за определенным сотрудником и органически входит в индивидуальный план его научной работы.

Как на образцы такой координации М. О. Скрипиль указал на соглашение с Карельским филиалом Академии наук (по изданию отдельных томов «Свода») и с Институтом театра и музыки (по изданию собрания песен Е. Э. Линевой).

Стремление к возможной полноте «Свода», естественно, ставит задачи максимального использования архивных и экспедиционных материалов. Необходимо начать тщательную работу по выявлению и описанию фольклорных рукописей, особенно в периферийных хранилищах, и по возможности добиваться их публикации в областных и краевых издательствах с тем, чтобы напечатанные тексты являлись одним из надежных источников «Свода». Но печатание текстов — одна сторона дела; другая, не менее важная, — раскрытие архивов путем публикации их описаний. Предполагается, что краткое описание архивов, составленное по особому типу описаний (об этом надо договориться), будет из номера в номер, из тома в том публиковаться в трудах Сектора.

Особенно ответственную роль должна сыграть координация сил при проведении экспедиционной работы. Необходимо выработать общие приемы полевых работ и позаботиться о воспитании кадров собирателей на местах. Только с привлечением кадров мы сможем значительно пополнить записи

традиционного фольклора и зафиксировать глубинные процессы, происходящие в творчестве народных масс в наши дни.

Сообщение М. О. Скрипиля вызвало оживленные прения, в которых приняло участие 25 человек.

Все выступающие единодушно одобрили идею создания «Свода» как большого и важного мероприятия, имеющего общенациональное культурное значение. Издание это должно быть образцовым и находиться на уровне тех высоких требований, которые предъявлены к науке XX съездом нашей партии.

Наиболее детальному и всестороннему обсуждению на совещании подвергся центральный вопрос «Свода» — вопрос о принципах издания. Подавляющее большинство ораторов высказалось за порядок расположения материалов в «Своде», предложенный составителями проспекта, а именно: наряду с переизданием классических собраний издавать сборники, составленные из рукописных и разрозненных печатных источников, причем материал в них группировать не по заранее выработанной какой-то определенной и единой схеме, а в зависимости от специфики жанра, метода записи и т. п. (Э. В. Померанцева и С. И. Минц — Москва, М. Г. Китайник — Свердловск, А. А. Морозов — Ленинград, А. М. Кинько — Киев, и др.).

В. П. Аникин (Москва), полемизируя с авторами проспекта, указал, что предполагаемое издание в таком виде, как это предложено, будет лишь сводом изданий и переизданий по фольклору. Настоящий же «Свод», по его мнению, должен создаваться на других основах. В. П. Аникин останавливается на деятельности Киреевского и Афанасьева, указывая, что их метод «сведения вариантов» имеет законное основание и может быть развит в нашей науке с учетом новых положений.

Для «Свода русского фольклора», по мнению В. П. Аникина, условным образцом может служить издание русских народных песен Соболевского, в котором публикуется текст и наиболее важные разночтения к нему.

А. А. Морозов (Ленинград) указал, что ни в коем случае нельзя принять принцип издания, предлагаемый Аникиным. Препарировать и реконструировать фольклорные тексты, как это делали фольклористы XIX века, исходя из ложных научных позиций, — это значит впадать во вкусовщину, делать определенный шаг назад от позиций, завоеванных советской фольклористикой. «Свод» должен быть издан на строгой научной основе; он должен быть полноценным по широте и глубине захвата фольклорных материалов и иметь строгую ориентацию на квалифицированную ученую аудиторию.

Б. Н. Путилов (Ленинград) и Э. В. Померанцева (Москва) также выразили свое несогласие с принципами построения «Свода», выдвинутыми В. П. Аникиным.

Нет и не может быть текстов исконных, первоначальных, — сказал Б. Н. Путилов. Многообразие, вариантность лежит в природе народного творчества, и представить идеальный текст — невозможно.

В. Я. Пропп (Ленинград), присоединяясь к мысли М. О. Скрипиля о том, что не может быть единого принципа, пронизывающего весь «Свод», а что должны быть различные принципы, в зависимости от того, какой жанр, каково состояние материала и каково состояние науки, сделал ряд критических замечаний по группировке материалов в отдельных разделах проспекта «Свода».

К наиболее продуманным разделам проспекта он отнес раздел «Исторических песен», расположенных по историческому принципу «не примени-

тельно к хронологии записи, а применительно к ходу русской истории». Таково построение и раздела «Рабочий фольклор».

Что касается разделов «Былины» и «Сказки», построенных по принципу хронологии записи, то здесь, — отмечает В. Я. Пропп, — обнаруживается ряд недостатков. Один из них — огромная неэкономичность, происходящая от невольного дублирования материала.

В. Я. Пропп выдвинул предложение издавать былины по сюжетам или героям, но, — сказал он, — это может задержать выход «Свода», и в таком случае легче для былин и сказок применить географический принцип. Тогда записи былин Маркова органически войдут в том «Беломорские былины», сюда же примкнут и другие разрозненные печатные и рукописные материалы; том «Печорские былины» объединит былины записи Ончукова, Астаховой, Базанова, Митропольской, Леонтьева, Колпаковой и др.; том «Северная сказка» включит тексты сборников Ончукова, Никифорова, Карнауховой и др.

Мысль В. Я. Проппа о том, чтобы в основу каждой серии положить свой принцип, вытекающий из специфики жанра, поддержал К. В. Чистов (Петрозаводск). Он сказал, что не было бы ничего плохого, если бы в основу серии «Былины» был положен один принцип, а в основу серии «Сказки» — другой. Но пока получается так, что в основу каждой серии кладется несколько принципов, несколько стремлений. Отсюда неизбежные противоречия, повторения и т. д.

Чистов высказал также недоумение, — впрочем, прозвучавшее в выступлениях и других участников совещания (например, Э. В. Померанцевой), — по поводу разногласия в вопросе о сохранении в «Своде» отдельных печатных сборников. Очевидно, — заявил он, — у авторов проспекта не выработалась единая точка зрения на этот очень важный вопрос, а ее настоятельно необходимо иметь.

Против принципов издания всех разделов «Свода» по историческим этапам развития фольклора выступила А. М. Астахова (Ленинград). Это, — сказала она, — в настоящее время невозможно, ибо разработка истории фольклора на подлинно научной основе у нас по существу еще только начинается.

Разделы «Былины», «Сказки», «Лирические песни» и «Причитания», — отметила А. М. Астахова, — не могут полностью отвечать нашим представлениям о «Своде» фольклора в точном смысле этого слова, и те, кто говорил о противоречии и совмещении нескольких принципов в построении этих разделов (В. Я. Пропп, В. П. Аникин, К. В. Чистов), конечно, были правы.

Учитывая, что каждое собрание, во-первых, есть факт достижений научной мысли на определенном этапе и, во-вторых, каждое собрание отражает в большей или меньшей степени народное сознание не только той поры, когда создавались сами произведения, но и когда они были зафиксированы записью в живой устной традиции, — Сектор народного творчества в «Своде» совместил две задачи: издание новых и затерянных в печати материалов и переиздание классических сборников. Бесспорно, что для былин (так же, как и для сказок и песен) самой совершенной формой было бы расположение по сюжетам, однако это отодвинуло бы самое начало осуществления «Свода» еще на несколько лет, ибо потребуются самая тщательная предварительная работа по выявлению определенного материала в записи на протяжении всех веков собирания. Поэтому практически более прост и более осуществим для «Свода» тот принцип, который положен в основу проспекта, т. е. принцип географический и принцип времени записи в их сочетании.

В самом деле, раздел «Былины», например, строится с учетом четырех этапов собирательской работы: XVIII век, середина XIX века, конец XIX—начало XX века, советский период. Записи, относящиеся к каждому из этих периодов, в свою очередь группируются по географическому принципу (Север, Сибирь, Средняя Россия и южные районы). Этот принцип объединяет и классические собрания (опубликованные и неопубликованные).

Конечно, необходимо еще и еще раз детально продумать внутреннюю классификацию и последовательность в подаче материала. Так, в серии «Былины» записи Ив. Розанова из Зимней Золотицы, возможно, следует присоединить (в виде ли приложений или дополнительной публикации) к записям Маркова, а записи А. Никольского на Мезени — к мезенскому собранию Григорьева; при издании сборников нужно по возможности избегать дублирования и т. п.

Принципам издания в «Своде» песенного фольклора были в основном посвящены выступления Т. М. Акимовой (Саратов), В. А. Позднеева (Москва) и Л. Л. Христиансена (Свердловск).

Т. М. Акимова обращает внимание на издание в «Своде» лирических песен. Научная разработка многочисленных материалов весьма недостаточна. И не случайно, что в проспекте «Свода» даже отсутствует единая терминология и лирическая песня называется то классической песней, то крестьянской, то просто народной песней. Какие же песни должны войти в этот раздел? Проспект «Свода» не дает на это ответа.

В раздел «Лирические песни» следует включить часть песен солдатских и так называемых «удалых». Производить отбор песен из сборников XVIII века, как это предполагается в проспекте, — предприятие весьма рискованное, вместо этого целесообразнее заняться изданием отдельных песенных сборников (например, Чулкова), потребность в которых огромна.

Вопрос о целесообразности переиздания сборника Чулкова поставил также В. А. Позднеев (Москва). Кроме этого сборника, он предложил включить в «Свод» песни, записанные Р. Джемсом (XVII в.), а казачьи лирические песни в записи Савельева, Пивоварова, Листопадова, и др. объединить в одно собрание.

Л. Л. Христиансен высказал тревогу по поводу того, что на данном совещании участники прений упор делают на публикации песенных текстов и ничего или почти ничего не говорят о музыкальной стороне. Между тем, — замечает оратор, — музыка и текст находятся в неразрывном единстве. Нельзя забывать, что отрыв слова от музыки, который допускали собиратели прошлого и сплошь и рядом допускают современные фольклористы, приводит часто к искаженному представлению о песенном народном творчестве. «Свод» должен положить начало подлинно научной публикации песенных текстов с тем, чтобы раз и навсегда покончить с недооценкой музыкальной записи. Сводные варианты для песен он считает неприемлемыми. Печатать надо подлинные варианты народных произведений и как можно точнее.

Все выступавшие (за исключением В. П. Аникина и Л. П. Бессонова) настаивали на том, чтобы в «Своде» давать по возможности исчерпывающий материал, а не производить отбор текстов. «Свод» — это не антология, и в него должны включаться не образцы народного творчества, а весь в пределах достигаемости рукописный и печатный материал. Этот материал должен отразить состояние русской науки о фольклоре на определенных исторических этапах и охарактеризовать народно-поэтическое творчество во всей сложности и противоречивости его развития, с отрицатель-

ными и положительными моментами идейного содержания и художественной формы.

«Свод» не должен ограничиваться разработкой только шести разделов: былин, исторических песен, сказок, причитаний, лирических песен и рабочего фольклора, как это дано в проспекте. Э. В. Померанцева настаивала на включении в «Свод» частушек, пословиц и поговорок, народных драм. А. М. Кинько (Киев), Н. Д. Комовская (Москва) и некоторые другие указали как на один из существенных недостатков проспекта на отсутствие в нем разработки издания советского фольклора.

Мысль о необходимости расширения «Свода» за счет включения в него других жанров фольклора, в частности частушки, поддержал Л. Л. Христиансен.

Значительное внимание было уделено вопросам последовательного издания томов, оснащения их научной аппаратурой и оформления. По мнению В. Е. Гусева, последовательность издания томов «Свода» должна осуществляться следующим образом: сначала подготавливать и публиковать неизвестные в науке материалы архивного порядка и новые записи, когда же эта работа будет полностью закончена, — приниматься за переиздание классических собраний.

Такое резкое деление на два больших этапа изданий «Свода» не получило поддержки на совещании. Правда, первоочередность публикации рукописных материалов подчеркивалась всеми, но тут же говорилось и о назревшей необходимости переиздания классических сборников, отсутствие и нехватка которых существенно тормозят научную и педагогическую работу, особенно на периферии. Большинство выступавших склонялось к той точке зрения, что издание и переиздание материалов в «Своде» надо осуществлять параллельно, не впадая ни в ту ни в другую крайность. Об этом говорили В. Г. Базанов (Ленинград), С. И. Минц (Москва), Н. В. Новиков (Ленинград).

Как предусмотрено проспектом, каждый том «Свода» сопровождается научным аппаратом — в виде статьи, комментариев и различного рода указателей. Уточняя, дополняя и развивая эту часть проспекта, участники совещания внесли ряд ценных предложений. Так, например, А. А. Морозов рекомендовал для серии «Былины» составить карту распространения былин, а для сборника Кириши Данилова дать сводку всех документальных свидетельств о скоморохах и скоморошьях традициях.

Не только по содержанию, принципам подачи материала, но и по внешнему оформлению «Свод» должен стоять на высоком научном уровне. Тома должны быть однотипны, строги по оформлению, снабжены различного рода документальными иллюстрациями.

В. А. Позднеев (Москва) и А. П. Евгеньева (Ленинград) часть своих выступлений посвятили вопросам текстологической работы над материалами «Свода». В. А. Позднеев, в частности, указал, что текстологическая работа над былинами должна состоять в изучении каждой отдельной былины не самой по себе, а в связи, с одной стороны, с тем репертуаром, который имеет данный сказитель, с другой — в связи с репертуаром группы сказителей, которые получили этот же материал от одного учителя. Это сопоставление даст возможность оценить каждый вариант. Критика вариантов и создаст выгодное отличие томов былин «Свода» от тех изданий, которые ему предшествовали.

А. П. Евгеньева высказалась за то, чтобы переиздание классических сборников осуществлялось не по печатным источникам, а по материалам, сохранившимся в рукописи, ибо только тогда можно будет про-

вести какую-то единую линию в подготовке текста. Для всего того материала, который предполагается издавать, должны быть выработаны какие-то единые принципы, и они должны быть чрезвычайно тщательно обсуждены и разработаны.

О необходимости развертывания большой и серьезной библиографической работы по «Своду» говорила С. И. Минц. Она с сожалением констатировала отсутствие изданий каталогов и описаний по фольклору в таких крупнейших архивных хранилищах Советского Союза, как Государственный литературный музей и Государственная библиотека им. Ленина в Москве, как Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина и Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в Ленинграде, и др. Поэтому, принимаясь за такое сложное дело — издание «Свода» русского фольклора, дело общенационального значения, надо очень серьезно подумать об издании каталогов (или описаний) наших больших, основных фольклорных архивов. «Я думаю, — заключила С. И. Минц, — что у Академии наук СССР есть силы и возможности осуществить эту трудоемкую, но поистине насущную задачу».

На совещании были также подвергнуты обсуждению организационные вопросы, особенно вопросы координации и привлечения к участию в «Своде» широких кругов фольклористов Советского Союза.

В этой связи вполне положительной оценки заслужило Межобластное совещание собирателей и исследователей Урала, происходившее в Свердловске с 9 по 11 мая с. г.,² о котором подробно информировали собрание В. Е. Гусев, Л. Л. Христиансен и М. Г. Китайник.

Совещание целиком поддержало идею координации и привлечения к изданию «Свода» широких кругов ученых. Была также высказана мысль о привлечении к подготовке «Свода» молодых кадров (студентов, аспирантов, учителей).

С. И. Минц указала, что далеко не всегда возможно будет привлечь в порядке координации к участию в «Своде» работников неакадемических учреждений. Поэтому наряду с координацией — этой основной формой — нужно выработать другие, которые в своей совокупности обеспечили бы участие в «Своде» широких кругов советских фольклористов.

О необходимости и целесообразности установления тесного контакта и координации работ Института русской литературы АН СССР с фольклорной комиссией Союза советских писателей СССР и комиссией народного творчества Союза композиторов СССР говорили Н. Д. Комовская и В. М. Беляев.

В прениях по сообщению М. О. Скрипиля также выступили: В. Г. Блок (Вологда), Л. П. Бессонов (Ленинград), П. Г. Ширяева (Ленинград), Э. Г. Бородин (Ленинград), В. С. Бахтин (Петрозаводск), С. Ф. Елеонский (Москва).

В заключительном слове М. О. Скрипиль сказал: «Свод» русского фольклора мы представляем себе именно как «Свод», который должен полностью охватить реальные фольклорные записи, а не строиться на отборе лишь самого характерного и самого ценного в художественном и идейном отношении материала. Само собой разумеется, что мы не мыслим себе издания текстов вне их связи с музыкальным сопровождением — там, где оно есть. Это один из коренных принципов, который мы стремимся выдерживать и в «Своде» и в наших экспедиционных работах. Но, как хорошо известно, имеется много материалов без музыкального сопрово-

² Об этом см. далее, стр. 325.

ждения. Этот текстовый материал представляет ценность, и он также должен попасть в «Свод».

М. О. Скрипиль остановился на необходимости всемерно привлекать для работы над «Сводом» одиночек-собрателей, объединять их и помогать им в практической деятельности. Нельзя также недооценивать областные и краевые издательства, которые при условии повышения требовательности к публикуемым фольклорным материалам могут быть надежным источником для «Свода».

Отмечая, что идея, выдвинутая В. П. Аникиным, для построения «Свода» неприемлема, М. О. Скрипиль в то же время взял ее под защиту как научную идею, которая имеет все права гражданства.

Закрывая заседание, председательствующий В. Г. Базанов высказал пожелания, чтобы подготовительная работа по «Своду» была развернута с учетом реальных сил и возможностей, чтобы освоение фольклорного материала проходило планомерно, всесторонне обдуманно и целеустремленно. Иначе фольклористы могут не освоить грандиозного «Свода» или слишком надолго задержаться в первом этаже этого многоэтажного здания. Проспект «Свода» требует уточнений и ограничений.

Совещание постановило:

1. Одобрить идею и задачу «Свода русского фольклора», считая, что издание «Свода» является важнейшим научным мероприятием Сектора народного творчества ИРЛИ. Издание «Свода» создаст условия для дальнейшего развития науки о фольклоре, оно даст для высшей школы хорошо проверенные тексты, пригодные для проведения лекций и семинарских занятий.

Это издание явится базой для различного рода популярных изданий и антологий, полезных и необходимых широкому, массовому советскому читателю.

2. Необходимо продолжить работу над проспектом русского фольклора, добываясь более четкого расположения материала, определяя первоочередность издания томов. Следует начать разработку проспекта по остальным жанрам народнопоэтического творчества. Новое издание проспекта русского фольклора желательно осуществить в 1957 году.

3. Для работы над «Сводом» широко привлекать собирателей фольклорного материала, авторов печатных сборников фольклора, фольклористов высших школ и научно-исследовательских институтов.

Участники совещания, разбившись на секции соответственно разделам проспекта, обсудили конкретные мероприятия по реализации идеи «Свода».

На секции советского фольклора было принято следующее решение:

1) более полно представить советский фольклор в «Своде» русского фольклора; 2) развернуть широкую работу по собиранию современного народного творчества; в целях расширения собирания советского фольклора установить тесную связь с областными организациями, с руководителями художественной самодеятельности, с преподавателями вузов; 3) усилить раздел теоретических статей по советскому фольклору в научных изданиях Сектора народного творчества; 4) просить Сектор народного творчества организовать в 1957 году всесоюзное совещание по вопросам советского фольклора с участием представителей домов народного творчества и руководителей художественной самодеятельности; 5) распространить опыт уральского и волжского межобластных совещаний на другие области Союза.

Н. В. Новиков.

О МЕЖОБЛАСТНОМ СОВЕЩАНИИ В СВЕРДЛОВСКЕ ПО ОБСУЖДЕНИЮ «СВОДА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА»

С 9 по 11 мая 1956 года проходило Межобластное совещание фольклористов Урала, которое было организовано Свердловским областным домом народного творчества по инициативе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

На совещании присутствовали фольклористы, краеведы, педагоги и студенты из Свердловской, Молотовской, Челябинской, Курганской, Чкаловской областей и представители из Ленинграда и Казани. С докладами, сообщениями и в прениях по ним выступило 22 человека.

Основной темой совещания была координационная работа по сбору и публикации русского народного поэтического и музыкального творчества.

На совещании выступил В. Е. Гусев (Ленинград) с докладом «Свод русского фольклора и перспектива собирания и изучения народного творчества». Докладчик высказал принципиальные положения об отношении к фольклорным записям прошлых веков и о давно назревшей необходимости фундаментального издания материалов по народному творчеству. Отметив большое значение уральского фольклора для «Свода», В. Е. Гусев предложил создать координационный центр фольклористов Урала.

Б. М. Добровольский (Ленинград) сделал сообщение «Музыкальные записи уральских песен в Своде русского фольклора». Он настоятельно подчеркивал необходимость сбора песенных жанров с напевами, без которых запись песен представляет значительно меньшую ценность, так как отсутствие музыки лишает возможности воспроизвести и исследовать песни в том виде, в каком они созданы народом.

Положение о необходимости сбора и публикации песен с напевами было развито в выступлениях Л. Л. Христиансена, Н. А. Куштума, К. Н. Мурзаханова и др. Л. Л. Христиансен сообщил, что уже сейчас по Уралу собрано 3000 музыкальных записей, не считая опубликованных в сборниках XIX века. Напевы записываются вместе с поэтическим текстом, со всеми особенностями манеры пения, композиторами, музыковедами и студентами музыкальных учебных заведений.

Многие из выступавших останавливались на истории собирания и изучения произведений народного творчества Урала, критически оценивая работы XIX века и современные. Критика в адрес современных работ и в особенности по фольклору советской эпохи была как в упомянутых выше сообщениях, так и в выступлениях М. Г. Китайника, П. Д. Галкина, В. П. Кругляшовой и др. Все выступавшие единодушно говорили о недопустимости лакировки действительности, фальсификации, явившихся в большинстве случаев результатом культа личности.

Остро был поставлен вопрос об изданиях работ по изучению фольклора и публикации произведений народного творчества. Если Свердловское книгоиздательство в этом отношении кое-что делает, то издательства других областей зачастую отказываются от издания работ по фольклору (выступления И. Л. Стяжкина, В. И. Горячих, В. Н. Курбатовой, С. Г. Коркодинова). Издательства если и принимают к печати ту или иную работу, то всячески стараются сократить вступительные статьи, свести на нет или вовсе уничтожить комментарии. Периодические издания вовсе не печатают произведений, созданных народом, забывая славные традиции периодики прошлого века, уделявшей народному творчеству большое внимание. Критически была оценена работа областных домов народного творчества, в большинстве случаев не ведущих собирательской

работы либо консервирующих накопленный материал. Однако, признавая критику, работники домов народного творчества отмечали не только отсутствие поддержки, но иногда и препятствия со стороны местных организаций сбора и в особенности пропаганде народного репертуара (выступления Т. С. Мазанова, Л. С. Бухарцевой). Лучше поставлена работа в Свердловском доме народного творчества, хотя и здесь условия зачастую также неблагоприятны (выступления П. Д. Галкина).

Старейшие фольклористы Урала В. П. Бирюков и И. Л. Стяжкин поделились опытом работы. Однако и они говорили о том, что большее количество собранных материалов лежит без движения, в силу того что публикуются фольклорные записи весьма ограниченно и неохотно.

О большой собирательской и пропагандистской работе в Татарской АССР говорил К. Н. Мурзаханов, поставивший вопрос об изучении взаимоотношений русского и татарского фольклора.

В прениях по докладам и сообщениям выступали также П. Н. Бабкин, В. В. Кукшанов, Н. Я. Лоифман, М. Д. Янко, Н. Богуславская. Все единодушно приветствовали инициативу созыва совещания, призывая привлечь к работе над сбором фольклора краеведов, учителей, студенчество и учащихся. Участники совещания избрали уральскую фольклорную комиссию в составе 17 человек, во главе с рабочим бюро, в которое вошли Л. Л. Христиансен (председатель), П. Д. Галкин (секретарь), В. П. Бирюков, В. И. Горячих, Л. П. Хандрос, Н. А. Куштум.

На комиссию возложены обязанности координировать работу по собиранию уральского фольклора, хранению материала, подготовке к публикации.

Для расширения работы был принят ряд решений, закрепленных в резолюции совещания. 1) Кроме создания фольклорной комиссии и рабочего бюро, просить Министерство культуры РСФСР: а) выделить дополнительные ассигнования для проведения фольклорной работы в Свердловском ОДНТ; б) создать секции фольклористов при местных домах народного творчества или высших учебных заведениях и укрепить дома народного творчества средствами и специалистами; в) активизировать работу краеведческих музеев и домов народного творчества по сбору всех видов фольклора; г) выделить пединститутам средства для проведения экспедиций; д) издать массовым тиражом инструкцию по собиранию произведений народного творчества. 2) Приступить к созданию «Свода уральского музыкального фольклора». 3) Поручить фольклорной комиссии: а) составить единый план экспедиций и изданий; б) подготовить антологию уральской народной поэзии; в) организовать журнал «Народное творчество Урала».

После окончания совещания участники прослушали ряд произведений в исполнении Государственного хора уральской песни под управлением Л. Л. Христиансена, прокомментированных руководителем.

Б. М. Добровольский.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 70-ЛЕТИЮ А. М. АСТАХОВОЙ

16—17 ноября 1956 года в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) проходила научная сессия, посвященная 70-летию юбилею одного из крупнейших советских ученых-фольклористов — профессора А. М. Астаховой.

На сессии присутствовали представители многих научных учреждений Советского Союза. Собравшиеся тепло поздравили юбиляра со знаменательной датой и пожелали ей дальнейших творческих успехов. Все они отмечали большие заслуги А. М. Астаховой в развитии науки о поэтическом творчестве русского народа и в воспитании научных кадров.

На сессии был прочитан ряд докладов и сообщений по вопросам изучения и собирания русского героического эпоса и исторических песен.

Проблеме сравнительного изучения славянских эпосов посвятил свой доклад профессор П. Г. Богатырев (Воронеж).

Отметив некоторые достижения русской, советской и зарубежной фольклористики в разработке сравнительного метода, докладчик наметил перспективы дальнейшей работы в этом направлении. На ряде примеров он показал богатые возможности сравнительного изучения эпосов родственных народов. Изучение это, по мнению докладчика, должно вестись в двух основных направлениях. Необходимо начать серьезное изучение художественных средств славянских эпосов, стремясь выяснить, как они применяются в системе одних и тех же жанров. Докладчик указал на многие случаи общности постоянных эпитетов в различных славянских эпосах («черный ворон», «белое лицо», «белый лебедь» и т. п.), приведя несколько возможных объяснений этой общности. По его мнению, в этом можно видеть как отголоски «общеславянской эпохи», так и следствие фонетической и морфологической близости славянских языков, допускающей конвергентное возникновение однотипных художественных формул.

Сравнение художественных средств у разных славянских народов в пределах одних и тех же жанров должно дополняться выяснением особенностей их употребления в системе разных жанров. Такое сравнение, — помимо того, что оно может дать интересные наблюдения в области художественного состава произведений фольклора, — дает необходимый материал для вывода о единстве изобразительных средств фольклора, что лишней раз подчеркивает народное, а не аристократическое происхождение эпоса.

Применение сравнительного метода позволит судить об основных закономерностях развития эпоса у самых различных народов. Уже сейчас можно указать на такие черты, свойственные развитию всех эпосов, как например переход исторических воспоминаний народа в легендарные, претворение исторических событий в события частной жизни, объясняемые личными качествами героев, введение в повествование новых мотивов и мотивировок. Сюда же относится циклизация как следствие стирания исторических черт, а также контаминация разных сюжетов. Наконец, для периода угасания эпоса характерно влияние книги.

Подводя итог своему выступлению, докладчик подчеркнула необходимость объединения усилий ученых в дальнейшей разработке сравнительного метода.

Краткое сообщение об истории слова «былина» сделал профессор В. Я. Пропп (Ленинград).

Положительно оценив статью П. Д. Ухова, посвященную этому же вопросу, В. Я. Пропп подверг тщательному и детальному разбору положение П. Д. Ухова об исконно народном происхождении слова «былина». Докладчик рассмотрел последовательно все известные науке случаи употребления слова «былина» писателями и учеными прошлого, а также самим народом, и пришел к выводу, что со словом «былина» сам народ не связывает каких-либо жанровых представлений и что такое смысловое наполнение этого слова целиком принадлежит инициативе ученых. В частности, В. Я. Пропп признает вполне правильным указание В. Ф. Миллера, что

слово «былина» для обозначения определенного круга эпических песен впервые применил Сахаров.

Доктор исторических наук В. И. Чичеров (Москва) посвятил свой доклад основным проблемам изучения эпоса народов СССР.

Разработка вопросов эпоса народов СССР, — сказал докладчик, — осложнилась в последние 8—10 лет тем, что проходила в условиях всевозможных преувеличений, крайностей, когда чрезмерная идеализация одних эпических произведений сменялась нигилистическим отрицанием и ниспровержением других.

Докладчик указал на принципиально неправильный подход, имевший место в изучении таких эпосов, как «Эдигей», «Деде Коркут», «Алпамыш» и др. Игнорировались исторические условия, в которых создавался эпос того или иного народа, и это нередко приводило к неверным односторонним оценкам как отдельных образов, так и самого существа произведения.

С 1953 года началась новый этап в изучении эпоса народов СССР. При Институте мировой литературы был создан специальный сектор, который занялся разработкой основных теоретических и источниковедческих проблем. Большое значение имела организация работы на местах. Был проведен ряд совещаний по собиранию и исследованию эпосов отдельных народов, в ходе которых были выработаны общие теоретические и методические установки. В теоретическом отношении важнейшим достижением нужно считать то, что теперь всеми признана необходимость исторического подхода к исследованию эпоса каждого народа. Вместе с тем все более становится очевидным, что результаты исторического принципа исследования тесно связываются с перспективами разработки сравнительного метода.

Насущной потребностью науки является возможно более полное издание памятников эпоса народов СССР.

Докладчик выразил уверенность, что совместными усилиями советских ученых все эти задачи будут успешно решены и художественные сокровища эпической поэзии народов СССР станут достоянием не только народов Советского Союза, а народов всего мира.

Новые данные о характере творческого обращения М. Горького к фольклору содержал доклад кандидата филологических наук Н. Ф. Матвейчука (Львов) «Образ Василия Буслаева в творческих замыслах М. Горького». Докладчик подробно остановился на истории работы М. Горького над пьесой и либретто оперы, в которых центральной фигурой был русский былинный богатырь Василий Буслаев. Отметив черты образа Василия, в которых М. Горький следовал былинному прототипу, Н. Ф. Матвейчук подчеркнул, что писатель дополнил этот образ и теми чертами, которые в былинном прототипе не играли существенной роли. Сила, удаль, дерзость Василия Буслаева дополняются у М. Горького созидательным началом, творческим устремлением. Докладчик показал на ряде примеров, как впечатления современной Горькому действительности стимулировали обращение писателя к образу знаменитого новгородского богатыря.

Темой доклада кандидата филологических наук В. К. Соколовой (Москва) явилось выяснение некоторых приемов характеристики образов действующих лиц русских исторических песен.

Приемы построения образов в исторической песне, — отметила В. К. Соколова, — определяются содержанием и композицией самой песни, посвященной изображению событий большого государственного значения. Отсюда и образы исторических песен даются в общественно-политическом плане. Точность и конкретность в определении действующих лиц связана

с установкой самой исторической песни на изображение действительных фактов и реальных исторических деталей.

Указав на то, что пафос исторических песен составляет борьба за независимость родины и освобождение народа от социального угнетения, докладчик остановился на проблеме изображения взаимоотношений исторического деятеля и народной массы, уделив особое внимание обрисовке взаимоотношений народа и царя. Сравнивая изображение героя в былинах и исторических песнях, В. К. Соколова пришла к выводу, что, в отличие от былин, исторические песни всесторонне характеризуют взаимоотношения героя и народа.

В докладе было показано значение диалога и монолога как художественных приемов раскрытия сущности образа героев песни. К существенным приемам построения образа относится, по словам В. К. Соколовой, и описание внешности и костюма героев (акцент на описании богатства отдельных персонажей, например Гришки Отрепьева, Марины, служит задаче их обличения).

Эпитеты в исторических песнях, хотя зачастую и используются лишь для исторической конкретизации образа, все же раскрывают определенное отношение народа к персонажам песни, дают их оценку. В исторических песнях присутствуют и прямые оценки героев, приобретающие особую четкость в том случае, когда героя характеризуют представители противоположных классов.

Рассмотрение важнейших приемов характеристики образов в исторических песнях показывает, что в исторической песне отсутствуют какие-либо специфические, лишь данному жанру присущие приемы. Своеобразие этим приемам придает лишь характер их использования, социальная заостренность и наполнение их конкретно-историческим содержанием.

С докладом «Сюжетный состав цикла песен о Ермаке» выступил кандидат филологических наук Б. Н. Путилов (Ленинград). Он указал на недостаточную изученность сюжетного состава песен о Ермаке и сообщил о некоторых результатах своих наблюдений над песнями данного цикла.

Первым сюжетом (по степени сюжетной значимости) Б. Н. Путилову представляется «Поход голытьбы под Казань». Герои песен этой группы — люди, бежавшие от кабалы вниз на Волгу. Характерен для названного сюжета мотив быстрого прохождения голытьбой городов. В песнях этого сюжета подчеркивается, что взятие Казани — дело голытьбы, а не воинов или казаков.

Другим сюжетом является «Разбойный поход на Волгу». Цель похода уже иная: атаман призывает голытьбу к разбойным делам. По предположению Б. Н. Путилова, сюжет о разбойных походах на Волгу сложился в результате переработки песни о походе голытьбы под Казань.

Как сюжетно самостоятельную, докладчик выделил песню «Ермак в казачьем кругу», указав на ее распространенность и подчеркнув историчность характеристик ее образов и самой обстановки. Данная песня в своих различных вариантах отвечает на вопрос: что делать? Различные варианты выдвигают разные решения этого вопроса.

Далее Б. Н. Путилов остановился на сюжетах «Казачи убивают царского посла», «Ермак у Ивана Грозного», «Взятие Казани» и др., отметив возможность выделения в цикле песен о Ермаке 11—13 самостоятельных сюжетов.

Обзор сюжетов данного цикла приводит, по словам Б. Н. Путилова, к мысли о том, что для песен XVI—XVII веков совпадение исторического факта и сюжета не является закономерным; в основе сюжета исторической

песни XVI века, в основе ее художественного отношения к действительности лежит поэтический вымысел.

С сообщением «Новые записи былин на Карельском берегу Белого моря» выступил кандидат филологических наук К. В. Чистов (Петрозаводск). Он рассказал о результатах экспедиции 1956 года, проведенной сотрудниками Института языка и литературы Карельского филиала АН СССР совместно с фольклористами Московского и Петрозаводского университетов и Петрозаводского пединститута. В задачи экспедиции входило собрание не только русского, но и карельского и саамского народного поэтического творчества. К. В. Чистов подробно охарактеризовал результаты работы в Кемском районе. Участники экспедиции записали около 250 песен, около 800 частушек, 40 былин и исторических песен. Общий облик репертуара, — сказал Чистов, — подтверждает наблюдения, сделанные в свое время А. М. Астаховой. В репертуаре преобладают былины-новеллы, былины-баллады; 40 записей былин и исторических песен (18 сюжетов), произведенные лишь в двух селах (Гридино и Калгалакша), говорят о том, что эпическая поэзия активнее бытует в данном районе, нежели в других местах Пудожья и Прионежья. Причина этого, по мнению К. В. Чистова, заключается в малой подвижности населения обследованных поселков, обеспечивающей большую устойчивость былевой традиции.

О записях былин в Заонежье в 1956 году доложила кандидат филологических наук Э. В. Померанцева (Москва). Группа московских фольклористов, среди которых было 16 студентов, совместно с представителями петрозаводских и ленинградских организаций обследовала Заонежский, Сегезский и Беломорский районы. Основной целью данной экспедиции явилась запись баллад, былин и духовных стихов, все остальные жанры записывались попутно. В результате работы экспедиции произведена запись 3000 текстов, из них 1500 частушек, 800 песен, 150 сказок, исключительно ценных в идейно-художественном отношении, 110 текстов баллад и былин. Членам экспедиции удалось записать 14 былинных сюжетов.

Э. В. Померанцева охарактеризовала исполнительскую манеру отдельных сказителей, с которыми работали участники экспедиции, и отметила, что результаты экспедиции в Заонежье дают возможность говорить о последнем этапе в жизни богатырского эпоса. Иную картину представляет жизнь былин-баллад (записано 90 текстов, среди них 7 балладных сюжетов и 9 сюжетов духовных стихов). Сотрудниками экспедиции отмечено пассивное отношение населения к духовным стихам и творческое — к балладам.

Предварительный анализ результатов работы экспедиции Сектора русского народного поэтического творчества ИРЛИ АН СССР, организованной в 1956 году, сделала кандидат филологических наук Н. П. Колпакова (Ленинград). Участники экспедиции обследовали 45 пунктов, расположенных в устье Печоры. Дав общую характеристику народнопоэтической традиции Средней Печоры, Н. П. Колпакова подробно остановилась на работе экспедиции в районе Нижней Печоры.

Участники экспедиции записали 37 былинных текстов, из них 32 полных, 2 фрагмента и 3 текста в виде богатырских прозаических сказок. Среди этих записей насчитывается 20 сюжетов — 10 ранее зафиксированных Н. Е. Ончуковым и А. М. Астаховой и 10 записанных впервые.

В заключение своего сообщения Н. П. Колпакова продемонстрировала несколько былин в исполнении сказителей П. Сулова и Т. Кузнецова.

20 и 27 ноября 1956 года состоялось расширенное заседание Сектора русского народного поэтического творчества, на котором был обсужден план монографии Н. Ф. Матвейчука «Творческое освоение фольклора в художественном творчестве А. М. Горького» и заслушан доклад К. В. Чистова «Былина о Рахте Рагнозерском и предание о Рахкое из Рагнозера».

В обсуждении приняли участие исследователи творчества М. Горького — член-корреспондент АН СССР Н. К. Пиксанов и доктор филологических наук К. Д. Муратова.

О. Б. Алексеева, Л. И. Емельянов.

ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА В БЕНГАЛИИ

Бенгалия, наиболее густо населенный штат Индийского Союза, представляет собой весьма богатый источник для изучения фольклора.

Однако состояние изучения фольклора Бенгалии нельзя признать удовлетворительным. На протяжении второй половины прошлого века отдельными учеными были сделаны попытки изучить те или иные стороны фольклорной традиции. Но большинство этих работ малоценны для современных исследователей, ушедших далеко вперед в изучении фольклора и только немногие работы могут служить основой для более высокой ступени развития науки о фольклоре Бенгалии.

Покойный Г. А. Гриерсон, автор монументального труда — «Лингвистический обзор Индии», явился первым ученым, который занялся научным исследованием отдельных сторон народнопоэтической традиции Бенгалии второй половины XIX века. Он опубликовал в *Journal of the Royal Asiatic Society of Bengal* балладу о короле Манике Чандре, записанную от неграмотных крестьян северной Бенгалии. Это — повествование о принце по имени Гопичандра, сыне Маника Чандра, пожертвовавшем собой по приказу своей матери-королевы. В последующее время еще несколько публикаций баллад подобного содержания, распространенных в северной и западной Бенгалии, было осуществлено разными бенгальскими учеными. Три более или менее различных варианта с тем же сюжетом появились в изданиях Калькуттского университета и других исследовательских институтов. На страницах *Journal of the Royal Asiatic Society of Bengal* с начала его существования (середина прошлого века) систематически публиковались статьи по различным вопросам фольклора Индии со специальными ссылками на Бенгалию. Такие ученые, как Хоропросад Шастри и другие, посвящали этому вопросу свои научные статьи. Работы Шастри о народном культе, известном как «Дхарма-культ», явились стимулом в изучении народной религии Бенгалии. Лал Бахари Де, пионер в изучении народных сказок, опубликовал монументальный том бенгальских народных сказок в английском переводе. Это издание привлекло внимание зарубежных фольклористов и было использовано для сравнительного изучения сказочного эпоса. В своей книге «Жизнь крестьян Бенгалии» Лал Бахари дал реалистически объективное исследование народной жизни Бенгалии, включая и различные стороны культуры бенгальского населения.

В первом десятилетии XX века в Бенгалии началось мощное национальное движение. Решительный и сильный удар был нанесен британскому владычеству, которое определяло судьбу народа за последние полтора века. С развитием национально-освободительного движения, известного как движение «свадеш», внимание ученых сосредоточилось на раскрытии особенностей национальной культуры. В Калькутте была учреждена Бен-

гальская академия литературы (Бонгиё шахитто поришод), инициатива ее основания принадлежит писателю, лауреату нобелевской премии, доктору Рабиндранату Тагору. Цель Академии состояла в поощрении изучения бенгальского языка и культуры. Рабиндранат Тагор занялся подбором материалов по различным вопросам народной литературы. За это время он опубликовал собрание бенгальских детских рифмованных стихов, снабженных яркими комментариями, достойными его таланта. Его пример дал толчок к изучению данной темы, и люди, живущие в различных сельских районах страны, с готовностью откликнулись на его призыв собирать произведения, бытующие в устной традиции. Собранные материалы были опубликованы или в журналах, или в серийных изданиях. За короткий период времени было собрано и опубликовано большое количество произведений устной поэзии. Этот этап в изучении фольклора — собирание и накопление материала — был закономерен и своевременен. Если бы собирание запоздало, то материалы устной вековой поэтической традиции были бы забыты вследствие вторжения чуждой культуры.

В это самое время Ашутосх Мукерджи, бенгальский ученый и член Верховного Суда, стал вице-канцлером Калькуттского университета. Это был человек с широким кругозором. Благодаря его неутомимой энергии бенгальский язык и литература были приняты как предмет преподавания в высшей школе, где до тех пор господствовали английская культура и английский язык. В 1919 году впервые при Калькутском университете была организована аспирантура по языку бенгали.

До 1919 года преподавание в университете и в средних учебных заведениях велось только на английском языке. В результате этого огромному числу учащихся, которые не смогли в должной мере овладеть иностранным языком, было отказано в образовании. С основанием отделения бенгальского языка в Калькутском университете бенгали был признан объектом научного исследования.

Для того чтобы создать детальную программу всестороннего изучения бенгальского языка и литературы, Ашутосх Мукерджи с группой компетентных ученых предпринял издание ряда фольклорных сборников. Он не ограничился избранной литературой, созданной только образованными авторами. А. Мукерджи посвятил себя собиранию и публикации устной литературы народных масс. Он привлек энергичных работников для широкого обследования штата Бенгалия и собрал материалы, которые передавались от одного поколения другому исключительно в устной традиции. Результат был значительным. Прекраснейшие образцы устной литературы были собраны и опубликованы в изданиях университета, сюда вошли четыре тома баллад района Мейменсинга и других частей восточной Бенгалии. Доктор Динеш Чандра Сен, которого Ашутосх Мукерджи считал ученым редкого дарования и эрудиции, предпринял издание материалов, собранных группой полевых работников. Он опубликовал английский перевод баллад восточной Бенгалии, которые привлекли внимание фольклористов за границей.

В то время как баллады собирались в разных частях восточной Бенгалии, баллада о самопожертвовании принца по имени Гопичандра была записана и в северной Бенгалии. Она представляла лишь другой вариант повествования об упомянутом выше короле Манике Чандре. Баллада была опубликована Калькуттским университетом с примечаниями и предисловием Динеша Чандра Сена, читавшего в университете курс лекций по народной литературе Бенгалии.

Помимо собирания и публикации вышеупомянутых баллад и сказаний, Калькуттским университетом была издана ценная коллекция народных песен, известная как «Харамани». Г. С. Дотто, исследователь бенгальского народного танца, также опубликовал собрание народных песен, записанных от западнобенгальских народных художников, оформлявших здание Калькуттского университета.

В то время как университет Калькутты весьма интенсивно собирал и публиковал под руководством сэра Ашутоша различные произведения народной культуры Бенгалии, усилил отдельных лиц в собирании и издании фольклора Бенгалии также не оставались бесплодными. Восемидесятилетний Д. Р. Митро Мазумдар опубликовал уникальное собрание волшебных и обрядовых сказок в трех прекрасно изданных томах под названием «Тхакурмар джхули» («Бабушкина сумка»), «Тхакурдадар джхола» («Дедушкин ящик») и «Тхандир тхале» («Бабушкин мешок»). Публикации Митро Мазумдара имеют особое достоинство, поскольку собиратель отразил в своих записях художественные приемы, обычно сопровождающие устную передачу подобных рассказов. Он не механически воспроизвел то, что слышал от исполнителей, а воссоздал обстановку, в которой обычно рассказываются подобные повести. Коллекция Митро Мазумдара была собрана в том самом районе Мейменсинга восточной Бенгалии, на который уже делалась ссылка.

Одновременно с Митро Мазумдаром выступил другой любитель бенгальской народной литературы: Упендро Кишори Рай Чоудхури. Он опубликовал собрание бенгальских сказок о животных, до того времени не известных любителям народной литературы. У. К. Рай Чоудхури обладал единственной в своем роде манерой воспроизведения материала, который он собирал от исполнителей. Для того чтобы распространить свои труды среди юных читателей, он зачастую сам иллюстрировал сказки. Манера его письма и рисунки пробудили широкий интерес к сказкам, и после этого много сказок о животных было опубликовано отдельными собирателями, хотя большинство из них не привлекло внимания публики.

Кроме вышеупомянутых, многими авторами публиковались обрядовые сказки. Эти сказки ценны лишь как произведения, отражающие обряды, но не имеют особого литературного значения. Благодаря склонности простого народа к религиозным обрядам данные повествования, известные под названием «Бротокотха», широко бытовали, особенно среди неграмотных женщин. «Бротокотха» проявляет чрезвычайную способность к развитию и стойкость в своем бытовании.

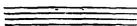
До сих пор различные элементы народной литературы собирались и публиковались без научного их изучения. В настоящее время изучение фольклора в Европе, а также в Америке продвинулось вперед, но индийские фольклористы все еще испытывают недостаток в руководящих принципах. Поэтому, хотя материалы по народной культуре и собирались эпизодически начиная со второй половины прошлого века, до сих пор, однако, не было систематического ее изучения, особенно в Бенгалии.

В то время, когда я был лектором Бенгальского отделения университета в Дакке в восточной Бенгалии, совместно с моим первым учителем, а впоследствии коллегой, доктором М. Сахидулла, мы основали общество, ставящее своей задачей собирание материалов для изучения народной религии. В 1947 году, когда Индия стала независимой и Бенгалия была разделена на Западную Бенгалию и Восточный Пакистан, я оставил университет в Дакке, поступив в качестве исследователя первобытной религии и народной культуры в Индийский государственный институт антрополо-

гии. Доктор Верриер Элвин, фольклорист и социолог-антрополог, был в это время заместителем директора института, и я начал мою исследовательскую работу под его прямым руководством. Мы обычно осуществляли соби́рание фольклора в наиболее недоступных районах Индии. Затем я поступил на Отделение современных индийских языков Калькуттского университета в качестве постоянного лектора, посвятив себя изучению бенгальского фольклора. В своих исследованиях бенгальского фольклора я пытался соединить изучение антропологии, социологии и этнологии. Моя книга о народной религии и фольклоре средневековой Бенгалии («Бангала монгол каббер итихас») выдержала третье издание и получила в своей первой публикации одобрение Рабиндраната Тагора. Итоги моих полевых исследований и изучения фольклорной культуры содержатся в книге под названием «Народная литература Бенгалии» («Бангала лок-шахитто»). Мои статьи, обычно публикуемые в «Бюллетене» Института антропологии, посвящены народной жизни населения пограничных областей, где сливаются различные культуры. В настоящее время я занят подготовкой собрания произведений устного творчества Бенгалии, и это собрание периодически публикуется отдельными частями в журнале и называется «Фольклорные традиции в Бенгалии» («Бангалар лок-срити»). За последнее время основано несколько институтов, занимающихся изучением фольклора, и я являюсь президентом: 1) Бенгальской академии народной культуры в Калькутте; 2) научного общества (Гомбхир поришод) в Калькутте.

Проф. Ашуттош Бхоттачарджо (Калькутта).

(Перевод с английского О. Б. Алексеевой).

М. О. СКРИПИЛЬ

16 января 1957 года скоропостижно скончался на 65 году жизни Михаил Осипович Скрипиль, доктор филологических наук, заведующий Сектором народного творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, профессор Ленинградского государственного университета.

Советская наука потеряла в лице М. О. Скрипиля крупного ученого, историка русской литературы и фольклора, талантливого педагога, прекрасного организатора.

Основной областью научных интересов Михаила Осиповича была история древней русской литературы.¹ В своих исследованиях, посвященных различным темам литературы русского средневековья, преимущественно древнерусской повести, М. О. Скрипиль неизменно обращался к проблемам взаимодействия литературы и народной поэзии древней Руси. Можно сказать, что именно эти проблемы составляли для М. О. Скрипиля ту научную основу, на которой строились его обобщения относительно ведущих процессов истории древнерусской повести. Общие принципиальные соображения на этот счет ученый высказал в статье «Проблемы изучения древнерусской повести» («Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР», т. VII, 1948, вып. 3). Конкретную разработку вопрос о взаимоотношении литературы и фольклора древней Руси получил прежде всего в следующих статьях Михаила Осиповича: «Повесть о Петре и Февронии и эпические песни южных славян об огненном змее» («Научный бюллетень ЛГУ», 1946, № 11—12); «Повесть о Петре и Февронии Муромских в ее отношении к русской сказке» (ТОДРЛ, т. VII, 1949); «Народная русская сказка в литературной обработке конца XVII—нач. XVIII в.» (ТОДРЛ, т. VIII, 1951); «Легендарно-политические сказания древней Руси» («Доклады и сообщения Филологического института», вып. 2, изд. ЛГУ, 1950). К тем же вопросам Михаил Осипович неизменно обращался в написанных им разделах о древней русской повести в изданиях «История русской литературы» (тт. I—II, изд. Академии наук СССР, 1941, 1945, 1948) и «История русской литературы. Учебник для вузов» (т. I, ч. 1, Учпедгиз, 1941).

В указанных работах проявилось великолепное знание М. О. Скрипилем разнообразных фактов фольклора — русского и других славянских народов. Его выводы, всегда строго обоснованные и вместе с тем отличавшиеся широтой и смелостью, не ограничивались конкретным историко-литературным материалом данной темы, но неизменно касались принципиальных вопросов, были обращены к общим закономерностям литературы древней

---

¹ О значении исследований М. О. Скрипиля в этой области см. в некрологе, помещенном в «Трудах Отдела древней русской литературы» (т. XIII); там же приведен полный список его печатных работ.

Руси. М. О. Скрипиля всегда занимали проблемы отношения древнерусских писателей к фольклору, его идейно-художественной интерпретации, методов и приемов его обработки. В этой связи особый методологический интерес представляют исследования Михаила Осиповича, относящиеся к отражению фольклора в «Повести о Петре и Февронии», а также разыскания в области древнерусской легенды. Целый ряд вопросов, поднятых в работах М. О. Скрипиля и освещенных с присущей ему четкостью и краткостью, требует своего дальнейшего специального изучения. Долг советских ученых — продолжить разработку проблем, поставленных М. О. Скрипилем.

В последние годы Михаил Осипович обратился к непосредственному изучению различных сторон истории фольклора древней Руси. Закономерным и чрезвычайно плодотворным явилось активное участие М. О. Скрипиля в создании обобщающего коллективного труда «Русское народное поэтическое творчество. Том I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков» (изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1953). Михаилом Осиповичем были написаны здесь раздел, посвященный фольклору периода феодальной раздробленности и создания централизованного русского государства (XIII—XV века), и часть раздела по истории фольклора периода укрепления централизованного русского государства (XV—XVI века). Наиболее ценным в названной работе было раскрытие общих закономерностей историко-фольклорного процесса XIII—XVI столетий и конкретный исторический анализ наиболее важных явлений народного творчества этой поры. Свои мысли о путях научного разрешения сложнейшей проблемы построения истории русского фольклора М. О. Скрипиль обобщил в докладе «Вопросы научной периодизации русского народного поэтического творчества (X—XVII веков)», прочитанном в 1953 году (напечатан в книге: «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. I. Изд. Академии наук СССР, 1956).

Смерть прервала работу М. О. Скрипиля над завершением труда особой научной актуальности. Михаил Осипович совместно с А. М. Астаховой готовил к изданию первый в науке полный критический свод записей и пересказов былинных сюжетов XVII—XVIII веков. Этот труд, не законченный Михаилом Осиповичем, завершается в настоящее время Сектором народного творчества.

В 1954 году М. О. Скрипиль пришел к руководству Сектором народного творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. Именно в этой работе наиболее ярко раскрылись лучшие качества Михаила Осиповича — ученого, организатора, педагога. М. О. Скрипиль видел залог успехов в сплоченном научном коллективе, — созданию такого коллектива, его закалке на большой работе он отдавал все силы в течение последних трех лет. Работать под руководством Михаила Осиповича, рядом с ним — было для сотрудников Сектора настоящей, большой радостью. Михаил Осипович вносил в Сектор атмосферу научной строгости и порядка, подлинной увлеченности и подъема; ему в высшей степени были присущи критическое отношение ко всему сделанному, умение видеть перспективы научного движения, настойчивость в достижении поставленных целей. Работавшие рядом с Михаилом Осиповичем знают, как много внимания уделял он организационным сторонам любого дела, как тщательно и всесторонне анализировал каждый вопрос, с каким тактом и чувством ответственности принимал решения.

1954 -1956 годы отмечены в деятельности Сектора, руководимого М. О. Скрипилем, рядом важных начинаний. Михаил Осипович был ини-

М. О. Скрипиль.

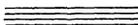
циатором развертывания работы по практическому осуществлению издания «Свода русского фольклора». Под редакцией М. О. Скрипиля был издан проспект «Свода» (1956), был составлен план изданий на 1956—1960 годы, началась подготовка первых томов. По инициативе М. О. Скрипиля Сектор провел ряд совещаний всесоюзного характера по вопросам изучения и преподавания фольклора. За последние годы значительно усилились связи Сектора с фольклорными и научными учреждениями Советского Союза и ряда зарубежных стран.

М. О. Скрипиль был инициатором выпуска неперiodического издания «Русский фольклор. Материалы и исследования», первые тома которого вышли под его редакцией.

М. О. Скрипиль умер в расцвете творческих сил, в тот момент, когда та большая научная идея, утверждению и осуществлению которой он отдал так много энергии и душевных сил, — идея «Свода русского фольклора» — не только получила общественное признание, но и начала воплощаться в реальные книги.

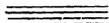
Для сотрудников Сектора народного творчества Михаил Осипович всегда будет живым участником всех их дел.

Память о М. О. Скрипиле, большом ученом, настоящем человеке, дорогом друге, всегда будет сопровождать нас в нашей работе.

РЕЦЕНЗИИ
И
БИБЛИОГРАФИЯ

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ДРАМА XVII—XX ВЕКОВ. ТЕКСТЫ ПЬЕС И ОПИСАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ. Редакция, вступительная статья и комментарии П. Н. БЕРКОВА. Изд. «Искусство», М., 1953, 355 стр.

Народный театр — интереснейшая область народного искусства, не только не изученная, но и мало доступная для изучения и даже мало известная советскому читателю. Мы не имеем такого издания, в котором были собраны хотя бы наиболее распространенные в народе тексты пьес. До 80-х годов прошлого века народная драма была известна только по некоторым отрывочным сведениям или единичным публикациям в специальных сборниках и журналах. К концу XIX и началу XX века относятся более значительные издания: печатаются варианты драм «О Максимилиане», «Царь Ирод», «Лодка», «Трон», а также и новые тексты. Но и это представляет собой далеко не полный состав репертуара народного театра.¹

Понятно, какое значение получает опубликованная в 1953 году издательством «Искусство» книга «Русская народная драма XVII—XX веков», составленная П. Н. Берковым. Это — антология, состоящая из текстов пьес и описаний представлений. Она снабжена вступительной статьей, комментарием и словарем устарелых и областных слов.

В отличие от единственного специального сборника драм 1911 года, в котором показаны пьесы крестьянского, деревенского театра, и притом только одной местности, новое издание гораздо шире и разностороннее по материалу. В нем даны пьесы и сцены не только деревни, но и городских демократических кругов, не только фольклорные, но и литературные, близко соприкасающиеся с устными народными. Включены в сборник народные сцены — «игрища», интермедии к пьесам, исполнявшимся в балаганых театрах XVIII века, кукольный театр «Петрушка», тексты раешника и прибаутки балаганых дедов, представлена «медвежья комедия» и, наконец, приведены большие законченные пьесы народного театра: «Лодка», «Как француз Москву брал», «Аника и смерть» и комедия «О царе Максимилиане и непокорном его сыне Адольфе». В книге даны приложения: «Песни и диалоги из репертуара скоморохов и калек-перехожих», «Комедия о Индрике и Меленде» (из репертуара «Российских комедий» первой половины XVIII века) и малоизвестное стихотворное «Письмо актера Партикулярного театра конюшенных служителей Р. И. Молчальникова директору Российского театра В. И. Бибикову» (1770). Оно интересно тем, что перечисляет драмы, исполнявшиеся автором письма, актером-любителем.

Тексты, опубликованные в антологии, перепечатаны из разных изданий, иногда из редких и малоизвестных. П. Н. Берков привлек в свой сборник

¹ «Этнографическое обозрение», 1897—1898, №№ 35—39; Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, 1914; Н. Е. Ончуков. Северные народные драмы. СПб., 1911.

вместе с драмами крестьянских, деревенских представлений и спектакли городских демократических кругов. К сожалению, он не попытался четко разграничить эти группы произведений, а деревенский театр в книге явно обеднен. Составитель не привлек ни обрядовых драматических действий, ни таких пьес, как «Трон», «Маврух», «Параша», «Пахомушка» и др. Из-за отсутствия указанных выше драм деревенского театра выпала такая острая и постоянная для народной поэзии тема, как тема антицерковная, как пародирование церковной службы. Выпали и богатые драматическими действиями народные обряды, нет специального раздела солдатских представлений — этого своеобразного в своей специфике народного искусства. Составитель сборника поставил перед собою задачу изучить народные представления под социально-политическим углом зрения и подчинил ей отбор материала. Автор стремился «раскрыть большое и разнообразное содержание русского народного театра, его острую социально-сатирическую направленность, его художественное своеобразие» (стр. 6). Так, например, в анализе балаганных представлений подчеркивается их различное социальное звучание в разное время: появление, например, монархических настроений в балаганных сценах второй половины XIX века. Но, как нам кажется, социальный аспект в книге выдержан не до конца как в подборе материала, так и в его классификации и освещении.

Как совершенно справедливо отмечается в предисловии, одной из наиболее трудных проблем в построении настоящего сборника было расположение материала. «Народный театр очень многообразен... Сгруппировать этот разнообразный и разнородный материал очень не легко» (стр. 6). Нам не представляется удачным принцип организации материала в сборнике. В нем три раздела. В первый, под заголовком «Народные представления сатирического характера», включены мелкие сцены, интермедии и «игрища», кукольный театр «Петрушка», раек, тексты балаганных дедов и «медвежья комедия». Но содержание этих произведений очень различно, различные исторические их корни и социальная среда, их породившая. В одних случаях это демократические круги города, в других — деревня. Если и возможно эти произведения объединить в один раздел, то разве только по некоторой жанровой общности — все они представляют собою не развернутые законченные пьесы, а отдельные диалоги или драматические сценки.

Во втором разделе объединены «драматические произведения героического характера». Здесь приведено два варианта драмы «Лодка» и «Как француз Москву брал». Такое соединение непонятно. Драма «Лодка», близкая по содержанию к удалым песням народа, чаще всего имеет открытую антикрепостническую направленность. Пьеса же «Как француз Москву брал» — содержания исторического и патриотического. Она близка в этом отношении к разнообразному фольклору о войне 1812 года: к лубочным картинам, историческим песням и преданиям о событиях Отечественной войны. Драма «Лодка» исполнялась преимущественно в среде фабричных рабочих XIX века. Может быть, в этой среде она и сложилась на основе удалых песен и антикрепостнического фольклора. Драма же «Как француз Москву брал» и в своем содержании, и в образной системе, и в стиле, и в языке несет явные черты солдатского происхождения и бытования. Она и записана была от бывшего солдата и исполнялась на солдатской сцене. По-видимому, солдатским же театром она могла быть занесена в Болгарию во время пребывания там русских войск.²

² Драма переведена на болгарский язык в 1872 году и издана в Константинополе под названием «Смерть князя Потемкина, которая случилась в 1812 году, когда

В третьем разделе сборника даны «драматические произведения обличительного характера». Здесь собраны пьесы «Аника и смерть», «Царь Ирод» и два варианта драмы «О царе Максимилиане». Почему эти различные драматические произведения названы обличительными — непонятно. Пьеса «О царе Максимилиане» по военно-героическому характеру ее интермедий скорее могла бы быть причислена к пьесам второго раздела и объединена с драмой «Как француз Москву брал», если уж принять классификацию составителя сборника.

Содержание первого приложения, судя по заголовку, — тексты «из репертуара скоморохов и калик-перехожих». Но почему разнообразные по тематике и общественному и политическому звучанию исторические и шуточные песни отнесены к репертуару скоморохов? И почему репертуар скоморохов признается автором как полностью совпадающий с репертуаром калик-перехожих? Все это никак не разъясняется ни во вступительной статье, ни в комментариях и вызывает недоумение и решительное несогласие.

Нам представляется, что народные драмы заметно распадаются на группы соответственно тому, в какой социальной среде они сложились и исполнялись: так, в репертуар деревни входили прежде всего представления и игры, связанные с обрядами: проводы масленицы, встреча и проводы весны, похороны Костромы и т. д., а также сцены, развивавшиеся из обрядовых действий: вождение козы, ряженье и т. д. Составитель сборника отрицает всякое значение обрядовых действий и их место в народном театре потому, что «во многих из них перевешивал элемент обряда — остатка религиозного языческого культа». Но ведь это обстоятельство не снимает того, что обрядовые действия продолжали существовать очень долго параллельно с необрядовыми театральными сценами и пьесами, развивались и усложнялись как драматические представления и игры, причем культовый элемент в них все больше и больше сходил на нет. Автор вступительной статьи неправ в том, что дореволюционные обряды он признает только явлением культа. Наряду с обрядовыми моментами деревенскому же театру принадлежат сцены, высмеивающие церковнослужителей, пародирующие церковную службу («Маврух», «Пахомушка» и др., не учтенные в сборнике). Нет в сборнике и игровых сценок на семейные темы, а они-то как раз характеризуют органическую близость драматических игр крестьян с другими видами фольклора. Одну из таких игр приводит С. Т. Аксаков в «Семейной хронике». Известны и целые пьесы на семейно-бытовые темы, например «Параша». Все драматические игры и сцены деревенского театра генетически связаны с народным поэтическим творчеством; сатирические сцены очень близки к сюжетам бытовых сказок, сцены на темы семейные — к лирическим песням. Крестьянский театр развивался на основе народнопоэтических традиций и был непосредственно связан своим содержанием с жизнью деревни.³

Солдатский театр особенно отчетливо рисуется такими пьесами, как «Царь Максимилиан» и «Как француз Москву брал». Принадлежность этих пьес армейскому театру не может вызывать сомнений. Комедия «О царе Максимилиане и непокорном его сыне Адольфе» была записана преимущественно от солдат. Если эта пьеса и не была первоначально создана в солдатской обстановке, то бытовала она главным образом в воен-

французы напали на Россию (трагедия в трех действиях) (К. Н. Державин. Болгарский театр. Л., 1950, стр. 27—28).

³ Репертуар деревенского театра хорошо показан В. Ю. Крупянской в главе о народной драме в кн.: Русское народно-поэтическое творчество. М., 1954.

ной и казарменной среде. Об этом имеется целый ряд свидетельств.⁴ Все интермедии, многие из которых с течением времени были включены в основной текст драмы, носят военно-героический характер, кроме того, в драму внесено большое количество военных боевых песен, сохранившихся от разных войн XVIII и XIX века.

Драма «Трон» представляет собою своеобразное соединение двух пьес: «Царь Ирод» и «Царь Максимилиан». В военно-бытовых казарменных условиях жизни создавалось, по-видимому, много драматических игр и представлений. Одну из таких сцен рисует Куприн в рассказе «Ночная смена». Солдатский театр отличался от крестьянского не только содержанием пьес, но и традициями, связывавшими эти пьесы с литературными произведениями и устным поэтическим творчеством военной среды. Этот театр был больше связан с городскими представлениями. Наиболее обособленно от крестьянского театра его развитие было в период до военной реформы 1870-х годов, когда солдатская служба длилась особенно долго.

В этой среде, хорошо знакомой с техникой постановки, с законами построения народной драмы, была, по-видимому, создана и драма «Как француз Москву брал». Материалом для ее содержания послужили исторические предания и народные песни о войне 1812 года, сохранившиеся в большом количестве в войсках.

Материалы сборника наиболее отчетливо характеризуют третью группу драматических игр и представлений, исполнявшихся для низших слоев населения в городах, на площадях и окраинах во время больших праздников. Сюда следует отнести не только литературную драму «О Индрик и Меленде», но и народные сцены, интермедии, прибаутки раешников и карусельных дедов и комедию о Петрушке. Эта часть народных представлений по своим персонажам близко стоит к литературным произведениям XVIII века (гаер, херликин и др.).

Веселый характер всех народных представлений, комическое содержание текстов согласовались с тем, что они исполнялись в праздники. Народные сцены и драмы полны юмора, веселья и шуток, которые сочетаются с высмеиванием всего порочного и вредного. Эта сторона П. Н. Берковым почти не освещена.

Драма «Лодка», как доказывает Б. Ю. Крупянская, исполнялась главным образом фабричными рабочими в городах и поселках.

Рассматривать народную драму вне намеченной выше дифференциации в настоящее время невозможно, хотя, конечно, далеко не все здесь ясно и нельзя представлять себе дело таким образом, что между репертуарами различных социальных групп не было никакой связи. Драма «Лодка» и сцены «Барин и староста» исполнялись и на солдатской сцене, так же как

⁴ На солдатской сцене исполнение «Максимилиана» видел И. С. Аксаков в 1855 году (см. его письмо: Соч., т. III, стр. 221). Казачий вариант был опубликован в «Терских войсковых ведомостях» (1869, № 4); проф. Петров говорит о том, что в 50-х годах в с. Макарьевке Костромской губернии «Максимилиана» представляли солдаты и от солдат переняли ее ученики тамошнего духовного училища («Киевская старина», 1882, декабрь). Многие варианты этой пьесы, записанные от крестьян, были занесены в деревню солдатами. Таковы варианты из г. Ковель («Киевская старина», 1887, № 12), Черниговской губернии («Известия ОРЯС», 1904, № 3). Большинство драм, собранных в книге Н. Е. Ончукова, записано им от бывших солдат или от людей, перенявших их от солдат. А. И. Соболевский в предисловии к вариантам «Максимилиана», записанным Н. Виноградовым (опубликованы: «Сборник ОРЯС», т. СХ, 1914, № 7), говорит о том, что «еще недавно „Царь Максимилиан“ был достоин преимущественно солдатского театра». От солдат было сделано и большинство записей драмы «Трон» («Этнографическое обозрение», 1897, № 4, 1898, № 1; «Киевская старина», 1895, №№ I, II, III) и ряд других записей.

и «Царь Максимилиан» разыгрывался и в деревне. Но все же черты социально-бытовых условий, в которых преимущественно исполнялись пьесы и которые они отражали, довольно четко обнаруживаются в текстах.

Некоторыми исследователями народная драма рисовалась как творчество всех слоев народа. «Бурлаки, мастеровые, фабричные, отставные солдаты и матросы, мелкие торговцы, городские извозчики и т. п. разносят по всему миру земли русской отголоски того, что деялось на сцене городских школ, театров и балаганов». Так рисует жизнь народного театра П. О. Морозов.⁵ Отсутствие четкой социальной дифференцированности народных пьес в книге П. Н. Беркова чрезвычайно обедняет материал сборника. Не дает составитель и аспекта исторического. Во вступительной статье он делает лишь небольшой экскурс в область происхождения и исторического развития каждого сюжета. Более отчетливо рисуется автором только XVIII век в исторической жизни народной драмы. Обнаруживая связь фольклорных пьес с литературными, автор высказывает мысль о том, что литературная комедия XVIII века восприняла многое положительное из народной драмы: «Из всех жанров русской литературы XVIII века комедия в наибольшей мере стала жанром реалистическим в результате того, что она явилась одним из актуальнейших способов общественной борьбы и что она черпала силу из принципов народного театра. Положительное влияние народного театра на комедию XVIII века и на драму XIX—XX вв. сказалось также и на языке литературной комедии (стр. 39).

В предисловии автор намечает связи профессионального театра с народным и по другой линии: «...уже в XVIII веке на почве народного театра растет и углубляется у народных любителей драматического искусства интерес к литературному репертуару. Выросшие на реалистических и демократических принципах народного театра актеры из народа вносят в русское профессиональное актерское искусство зачатки народности, реализма, демократизма и гуманности. Народная драма своим живым, полнокровным и ярким мастерством питает русскую актерскую игру и делает ее жизненной, мужественной и прекрасной своею простотою» (стр. 4—5). Все эти мысли автора звучат еще только как заявки, но чувствуется, что они опираются на опыт большого специалиста, и поэтому они представляют большой интерес.

Связи народной драмы с литературной устанавливали многие. Проф. П. Н. Берков эти связи намечает в более конкретном плане. И это очень ценно. Связь литературной драмы с народной в XVIII веке он подчеркивает тем, что включает ряд интермедийных сцен в свой сборник. Положительное значение этих сцен и их народный характер неоднократно отмечались в литературе.⁶ Но материалы эти так разбросаны и разрознены, что они мало доступны для неспециалиста. Большой заслугой П. Н. Беркова является включение таких сцен в свой сборник.

Автор вступительной статьи разделяет мнение П. О. Морозова о происхождении народной драмы из обряда, но обрядовые представления к театру в собственном смысле не относит. «Настоящий народный театр возникает тогда, когда он обособляется от обряда и становится самостоятельной, преимущественно сатирической, а также и героической формой отражения социальной жизни народа» (стр. 13). Автор отрицает и возможность выводить русский народный театр целиком из искусства скоморохов.

⁵ П. О. Морозов. Народная драма. Сб. «История русского театра», т. I, ред. В. В. Каллаша, Н. Е. Эфроса, изд. «Объединение», М., 1914, стр. 22.

⁶ Б. В. Варнеке. История русского театра. Казань, 1908, стр. 19.

В статье, к сожалению, не указывается такой источник, питавший частично народную драму, как литература XVIII века. Отмечая в общем плане связи народной драмы с литературной, исследователь говорит только о положительном влиянии народной драмы на литературную, не определяя характер обратного воздействия. Вместе с тем это воздействие получает в сборнике наглядное подтверждение в подборе материала.

Жизнь и развитие народной драмы в XIX веке тоже не показаны в книге в едином целостном процессе, а между тем очень интересен народный театр этого периода, характеризующегося поисками новых тем и переработкой ранее созданных драм в соответствии с новыми жизненными задачами, с ростом освободительных идей и распространением их в народе. В книге исторический аспект взят для анализа каждой пьесы отдельно. Но это не может дать исторической перспективы в общей картине развития народного театра.

Нельзя не отметить спорных положений в раскрытии содержания отдельных пьес. Во вступительной статье прослеживаются ранние публикации драмы «Лодка», которые автор рассматривает как отдельные моменты сложения этого драматического сюжета, начиная с простой инсценировки песни «Вниз по матушке по Волге». Не правильнее ли было считать инсценировку этой песни самостоятельно существовавшей игрой, не связанной непосредственно с народной драмой, — игрой, известной в разных кругах населения и у исполнителей разного возраста; тем более, что такая игра у молодежи и у детей сохранилась до самой Октябрьской революции.

В историческом развитии пьесы «Лодка», или «Шайка разбойников», следовало бы подчеркнуть типичные для поздних вариантов попытки включить Степана Разина в состав действующих лиц. Иногда этот новый персонаж не получал никакой самостоятельной роли, как в варианте Н. Е. Ончукова, приведенном П. Н. Берковым. В текстах литературно обработанных, как например в сборнике Б. Лапилина и В. Головачева или в тсм, который приводит Ф. В. Гладков в «Вольнице», Разин выступает как главный герой. Тенденция к объединению драмы о народных мстителях, расправлявшихся с помещиком, с различными сюжетами о Степане Разине вполне закономерна. Содержание спектакля воспринималось и исполнителями и зрителями как эпизод народно-освободительной борьбы. В начале XIX века представление «Лодки» было понято И. А. Шляпкиным как «поход Разина по Волге», хотя в спектаклях, о которых он говорит, имя Разина и не упоминалось.⁷ Образ Разина притянул в драму сцену с персидской княжней, существовавшую, по свидетельству В. Ю. Крупянской, в виде самостоятельной инсценировки песни Д. Н. Садовникова.⁸

В тексте драмы «О царе Максимилиане» П. Н. Берков усматривает политическую сатиру. Попытки определить этот спектакль как сатирический известны. Еще в 1855 году И. С. Аксаков, находясь в Бендерах с ратниками военного ополчения, смотрел на исполнявшуюся на Рождество постановку «Максимилиана» на солдатском театре. Его особенно заинтересовали фигуры доктора и фельдшера: «... это единственные живые лица во всем представлении. Актеры, очевидно, кого-то передразнивали: ... у фельд-

⁷ А. С. Грибоедов. Загородная поездка. Полное собрание сочинений под ред. И. А. Шляпкина, т. I, 1889, стр. 107—109; примечание Н. А. Шляпкина, стр. 360 — По свидетельству Е. Гай-Сагайдачной, ремесленники Чугуева в 1900 году имели в своем репертуаре комедию о Стеньке Разине («Театр и искусство», 1910, № 17, стр. 350—354).

⁸ Певец Волги Д. Н. Садовников. Избранные произведения и записи. Составила и комментировала В. Ю. Крупянская под ред. Ю. М. Соколова, Куйбышев, 1940, стр. 150.

шера орден первой степени пьянства... Доктор солдатского представления не итальянский, а современный, русский, чиновный». Сатирическая острота спектакля показалась Аксакову недостаточной. «Быть не может, чтобы не было солдатской комедии такой, в которой бы высказывалась вся ирония, вся критика на управление и устройство общественное. Поищу».

Во всех случаях, когда вскрывается сатирическое содержание драмы «О Максимилиане», речь идет о вставных сценах. И это совершенно понятно. К этому подводит сам материал. Проф. Н. Н. Берков считает сатирическим основной сюжет. Он определяет содержание всей драмы как «разоблачение внешнего благолепия царизма». Определение настолько неожиданное и никак не вытекающее из текста (особенно если иметь в виду первоначальный его вид), что принять его совершенно невозможно. Постановщики этой драмы на солдатской и на крестьянской сцене вовсе не думали разоблачать «внешнее благолепие царизма», когда обставляли этот спектакль такой бутафорией и реквизитом, как стул вместо трона, картонная, оклеенная золотой бумагой корона, жестянки вместо орденов и т. д. Эта убогость обстановки вовсе не была нарочитой. Она объяснялась просто скудостью постановочных средств. И зрители воспринимали это «благолепие» как обычную условность, типичную для народного театра. Сюжет драмы никак не выражает той мысли, которую ему придает П. Н. Берков.

Вся пьеса рассматривается исследователем как обличительная, выражающая антимоноархические настроения народа. «Вера крестьянства в „хорошего царя“, — говорится во вводной статье, — всегда имела утопический характер, т. е. предполагала „хорошего царя“ в будущем, к царствующему же, реальному царю крестьянство и вообще демократические „низы“ относились если не враждебно, то во всяком случае далеко не сочувственно» (стр. 35). С этим положением автора трудно согласиться. Проф. П. Н. Берковым смысл народной драмы понимается как политический, точнее же проблематику драмы признать как моральную; тема ее семейная, конфликт драмы построен на борьбе за веру, которая завязывается у отца-царя с сыном-наследником. В первоначальном тексте драмы сатирических элементов не содержится совсем. Сатирическими являются вставные сцены, прикрепившиеся к этой драме позднее. Во втором варианте, приведенном в сборнике, таких сцен несколько, но содержание их не антимоноархическое, а пародирование церковной службы и высмеивание нравов церковнослужителей. Часто встречается в текстах драмы бытовая сатира (в сцене с лекарем и гробокопателем). В народе основная тема драмы была принята, как близко соответствующая действительности, в частности тому семейному деспотизму, который постоянно осуждался в лирических песнях и сказках. С дальнейшим развитием драмы в ней стала настойчивее звучать тема о самодержавном гнете. Одновременно происходило и снижение образа царя. В поздних вариантах эта пьеса соединяется с драмой «Лодка». В таких случаях тема спора о вере отступает на задний план. Выдвигается тема социально-политическая: Адольф становится волжским удальцом-разбойником, и конфликт с царем Максимилианом у него происходит из-за того, что царь не может ему простить непристойного для наследника престола поведения, общения с волжскими удальцами. В некоторых вариантах Максимилиан и сам уходит с Адольфом на Волгу, в других — царя сгоняют с трона.

Большой натяжкой представляется нам и трактовка народной сцены об Анике-воине. По мысли П. Н. Беркова, эта народная пьеса «представляет в обобщенной форме осуждение русского дворянства и его завоевательной политики, всегда не одобрявшейся народом» (стр. 29). И в этой трактовке

скорее можно усмотреть попытку домыслить содержание пьесы, чем раскрыть ее действительный смысл.

Близко к содержанию «Максимилиана» трактует П. Н. Берков и «Комедию о Индрике и Меленде». «В этой пьесе, — говорит автор, — проводится мысль, что царь, находящийся на престоле, способен на самые гнусные, отвратительные поступки» (стр. 31). А между тем в тексте драмы эту мысль как основную идею драмы усмотреть никак нельзя. Автор комедии, наоборот, стремится всячески выгородить царя, подчеркивая, что виновником «гнусных и отвратительных» поступков является царский советник, который в конце концов и несет за это наказание. Царь как правитель в пьесе вовсе не осуждается. Недаром положительных героев автор пьесы ведет прямой дорогой на трон и в самом царствовании не только не видит ничего зазорного, но оценивает эту миссию героя как идеальный вид существования. В этой своей идее «Комедия о Индрике и Меленде» полностью совпадает с содержанием волшебных сказок.

Усматривая сатирический смысл в большинстве народных пьес, П. Н. Берков не учитывает того, что социальное и политическое звучание в них появлялось позже и усиливалось чем дальше, тем больше. Эти изменения происходили одновременно с тем, что утрачивалась религиозная основа таких представлений, как «Царь Ирод» и «Аника и смерть». Варианты народных драм обнаруживают поиски народом соответствующих форм для выражения нарастающих освободительных настроений, интересов к социальной и политической проблематике и к живой жизни народа во всем ее богатстве и разнообразии.

При всех спорных положениях в трактовках пьес и в распределении материала в книге нельзя не учитывать громадного положительного значения этого издания. Впервые широкий читатель может познакомиться с народным театром во всем его многообразии.

Т. М. Акимова.

В. И. МАЛЫШЕВ. ПОВЕСТЬ О СУХАНЕ. ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОВЕСТИ XVII ВЕКА. Изд. Академии наук СССР, 1956, 223 стр.

В. И. Малышев широко известен не только как специалист по древнерусской литературе, но и как ревностный собиратель древнерусских рукописей для Пушкинского Дома. Одна из счастливых находок его — рукопись конца XVII века, содержащая повесть о Сухане и его победе над татарами. Повесть такого содержания науке не была известна. Зато хорошо известна былина о Сухане (Сухмане) и другие воинские повести о борьбе с татарщиной. Естественно было искать ключ к новонайденной повести именно в эпосе и в воинских повестях. Соответственно книга делится на три главы. В первой изучается былина о Сухане по всем ее вариантам, во второй повесть изучается в ее отношении к эпосу, в третьей она изучается относительно воинских повестей XVII века, в основном в ее связях со «Сказанием о Мамаевом побоище». Такое построение исследования следует признать логически стройным и продиктованным состоянием самих материалов. В результате повесть о Сухане получает всестороннее освещение.

Автору известно 18 печатных и 6 рукописных вариантов былины, а также 2 печатных и 2 рукописных песни о Сухмане, т. е. значительно больше, чем было известно всем предшествующим исследователям. Сопо-

ставляя эти варианты, автор шаг за шагом вскрывает развитие действия. Работа эта должна быть признана выполненной весьма искусно. У читателя создается о былине правильное и очень полное представление.

Из всех записей 23 варианта представляют собой одну в основном целостную версию, по которой Сухман, посланный Владимиром на охоту, неожиданно для себя наталкивается на татарские войска, побивает их, получает рану и возвращается в Киев. Владимир не верит ему, сажает Сухмана в погреб и посылает Добрыню на поле брани проверить слова Сухмана. Добрыня подтверждает правоту Сухмана; Владимир приказывает его выпустить, но Сухман не принимает милостей Владимира и совершает самоубийство. Конфликт между Сухманом и Владимиром есть конфликт социального порядка. По другой версии, никакого трагического конфликта нет. Сухман побеждает татар, в бою он получает смертельную рану и умирает на поле брани в присутствии Владимира, который оказывает умирающему великие почести. Эта версия была записана на Алтае.

Проблема состоит в том, что эта известная только в одной записи версия по существу совпадает с повестью, где также нет конфликта. Сухман выполняет воинский долг, умирая в бою, Владимир хочет наградить его, Сухман умирает, оплаканный матерью.

В. И. Малышев предполагает, что алтайская версия содержит древнейшую форму сюжета и что эта же древнейшая форма сохранена повестью. Такое утверждение представляется спорным. То, что из известных нам 23 вариантов ни один не сохранил ни малейших следов этой древнейшей формы и только этот вариант (притом дефектный и сокращенный) сохранил ее, представляется тем более маловероятным, что русский эпос насыщен элементами чрезвычайной архаичности. Почему же здесь, в сравнительно поздней былине, эта «древнейшая» (но все же не очень давнишняя) форма, не противоречащая нормам и идеологии эпоса, так скоро забылась? К этому надо добавить, что алтайский текст — не былина, а устный рассказ в прозаической форме; он представляет собой устную повесть, т. е. произведение иной поэтической системы, чем былина. Повесть записана от старика, который рассказал ее в развитие того, что он слышал о победе Дмитрия Иоанновича над Мамаем. В записи от него также фигурирует Мамай. Безоговорочно считать этот текст обычным былинным вариантом, как это делает автор, нельзя. Стилистический анализ этого текста мог бы подтвердить наблюдение об иной жанровой принадлежности его по сравнению с былинными вариантами и о его связях не только с эпической, но и с книжной традицией.

Мы здесь не будем вдаваться в полемику с автором, тем более, что он высказывает свою гипотезу с достаточной научной осторожностью, отнюдь не навязывая ее читателю как единственно правильную, и что иного решения проблемы пока нет. В. И. Малышев пишет: «Если он (т. е. автор повести о Сухане, — В. П.) знал обе версии былины, он выбрал ту, в которой социальная тема не была затронута; если он знал былину только северной версии, он сам исключил из нее все, что относится в ней к этой теме» (стр. 83). Важнее, чем вопрос о первичности той или иной версии, — вопрос об отличии внутреннего содержания северной версии, с одной стороны, и алтайской версии и повести — с другой. Северная версия основана на остром социальном конфликте, алтайская версия и повесть — на героическом исполнении воинского долга. Страницы, посвященные раскрытию идейного содержания повести, определению среды и исторической обстановки, в которой она сложилась, убедительны от начала до конца и принадлежат к лучшим во всей книге.

Книга богато насыщена фактами из области истории древнерусской литературы, политической, социальной, военной и бытовой истории, фольклора, палеографии, текстологии, поэтики, лингвистики и свидетельствует о прекрасной эрудиции автора. Все это придает книге характер строгого и вместе с тем логически последовательного и лаконически изложенного исследования. Книга содержит множество свежих и метких наблюдений и убеждает читателя по всем основным, выдвинутым в ней положениям. Автор увлечен красотой изучаемой им древнерусской повести, и это чувство сквозь академически строгие сопоставления и суждения передается и читателю.

На настоящем своем этапе современная фольклористика больше всего нуждается именно в строгих монографиях по отдельным памятникам народной поэзии, создаваемых во всеоружии материала и метода. Такой является монография В. И. Малышева.

В приложении приводится фотокопия всей рукописи повести, а также данные о списке с нее, сделанном в XVIII веке. Текст повести перепечатан также в отредактированном виде типографски — в прозе и с разбивкой его на стихи. В приложении впервые исправно по рукописи перепечатан текст алтайской версии. Из различных архивов напечатано шесть новых текстов былины о Сухмане и две лирические песни о нем. Дана полная библиография вариантов и обстоятельная, хотя и весьма сжато изложенная история изучения этой былины, где учтены труды не только русских, но и зарубежных ученых. Труд В. И. Малышева является новаторским по сравнению с уже сложившейся традицией в изучении былины о Сухмане.

Книга В. И. Малышева была представлена в качестве кандидатской диссертации. На защите присутствовали специалисты из Ленинграда и Москвы, которые дали высокую оценку научным качествам этой работы. Заслуженная степень была присуждена автору единогласно.

В. Я. Пропп.

STUDIES IN THE RUSSIAN HISTORICAL SONG, by CARL STIEF. Kjøbenhavn, 1953, 274 стр. (КАРЛ СТИФ. Очерки русской исторической песни)

Хотя книга Карла Стифа называется «Очерки», или «Этюды», она по замыслу автора должна составить нечто целое. В ней русская историческая песня подвергнута систематизации. Песни делятся на лирические, эпические, новые, казачьи и анекдотные. В качестве образцов лирических песен рассматриваются 5 песен из сборника Ричарда Джемса (не рассматривается песня «Бережечик зыблется»), в качестве эпических — песня о смерти Отрепьева и песня о М. В. Скопине-Шуйском; образцами «новых» песен служат песни о смерти царицы Анастасии Романовны и баллада об убийстве князем Романом своей жены. В качестве казачьих рассмотрены песни о Ермаке, а в качестве анекдотной — песня о взятии Казани. Книга заканчивается разделом, который озаглавлен «Место исторической песни в русской традиционной поэзии».

Для советского исследователя такого рода попытки систематизации непривычны. В данном случае бросается в глаза невыдержанность принципа деления. Классификация произведена сразу по трем признакам: жанровой принадлежности (лирические и др.), принадлежности социальной (казачьи) и по признаку относительно хронологическому (новые).

За такой классификацией мы не можем признать познавательного значения, тем более что она приводит к нарушению принципа, который мы

считаем основным: принципа исторического развития. При данной системе сперва рассматриваются, например, песни конца XVI века (набег крымского хана), затем песни начала XVII века (в пределах сборника Джемса), затем следует возврат к концу XVI века (Ермак) и дальнейший ход назад — к взятию Казани (1552). В этих пределах располагаются и другие рассмотренные песни. Это происходит от того, что развитие жанра песни в целом автора интересует мало. В некоторых случаях отсутствие этого интереса оказывается роковым. Так, песни об участии Ермака во взятии Казани рассмотрены раньше, чем песни о взятии Казани Грозным. Между тем, чтобы объяснить участие Ермака в этом событии, как оно рисуется народной фантазии, необходимо сперва изучить песню о взятии Казани Грозным, после этого изучить песни о Ермаке и тогда уже объяснять участие Ермака в этом событии, — но такого объяснения мы не находим.

Впрочем, автор не считает создание системы своей главной задачей. Одна из главнейших задач — попытаться дать «детальный отчет о содержании» исторических песен (стр. 7—8).

Рассмотренная как серия разрозненных очерков, книга имеет для советского исследователя большую ценность. Правда, она представляет собою узко специальное исследование, и это имеет свои отрицательные стороны. Все цитаты из песен приводятся только по-русски, вследствие чего содержание книги понятно только хорошо знающим русский язык: она не служит целям популяризации красот русской народной поэзии, не открывает их западноевропейскому читателю, она назначается для узкого круга специалистов. Зато как узко специальное исследование работа Стифа характеризуется рядом важных достоинств. Там, где автор считает это нужным, даются сжато написанные очерки собственно исторической основы или исторического фона песен; так, подробно и с большим знанием дела излагается история набегов крымских татар на Москву, что служит надежной базой для весьма осторожной, но и весьма убедительной датировки песни о набеге крымского хана на Москву из сборника Джемса (стр. 20—36). В связи с анализом песен о Скопине-Шуйском дается детальная характеристика этого исторического героя и его деяний, что много объясняет в песне (стр. 47—54, стр. 96 и сл.). Детально изложена история гибели Ажедмитрия. В других случаях автор касается исторических событий менее подробно (деятельность Ермака, взятие Казани), так как детальное сопоставление с историей в этих случаях для замысла автора не имело бы решающего значения. В своих исторических этюдах автор обнаруживает эрудицию, которой мог бы позавидовать специалист историк. К. Стиф свободно владеет материалами исторических актов и документов, как русских, так и польских и западноевропейских.

Другое важное достоинство книги К. Стифа состоит в том, что анализ песен ведется на основе строго критического отношения к каждому из вариантов. Как правило, в главы об отдельных песнях входят разделы под заглавием «Варианты». Обзор вариантов дается в хронологическом порядке их записи. Где это нужно, варианты рассматриваются также в свете памятников древнерусской письменности и летописей. В отдельных случаях автором сделан ряд ценных наблюдений. Так, например, Карл Стиф справедливо сетует на наших фольклористов, которые не обратили должного внимания на то, что бессоновский вариант песни о смерти Отрепьева был найден в бумагах Калайдовича (стр. 69). Автор убедительно доказывает, что этот вариант относится к концу XVII века и представляет величайшую ценность (Кир. VII, стр. 62). Попутно отметим, что автор подробно излагает историю рукописи Ричарда Джемса; здесь даже специалист най-

дет кое-что для себя новое и интересное, так как использованы не дошедшие до нас зарубежные работы.

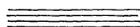
Прекрасное знание исторического и фольклорного материала в соединении с детальным знанием работ своих предшественников дают автору возможность прокомментировать изучаемые им песни, и в этом основная ценность книги. Убедительные датировки, раскрытие неясных имен и забытых исторических обстоятельств, объяснение отдельных непонятных современному читателю мест, а иногда и слов — все это с благодарностью будет воспринято нашей наукой. Мимо работы К. Стифа не сможет пройти ни один исследователь, издатель или комментатор тех песен, которые рассмотрены в этой книге.

В тех случаях, когда песни представлены достаточным количеством вариантов, автор восстанавливает картину эволюции песни. В этом отношении особенно удачным и убедительным представляется изложение эволюции песни о Скопине-Шуйском. Возникнув в Москве как непосредственный отклик на смерть Скопина-Шуйского, она постепенно теряла свой остро исторический характер, была притянута былиной и впоследствии превратилась из песни о политическом убийстве в песню об убийстве из мести любовного характера.

Особого внимания заслуживает глава о песне на смерть царицы Анастасии Романовны. В противоположность мнениям Шамбинаго, Ю. Соколова, Астаховой и других, которые не сомневались в самостоятельности этой песни как непосредственного отклика на смерть царицы, Стиф утверждает, что она возникла как своего рода надстройка над песней о Кострюке, как предистория женитьбы на Марии Темрюковне. Эта гипотеза, аргументированная весьма убедительно и осторожно, заслуживает серьезного внимания. В этой связи необходимо указать, что Стиф открыл следы утерянной песни об Анастасии Романовне, известной историкам, но не замеченной фольклористами. Пользуясь публикацией судебного документа в «Записках Московского археологического института» (т. XIV, «Слово и дело государевы», т. I, 1911) и статьей Л. В. Черепнина «„Смута“ и историография XVII века» («Исторические записки», т. 14, 1945), автор остроумно и убедительно реконструирует содержание песни, исполнение которой привело певца под следствие.

Отсутствие идейного анализа приводит автора к явно ошибочным положениям. Мнение, будто песня о взятии Казани представляет собой «простой анекдот» об остроумном ответе пушкаря Грозному, уподобляемый сказочным анекдотам о Петре и солдате, без всяких попыток изучить образ Грозного и внутренний смысл воспеваемых событий, не будет принято нашей наукой, равно как и утверждение, что вариант Кирши Данилова, явно противоречащий этой концепции, есть произведение не поэта-сказочника, а ученого человека, знавшего историю. Когда попытка В. И. Чичерова найти здесь изображение исторических сил объявляется модернизацией (стр. 249), это звучит как отказ изучить идеологию песни. Такой отказ приводит к непониманию фигуры Ермака, который рассматривается в основном как завоеватель Сибири, что никак не соответствует песенным материалам, приводимым в книге.

Однако — несмотря на такие, с нашей точки зрения, ошибочные мнения — в книге так много полезного и нужного, что своими лучшими сторонами она войдет в обиход нашей науки.

В. Я. Пропп.

П. Н. БЕРКОВ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИБЛИОГРАФИИ ЛИТЕРАТУРЫ О РУССКИХ НАРОДНЫХ (ЛУБОЧНЫХ) КАРТИНКАХ

(К 75-ЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ «РУССКИХ НАРОДНЫХ КАРТИНОК» Д. А. РОВИНСКОГО)

В 1881 г. вышли в свет «Русские народные картинки» Д. А. Ровинского. С этого времени научная работа в ряде областей фольклора, отчасти истории литературы и театра стала невозможна без обращения к этому классическому труду. Однако сводного библиографического перечня материалов о русском лубке нет, и это несомненно отзывается неблагоприятно на изучении предмета и связанных с ним вопросов. Восполнить этот пробел — задача предлагаемых «Материалов».

В настоящую библиографию включены только те работы, которые или целиком посвящены народным картинкам, или содержат материалы, в каком-либо отношении представляющие интерес при изучении лубка. Поэтому сюда вошли: а) библиографии литературы о народных картинках; б) специальные работы о них; в) атласы, альбомы и каталоги выставок и коллекций народных картинок; г) упоминания о лубочных картинках; д) материалы о собирании и изучении народных картинок.

Весь материал расположен в хронологической последовательности. В пределах года сначала указываются в алфавитном порядке фамилии авторов, отдельно изданные книги и брошюры, затем — с возможным соблюдением хронологии — статьи и заметки в периодических изданиях. Аннотациями сопровождаются лишь те работы, заглавия которых недостаточно ясны. Так как настоящая библиография составлялась постепенно, в процессе различных историко-литературных занятий и не была предпринята как специальное самостоятельное разыскание, мне трудно указать использованные источники (кроме, разумеется, перечисленных ниже энциклопедий и библиографических трудов). Почти все записи проверены *de visu*.

1. Страхов, Н. И. Мои петербургские сумерки. СПб., 1810, ч. II, стр. 50—51: статья под заглавием «Народные картинки».
2. Макаров, М. О Московских ведомостях, изданных в царствование государя императора Петра Великого. — Вестник Европы, 1821, ч. 117, № 9, стр. 53—54, прим. 2: о картинке «Мыши kota погребают».
3. Св[егирев], И. Русская народная галерея, или лубочные картинки. — Отечественные записки, 1822, ч. XII, № 30, стр. 84—96.
4. [Свянин, П. П.]. Примечание издателя «Отечественных записок». — Там же, стр. 97—98: о принципах классификации лубочных картинок.
5. Св[егирев], И. О престолярных изображениях. — Труды Общества любителей российской словесности, 1824, ч. IV, кн. 10, стр. 119—148.

Некоторые экземпляры этого издания носят название: «Сочинения в прозе и стихах. Труды Общества любителей российской словесности».

6. Макаров, М. Догадки об истории русских сказок. — Московский телеграф, 1830, ч. 22, стр. 163—164: о сюжетах картинок «Бабы увертки», «Погребение кота» и «Шемякин суд».
7. Макаров, М. Листки из пробных листов для восстановления истории русских сказок. — Телескоп, 1833, № 21, стр. 114: упоминание о лубочных картинках.
8. Пушкин, А. С. Станционный смотритель. — Повести, изданные Александром Пушкиным. СПб., 1834, стр. 96—97, 98: немецкая народная картинка «История блудного сына». См. № 174.
9. Dahl, W. F., Dr. Ueber die Schriftstellerei des russischen Volks. — Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands, 1835, B. IV, № 1, Ss. 37—54.
10. Скромненко, Сергей [Строев, С. М.]. Народные увеселения в Елисейских полях и в Сен-Клу (окончание). — Санктпетербургские ведомости, 1839, 5 августа, № 177, стр. 800: сравнение французских лубочных картинок с русскими; о картинке «Мыши кота погребают».
11. Сахаров, И. П. Русские народные сказки. СПб., 1841, стр. LXXI—LXXII: лубочные картинки и сказки.
12. [Белинский, В. Г.] Цын-Киу-Тонг, или Три добрые дела духа тьмы. Фантастический роман в четырех частях Р. Зотова. СПб., 1840. — Отечественные записки, 1841, т. XIV, № 1, отд. VI, стр. 16: о лубочных картинках «Как мыши кота погребают» и «Как пришел Яков, ерша смякал». См. № 186.
13. [Белинский, В. Г.] Абадонна. Сочинение Николая Полевого. Изд. 2, СПб., 1840. — Отечественные записки, 1841, т. XV, № 3, отд. VI, стр. 10: о народной картинке «Сирин». См. № 187.
14. Снегирев, И. М. Лубочные картинки. — Москвитянин, 1841, ч. III, кн. 5, стр. 131—162.
15. Снегирев, И. Памятники Московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы. М., 1842—1845, стр. LXVIII—LXIX, LXXXII, XCVII, 335: о гравировании и лубочных картинках.
16. [Белинский, В. Г.] Русская литература в 1841 году. — Отечественные записки, 1842, т. XX, № 1, отд. V, стр. 6: о значении народных картинок. См. № 188.
17. Снегирев, И. М. О лубочных картинках русского народа. М., 1844, 33 стр. См. № 18.

Рец.:

- 1) Современник, 1845, т. 38, № 5, стр. 251—252.
- 2) Отечественные записки, 1845, т. XXXIX, № 4, отд. VI, стр. 38—40.
- 3) Белинский, В. Г. Русская литература в 1845 году. — Отечественные записки, 1846, т. XLIV, № 1, отд. V; Полное собрание сочинений, под ред. С. А. Венгерова, т. X, СПб., 1914, стр. 117.

18. Снегирев, И. М. О лубочных картинках русского народа. — Сборник исторических и статистических сведений о России. Изд. Д. Валуева, т. I, М., 1845, стр. 191—221. См. № 17.
19. Максимович, М. А. Лубочные изображения малороссийских городов (с 2 илл.). — Киевлянин, 1850, кн. 3, стр. 186—188.
20. Лубочные картины. — Справочный энциклопедический словарь, под ред. А. Старчевского. Т. VII (Л—Мар), СПб., 1853, стр. 292—294.
21. Пушкин, А. С. [О немецкой лубочной картинке о блудном сыне и о русских картинках «Погребение кота» и «Спор красного носа с сильным морозом»]. — Сочинения, под ред. П. В. Анненкова. СПб., 1855, т. I, стр. 274—275 (иан: Анненков, П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. СПб., 1855, стр. 274—275). См. №№ 109 и 175.
22. С—т [Котляревский, А. А.] Взгляд на старинную русскую жизнь по народным лубочным изображениям. — Московские ведомости, 1856, литературный отдел, № 132, стр. 553—555; № 135, стр. 569—571 и № 137, стр. 577—579. См. № 62.
23. Попов, Н. А. Заметка по поводу статьи «Взгляд на старинную жизнь по народным лубочным изображениям». — Там же, 1856, литерат. отдел, № 137, стр. 579. См. № 22.
24. С—т [Котляревский, А. А.] Несколько данных из лубочных картин. — Там же, 1856, литературный отдел, № 156, стр. 663—665. См. № 63.
25. Стасов, В. В. Разбор сочинения Д. Ровинского: Обзорение русского гравирования на металле и на дереве до 1725 года — Отчет о втором присуждении наград графа Уварова 25 сентября 1858 года. СПб., 1858, сто. 61—69: о народных картинках «Баба-Яга» и «Мыши кота погребают». См. № 80.
26. Блюммер, Л. Современные лубочные картинки. — Светоч, 1860, № 5, отд. II, стр. 24—34.

27. Блюммер, Л. Чему могут служить лубочные картины? Заметки по поводу современного вопроса о народной грамотности и народном образовании. — Светопись, 1859, № 3, стр. 71—75 и отд.: СПб., 1859, 16 стр.

Есть интересный материал о картинках русских и украинских.

28. Белинский, В. Г. Собрание сочинений. М., 1860, т. V, стр. 206—207: цитата из предисловия к «Русским народным сказкам» И. П. Сахарова. См. № 190.

29. Снегирев, И. Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861, 136 стр.

Рец.:

1) Котляревский, А. Старина и народность за 1861 г. — Московские ведомости, 1861, № 92; Котляревский, А. Старина и народность. М., 1862, стр. 86—87. См. № 64.

2) Блюммер, Л. П. — Наше время, 1861, № 26.

3) Библиографические записки, 1861, № 20, стр. 694.

30. Буслаев, Ф. И. О русских народных книгах и лубочных изданиях. — Отечественные записки, 1861, № 9, отд. III, стр. 1—68. См. № 121; по поводу № 29.

31. Стасов, В. В. Изображение преподобного Ильи Муромца, чудотворца печерского, на гравюре XVII века (с рисунком). — Известия императорского археологического общества, т. III, вып. 2, 1861, табл. 122—126.

32. Стасов, В. В. Лубочные картинки: Баба-яга и Мыши kota погребают (с двумя рисунками). — Там же, вып. 3, 1861, стр. 422—423. См. № 79.

33. Безобразов, В. П. Путевые записки. — Русский вестник, 1861, июль, стр. 294—298: об изготовлении лубочных картин в селе Мстере Влад. губ. и торговле ими.

34. Лубочные картины. — Настольный словарь Ф. Толля, т. III (1864), стр. 732, и дополнения, стр. 291 (1271).

35. Гольшев, И. А. Богоявленская слобода Мстера. — Труды Владимирского губернского статистического комитета, 1865, вып. IV, стр. 42—43: промышленность женщин — раскраска «черных» лубочных картин (с 1840 г.).

36. Трохимовский, Н. Офени. — Русский вестник, 1866, июнь, стр. 579—581: о народных картинках.

37. Буслаев, Ф. И. И. М. Снегирев (1793—1868). — Московские университетские известия, 1869, № 1, стр. 59 и 61 и отд.: стр. 4 и 6: работы И. М. Снегирева о лубочных картинках.

38. Гольшев, И. А. Лубочные старинные народные картинки. Происхождение, гравирование и распространение их. — Владимирские губернские ведомости, 1869, №№ 39, 41, 43 и 46; Труды Владимирского губернского статистического комитета. т. VIII (1870), стр. 48—99 и отд.: Владимир, 1870, 2 нел., 99 стр. <должно быть: 51> и 3 лл. снимков. См. № 92.

39. Долгорукий, И. М., кн. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 г. — Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских, 1870, кн. 1, стр. 23—24 (о карикатурах от Спасского моста), 24 (о картинке: «Мыши kota погребают»), 48 (о картинах со Спасского моста) и отд.: М., 1870, стр. 23—24, 24, 48. См. № 152.

40. [Ивановский, А. Д.] И. М. Снегирев и дневник его воспоминаний с 1821—1865 год. СПб., 1871, стр. 82: письмо Снегирева к В. Г. Анастасевичу от 25 мая 1844 г. о лубочных картинках.

41. Межов, В. И. История русской и всеобщей словесности. Библиографические материалы. СПб., 1872, стр. 18—19: литература о лубочных картинках.

42. Лубочные картины. — Русский энциклопедический словарь. Отд. III, т. 1 (Л—М). СПб., 1874, стр. 503.

43. Гольшев, И. А. Сельская литография. — Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета, т. I, вып. 1, 1875, стр. 60—68: о производстве лубочных картинок.

44. Гольшев, И. Лубочная старинная картинка «Мыши kota погребают» и некоторые прежние народные гравюры. — Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета, т. II, стр. 150—174 и отд.: Владимир, 1878, 31 стр. См. № 94.

Рец.:

1) [Гильдебрант, П. А.] — Древняя и новая Россия, 1878, № 5, стр. 84.

2) И[конников], В. — Русская старина, 1879, № 2, стр. 3 обложки.

45. Гольшев, И. А. Изображение храма — лубочная старинная гравюра. — Владимирские губернские ведомости, 1878, № 2. См. № 93.

46. Гольшев, И. А. Отписки с двух старинных гравировальных досок с изображением: Распятия Христова и Иисус Христос, сидящий в гробе в багрянце. — Владимир-

ские губернские ведомости, 1879, № 24 и отд.: Владимир, 1879, 7 стр., 2 рис. См. № 95.

47. [Ровинский, Д. А.] Русские народные картинки. Собрал и описал Д. Ровинский. Кн. I. Сказки и забавные листы. СПб., 1881, XVI, 510 стр. Кн. II. Листы исторические, календари и буквари. СПб., 1881, 530 стр. Кн. III. Притчи и листы духовные. СПб., 1881, 750 стр. Кн. IV. Примечания и дополнения. СПб., 1881, 788 стр. кн. V. Заключение и алфавитный указатель имен и предметов. СПб., 1881, 567 стр. (Сборник ОРЯС, 1881, тт. 23—27). См. №№ 48 и 99.
48. [Ровинский, Д. А.] Русские народные картинки. Собрал и описал Д. А. Ровинский. Атлас. Т. I, <№№> 1—135. СПб., 1881, 6 нен. стр. и 136 илл. [в лист]; СПб., 1881, т. I, <№№> 137—284, 2 нен. стр. и 148 илл. Атлас. Т. II. <№№> 294—684. СПб., 1881, 2 нен. стр., 391 илл. Атлас. Т. III. <№№> 686—1650. 2 нен. стр. и 964 илл. Атлас. Т. IV, содержащий в себе 118 картинок, извлеченных из Материалов для русской иконографии. СПб., 1884—1891 гг. СПб., 1893, текст на об. титул. л., 118 илл. Атлас, во избежание цензурного просмотра, был издан в количестве 250 экз. в лист. Существует вариант этого издания в 7 частях. Мне не пришлось его видеть.
- Рец на №№ 47 и 48:*
- 1) [Пыпин, А. Н.] — Вестник Европы, 1881, № 7, стр. 436—437.
  - 2) Гагета А. Гатцунка, 1881, т. 7, № 43.
  - 3) Стасов, В. В. — Журнал министерства народного просвещения, 1881, № 10, отд. II, стр. 312—401; Отчет о 25-м присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1883, стр. 10—105. См. №№ 56 и 81.
  - 4) Забелин, И. Е. — Исторический вестник, 1881, № 10, стр. 423—433.
  - 5) Z. Замечательное русское издание. — Московские ведомости, 1881, № 201.
  - 6) Б—в, И. — Новости, 1881, №№ 329 и 344.
  - 7) —в. — Порядок, 1881, № 239.
  - 8) Н[екрасова], Е. — Русские ведомости, 1881, № 194.
  - 9) Русский вестник, 1881, т. 154, № 7, стр. 377—388.
49. Собко, Н. П. Древние изображения русских царей и их посольств за границу в старых и новых гравюрах. — Сборник Археологического института, кн. V (1881), стр. 237—412: есть несколько сведений и о лубочных картинах на исторические темы.
50. Некрасова, Е. Лубочные картины. — Русская мысль, 1881, № 11, стр. 39—71: по поводу №№ 47 и 48.
51. Пономарев, А. Народные листы и картинки духовного содержания. — Странник, 1881, № 11, стр. 406—415; № 12, стр. 604—626: по поводу №№ 47 и 48.
52. Х[арламов], И. Русский народный юмор (по поводу «Русских народных картинок» Д. А. Ровинского). — Дело, 1881, № 12, отд. 2, стр. 1—36; по поводу №№ 47 и 48.
53. Бестужев-Рюмин, К. Н. Заметка по поводу труда г. Ровинского «Русские народные картинки». — Исторический вестник, 1882, № 2, стр. 496.
54. Морозов, П. О. Из истории карикатуры. — Заграничный вестник, 1882, № 5, стр. 243—268; № 9, стр. 379—415; № 12, стр. 449—465: о русских картинках — со стр. 395 сентябрьской книжки журнала. См. № 106.
55. Images et dessins populaires russes jusqu'à 1860. Edition Sitine et Co. M., 1883 (?), 86 картин.
56. Веселовский, К. С. Отчет о двадцать пятом присуждении наград графа Уварова <...>. — Отчет о двадцать пятом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1883, стр. 2—8: краткий пересказ отзыва В. В. Стасова. См. № 48, рец. 3.
57. Гольшев, И. А. Заметка по археологии о гравюре Матвеева. — Владимирские губернские ведомости, 1883, № 23. См. № 97.
58. Гольшев, И. А. Старинная лубочная картинка: Душа чистая. — Владимирские губернские ведомости, 1884, № 49. См. № 96.
59. [Гольшев, И. А.] Картинное и книжное народное производство и торговля. Рассказ И. А. Гольшева, основателя и владельца литографии в слободе Мстере. 1858—1886. — Русская старина, 1886, № 3, стр. 679—726.
60. Стасов, В. В. Старая и новая Россия в картинках. Материалы для русской иконографии Д. А. Ровинского. — Вестник Европы, 1886, № 11, стр. 429—430: значение «Русских народных картинок» Ровинского. См. № 82.
61. Булгаков, Ф. И. Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства. Т. I. С изобретения книгопечатания по XVIII век включительно. СПб., [1889], стр. 347—350: лубочные картинки.

62. **Котляревский, А. А.** Взгляд на старинную русскую жизнь по лубочным изображениям. — Сочинения. СПб., 1889, т. I, стр. 25—64. См. № 22.
63. **Котляревский, А. А.** Несколько данных из лубочных картин. — Там же, стр. 65—75. См. № 24.
64. **Котляревский, А. А.** Старина и народность за 1861 г. — Там же, стр. 610—615. См. № 29, рец. 1.
65. **Рубакин, Н. А.** Опыт программы для исследования литературы для народа. СПб., 1889, стр. 23: Гл. 6. О картинках.
66. Историко-литературные материалы и письма 1853—1855 гг. — Русская старина, 1889. № 4, стр. 37—38, 40: о лубочных картинках, подаренных В. И. Далем.
67. **Пышин, А. Н.** История русской этнографии. Т. I. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская. СПб., 1890, стр. 306; об И. П. Сахарове как исследователе народных картинок; стр. 325—326: И. М. Снегирев как исследователь лубочных картинок.
68. **Ровинский, Д. А.** Материалы для русской иконографии. СПб., 1890, вып. VII, №№ 257—277; вып. VIII, №№ 283—306; вып. IX, №№ 326—347; вып. X, №№ 368—376; вып. XI, №№ 419—427; СПб., 1891, вып. XII, № 462. Лубочные картинки, частично не вошедшие в №№ 47 и 48.
69. **Астырев, Н. М.** Очерки быта населения Восточной Сибири. — Русская мысль, 1890, № 8, стр. 34—40: лубочные картинки у сибирских крестьян.
70. **Фирсов, Н. Н.** Из области народных картин (наброски по собранию народных картин Ровинского). — Ученые записки императорского Казанского университета, 1890, кн. 5, сентябрь—октябрь; стр. 63—84 и отд.: Казань, 1890, 24 стр.
- I. Образчики критического отношения к пьянству в народных картинках; II. Образчики романа в народных картинках; III. Нравственный идеал в народных картинах.
71. **Житецкий, Ир.** Лубочные картинки на малорусские темы. — Киевская старина, 1890, № 12, стр. 503—507.
72. Краткий пояснитель к выставке народных картин, устроенной Петербургским комитетом грамотности. СПб., 1891.
73. **Чайченко, Василь.** Малюнки простолюдних московських книгарів на українські сюжети. — Зоря (Львов), 1891, №№ 14, 15.
74. Выставка лубочных картин. — Новое время, 1891, 30 сентября, № 5599, стр. 2.
75. По поводу выставки народных картин — Посредник печатного дела, 1891, № 4, стр. 3—4.
76. Лубочные картины. — Новое время, 1891, 24 октября, № 5623, стр. 3: о докладе И. А. Шляпкина о лубочных картинах за последние 30 лет.
77. **Воленс, В. П.** Первая выставка народных картин в С.-Петербурге. — Наблюдатель, 1892, № 3, стр. 113—130.
78. **Забелин, И. Е.** Заметка о памятниках простонародной литературы. — Библиографические записки, 1892, № 2, стр. 79—83: три неизвестных лубочных картинки — «Таблица», «Повесть о сером и добром коте» и «Список глухого <фальшивого> паспорта».
79. **Стасов, В. В.** «Баба Яга» и «Мыши kota погребают». — Сочинения, СПб., 1894, т. I, ч. 1, стлб. 61—62. См. № 32.
80. **Стасов, В. В.** Разбор сочинения Д. А. Ровинского «Обозрение русского гравирования на металле и на дереве до 1725 года». — Там же, т. II, ч. III, стлб. 66—70. См. № 25.
81. **Стасов, В. В.** Разбор сочинения Д. Ровинского «Русские народные картинки». СПб., 1881, 5 томов с атласом. — Там же, т. II, ч. III, стлб. 595—686. См. № 48, рец. 3.
82. **Стасов В. В.** Старая и новая Россия. «Материалы для русской иконографии» Д. А. Ровинского. — Там же, т. III, ч. III, стлб. 1027—1028. См. № 60.
83. **Новицкий, А. П.** Сатирические картинки как материал для истории России. — Русское обозрение, 1894, № 1, стр. 325—342; № 2, стр. 803—815.
84. Народные картины. Лубочные. Товарищество И. Д. Сытина в Москве. [1894? 1896?], 111 картин черных и 35 раскрашенных от руки. [Название на переплете, тит. л. нет].
85. **Мальмгрен, А. Э.** Каталог коллекции народных картинок, принадлежащих А. Э. Мальмгрен. Ч. I. Картины, изданные в России. СПб., 1895, 38 стр. литогр.: опись 247 №№.
86. Картинки лубочные. Изд. Гальперина и Швейцера. Одесса, 1896, 4°.
87. **Пругавин, А. С.** Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. Изд. 2. СПб., 1895, стр. 318—365: Торговля народными книгами и картинами в г. Вязниках; Среди офеней; Г. Гольшев и его торговля; «Листовка»; Что разносят тульские книгоноши?

88. С[омо]в, А. Лубочные картинки. — Энциклопедический словарь изд-ва Ф. Брокгауз и И. Ефрон, т. 35 (1896), стр. 57—58.
89. Публичное собрание императорской Академии наук в память ее почетного члена Д. А. Ровинского 10 декабря 1895 г., СПб., 1896, стр. 25—28 и 36—37: Стасов, В. В. Воспоминания товарища о Д. А. Ровинском [работы Ровинского по народным картинкам].
90. Гольшев, И. А. Переписка с разными учеными лицами. Владимир, 1898, стр. 8, 15, 52, 92, 100, 110—114, 118—120, 128, 133, 144, 161, 167, 169, 171, 173, 177, 178, 180—181, 187, 189—192, 194, 196—198, 202, 216, 251, 259, 293, 323, 335—339, 346, 357, 362, 380, 391; стр. 406—420: Переписка с Д. А. Ровинским.
91. Мальмгрэн, А. Э. Русские картинки для народа. — Русский труд, 1898, № 42, стр. 28—29.
92. Гольшев, И. А. Лубочные старинные народные картинки. Происхождение, гравирование и распространение их (с 3 рис.). — Собрание сочинений И. А. Гольшева. Под ред. А. Э. Мальмгрэн. Т. I, вып. 1, СПб., 1899, стр. 3—47. См. № 38.
93. Гольшев, И. А. Изображение храма. (Оттиск с деревянной печатной доски) (с рис.). — Там же, стр. 48—49. См. № 45.
94. Гольшев, И. А. Лубочная старинная картинка: «Мыши kota погребают» и некоторые прежние народные гравюры (с рис.). — Там же, стр. 50—71. См. № 44.
95. Гольшев, И. А. Оттиски с двух старинных гравировальных досок, с изображением: Распятия Христа и Иисус Христос, сидящий в гробе в багрянице (с 2 рис.). — Там же, стр. 72—76. См. № 46.
96. Гольшев, И. А. Старинная лубочная картинка «Душа чистая». — Там же, стр. 77—78. См. № 58.
97. Гольшев, И. А. Заметка по археологии о гравере Матвееве. — Там же, стр. 79—80. См. № 57.
98. Кони, А. Ф. Ровинский, Дмитрий Александрович. — Энциклопедический словарь изд-ва Ф. Брокгауз и И. Ефрон, т. 52 (1899), стр. 870—873.
99. [Ровинский, Д. А.] Русские народные картинки. Собрал и описал Д. Ровинский. Посмертный труд печатан под наблюдением Н. Собко. СПб., 1900, т. I, 288 стлб.; т. II, стлб. 289—520. См. № 47.

Рец.:

- 1) Новости, 1900, № 287.
  - 2) Северов. — Там же, № 290.
  - 3) —. — Русские ведомости, 1900, № 309.
  - 4) Яцимирский, А. И. — Курьер, 1901, № 8.
  - 5) Морозов, П. — Мир божий, 1901, январь, библиограф. отд., стр. 94—99.
  - 6) П[огодин], А. — Журнал министерства народного просвещения. 1901. № 4, стр. 853—854.
  - 7) Ал[ександров], Ан. — Исторический вестник, 1901, № 5, стр. 782—783.
100. Федорова, М. Ф. Алфавитный указатель к труду Д. А. Ровинского: Русские народные картинки. СПб., 1900, 64 стлб.
Стлб. 59—64: Оглавление I и II тома «Русских народных картинок» Д. А. Ровинского». См. № 99.
101. Гринченко, Б. Д. Каталог музея украинских древностей В. В. Тарновского, вып. II, Чернигов, 1900, стр. 136—137: о лубочных картинках на тексты Гоголя.
102. Бурцев, А. Е. обстоятельное библиографическое описание редких и замечательных книг <...>, лубочных картинок <...>. СПб., 1901, тт. I—VII.
См. т. VI, стр. 167: «Список <лубочных> книг, книжек, листов и листочков, находящихся в библиотеке А. Е. Бурцева» (49 №№). См. также по указателю в т. VII.
103. Рубакин, Н. А. Какими способами распространять книги на Руси. Очерк первый. По протоенной дорожке офень. — Образование, 1901, № 1, стр. 86—99; № 2, стр. 82—99; № 3, стр. 20—31: есть о продаже офенями народных картин.
104. Капустин, М. И. Лубочная картинка начала XIX столетия «Разговоры между профессором и крестьянином». — Труды Пермской ученой архивной комиссии, т. IV (1901), стр. 153—157.
105. Русские насодные картинки. Изд. Первого дамского художественного кружка. Серия I, СПб., 1902, 10 лл. Серия II, 1905, 10 лл.

Это стилизация под народные картинки, работы И. Билибина, Д. Кардовского, Н. Самокиша и др.

106. Морозов, П. О. Минувший век. Литературные очерки. СПб., 1902, стр. 1—127: Из истории карикатуры (о лубочных картинках, стр. 66—127). См. № 54.
107. Сперанский, М. Н. Гоголь в народной книжке и картинке. — Гоголевский сборник, под ред. проф. М. Сперанского. Киев, 1902, стр. 181—183: о лубочных картинках на тексты Гоголя.
108. Гоголевская выставка. IX — Гоголь в народной книге и картинке. — Там же, стр. 276—278.
109. Пушкин, А. С. [Станция (Отрывок)]. — Шляпки и н, И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903, стр. 49 и 50—51. См. № 21 и 175.
110. Петров, А. Современные русские народные картинки. — Антиквар, 1903, февраль—март, № 11—12, стр. 335—346.
111. Ветринский, Ч. Народные картины. — Мир божий, 1903, № 12, стр. 1—29.
112. Лемке, М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904, стр. 259—261: установление цензуры лубочных картин.
113. Снегирев, И. М. Дневник. I. 1822—1852. С предисловием А. А. Титова. М., 1904, стр. 4, 12, 74 (об авторе картинки «Мыши kota погребают»), 269, 346, 351, 355, 363, 369, 373. II. 1853—1865. М., 1905, стр. 25, 63, 88, 89, 90 (о Д. А. Ровинском и его коллекции лубочных картинок), 109, 120, 122—124, 135, 136, 140, 141, 144, 145, 150, 157, 162, 164, 190, 191, 205—206 (о том, что альбом картинок Снегиревым не был издан), 235, 236.
114. Белокозский, И. П. Лубочная литература о японско-русской войне. — Образование, 1904, № 5, отд. II, стр. 80—91; № 7, отд. II, стр. 105—112; 1905, № 1, отд. I, стр. 41—63: есть о лубках и карикатуре.
115. Забелин, Ив. История города Москвы. Изд. 2, М., 1905, стр. 637—651: лубочные картины и торговля ими на Спасском мосту.
116. Данилов, В. В. Украинские лубочные песенники. — Киевская старина, 1905, июнь, стр. 213—228: о лубочных картинках на обложках песенников. См. № 120.
117. Кони, А. Ф. Очерки и воспоминания. (Публичные чтения, речи, статьи и заметки). СПб., 1906, стр. 592—610: Д. А. Ровинский и его «Русские народные картинки».
118. Данилов, В. Народные картинки на темы украинской жизни. — Киевская старина, 1906, № 2, стр. 23—28.
119. Новицкий, А. Памяти Д. А. Ровинского. — Русская мысль, 1906, № 2, стр. 162—164: «Русские народные картинки».
120. Данилів, В. Додатки до огляду українських лубяних співанників та малюнків. — Україна, 1907, № 3, стр. 390—393 и отд.: Київ, 1907, 4 стр. См. № 116.
121. Буслаев, Ф. И. О русских народных книгах и лубочных изданиях. — Сочинения. Т. I. Сочинения по археологии и истории искусства. СПб., 1908, стр. 303—366. См. № 30.
122. [Мендельсон, Н. М., Грузинский, А. Е. и Языков, Д. Д.] Общество любителей российской словесности при Московском университете. Историческая записка и материалы за сто лет. М., 1909, приложения, стр. 86: о докладе, читанном 24 февраля 1823 г. И. М. Снегиревым «О простонародных картинках».
123. Тарасов, Е. Снегирев, Иван Михайлович. — Русский биографический словарь («Смеловский—Суворина»), СПб., 1909, стр. 9: о работе Снегирева по изучению лубочных картинок.
124. [Лященко, А. И. и Модзалевский, Б. Л.] Каталог выставки в память А. В. Кольцова в императорской Академии наук. СПб., 1909, стр. 20—22: Лубочные картины (27 №№); Изд. 2, СПб., 1909, стр. 21—22: Лубочные картины (27 №№).
125. Бельский, Л. П. Русские народные лубочные картинки. — Северное сияние, 1909, № 4, стр. 5—23 (с 17 снимками).
126. Памяти Алексея Васильевича Кольцова. Изд. Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1910, стр. 30: Лубочные картины (14 №№).
127. Дунаев, Б. И. Русские народные картины XIX века. — Древности. Труды Славянской комиссии. Т. V, 1911, протоколы, стр. 29: краткое содержание доклада о картинках со времени введения цензуры для них.
128. Переладский, П. О старинной картинке «Похороны Костромы». — Вестник археологии и истории. 1911, вып. XX, стр. 90—96 и отд.: СПб., 1911, 7 стр.
129. Булгаковский, Д. Г. Народные карикатуры-картинки, вышедшие в Отечественную войну. С их общей характеристикой. СПб., 1912, 25 стр.
130. Вережагин, В. А. Русская карикатура. II. Отечественная война. Терехнев, Венецианов, Иванов. СПб., 1912, 182 стр., 5 вклад. иллюстр.
131. Артемьев, К. Карикатуры эпохи Отечественной войны. — «1812 год» (журнал), 1912, № 1, стр. 40—41; № 2, стр. 75—76; № 3, стр. 113—114: карикатуры воспроизведены и в других №№ журнала.

132. Пер., Б. Археологическая коллекция В. Ф. Кулакова (Лубочные картинки с текстом). — Известия Археологического общества по изучению русского Севера, 1912, № 5, стр. 199—205.
133. Зеленин, Д. К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700—1910 г. (Жилище. Одежда. Музыка. Искусство. Хозяйственный быт). СПб., 1913, стр. 296: Русские лубочные картинки (№№ 3545—3553).
134. [Ульянинский, Д. В.] Библиотека Д. В. Ульянинского. Т. I. М., 1913, стр. 331—352: Старина художественная и бытовая. О гравюрах, литографиях, лубках; стр. 352—364: Rovinskiana.
135. Ш[ебуев], Н. Лубочные идеалы. — Солнце России, 1913, № 18, стр. 6 (с 6 иллюстрациями на стр. 6—8).
136. Ш[ебуев], Н. П. Балалайка. — Солнце России, 1913, № 19, стр. 13—14 (с воспроизведениями народных картинок).
137. Широцкий, К. Де-шю про художню обстанову старого украинського театру. — Сяйво, 1913, ч. 7, 8, 9, стр. 198—203: с 10 воспроизведениями картинок из «Комедии притчи о блудном сыне».
138. Шеродкий, К. Живописное убранство украинского дома в его прошлом и настоящем. — Искусство в Южной России, 1913, № 4—5, стр. 14; № 6, стр. 265—268; № 9—10, стр. 418—422; о лубочной картинке «Козак Мамай».
139. Ш., Д. Козак Мамай. (Народная картинка). — Сяйво, 1913, ч. 10, 11, 12, стр. 251—258, с 5 картинами Мамая.
140. Савченко, С. В. Русская народная сказка. (История собирания и изучения). Киев, 1914, стр. 109—112: о «лицевых» изданиях сказок.
141. Сперанский, М. Н. Лубочная литература. — Энциклопедический словарь бр. Гранат, т. 27 (1914), столб. 416—420: есть материалы и о лубочных картинках.
142. Галактионов, И. Д. Лубок. Русские народные картины. Пг., 1915, 36 стр.
143. [Мальмгрен, А. Э.] Русские народные картинки. Материал для полного описания их со снимками. Описал А. Э. Мальмгрен. Ч. I. Сказки, былины, песни, басни, повести, романы и «забавные» листы. Вып. 1, Митава, 1915, IV, 33 стр. с 1 стр. илл.

«Алфавитный указатель имен и предметов» на внутренней части обложки.

144. Лубочные картинки. Новый энциклопедический словарь изд-ва Ф. Брокгауз и И. Ефрон, т. 24 (1915), столб. 957—960.
145. Славенсов, В. Война и лубок. — Вестник Европы, 1915, № 7, стр. 91—112.
146. Денисов, Вл. Война и лубок. Пг., 1916, 6 нел. стр., 42 столб., 18 стр. иллюстр.
- Эпиграф из Пушкина — фальсификация.
147. Калмыкова, А. М. Русские лубочные картинки в их просветительном значении для народа за последнее 75-летие нашей жизни. — Полвека для книги. Литературно-художественный сборник, посвященный пятидесятилетию издательской деятельности И. Д. Сытина. М., 1916, стр. 163—202.
148. Симоны, П. К. Русские лицевые листы, писанные и печатные, XV—XVIII вв. и торговля ими в Москве. — Доклады и отчеты Русского библиографического общества, 1915—1916 гг., Пг., 1917, стр. 47—48: тезисы доклада.
149. Грищенко, А. Народная картинка — лубок. — Путь освобождения, М., 1917, № 3, стр. 15—19: в № воспроизведено 12 картинок.
150. Первая галерея лубков. — Там же, № 3, стр. 22: о предполагаемом открытии «галереи народной картинки»; воспроизведены 2 лубка солдата А. Куликова «Крещение революции» и «Городская картинка».
151. Буш, В. В. Илья Александрович Шляпкин. (Некролог). — Известия Отделения русского языка и словесности, 1918, кн. I, стр. 275 и отд.: Пг., 1920, стр. 14.

О принадлежавшей Шляпкину коллекции лубочных картин.

152. Долгорукий, И. М., кн. Изборник. 1764—1823. М., 1919, [Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813], стр. 99, 100, 128: о лубочных картинках. См. № 39.
153. Бодяновский, В. Ф. Незамеченное у Пушкина. — Вестник литературы, 1921, № 6—7 (30—31), стр. 3: «Сон Татьяны» и лубочные картинки.
154. Кони, А. Ф. Памяти Дмитрия Александровича Ровинского. (Речь в Академии Художеств 16 декабря 1909 г.); На жизненном пути. Т. IV, Ревель—Берлин, [1923], стр. 351—373: о «Русских народных картинах».
155. Щекотов, Н. Русская крестьянская живопись. М.—Пг., 1923, 32 стр.

Специально о лубочных картинках нет ничего, но работа интересна по близкой тематике.

156. Мезьер, А. В. Словарный указатель по книговедению. Л., 1924, стлб. 494—498 и 886: Лубочная литература, лубок.
157. Клименко, П. Українські ритодруки. — Бібліологічні вісти, 1924, ч. 1—3, стр. 114—124: описание 12 листов XVIII в., с 4 рис.
158. Пялипенко, Б. Ксило-гравюри Чернігівського державного музею. Чернігів, 1925, 4 нен., 15 лл.
159. Тарабукин, Н. Искусство дня Что нужно знать, чтобы сделать плакат, лубок, рекламу <...>. М., 1925, стр. 37—57: Старый народный и новый агитационный лубок.
160. Соколов, Ю. Лубочные картинки. — Литературная энциклопедия. Изд-во Л. Д. Френкель. Т. I, М.—Л., 1925, стлб. 423—424.
161. Тенин, Я. Лубочные картинки. — Красная нива, 1925, № 29, стр. 682—683 (с 3 рисунками).
162. Щелкунов, М. И. История, техника, искусство книгопечатания. М.—Л., 1926, стр. 350—354: лубочные картинки.
163. Апостол, П. Заметки библиофила. Коллекция русского лубка. — Звено (Париж), 1926, 22 августа, № 186: Коллекция работ киевского монаха Ильи, 1645—1649 гг.
164. Попов, П. М. Ксилографічні дошки Лаврського музею. Вип. I. Українські старовинні гравюри типу «народні картинок». Київ, 1927, 6 нен., 21 стр., 32 табл.
165. Федоров-Давыдов, А. А. К вопросу о социологическом изучении старорусского лубка. М., 1927.
166. Бломквист, Е. Э. Свадебные указы Ростовского уезда. (К вопросу об отражении сюжетов лубочных картинок в современном крестьянском быту). — Художественный фольклор, т. II—III (1927), стр. 103—111: «Указы» и лубочные картинки «Роспись приданому».
167. Кожин, Н. А. и Абрамов, И. С. Народный лубок второй половины XIX века и современность. Л., 1929, 38 стр. (Ленинградское областное бюро краеведения).
Стр. 5—34: К о ж и н, Н. А. Народный лубок второй половины 19 века и современный; стр. 35—38: А б р а м о в, И. С. Лубочные народные картинки.
168. Рогинская, Ф. С. Советский лубок, с 22 иллюстрациями современных и дореволюционных лубков. М., 1929, 89 стр.
169. Рогинская, Ф. С. Советский лубок. — Красная нива, 1929, № 2, стр. 14—15 (с 8 рис.).
170. Соколов, Ю. Лубочная литература (русская). — Литературная энциклопедия, т. 6 (1932), стлб. 595—605.
171. Мезьер, А. В. Словарный указатель по книговедению. Ч. II (З—П), М.—Л., 1933, стлб. 453—456: Лубочная литература, лубок.
172. Иванов, Е. П. Русский народный лубок. [Альбом]. — Проспект. [М.], 1937, 3 стр. с илл.
173. Иванов, Е. П. Русский народный лубок с 90 одноцветными и 13 красочными репродукциями. [М.], 1937, 147 стр.
Стр. 5—8: Р о м а н о в, Н. И. От редакции.
174. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений. Изд-во Академии наук СССР. Т. 8. I. Романы и повести. Путешествия. 1938, стр. 98—99, 100: [Станционный смотритель]. Немецкая картинка «история блудного сына». См. № 8.
175. Пушкин, А. С. Записки молодого человека. — Там же, стр. 404. См. № 21 и 109.
176. Лубок, лубочная картинка. — БСЭ, [изд. I], т. 37 (1938), стлб. 445—446.
Небольшая библиография приведена в статье «Лубочная литература» (там же, стлб. 447).
177. [Клепиков, С. А.] Лубок. ч. I. Русская песня. Составил и комментировал <...> С. А. Клепиков. М., 1939, 273 стр. с илл.
Стр. 7—18: Введение. Этапы развития лубка. Русская песня в лубке.
178. Клепиков, С. А. О собирании лубочных картин. М., 1941, 23 стр.
179. Благой, Д. Д. История русской литературы XVIII века. М., 1945, стр. 52—53: о картине «Мыши kota погребают». См. №№ 185 и 193.
180. Клепиков, С. А. Лермонтов и его произведения в русской народной картинке. — Литературное наследство, т. 45—46 (1948), стр. 794—802.
Стр. 797—802: Описание лубочных листов, посвященных М. Ю. Лермонтову и его произведениям.
181. Кокорев, А. В. Сумароков и русские народные картинки. — Ученые записки Московского государственного университета, вып. 127 (1948), Труды кафедры русской литературы, кн. 3, стр. 227—236.

182. [Клепиков, С. А.] А. С. Пушкин и его произведения в русской народной картинке. 1799—1949. Научное описание, комментарии и вступительная статья С. Клепикова. М., 1949, 131 стр. 4 л. илл.
183. Клепиков, С. А. Некрасов и его произведения в русской народной картинке. — Литературное наследство, т. 53—54 (1949) (Некрасов, III), стр. 573—585.
Стр. 578—585: Описание лубочных листов, посвященных Некрасову и его произведениям.
184. [Клепиков, С. А.] И. А. Крылов и его произведения в русской народной картинке. Научное описание, комментарии и вступительная статья С. Клепикова. М., 1950, 79 стр.
185. Благой, Д. Д. История русской литературы XVIII века. Изд. 2, М., 1951, стр. 83—84. См. №№ 179 и 193.
186. Белинский, В. Г. Цын-Киу-Тонг, или Три добрые дела духа тьмы. Фантастический роман Р. Зотова. СПб., 1840. — Полное собрание сочинений, изд. АН СССР Т. IV (1954), стр. 468. См. № 12.
187. Белинский, В. Г. Абадонна Сочинение Николая Полевого. Изд. 2, СПб., 1840. — Полное собрание сочинений, изд. АН СССР, т. V (1954), стр. 82. См. № 13.
188. Белинский, В. Г. Русская литература в 1841 году. — Там же, стр. 525. См. № 16.
189. Белинский, В. Г. (о народных сказках). — Там же, стр. 661—662. См. № 28.
190. Лубок. — БСЭ, изд. 2, т. 25 (1954), стр. 440—441 (с 2 стр. иллюстр.).
191. Елеонский, С. Ф. Из истории массовой литературы XVIII века. Лубочные листы. — Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1955, т. XIV, вып. 5, стр. 448—459.
192. Благой, Д. Д. История русской литературы XVIII века. Изд. 3, М., 1955, стр. 63—64. См. №№ 179 и 185.

БИБЛИОГРАФИЯ АВТОРЕФЕРАТОВ ДИССЕРТАЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ НАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА (1956 ГОД)

СОСТАВИЛА М. Я. МЕЛЬЦ

Предлагаемый обзор авторефератов по проблемам народного поэтического творчества за 1956 год является продолжением библиографии за 1949—1955 годы, опубликованной в I томе данного издания.

Авторефераты диссертационных работ, просмотренные по обязательному экземпляру Книжной палаты с последующей проверкой по «Книжной летописи», расположены по четырем большим рубрикам: 1) Традиционное народное поэтическое творчество и народное поэтическое творчество советской эпохи; 2) История фольклористики; 3) Лингвистическое изучение народного творчества; 4) Взаимоотношение народного поэтического творчества с профессиональным искусством.

Первый раздел имеет подразделы, построенные по жанрово-тематическому принципу. Материал IV раздела делится на группы по национальному признаку (взаимоотношение фольклора с русской классической и советской литературой, с литературой народов СССР и народов мира).

Как и в предыдущем обзоре, в данной библиографии учтены не только специальные исследования, но и авторефераты диссертаций, лишь частично посвященных народнопоэтической тематике.

В последний раздел — «Взаимоотношение народного поэтического творчества с профессиональным искусством» — не включены авторефераты работ, в которых диалектная и просторечная лексика в стиле того или иного писателя изучается только в лингвистическом плане, но учитывались авторефераты исследований, рассматривающих художественную функцию использования образной народной речи.

Материал в разделах располагается в алфавитном порядке. К библиографии приложены указатели имен и народов.

I. ТРАДИЦИОННОЕ НАРОДНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО И НАРОДНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

1. Общие вопросы

1. Баласаян Г. Г. Образы Ленина и Сталина в армянском народном творчестве и литературе. На степень кандидата филол. наук. Ереван, 1952, 26 стр. (Ереванский армянский гос. пед. инст. им. Х. Абовяна).¹
2. Беликов Л. В. Основные виды устного народного творчества чукчей. На степень кандидата филол. наук. Л., 1956, 17 стр. (Ленинградский гос. пед. инст. им. А. И. Герцена).

¹ В библиографию включены некоторые авторефераты диссертаций, не вошедшие в предыдущий обзор.

Предания. Сказки. Героические сказания.

Отзывы:

Меновщиков Г. Диссертация по чукотскому фольклору. — «На севере Дальнего», альманах, № 5, Магадан, 1956, стр. 202—205.

3. Вайнштейн С. И. Тувинцы годжи (историко-этнографический очерк). На степень кандидата истор. наук. М.—Л., 1956, 16 стр. (Акад. наук СССР, Инст. этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Стр. 11, 12: обзор фольклора.

4. Киروشко Б. П. Образ И. В. Сталина в поэзии молдавского народа. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1953, 17 стр. (Акад. наук УССР, Инст. искусствознания, фольклора и этнографии)

5. Туденов Г. О. Система бурят-монгольского стихосложения. На степень кандидата филол. наук. Л., 1956, 16 стр. (Ленинградский гос. унив. им. А. А. Жданова).

Стр. 5—11: исследование ритмики фольклорного стихосложения.

6. Ходжиматов Дж. Сатира в узбекской советской литературе (1917—1941 гг.). На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 16 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).

Стр. 3, 4: обзор сатиры в узбекском фольклоре.

2. Эпос

7. Гребнев Л. В. Произведения тувинского героического эпоса. (Опыт историко-этнографического исследования). На степень кандидата истор. наук. М.—Л., 1956, 16 стр. (Акад. наук СССР, Инст. этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

8. Кашеева Г. А. Думы о борьбе украинского народа с турецко-татарскими захватчиками. На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 15 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).

См. также №№ 2, 27, 37.

3. Сказки

9. Каргаполов Н. А. Художественные особенности русских бытовых сатирических сказок. На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 12 стр. (Московский гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).

10. Леонова Т. Г. Традиции русской народной сказки в Сибири. (По материалам Омской области). На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 16 стр. (Акад. наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).

11. Савушкина Н. И. Идеино-художественные особенности бытвой сказки и ее общественно-воспитательная роль в современности. На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 18 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).

См. также №№ 2, 23, 36.

4. Песни

12. Емельянов Л. И. Отражение исторической действительности в фольклоре. (Русские исторические песни XIV—XVI веков). На степень кандидата филол. наук. Л., 1956, 17 стр. (Акад. наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).

13. Михайлов Н. Н. Музыкальная культура Румынской Народной Республики. На степень кандидата искусствознания. Киев, 1956, 16 стр. (Киевская гос. консерватория им. П. И. Чайковского).

Стр. 6, 7: обзор румынской народной музыки; стр. 10, 11: современная румынская народная песня, ее собиране и обработка.

14. Мюллер Т. Ф. О русских народных песнях, записанных Е. Э. Линевой. (Мелодика и многоголосие). На степень кандидата искусствознания. М., 1956, 16 стр. (Московская гос. консерватория им. П. И. Чайковского).

15. Слянова-Мизандари Д. Грузинская народная одноголосная песня. На степень кандидата искусствознания. М., 1956, 16 стр. (Тбилисская гос. консерватория им. В. Сараджишвили).

16. Шептунов И. М. Отражение хайдуцкого движения в болгарской литературе 50—70-х годов XIX века (Г. С. Раковский, Х. Ботев, Л. Каравелов). На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 18 стр. (Акад. наук СССР, Инст. славяноведения).

Стр. 8: «Образ хайдука в народной песне»; стр. 9—14, 17: фольклорные мотивы в произведениях Раковского, Ботева и Каравелова о хайдуцком движении.

17. Юсупов Ш. Образ И. В. Сталина в советской узбекской поэзии. На степень кандидата филол. наук. Ташкент, 1952, 17 стр. (Акад. наук Узбек. ССР).
Стр. 4—6, 10: анализ народных песен и произведений шакиров.
См. также №№ 23—25, 28—30, 32, 33, 82, 101—109.

5. Народный театр

18. Кузьмина В. Д. Драматургия и сценическое искусство в русских городских демократических театрах XVIII века. (Исследования и тексты). На степень доктора филол. наук. М., 1956, 30 стр. (Акад. наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
Стр. 11—14: устная народная драма в XVIII веке; стр. 23: связь демократической драматургии с народным театром.
19. Садыкова Д. М. Из истории массовой драматической литературы XVIII в. Театр интермедий. На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 16 стр. (Московский гор. пед. инст. им. В. П. Потемкина).

6. Пословицы

20. Беркелиев К. Туркменские пословицы и поговорки. На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 20 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
21. Кокаре Э. Я. Жизненный опыт трудового народа в латышских пословицах досоветского периода. На степень кандидата филол. наук. Рига, 1956, 18 стр. (Латвийский гос. унив.).
См. также №№ 35, 52, 56, 57, 73, 91.

7. Загадки

22. Анцелане А. Я. Вопросы изучения латышских народных загадок. На степень кандидата филол. наук. Рига, 1956, 22 стр. (Акад. наук Латв. ССР, Инст. языка и литер.).

8. Рабочий фольклор

23. Кругляшова В. П. Исторические предания и песни на горнозаводском Урале о Пугачевском восстании. На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 16 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
24. Николокин А. Н. Массовая поэзия конца XVIII—начала XIX веков в Англии. На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 18 стр. (Акад. наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
Анализ устного поэтического творчества молодого рабочего класса и ремесленников Англии.
25. Полищук Н. С. Рабочие песни периода подъема массового революционного движения и первой революции в России. (К вопросу о традиции и новаторстве в устно-поэтическом народном творчестве). На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 16 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
См. также № 29.

9. Мастера народного творчества

26. Гумарова М. Образы В. И. Ленина и И. В. Сталина в творчестве казахских народных акынов. На степень кандидата филол. наук. Алма-Ата, 1953, 20 стр. (Акад. наук Казах. ССР, Инст. языка и литер.).
- 26а. Исмаилов Е. Акыны. На степень доктора филол. наук. Алма-Ата, 1956, 28 стр. (Акад. наук Казах. ССР, Инст. языка и литер.).
27. Пухов И. В. Идеи и образы олонхо Дм. Мих. Говорова «Мюльдыо Сильный». На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 15 стр. (Акад. наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького—Инст. языка, литер. и истории Якутск. филиала Акад. наук СССР).
См. также №№ 17, 34.

10. Художественная самодеятельность

28. Василенко В. А. Традиции русской народной песенной лирики Сибири и современная хоровая самодеятельность. (По материалам Омской области). На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 15 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).

II. ИСТОРИЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

29. **Витолинь Я. Я.** Вопросы изучения латышской народной музыки. (По материалам песен Лиепайской этнографической области). На степень кандидата искусствоведения. Л., 1956, 17 стр. (Ленинградская гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова).

Изучение народной лирики и рабочих песен.

30. **Грановский Б. Б. В. Ф.** Одоевский — музыкальный критик. На степень кандидата искусствоведения. М., 1952, 16 стр. (Акад. наук СССР, Инст. истории искусств).
Стр. 13—15: Одоевский как собиратель и исследователь русских песен.
31. **Инфантьев Б. Т.** Связи латышских и русских фольклористов. На степень кандидата филол. наук. Рига, 1956, 19 стр. (Акад. наук Латв. ССР, Инст. языка и литер.).
32. **Мозкус А.** Братья Юшка — собиратели и издатели литовских народных песен. На степень кандидата филол. наук. Вильнюс, 1956, 16 стр. (Вильнюсский гос. унив. им. В. Капсукаса).
33. **Пеккер Я. Б. В. А.** Успенский, его музыкально-фольклористическая и композиторская деятельность в Средней Азии и значение его музыкальной драмы «Фархад и Ширин» в формировании узбекской оперы. На степень кандидата искусствоведения. [Б. м.], 1956, 16 стр. (Ташкентская гос. консерватория).
См. также №№ 13, 14, 22, 96, 109.

III. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ НАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

34. **Джакипбеков М.** Стилистическое употребление лексики и фразеологии в произведениях Джембула. На степень кандидата филол. наук. Алма-Ата, 1956, 13 стр. (Акад. наук Казах. ССР, Инст. языка и литер.).
35. **Овчарук С. А.** Обобщенно-личные предложения в украинских пословицах. На степень кандидата филол. наук. Херсон, 1956, 16 стр. (Одесский гос. унив. им. И. И. Мечникова).
36. **Степанова Е. М.** Способы передачи чужой речи в северных народных сказках. На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 15 стр. (Московский обл. пед. инст.).

IV. ВЗАИМООТНОШЕНИЕ НАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ИСКУССТВОМ

1. Фольклор и литература

Фольклор и древнерусская литература

37. **Мальшев В. И.** Повесть о Сухане (из истории русской повести XVII в.). На степень кандидата филол. наук. Л., 1956, 17 стр. (Акад. наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).
Стр. 3—6: анализ былины о Сухане; стр. 6—9: связь повести с былиной.
Фольклор и русская классическая литература
38. **Афанасьева Н. К.** Проблемы драматургии в эстетике Л. Н. Толстого. На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 16 стр. (Акад. наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
Стр. 11, 12: язык фольклора в пьесах Толстого.
39. **Гиреев Д. А.** Поэма Лермонтова «Демон». (Творческая история и текстологический анализ). На степень кандидата филол. наук [Б. м.], 1956, 20 стр. (Акад. наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).
Стр. 12, 13: грузинский фольклор в поэме.
40. **Гловацкая Е. И.** Ранний Л. Толстой и проблема народа. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1956, 22 стр. (Киевский гос. унив. им. Т. Г. Шевченко).
Стр. 8, 12, 13: традиции фольклора в раннем творчестве Толстого.
41. **Ермакова М. Я.** «Тарас Бульба» Гоголя как исторический роман — эпопея. На степень кандидата филол. наук. М. — Горький, 1956, 19 стр. (Московский обл. пед. инст.).
Стр. 11, 17: народная поэзия в романе.
42. **Карпова Н. С.** Синтаксис рассказов Л. Н. Толстого для детей. На степень кандидата филол. наук. Саратов, 1956, 14 стр. (Саратовский гос. унив. им. Н. Г. Чернышевского).
Фольклорные словосочетания в рассказах Толстого.

43. Касилов Е. А. Стиль и образы «Современной идиллии» М. Е. Салтыкова-Щедрина. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1956, 14 стр. (Киевский гос. унив. им. Т. Г. Шевченко).
Стр. 6, 7: фольклорные традиции в «Современной идиллии».
44. Крутова А. В. Говор села Большого Болдина Горьковской области. На степень кандидата филол. наук. Л., 1949, 12 стр. (Ленинградский гос. пед. инст. им. А. И. Герцена).
Болдинское просторечие в языке сказок А. С. Пушкина.
45. Летягина А. И. К вопросу об идейно-художественном своеобразии романа Л. Н. Толстого «Воскресение». На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 16 стр. (Московский обл. пед. инст.).
Стр. 13: фольклорные обороты в романе.
46. Маслов В. С. Первая поэма Н. А. Некрасова («Саша»). На степень кандидата филол. наук. Л., 1956, 15 стр. (Ленинградский гос. унив. им. А. А. Жданова).
Стр. 13, 14: народнопоэтические формы речи в поэме «Саша».
47. Павлов Л. В. И. С. Тургенев в 40-е годы. На степень кандидата филол. наук. Петрозаводск, 1956, 18 стр. (Ленинградский гос. унив. им. А. А. Жданова).
Стр. 9, 11: фольклор в ранних стихотворениях Тургенева.
48. Проскуряк С. Я. Очерки А. И. Левитова и их художественное своеобразие. На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 17 стр. (Московский гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
Стр. 7, 13, 14: фольклор в очерках Левитова.
49. Скворцов И. С. Творчество Ф. М. Решетникова. На степень кандидата филол. наук. Л., 1956, 20 стр. (Ленинградский гос. пед. инст.).
Стр. 8, 9: связь творчества Решетникова с устной народной поэзией.
50. Шальнов Ю. Ф. Реализм В. А. Слепцова. На степень кандидата филол. наук. Горький, 1956, 17 стр. (Горьковский гос. унив. им. Н. И. Лобачевского).
Стр. 14: фольклор в творчестве Слепцова.
51. Шведова-Шувалова Л. П. Традиции фольклорной сатиры в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина (сравнительный анализ сатирических типов). На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 19 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
См. также № 18.
- Фольклор и русская советская литература*
52. Бердник П. М. Лексика и фразеология пьесы А. М. Горького «Сомов и другие». На степень кандидата филол. наук. Алма-Ата, 1956, 16 стр. (Казахский гос. унив. им. С. М. Кирова).
Стр. 11—13: пословицы в пьесе.
53. Вирясова Л. С. Субстантивная фразеология в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон». На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 17 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
Стр. 16: народно-сказовая речь в романе.
54. Гавриленко М. А. Лексические и грамматические особенности прямой речи крестьян в произведениях А. М. Горького. На степень кандидата филол. наук. Горький, 1956, 24 стр. (Горьковский гос. унив. им. Н. И. Лобачевского).
Стр. 12, 13: элементы фольклора в стиле произведений Горького.
55. Евстафьева А. Н. Творчество М. В. Исаковского (1915—1941 гг.). На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 14 стр. (Московский гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
Стр. 7, 8, 10, 11: народная поэзия в творчестве Исаковского.
56. Жаворонков А. З. Литературные образы и цитаты в произведениях И. В. Сталина. На степень кандидата филол. наук. Л., 1951, 20 стр. (Ленинградский гос. унив. им. А. А. Жданова).
Стр. 5—7, 11: фольклорные образы, пословицы и поговорки в произведениях И. В. Сталина.
57. Жигулев А. М. Пословицы и поговорки в произведениях В. И. Ленина и И. В. Сталина. На степень кандидата филол. наук. М., 1951, 35 стр. (Московский гор. пед. инст. им. В. П. Потемкина).
58. Ларцев В. Г. Лирика Степана Щипачева. На степень кандидата филол. наук. Самарканд, 1956, 16 стр. (Узбекский гос. унив. им. А. Навои).
Стр. 6, 7: народнопесенные мотивы в ранних стихах Щипачева.

59. **Марминова Г. Г.** Роль Демьяна Бедного в развитии ранней пролетарской поэзии. (1908—1914). На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 16 стр. (Московский гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
Стр. 6, 8, 12, 13: фольклорные традиции в ранней поэзии Д. Бедного.
60. **Мартынец Т. Д. В.** Маяковский как детский писатель. На степень кандидата филол. наук. Черновицы, 1955, 18 стр. (Черновицкий гос. унив.).
Стр. 7: традиции народной сказки в творчестве Маяковского.
61. **Мелик-Нубаров С. О.** Проблема положительного героя в творчестве В. В. Маяковского (1917—1923). На степень кандидата филол. наук. Ереван, 1956, 22 стр. (Акад. наук Арм. ССР, Инст. литер. им. М. Абеяна).
Стр. 8: фольклорные элементы в творчестве Маяковского периода гражданской войны.
62. **Минеев П. Г.** Художественные особенности «Тихого Дона» М. Шолохова. На степень кандидата филол. наук. Черновицы, 1956, 17 стр. (Черновицкий гос. унив.).
Стр. 4, 12—14: народное творчество в романе «Тихий Дон».
63. **Мицц З. Г.** Пути развития советской дошкольной литературы (1917—1930 гг.). На степень кандидата филол. наук. Л., 1956, 16 стр. (Ленинградский гос. пед. инст.).
Стр. 7, 11, 13, 14, 16: фольклорные традиции в произведениях для детей М. Горького, С. Маршак, В. Бианки, А. Барто.
64. **Молчанов А. Л. М. В.** Исаковский. (Основные вопросы творчества). На степень кандидата филол. наук. Киев, 1956, 17 стр. (Киевский гос. пед. инст. им. А. М. Горького).
Стр. 2, 7, 13—17: фольклор в поэзии Исаковского.
65. **Озмитель Е. К.** Мастерство сатиры Маяковского-поэта (1912—1924 гг.). На степень кандидата филол. наук. [Фрунзе], 1956, 20 стр. (Белорусский гос. унив. им. В. И. Ленина).
Стр. 8, 11, 12, 18: традиции народной сатиры в поэзии Маяковского.
66. **Орлов М. С.** Особенности типизации в поэмах А. Твардовского. На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 15 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
Стр. 1—8: фольклор в поэме «Страна Муравия»; стр. 11, 12: фольклор в поэме «Василий Теркин».
67. **Оррас Б. А.** Стилистические функции имен прилагательных в языке прозы А. М. Горького. На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 18 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
Стр. 7: народнопоэтические формы прилагательных в прозе М. Горького.
68. **Самвелян Г. К.** Некоторые вопросы социалистического реализма в творчестве Г. Е. Николаевой. На степень кандидата филол. наук. Ереван, 1956, 27 стр. (Акад. наук Арм. ССР, Инст. литер. им. М. Абеяна).
Стр. 3, 4, 27: фольклор в стихах Николаевой и романе «Жатва».
69. **Семенова К. И.** Творчество С. В. Михалкова. На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 15 стр. (Московский гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
Стр. 9, 10, 12—14: устнопоэтические элементы в творчестве Михалкова.
70. **Снегирева М. Л.** Леонид Леонов и его роман «Соть». На степень кандидата филол. наук. Рига, 1956, 20 стр. (Латвийский гос. унив.).
Стр. 18: язык фольклора в романе.

Фольклор и литература народов СССР

71. **Аямбетов К.** Каракалпакская советская драматургия. На степень кандидата филол. наук. Ташкент, 1956, 15 стр. (Акад. наук Узбек. ССР, Инст. языка и литер. им. А. С. Пушкина).
Стр. 4—6, 13: фольклорные истоки каракалпакской драматургии.
72. **Ашурпур Н. М.** Поэт-сатирик Кемине. На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 14 стр. (Акад. наук СССР, Инст. востоковедения).
Стр. 4, 5, 8, 12—14: связь творчества Кемине с туркменским фольклором.

73. **Богдан Н. М.** Фразеология художественных произведений М. М. Коцюбинского. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1956, 14 стр. (Киевский гос. пед. инст. им. А. М. Горького).
Стр. 7—10: «Поговорки и пословицы в художественных произведениях М. М. Коцюбинского».
74. **Боескоров Г. К.** Якутская художественная литература в годы Великой Отечественной войны. На степень кандидата филол. наук. Якутск, 1956, 18 стр. (Акад. наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького — Якутский филиал Акад. наук СССР).
Стр. 6, 9, 13, 14, 16: фольклор в якутской литературе.
75. **Брагинец А. С.** Философские и общественно-политические взгляды Ивана Франко. На степень доктора филос. наук. Львов, 1956, 24 стр. (Акад. наук УССР, Отделение общественных наук).
Стр. 23: Франко о народности литературы.
76. **Василенко И. С.** Алеку Руссо. Очерк жизни и творчества. На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 16 стр. (Акад. наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
Стр. 9, 10, 12, 14—16: интерес Руссо к молдавскому фольклору.
77. **Давыдова О. Г.** Лексика поэзии М. Ф. Рыльского. На степень кандидата филол. наук. Днепропетровск, 1956, 18 стр. (Харьковский гос. унив. им. А. М. Горького).
Стр. 7, 8: народнопоэтическая лексика в творчестве Рыльского.
78. **Дурдыев Т.** Ата Каушутов как писатель-романист. На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 14 стр. (Акад. наук СССР, Инст. востоковедения).
Стр. 7, 13, 14: устная поэзия в творчестве Каушутова.
79. **Заборская В.** Борьба за реализм в литовской литературной критике 1905—1917 гг. На степень кандидата филол. наук. Вильнюс, 1956, 15 стр. (Вильнюсский гос. унив. им. В. Капсукаса).
Стр. 9: роль фольклора в литовской литературе.
80. **Лапидус Н. И.** Максим Богданович как критик и переводчик. На степень кандидата филол. наук. Минск, 1956, 14 стр. (Белорусский гос. унив. им. В. И. Ленина).
Стр. 5, 7—11, 14: место фольклора в деятельности Богдановича.
81. **Музычка А. В.** Леся Украинка и ее творчество. На степень кандидата филол. наук. [Семипалатинск], 1956, 48 стр. (Акад. наук УССР, Отделение общественных наук).
Стр. 5, 7, 9, 10, 26, 36, 38: фольклорные традиции в творчестве Л. Украинки.
82. **Нудьга Г. А.** Песни украинских поэтов первой половины XIX в. и народные переделки их. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1956, 20 стр. (Акад. наук УССР, Инст. литер. им. Т. Г. Шевченко).
83. **Омельковец А. Э.** Отображение освободительной борьбы украинского народа 1648—1654 гг. в романе Н. Рыбака «Переяславська Рада». На степень кандидата филол. наук. Львов, 1955, 15 стр. (Львовский гос. унив. им. И. Франко).
Стр. 11, 12: фольклор в романе.
84. **Осадченко И. Е.** Константин Негруци и его исторические новеллы. На степень кандидата филол. наук. Кишинев, 1956, 16 стр. (Кишиневский гос. унив.).
Стр. 6, 9: интерес Негруци к румынскому и молдавскому фольклору.
85. **Рафаилова Р. Г.** Поэтическое творчество Мирсаида Миршакара. На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 16 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
Стр. 5, 6, 9, 10, 14—16: традиции таджикского фольклора в творчестве Миршакара.
86. **Рашидов У.** Очерк развития узбекской советской детской литературы (1945—1955 гг.). На степень кандидата филол. наук. Самарканд, 1956, 14 стр. (Узбекский гос. унив. им. А. Навои).
Стр. 4, 8, 13, 14: обработка узбекского фольклора для детей.
87. **Сагитов И. Т.** Творчество Бердаха. На степень кандидата филол. наук. Нукус, 1955, 16 стр. (Акад. наук Узбек. ССР, Инст. языка и литер. им. А. С. Пушкина).
Стр. 6, 8, 15, 16: каракалпакский фольклор в творчестве Бердимурата (Бердах шайра) Каргабай улы.
88. **Саука Д.** Творчество Саломен Нерис (1921—1940). На степень кандидата филол. наук. Вильнюс, 1956, 12 стр. (Вильнюсский гос. унив. им. В. Капсукаса).
Стр. 8, 11: фольклор в поэзии Нерис.

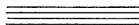
89. Солоха А. А. Проблема положительного героя в творчестве Панаса Мирного 70-х гг. XIX ст. На степень кандидата филол. наук. Днепропетровск, 1956, 17 стр. (Днепропетровский гос. унив. им. 300-летия воссоединения Украины с Россией).
Стр. 4, 5: интерес П. Мирного к народному творчеству.
90. Фигловская Л. И. Творчество Якуба Коласа. На степень кандидата филол. наук. М., 1956, 26 стр. (Акад. наук СССР, Инст. мировой литературы им. А. М. Горького).
Стр. 7, 11, 12, 15: фольклор в поэзии Коласа.
91. Шамаксудов А. Ш. Язык сатиры Муками (лексика и фразеология). На степень кандидата филол. наук. Ташкент, 1956, 18 стр. (Среднеазиатский гос. унив. им. В. И. Ленина).
Стр. 6, 7, 12—14: язык узбекского фольклора, пословицы и поговорки в творчестве Муками.
92. Щуренко М. К. Лирика Андрея Малышко (1935—1950 гг.). На степень кандидата филол. наук. Киев, 1956, 19 стр. (Киевский гос. унив. им. Т. Г. Шевченко).
Стр. 7, 9—12, 19: фольклор в поэзии Малышко.

Фольклор и литература народов мира

93. Гапова В. И. Произведения Элизы Ожешко о белорусском крестьянстве. На степень кандидата филол. наук. Л., 1953, 19 стр. (Ленинградский гос. унив. им. А. А. Жданова).
Стр. 14—16: белорусская устная поэзия в творчестве Ожешко.
То же: Краткие сообщения Инст. славяноведения Акад. наук СССР, вып. 16, 1955, стр. 111—113.
94. Гарбузова В. С. «Сказание о Мелике Данышменде» как древнейший тюркоязычный литературный памятник на территории Малой Азии. На степень кандидата филол. наук. Л., 1956, 20 стр. (Ленинградский гос. унив. им. А. А. Жданова).
Стр. 11, 13, 17—20: фольклорная основа сказания.
95. Горский И. К. Черты реализма в творчестве Юлиа Словацкого (до 1839 года). На степень кандидата филол. наук. М., 1953, 15 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
Стр. 10, 11: фольклор в трагедии «Балладина».
96. Карху Э. Г. Из истории финляндской литературы и журналистики 40-х годов 19-го века. На степень кандидата филол. наук. Петрозаводск, 1956, 22 стр. (Карело-Финский гос. унив.).
Стр. 11, 12, 17: фольклор в творчестве финских писателей. Взгляды Ф. Сигнеуса на устную поэзию.
97. Лойко О. А. Адам Мицкевич и белорусская литература. На степень кандидата филол. наук. Минск, 1956, 15 стр. (Белорусский гос. унив. им. В. И. Ленина).
Стр. 6—9: «А. Мицкевич и устное поэтическое творчество белорусского народа».
98. Мендельсон М. О. Американский поэт-демократ Уолт Уитмен. На степень доктора филол. наук. М., 1956, 24 стр. (Акад. наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
Стр. 10—12, 14: влияние американской народной баллады, негритянского и индейского фольклора на поэзию Уитмена.
99. Рот А. М. Закарпатье в творчестве Ивана Ольбрахта. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 18 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
Стр. 16, 17: связь устной поэзии закарпатских украинцев с творчеством Ольбрахта.
100. Соловьева А. П. Реализм «Малостранских повестей» Яна Неруды. На степень кандидата филол. наук. — Краткие сообщения Инст. славяноведения Акад. наук СССР, вып. 3, 1951, стр. 60—70.
Стр. 62, 64: фольклорные традиции в поэзии Неруды.
См. также № 16.

2. Народная песня и творчество композиторов

101. **Бокщанина Е.** «Санкт-Петербургский гостинный двор» Матинского-Пашкевича и русская опера XVIII века. На степень кандидата искусствоведения. М., 1955, 16 стр. (Московская гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
Стр. 9—15: русская народная песня в опере «Санкт-Петербургский гостинный двор».
102. **Вольнский И. З.** Михаил Вербицкий и развитие украинской музыкальной культуры в Галиции в XIX веке (20—60-е годы). На степень кандидата искусствоведения. Львов, 1956, 16 стр. (Акад. наук УССР, Инст. искусствоведения, фольклора и этнографии).
Стр. 9—15: связь творчества Вербицкого с народнопесенным мелосом.
103. **Горюхина Н. А.** Основные черты украинской хоровой классической музыки и их развитие в хоровом творчестве советских композиторов. На степень кандидата искусствоведения. Киев, 1956, 18 стр. (Киевская гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
Стр. 4—17: народные основы хорового творчества Н. В. Лысенко, К. Г. Стеценко, Я. С. Степового, Н. Д. Леонтовича и советских композиторов; обработка ими народных песен.
104. **Кандинский А. И.** Проблема народности в оперном творчестве Н. А. Римского-Корсакова 60—70-х годов. На степень кандидата искусствоведения. М., 1956, 15 стр. (Московская гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
Стр. 2, 4—10, 13, 14: словесный и музыкальный фольклор в операх Римского-Корсакова.
105. **Коломиец А. А.** Важнейшие дополнительные эпизоды в новой редакции оперы «Тарас Бульба» Н. В. Лысенко. Теоретическая часть исполнительской диссертации. На степень кандидата искусствоведения. Киев, 1956, 16 стр. (Киевская гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
Стр. 7, 9—12, 15: украинская народная песня в музыке Лысенко.
106. **Мирошникова А. А.** Хоровое творчество Стеценко. Теоретическая часть исполнительской диссертации. На степень кандидата искусствоведения. Киев, 1956, 16 стр. (Киевская гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
Стр. 4, 5, 8—11, 13, 14: народнопесенные традиции в хоровом творчестве К. Г. Стеценко.
107. **Параско З.** Музыка Н. В. Лысенко к «Кобзарю» Т. Г. Шевченко. На степень кандидата искусствоведения. Киев, 1956, 18 стр. (Киевская гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
Стр. 6, 7—17: народнопесенные истоки музыки Лысенко.
108. **Хохлов Ю. Н.** Песенное творчество Шуберга. Исследования и материалы. На степень кандидата искусствоведения. М., 1956, 16 стр. (Московская гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
Стр. 4, 6, 7, 9, 11: народная основа песен Шуберга.
109. **Юсов А.** Характерные черты многоголосия в хоровом творчестве Н. В. Лысенко. На степень кандидата искусствоведения. Киев, 1955, 17 стр. (Киевская гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
Лысенко как фольклорист; народная песня в творчестве Лысенко.
См. также №№ 13, 33.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аимбетов К. 71
 Анцелане А. Я. 22
 Афанасьев Н. К. 38
 Ашурпур Н. М. 72

Баласанян Г. Г. 1
 Барто А. А. 63
 Бедный Д. 59
 Беликов Л. В. 2
 Бердах 87

Бердник П. М. 52
 Беркелиев К. 20
 Бианки В. В. 63
 Богдан Н. М. 73
 Богданович М. А. 80
 Боекорсов Г. К. 74
 Бокщанина Е. 101
 Ботев X. 16
 Брагинцев А. С. 75

- Вайнштейн С. И. 3
 Василенко В. А. 28
 Василенко И. С. 76
 Вербицкий М. 102
 Вирясова Л. С. 53
 Витолинъ Я. Я. 29
 Вольнский И. З. 102
- Гавриленко М. А. 54
 Гапова В. И. 93
 Гарбузова В. С. 94
 Гиреев Д. А. 39
 Гловацкая Е. И. 40
 Говоров Д. М. 27
 Гоголь Н. В. 41
 Горский И. К. 95
 Горький М. 52, 54, 63, 67
 Горюхина Н. А. 103
 Грановский Б. Б. 30
 Гребнев Л. В. 7
 Гумарова М. 26
- Давыдова О. Г. 77
 Джакипбеков М. 34
 Джамбул Джабаев 34
 Дурдыев Т. 78
- Евстафьева А. Н. 55
 Емельянов Л. И. 12
 Ермакова М. Я. 41
- Жаворонков А. З. 56
 Жигулев А. М. 57
- Заборскайте В. 79
- Инфантьев Б. Т. 31
 Исаковский М. В. 55, 64
 Исмаилов Е. 26а
- Кандинский А. И. 104
 Каравелов Л. 16
 Каргаполов Н. А. 9
 Карпова Н. С. 42
 Карху Э. Г. 96
 Касилов Е. А. 43
 Кауштуов А. 78
 Кашеева Г. Л. 8
 Кемине 72
 Кирошко Б. П. 4
 Кокаре Э. Я. 21
 Колас Я. 90
 Коломиец А. А. 105
 Коцюбинский М. М. 73
 Кругляшова В. П. 23
 Крутова А. В. 44
 Кузьмина В. Д. 18
- Лапидус Н. И. 80
 Ларцев В. Г. 58
 Левитов А. И. 48
 Ленин В. И. 1, 26, 57
 Леонов Л. М. 70
 Леонова Т. Г. 10
 Леонтович Н. Д. 103
- Лермонтов М. Ю. 39
 Летягина А. И. 45
 Линева Е. Э. 14
 Лойко О. А. 97
 Лысенко Н. В. 103, 105, 107, 109
- Малышев В. И. 37
 Малышко А. С. 92
 Марминова Г. Г. 59
 Мартынец Т. Д. 60
 Маршак С. Я. 63
 Маслов В. С. 46
 Матинский М. 101
 Маяковский В. В. 60, 61, 65
 Мелик-Нубаров С. О. 61
 Мендельсон М. О. 98
 Меновщиков Г. А. 2
 Минеев П. Г. 62
 Минц Э. Г. 63
 Мирный П. 89
 Мирошникова А. А. 106
 Миршакар М. 85
 Михайлов Н. Н. 13
 Михалков С. В. 69
 Мицкевич А. 97
 Молчанов А. Л. 64
 Моцкус А. 32
 Музычка А. В. 81
 Муками 91
 Мюллер Т. Ф. 14
- Негруци К. 84
 Некрасов Н. А. 46
 Нерис С. 88
 Неруда Я. 100
 Николаева Г. Е. 68
 Николаюкин А. Н. 24
 Нудьга Г. А. 82
- Овчарук С. А. 35
 Одоевский Ф. В. 30
 Ожешко Э. 93
 Озмитель Е. К. 65
 Ольбрахт И. 99
 Омельковец А. З. 83
 Орлов М. С. 66
 Оррас Б. А. 67
 Осадченко И. Е. 84
- Павлов Л. В. 47
 Параско Э. 107
 Пашкевич В. А. 101
 Пеккер Я. Б. 33
 Полищук Н. С. 25
 Проскурин С. Я. 48
 Пугачев Е. И. 23
 Пухов И. В. 27
 Пушкин А. С. 44
- Раковский Г. С. 16
 Рафаилова Р. Г. 85
 Рашидов У. 86
 Решетников Ф. М. 49
 Римский-Корсаков Н. А. 104
 Рот А. М. 99
 Руссо А. 76

Рыбак Н. 83
Рыльский М. Ф. 77

Савушкина Н. И. 11
Сагитов И. Т. 87
Садыкова Д. М. 19
Салтыков-Щедрин М. Е. 43, 51
Самвелян Г. К. 68
Саука Д. 88
Семенова К. И. 69
Сигнеус Ф. 96
Скворцов И. С. 49
Слепцов В. А. 50
Слиянова-Мизандари Д. 15
Словацкий Ю. 95
Снегирева М. Л. 70
Соловьёва А. П. 100
Солоха А. А. 89
Сталин И. В. 1, 4, 17, 26, 56, 57
Степанова Е. М. 36
Степовой Я. С. 103
Стеценко К. Г. 103, 106

Твардовский А. Т. 66
Толстой Л. Н. 38, 40, 42, 45
Туденов Г. О. 5
Тургенев И. С. 47

Уitmen У. 98
Украинка Л. 81
Успенский В. А. 33

Фигловская Л. И. 90
Франко И. Я. 75

Ходжиматов Д. 6
Хохлов Ю. Н. 108

Шальнов Ю. Ф. 50
Шамаксудов А. Ш. 91
Шведова-Шувалова Л. П. 51
Шевченко Т. Г. 107
Шептунов И. М. 16
Шолохов М. А. 53, 62
Шуберт Ф. 108

Щипачев С. П. 58
Щуренко М. К. 92

Юсов А. 109
Юсупов Ш. 17
Юшка А. 32
Юшка И. 32

УКАЗАТЕЛЬ НАРОДОВ

Американцы 98
Англичане 24
Армяне 1

Белоруссы 80, 90, 93, 97
Болгары 16
Бурят-монголы 5

Грузины 15, 39

Индейцы 98

Казахи 26, 26^a, 34
Каракалпаки 71, 87

Латыши 21, 22, 29, 31
Литовцы 32, 79, 88

Молдаване 4, 76, 84

Негры 98

Немцы 108

Поляки 93, 95, 97

Румыны 13, 84
Русские 9—12, 14, 18, 19, 23, 25, 28, 30,
31, 36—70, 101, 104

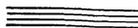
Таджики 85
Тувинцы 3, 7
Турки 94
Туркмены 20, 72, 78

Узбеки 6, 17, 33, 86, 91
Украинцы 8, 35, 73, 75, 77, 81—83, 89,
92, 99, 102, 103, 105—107, 109

Финны 96

Чехи 99, 100
Чукчи 2

Якуты 27, 74

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Статьи и исследования

<i>А. М. Астахова.</i> Сатира и юмор в русском былинном эпосе	5
<i>Н. В. Новиков.</i> Сатира в русской волшебной сказке записи XIX—начала XX века	40
<i>Е. Ф. Тарасенкова.</i> Жанровое своеобразие русских народных сатирических сказок	62
<i>Г. Г. Шаповалова.</i> Сатира и юмор в русских пословицах и поговорках	85
<i>Р. М. Волков.</i> К проблеме варианта в изучении былин	98
<i>П. Д. Ухов.</i> Типические места (loci communes) как средство паспортизации былин	129
<i>О. Б. Алексеева.</i> Песни горнорабочих Урала о пугачевском движении	155

Материалы и публикации

<i>В. А. Кравчинская</i> и <i>П. Г. Ширяева.</i> Устные рассказы рабочих о Ленине	169
<i>Э. И. Власова.</i> Фольклорные записи В. Г. Короленко	186
<i>В. С. Бахтин.</i> Дополнение к сборнику А. Ф. Гильфердинга. (Былины И. А. Касьянова)	
<i>К. А. Копержинский.</i> Былины Восточной Сибири (новые записи)	231
<i>Н. П. Колпакова.</i> Новые записи былин на Печоре	251
<i>Б. М. Добровольский.</i> Новая запись былины в Горьковской области	272
<i>Л. В. Домановский.</i> Вологодский вариант былины о Василии Буслаеве. (Неопубликованная запись П. И. Саввантова)	277
<i>В. В. Митрофанова.</i> К вопросу о редакции былин старинных русских записей	286

Хроника

<i>Н. В. Новиков.</i> «Свод русского фольклора». (317). <i>Б. М. Добровольский.</i> О межобластном совещании в Свердловске по обсуждению «Свода русского фольклора». (325). <i>О. Б. Алексеева, Л. И. Емельянов.</i> Научная сессия, посвященная 70-летию А. М. Астаховой. (326). <i>Ашугош Бхоттачарджо.</i> Изучение фольклора в Бенгалии. (331).	
<i>М. О. Скрипиль.</i> Некролог	

Рецензии и библиография

<i>Т. М. Акимова.</i> Русская народная драма XVII—XX веков. (341). <i>В. Я. Пропп.</i> <i>В. И. Малышев.</i> Повесть о Сухане. (348). <i>В. Я. Пропп.</i> <i>Карл Стиф.</i> Очерки русской исторической песни. (350).	
<i>П. Н. Берков.</i> Материалы для библиографии литературы о русских народных (лубочных) картинках	353
<i>М. Я. Мельв.</i> Библиография авторефератов диссертаций по проблемам народного поэтического творчества (1956 год)	363

Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)
Академии наук СССР

*

Редактор Издательства *А. И. Соболева*
Технический редактор *Э. Ю. Блейх*
Корректоры *Н. Г. Гилинская,*
А. В. Кабишева и *Л. А. Петрова*

*

РИСО АН СССР № 30—99В. М-31589.
Подписано к печати 1 октября 1957 г.
Бумага 70×108¹/₁₆. Бум. л. 113³/₄.
Печ. л. 32,19. Уч.-изд. л. 30,15+3 вкл.
(0,26 уч.-изд. л.). Тираж 3500. Заказ № 199.
Цена 19 р. 30 к.

1-я типография Издательства АН СССР.
Ленинград, В-34. 9-я линия, д. 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
48	26 снизу	клетист	костист
93	1 сверху	„Уж как я	„Уж какая
93	7 „	Он кадильником	Он кадиличком
100	3 снизу	Шевцова (там же, 36)	Швецова (там же, 306)
123	21 „	силнее море	синее море
185	5 сверху	приехал	приехали
186	2 снизу	А. С. Малютина	А. И. Малютина
192	20 сверху	посен	песен
208	29—30 сверху	800 верст, и обратно	800 верст и обратно,
218	13 „	на сына работник	на сына не работник
264	14 снизу	серёдь	осерёд
294	16 „	благословения	благословения
295	25 сверху	ГИМ	ГБЛ
361	8 снизу	193	192
362	12 сверху	193	192
375	16 „		220
375	9 снизу	220	335

Русский фольклор, II.